STIFTUNG ZUR FÖRDERUNG UND ENTWICKLUNG DEUTSCH-RUSSISCHER BEZIEHUNGEN
„DEUTSCH-RUSSISCHES BEGEGNUNGSZENTRUM AN DER PETRIKIRCHE ST. PETERSBURG“
ФОНД ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ РУССКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ
«РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ЦЕНТР ВСТРЕЧ ПРИ ПЕТРИКИРХЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

MUSEUM FÜR KULTURGESCHICHTE DER RUSSLANDDEUTSCHEN
МУЗЕЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft

Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт

Ausstellungskatalog
Каталог выставки

St. Petersburg — Detmold
Санкт-Петербург — Детмольд
2014

1765 2015

250 Jahre Gründung deutscher Kolonien um Sankt Petersburg

250 лет возникновения немецких колоний под Санкт-Петербургом

Zusammenstellung und Redaktion:
Dr. hab. I. W. Tscherkasjanowa

Einleitungsartikel:
Dr. hab. I. W. Tscherkasjanowa
Dr. T. A. Schrader

Redaktionsleitung:
Dr. hab. I. A. Archiptschenko
I. P. Bijagowa
A. A. Nemkowa
Dr. L. N. Pusejkina
Dr. T. A. Schrader
Dr. hab. I. W. Tscherkasjanowa (Chefredakteurin)

Deutsche Siedler um St. Petersburg: Historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog =
Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: Каталог выставки. –
St. Petersburg, Detmold, 2014. – 380 S., ill.

Die vorliegende Veröffentlichung ist von der Stiftung zur Förderung und Entwicklung der deutsch-russischen Beziehungen „Deutsch-russisches Begegnungszentrum an der Petrikirche St. Petersburg“ in Zusammenarbeit mit dem „Museum für russlanddeutsche Kulturgeschichte“ in Detmold erstellt.

Layout und Gestaltung: O. V. Fedorenko, A. V. Silin
Übersetzung: L. Deeg, Dr. M. Koryshev, Dr. O. Pfau
Korrektur: K. Jabs

Umschlagbild: Schüler von Neu-Saratowka auf einem Ausflug in die Eremitage.
Leningrad, Beginn der 1930er Jahre. Aus dem Familienarchiv von S. A. Schmidt

ISBN 987-5-7452-0013-7

© I. W. Tscherkasjanowa (Zusammenstellung und Redaktion)
© I. W. Tscherkasjanowa, T. A. Schrader (Einleitungsartikel)
© Stiftung zur Förderung und Entwicklung der deutsch-russischen Beziehungen „Deutsch-russisches Begegnungszentrum an der Petrikirche St. Petersburg“

Редактор-составитель
д-р ист. наук И. В. Черказьянова

Авторы вступительной статьи:
д-р ист. наук И. В. Черказьянова
канд. ист. наук Т. А. Шрадер

Редколлегия:
д-р биол. наук И. А. Архипченко
И. П. Биягова
А. А. Немкова
канд. филол. наук Л. Н. Пузейкина
канд. ист. наук Т. А. Шрадер
д-р ист. наук И. В. Черказьянова (ред.)

Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: Каталог выставки =
Deutsche Siedler um St. Petersburg: historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog. –
Санкт-Петербург; Детмольд, 2014. – 380 с., ил.

Издание подготовлено Фондом поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга» в партнерстве с Музеем истории культуры российских немцев, г. Детмольд, Германия.

Художественное оформление: О. В. Федоренко, А. В. Силин
Перевод текстов на немецкий язык: Л. Деег, канд. филол. наук М. В. Корышев, д-р О. Пфау
Корректор: К. Ябс

На обложке: Новосаратовские школьники на экскурсии в Эрмитаже.
Ленинград, начало 1930-х годов. Из семейного архива С. А. Шмидта

@ И.В. Черказьянова, составление, редактирование
@ И.В. Черказьянова, Т.А. Шрадер, вступительная статья
@ Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений
«Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга»

ISBN 987-5-7452-0013-7

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort des Autors 6

1/ Erste deutsche Siedlungen um Petersburg 12

2/ Gründung von Siedlungen zu Beginn des XIX. Jahrhunderts im Küstengebiet des Finnischen Meerbusens 16

3/ Bildung von Tochterkolonien im XIX. – Anfang des XX. Jahrhunderts 20

4/ Einhundertjärige Jubiläen der ältesten Kolonien: neue Identität der Kolonisten 24

5/ Zweite Hälfte des XIX. – Anfang des XX. Jahrhunderts: Traditionen und Reformen 28

Traditionelle Beschäftigungen Alltag der Kolonisten 28
Deutsche Kolonien unter Verhältnissen der Marktbeziehungen..... 30
Der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf den Zustand der deutschen Kolonien 33

6/ Die Kirche und das geistliche Leben der Kolonisten..... 39

Kirchenbau in Kolonien und Gründung von lutherischen Gemeinden..... 39
Wohltätigkeitsorganisationen in den Kolonien..... 41
Beerdigungskassen und Friedhöfe 42
Kirche in der Sowjetunion 43

7/ Schule: Unterricht und Kindererziehung 49

8/ Im Dienste von Staat und Gesellschaft 55

Wehrpflicht und Militärdienst der Kolonisten..... 55
Freiwillige Feuerwehr..... 56

9/ Die deutsche Familie: Dialog der Generationen 60

10/ XX. Jahrhundert: Zwischen zwei Kriegen 64

Die deutsche Bevölkerung im Leningrader Gebiet in den 1920–1930-er Jahren 64
Sozialökonomische Änderungen in den ersten Jahren der Sowjetmacht..... 65
Gründung der Kolchosen und Entkulakisierung 66
Deutsche Kolchosen als Paradebeispiele des Sozialismus..... 67
Politische Repressalien der 1930er Jahre 69

11/ Das Schicksal der Kriegsgenerationen (1941–1955) 75

Die ersten Monate des Krieges und die deutsche Bevölkerung im Leningrader Gebiet 75
Deportierung der Deutschen in den ersten Monaten des Krieges 77
Deutsche Bevölkerung im Ring der Blockade und die Wiederaufnahme der Deportierung im Frühling 1942 77
Das Schicksal der Leningrader Deutschen in dem vom Feind besetzten Gebiet..... 79
Trudarmee (Arbeitsarmee) und Sondersiedlungen 81

12/ Die deutschen Kolonien nach dem Krieg: die Folgen der Vergangenheit, neue Hoffnungen 92

13/ In der Gegenwart: Bewahrung des Kulturerbes der Kolonisten 96

Bilder..... 102

Anhang. Die innere Ordnung der deutschen Kolonien um Petersburg betreffende Dokumente aus der „Vollständigen Sammlung der Gesetze des Russischen Kaiserreichs“ 358

Quellen- und Literaturverzeichnis 363

Abkürzungsverzeichnis..... 372

Dank für die Erteilung von Auskünften und für die Hilfe bei der Sammlung von Materialien 376

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя **9**

1/ Первые поселения немцев под Петербургом **14**

2/ Основание колоний в начале XIX в. на побережье Финского залива **18**

3/ Образование дочерних колоний в XIX – начале XX в. **22**

4/ 100-летие старейших поселений: новая идентичность колонистов **26**

5/ Вторая половина XIX – начало XX в.: традиции и реформы **33**

Традиционные занятия и быт колонистов *33*
Немецкие колонии в условиях рыночных отношений *35*
Влияние Первой мировой войны на состояние петербургских колоний *37*

6/ Церковь и духовная жизнь колонистов **44**

Строительство церквей в колониях и организация лютеранских приходов *44*
Благотворительные организации в колониях *45*
Похоронные кассы и кладбища *46*
Церковь в советские годы *47*

7/ Школа: обучение и воспитание детей **52**

8/ На службе у государства и общества **57**

Воинская повинность и служба колонистов в армии *57*
Добровольные пожарные дружины *58*

9/ Немецкая семья: диалог поколений **62**

10/ XX век: между двумя войнами **70**

Немецкое население Ленинградской области в 1920–1930-е годы *70*
Социально-экономические изменения первых лет советской власти *70*
Образование колхозов и раскулачивание *71*
Немецкие колхозы как парадная витрина социализма *73*
Политические репрессии 1930-х годов *74*

11/ Судьба военных поколений (1941–1955) **83**

Первые месяцы войны и немецкое население Ленинградской области *83*
Депортация немцев в первые месяцы войны *85*
Немецкое население в блокадном кольце и возобновление депортации весной 1942 г. *85*
Судьба ленинградских немцев на оккупированной территории *87*
Трудармия и спецпоселение *89*

12/ Немецкие колонии после войны: следы прошлого, новые надежды **94**

13/ Современность: сохранение культурного наследия колонистов **98**

Иллюстрации **102**

Приложение. окументы из «Полного собрания законов Российской империи», регулировавшие внутреннее устройство немецких колоний под Петербургом **360**

Использованные источники и литература **367**

Список сокращений **374**

Благодарности за предоставление и помощь в сборе материалов **377**

VORWORT DES AUTORS

Das Erscheinen des vorliegenden Werks ist mit dem 250. Jahrestag des Entstehens der ersten deutschen Kolonie um St. Petersburg verbunden. Das für das Jahr 2015 anstehende Jubiläum der Kolonie ist ein Aspekt der Feierlichkeiten für alle Deutschen, deren Vorfahren sich während der Herrschaft von Katharina II. in verschiedenen Teilen Russlands niederließen.

Die Reihe der mit der Übersiedlung der Kolonisten verbundenen Jubiläumsfeiern begann 2013, als der 250. Jahrestag des von Katharina II. erlassenen Manifests vom 22. Juli 1763 „Über die Bewilligung für alle nach Russland einreisenden Ausländer, sich in den von ihnen gewünschten Gouvernements anzusiedeln und über die ihnen gewährten Rechte" begangen wurde. Dieser Ukas legte den Grundstein für die massenhafte Übersiedlung ausländischer Bauern und Handwerker, von denen die meisten aus deutschen Fürstentümern kamen. Den ersten Zustrom von Übersiedlern lenkte man ins Saratower Gouvernement. 1764 entstand an der Wolga mit Dobrinka die erste deutsche Kolonie. An der Wolga bildete sich das größte zusammenhängende Siedlungsgebiet der Deutschen auf dem Territorium des heutigen Russlands, was auch dafür ursächlich war, dass hier in der Sowjetzeit die Autonome Republik der Wolgadeutschen (ASSR WD) gegründet wurde. Das Jubiläum der ältesten Wolga-Kolonien wird in diesem Jahr gefeiert.

1765 erhielten bereits in Oranienbaum angekommene Kolonisten eine spezielle Einladung der Kaiserin, sich im Umland von St. Petersburg niederzulassen. Am 27. August 1765 unterzeichneten die ersten 60 Familien entsprechende Verträge. Sie wurden am rechten Newa-Ufer, gegenüber Rybnaja Sloboda angesiedelt, womit die Kolonie Neu-Saratowka entstand. Am 6. August 1766 unterzeichneten die Siedler der Kolonie Srednaja Rogatka und der Kolonie Ischora (Kolpino) ihre Verträge. Unter Alexander I. entstanden die ersten sog. „Küstenkolonien" am Ufer des Finnischen Meerbusens. Die größte von ihnen war die Kolonie Strelna. Ab Ende der 1820er Jahre begann der Prozess der Bildung von Tochterkolonien auf angekauftem oder gepachtetem Land. Unter den ersten waren die Kolonien Graschdanka und Owzyno. Aussiedler aus den hauptstadtnahen Kolonien schufen Siedlungen bei Nowgorod, die größten von ihnen waren Nowonikolajewskaja und Alexandrowskaja. Anfang 1841 lebten in den Petersburger Kolonien 2714 Deutsche. Zu Beginn des 20. Jahrhunderts gab es um Petersburg bereits etwa 40 Kolonien. Die Ansiedler hatten eine führende Rolle in den wichtigsten Landwirtschaftssektoren des Gouvernements, beispielsweise im Kartoffelanbau.

Die Ereignisse des Ersten Weltkriegs und die einsetzende antideutsche Kampagne führten zu einem deutlichen Rückgang der Zahl der deutschen Bevölkerung in Petrograd und Umgebung: Sie schrumpfte von 46 931 Personen 1910 auf 11 167 im Jahre 1920. In der Zeit zwischen den Kriegen blühten die deutschen Wirtschaftsbetriebe wieder auf und erreichten hohe Resultate. Die erfolgreichsten waren die „Rote Fahne" und die Thälmann-Kolchose als erste „Millionärskolchosen" im Leningrader Gebiet.

Während des Zweiten Weltkriegs wurden die Russlanddeutschen erneut zu Geiseln des militärischen und politischen Konflikts zwischen Deutschland und der UdSSR. Zwischen Herbst 1941 und März 1942 wurden die Leningrader Deutschen nach Sibirien und Kasachstan deportiert. Der Preis der „Rettung" aus dem Blockadering war die Verschickung der Deutschen in die Arbeitslager der „Trudarmija", die sich hinsichtlich ihrer Lebens- und Arbeitsbedingungen wenig von deutschen Konzentrationslagern unterschieden. Aus den besetzten Arealen des Leningrader Gebiets wurden die Deutschen zunächst nach Deutschland gebracht, später aber in die UdSSR repatriiert und in Lager geschickt. In der Folge mussten ab 1948 alle Deutschen im Land dauerhaft an den Verbannungsorten bleiben. Das Regime der Sonderansiedlung bestand bis 1955. Offiziell durften sie erst ab 1972 in ihre angestammten Heimatorte zurückkehren. Gemäß der Volkszählung von 2002 lebten in Petersburg 3868 Deutsche und im Leningrader Gebiet 2372.

Im Verlauf der Kämpfe um Leningrad wurden die meisten Kolonien zerstört und die deutsche Bevölkerung auf Leningrader Boden faktisch ausgelöscht. Das unausgesprochene Verbot des „deutschen Themas" in der Nachkriegszeit führte dazu, dass die Tatsache des Lebens von Russlanddeutschen um Petersburg im öffentlichen Bewusstsein in Vergessenheit geriet. Doch das Land, wo die Deutschen einst lebten, bewahrte die Erinnerung. Noch immer stehen einzelne Häuser von Kolonisten, auch nicht alle ihrer Friedhöfe wurden zerstört. Ihre Vergangenheit wurde auch in zahlreichen, zum Teil sehr alten Archivdokumenten bewahrt. Verlässliche Überlieferungen gibt es auch aufgrund von Erinnerungen von Augenzeugen der Ereignisse sowie deren Nachkommen.

Die seit 1993 bestehende Stiftung zur Förderung und Entwicklung der deutsch-russischen Beziehungen „Deutsch-russisches Begegnungszentrum an der Petrikirche St. Petersburg" sieht eine ihrer Hauptaufgaben darin, die Geschichte der Petersburger deutschen Kolonisten maximal umfangreich und objektiv zu rekonstruieren und ihre Kultur und Sprache zu bewahren. Darauf sind viele Programme des Zentrums ausgerichtet. Diesem Ziel ist auch ein spezielles Projekt zum 250. Jubiläum der deutschen Kolonien gewidmet, das bis zum Jahr 2017 läuft. Im Rahmen dieses Projektes wurde die Ausstellung „Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft" mit einem begleitenden Katalog zusammengestellt.

Die Geschichte der Petersburger Kolonien in der Vorkriegszeit ist in den Arbeiten von E. W. Lebedewa und T. A. Schrader relativ umfassend untersucht worden. Umfangreiches Material zur Geschichte der Kolonien wurde von N. I. Iwanowa gesammelt und publiziert. Die sowjetische Periode ist bislang nur fragmentarisch vertreten. Den ersten Versuch, die Geschichte der Deutschen in den Jahren des Zweiten Weltkriegs zu rekonstruieren, unternahm I. W. Tscherkasjanowa. Die Ethnografie und Folklore der Kolonisten untersuchten L. E. Naiditsch und L. N. Pusejkina. Es gibt eine Reihe von heimatkundlichen Forschungen zu einzelnen Kolonien und zwar über Neu-Saratowka, Strelna, Graschdanka und Owzyno. Artikel über das Leben der Kolonisten erscheinen auch in der Presse. Eine systematische Darstellung der Geschichte der deutschen Kolonien vom Moment ihrer Gründung bis zum Frühjahr 1942 gibt es bis heute allerdings nicht.

Leider bleiben bislang auch die Biografien jener Kolonisten unberücksichtigt, die auf den Gebieten der Wirtschaft, Wissenschaft und Kultur zu bekannten Persönlichkeiten wurden. Herausgestellt wurden nur einige wenige Namen, doch sprechen sie bereits für den von den Kolonisten geleisteten Beitrag zum Gedeihen des Landes in diesen Sphären. Der aus Neu-Saratowka gebürtige Kaufmann Jakow Pahl gründete an der Schlüsselburger Landstraße eine Stoffdruck-Fabrik, die unter dem Namen Alexander-Newski-Manufaktur bekannt wurde und Russlands größte Textilfabrikation mit vollem Produktionszyklus darstellte. In Neu-Saratowka wurde der bekannte sowjetische Geologe und Paläontologe Friedrich Gottliebowitsch Lautenschläger (1910–1957) geboren. Alexander Nikolajewitsch Schmidt (1899–1955), Professor am Leningrader Konservatorium, stammte aus einer Strelnaer Kolonistenfamilie.

Mit dem vorliegenden Katalog und der Ausstellung versuchen wir, die Lücken in der Forschung zu schließen. Die Verwendung von allgemeingeschichtlichem und heimatkundlichem Material sowie von Familienchroniken erlaubt es, die Geschichte der Kolonien und der deutschen Bevölkerung umfassend wiederzugeben, wobei diese Geschichte auch nach der Deportation weiterging – wenn auch in anderen Landesteilen. Der Ausstellung und dem Katalog liegen Dokumente, Fotografien, Karten und Pläne sowie Informationen zugrunde, die in Archiven, Museen und Bibliotheken in Russland wie in Deutschland gefunden wurden. Ein wesentlicher Teil der Fotografien wurde von Nachkommen Petersburger Kolonisten zur Verfügung gestellt.

Der Katalog besteht aus zwei Hauptteilen, dem einleitenden Artikel und dem Illustrationsmaterial. Die Unterteilung des Artikels wie auch die Anordnung der Illustrationen orientiert sich an den Benennungen der Schautafeln der Ausstellung und folgt einem thematisch-chronologischen Prinzip. Die Teile unterscheiden sich allerdings im Informationsumfang und der Zahl der Illustra-

tionen. Bei allen Bemühungen, in der Präsentation des Materials ein Gleichgewicht zu wahren, lässt sich doch nicht die Tatsache ignorieren, dass die frühe Geschichte weniger gut dokumentiert ist. So gibt es nur zwei Zeichnungen, die Petersburger Kolonisten zeigen; sie stammen aus der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Bis zum Erscheinen der Fotografie vermitteln allein derartige Darstellungen die wesentlichen Informationen über die Epochen, die Menschen, ihre Kleidung und ihre Tätigkeiten.

Die Darstellung der Wohnverhältnisse selbst der ersten Kolonisten erwies sich als bedeutend einfacher, da die Häuser der ersten Ansiedler im Staatsauftrag geplant und gebaut wurden. In Petersburger Archiven sind verschiedenste Projekte derartiger Häuser erhalten geblieben. Fotografische Sujets vom Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts ergänzen unsere Vorstellungen über die Kolonie-Architektur. Kartografisches Material erlaubte nicht nur, die Lage der Kolonien zu bestimmen, sondern immer wieder auch die planerische Konzeption der Kolonien selbst nachzuvollziehen. Als Beispiele seien die Pläne der Kolonien Friedenthal und Neu-Pargolowo genannt.

Als am umfangreichsten erwies sich das gesammelte Material zu den Themenbereichen Kirche und Familie. Dies liegt in der wichtigen Rolle begründet, die Religion und Kirche sowie das Institut der Familie bei den Kolonisten spielten. Das Kirchengebäude war für die Gemeindemitglieder ein besonders gehegtes Objekt, das immer wieder repariert, umgebaut oder auch durch Neubauten ersetzt wurde. Die Pastoren führten nicht nur die Kirchenbücher und stellten die wesentlichen Dokumente (Geburts-, Tauf-, Konfirmations- und Heiratsurkunden) aus, sie führten auch Chroniken, in denen die wichtigsten Ereignisse der Gemeinde vermerkt wurden. Das äußere Erscheinungsbild der Kirchen wird anhand von Gebäudeplänen, Fotografien und Postkarten anschaulich. Auch gibt es Fotografien einiger Pastoren mit ihren Gemeindemitgliedern. Die ausgestellten Kirchendokumente, Fotos von Hochzeitsfeiern, Kindern und Eltern wurden in jeder Familie sorgsam aufbewahrt.

Ein umfangreicher Materialkomplex ergab sich zur Geschichte der Kolchosgründungen der Vorkriegszeit, besonders zur Teilnahme der deutschen Kolchose an der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung. Die Paradeseite des sowjetischen Lebens, die zu Propagandazwecken die Überlegenheit des Sozialismus über den Kapitalismus demonstrieren sollte, ist dabei breit vertreten.

Weitaus schwieriger war es, die negativen, vor der breiten Öffentlichkeit verheimlichten Umstände wie die Entkulakisierung oder die politische Repression darzustellen. In diesem Abschnitt wurden familiäre Erbstücke der Kolonisten-Nachkommen sowie Kopien von Ermittlungsdokumenten und Rehabilitationsbescheinigungen verwendet.

Am wenigsten untersucht bleibt das Thema der Teilnahme von Deutschen an den Kampfhandlungen beider Weltkriege sowie des Nachkriegsschicksals der deutschen Kolchose. Das Vorhandensein einer großen Anzahl von Fotos von Kolonisten in Militäruniform verhalf nicht zu einer Aufklärung dieses Themas, da die Besitzer der Bilder manchmal selbst einfache Fragen nach dem Ort und dem Zeitpunkt der Aufnahmen nicht beantworten konnten und auch keine biografischen Basisangaben zu den dargestellten Personen machen konnten.

Die Wanderausstellung verfügt leider nur über eine begrenzte Ausstellungsfläche. Bisweilen mussten auf einer Schautafel schicksalsträchtige Ereignisse mit großen Zeitabständen dargestellt werden, wobei nur ein knappes Dutzend Dokumente und Fotografien verwendet werden konnte. Deshalb ist die Materialdarstellung im Katalog gegenüber der Ausstellung deutlich umfangreicher. Während die Ausstellung typische Phänomene darstellt und die allgemeine Entwicklung der Kolonien verdeutlicht, bringt der Katalog dem Leser die Geschichte einzelner Kolonien, Familien und Menschen nahe.

Der Anhang des Katalogs mit einer Literaturliste und einer Aufstellung von staatlichen Dokumenten zu den Petersburger Kolonisten erlaubt dem interessierten Leser, seine Kenntnisse zum Thema selbstständig zu erweitern. Eine besondere emotionale Last trägt der Abschnitt mit den Danksagungen. Hier sind die Namen von Nachkommen der Kolonisten und vom Thema begeisterter Enthusiasten aufgeführt, die bei der Suche und Sammlung der Materialien uneigennützige Hilfe leisteten. Mit der Unterstützung dieser engagierten Menschen gelang es, einmalige Aufnahmen und Dokumente zu erhalten, die man unmöglich in Archiven und Museen finden kann.

Ein aufrichtiger Dank gilt unseren Freunden unter den Archiv- und Bibliotheksmitarbeitern, die die unvermeidlichen bürokratischen Prozeduren beim Kopieren von Dokumenten beschleunigten. О переводчиках

Besondere Worte des Dankes richten wir an die Leitung und die Mitarbeiter des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums, die mehrfach Besuche und Fototermine in den ehemaligen deutschen Kolonien möglich machten und organisatorische Aufgaben während der Vorbereitungsphase des vorliegenden Projektes auf sich nahmen.

Der vorliegende Katalog und die Ausstellung wurden im Rahmen des Programmes „Kultur und Geschichte der Russlanddeutschen. Unterstützung von Projekten im Kultur- und Bildungsbereich“ des Beauftragten der deutschen Bundesregierung für Kultur und Medien in Zusammenarbeit mit dem „Museum für russlanddeutsche Kulturgeschichte“ in Detmold (Deutschland) erstellt.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Выход настоящего издания приурочен к 250-летию появления первых немецких колоний под Петербургом. Юбилей колоний, который будет отмечаться в 2015 г., является частью праздничных мероприятий всех немцев, появившихся в различных регионах России в царствование Екатерины II.

Череда юбилеев, связанных с переселением колонистов, началась в 2013 г. – отмечалось 250-летие манифеста Екатерины II, изданного 22 июля 1763 г., «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Указ положил начало массовому переселению иностранных крестьян и ремесленников, среди которых преобладали выходцы из германских княжеств. Первые потоки переселенцев отправляли в Саратовскую губернию. В 1764 г. на Волге появилась первая немецкая колония в России – Добринка. В Поволжье возникло самое большое компактное поселение немцев на территории современной России, что во многом предопределило создание здесь в советские годы Автономной Республики немцев Поволжья (АССР НП). Юбилеи старейших поволжских колоний отмечаются в текущем году.

В 1765 г. уже прибывшим в Ораниенбаум колонистам было объявлено особое приглашение императрицы поселиться под Петербургом. 27 августа 1765 г. первые 60 семей подписали контракт. Их разместили на правом берегу Невы, напротив Рыбной слободы, так была основана Новосаратовская колония. 6 августа 1766 г. заключили контракты поселенцы Среднерогатской и Ижорской (Колпинской) колоний. При Александре I возникли так называемые «приморские» колонии на побережье Финского залива. Крупнейшей из них была Стрельнинская колония. С конца 1820-х годов начался активный процесс формирования дочерних колоний на купленных или арендованный землях. В числе первых появились колонии Гражданка и Овцыно. Выходцы из подстоличных колоний основали поселения под Новгородом, крупнейшими были Новониколаевская и Александровская. К началу 1841 г. в петербургских колониях числилось 2714 немцев. К началу XX в. под Петербургом было уже около 40 колоний. Поселенцы занимали лидирующее положение в основных отраслях сельского хозяйства губернии, например, в выращивании картофеля.

События Первой мировой войны, развернувшаяся антинемецкая кампания привели к значительному сокращению численности немецкого населения в Петрограде и его окрестностях: с 46 931 человека в 1910 г. до 11 167 человек в 1920 г. В межвоенный период немецкие хозяйства снова поднялись и достигли высоких результатов. Самыми успешными были первые в Ленинградской области колхозы-миллионеры «Роте Фане» и колхоз им. Тельмана.

В период Великой Отечественной войны российские немцы в очередной раз стали заложниками военно-политического противостояния Германии и СССР. Осенью 1941 г. – в марте 1942 г. ленинградские немцы были депортированы в Сибирь и Казахстан. Ценой «спасения» из блокадного кольца стала отправка немцев в трудовые лагеря (трудармию), которые по условиям работы и жизни мало чем отличались от концлагерей Германии. С оккупированных территорий Ленинградской области немцы были сначала вывезены в Германию, а затем репатриированы в СССР и направлены в лагеря. Вслед за этим, в 1948 г. все немцы страны были навечно оставлены в местах выселения. Режим спецпоселения просуществовал до конца 1955 г. Официально они могли возвращаться в свои родные места лишь с 1972 г. По переписи 2002 г., в Петербурге проживало 3868 немцев, в Ленинградской области – 2372.

В ходе боев за Ленинград большинство колоний были разрушены, а немецкое население на ленинградской земле практически исчезло. Послевоенный негласный запрет на «немецкую тему» привел к забвению в общественном сознании самого факта проживания под Петербургом российских немцев. Однако память хранит земля, где некогда жили немцы. Стоят еще отдельные дома колонистов, не до конца уничтожены их кладбища. Память хранится в многочисленных архивных документах, часто достаточно древних. Прошлое надежно хранится и в памяти очевидцев событий и их потомков.

Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга», действующий с 1993 г., одной из своих главных задач видит в том, чтобы максимально полно и объективно восстановить историю петербургских немцев-колонистов, сохранить их культуру и язык. На это нацелены многие программы Центра, этому посвящен специальный проект, посвященный 250-летию немецких колоний, рассчитанный до 2017 г. В рамках названного проекта были подготовлены выставка «Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт» и сопроводительный каталог.

История петербургских колоний дореволюционного периода сравнительно полно изучена в работах Е. В. Лебедевой, Т. А. Шрадер. Значительный материал по истории колоний собран и опубликован Н. И. Ивановой. Советский период представлен пока фрагментарно. Первую попытку реконструиро-

вать историю немцев в годы Великой Отечественной войны предприняла И. В. Черказьянова. Этнографию и фольклор колонистов изучали Л. Э. Найдич и Л. Н. Пузейкина. Имеется ряд краеведческих исследований об отдельных колониях – Новосаратовке, Стрельне, Гражданке, Овцыно. Сюжеты о жизни колонистов появляются и в периодической печати. Однако систематического изложения истории немецких колоний с момента их появления и до весны 1942 г. до сих пор нет.

К сожалению, в стороне остаются и биографии тех колонистов, которые стали известными деятелями в области экономики, науки и культуры. Выявлено лишь несколько имен, но и они уже говорят о вкладе колонистов в эти сферы жизни страны. Выходец из Новосаратовки, купец Яков Паль основал на Шлиссельбургском тракте ситцепечатную фабрику, которая стала знаменитой под названием Александро-Невской мануфактуры и была крупнейшим в России текстильным производством полного цикла. В Новосаратовке родился известный советский геолог и палеонтолог Фридрих Готлибович Лаутеншлегер (1910–1957). Профессор Ленинградской консерватории Александр Николаевич Шмидт (1899–1955) был из семьи стрельнинских колонистов.

Настоящим каталогом и выставкой мы пытаемся заполнить пробелы в исследованиях. Использование общеисторического и краеведческого материала, а также семейных хроник позволяет в целом воспроизвести историю колоний и историю немецкого населения, которая продолжалась и после депортации, но на других территориях страны. В основе выставки и каталога лежат документы, фотографии, карты и планы, справочные сведения, выявленные в архивах, музеях и библиотеках России и Германии. Значительную часть фотографий предоставили потомки петербургских колонистов.

Каталог состоит из двух основных частей – вступительной статьи и иллюстративного материала. Разделы статьи и расположение иллюстраций повторяют названия стендов выставки и выстроены по тематико-хронологическому принципу. По объему информации и количеству иллюстраций разделы отличаются. При всем нашем желании сохранить равновесие в подаче материала, нельзя игнорировать тот факт, что ранняя история меньше документирована. Так, существует лишь два рисунка, изображающих петербургских колонистов, они относятся к первой половине XIX в. До появления фотографии именно подобные изображения доносили основную информацию о времени, людях, их одежде и занятиях.

Показать жилье даже самых первых колонистов оказалось значительно проще в силу того, что дома будущих поселенцев проектировались и строились по инициативе государства. В архивах Петербурга сохранилось немало различных проектов домов. Сюжетные фотографии, сделанные в конце XIX – начале XX в., дополняют наши представления о колонистской архитектуре. Картографический материал позволил не только определить местоположение колоний, но и нередко помог проследить планировку самих колоний. Примером могут служить планы колоний Фриденталь и Новопарголовской.

Самыми насыщенными по количеству собранного материала стали разделы о церкви и семье. Это вполне объясняется той важной ролью, которую играли религия и церковь и институт семьи у колонистов. Здание кирхи было предметом особой заботы прихожан, его ремонтировали, перестраивали, возводили новые здания. Пасторы не только хранили метрические книги, выдавали основополагающие документы (выписки о рождении, крещении, конфирмации и заключении брака), но и составляли хроники, в которые вносились важнейшие события прихода. О внешнем виде церквей можно судить по проектам зданий, фотографиям и почтовым открыткам. Имеются фотографии некоторых пасторов с прихожанами. Выданные церковью документы, фотографии свадебных торжеств, детей и родителей бережно хранились в каждой семье.

Большой комплекс сформировался по истории довоенного колхозного строительства, особенно об участии немецких колхозов во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Парадная сторона советской жизни, которая использовалась в пропагандистских целях для доказательства преимуществ социализма перед капитализмом, представлена широко. Сложнее было отразить негативные, скрытые от широкой общественности факты, такие как раскулачивание, политические репрессии. В этом разделе использованы семейные реликвии потомков колонистов, копии документов из следственных дел, свидетельства о реабилитации.

Наименее изученными остаются темы участия немцев в боевых действиях двух мировых войн, послевоенной судьбы немецких колхозов. Наличие большого количества снимков колонистов в военной форме не помогало раскрыть тему, т.к. владельцы фотографий порой не могли ответить на простые вопросы о времени и месте съемки, даже сообщить общие биографические сведения изображенных людей.

Передвижная выставка, к сожалению, имеет ограниченную экспозиционную площадь. Порой на одном стенде надо было показать судьбоносные события в большом временном отрезке, используя всего лишь десяток документов и фотографий. Поэтому в каталоге значительно расширен изобразительный ряд по сравнению с выставкой. Если выставка показывает типичные явления, объясняет общий ход развития колоний, то каталог приближает читателя к истории отдельных колоний, семей и людей.

Приложения в каталоге – список литературы, перечень правительственных документов о петербургских колонистах, дают возможность заинтересованному читателю самостоятельно расширить знания по теме. Особую эмоциональную нагрузку несет небольшой раздел «Благодарности». Здесь перечислены имена потомков колонистов, энтузиастов темы, которые оказали бескорыстную помощь в выявлении и сборе материалов. С помощью этих неравнодушных людей удалось получить уникальные снимки и документы, которых не найти в архивах и музеях.

Искреннюю признательность выражаем нашим друзьям, сотрудникам архивов и библиотек, которые ускоряли прохождение неизбежных бюрократических процедур при копировании документов.

Особые слова благодарности адресуем руководству и сотрудникам Русско-немецкого Центра встреч, которые обеспечивали неоднократные поездки и фотосъемку в бывших немецких колониях, брали на себя организационные задачи в период подготовки настоящего проекта.

Настоящий каталог и выставка подготовлены в рамках программы поддержки Уполномоченного Федерального правительства Германии по культуре и средствам массовой информации «Культура и история российских немцев. Поддержка проектов в сфере культуры и просвещения» в партнерстве с Музеем истории культуры российских немцев, г. Детмольд, Германия.

1/ ERSTE DEUTSCHE SIEDLUNGEN UM PETERSBURG

Den Anstoß zur Massenauswanderung der Deutschen nach Russland gab das Manifest von Katharina II. vom 22. Juli 1763 „Über die Erlaubnis für alle Ausländer, die nach Russland einwandern, sich in jeweils dem Gouvernement niederzulassen, das ihrer Wahl entspricht und über die ihnen gewährten Rechte“ (das sogenannte Einladungsmanifest). Die von Katharina getroffenen Maßnahmen zur Nutzbarmachung der wenig bevölkerten Randgebiete des russischen Kaiserreichs gingen im Gleichschritt mit der gesamteuropäischen Politik, die auf die Zuziehung der Ausländer orientiert war mit dem Ziel, die eigenen Staaten zu stärken. Als wichtigster Faktor der erfolgreichen Wirtschaft galt der Zuwachs der Bevölkerung, häufiger aber die einfache automatische Zunahme der Bevölkerungszahl dank der Anwerbung der Menschen aus anderen Ländern. Indem die Regierung die Ausländer einlud, setzte sie ihre Hoffnung auf die Entwicklung der Landwirtschaft und die mit der Landwirtschaft verbundenen Gewerbebranchen. Ebendeshalb sah man die nach Russland anzuwerbende Hauptarbeitskraft in den Bauern, die vom Siebenjährigen Krieg ruiniert worden waren.

Das Manifest von 1763 gewährte große Privilegien allen, die den Wunsch äußerten, nach Russland auszuwandern. Vor allem waren das Religionsfreiheit, die Möglichkeit, die eigenen Kirchen zu bauen und Pastoren zu unterhalten, Befreiung vom Militärdienst, die Zuweisung großer Grundstücke, Vorteile bei der Auszahlung von Schulden und Steuern. Die angebotenen Privilegien erwiesen sich als entscheidender Faktor für viele Tausende von Kolonisten bei der Auswanderung nach Russland. Wenn auch der Erlass aus dem Jahr 1763 alle Ausländer willkommen hieß, fand er besonders Resonanz unter den Einwohnern der deutschen Fürstentümer.

Die in verschiedenen Gebieten angeworbenen Bauern und Handwerker wurden nach Lübeck angewiesen, das ab Ende September 1763 zum Zentrum der Beförderung der Kolonisten nach Russland wurde. Die Kolonisten kamen per Schiff nach Kronstadt und wurden später in einem Durchgangslager in Oranienbaum untergebracht.

Hier hat man sie überzeugt, sich an einem oder anderen Ort niederzulassen, es wur-

den Listen zusammengestellt, alle wurden in Gruppen eingeteilt und zum jeweiligen Ort der Niederlassung befördert. Auf diese Weise erfolgte für die meisten Aussiedler die erste Begegnung mit Russland auf dem Land von Petersburg.

Die ersten Kolonistenströme waren ins Wolgagebiet angewiesen. Das Petersburger Gouvernement war in das dem Manifest von 1763 beigelegte „Register der nicht bevölkerten und zur Ansiedlung passenden Gebiete" nicht eingeschlossen.

Deswegen brauchte man, um die Niederlassungen bei Petersburg zu gründen, die allerhöchste Genehmigung, die im Jahre 1765 erteilt wurde. Den Deutschen, die auf das Abtransportieren nach Saratow warteten, wurde vorgeschlagen, einen Vertrag über die Niederlassung bei der Hauptstadt abzuschließen. Am 27. August 1765 haben 60 Aussiedlerfamilien aus Brandenburg und Württemberg den ersten Vertrag in Oranienbaum unterzeichnet. Sie wurden auf Domänenländereien auf dem rechten Ufer der Newa, der Fischervorstadt Rybnaja Sloboda gegenüber, angesiedelt. Mit der Projektierung und dem Bau der neuen Niederlassung wurde Architekt A. I. Melnikow beauftragt. Diese Niederlassung bekam den Namen Neu-Saratowka. Das war die größte deutsche Kolonie bei Petersburg, die Haushaltsausgaben für ihre Organisation beliefen sich auf über 78 297 Rubel.

Zu den ältesten Kolonien gehören Srednaja Rogatka und Kolonie Ischorskaja (Kolpinskaja), die 1766 auf dem Boden des Palastgutes in Zarskoje Selo gegründet waren. Laut Verträgen vom 6. August 1766 siedelten sich in der ersten 22 Familien (1798 kamen noch 4 Familien dazu) und in der anderen 28 Familien an. Die Kolonie Srednaja Rogatka entstand an der Kreuzung der Wege von Petersburg nach Moskau und von Petersburg zum Zarenackerhof, „bei der Perspektive Zarskoselskaja am Schloss der mittleren Sperren (Rogatka)", wie es im Erlass steht. Den Bau dieser beiden Kolonien leitete Ingenieur I. F. von Lilienthal. Die Kolonie Ischora bestand aus zwei Dörfern, dem Oberen und dem Unteren Dorf. Sie entstand an dem so genannten Tschernyschewski Ödland am Fluss Ischora neben dem „Weg der Moskauer Perspektive". Für die Einrichtung der Kolonisten in Ischora (Häuserbau, Versorgung mit Ausrüstungsgegenständen und Saatgut, Bodenreinigung und Roden) wurden über 25 234 Rubel ausgegeben.

Am 19. November 1766 wurde der Vertrag mit Einwanderern aus der Pfalz unterzeichnet, die über Reval eingewandert und deren Mitglieder katholisch waren. 1767 wurden 92 Familien bei Jamburg am Fluss Luga angesiedelt. Die neuen Kolonien Lutzkaja, Porchowskaja und Frankfurtskaja waren 1,5–2 Werst von Jamburg entfernt. In Unterlagen wurden diese drei Niederlassungen als nur eine Jamburger Kolonie bezeichnet. Der ihnen angewiesene Boden passte kaum für den Ackerbau, manche Grundstücke taugten noch nicht einmal als Weiden, worüber sich die Kolonisten mehrmals beschwerten. Aus diesen Gründen konnten sie Ihre Schulden und Zinsen an die Staatskasse nicht bestreiten und ihre Wirtschaft geriet in Verfall. Auf einigen benutzerfreundlichen Grundstücken brachten sie eine gute Ernte an Roggen und Hafer ein, säten etwas Weizen und Gerste. Der Kartoffelanbau brachte kaum etwas ein, weil auch die Einwohner der naheliegenden Niederlassungen und die Einwohner von Jamburg Kartoffeln anbauten. Die Viehzucht in diesen Kolonien war mehr verbreitet als in den anderen. Erträge bekamen sie vom Brot- und Butterverkauf in Narva. Im Winter verdienten viele etwas durch ihr Gewerbe dazu, indem sie Barchent für die Tuchweberei in Jamburg herstellten. Die Herstellung von Holzkohle für den Verkauf führte zu fast vollkommener Abholzung um die Kolonien herum. Um die Lage zu retten, hat man 1793 45 Familien (272 Kolonisten) ins Gouvernement Jekaterinoslaw umgesiedelt. 1797 blieben in den Kolonien Porchowskaja und Frankfurtskaja nur vier Bauernhöfe, in der Kolonie Lutzkaja 10 Bauernhöfe, in denen insgesamt 144 Menschen lebten. 1848 zogen noch 37 Familien ins Gouvernement Jekaterinoslaw um. Im Jahr 1849 blieben hier nur 28 Familien (252 Menschen). Bei Jekaterinoslaw gründeten sie eine neue Kolonie unter demselben Namen Jamburg, bei Mariupol – Neu-Jamburg.

Laut Verträgen bekamen die Kolonisten in Neu-Saratowka und Jamburg je 35 Desjatinen und die in den Kolonien Ishorskaja und Srednaja Rogatka je 30 Desjatinen Ackerboden. Die Grundstücke bekamen sie zur ewigen Nutzung, man durfte sie auch vermachen, verboten war aber die Parzellierung der Grundstücke. Der Fiskus versorgte jede Familie mit einem Haus und Wirtschaftsbauten, für die ursprüngliche Anschaffung wurde eine unentgeltliche Zuwendung ausgezahlt (je 300 Rubel in Kolonien Neu-Saratowka und Jamburg und je 150 Rubel in den Kolonien Srednaja Rogatka und Ischora). Die Kolonisten waren von der Rekrutierung, militärischer Einquartierung und allen Landesverpflichtungen befreit, sie mussten nur Bodenabgaben zahlen. In Wirklichkeit aber wurden die Vertragsbedingungen von beiden Seiten nicht eingehalten: Die Größe der zugewiesenen Parzellen war viel kleiner als versprochen, die Kolonisten konnten ihrerseits ihr Versprechen nicht erfüllen, die Schulden innerhalb des vorgeschriebenen Zeitraums zurückzuzahlen.

Zu Beginn des XIX. Jahrhunderts lebten im Gouvernement Petersburg 874 deutsche Kolonisten in vier Kolonien. In den vergangenen Jahrzehnten hatten die Kolonisten keine erfolgreiche Entwicklung erreichen können. Tatkräftige Maßnahmen wurden zur Zeit der Regierung von Pawel I. ergriffen. Im Jahre 1797 wurde eine Revision unternommen mit dem Zweck, die Bedürfnisse der Kolonisten aufzuklären. Außerdem wurden ihnen auch Grundstücke in dem früher versprochenen Umfang zugeteilt. Im Jahre 1803 war die „Vorschrift zur Hausordnung und Verwaltung in Sankt-Peters-

burger Kolonien“ akzeptiert, die alle Seiten ihres Lebens und ihre Wirtschaftsbeziehungen ausführlich analysierte.

Das wichtigste Gesetz im Leben der Kolonisten war Gehorsam der Kirche und ihren Glaubenssätzen gegenüber. Sie waren verpflichtet, Pastor und Schulmeister zu unterhalten. In jeder Kolonie war eine Landkammer gegründet, der Schulze und zwei Helfer wurden gewählt. Für den Unterhalt des Dorfschulzen hatten die Kolonisten aufzukommen. Zur Verwahrung von Dokumenten bestimmte man einen Sonderraum. Zu den Pflichten des Dorfschulzen gehörte Folgendes: Die Kolonisten von den im Reich erlassenen Gesetzen in Kenntnis zu setzen, auf das Betragen der Einwohner der Kolonie zu achten, die Entstehung von Epidemien und Viehsterben zu verhindern und so weiter. Gerichtsverhandlungen, die der Dorfschulze und die Gewählten durchführten, fanden direkt in den Siedlungen statt. Fälle von Diebstahl, Prügelei oder Kriminalverbrechen untersuchte der Kolonieaufseher oder der Lokalrichter. Der Dorfschulze und die Gewählten achteten auf den Zustand der Wege und der Brücken, für deren unversehrten Zustand die Kolonisten bestimmte Geldsummen bezahlten. Der Dorfschulze und die Gewählten hatten auch unnötige Ausgaben der Kolonisten für ungebührliches Verhalten (Kartenspiel, Trunksucht und ähnliches) zu unterbinden. Die Vorschriften verordneten, für Waisen und kränkliche und schwache Alte zu sorgen und den Müßiggang zu unterbinden. Die Sonderartikel sahen die Organisation der Dorfpolizei, die Überwachung des Feuerschutzes und die Einführung der Geldstrafen für verschiedene Vergehen vor.

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ

Начало массовому переселению немцев в Россию положил манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Предпринятые Екатериной мероприятия по освоению малозаселенных окраин Российской империи шли в ногу с общеевропейской политикой, направленной на привлечение иностранцев для усиления собственных государств. Основным фактором успешности экономики считался прирост населения, чаще просто механическое увеличение численности за счет привлечения людей из других стран. Приглашая иностранцев, российское правительство делало ставку на развитие в стране земледелия и ремесел, связанных с сельским хозяйством. Именно поэтому основную рабочую силу, которую следовало привлекать в Россию, видели в крестьянах, разоренных Семилетней войной.

Манифест 1763 г. даровал большие привилегии для всех, кто пожелает приехать в Россию. Это были, в первую очередь, свобода вероисповедания, возможность строить свои церкви и содержать пасторов, освобождение от воинской повинности, выделение больших земельных участков, льготы по выплате долгов и налогов. Предложенные условия и стали решающим фактором для переселения в Россию многих тысяч колонистов. Хотя указом 1763 года приглашались все иностранцы, наибольший отклик он нашел среди жителей германских княжеств.

Завербованных в различных землях крестьян и ремесленников направляли в Любек, который с конца сентября 1763 г. стал центром отправки колонистов в Россию. На кораблях переселенцы прибывали в Кронштадт, а затем их размещали во временном лагере в Ораниенбауме. Здесь колонистов агитировали поселяться в том или ином месте, составляли списки, распределяли на группы и отправляли к месту поселения. Таким образом, для подавляющего большинства переселенцев первая встреча с Россией происходила на петербургской земле.

Первые потоки колонистов направляли в Поволжье. Петербургская губерния не была включена в «Реестр, находящимся в России свободным и удобным к населению землям», который прилагался к манифесту 1763 года. Поэтому для поселения под Петербургом потребовалось особое высочайшее дозволение, объявленное в 1765 г. Немцам, ожидавшим отправление в Саратов, было предложено заключить контракт о поселении около столицы. 27 августа 1765 г. 60 семей выходцев из Бранденбурга и Вюртемберга подписали в Ораниенбауме первый контракт. Их поселили на государственных землях на правом берегу Невы, напротив Рыбной слободы. Проектированием и строительством нового поселения руководили архитектор А. И. Мельников. Оно получило название Новосаратовка. Это была самая большая немецкая колония под Петербургом, государственные расходы на ее организацию составили более 78 297 руб.

К старейшим колониям относятся Среднерогатская и Ижорская (Колпинская) колонии, основанные в 1766 г. на землях Царскосельского дворцового имения. Согласно контрактам от 6 августа 1766 г. в первой из них обосновались 22 семьи (в 1798 г. подселили еще 4 семьи), в другой – 28. Среднерогатская колония возникла на пересечении дорог из Петербурга в Москву и из Петербурга в Царскую мызу, как сказано в указе, «при Царскосельской перспективе близ Дворца средних рогаток». Строительством этих двух колоний занимался инженер И. Ф. фон Лилиенталь. Ижорская колония состояла из двух деревень, Верхней и Нижней. Она возникла на так называемой Чернышевской пустоши при реке Ижора «близ Московской перспективной дороги». На обустройство ижорских колонистов (постройку домов, снабжение инвентарем и семенами, расчистку земель) было потрачено более 25 234 руб.

19 ноября 1766 г. был подписан контракт с группой переселенцев-католиков из Пфальца, прибывших через Ревель. В 1767 г. 92 семьи поселили под Ямбургом, на реке Луге. Новые колонии Луцкая, Порховская и Франкфуртская находились от Ямбурга на расстоянии полутора – двух верст. В документах три поселения значились как одна Ямбургская колония. Выделенная земля плохо подходила для земледелия, а некоторая не годилась даже для выпаса скота, на что колонисты неоднократно жаловались, поэтому они не могли выплачивать долги и подати в казну, а их хозяйства приходили в упадок. На небольших участках удобной земли выращивали рожь, овес, сеяли немного пшеницы и ячменя. Выращивание картофеля не приносило доходов, т.к. в ближайших поселениях и в самом Ямбурге жители тоже разводили картофель. Животноводство в этих колониях было больше распространено, чем в других колониях. Доходы получали от продажи хлеба и масла в Нарве. В зимнее время многие подрабатывали ремеслом – изготавливали бумазею для Ямбургской суконной фабрики. Изготовление древесного угля на продажу привело к почти полному истреблению леса вокруг колоний. Чтобы спасти положение, в 1793 г. из этих колоний отселили 45 семей (272 колониста) в Екатеринославскую губернию. В 1797 г. в Порховской и Франкфуртской колониях оставалось всего четыре двора, в Луцкой – 10 дворов, всего в них проживало 144 чел. В 1847 г. вновь 37 семьи выехало в Екатеринославскую губернию. В 1849 г. оставалось 28 семей (252 чел.). Близ Екатеринослава они основали новую колонию с тем же названием – Ямбург, а под Мариуполем – Новый Ямбург.

Согласно контрактам, новосаратовские и ямбургские колонисты получали по 35 десятин земли, а ижорские и среднерогатские – по 30. Земля давалась в вечное пользование, могла передаваться по наследству, но дробление наделов запрещалось. Казна обеспечивала каждую семью домом и хозяйственными постройками, на первоначальное обзаведение выдавалось безвозвратное пособие (300 руб. в Новосаратовской и Ямбургской колониях и по 150 руб. в Среднерогатской и Ижорской). Колонисты освобождались от рекрутского набора, воинского постоя и всех земских повинностей, платили только поземельную подать. Однако на деле условия контрактов не были выполнены с обеих сторон: размеры отведенных земель оказались меньше обещанных, а колонисты не могли выполнять свои обещания по уплате долгов в обозначенные сроки.

К началу XIX в. в Петербургской губернии в четырех колониях проживало 874 немецких колониста. За прошедшие десятилетия колонисты не смогли добиться успешного развития. Активные меры по улучшению положения колонистов были предприняты в период правления Павла I. В 1797 г. была проведена ревизия колоний для выяснения их нужд, была прирезана земля в обещанных размерах. В 1803 г. была принята «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях», которая детально рассматривала все стороны их жизни, хозяйственные отношения.

Главным законом жизни колонистов было повиновение церкви и ее законам. Колонисты должны были содержать пастора и шульмейстеров. В каждой колонии учреждался приказ, избирались шульц и два помощника. Содержание старосты ложилось на плечи колонистов. Для хранения документов сельского приказа и денег определялось особое помещение. В обязанности старосты входило доводить до сведения колонистов все издаваемые в империи законы, следить за поведением жителей поселка, предупреждать возникновение эпидемий, падежа скота и пр. Судебные разбирательства, которые проводили староста и выборные, проходили прямо в поселках. Случаи воровства, побоев, уголовных преступлений разбирал смотритель за колониями или местный судья. Староста и выборные следили за состоянием мостов и дорог, для исправного состояния которых колонисты выплачивали определенные суммы. Старосты и выборные также должны были пресекать излишние расходы колонистов на недостойное поведение (игра в карты, пьянство и пр.). Инструкция предписывала заботиться о сиротах и немощных стариках, пресекать безделье. Особые статьи предусматривали организацию сельской полиции и надзор за пожарной безопасностью, введение штрафов за различные провинности.

2/ GRÜNDUNG VON SIEDLUNGEN ZU BEGINN DES XIX. JAHRHUNDERTS IM KÜSTENGEBIET DES FINNISCHEN MEERBUSENS

Im Jahre 1804 hat der Kaiser Alexander I. die Aufnahme der ausländischen Ansiedler in Russland, die von Pawel I. eingestellt worden war, wiederaufgenommen. Jetzt aber wurde bei der Aufnahme der Aussiedler die Erfahrung der Unterbringung der ersten Kolonisten in Betracht gezogen, deswegen wurden die Umsiedler nach ihrem sozialen Status und dem Niveau ihres Wohlstands ausgewählt. Für die Unterbringung der Kolonisten bei Petersburg führte man auf Verordnung des Ministers des Inneren W. P. Kotschubej eine zielgerichtete Werbung durch russische Gesandtschaften in deutschen Fürstentümern durch, aber es gab keine Interessenten – alle zogen vor, in den Süden des Landes auszureisen. Erst im Januar 1809 antworteten auf das Aufnahmeangebot 90 Familien aus dem Warschauer Herzogtum, die dorthin aus Württemberg, Baden-Durlach, aus dem Unterelsass und aus Preußen ausgewandert waren. Selbstständig erreichten sie Radzivilow, wo sie von russischen Vertretern empfangen wurden. Am 27. Mai wurde die erste Gruppe nach St. Petersburg abtransportiert. Im Sommer und Herbst 1809 kamen einige Auswanderergruppen in St. Petersburg an. Das waren vor allem Ackerbauern. Außerdem standen in den Listen drei Weber, drei Zimmerer, ein Böttcher, ein Gärtner, ein Maurer, ein Bäcker, ein Schuster und ein Lehrer.

Bis zu der Zuteilung der Grundstücke und dem Häuserbau wurde die erste Gruppe in den alten Kolonien untergebracht: In der Kolonie Ischora (20 Menschen in den Häusern von Jakov Schmidt, Kraft, Leverenz) und in der Kolonie Neu-Saratowka (47 Menschen in den Häusern von Tiringardt, Bühler, Lieders, Vogelgesang und Steinmüller). Am 8. August kam die nächste Gruppe der Auswanderer, die aus 55 Familien bestand, von denen 46 vorläufig in der Kolonie Srednaja Rogatka und 9 Familien in Neu-Saratowka untergebracht wurden.

Für die Einrichtung der Küstenkolonisten war der Inspektor der Petersburger Kolonien E. F. Kankrin zuständig, der im Herbst 1809 dieses Amt angetreten hatte. Am 5. Mai wurde der Vertrag mit dem Petersburger Kleinbürger N. K. Aleksejew unterzeichnet, der Baumaterialien für die ersten 16 Häuser zuliefern musste. Im September billigte der Kaiser das Erscheinungsbild der Häuser für Kolonisten. Die Küstenkolonien

waren ein Teil des Ensembles der Peterhofer Chaussee, einer Verkehrsstraße, den Finnischen Meerbusen entlang, von Petersburg bis nach Kronstadt. Aus diesem Grunde stellte man an die äußere Beschaffenheit der Häuser besonders hohe Anforderungen. Im November 1809 billigte die Expedition für den Staatsbesitz beim Ministerium des Inneren die Vorschläge Kankrins bezüglich der Unterbringung der Familien, sowie bezüglich der Anordnung der Kolonie im Gebiet von Iswara des Kreises Zarskoselskij.

Den Deutschen wurden 15 Tausend Desjatinen in Iswara zugeteilt, wo drei Kolonien gegründet worden waren: die Große (15 Familien), die Mittlere (18 Familien) und die Untere (23 Familien). Außerdem hatte man vier kleinere Siedlungen den Finnischen Meerbusen entlang gegründet: eine in Strelna (8 Häuser), eine in Oranienbaum (3 Häuser), eine in Peterhof (2 Häuser) und eine in Kronstadt (6 Häuser). Der Kaiser ließ den Kolonisten aus seinem eigenen Landgut 20 000 Desjatinen für künftige Ansiedlungen zuweisen. Zum Winter 1811 konnten die Arbeiten in diesen Kolonien abgeschlossen werden, und die Ansiedler fingen an, sich einzurichten.

Die auf Domänenländereien angesiedelten Kolonisten besaßen größere Parzellen (35 Desjatinen), im Vergleich zu denen, die die Ländereien des Palastressorts besiedelten (30 Desjatinen). Außer Parzellen stellte man den Kolonisten ein neues Haus und das hierzu notwendige Betriebsinventar zur Verfügung. So bekamen zum Beispiel die Familien von Johann Goering und Gottlieb Schmidt aus dem Kreis Iswara pro Familie Folgendes: ein Pferd mit Sattelzeug, eine Kuh, einen Bauernwagen und Schlitten, einen Pflug, eine Egge, eine Axt, eine Säge, ein Messer, einen Bohrer, einen Spaten zum Kartoffelroden, je zwei Sensen und Getreidemesser, je drei Spaten und drei Heu- und Mistgabeln, wie auch Saatgut.

Aber bereits im ersten Frühling nach der Ansiedlung stellte sich heraus, dass die Bedingungen im Kreis Iswara für den Ackerbau wenig tauglich waren. Im Jahre 1810 fingen die Kolonisten an, ihre Unzufriedenheit zu äußern, und im Frühling 1811 kam es zu offenen Unruhen. Die Meuterei wurde niedergeworfen, die Anstifter wurden des Landes verwiesen. Sobald die Untauglichkeit des Kreises Iswara für die Landwirtschaft anerkannt wurde, unterzeichnete der Kaiser den Erlass vom 12. September 1811 über die Umsiedlung der Kolonisten. 45 Familien wurden nach Neurussland geschickt, 20 Familien gerieten in die Kolonie Strelna, 11 Familien in die neu gegründete Kolonie Kipen im Kreis Oranienbaum.

Fünf neue Kolonien an der Küste des Finnischen Meerbusens (in Strelna, Kronstadt, Oranienbaum, Peterhof und Kipen) bekamen die Bezeichnung „Seekolonien". Als die größte von diesen fünf erwies sich die Kolonie in Strelna, die aus zwei Teilen bestand: Neuhausen und Neudorf. Die kleinste war die Kolonie in Peterhof, wo sich nur zwei Familien niederließen – die von Iwan Braun mit den Söhnen Egor, Jakov und Friedrich und die von Jakov Braun mit dem Sohn Iwan. Im Jahre 1849 wohnten dort bereits vier Familien, es standen dort aber immer noch nur zwei Häuser. Die Kolonie in Kronstadt war auf dem Grundstück des Landhauses von A. I. Kljutschinski, dem Kassenverwalter des Kreises Oranienbaum. Laut Erlass von Alexander I. vom 1. Oktober 1809 war das ganze Territorium des ehemaligen Landhauses südlich von der Seechaussee für die Ansiedlung der Kolonisten bestimmt. Im Jahre 1810 ließen sich in sechs Häusern sieben Familien nieder. Auf dem Plan von 1854 sind schon acht Bauernhöfe mit Vorgärten und Obstgärten vermerkt. Kipen befand sich in einiger Entfernung von anderen neuen Kolonien, auf der Poststraße aus Petersburg nach Narva, in der Nähe einer Poststation. Im Jahre 1856 standen dort bereits 11 Häuser, dort wohnten 78 Menschen.

Unter besonderen Bedingungen wurden noch zwei Kolonien gegründet: Etjup und Friedenthal, mit deren Entstehung der Prozess der Gründung von Mutterkolonien bei Petersburg zu seinem Abschluss kam.

Im Jahre 1818 ließ die verwitwete Kaiserin Maria Fjodorowna drei Familien aus ihrer Heimat Württemberg (Konrad Drommeter, Jakob Friedrich und Johann Georgi Hornikel) auf ihren Ländereien in der Nähe vom Pawlowsker Park ansiedeln. Diese Kolonie nannte sie Etjup zum Andenken an das Landgut ihrer Eltern bei der Stadt Mömpelgard. Der Vorstand der Stadt Pawlowsk ließ für alle Einwanderer Musterhäuser mit gepflegten Vorgärten errichten. In den Gärten gediehen Obstbäume und Sträucher. Zu den Verpflichtungen der Kolonisten gehörte „der ortsansässigen Bevölkerung Fleiß im Wirtschaften beizubringen". Im Jahre 1882 zählte die Kolonie vier Häuser, in denen 24 Männer und 16 Frauen wohnten.

Im Jahre 1819 wurde die einzige Handwerkerkolonie Friedenthal gegründet. Das war die letzte neue Kolonie bei Petersburg, die mit Unterstützung des Staates gegründet wurde. Ihre Gründung hat diese Kolonie Adam Kemper zu verdanken, einem Deputierten der Weber aus dem Bergischen Land, der nach Russland im Jahre 1816 gekommen war. Er legte einen Plan zur Gründung einer Weberkolonie nach dem Muster ähnlicher Ansiedlungen in seiner Heimat vor. Das Ministerium des Inneren billigte diesen Vorschlag. Zu diesem Zweck wurden die Ländereien an der Ausfahrt aus Zarskoje Selo, beiderseits der Moskauer Straße, angewiesen. Der Bau der Kolonie erfolgte auf Befehl von Alexander I., für die Bauaufsicht war der Verwalter von Zarskoje Selo, Generalmajor J. W. Sacharschewskij, verantwortlich. Mit der Planausarbeitung und dem Baukostenvoranschlag wurde der Architekt W. P. Stassow beauftragt. Er entwarf die Außenfassaden der Häuser, bei der Innenausstattung wurden die Wünsche der künftigen Hausbewohner in Betracht gezogen, die neben den Wohnräumen auch Räume für Werkstätten brauchten. Für die Einrichtung der ersten sechs Fami-

lien stellte man 18 000 Rubel bereit. Im Sommer 1819 waren die ersten vier Häuser fertig. In diese Häuser wurden sieben Familien angesiedelt, ein Haus pro Familie. Ein eigenes Haus bewohnte nur Kemper, darin waren aber noch ein Büro, ein Geschäft und eine Schule untergebracht. Insgesamt waren sieben Häuser aufgebaut. Ende der 1820er Jahre bestanden im Petersburger Gouvernement zehn Kolonien, die auf Staatskosten gegründet worden waren. Die spätere Erweiterung der deutschen Niederlassungen wurde von den Kolonisten selbst bezahlt.

ОСНОВАНИЕ КОЛОНИЙ В НАЧАЛЕ XIX В. НА ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В 1804 г. император Александр I возобновил прием иностранных поселенцев в России, который был приостановлен Павлом I. Теперь прием переселенцев велся уже с учетом опыта размещения первых колонистов, поэтому кандидатов отбирали по их социальному статусу и уровню достатка. Для поселения колонистов под Петербургом, по распоряжению министра внутренних дел В. П. Кочубея, велась целенаправленная агитация через российские миссии в германских княжествах, но желающих не находилось – все предпочитали ехать на юг страны. Лишь в январе 1809 г. на предложение о приеме откликнулось 90 семей из Варшавского герцогства, переселившихся туда из Вюртемберга, Баден-Дурлаха, Нижнего Эльзаса и Пруссии. Они самостоятельно добирались до Радзивилова, где их встречали российские представители. 27 мая первая партия была отправлена в Санкт-Петербург. В течение лета-осени 1809 г. прибыло несколько групп переселенцев. Это были, в основном, земледельцы. Кроме того, в списках значились: три ткача, три плотника, бочар, садовник каменщик, булочник, сапожник, учитель.

До отвода земли и постройки домов первую партию разместили в старых колониях: Ижорской (20 чел. в домах Якова Шмидта, Крафта, Леверенца) и Новосаратовской (47 чел. у Тирингардта, Билера, Лидерса, Фогельгезанга и Штейнмиллера). 8 августа прибыла очередная партия переселенцев из 55 семейств, из них 46 семей временно разместили в Среднерогатской колонии и 9 семей – в Новосаратовке.

Водворение приморских колонистов было поручено инспектору петербургских колоний Е. Ф. Канкрину, вступивший в должность осенью 1809 г. 5 мая был подписан подряд на поставку материала для строительства первых 16 домов с петербургским мещанином Н. К. Алексеевым. В сентябре император утвердил фасады домов для колонистов. Приморские колонии были спроектированы как часть ансамбля Петергофской дороги – пути вдоль Финского залива от Петербурга до Кронштадта. Поэтому к внешнему виду домов предъявлялись особые требования. В ноябре 1809 г. Экспедиция государственного хозяйства МВД одобрила представление Канкрина о распределении семейств и расположении колонии в Изварском обрезе Царскосельского уезда.

Немцам выделили 15 тысяч десятин в Изваре, где были созданы три колонии – Большая (37 семей), Средняя (18 семей) и Нижняя (23 семьи). Кроме того, были построены четыре небольших поселения вдоль Финского залива – Стрельнинская (8 домов), Ораниенбаумская (3 дома), Петергофская (2 дома) и Кронштадская (6 домов). Император выделил из собственных земель 20 000 десятин под будущие поселения. К зиме 1811 г. строительные работы в этих колониях были закончены, и поселенцы начали обустраиваться. Колонисты, поселенные на государственных землях, имели бóльший надел земли (35 десятин), чем те, кто проживал на землях дворцового ведомства (30 десятин). Кроме земельных наделов колонистам предоставлялся готовый дом и необходимый хозяйственный инвентарь. К примеру, семьи Иоганна Геринга и Готлиба Шмидта из Изварского обреза получили (каждая): лошадь со сбруей, корову, телегу и сани, плуг, борону, топор, пилу, нож, бурав, штыковую лопату для копки картофеля, по две косы и серпа, по три лопаты и трое вил, семена.

Однако уже в первую весну после поселения выяснилось, что условия в Изварском обрезе малопригодны для земледелия. В 1810 г. колонисты стали проявлять недовольство, а весной 1811 г. в изварских поселениях начались открытые волнения. Бунт был подавлен силой, зачинщиков выслали за пределы России. В итоге, признав непригодность Изварского обреза для сельского хозяйства, император подписал указ 12 сентября 1811 г. о переселении колонистов. 45 семей отправили в Новороссию, 20 семей попали в Стрельнинскую колонию, 11 семей во вновь созданную колонию Кипень в Ораниенбаумском уезде.

Пять новых колоний на берегу Финского залива (Стрельнинская, Кронштадтская, Ораниенбаумская, Петергофская,

Кипеньская) получили название «приморских». Самой крупной оказалась Стрельнинская колония, состоявшая из двух частей – Нойгаузен и Нойдорф. Самой маленькой была Петергофская колония, в которой поселились две семьи – Ивана Брауна с сыновьями Егором, Яковом и Фридрихом, и Якова Брауна с сыном Иваном. В 1849 г. в ней проживало уже четыре семьи, но по-прежнему стояло два дома. Кронштадтская колония была основана на землях бывшей дачи А. И. Ключинского, ораниенбаумского уездного казначея. В соответствии с указом Александра I от 1 октября 1809 г. вся территория бывшей дачи к югу от приморской дороги отдана для поселения колонистов. В 1810 г. в шести домах поселились семь семей. На плане 1854 г. отмечены уже восемь дворов с палисадниками и фруктовым садом. Кипень стояла несколько поодаль от других новых колоний, на почтовом тракте из Петербурга в Нарву, близ почтовой станции. В 1856 г. в ней имелось 11 домов, проживало 78 чел.

На особых основания возникли еще две колонии – Этюп и Фриденталь, с появлением которых завершился процесс создания материнских колоний под Петербургом.

В 1818 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна поселила на своих землях около Павловского парка три семьи из родного Вюртембурга (Конрада Дромметера, Якова Фридриха и Иоанна Георгия Горникелей). Колонию она назвала Этюп (Etjup) в память об имении своих родителей около г. Монбельяр. Павловским городским правлением всем переселенцам были выстроены образцовые дома с ухоженными палисадниками. В садах росли плодовые деревья и кустарники. Обязанностью же колонистов являлось «обучить местное население старательности хозяйствования». В 1882 г. в колонии было четыре дома, проживало 24 мужчины и 16 женщин.

В 1819 г. была основана единственная ремесленная колония Фриденталь. Это была последняя новая колония под Петербургом, созданная при содействии государства. Инициатором его создания был Адам Кемпер, депутат ткачей из Бергского герцогства, прибывший в Россию в 1816 г. Он представил план создания колонии ткачей по примеру поселений у себя на родине. Министерство внутренних дел одобрило предложение. Земля была отведена при выезде из Царского Села по обе стороны Московской дороги. Строительство колонии велось по указу императора Александра I, надзор был возложен на управляющего Царским Селом генерал-майора Я. В. Захаржевского. Разработка плана и сметы строительства была поручена архитектору В. П. Стасову. Он определял наружный вид домов, а внутренняя планировка учитывала пожелания будущих жильцов, которым нужны были кроме жилых комнат помещения под мастерские. На обустройство первых шести семей выделялось 18 тыс. руб. Летом 1819 г. были возведены первые четыре дома. В них поселили семь семей, по две семьи на дом. Один дом занимал лишь Кемпер, но в нем разместились еще и контора, магазин и школа. Всего было возведено семь домов.

К концу 1820-х годов в Петербургской губернии насчитывалось 10 колоний, созданных на казенные средства. Впоследствии расширение немецких поселений происходило за счет самих колонистов.

3/ BILDUNG VON TOCHTERKOLONIEN IM XIX. – ANFANG DES XX. JAHRHUNDERTS

Ende der 1820er – Anfang der 1830er Jahre entstanden die ersten Tochterkolonien durch die Aussiedlung eines Teils der Kolonisten aus den ältesten Kolonien in neue Gebiete. Die Entstehung der neuen Siedlungen war durch den Bevölkerungszuwachs und durch das Verbot, Landstücke zu parzellieren, bedingt. Zu jener Zeit waren die Kolonien wirtschaftlich stark genug, deswegen wurden die Grundstücke für neue Niederlassungen angekauft oder gepachtet.

Von den Umsiedlern aus der Kolonie Neu-Saratowka wurden Graschdanka (1827), Owzyno (1832), Janino (1853), Neu-Alexandrowka (1872), Wesselyj Poselok (1880) und andere gegründet. Die erste größere Kolonie Graschdanka entstand zwischen den russischen Siedlungen Murino und Lesnaja im Petersburger Gebiet, als die Brüder Walliser aus Neu-Saratowka zwei Grundstücke kauften, die dem Grafen Woronzow gehörten. Später schlossen sich ihnen Kolonisten an: die Amanns, die Eidemüllers, die Schäfers, die Bauers und die Vogelgesangs aus den Kolonien Ischora und Srednaja Rogatka.

Die Auswanderer aus der Kolonie Srednaja Rogatka wurden zu den Gründern der Kolonie Kleine Srednaja Rogatka, der Bauerngüter von Börtschs und Schefers, der Kolonie Krasnenkaja an der Peterhofer Chaussee und der Kolonie Solomina (Buxhoeveden) in der Nähe von Ligovo. In den 1830er Jahren begannen die Kolonisten die Peterhofer Straße zu besiedeln: die Schäfers (1836) und die Bertschs (1838). Zunächst erwarben sie das Landhaus des Palastkoches Jakow Hansen, der sich im Jahre 1774 in der Nähe des bekannten Ortes Krasny Kabatschok niederließ. Die Bertschs siedelten sich in dem ehemaligen Landhaus des Oberjägermeisters D. L. Naryschkin an, das sich in der Nähe des Landhauses von Hansen befand.

Eine andere, unbedeutende Gruppe der Tochterkolonien wurde laut Entscheidung der allerhöchsten Personen gegründet, die die kleineren Kolonistensiedlungen immer noch als Bestandteil der Verzierung des Raumes, der ihre Residenzen umgab, betrachteten.

Ab 1832 wurde Peterhof zur offiziellen Sommerresidenz von Nikolaus I. Es wurde zum Zentrum eines großen Systems von Zaren- und Privatvillen. Um Peterhof herum wurden Landschaften geschaffen, deren Teil die kleine Kolonie Alexandrinskaja

wurde. Im Sommer 1833 wies der Kaiser vier Kolonisten, die als „verlässliche Grundstückbesitzer“ galten, zwecks Ansiedlung eine Länderei zwischen dem Großen Hirschtiergarten und dem Kanal Sampsonijewski zu. Unter denen, die sich hier niederlassen wollten, waren drei Familien aus der Kolonie Srednaja Rogatka (Matheas Lorer, Peter Schmidt, Johann Eidemüller) und ein Kolonist aus Neu-Saratowka (Friedrich Bitsch). Am Ende ließen sich acht Familien hier nieder: sechs Familien am Kanal und zwei am Ufer von Sapasnoj Prud (Reserveteich) neben dem Zarenhaus Nikolskij. Seit 1835 hieß die Kolonie Alexandrinskaja, zu Ehren der Gemahlin des Kaisers Maria Fjodorowna. Den kleineren Teil der Kolonie nannte man von Zeit zu Zeit Alexandrowka. Im Jahre 1856 hatte die Kolonie immer noch acht Häuser und zählte 29 Einwohner.

Für die Ansiedler der Kolonie Alexandrinskaja waren Sonderregeln zur Nutzung des Haus- und Bodenlandes festgelegt. Aus den Mitteln des Kabinetts Seiner Majestät war jedem ein Darlehen je 6000 Rubel pro Familie zugeteilt, das nach Ablauf von 120 Jahren zurückgezahlt werden musste (14 Rubel, 28 Kopeken pro Familie jährlich). Jedem Kolonisten teilte man 21,5 Bodenklafter zu. Im Jahre 1865 wurden die Häuser der Kolonisten im Zuge einer Stadtinventur dem unbeweglichen Besitztum zugezählt, weil sie ins Weichbild der Stadt einbezogen worden waren. Aus diesem Grunde hatten die Grundbesitzer ebenso viele Abgaben wie andere Hausbesitzer in Peterhof zu zahlen.

Die nächste Kolonie, die auf Befehl Ihrer Majestät gegründet wurde, war Snamenskaja, das sich auf den Ländereien der Kaiserin befand, sechs Werst von Peterhof entfernt, am Wege vom Gehöft Snamenskij und dem Palast von Münnich, der nach Ropscha führte. Im Jahre 1842 siedelten hierher auch Kolonisten aus den Kolonien Srednaja Rogatka, Ischora und Kolonie Kronstadt um. Im Jahre 1856 standen hier bereits vier Häuser und es lebten hier 11 Menschen, im Jahre 1915 bereits 59 Menschen.

Eine andere, besondere Geschichte der Kolonien im Gouvernement Nowgorod ist mit der Entwicklung der Militärsiedlungen bei Nowgorod verbunden. Als Anregung diente die Initiative des Vorgesetzten der Militärsiedlungen A. A. Araktschejew. Am 17. April 1821 begutachtete Alexander I. wohlwollend Araktschejews Vortrag „Von der Ansiedlung der Kolonisten in Bezirken der Militärsiedlungen“. Die Petersburger Kolonisten gründeten die Kolonien Gorelowo, Nowonikolajewskaja und Alexandrowskaja. In der Zeit von 1821 bis 1842 siedelten hierher 84 Familien aus den Kolonien, die in der Nähe der Hauptstadt angesiedelt waren, um.

Alle drei Kolonien befanden sich im Nowgoroder Landkreis, lagen entlang des Flusses Wolchow, auf Landflecken, die für die Militärsiedlungen bestimmt waren. Die Kolonie, die näher als die anderen an Nowgorod lag, war Nowonikolajewskaja (10 Werst), Gorelowo lag 35 Werst von Nowgorod entfernt, Alexandrowskaja – 53 Werst. Im Jahre 1893 waren in diesen Kolonien 184 Bauernhöfe mit 1359 dort lebenden Menschen angemeldet. Viele der Nowgoroder Kolonisten hatten dieselben Familiennamen wie die Kolonisten in den Mutterkolonien: Bender, Bies, Butz, Willewaldt, Geweiler, Kern, Kibler, Muss, Fink, Schäfer, Stroh, Steinmüller und andere.

Die größte von ihnen war die Kolonie Nowonikolajewskaja, die im Jahre 1835 gegründet wurde. Sie bestand aus zwei Siedlungen – der Oberen und der Unteren oder aus der Oberen oder der Unteren Hälfte. Gegründet war diese Kolonie von Auswanderern aus Neu-Saratowka, Kipen, Strelna und Ischora. Nur drei Familien waren katholisch, die Lutheraner herrschten vor. Im Jahre 1861 zählte die Kolonie 882 Einwohner. Am Ende des 20. Jahrhunderts funktionierten hier verschiedene Läden, ein Mühlenbetrieb und ein Sägewerk, es gab auch eine Schule und eine lutherische Kirche. Die Kolonie zeichnete sich durch ihre Musterbewirtschaftung bereits vor der Revolution aus. Im Jahre 1901 entstand hier erstmals im Gouvernement Nowgorod eine landwirtschaftliche Gesellschaft, zu deren Aufgaben die Verbesserung der landwirtschaftlichen Bewirtschaftung und des wirtschaftlichen Hauswesens der Bauern gehörten. Darunter verstand man die Prüfung neuer Maschinen und Arbeitsgeräte, die Durchführung von Versuchen mit Kunstdüngern und neuen Pflanzenarten und die Organisation von Ausstellungen usw. Den Schätzungen P. Köppens zufolge bestanden im Petersburger Gouvernement zum Jahr 1843 bereits 17 deutsche Kolonien, Tochterkolonien mit eingerechnet. Zum 1. Januar 1841 betrug die Gesamteinwohnerzahl des Petersburger Gouvernements 432 988 Menschen, und die Zahl der deutschen Bauern-Kolonisten belief sich auf 2714 Menschen.

Ende des 19. Jahrhunderts entstanden etwa 20 Tochterkolonien. Manche von ihnen zählten bei der Gründung 2–3 Bauernhöfe, die Kolonie Luisinskaja bestand nur aus einem einzigen Bauernhof. Sie wurde am Rande des russischen Dorfes Luisino am Peterhofer Weg gegründet, das zwei Wersten von Peterhof entfernt lag. Im Jahre 1846 ließ man den Kolonisten Lorer und seine Familie sich hier niederlassen. Im Jahre 1856 bestand die Kolonie immer noch aus einem einzigen Bauernhof. 1905 zählte allein der Amtsbezirk Neu-Saratowka 13 Siedlungen von Kolonisten, die in einer relativ großen Entfernung vom Zentrum des Amtsbezirks zerstreut lagen: Nowoalexandrowka (4 Werst), Besborodkino (3 Werst), Wesselyj Poselok (5), Graschdanka (29), Kamenka (45), Kowaljowo (12), Owzyno (6), Neu-Pargolowo (28), Prijutino (25), Weiler bei Srednaja Rogatka (10), Farforowskaja (7), Janino (25). Insgesamt zählte das Petersburger Gouvernement Ende des XIX. Jahrhunderts bis 40 deutsche Niederlassungen.

ОБРАЗОВАНИЕ ДОЧЕРНИХ КОЛОНИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце 1820-х – начале 1830-х годов начали возникать дочерние колонии путем отселения части колонистов из старейших колоний на новые земли. Появление новых поселков было вызвано ростом населения и существовавшим запретом делить земельные участки. К этому времени колонии экономически достаточно окрепли, поэтому земли под новые поселки покупались либо арендовались.

Переселенцами из Новосаратовской колонии были основаны Гражданка (1827), Овцыно (1832), Янино (1853), Новоалександровка (1872), Веселый Поселок (1880) и др. Первая крупная колония Гражданка возникла между русскими селениями Мурино и Лесная Петербургского уезда, когда братья Вализеры из Новосаратовки купили два участка, принадлежавшие графу Воронцову. Позже к ним присоединились ижорские и среднерогатские колонисты: Аманы, Эйдемиллеры, Шеферы, Бауэры, Фогельгезанги.

Выходцы из Средней Рогатки стали основателями малой Среднерогатской колонии, хуторов Берчей и Шеферов, Красненькой на Петергофском шоссе, Соломина (Буксгевдена) близ Лигово. На Петергофской дороге колонисты начали заселяться в 1830-е годы: Шефферы (1836) и Берчи (1838). Сначала они приобрели дачу придворного повара Якова Гансена, поселившегося в 1774 г. близ известного места Красный Кабачок. Берчи поселились на бывшей даче обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина, расположенной по соседству с дачей Гансена.

Другая, незначительная группа дочерних колоний появилась по решению высочайших особ, продолжавших рассматривать небольшие поселения колонистов как элемент украшения окружающего их резиденции пространства.

С 1832 г. Петергоф стал официальной летней резиденцией Николая I. Он становился центром большой системы царских и частных вилл. Вокруг него создавались пейзажные ландшафты, частью которых стала небольшая Александринская колония. В летом 1833 г. император отвел место между Большим оленьим зверинцем и Сампсоньевским каналом для поселения четырех колонистов – «исправных хозяев». Среди желающих поселиться были три семьи из Среднерогатской колонии (Матеас Лорер, Петр Шмидт, Иоганн Эйдемиллер) и один колонист из Новосаратовки (Фридрих Бич). В итоге поселились 8 семей – 6 семей у канала, а две на берегу Запасного пруда у Никольского царского домика. С 1835 г. по желанию Николая I колония стала называться Александринской в честь супруги императора Александры Федоровны. Меньшую часть колонии иногда называли Александровка. В 1856 г. в колонии попрежнему было 8 дворов и проживало 29 чел.

Для поселенцев Александринской колонии были установлены особые правила пользования домами и землями. Из средств Кабинета его императорского величества каждому была выдана ссуда по 6 тыс. руб., подлежащая возврату в течение 120 лет (по 14 руб. 28 коп. с семьи в год). На каждого колониста было выделено по 21,5 саженей земли. В 1865 г. дома колонистов вошли в общую городскую оценку недвижимого имущества, т.к. были включены в черту города, поэтому хозяева платили повинности наравне с другими домовладельцами Петергофа.

Другой колонией, организованной по высочайшему распоряжению, была Знаменская, располагавшейся на земле императрицы, у дороги на Ропшу от Знаменской мызы и дворца Миниха, в шести верстах от Петергофа. В 1842 г. сюда переехали колонисты из Среднерогатской, Ижорской и Кронштадской колоний. В 1856 г. имелось четыре дома и проживало 11 чел., 1915 г. – 59 чел.

Особая история колоний в Новгородской губернии, которая связана с развитием военных поселений под Новгородом. Инициатива исходила от главного над военными поселениями начальника А. А. Аракчеева. 17 апреля 1821 г. Александр I утвердил его доклад «О поселении колонистов в округах военного поселения». Петербургскими колонистами были основаны колонии Горелово, Новониколаевская и Александровская. За период с 1821-го по 1842 г. сюда переселили 84 семьи из подстоличных колоний.

Все три колонии находились в Новгородском уезде, располагались вдоль Волхова, на территории, отведенной под военные поселения. Ближайшей к Новгороду была Новониколаевская (10 верст), до Горелово было 35 верст, до Александровской – 53. В 1893 г. в них значилось 184 хозяйства и проживало 1359 чел. У новгородских колонистов были во многом такие же фамилии, как и в материнских колониях – Бендер, Бис, Бутц, Виллевальдт, Гевейлер, Керн, Киблер, Мусс, Финк, Шефер, Штро, Штейнмиллер и др.

Крупнейшей была Новониколаевская колония, основанная в 1835 г. Она состояла из двух селений – Верхнего и Нижнего, или Верхней и Нижней половины. Основали ее выходцы из Новосаратовки, Кипени, Стрельны и Ижоры. Лишь три семьи

были католиками, преобладали лютеране. В 1861 г. в колонии насчитывалось 882 жителя. В конце XIX в. в ней действовали торговые лавки, мукомольный и лесопильный заводы, имелась школа и лютеранская церковь. Колония выделялась образцовым ведением хозяйства еще до революции. В 1901 г. здесь возникло первое в Новгородской губернии сельскохозяйственное общество, в задачи которого входило улучшение ведения сельского хозяйства и экономического быта крестьян: испытание новых машин и орудий труда, проведение опытов с минеральными удобрениями и новыми растениями, организация выставок и т.п.

По подсчету П. Кеппена, в Петербургской губернии к 1843 г. уже существовало 17 немецких колоний, включая дочерние. На 1 января 1841 г. общее число жителей Петербургской губернии составляло 432 988 чел., а немецких крестьян-колонистов – 2714.

К концу XIX в. появилось около 20 дочерних колоний. Некоторые из них при основании имели два-три двора, а Луизинская колония состояла из одного двора. Она возникла на краю русской деревни Луизино у Петергофской дороги, находившейся в двух верстах от Петергофа. В 1846 г. здесь был поселен колонист Лорер с семьей. В 1856 г. колония все также состояла из одного двора. В 1905 г. только в состав Новосаратовской волости входило 13 поселений колонистов, разбросанных на значительном расстоянии от центра волости: Новоалександровка (4 версты), Безбородкино (3), Веселый Поселок (5), Гражданка (29), Каменка (45), Ковалево (12), Овцыно (6), Новопарголово (28), Приютино (35), выселок у Средней Рогатки (10), Фарфоровая (7), Янино (25). Всего насчитывалось 291 двор и 1750 чел. Всего в Петербургской губернии к концу XIX в. насчитывалось до 40 немецких поселений.

4/ EINHUNDERTJÄRIGE JUBILÄEN DER ÄLTESTEN KOLONIEN: NEUE IDENTITÄT DER KOLONISTEN

Bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts hatten sich die Kolonisten so gut wie völlig an russische Verhältnisse angepasst. Die Petersburger Kolonisten nahmen zu dieser Zeit die Spitzenstellung in wichtigsten Landwirtschaftszweigen ein. Das Niveau der Schulbildung war viel höher nicht nur im Vergleich zu den Bauern anderer Kategorien, sondern auch im Vergleich zu den Deutschen aus anderen russischen Regionen. Die Gemeinde schritt effektiv in den jeweiligen Krisensituationen ein, die mit Epidemien und Viehseuchen verbunden waren, deswegen war die Verlustrate viel niedriger im Vergleich zum Durchschnittsniveau im ganzen Gouvernement. Die Kolonien erreichten ein hohes Wohlstandsniveau, was ihnen die Möglichkeit gab, verschiedene Landabgaben zu bestimmen und diese nach ihrem eigenen Bedarf zu verwerten.

Die Eigenart der Verwaltung von Kolonien löste die Notwendigkeit aus, im Jahre 1857 ein Sondergesetz zu erlassen, das „Ordnung über Kolonisten" hieß. Das war eine Gesetzessammlung, die alle geltenden Vorschriften zusammenfasste, die die Kolonisten betrafen. Was die Petersburger Kolonien anbelangte, so verfügten sie ab 1803 über ihre eigene Regelung, die im Zusammenhang mit der Reform der Kolonien im Jahre 1871 außer Kraft trat.

Als eigenartiges Symbol des erfolgreichen Eintritts der Deutschen ins russische Reich kann die „Karte Russlands und der es bewohnenden Stämme" (1866) dienen, die von Nestor Tebenkoff zusammengestellt und gezeichnet war. Neben den anderen Völkern Russlands sind dort auch „Deutsche Kolonisten" dargestellt.

Die 100. Jubiläumsfeierlichkeiten der ältesten Petersburger Kolonien führen uns die krassen Veränderungen vor Augen, die sich im Leben wie auch im Bewusstsein der Kolonisten vollzogen haben. Das Jubiläum zog Bilanz der erfolgreichen Entwicklung der Kolonien in zwei vergangenen Jahrzehnten. Andererseits aber zeigten die Jubiläumsfeierlichkeiten, dass sich die Kolonisten bereits als selbständige und große Gruppe empfanden, die einstweilen von den Grenzen ihrer eigenen Tochterkolonien begrenzt war und nun aber die Grenzen einer Einzelkolonie überschritten hatte.

Das Jubiläum wurde in den Petersburger Kolonien im August 1866 begangen. Die bedeutendsten Feierlichkeiten fanden in Neu-Saratowka am 14. August statt, am 21. August fanden sie in Srednaja Rogatka und am 26. August in der Kolonie Ischora statt. Außer den Veranstaltern und den Gastgebern nahmen an den Feierlichkeiten zahlreiche Vertreter der Kolonien Ischora (Kolpinskaja) und Srednaja Rogatka, wie auch die aus sieben Tochterkolonien (Graschdanka, Owzyno, Farforowaja, Janino, Besborodkino, Neu-Alexandrowka und Kowaljowo) teil. Die letzteren sieben Kolonien waren von Auswanderern aus den ältesten Siedlungen gegründet worden, deren Jubiläum an jenen Tagen begangen wurde. Die Einwohner der Küstenkolonien, die Anfang des XIX. Jahrhunderts gegründet worden waren, beteiligten sich aber nicht an den Feierlichkeiten. Sie wurden als unabhängige Gruppe empfunden. Ein breiter Leserkreis wurde durch die „St. Petersburger Zeitung" über die bevorstehenden Feierlichkeiten benachrichtigt. Die Anzeige erwähnte aber nicht, dass in zwei anderen ältesten Kolonien auch Feierlichkeiten eingeplant worden waren. Die veröffentlichte Anzeige war eine Art Werbung für die Petersburger, die unter anderem auch durch die an diesem Fest angebotene Bewirtung angelockt werden konnten, und durch die Gelegenheit, spät am Abend per Schiff nach Hause zurückzukehren.

Damit dieses Ereignis im Gedächtnis blieb, haben die Kolonisten ein Plakat mit Beschreibung der Feierlichkeiten bestellt – „Das hundertjährige Jubiläum der Kolonien Neu-Saratowka, Srednaja Rogatka und Ischora bei St Petersburg. 1766–1866". Der Text wurde gleich nach der Feier geschrieben, aber erst im Jahre 1869 veröffentlicht. Da die Feierlichkeiten in drei Kolonien ungefähr nach ein und demselben Plan verliefen, ging der Autor des denkwürdigen Textes nur auf die Beschreibung der Ereignisse in Neu-Saratowka ein.

Das Dorfamt verschickte die Einladungen in andere Kolonien bereits eine Woche vor dem Fest. An die 100 Eingeladene trafen schon früh am Morgen in Neu-Saratowka ein. Alle waren so feierlich wie nie vorher gekleidet. Auf dem Glockenturm flatterten Flaggen mit der Aufschrift „100". Die Wege waren mit frischem Sand bestreut. Längs der Häuser waren bunte Lichterketten aufgehängt. Quer durch die Straßen waren bunte Leinen gezogen, wie man es zur Hochzeitsfeier macht. An der Kirche war ein Triumphbogen aus Girlanden aufgestellt, der die Gäste zum geschmückten Feierplatz einlud. Um sieben Uhr morgens verkündeten die Trompeten des Glockenturms und der danach ertönte Choral „Nun danket alle Gott" den Anfang der Feierlichkeiten.

Ein Merkblatt beschreibt detailliert den Verlauf der Ereignisse. Darunter konnte man den Umzug der Dorfeinwohner und der Gäste, den feierlichen Gottesdienst in der Kirche, so auch ein Festmahl, eine Kinderfeier, die Abendfeier finden. Jede der 13 Kolonien trug ihre eigene Fahne. Die Fahne der Kolonie Neu-Saratowka war weiß, die von Srednaja Rogatka blau, die von Ischora rot. Auf allen Fahnen waren die Namen der Kolonien und zwei Daten „1766–1866" angegeben. Dem Gottesdienst standen der Pastor G. Westenius und der Generalsuperintendent Dr. Flittner vor. Der Gottesdienst wurde vom Gesang zweier Chöre begleitet. Nach dem Gottesdienst wurde auf dem Kirchenplatz auf das Wohl des Kaisers und seiner Gemahlin getrunken, man spielte auch die Staatshymne. Im Namen der Kolonisten richtete der Dorfschulze ein Dankestelegramm an die allerhöchsten Personen. Spät am Abend wurde die Illumination in Betrieb gesetzt, es gab Feuerwerk, und am Ende des Feuerwerks flammten die Namen der Kaiserpersonen in der Gloria der Zarenkrone auf, und dabei spielte man die Staatshymne. Um halb elf Uhr nachts kam das Antworttelegramm aus Peterhof, das einen Begeisterungsausbruch und sogar Tränen hervorrief.

Die Kolonie Srednaja Rogatka feierte am Sonntag, dem 21. August. Die Augenzeugen betonten, dass es sich dabei eher um ein „Familienfest" handelte, das nicht durch seinen Glanz oder seine Pracht überraschte, sondern durch seine gemütliche Atmosphäre. Am Abend wurde jedes Haus illuminiert. Alles war vom Dankbarkeitsgefühl durchdrungen, vom Dank der Kolonisten gegenüber dem Land, das sie aufnahm. Über einem der Häuser bot das Porträt von Katharina II. einen schönen Anblick. An den Straßenenden der Kolonie, auf der Chaussee konnte man hell beleuchtete Monogramme von Katharina II. und Alexander I. sehen. In vielen Häusern wurde getanzt, man machte Musik. In der Kolonie Ischora beging man das Fest am 26. August, am Tag der Krönung Alexanders II., und es dauerte bis in die späte Nacht hinein.

Bereits die Tatsache, dass dieses Merkblatt veröffentlicht wurde, zeigt uns das Verhältnis der Kolonisten zu dem Jubiläum und ihr Verlangen, dem breiten Publikum und ihrer Nachkommenschaft möglichst detailliert über das Jubiläum und die damit verbundenen Ereignisse zu erzählen. Im Laufe der Festveranstaltungen wurde die Idee geäußert, jährlich ein Kinderfest zu Ehren der Koloniegründung durchzuführen. Die Details, die mit der Äußerung der Untertanengefühle zusammenhängen, sind wichtig, um die sich herausbildende Identität der Kolonisten zu verstehen, die sich zu jener Zeit als vollberechtigte Untertanen Russlands empfanden.

Das Jubiläum der Küstenkolonien wurde im Rahmen des 100. Jubiläums der größten Kolonie – Strelna – begangen. Das Jubiläumsfest fand am 10. Oktober 1910 statt. Die nach dem Jubiläum der ältesten Kolonien vergangenen 50 Jahre stellten für die Kolonisten eine neue Etappe ihrer erfolgreichen Entwicklung dar.

Das Programm des Festes sah einen feierlichen Gottesdienst in der Kirche und ein Festmahl im Speisesaal des Zyklodroms (Radrennhalle) vor, das 1895 von der Radfahrergesellschaft auf der

Länderei des Kolonisten Brenner errichtet worden war. Die ganze Zeit spielte das Blasorchester, auf welches die Kolonisten sehr stolz waren. Zu den Feierlichkeiten wurde der Hoffotograf I. A. Ozup, ein Werkstattbesitzer aus St. Petersburg, eingeladen. Dieser bekannte Meister fotografierte die Personen des Zarenhofes, Politiker und Kulturschaffende. Für die Kolonisten war es eine Ehrensache, den bekannten Fotografen zu einem solchen feierlichen Ereignis einladen zu können. Die Jubiläumsreportage über die Kolonie in Strelna mit den Aufnahmen von Ozup wurde in der Revue "Nachrichten aus aller Welt", einer illustrierten Beilage zur Zeitschrift „Heimat" (Rodina), veröffentlicht. Im Jahre 1910 wurde anlässlich dieses Jubiläums das „Jubiläumsblatt" „Deutsche Kolonie Strelna bei Sankt-Petersburg. 1810–1901" herausgegeben. Sein Autor war Axel Konrad von Gernet (1865–1920), Vertreter des Ostseeadels, Geschichtsforscher, Kirchenfunktionär und Vorsitzender des Zentralkomitees der Unterstützungskasse aller evangelisch-lutherischen Kirchengemeinden Russlands. Gernet war es, der das Jubiläumsdatum der Kolonie in Strelna begründete, indem er es auf den 18. November 1810, d. h. auf den Geburtstag des ersten in dieser Kolonie geborenen Kindes, datierte. Als Fachmann muss der Autor dieser Idee eingesehen haben, dass dieses Datum anfechtbar ist, weil sich die ersten Einwohner in diesem Gebiet früher angesiedelt haben. Das Datum stand fest, und es wurde zu jener Zeit angenommen.

Die Ereignisse des Jahres 1910 bezeugen große Aufgeschlossenheit der Kolonisten gegenüber der Gesellschaft und ihr hohes Wohlstandsniveau. Im Vergleich zu der Berichterstattung über die Ereignisse aus dem Jahr 1886 war ersichtlich, dass ein großer Schritt nach vorne gemacht worden war und dass die Gesellschaft der Kolonisten mehr Aufmerksamkeit ihrer eigenen Geschichte schenkte.

100-ЛЕТИЕ СТАРЕЙШИХ ПОСЕЛЕНИЙ: НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОЛОНИСТОВ

К середине XIX в. колонисты практически полностью адаптировались к российским условиям. Петербургские колонисты к этому времени заняли лидирующее положение в основных отраслях сельского хозяйства. Уровень школьного образования был выше не только по сравнению с крестьянами других категорий, но по сравнению с немцами других российских регионов. Община эффективно действовала в кризисных ситуациях, связанных с эпидемиями и эпизоотиями, поэтому число потерь был ниже среднего уровня по губернии. В колониях был достигнут высокий уровень благосостояния, что позволило колонистам устанавливать различные сельские сборы и использовать их на собственные нужды.

Особенность управления колониями вызвала необходимость издания в 1857 г. особого закона — «Устава о колонистах». Это был свод законов, в который вошли все действующие инструкции, касающиеся колонистов. В отношении петербургских колоний с 1803 г. действовала собственная инструкция, которая прекратила действие в 1871 г. в связи с реформой колоний.

Своеобразным символом успешного вхождения немцев в состав России может служить «Карта России и племена ее населяющие» (1866), составленная и нарисованная Нестором Тебеньковым. Наряду с другими народами России на ней изображены и немцы-колонисты.

Празднование 100-летнего юбилея старейших петербургских колоний ярко показало произошедшие изменения в их жизни и в сознании самих колонистов. Юбилей подводил черту успешного развития колоний в течение предшествующих двух десятилетий. С другой стороны, юбилейные торжества показали, что колонисты стали воспринимать себя как самостоятельную большую группу, пока ограниченную рамками своих дочерних колоний, но уже вышедшую за границы отдельной колонии.

Юбилей отмечался в петербургских колониях в августе 1866 г. Основные торжества проходили в Новосаратовке 14 августа, затем праздник прошел 21 августа в Средней Рогатке и 26 августа – в Ижорской колонии. В нем участвовали кроме хозяев представители Колпинской и Среднерогатской колоний и семи дочерних колоний (Гражданка, Овцыно, Фарфоровая, Янино, Безбородкино, Новоалександровка и Ковалево), основанных выходцами из старейших поселений, чей юбилей отмечался. В праздновании не участвовали жители из приморских колоний, появившихся в начале XIX в. Их воспринимали самостоятельной группой. Через газету «St. Petersburger Zeitung» о предстоящем празднике оповестили широкий круг читателей. В анонсе не сообщалось о том, что праздник запланирован и в двух других старейших колониях. Опубликованное объявление было своеобразной рекламой для жителей Петербурга, которых могли привлечь помимо всего и буфет на празднике, и возможность вернуться в город на пароходе поздно вечером.

Чтобы оставить память о событии, колонисты заказали плакат с описанием торжеств «Das hundertjährige Jubiläum der Kolonien Nuesaratoffka, Srednerogatka und Ishora bei St Petersburg. 1766–1866». Текст был составлен по свежим следам, но опубликован лишь в 1869 г. Поскольку празднование в трех колониях проходило примерно по одному плану, автор памятного текста остановился лишь на описании событий в Новосаратовке.

Сельский приказ разослал приглашения в другие колонии за неделю до праздника. Около сотни приглашенных рано утром были уже в Новосаратовке. Все были нарядно, как никогда раньше, одеты. На колокольне развевались флаги с надписями «100». Дорожки посыпаны свежим песком. Вдоль домов развешены цветные гирлянды из светильников. Поперек улицы растянуты пестрые полотна, как во время свадьбы. У церкви была устроена триумфальная арка из гирлянд, которая направляла гостей к украшенному месту торжества. В 7 утра звук труб с колокольни, а затем прозвучавший хорал «Nun danket alle Gott» возвестили о начале праздника.

Юбилейная памятка подробно описывает ход событий. Это и шествие жителей и гостей, торжественная служба в церкви и праздничный обед, детский праздник, вечернее веселье. Каждая из 13 колоний несла свой флаг. У Новосаратвки он был белым, у Средней Рогатки – голубым, у Ижорской – красным. На всех флагах были указаны названия колоний и даты «1766–1866». Службу провели пастор Г. Вестениус и генерал-суперинтендант д-р Флитнер. Она сопровождалась пением двух хоров. После службы на площади у церкви под громкие приветствия был произнесен тост за здравие императора и его супруги, был исполнен государственный гимн. От имени колонистов староста Адам Штро направил в Петергоф благодарственную телеграмму в адрес высочайших особ. Поздно вечером зажглась иллюминация, был фейерверк, в конце которого под звуки гимна высветились имена императорских особ в ореоле царской короны. В половине одиннадцатого была получена ответная телеграмма из Петергофа, вызвавшая новый взрыв восторгов и даже слезы.

Среднерогатская колония проводила праздник в воскресенье, 21 августа. Очевидцы отмечали его как «семейный праздник», который поражал не блеском и лоском, а уютной атмосферой. Вечером каждый дом осветила иллюминация. Все было принизано чувством благодарности колонистов к стране, которая их приняла. Над одним из домов красовался портрет Екатерины II. По концам колонии, по шоссе, ярко освещались вензеля Екатерины II и Александра I. Во многих домах были танцы, играла музыка. В Ижорской колонии праздник начался 26 августа, в день коронации Александра II, и продолжался до поздней ночи.

Уже сам факт публикации памятного листка говорит об отношении колонистов к юбилею и об их желании как можно шире рассказать общественности и своим будущим потомкам о юбилейных событиях. Во время торжеств была высказана идея о проведении ежегодного детского праздника в честь основания колоний. Подробности, связанные с выражением верноподданнических чувств, важны для понимания формирующейся идентичности колонистов, которые воспринимали себя к тому времени полноправными подданными России.

Юбилей приморских колоний отмечался как 100-летие крупнейшей колонии – Стрельнинской. Он состоялся 10 октября 1910 г. Прошедшие полстолетия после юбилея старейших колоний стали для колонистов новым этапом их успешного развития.

Программа праздника включала торжественную службу в церкви, праздничный обед в помещении буфета циклодрома, построенного в 1895 г. Обществом велосипедистов на землях колониста Бреннера. Выступал духовой оркестр, составлявший гордость колонистов.

На торжество был приглашен придворный фотограф И. А. Оцуп, владелец мастерской в Петербурге. Известный мастер снимал особ царского двора, видных политических деятелей, людей искусства. Для колонистов было делом чести пригласить известного фотографа по случаю торжественного события. Юбилейный очерк о Стрельнинской колонии с фотографиями Оцупа был опубликован во «Всемирном обозрении», иллюстрированном приложении к журналу «Родина». К юбилею, в 1910 г. вышел «юбилейный листок» «Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1901». Автор – Аксель Конрад фон Гернет (1865–1920), представитель прибалтийского дворянства, историк, церковный деятель, председатель Центрального комитета Кассы взаимопомощи всех евангелическо-лютеранских приходов России. Именно Гернет обосновал дату юбилея Стрельнинской колонии – 18 ноября 1810 г., день рождения первого ребенка в колонии. Как специалист, автор, вероятно, понимал, что с этой датировкой можно спорить, ведь первые жители обосновались в поселении раньше. Дата условная, но с ней согласились в тот период.

События 1910 г. продемонстрировали большую открытость общества и большое благосостояние колонистов. По сравнению с освещением событий 1866 г. был сделан значительный шаг вперед, колонистское общество стало более внимательным к собственной истории.

5/ ZWEITE HÄLFTE DES XIX. – ANFANG DES XX. JAHRHUNDERTS: TRADITIONEN UND REFORMEN

Traditionelle Beschäftigungen Alltag der Kolonisten

Die traditionelle Kultur der deutschen Kolonisten kam sowohl in der Hauswirtschaft, wie auch in der Einrichtung des Dorfes, des Gehöfts, des Hauses und der Tracht zum Ausdruck.

Die Kolonien bei Petersburg konnten sich einer ausgeprägten Ackerbauwirtschaft rühmen, ausgenommen Friedenthal, das als Weberansiedlung galt. Im Unterschied zu dem Wolgagebiet gab es hier keine Grundstückparzellierung. Erst Anfang des XIX. Jahrhunderts bekamen die Kolonisten im Norden das begrenzte Recht, ihre Grundstücke in „Halbgehöfte" zu teilen. Solche Art des Landbesitzes, wenn das Grundstück nur an eine einzige Person vermacht wurde, trug zu der Beibehaltung der größeren Ländereien bei. Als Ergebnis entwickelten sich umso effektiver die Hauswirtschaften der einen Kolonisten, aber es wurden damit auch Voraussetzungen zum Wachstum des Landmangels der anderen geschaffen.

Die Natureigenart der Region wirkte sich in den Arbeitsarten aus, z. B. im Anbau verschiedener Kulturen, sie bestimmten die Besonderheiten der Bodenarbeiten. Die Kolonisten mussten nicht nur das Ödland umackern, sondern auch die Landmelioration durchführen und versumpfte Gelände entwässern. Lehm- und Sandboden machte intensives Düngen der Ländereien notwendig, deswegen brachten die Felder der Deutschen höhere Bodenerträge im Vergleich zu den Feldern anderer Bauern im Gouvernement. Es mangelte an Weideplätzen und Heuschlägen, das ließ über die Zweckmäßigkeit der Viehzucht nachdenken. Die Kolonisten bauten vor allem Getreide, Kartoffeln und Gemüse an. In der ganzen Aussaatstruktur begann mit der Zeit der Haferanteil zu dominieren, um Vieh halten zu können, und dementsprechend wurde der Roggenanteil reduziert. Zu derselben Zeit war auch der Grasanbau üblich.

Trotz aller Schwierigkeiten erreichten die Kolonisten bedeutende Erfolge in der Landwirtschaft. Bereits in den 1820er Jah-

ren bauten sie bis zu der Zeit in der Nordwestregion unbekannte Kulturen an, wie z. B. chinesischen Weizen; englischen wuchtigen weißen und persischen Vielfruchthafer.

Die Deutschen der Nordwestregion spielten eine führende Rolle bei der Verbreitung von Kartoffeln, einer für Russland neuen Kultur. Es ist zum Beispiel kein Zufall, dass die Kolonisten selbst die Kolonie Neu-Saratowka „Kartoffelburg" nannten. In der Zeit von 1799 bis 1851 nahm der Umfang des Kartoffelanbaus um das 8fache (von 1351 Vierteln bis 10 812) zu. Am Ende der 1880er Jahre betrug die deutsche Bevölkerung des Petersburger Bezirks 6%, aber die Kolonisten bauten 18,9 % des Hafers und 52,8 % der Kartoffeln vom Ernteumfang der ganzen Region an.

Die Stadtnähe bestimmte eine frühe Entwicklung der Marktbeziehungen vor, weil diese Nähe unbegrenzte Möglichkeiten für den Lebensmittelabsatz gewährte. Die Einwohner der Kolonie Neu-Saratowka, die 15 Werst von der Stadt entfernt war, lieferten Lebensmittel in die Stadt, wobei sie die billigste Art der Beförderung benutzten – über die Newa. Die zwei größten Kolonien Srednaja Rogatka (12 Werst von der Stadt entfernt) und Ischora (14 Werst von der Stadt entfernt), die Petersburg näher als die anderen lagen, entwickelten sich besonders erfolgreich. So gab es in Srednaja Rogatka bereits zum Ende des 18. Jahrhunderts 3 Schmieden und eine kleinere Wildlederfabrik.

Viele Kolonien lagen entweder an Flüssen (Neu-Saratowka, Owzyno, Kolpinskaja, Porchowskaja, Strelna) oder an wichtigen Verkehrswegen (Srednaja Rogatka, Friedenthal, Kipen und Kronstadt). Der Raum selbst bestimmte hier die geradlinige Anordnung der Häuser. Die Kolonie bestand aus einer einzigen Straße, die von der einen oder von beiden Seiten bebaut wurde. Das Zentrum bildete die Kirche, die die Kolonie in den oberen und den unteren Teil gliederte. Die Straßen waren gepflastert, für die Fußgänger gab es Holzgehwege oder mit Sand bestreute Gehwege. Mit dem Pflastern der Straßen begann man in Neu-Saratowka im Jahre 1869. Die Familien von Jakob Bitsch, Adam Walliser in der Oberen Kolonie und Adam Stroh in der Unteren Kolonie fingen als erste an, die Straßenabschnitte vor ihren Häusern in Ordnung zu bringen. Es wurden Rinnsteine gegraben, über diese Rinnsteine wurden Brücken zu jedem Haus geschlagen.

Als die Kolonien gegründet wurden, errichtete man die Häuser nach den amtlich genehmigten Projekten. Wohnhäuser für die Neusiedler wurden auf Staatskosten erbaut, diese Geldmittel mussten später zurückgezahlt werden. Aber auch in den nächsten Jahrzehnten wurden die Häuser nach Genehmigungen, Plänen und Projekten errichtet, die dem Baukomitee der Gouvernementsverwaltung in Petersburg zur Koordinierung vorgelegt wurden.

Typisch waren ein- oder zweistöckige Häuser, die auf einem Pflaster- oder Ziegelsteinfundament beruhten, ihre Fassaden waren mit Holz verkleidet, die Dächer mit Ziegeln oder Blech gedeckt. Um 1835, mit dem Bevölkerungswachstum, entstanden auch Zweifamilienhäuser. Wirtschaftsgebäude errichtete man oft unter einem Dach mit dem Wohnhaus, gemeinsam für sie war die Hintermauer. Mit der Zeit wurden Geräteschuppen und Pferdeställe unter einem Schutzdach erbaut, aber getrennt von dem Wohnhaus. Auf dem Hof gab es Nebenbauten und Sommerküchen. Der Hof wurde gepflastert oder mit Brettern abgedeckt. Vor dem Haus befand sich ein Vorgarten, an der äußeren Hausseite ein Garten, ein Gemüsegarten, Misthaufen und Reserveabfallgruben. Es gab keine Badestuben, alle wuschen sich zu Hause in großen Schüsseln. In den Tochterkolonien hielt man sich viel seltener an die traditionellen Häusertypen. Das Bauwesen wurde von der Architektur der russischen Siedlungen und von der Entwicklung des Datscha-Wesens geprägt. Viele Häuser hatten schon angebaute Veranden und unbeheizte Zwischengeschosse.

In der Innenausstattung des Hauses nahm die Küche einen großen Platz ein, was von der Lebensweise der Bauern zeugte. In der so genannten „sauberen" Küche sammelte sich die Familie an einem gemeinsamen Tisch. In der gewöhnlichen Küche wurde auf dem Herd gekocht, man buk Brot, wärmte Wasser in den extra für diesen Zweck eingebauten Kesseln auf. Das Wasser bewahrte man in der Küche in großen Wasserfässern bzw. –tonnen auf. Geheizt wurde im Haus mit Brennholz. Die Kolonisten schätzten das Mobiliar aus Mahagoniholz. In der Regel waren dies ein großer Kleiderschrank, eine Kommode und ein Trumeauspiegel. In dem Schlafzimmer stand ein hohes Doppelbett, das mit einigen Kissen in bestickten Kissenbezügen geschmückt war. „Die Deutschen schlafen meistens in den Betten mit einigen Daunenbetten, die mit Bettdecken aus einem recht teuren Stoff bedeckt sind", so schrieb ein Augenzeuge in den 1880er Jahren. Spinnrocken, Spinnräder und Wiegen sah man selten. An den Wänden konnte man gestickte Sprüche in der deutschen Sprache und Ölbilder der Ahnen sehen. Kennzeichnend ist die Tatsache, dass bereits bei der Errichtung der ersten Häuser die Hauswände tapeziert wurden. Schöne Dekorationsobjekte erschienen bei der Innenausstattung viel später, Anfang des XX. Jahrhundert. Um 1918 kamen Grammophone und Nähmaschinen in Mode.

Im Haus wie auf dem Hof stand die traditionelle Sauberkeit hoch im Kurs. Früh am Samstag zogen die Kolonisten weiße Schürzen an und gingen die Straße von dem einen Haus bis zum anderen fegen. Jeder Hausbesitzer bekam seinen Straßenabschnitt zugeteilt, für den er zuständig war.

Eine Vorstellung davon, wie die traditionelle Kleidung der Kolonisten aussah, vermitteln uns einige wenige Darstellungen, wie z. B. eine Farbzeichnung etwa von Mitte des XIX. Jahrhunderts, auf der Petersburger Kolonisten dargestellt sind; Fotografien von

Ende des XIX. – Anfang des XX. Jahrhunderts; einige Beschreibungen der Augenzeugen.

Männer trugen lange Gehröcke, die Hosen in Stiefel gesteckt, Halstücher, Schirmmützen. Diese Tracht war um bunte Westen oder so genannte „Brusttücher" (Westen, die oben einen Verschluss oder eine Schnalle hatten) ergänzt. Für Frauen war ein langes Seidenkleid aus teurem Stoff mit einigen gestärkten Unterröcken Pflicht. Zu dem Kleid zog man eine Seidenschürze mit langen Bändern über. Kennzeichnend war auch die Kopfbedeckung – eine Haube, die sowohl junge Mädchen wie auch verheiratete Frauen aufhatten. Für junge Mädchen waren helle gestickte Hauben typisch, ältere Frauen trugen Hauben aus dunklem Stoff. Die Haube band man unter dem Kinn mit langen Bändern zusammen. Seidenkleider bekam man manchmal vererbt. Um die Schultern warfen die Frauen oft Tücher – entweder aus Tüll oder bunte russische Umschlagtücher. Bei der „schmutzigen" Arbeit wurden dunkle, für die „saubere" Arbeit weiße Schürzen umgebunden. Auf die schönen Schürzen stickte man Monogramme des Besitzers bzw. der Besitzerin, junge Mädchen schmückten ihre Schürzen mit Pflanzenornamenten.

Dass nationale Unterschiede in der Kleidung der Kolonisten aus der Kolonie in Kolpino verlorengegangen waren, stellte man bereits im Jahre 1854 fest. In einer Beschreibung eines lokalen Kirchenfestes in Kolpino kann man Folgendes lesen: „Die Deutschen, Jungen wie auch Mädchen, verkaufen Kwass, hausgebrautes Bier in Tonflaschen, Milch in Bechern oder Piroggen, in Butter gebratene Fastenkuchen, indem sie vor dem Tor (der orthodoxen Kirche) sitzen. Die Kinder sind schon wie russische Kleinbürger angezogen, die Jungen unterscheiden sich nur durch ihre deutsche Jacke, die Mädchen durch ihre Kattunhaube auf dem Kopf."

Die Kolonisten aus Nowgorod sahen sogar Anfang des XX. Jahrhunderts noch traditioneller aus. Die Einwohnerin Nowgorods W. A. Kwaschonkina beschrieb den Heumarkt in der Stadt so: „Oft kamen Deutsche zum Markt. In hausgewebter grobwolliger Kleidung, in den Farbmustern dominierten braune, violette und schwarze Farben. Sie kamen in ihren Wagen, die den russischen Fuhrwerken nicht ähnelten. <...> Obwohl sie in Russland schon lange lebten, sprachen sie schlecht Russisch und durch ihre rasierten Gesichter stachen sie von den Russen ab".

Ende des XIX. – Anfang des XX. Jahrhunderts trat an Stelle der traditionellen Kolonistentracht die städtische Modekleidung. Besonders deutlich ist es am Beispiel der Frauenkleidung zu beobachten: Hier verschwindet die traditionelle Kopfbedeckung, seidene Blusen und Kleider werden mit Fertigspitzen verziert, die Schürze wird zum Bestandteil der Arbeitskleidung. In den 1910er – 1920er Jahren konnte man die Einwohner der Kolonien von den Stadtbürgern an der Kleidung kaum unterscheiden.

Deutsche Kolonien unter Verhältnissen der Marktbeziehungen

Die Reformen von Alexander II. stellten die Kolonisten den anderen Bauern gleich, ihre früheren Privilegien wurden abgeschafft. Laut Erlass vom 4. Juni 1871 erhielten die Kolonisten einen neuen Status und hießen ab dieser Zeit Siedler- und Landbesitzer. Die Ländereien, die den Dorfgemeinschaften zugewiesen worden waren, mussten jetzt als Privateigentum zurückgekauft werden. Für die Petersburger Kolonisten wurden maximale Auslösungspreise festgelegt, weil diese Grundstücke sich in der Nähe der Hauptstadt befanden. Dabei blieb auch das hoferbliche Bodennutzungssystem in Kraft. Die Zuständigkeit für die Kolonien wurde von der Kammer für den Staatsbesitz direkt auf die Staatsverwaltungsorgane von Bezirken und Gouvernements verlagert, auf deren Land sie angesiedelt waren. Die Unterstellung der Petersburger Kolonisten unter die Kontrolle der Verwaltung in Gouvernements, laut Erlass von Alexander II. vom 17. Dezember 1866, fand früher als in anderen Kolonien Russlands statt. Die Fragen aber, die den Landbesitz angingen, wurden gleichzeitig mit den anderen Kolonisten entschieden. Die Schrift- und Geschäftsführung wurde auf Russisch als Amtssprache umgestellt. Ab dem 1. Januar 1874 erstreckte sich auf alle Kolonisten des Landes das Gesetz über die allgemeine Wehrpflicht. Im Zuge der Reform wurden in den von den Kolonisten bewohnten Regionen deutsche Amtsbezirke geschaffen. In der Region bei Petersburg erschienen die Amtsbezirke Neu-Saratowka und Srednaja Rogatka, im Bezirk von Zarskoje Selo war es Kolpino.

Gleichzeitig mit diesen schmerzhaften Einschränkungen der Reform der zweiten Hälfte der 19. Jahrhunderts öffneten sich neue Möglichkeiten für die Entwicklung der Initiative und der Privatunternehmerschaft.

Die Nähe zu dem immer größer werdenden Petersburg, sein Industriepotential, die Entwicklung der Verkehrswege (Chaussee, Eisenbahn, später auch Straßenbahn) – all das trug zu der Einbeziehung der Kolonien in wirksamere Marktbeziehungen bei. Landlose Kolonisten fanden immer häufiger in der Stadt eine Arbeitsstelle, ein Teil von ihnen ließ sich in der Stadt nieder. Im Jahre 1893 wohnten in den Städten des Petersburger Gouvernements 88 Kolonisten, in den Landkreisen – 5515, im Jahre 1898 lebten in den Städten bereits 329 Menschen. Die ständig zunehmende Landlosigkeit war nicht nur auf den Zuwachs der Koloniebevölkerung zurückzuführen, sondern auch auf das damals immer noch gültige Bodennutzungssystem, das keine Parzellierung der Grundstücke zuließ. Seinerzeit gab es einen Anstoß zur Gründung der neuen Kolonistenniederlassungen, der Tochterkolonien. Nach

der Reform entstanden neue Formen der Organisation des gesellschaftlichen, wirtschaftlichen, geistigen Lebens, die eine immer engere Annäherung der Dorfbevölkerung an das Leben in der Stadt bewirkten.

Eine große Rolle spielte dabei die Entwicklung des Eisenbahnverkehrs. Im Jahre 1837 wurde die erste Eisenbahn in Russland eingeweiht, die Petersburg mit Zarskoje Selo verband. 1853 begann man mit der Errichtung der nächsten Zweigbahn, die zuerst Peterhofskaja (seit 1870 – Baltijskaja) genannt wurde. Sie verband Sankt-Petersburg mit Peterhof. Am 21. Juli 1857 wurde die Strecke eingeweiht. Im Jahre 1864 wurde die Strecke bis nach Oranienbaum ausgebaut. Seit dieser Zeit bekamen alle Vororte von Petersburg, die Kolonien an der Küste des Finnischen Meerbusens miteinbegriffen, eine neue Anregung zu ihrer Entwicklung.

Gleichzeitig mit den neuen Perspektiven hatte der Bau der Verkehrswege und Eisenbahnlinien auch negative wirtschaftliche Auswirkungen für Kolonisten. Die Kostenerstattung für die zum Straßenbau beschlagnahmten Ländereien war viel weniger als die Kosten, die die Kolonisten beim Erwerb der Grundstücke ausgegeben hatten. Die Straßenentwicklung schränkte den Absatzmarkt von Lebensmitteln auf Kosten der zugenommenen Konkurrenz ein.

Bis zu der Entstehung der Eisenbahn spielte der Schiffsverkehr die wichtigste Rolle. Zuerst war der Schiffsverkehr über den Finnischen Meerbusen eröffnet, 1815 lief der erste Dampfer zwischen Petersburg und Kronstadt aus. Anlegestellen gab es bei Strelna, Peterhof, Oranienbaum und bei der Kolonie Kronstadt (Anlegestelle Kljuchinskaja). Oranienbaum war durch eine Dampferlinie mit Peterhof, Kronstadt und Petersburg seit 1849 verbunden. Den Verkehr auf der Newa vollzog die Schifffahrtsgesellschaft von Schlüsselburg. In der schiffbaren Jahreszeit (von Ende Mai bis Oktober) hielten die Dampfer an vielen Anlegestellen, die Kolonie Neu-Saratowka miteingeschlossen. Die Schifffahrten, die sich durch keinen besonderen Komfort auszeichneten und dabei nicht besonders sicher waren, erfreuten sich bei Urlaubern und Touristen, wie auch bei Kleinhändlern und Bauern großer Beliebtheit. Im Jahre 1889 kostete eine Fahrt zweiter Klasse von Petersburg bis Neu-Saratowka 25 Kopeken. Auch der Fluss Ischora war schiffbar, ausgehend von Kolpino, neben dem sich die Kolonie Ischora (Kolpino) befand.

Im Sommer wurden die deutschen Kolonien zu einem beliebten Erholungsort der Einwohner von Petersburg, die nicht besonders wohlhabend waren. Der Erwerbszweig, verbunden mit dem Angebot von Ferienhäusern und Ferienzimmern an die Urlauber, entwickelte sich besonders aktiv ab der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Gepflegte Häuser in den Kolonien, das Grün in den Vorgärten, gepflasterte Straßen und Höfe, niedrige Mietpreise – all das und vieles andere zog Feriengäste aus bescheidenen Verhältnissen an. Besonderer Beliebtheit erfreute sich Neu-Saratowka, weil es am Flussufer lag und um die Kolonie herum es noch Wälder gab. In den 1880er Jahren waren die Wälder neben den Ansiedlungen sehr selten, weil sie für Industriezwecke abgeholzt wurden. Die Sommerfrischler, die auf die Jagd abzielten, stellten die Einwohner von Neu-Saratowka an, um im Umfeld von Utkina Sawod und im Forstgarten Newski zu jagen. Das „Petersburger Blatt“ schrieb im Jahre 1880:„Die Kolonie ist seit langem durch ihre Beliebtheit bei den Sommergästen berühmt: Für die Urlauber wird der Überfluss an Prüderie und Durchschnittsvergnügen durch die frische Luft, Ruhe, Freiheit und Reichtum an ländlichen Lebensmitteln vergolten.“

Vom Standpunkt der Attraktivität der Sommererholung aus gesehen zeichnete sich auch die Kolonie Strelna aus. Die Sommergäste zog die moderne Ausstattung von Strelna und seiner Umgebung an, Meeresluft, günstige Mietwohnungen sowie die Nähe zu der Stadt und zu den allerhöchsten Personen. In den 80-er Jahren des XIX. Jahrhunderts stieg die Bevölkerungszahl von Strelna in der Sommerzeit bis auf 5000 Menschen. Anfang des XX. Jahrhunderts kostete die Miete eines Ferienhauses für den ganzen Sommer 800–1000 Rubel. Die billigsten Ferienzimmer kosteten 15 Rubel. Dabei betrug das Durchschnittsgehalt eines Angestellten oder eines Beamten etwa 100 Rubel im Monat, das eines Arztes oder Anwalts 500, und der Verdienst eines Arbeiters belief sich auf 30–40 Rubel. Im Jahre 1910 startete der Bau der ersten Straßenbahn in Russland, die Linie erstreckte sich vom Narva-Tor bis zum Dorf Kikinki am Rande von Strelna. Der Urlaub eines Beamten dauerte nur 8 bis 10 Tage, an den anderen Tagen mussten sie zum Dienst fahren. Aus diesem Grunde machten die Sommerfrischler von Petersburg sehr gerne von diesem neuen Verkehrsmittel Gebrauch, die Entfernung vom Arbeitsplatz flößte keine Angst mehr ein. Der Bahnsteig, vor allem von der Seite der aus der Hauptstadt eintreffenden Züge, war ein Lieblingsort für Spaziergänge der Sommergäste, besonders für die Jugendlichen.

Im Sommer haben auch die Kolonisten der Kolonien Neudorf und Neuhausen bei Strelna ihre Häuser als Ferienhäuser an Stadtbewohner vermietet. Laut Erinnerungen von E. F. Ljalina (Kraubner) haben sie den so genannten „Vorderteil“ des Hauses vermietet, selber bewohnten sie den „Hinteren“ Teil. Am Fluss Strelka hatten die Kolonisten eine Bootsausleihstelle organisiert und Badeanstalten für die Feriengäste errichtet.

Im Jahre 1854 weilte in der Kolonie bei Peterhof der Schriftsteller I. S. Turgenev. Hier vollendete er im Juni seine Erzählung „Windstille“ (Satischje). Man konnte eine typische Anzeige über

die Sommererholung in der Kolonie bei Peterhof lesen: „Das Ferienhaus wird mit Mobiliar vermietet, 7 Zimmer, Diele, Küche, abgesonderter Eiskeller; in der Kolonie Peterhof, Braun N. 1, in der Nähe von dem Sommerhaus Seiner Majestät." Im Jahre 1834 wurde das Haus des Kolonisten Kraubner in der Kolonie Kronstadt an die Besitzerin des Palastes in Oranienbaum Großfürstin Jelena Pawlowna vermietet. Während die Palastbehörden auf die edle Mieterin warteten, brachten sie das Haus des Kolonisten in den „allerbesten Zustand". Man hat sogar ein Badezimmer eingerichtet. Mit der Zeit begannen die Kolonisten Sonderhäuser für Sommergäste zu erbauen.

Ein beliebter Erholungsort bestand im Kreis Pargolowo, in einer malerischen Gegend in der Umgebung der Hauptstadt. Unter den Sommergästen waren viele lutherisch, deswegen hielt Pastor Moritz aus der Annenkirche ab 1853 Gottesdienste für die Feriengäste zuerst unter freiem Himmel, und am 5. Juni 1855 wurde die Sommerkapelle eingeweiht. Die ersten Gottesdienste wurden ab dem ersten Junisonntag abgehalten und dauerten bis Mitte August.

Die Nähe der Hauptstadt wirkte sich auch auf die Entwicklung der medizinischen Hilfe der Koloniebevölkerung aus. Die Kolonisten konnten die Stadtspitäler benutzen und Hilfe von qualifizierten Ärzten in Anspruch nehmen. Dabei schuf die Bevölkerung Sonderfonds, um Ärzte und Hebammen zu unterhalten und Medikamente anzuschaffen. Im Jahre 1872 stellte die Landverwaltung zum ersten Mal die Frage hinsichtlich der Hebammen. Aber zu jener Zeit hatten die Kolonien Neu-Saratowka und Srednaja Rogatka ihre eigenen Hebammen. Die Einwohner von Neu-Saratowka zahlten an die Hebamme 150 Rubel pro Jahr, und die Einwohner von Srednaja Rogatka 52 Rubel. Die Hebammen halfen nicht nur bei der Entbindung, sie wurden auch mit Pockenimpfung beauftragt und leisteten auch andere medizinische Hilfe. Anfang der 1870er Jahre behandelte der Arzt aus dem Armenhaus Chesmenski die Kolonisten von Srednaja Rogatka, in Neu-Saratowka wohnte ständig der Arzt Wurm (im Jahre 1875 wurde er von I. Ju. Roginski abgelöst). Anfang der 1880er Jahre war in der Kolonie Kolpino als Hebamme Karolina Barmann tätig, die Gemeinde zahlte ihr 200 Rubel pro Jahr. Im Notfall kam Doktor Konopletzki aus Kolpino, die Kolonisten zahlten ihm 150 Rubel pro Jahr. Trotz der relativ günstigen Lage mit der Gesundheitsversorgung in den Kolonien waren Epidemien unter den Kindern eine ziemlich verbreitete Erscheinung. Besonders oft kamen Diphtherie, Scharlach und Masern vor. Die fortschreitende Einbeziehung der Kolonisten in Marktverhältnisse ließ sie neue Formen von Ware-Geld-Beziehungen verwenden, Kredite aufnehmen oder nach anderen Mitteln zur Erhaltung ihrer Ersparnisse suchen. Als Beispiel dazu dient die Spar- und Darlehensgesellschaft, die 1876 in der Kolonie Strelna gegründet wurde. Sie vereinigte die Einwohner des Gehöfts Strelna mit dem Umland, d. h. mit den Kolonien Strelna und Kipen, den Amtsbezirken Oranienbaum und Neu-Saratowka. Sie entstand auf Initiative von E. I. Lamannski (1824–1902), Verwalter der Staatsbank (1867–1883), dessen Landgut Bessabotnoje an die Ländereien der Oberen Kolonie Strelna grenzte. Im Jahre 1863 war er einer der Gründer der Petersburger Gesellschaft für gegenseitige Kredite, der ersten in Russland. Zu den Gründern der Gesellschaft zählten: E. I. Lamannski, A. F. Amann, F. K. Bitsch, A. J. Braun, K. F. Braun, A. K. Brenner, M. K. Brenner, P. K. Brenner, F. K. Gerlemann, I. I. Kraubner, M. I. Kraubner, A. F. Ludwig, F. E. Ludwig, G. G. Fuhrmann, N. P. Schmidt, P. P. Schmidt, F. A. Schmidt, S. A. Schtschepetowa, A. D. Eidemüller, A. I. Eidemüller, K. P. Eidemüller, F. A. Eidemüller, F. F. Eidemüller.

Am 4. Januar 1876 begann die Gesellschaft zu funktionieren. Zum Vorsitzenden wurde E. I. Lamannski gewählt, Vorstandsmitglieder wurden Lehrer Gustav Gustavowitsch Fuhrmann (gest. 1898), Adolf Filippowitsch Eidemüller, Andrej Iwanowitsch Eidemüller. Mitglieder des Rates wurden Michail Karlowitsch Brenner, Fjodor Jewgenjewitsch Ludwig (gest. 1898), Adolf Jakovlewitsch Braun, Ivan Ivanowitsch Kraubner (gest. 1901), Fjodor Adolfowitsch Eidemüller, Nikolaj Petrowitsch Schmidt. Im Jahre 1901 wurde die Gesellschaft in Kreditgesellschaft umbenannt.

Die erfolgreiche Entwicklung der Kolonie gewährte den einzelnen Kolonisten die Möglichkeit, in den Kaufmannsstand versetzt zu werden und ihr eigenes Geschäft schon in der Stadt zu betreiben. Der Auswanderer aus Neu-Saratowka Jakob Pahl gehörte zum Kaufmannsstand ab 1831. Im Jahre 1837 gründete er an der Schlüsselburger Landstraße eine Kattundruckfabrik mit einem Färbereibetrieb. Zuerst bestand die Fabrik aus einem einzigen Holzgebäude. Die Familie wohnte an der Fabrik. Nach dem Tod von Jakob Pahl leitete sein Sohn Karl Jakowlewitsch (1845–1910) die Arbeit. Ende des XIX. Jahrhunderts war die Alexander-Newski-Manufaktur von Pahl eines der größten vollstufigen Textilunternehmen in Russland.

Die Nähe der Stadt hatte auch negative Auswirkungen auf die Kolonisten. Im Zusammenhang mit dem aktiven Bau der Chausseen und Eisenbahnen büßten die Kolonisten einen Teil ihrer Ländereien ein, dabei erlitten sie Verluste, weil der Preis für den Boden viel niedriger war als die für diesen Boden einst ausgegebenen Mittel. Die Entwicklung der Straßen schränkte auch den Absatzmarkt der Produktion der Kolonisten ein. Ein enger Kontakt mit dem Stadtmilieu führte zum schnellen Verschwinden der nationalen Eigenart der Einwohner von Kolonien. Besonders krass war es im Alltagsleben, in der Tracht, in der Lieder- und Tanzkultur zu sehen.

Der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf den Zustand der deutschen Kolonien

Der Erste Weltkrieg war eines der bedeutendsten Ereignisse in der Weltgeschichte, die schrecklichsten Schicksalsschläge wurden den Völkern von Russland und Deutschland zuteil. In dieser Konfrontation der Großmächte wurden vor allem Russlanddeutsche zu Geiseln. Bereits im Herbst 1914 entfaltete sich gegen sie eine grausame deutschfeindliche Kampagne, die alle Lebensbereiche betraf. Die deutsche Sprache wurde in den Lehranstalten, in der Kirchenpraxis und im öffentlichen Leben verboten. Alle deutschen Gesellschaften (geistliche, wohltätige), deutschsprachige Zeitungen und Zeitschriften wurden geschlossen.

Im Jahre 1915 traten die sogenannten „Liquidationsgesetze" in Kraft, die am 2. Februar und am 13. Dezember verabschiedet wurden. Sie waren auf die Liquidierung des deutschen Landbesitzes in Russland bedacht und betrafen nicht nur die Staatsbürger von Deutschland und Österreich, sondern auch Staatsbürger Russlands deutscher Abstammung. Zentrale Zeitungen veröffentlichten Listen der Landbesitzer, deren Besitz dem Verkauf unterlag. Die Landbesitzer hatten das Land an die Bauernbodenbank zu verkaufen oder an Privatpersonen abzutreten. Das den Deutschen entzogene Land war für die Auszeichnung russischer Militärpersonen bestimmt.

Das Gesetz betraf auch Petersburger Kolonisten. Die Anwendung der Gesetze auf das benachbarte Nowgoroder Gouvernement verhinderte die Einstellung des Gouverneurs von Nowgorod, der erklärte, dass es in den Handlungen von Kolonisten nichts Beunruhigendes gebe und dass sie sogar die größere Loyalität an den Tag legten. Ende 1916 waren in die „Liquidationslisten" des Gouvernements Petersburg 1096 Besitztümer der Kolonisten eingetragen. Während viele Kolonisten aus dem Süden Russlands wirklich große Landbesitzer waren, zählte man im Nord-Westen des Landes zu der Zahl der „Großbesitzer" solche, die nur 3-16 Desjatinen Land hatten. Pjotr Andrejewitsch Franz, ein Kolonist aus der Kolonie Janino, der ein kleines, nur eine Desjatine messendes Grundstück mit Wirtschaftsbauten besaß, musste es auch verkaufen. In der Kolonie Snamenskaja sind Landbesitzer Lorer (3 Desjatinen) und Kraubner (6 Desjatinen), in der Kolonie Luisenskaja Lorer (4 Desjatinen) und Sperl (1 Desjatine) zu nennen. In Wirklichkeit litten die Deutschen aus den Kolonien, die nicht weit von der Hauptstadt lagen, unter diesen Gesetzen viel weniger. Am 1. April 1916 waren in Privateigentum 39 Besitztümer mit Gesamtfläche von etwa 180 Desjatinen verkauft, die den Einwohnern der Kolonien in Srednaja Rogatka, Strelna und Neu-Saratowka gehört hatten.

Die Verfolgungen der Deutschen führten zu einem steilen Rückgang der deutschen Bevölkerung in Petrograd und seinem Umland. Von 46 931 Menschen im Jahre 1910 auf 11 167 Menschen im Jahre 1920.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.: ТРАДИЦИИ И РЕФОРМЫ

Традиционные занятия и быт колонистов

Традиционная культура немецких колонистов проявлялась как в хозяйственных занятиях, так и в устройстве поселка, усадьбы, дома, в костюме.

Петербургские колонии были ярко выраженными земледельческими хозяйствами, кроме Фриденталя – поселения ткачей. В отличие от Поволжья здесь не было дробления земельных наделов. Лишь в начале XIX в. северным колонистам было предоставлено ограниченное право разделения на «полудворы». Такой порядок землевладения, когда земля передавалась по наследству лишь в одни руки, способствовал сохранению больших наделов для продуктивного развития хозяйства одних и создавал условия для роста безземелья для других.

Природные особенности края сказывались на видах работ, выращивании тех или иных культур, определяли особенности ухода за почвой. Колонистам приходилось не просто распахивать целинные земли, но проводить мелиорацию, осушать заболоченные территории. Суглинистые или песчаные почвы требовали интенсивного удобрения полей, поэтому поля немцев давали более высокие урожаи по сравнению с другими крестьянами губернии. Не хватало пространств под выпасы и сенокосы, что ставило вопрос о целесообразности животноводства. Выращивались главным образом зерновые культуры

и картофель, овощи. В структуре посевов постепенно увеличивалась доля овса для содержания животных за счет сокращения ржи. Одновременно практиковалось травосеяние.

Несмотря на сложности, колонисты достигли заметных успехов в сельском хозяйстве. Уже в 1820-е годы они выращивали неизвестные до того времени в северо-западном регионе культуры: китайскую пшеницу, английский тяжеловесный белый и персидский многоплодный овес. Немцы Северо-запада сыграли ведущую роль в распространении новой для России культуры – картофеля. Например, неслучайно сами колонисты называли Новосаратовку «Kartoffelburg». С 1799-го до 1851 г. объем посадок картофеля у колонистов увеличился в 8 раз (с 1351 четверти до 10 812). В конце 1880-х годов немецкое население Петербургского уезда составляло 6%, но колонисты выращивали 18,9% овса и 52,8% картофеля, производившегося в уезде.

Близость города предопределяла раннее развитие рыночных отношений, т.к. имелись неограниченные возможности для сбыта продуктов питания. Жители Новосаратовки, стоявшей в 15 верстах от города, поставляли в город продукты, используя самый дешевый вид перевозки по Неве. Две крупнейшие колонии, Среднерогатская (в 12 верстах от города) и Ижорская (14 верст), ближе других расположенные к Петербургу, особенно успешно развивались. Так, в Средней Рогатке уже в конце XVIII в. имелись три кузницы и небольшая замшевая фабрика.

Многие колонии располагались у рек (Новосаратовская, Овцыно, Колпинская, Стрельнинская, Порховская), либо у важных дорог (Среднерогатская, Кипенская, Фридентальская, Кронштадтская). Здесь само пространство определяло линейность расположения домов. Колония состояла из одной улицы, застроенной с одной или с обеих сторон. Центром служила церковь, которая делила колонию на верхнюю и нижнюю части. Улицы были замощены булыжником, для пешеходов имелся деревянный тротуар или дорожки, посыпанные песком. Мощение улиц в Новосаратовке началось в 1869 г. Первыми к обустройству улицы возле своих домов приступили Якоб Бич, Адам Вализер в Верхней колонии и Адам Штро в Нижней колонии. Вдоль дорог рылись водосточные канавы, через которые пробрасывались мостки к каждому дому.

При основании колоний дома возводились по официально утвержденным проектам. Жилье для новоселов строило государство на казенные средства, которые позже колонисты возвращали в казну. Однако и в последующие десятилетия строительство домов велось по разрешениям, планам и проектам, согласованным со строительным комитетом Петербургского губернского правления.

Характерны были дома одно- или двухэтажные, которые строили на булыжных или кирпичных фундаментах, фасады обшивали досками, крышу крыли черепицей, жестью. С увеличением населения, около 1835 г., стали появляться дома на два хозяина. Хозяйственные постройки часто сооружались под общей крышей с домом у задней стены. Со временем сараи для инвентаря, конюшни строили под одним навесом, но отдельно от дома. Во дворе имелись флигели, летние кухни. Двор мостился булыжником или застилался досками. Перед домом находился палисадник, с тыльной стороны – сад и огород, навозные кучи и запасные ямы для отходов. Бань не было, мылись дома в больших тазах. В дочерних колониях уже мало придерживались традиционных типов домов, на строительство оказывало влияние архитектура русских поселений и развитие дачного промысла. Многие дома имели пристроенные веранды и неотапливаемые мезонины.

Во внутреннем устройстве дома большое место занимала кухня, что свидетельствовало о крестьянском образе жизни. В «чистой» кухне семья собиралась за общим столом. В обычной кухне на плите готовили еду, пекли хлеб, грели воду в специально встроенных котлах. На кухне держали воду в больших деревянных сосудах (Wasserfaß, Wasserzuwer, Wasserpitt). Дом отапливался дровами. Колонисты ценили мебель из красного дерева. Обычными были большой плательный шкаф, комод, трюмо. В спальне стояла высокая двуспальная кровать, украшенная несколькими подушками с вышитыми наволочками. «Немцы спят большею частью на кроватях с несколькими пуховиками, покрытыми из довольно ценной материи покрывалами», – писал в 1880-е годы очевидец. Прялки и колыбели встречались редко. На стенах могли висеть вышитые изречения на немецком языке, портреты предков, исполненные маслом. Характерно, что уже при возведении самых первых домов, стены оклеивали обоями. Появление в интерьере красивых безделушек относится к более позднему периоду, к началу XX в. Примерно с 1918 г. появилась мода на граммофоны и швейные машинки.

В доме и во дворе поддерживалась традиционная чистота. В субботу утром колонисты надевали белые фартуки и шли подметать улицу от одного дома до другого – у каждого хозяина был свой участок, за которым он следил.

Представления о традиционной одежде колонистов дают немногочисленные изображения: цветной рисунок петербургских колонистов, относящийся к середине XIX в., фотографии конца XIX – начала XX в., некоторые описания очевидцев.

Мужчины носили длинные сюртуки, брюки, заправленные в сапоги, шейные платки, фуражки. Костюм дополняли пестрые жилеты или так называемые «Brusttücher» – жилетки с застеж-

кой доверху. У женщин обязательным было длинное шелковое платье из дорого материала с несколькими накрахмаленными нижними юбками. Поверх платья надевался шелковый передник с длинными завязками. Характерен был головной убор – чепец, который носили и девушки, и женщины. Девушки носили обычно светлые чепцы с вышивкой, у пожилых женщин они были из темной ткани. Головной убор завязывался под подбородком при помощи длинных лент. Шелковые платья иногда передавались по наследству. На плечи женщины часто накидывали платки – любо тюлевые, либо пестрые русские шали. Во время грязной работы надевали темные передники, для чистой работы – белые. На нарядных передниках вышивали монограммы владельца, девушки украшали передники растительными орнаментами.

Утрата национальных отличий в костюме колпинских колонистов отмечалась еще в 1854 г. В одном описании местного церковного праздника жителей Колпино говорится: «Немцы мальчики и девочки, сидя перед воротами [православной часовни] за столиками, продают квас, домашнее пиво в глиняных бутылках, молоко в чашках или жаренные в масле пироги без начинки, по-ихнему постные (Fastenkuche). Дети одеты уже как русские мещане: мальчика отличает только немецкая куртка, а девочку ситцевый чепец на голове (Haube)».

Более традиционно выглядели новгородские колонисты даже в начале XX в. Жительница Новгорода В. А. Квашонкина так описывала сенной рынок в городе: «Часто наезжали на рынок немцы. В домотканых грубошерстных одеждах, в расцветке которых преобладали коричневый, фиолетовый и черный цвета, в своих повозках, не похожих на русские телеги. <…> Несмотря на долгое проживание в России, они плохо говорили по-русски и своими бритыми лицами резко выделялись среди русских».

В конце XIX – начале XX в. на смену традиционной одежде колонистов стала приходить модная городская. Особенно это видно в женском костюме – исчезает традиционный головной убор, шелковые блузки и платья украшаются готовыми кружевами, фартук становится элементом только рабочей одежды. В 1910–1920-е годы жителей колоний практически нельзя было отличить по одежде от горожан.

Немецкие колонии в условиях рыночных отношений

Реформы Александра II уравняли колонистов с остальными крестьянами, лишили их прежних привилегий. По указу от 4 июня 1871 г. колонисты получили новый статус и стали называться поселянами-собственниками. Закрепленные за сельскими обществами наделы теперь выкупались в собственность. Для петербургских колонистов были установлены исключительно высокие выкупные цены из-за близости земель к столице. При этом сохранялась подворно-наследственная система землевладения. Колонии переходили из ведения Палаты государственных имуществ в прямое подчинение к органам государственной власти уездов, губерний, на территории которых проживали. Перевод петербургских колонистов под контроль губернских властей произошел раньше, чем в других колониях России, согласно указу Александра II от 17 декабря 1866 г., однако земельные вопросы решались одновременно с другими колонистами. Делопроизводство переводилось на русский язык. С 1 января 1874 г. на всех колонистов страны распространялся закон о всеобщей воинской повинности. В результате реформы в местах проживания колонистов были созданы немецкие волости. В Петербургском уезде это были Новосаратовская и Среднерогатская волости, в Царскосельском уезде – Колпинская.

Одновременно с болезненными ограничениями реформы второй половины XIX в. открывали новые возможности для развития инициативы и частного предпринимательства.

Близость к быстро растущему Петербургу, его промышленный потенциал, развитие транспортных коммуникаций (шоссе, железная дорога, а позже и трамвай) – все это способствовало вовлечению колоний в более активные рыночные отношения. Безземельные колонисты все чаще находили работу в городе, а какая-то часть оседала в городах. В 1893 г. в городах Петербургской губернии проживали 88 колонистов, в уездах – 5515, в 1898 г. в городах их было уже 329 чел. Нараставшее безземелье было связано не только с увеличением населения колоний, но и с сохранявшейся системой землепользования, которая запрещала дробить земельные наделы. Это в свое время дало толчок к появлению новых (дочерних) поселений колонистов. В пореформенный период в колониях стали появляться новые формы организации общественной, экономической, культурной жизни, которые свидетельствовали о более тесном сближении сельского населения с жизнью города.

Важную роль играло развитие железнодорожного транспорта. В 1837 г. была открыта первая в России железная дорога, соединявшая Петербург с Царским Селом. В 1853 г. приступили к созданию еще одной ветки железной дороги, названной сначала Петергофской (с 1870 г. – Балтийская). Она соединяла Санкт-Петербург с Петергофом. 21 июля 1857 г. дорога была открыта. В 1864 г. линия была продлена до Ораниенбаума. Теперь пригороды Петербурга, включая колонии на побережье Финского залива, получили новый стимул для развития.

Одновременно с новыми перспективами строительство шоссейных и железных дорог имело и негативные экономические последствия для колонистов. Денежное возмещение за изъятые наделы под строительство дорог было меньше, чем было затрачено колонистами на возделывание земли. Развитие дорого сузило рынок сбыта продуктов за счет возросшей конкуренции.

До появления железных дорог важнейшую роль играло водное сообщение. Вначале пароходное движение было открыто по Финскому заливу, в 1815 г. между Петербургом и Кронштадтом прошел первый пароход. Пристани имелись у Стрельны, Петергофа, Ораниенбаума и Кронштадтской колонии (Ключинская пристань). Ораниенбаум был связан пароходной линией с Петергофом, Кронштадтом и Петербургом с 1849 г. По Неве движение осуществляло Шлиссельбургское пароходство. В период навигации (с конца мая до октября) пароходы останавливались на многих пристанях, включая Новосаратовскую колонию. Поездки на пароходах, которые не отличались комфортом и даже безопасностью, были популярны у дачников и туристов, а также мелких торговцев и крестьян. В 1889 г. проезд вторым классом от Петербурга до Новосаратовской колонии стоил 25 копеек. Судоходна была и река Ижора, начиная от Колпино, рядом с которым находилась Ижорская (Колпинская) колония.

В летнее время немецкие колонии становились популярным местом отдыха жителей Петербурга среднего достатка. Дачный промысел под Петербургом стал активно развиваться со второй половины XIX в. Ухоженность колоний, зелень в палисадниках, вымощенные улицы и дворы, невысокие цены за съем жилья – это и многое другое привлекало небогатых дачников. Популярностью пользовалась Новосаратовка, стоящая на берегу реки и вокруг которой сохранялись леса. В 1880-е годы наличие леса близ поселений становилось редкостью, т.к. они активно истреблялись для нужд промышленности. Дачники – любители поохотиться нанимали новосаратовцев для охоты в районе Уткиной Заводи и Невского лесопарка. Газета «Петербургский листок» писала в 1880 г.: «Колония издавна славится своей популярностью среди дачников, для которых избыток чопорности и заурядных развлечений вполне искупается хорошим воздухом, тишиной, свободой и обилием деревенских продуктов».

Среди колоний с точки зрения привлекательности летнего отдыха выделялась и Стрельнинская колония. Дачников привлекала благоустроенность Стрельни и ее окрестностей, морской воздух, дешевизна снимаемых квартир, близость к городу и к высочайшим персонам. В 80-е годы XIX в. население Стрельны в дачный сезон доходило до 5 тыс. чел. В начале XX в. дача на все лето в Стрельне обходилась от 200 до 500 руб. Цены на дорогие дачи доходили до 800–1000 руб., а самые дешевые комнаты стоили 15 руб. При этом средний заработок чиновников и служащих составлял около 100 руб. в месяц, врача или адвоката – 500, а рабочего – 30–40 руб. В 1910 г. началось строительство первого в России трамвая, линия тянулась от Нарвских ворот до деревни Кикинки на окраине Стрельны. Отпуск чиновников длился всего 7–10 дней, остальное время они ездили на службу. Поэтому петербургские дачники охотно пользовались новым средством передвижения, а отдаленность дачи от места работы не пугала. Железнодорожная платформа, особенно со стороны прибывающих из столицы поездов, была излюбленным местом для прогулок дачников, особенно для молодежи.

Летом стрельнинские колонисты из Нойдорфа, Нойгаузена также сдавали свои дома горожанам под дачи. По воспоминаниям Е. Ф. Лялиной (Краубнер), они сдавали «переднюю» часть дома, а сами жили в «задней» части. На реке Стрелка колонистами была организована лодочная станция, устроены купальни для отдыхающих.

В 1854 г. в Петергофской колонии летом жил писатель И. С. Тургенев. Здесь он в июне завершил свою повесть «Затишье». Можно было встретить характерное объявление о дачном отдыхе в Петергофской колонии: «Дача сдается внаем, с мебелью, 7 комнат, передняя, кухня, отдельный ледник; в Петергофской колонии, дом Брауна № 1, близ собственной дачи Его Величества». В 1834 г. дом колониста Краубнера в Кронштадтской колонии был нанят для владелицы ораниенбаумского дворца великой княгини Елены Павловны. В ожидании высокой постоялицы дворцовое правление привело колонистский дом в «наилучший вид». В нем устроили даже ванную. Со временем колонисты начали строить специальные дома для дачников.

Популярным местом отдыха горожан был район Парголово, самая живописная местность в окрестностях столицы. Среди дачников было много лютеран, поэтому с 1853 г. пастор Мориц из Анненкирхе стал проводить службы для отдыхающих, сначала под открытым небом, а 5 июня 1855 г. была освящена летняя капелла. Службы начинались с первого воскресенья июня и продолжались до середины августа.

Близость столицы влияла и на развитие медицинской помощи населению в колониях. Колонисты могли пользоваться городскими госпиталями и прибегать к помощи квалифицированных врачей. При этом население создавало специальные фонды для содержания врачей и акушерок, для покупки медикаментов. В 1872 г. земство впервые подняло вопрос об акушерках. Однако к тому времени в Новосаратовской и Сред-

нерогатской колониях уже были свои акушерки (повивальные бабки). Новосаратовцы платили ей 150 руб. в год, а жители Средней Рогатки – 52 руб. Повивальные бабки не только принимали роды, но и занимались оспопрививанием, оказывали другую медицинскую помощь. В начале 1870-х годов колонистов из Средней Рогатки обслуживал врач из Чесменской богадельни, а в Новосаратовке постоянно жил врач Вурм (в 1875 г. его сменил И. Ю. Рогинский). В Колпинской колонии в начале 1880-х годов работала повивальная бабка Каролина Барман, общество ей платило 200 руб. в год. По вызову из Колпино приезжал доктор Коноплецкий, колонисты платили ему 150 руб. в год. Несмотря на сравнительно благополучное положение с оказанием медицинской помощи в колониях, эпидемии среди детей были довольно распространенным явлением. Наиболее частыми заболеваниями были дифтерит, скарлатина, корь.

Дальнейшее втягивание колонистов в рыночные отношения заставляло их использовать новые формы товарно-денежных отношений, брать кредиты, либо искать способы сбережения накоплений. Примером служит история ссудо-сберегательного товарищества, созданного в 1876 г. в Стрельнинской колонии. Оно объединяло жителей мызы Стрельна с окрестностями, Стрельнинской и Кипенской колоний, Ораниенбаумской и Новосаратовской волостей. Возникло по инициативе Е. И. Ламанского (1824–1902), управляющего Государственным банком (1867–1883), чье имение «Беззаботное» примыкало к Стрельнинской Верхней колонии. В 1863 г. он был одним из учредителей первого в России Петербургского общества взаимного кредита. В 1875 г. Ламанский предложил объединить усилия поселян-собственников для выгодного размещения сбережений и использования дешевого кредита. Учредителями общества стали: Е. И. Ламанский, А. Ф. Аман, Ф. К. Бич, А. Я. Браун, К. Ф. Браун, А. К. Бреннер, М. К. Бреннер, П. К. Бреннер, Ф. К. Герлеман, И. И. Краубнер, М. И. Краубнер, А. Ф. Людвиг, Ф. Е. Людвиг, Г. Г. Фурман, Н. П. Шмидт, П. П. Шмидт, Ф. А. Шмидт, С. А. Щепетова, А. Д. Эйдемиллер, А. И. Эйдемиллер, К. П. Эйдемиллер, Ф. А. Эйдемиллер, Ф. Ф. Эйдемиллер.

4 января 1876 г. товарищество открыло свои действия. Председателем был избран Е. И. Ламанский, членами правления: учитель Густав Густавович Фурман (ум. в 1898), Адольф Филиппович Эйдемиллер, Андрей Иванович Эйдемиллер. В состав совета вошли: Михаил Карлович Бреннер, Федор Евгеньевич Людвиг (ум. в 1898), Адольф Яковлевич Браун, Иван Иванович Краубнер (ум. в 1901), Федор Адольфович Эйдемиллер, Николай Петрович Шмидт. В 1901 г. общество было переименовано в Кредитное общество.

Успешное развитие колоний позволило отдельным колонистам перейти в купеческое сословие и развивать свое дело уже в городе. Выходец из Новосаратовки Яков Паль состоял в купечестве с 1831 г. В 1837 г. основал у Шлиссельбургского тракта в селе Смоленском ситцепечатную фабрику с красильным производством. Вначале фабрика представляла собой одну деревянную постройку. Семья жила при фабрике. После кончины дело возглавил его сын Карл Яковлевич (1845–1910). В конце XIX в. Александро-Невская мануфактура Паля была одним крупнейших текстильных предприятий полного цикла в России.

Близость города имела и негативные последствия для колонистов. В связи с активным строительством шоссейных и железных дорог, колонисты потеряли часть земель, при этом понесли убытки, т.к. земли были выкуплены за более низкую цену, чем колонисты вложили в нее средств. Развитие дорог сузило и рынок сбыта колонистской продукции. Тесный контакт с городской средой привел к быстрому исчезновению национальных особенностей жителей колоний, это особенно проявлялось в быту, в костюме, песенной и танцевальной культуре.

Влияние Первой мировой войны на состояние петербургских колоний

Первая мировая война стала важнейшим событием в мировой истории, самые тяжелые испытания выпали на долю народов России и Германии. В этом противостоянии мировых держав заложниками стали, в первую очередь, российские немцы. Уже осенью 1914 г. против них развернулась жесткая антинемецкая кампания, затронувшая все сферы жизни. Немецкий язык был запрещен в учебных заведениях, в церковной практике и общественной жизни. Были закрыты все немецкие общества: церковные, благотворительные, культурные, немецкоязычные газеты и журналы.

В 1915 г. вступили в действие так называемые «ликвидационные законы», принятые 2 февраля и 13 декабря. Они были направлены на ликвидацию немецкого землевладения в России и распространялись как на подданных Германии и Австро-Венгрии, так и на подданных России немецкого происхождения. Центральные газеты публиковали списки владельцев, чьи владения подлежали продаже. Владельцы должны были продать свои земли Крестьянскому поземельному банку или добровольно в частные руки. Изъятая у немцев земля предназначалась для награждения ею русских военнослужащих.

Действие законов затрагивало и петербургских колонистов. Однако распространению законов на соседнюю Новгородскую губернию помешала позиция новгородского губерна-

тора, который заявил, что в действиях колонистов нет ничего настораживающего, и они проявляют еще большую лояльность. К концу 1916 г. в «ликвидационные» списки по Петроградской губернии было внесено 1096 владений колонистов. Если многие южно-российские колонисты были, действительно, крупными землевладельцами, то на Северо-западе к числу «крупных» владельцев были отнесены хозяева, имеющие 3–16 десятин. Житель колонии Янино Петр Андреевич Франц, владевший небольшим участком в одну десятину с постройками, тоже должен был его продать. В Знаменской колонии это были хозяева Лорер (3 десятины) и Краубнер (6), в Луизинской колонии – Лорер (4) и Шперль (1). На деле по сравнению с немцами других регионов России немцы подстоличных колоний пострадали от этих законов в меньшей степени: к 1 апреля 1916 г. в частные руки было продано 39 владений, принадлежавших жителям Среднерогатской, Стрельнинской и Новосаратовской колоний, общей площадью около 180 десятин.

Гонения на немцев привели к резкому и значительному сокращению численности немецкого населения в Петрограде и окрестностях: с 46 931 чел. в 1910 г. до 11 167 чел. в 1920 г.

6/ DIE KIRCHE UND DAS GEISTLICHE LEBEN DER KOLONISTEN

Kirchenbau in Kolonien und Gründung von lutherischen Gemeinden

Die Geschichte der Lutheraner, die sich an der Newa oder am Ladogasee niederließen, begann Ende des 16. Jahrhunderts und ging mit dem Erscheinen ausländischer Kaufleute sowie auch mit der Entwicklung der lutherischen Kirchengemeinden in Ingermanland einher, dessen Territorium nach der Unterzeichnung des Friedens von Stolbowo zwischen Russland und Schweden im Jahre 1617 an Schweden fiel. Nach der Verkündung des Manifestes von Katharina II. im Jahre 1763 und nach der Gründung der ersten deutschen Kolonien bei Petersburg waren die Voraussetzungen für die Gründung der deutschen lutherischen Gemeinden geschaffen.

Die den Kolonisten durch das Manifest von Katharina II. gewährte Glaubensfreiheit war auch in den Verträgen festgelegt, die mit den Kolonisten abgeschlossen wurden. Im Vertrag mit den Kolonisten aus Neu-Saratowka, der in Oranienbaum am 27. August 1765 unterzeichnet worden war, stand in diesem Zusammenhang Folgendes: „Es wird für uns eine Kirche, ein Pastorenhaus und eine Schule errichtet. In den ersten fünf Fristjahren werden der Pastor und der Lehrer von der Krone unterhalten."

Die drei ältesten Kolonien – in Neu-Saratowka, Srednaja Rogatka und Ischora – wurden zur Grundlage für eine der größten lutherischen Gemeinden im Gouvernement Petersburg mit Zentrum in Neu-Saratowka. Die Gemeinde in Neu-Saratowka war im Jahre 1766 offiziell bestätigt. Mit der Zeit schloss sie folgende Kolonien ein: Neu-Saratowka, Srednaja Rogatka, Kolpino, Owzyno, Graschdanka, Schuwalowo (Neu-Pargolowo), Kamenka, Wolkowo, Janino, Murino, Kowaljowo, Prijutino, Krasnenkaja an der Chaussee nach Peterhof, Neu-Alexandrowka, Wesselyj Poselok (Patkanowo), Farforowskaja, Besbo-

rodkino, Alexandrowka am Schlüsselburger Landweg, Moskowskoje Pole (Moskauer Feld) hinter Jam-Ischora. Die Hauptkirche stand in Neu-Saratowka, und in einigen Kolonien wurden Filialkirchen gebaut. So erschienen Lehr- und Bethäuser in Owzyno (1860), Neu-Pargolowo (1877), Janino (1885) und Wesselyj Poselok (1899).

Unter den deutschen Kolonisten bildeten die Katholiken eine unwesentliche Gruppe. Sie ließen sich in der Kolonie Jamburgskaja im Jahre 1767 nieder. Die Kolonie bestand aus drei Dörfern: Lutzkaja, Porchowskaja und Frankfurtskaja. Die Dorfkirche wurde im Jahr 1799 so baufällig, dass die Decke einstürzte. In der Mitte des 19. Jahrhunderts betrug die Zahl der Katholiken nach zwei Aussiedlungen in die Ukraine in den Jahren 1793 und 1847, die mit der Armut der Ansiedler verbunden war, weniger als die Hälfte aller Einwohner der Kolonien (131 Menschen, 40%). Ein Teil dieser Einwohner waren lutherisch, im Jahre 1843 waren es 38 Menschen (6 Familien).

Die Gründung neuer Kolonien führte Anfang des 19. Jahrhunderts zur Entstehung von lutherischen Gemeinden in diesen Kolonien. Die Kolonie in Strelna wurde zum Zentrum der evangelisch-lutherischen Gemeinde Strelna, die 1812 gegründet wurde. Das war mit der Berufung eines eigenen Pastors, der seine Unterhaltung von der Staatskasse erhielt, nach Strelna verbunden. Die Gemeinde schloss deutsche Kolonien in Strelna, Kipen, Oranienbaum und Kronstadt ein, wobei die drei letzteren erst in den Jahren 1812–1822 und 1837–1872 hinzukamen. Die Kolonien Friedenthal und Etjup gehörten zur Gemeinde in Zarskoje Selo. Zu der Gemeinde in Peterhof, die 1849 gegründet war, gehörten folgende Kolonien: Alexandrinskaja, Snamenskaja, Peterhofskaja, Oranienbaumskaja, Kronstadtskaja, Luisinskaja.

Petersburger Kolonisten, die in der Nähe von Jamburg angesiedelt waren, waren meistens katholisch. Die Lutheraner aus den Kolonien Lutzkaja, Porchowskaja und Frankfurtskaja gehörten der Gemeinde in Jamburg an, die 1832 gegründet worden war.

Anfang des XX. Jahrhunderts erschienen in Russland viele neue lutherische Gemeinden. Die Gemeinde in Ligowo wurde am 9. Mai 1906 bestätigt, zu dieser Gemeinde gehörten die Kolonien Buxhoevden und Panowo.

Bis 1810 war für die Angelegenheiten der Lutheraner die Justizkanzlei für Livland, Estland und Finnland zuständig, danach unterlagen sie der Zuständigkeit der Hauptverwaltung für Kirchenangelegenheiten der ausländischen Glaubensbekenntnisse. Im Jahre 1819 ernannte der Kaiser den ersten Bischof der Evangelischen Kirche in Russland. 1832 wurde das Statut der Evangelisch-lutherischen Kirche bestätigt, es wurden auch das Generalkirchenamt und konsistoriale Bezirke gegründet. Die Lutheraner der Gouvernements Petersburg gehörten zur Kompetenz des Kreises von Petersburg. Die Verabschiedung des Gesetzes über lutherische Kirche hatte eine große Bedeutung: Das Luthertum bekam ebenso wie andere ausländische Konfessionen einen offiziellen Status.

Die ersten Kirchen baute man aus Holz. Aber laut Erlass von Alexander I. vom 14. Dezember 1817 durften in den Gemeinden nur Kirchen aus Stein errichtet werden. Ab 1819 war gestattet, Bethäuser aus Holz in Kolonien und kleineren Siedlungen zu bauen, wo die Errichtung eines Gebäudes aus Stein die Kräfte der Gläubigen überfordert hätte. Eine große Hilfe beim Bau und Unterhalt der Kirchen leistete die „Hilfskasse für lutherische Gemeinden Russlands", die im Jahre 1859 gegründet wurde.

Die erste Katharinen-Kirche in Neu-Saratowka war aus Holz, erbaut im Jahre 1766 auf Staatskosten, die Einweihung fand am 16. März 1768 statt. Der Grundstein zu der Kirche aus Stein wurde am 24. September 1833 gelegt, eingeweiht wurde sie am 8. Dezember 1835. Im Jahre 1867 wurde hier die Orgel aufgestellt, die in Frankfurt an der Oder vom Meister Sauer hergestellt worden war. Im Jahre 1869 wurde die Kirche umgebaut. Die Gemeindekirche der Heiligen Peter und Paul in der Kolonie Strelna, erbaut 1812–1813, war auch ein Holzgebäude auf einem Steinfundament. Eingeweiht wurde sie am 10. November 1812 (nach anderen Quellen – 1813). In den Jahren 1874–1875 wurde die Kirche, die mit der Zeit ganz baufällig geworden war, nach Projekt des Architekten F. L. Miller umgebaut. Das neue Gebäude war wiederum ein Holzgebäude, ausgelegt für 278 Menschen. Die Finanzierung des Baus aus eigenen Mitteln ging über die Kräfte der Dorfgemeinde. Hilfe leisteten deswegen das Zentralkomitee der Gemeinschaftshilfe für lutherische Gemeinden Russlands (2000 Rubel) und das regionale Komitee der Gemeinschaftshilfe (200 Rubel). Die Einweihung der neuen Kirche fand am 28. August 1875 statt. In der Kirche war eine Orgel mit acht Registern aufgestellt, die Meister Bauer hergestellt hatte. Da die Kolonisten kein Geld hatten, wurde der Pastor vom Staat ernannt und unterhalten (800 Rubel pro Jahr). In der Kolonie Kolpino wurde der Grundstein für eine Steinkirche im Jahre 1903 gelegt, an der Stelle, wo die 1901 niedergebrannte Kirche stand, die bereits 1766 erbaut und 1810 umgebaut worden war. Die Geldmittel für die neue Kirche waren von Kolonisten gespendet worden.

Wegen Geldmangels wurden in den Tochterkolonien Holzkirchen noch Anfang des 20. Jahrhunderts gebaut. In Graschdanka wurde 1900 der Bau einer Kirche mit Glockenturm aus den Spenden der Kolonisten finanziert, und am 9. Dezember 1900 wurde sie eingeweiht. Die deutsche Nikolaus-Kirche in der Siedlung Ligowo war auch aus Holz und bot 150 Menschen Platz. Sie wurde nach Projekt des Architekten F. E. Krüger errichtet und für die Kirchgänger im Jahre 1910 eröffnet.

Wohltätigkeitsorganisationen in den Kolonien

In der protestantischen Welt entwickelte sich die Wohltätigkeit vor allem unter dem Einfluss der Ideen der Reformation. Die protestantische Ethik hielt sich an den Ritus der Arbeit und Sparsamkeit. So bestand das Grundprinzip der Wohltätigkeit darin, dass die Seele nicht durch eine systemlose Almosenvergabe gerettet werden soll. Hilfe sollte eigentlich nur der bekommen, dessen Notlage sorgfältig geprüft worden ist. Dabei sollte man nicht mehr als wirklich gebraucht bekommen, die Armen sollten zur Arbeit angeregt werden. Als Vorbild kann die Mittelsammlung für Hungernde in den deutschen Kolonien der Wolga-Region angeführt werden: 1891 sammelten die Mitglieder der Gemeinde zu Neu-Saratowka 599 Rubel.

Wohltätigkeitsanstalten in den deutschen Kolonien entstanden als Ergebnis der Tätigkeit der städtischen lutherischen Gemeinden oder aus Anregung der Kolonisten selbst. Dies waren Waisenheime oder Heime für Kinder aus armen Verhältnissen, Stifte für Todkranke und Behinderte sowie Seniorenstifte.

Unter den lutherischen Wohltätigkeitsanstalten war auch ein Sommerheim in Pargolowo. Das Heim befand sich am Ortsausgang des Dorfes Staroschilowka, neben der deutschen Kolonie Neu-Pargolowo. Dafür wurde ein ehemaliges, um 1850 erbautes und nachfolgend kostenlos vom Architekten Zelikofer umgebautes Kaufmannshaus mit einem Garten erworben. Ans Heim wurden eine Küche, ein Badezimmer und eine Isolierbaracke für Kranke angebaut. Der Garten wurde unter Aufsicht des Direktors des Botanischen Gartens Regel gepflegt. Das neue Gebäude des Sommerheimes wurde 1894 vom Architekten Iwan Andrejewitsch Galenbeck (1855–1934) entworfen, der auch den Bau leitete.

Die Aufnahme der ersten 22 Zöglinge aus armen Familien erfolgte 1881, im nachfolgenden Jahr waren es schon 34. Die meisten Kinder kamen aus der Gemeinde der Petrikirche, ihre Eltern waren einfache Arbeiter und Handwerker. Unter den Zöglingen waren Evangelische, aber auch Katholiken und Orthodoxe. Mädchen und Jungen wurden nacheinander während der Sommerzeit aufgenommen. Gleichzeitig konnten im Sommerheim 25 Kinder untergebracht werden. Die Auswahl der Kinder führte ein Sonderarzt im Pastorat der Petri-Kirche in der Bolschaja Morskaja Straße 60 durch.

Auf die Idee eines Sommerheimes für Kinder war als erster der schweizerische Pastor Birn 1876 gekommen. Die erfolgreiche Erfahrung verbreitete sich schon nach zwei Jahren in vielen deutschen Städten. Nach Russland kam die Idee durch Pastor Dalton. Das Sommerheim in Pargolowo war die erste und einzige derartige Anstalt in Russland.

Das Statut des Heimes Bethesda in Udelnaja wurde am 19. August 1891 genehmigt. In jenem Jahr wechselte das Heim in die Kolonie Strelna. Das Stift wurde für Todkranke und nicht mehr arbeitsfähige Frauen evangelischen Glaubensbekenntnisses, ohne Ansehen des Alters, eingerichtet. Anfang des 20. Jahrhunderts kamen auch Kinder aus armen Familien in Pflege hierher. 1907 erhielten die Diakonissinnen des Heimes die Rechte der Caritas-Schwestern. Die Diakonissin Luisa von Bassewitz leitete das Heim. 1902 nahm die Kolonie Strelna auch das 1864 von der Petersburger Frauengesellschaft gegründete Stift der Hl. Magdalena „Schutz- und Rettungsheim für gefallene Jungfern und Frauen“ auf.

Zuerst wurde für das Stift Bethesda ein zweistöckiges Holzhaus nach einem Entwurf von R. J. Krieger, gegenüber der Schule erbaut. Das Gebäude wurde am 22. Oktober 1892 eingeweiht. 1894 kamen Wirtschaftsgebäude dazu. Nach der Verlegung des Stiftes der Hl. Magdalena im Jahre 1910 wurde ein zweistöckiges Gebäude mit einer Hauskirche, nach einem Entwurf des Architekten J. S. Kittner, erbaut. Kittners Gebäude-Ensemble vereinigte alle Bauten des Stiftes zu einem Komplex.

1909 waren im Stift 198 Frauen und Mädchen untergebracht. Unter ihnen besaßen 159 Frauen die russländische Staatsangehörigkeit, die anderen waren Bürgerinnen Deutschlands (30), Frankreichs, Großbritanniens, der Schweiz, Schwedens, der Niederlande und der Türkei. Nach dem Glaubensbekenntnis überwogen die Vertreterinnen der Petrikirche (53). Alle lutherischen und reformierten Gemeinden aus Petersburg und Umgebung, Jamburg, Nowgorod und Pskow waren vertreten, auch Gemeinden aus den baltischen Staaten: deutsche, schwedische, finnische und anglikanische. Das Stift bekam als Unterstützung Lebensmittel– und Geldspenden. Unter den Spenderinnen und Spendern waren die Großfürstinnen Alexandra Iosifowna und Elisabeth Mawrikiewna, der ehemalige Reichskanzler des Deutschen Kaiserreichs Fürst Bernhard von Bülow, der Geschäftsmann Julius König, ein Wohltätigkeitkonzert des Leipziger Quartetts des Kirchenliedes und diverse Unternehmen.

1897 eröffneten die Kolonisten von Neu-Saratowka ein Altersheim für betagte Menschen beiden Geschlechts (für 15 Personen) und ein Waisenheim überwiegend für Mädchen ab 4 Jahren, insgesamt für 30 Personen. Das Alters- und Waisenheim wurde zum Andenken an die Krönung des kaiserlichen Ehepaares Nikolai II. und Alexandra Fjodorowna gestiftet. Zur Unterbringung der Zöglinge und Pflegebedürftigen erbaute die Gesellschaft ab 1896 ein spezielles Gebäude. Die Kolonisten unterstützten das Heim, die Entscheidung darüber wurde während der Gemeindeversammlung am 31. Mai 1901 getroffen. Für diesen Zweck wurde eine Fördergesellschaft für Armenanstalten gestiftet. Die Satzung des Heimes und der Fördergesellschaft wurden am 17. Dezember 1901

festgesetzt. Ins Heim durften unbemittelte Einwohner aus den drei Gemeindebezirken Neu-Saratowka und Srednaja Rogatka im Petersburger Landkreis sowie Kolpino im Zarskoselskij-Landkreis, die alle drei zur Gemeinde Neu-Saratowka gehörten, aufgenommen werden. Die Pflegebedürftigen bekamen im Heim Unterkunft, Verpflegung, Wäsche, bei Bedarf wurde ihnen auch die medizinische Hilfe gewährt. Die Kinder gingen zur Gemeindeschule von Neu-Saratowka, wo sie Handwerke und Näharbeiten erlernten, was sie auf eine weitere Arbeit als Dienstmädchen, Knechte oder in der Landwirtschaft vorbereitete.

Beerdigungskassen und Friedhöfe

Friedhöfe in den Kolonien entstanden schon bei der Ansiedlung der ersten Kolonisten. Der Friedhofsplatz wurde schon beim Entwerfen der künftigen Kolonien eingeplant, üblicherweise neben der Kirche. Es ist bekannt, dass 1815 in der Kolonie Strelna 4 Personen gestorben waren, 1826 schon 6. Die Gesamtzahl der Verstorbenen in allen Kolonien betrug 51 Personen 1816, unter ihnen in Srednaja Rogatka 10, in Neu-Saratowka 18, in Ischora 6, in Strelna 7, in den Kolonien von Jamburg (Kingisepp) 6, in Kipen 2, in Kronstadt 2. In den Jahren 1830–1840 entstand ein lutherischer Friedhof an der Küste des Finnischen Meeresbusens, wo deutsche Aussiedler aus den naheliegenden Kolonien Peterhof, Oranienbaum und Kronstadt beigesetzt wurden.

1843 kam es um die Erweiterung des Friedhofes in der Kolonie Neu-Saratowka zu einem Streit zwischen den Kolonisten und Pastor Westenius wegen der Weigerung der kirchlichen Verwaltung, ein erbetenes Grundstück von 766 Faden aus dem kirchlichen Besitz zur Verfügung zu stellen. Die Gesamtfläche des Friedhofes hätte dann 1344 Quadratfaden betragen. Eben diese Fläche war bei der Ansiedlung 1765 vorgesehen und im Kolonieplan von 1782 festgelegt worden. Bei der Klärung des Streitfalles ergaben sich etliche Einzelheiten in der Funktionsweise des Friedhofes, die gegen die von der Gemeinde festgesetzten Regeln verstießen. Das Friedhofsgelände war in all den Jahren zuvor aus Sparsamkeitsgründen nicht umzäunt worden. Das Gelände lag vom Pastorenhaus 25 Faden entfernt. Die Gemeinde erlaubte, auf ihrem Friedhof fremde Verstorbene lutherischen Glaubensbekenntnisses beizusetzen, auch wenn die verstorbene Person nicht in der Kolonie gelebt und der Kirchengemeinde nicht angehört hatte. Die Bestattung war kostenpflichtig. Die Höhe der Kosten wurde in beiderseitiger Abstimmung festgelegt. Auch war es schon seit langem üblich, dass Menschen, die ihr Vermögen der Kirche vererbt hatten, auf dem Friedhof beigesetzt wurden. Der Streit ging 1845 zugunsten der Kolonisten aus.

Eine der Formen gegenseitiger sozialer Hilfe unter den Kolonisten waren Beerdigungskassen (Sterbekassen). Dies waren freiwillige Vereine, die im Todesfall Familien die Beerdigungskosten erstatteten. Die Gründung allgemeiner Beerdigungskassen-Fonds war eine Form gegenseitiger Versicherung und des sozialen Schutzes für die Gemeindemitglieder. Im vorrevolutionären Russland waren Beerdigungskassen vorwiegend in den baltischen Staaten üblich geworden. Im Petersburg des ausgehenden 19. Jahrhunderts gab es acht Beerdigungskassen (vorwiegend deutsche) und einige Sonderkassen.

Die Entstehung der Beerdigungskassen in den deutschen Kolonbien bei Petersburg kann mit dem Jahr 1875 datiert werden, als solch eine Institution in Neu-Saratowka entstand. Diese Institution war nur für Gemeindemitglieder von Neu-Saratowka zugänglich. Es sind sieben Verfassungen des Statuts bekannt, die letzte ist aus dem Jahre 1910. Das siebente Statut wurde am 3. August 1910 vom Petersburger Bürgermeister genehmigt, die Originalvorlage wurde von Pastor Hermann Bartelt, Lehrer Andrei Ruhl, Vorsteher A. Reich, dem Gehilfen S. Meier und dem Kolonisten P. Pahl unterzeichnet.

Die Entwicklung der Gemeinde von Neu-Saratowka und das Wachstum der Kolonistenbevölkerung machten die Eröffnung eigener Begräbniskassen in den größten Kolonien notwendig. In der Kolonie Srednaja Rogatka wurde 1892 eine Begräbniskasse eröffnet, eine weitere 1894 in der Kolonie Kolpino.

Für die Gemeinde von Strelna wurde das Statut der Beerdigungskasse am 20. September 1901 vom Ministerium für innere Angelegenheiten bestätigt. Mitglieder der Kasse durften Anwohner der Kolonie Strelna sein, außerdem Personen, die nicht in der Kolonie, aber innerhalb des Gouvernements Sankt Petersburg einen festen Wohnsitz hatten. Den letzteren wurden Sonderbedingungen für die Mitgliedschaft genehmigt, und zwar mussten sie jeden einzelnen Todesfall im Voraus bezahlen und vor Ort einen Bevollmächtigen für die Erfüllung aller ihnen obliegenden Verbindlichkeiten als Vertreter haben. Die Mitgliederzahl sollte auf 201 begrenzt sein. Der drei Personen umfassende Vorstand wurde für drei Jahre gewählt. Der Vorstand führte die Aufsicht über die Ausgabe der finanziellen Mittel. Einmal pro Jahr wurde eine Vollversammlung einberufen.

Das Fondskapital bestand aus Beitrittsgebühren und Sondergebühren. Jedes Kassenmitglied zahlte einmalig 1 Rubel, um aufgenommen zu werden. Falls ein Mitglied oder seine Ehefrau starben, mussten alle anderen Mitglieder innerhalb von drei Wochen ab der Benachrichtigung durch den Vorstand jeweils 1 Rubel einzahlen. Die Höhe des Begräbnisgeldes hing von der Gesamtzahl aller Beiträge ab, so wurden für 1 bis 10 Beiträge 100 Rubel ausgezahlt, für 11 bis 20 Beiträge 110 Rubel usw.

Kirche in der Sowjetunion

Die Zeiten der Sowjetmacht brachten gravierende Veränderungen ins Kirchenleben. Am 23. Januar 1918 wurde das Gesetz «Über die Trennung der Kirche vom Staat und der Schule von der Kirche“ angenommen. Das Gesetz änderte drastisch die Kirchentradition der Kolonisten, in der die Bande zwischen Kirche und Schule besonders eng waren und die Religiosität entsprechend hoch. Die Umsetzung des Gesetzes führte seitens der Kirche zum Verlust des Status einer juristischen Person, das Kirchenvermögen ging in die Verwaltung der Arbeiter- und Bauernräte vor Ort. Alle Kirchenanstalten – Heime, Schulen, Krankenhäuser – wurden verstaatlicht. Ab jetzt wurde das Gemeindeleben von einer Versammlung von 20 Gläubigen („die Zwanzig“) geregelt. „Die Zwanzig“ war für die Renovierung des Kirchengebäudes, für die Kirchenbewachung und die Steuerzahlung zuständig. Am 9. Oktober 1918 verkündete das Petrograder evangelisch-lutherische Kirchenamt das offizielle Verbot des Religionsunterrichtes in den Schulen. 1918 begann die rasche Vernichtung der ehemaligen kirchlichen und konsistorialen Organisation in Petrograd.

Der neue Kirchenoberrat, der am 24. November 1920 gegründete Bischofsrat, eröffnete in Petrograd theologische Kurse. Am 15. September 1925 begannen evangelisch-lutherische Bibelkurse im Gebäude der Gemeinde der Hl. Anna in der Kirotschnaja Straße ihre Arbeit. Die in den Bibelkursen ausgebildeten Priester sollten den akuten Bedarf an Geistlichen decken.

In der zweiten Hälfte der 1920er Jahre kam es im Rahmen des Kampfes gegen die Kirche zur Stilllegung der Kurse. Am 16. Februar 1926 erlaubte ein Rundschreiben des Volkskommissariats für innere Angelegenheiten den Lutheranern, ohne Benachrichtigung und Erlaubnis der örtlichen Behörde die Firmung durchzuführen. Am 13. Dezember 1926 erlaubte das Präsidium des Zentralen Exekutivkomitees, in Gebetshäusern der Lutheraner Jugendlichen ab 15 Jahre als Vorbereitung auf die Firmung zweiwöchigen Unterricht zu erteilen.

Aber schon 1929 begannen gegen Geistliche aller Konfessionen massenhafte Repressionen. An Stelle der relativen Toleranz trat ein streitbares Verhältnis zur Religion und Kirche. 1928 erfolgte die völlige Vernichtung der Petri-Schule in Leningrad, 1929 wurde ihr Oberpastor H. Hansen verhaftet.

Hellmut Hermannowitsch Hansen wurde am 17. Dezember 1929 unter der Anschuldigung der antisowjetischen Tätigkeit und des Katechismus-Unterrichtes von Jugendlichen verhaftet und am 17. September 1930 zu zehn Jahren Straflager verurteilt. Die Freiheitsstrafe verbüßte der Pastor auf den Solowezki-Inseln. 1938 wurde Hansen als arbeitsunfähig aus der Haft entlassen. Sein weiteres Schicksal bleibt unbekannt.

Simon Oktav Wilhelmowitsch diente als Pastor von 1924 bis Mai 1935 in der St. Peter-und-Paul-Kirche in Strelna, gleichzeitig in den Jahren 1930 bis 1935 in der St. Michaelis Kirche, in der Kirche der Heiligen Katharina und in der Kirche der Heiligen Anna in Leningrad. Erstmalig wurde er 1921 in Moskau verhaftet, nach zwei Wochen wurde er aus der Haft entlassen. 1925 absolvierte er Priesterkurse in Leningrad und leitete in Strelna Gottesdienste. Erneut verhaftet wurde der Pastor wegen der Übergabe eines Briefes an das deutsche Konsulat und der Annahme von Finanzhilfe aus dem Ausland am 17. Mai 1935. Am 1. November 1935 wurde der Pastor von einem Sonderausschuss des Leningrader Umgebungsgerichtes zu sechs Jahren Haft verurteilt. Als Häftling wurde er in das Weißmeer-baltische Haftlager verschickt und im Dezember 1939 nach Karelien in das Segeschskij-Haftlager überstellt. Weitere Informationen über den Pastor gibt es nicht.

Bruno Pawlowitsch Reichert (1908–1938) war der letzte Pastor in der Kolonie Neu-Saratowka (1933–1935), gleichzeitig las er 1933–1937 in der Martin-Luther-Kirche in der Kolonie Kolpino die Messe. Auf Druck der Behörden legte Pastor Reichert sein Priesteramt am 29. Oktober 1937 nieder. Er wurde am 3. Januar 1938 in Leningrad erschossen.

Die Verfolgung der Pastoren erleichterte der Staatsmacht die Schließung der Kirchen. Die Kirchengebäude wurden vorwiegend in Klubs sowie in andere öffentliche Einrichtungen umgewandelt. Die St. Nikolai-Kirche in der Kolonie Graschdanka wurde am 13. Januar 1936 der Verwaltung der Wohnbehörde des Wyborger Bezirks übergegeben. Noch 1946 diente die Kirche als Wohngebäude. Die Kirche in Kamenka wurde zu einer Kantine umgebaut. 1935 wurden folgende Kirchen geschlossen und in Klubs umgewandelt: Am 1. August in Neu-Pargolowo, am 27. August in Owzyno, am 21. September in Neu-Saratowka, Neu-Alexandrowka und in Janino. Im August 1933 erfolgte in der Kolonie Strelna die letzte Konfirmation, die Kirche wurde anschließend am 23. Oktober 1935 geschlossen, das Gebäude zum Kolchosklub umgestaltet. In den Jahren 1921 und 1922 wurde die zur St. Peter-und-Paul-Kirche gehörige Hauskirche im Stift Bethesda ebenfalls geschlossen, der Raum wurde an das Krankenhaus übergegeben. Am längsten funktionierte die Martin-Luther-Kirche in der Kolonie Kolpino, wo Pastor Reichert seinen Dienst auch weiter betrieb. Doch auch sie wurde am 8. Oktober 1938 in einen Klub umgewandelt.

Ende der 30er Jahre wurde die evangelisch-lutherische Kirche der UdSSR als autonome Institution abgeschafft.

ЦЕРКОВЬ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КОЛОНИСТОВ

Строительство церквей в колониях и организация лютеранских приходов

История лютеран на приневских и приладожских землях начинается с конца XVI в. и связана с появлением иностранных купцов, а также с развитием лютеранских общих в Ингерманландии, земли которой отошли к Швеции после подписания в 1617 г. Столбовского мира между Россией и Швецией. После обнародования манифеста Екатерины II в 1763 г. и основания первых немецких колоний под Петербургом появились предпосылки для формирования немецких лютеранских общин.

Данные манифестом Екатерины II обещания о свободе вероисповеданий были закреплены в контрактах, заключенных с колонистами. В договоре с новосаратовцами, подписанном в Ораниенбауме 27 августа 1765 г., на этот счет говорилось: «Построена будет для нас церковь, пасторский дом и школа. Содержан будет от короны первые пять льготные годы пастор и учитель».

Три старейшие колонии – Новосаратовская, Среднерогатская и Ижорская – стали основой для одного из самых больших лютеранских приходов в Петербургской губернии с центром в Новосаратовке. Новосаратовский приход был утвержден в 1766 г. Со временем в него входили колонии: Новосаратовка, Средняя Рогатка Колпинская, Овцыно, Гражданка, Шувалово (Новое Парголово), Каменка, Волково, Янино, Мурино, Ковалево, Приютино, Красненькая на Петергофском шоссе, Новоалександровская, Веселый Поселок (Патканово), Фарфоровская, Безбородкино, Александровка на Шлиссельбургском тракте, Московское Поле за Ям-Ижорой. Главная церковь стояла в Новосаратовке, а в некоторых колониях появились филиальные церкви. Так, школьно-молитвенные дома появились в Овцыно (1860), Новопарголово (1877), Янино (1885), Веселом Поселке (1899).

Католики среди немецких колонистов Петербургской губернии составляли незначительную группу. Они поселились в Ямбургской колонии в 1767 г. Колония представляла собой три деревни – Луцкая, Порховская и Франкфуртская. Известно, что к 1799 г. деревянная церковь пришла в такую ветхость, что в ней обвалился потолок. В середине XIX в. после двух отселений на Украину в 1793-м и 1847 г., связанных с бедностью поселенцев, число католиков составляло менее половины (131 чел., 40%) всех жителей колоний. Часть жителей этих колоний были лютеранами, в 1843 г. это было 38 чел. (6 семей).

Появление в начале XIX в. новых колоний привело к возникновению в них самостоятельных лютеранских приходов. Стрельнинская колония была центром евангелическо-лютеранского прихода Стрельна, организованного в 1812 г., что произошло в связи с назначением в Стрельну собственного пастора с содержанием из казны. В приход входили немецкие колонии: Стрельнинская, Кипень, Петергофская, Ораниенбаумская, Кронштадтская. Последние три в приходе числились в 1812–1822 гг. и в 1837–1872 гг. Колонии Фриденталь и Этюп относились к приходу Царское Село. В состав прихода Петергоф, образованного в 1849 г., входили колонии: Александринская, Знаменская, Петергофская, Ораниенбаумская, Кронштадская, Луизино.

Петербургские колонисты, поселенные близ Ямбурга, в основном были католиками. Лютеране из Луцкой, Порховской и Франкфуртской колоний входили в состав прихода Ямбург, основанного в 1832 г.

В начале XX в. в России появилось много новых лютеранских приходов. Приход Лигово был утвержден 9 мая 1906 г., в него входили колония Буксгевден и Паново.

До 1810 г. делами лютеран ведала Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, затем лютеране перешли в ведение Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. В 1819 г. император назначил первого епископа Евангелической церкви в России. В 1832 г. был утвержден Устав Евангелическо-лютеранской церкви и образована Генеральная консистория и консисториальные округа. Лютеране Петербургской губернии относились к ведению Петербургского округа. Появление закона о лютеранской церкви имело большое значение – лютеранское вероисповедание наряду с другими инославными конфессиями получило официальный статус.

Первые церкви были деревянными, но согласно указу Александра I от 14 декабря 1817 г., в приходах должны были строиться исключительно каменные церкви. С 1819 г. деревянные молитвенные здания разрешалось иметь в колониях и маленьких селениях, где строительство каменного здания было непосильной задачей. Большую помощь приходам при строительстве и содержании церквей оказывала «Вспомогательная касса для лютеранских общин России», образованная в 1859 г.

Первая церковь св. Екатерины в Новосаратовке была деревянной, построена за казенный счет в 1766 г., освящение состоялось 16 марта 1768 г. Каменная кирха была заложена 24 сентября 1833 г. и освящена 8 декабря 1835 г., в 1867 г. в ней установлен орган, изготовленный во Франкфурте-на-Одере мастером Зауером. В 1869 г. церковь подверглась перестройке. Приходская церковь св. Петра и Павла в Стрельнинской колонии, построенная в 1812–1813 гг., также была деревянной, на каменном фундаменте. Освящена 10 ноября 1812 г. (по другим источникам – в 1813 г.). В 1874–1875 гг. пришедшая в ветхость церковь была перестроена по проекту архитектора Ф. Л. Миллера. Новое здание вновь было деревянным, рассчитано на 278 мест. Сельской общине было не по силам самостоятельно финансировать строительство, поэтому помощь оказали Центральный комитет Кассы взаимопомощи лютеранских приходов России (2000 руб.) и региональный комитет кассы (200 руб.). Освящение новой кирхи прошло 28 августа 1875 г. В ней был установлен орган на восемь регистров работы Бауэра. До 1837 г., за неимением средств у колонистов, пастора назначала и содержала казна (800 руб. в год). В Колпинской колонии каменная кирха была заложена в 1903 г. на месте сгоревшей в 1901 г. деревянной, построенной еще в 1766 г. и перестроенной в 1810 г. Деньги на новую церковь пожертвовали колонисты.

Из-за нехватки средств деревянные церкви строились в дочерних колониях еще в начале XX в. В Гражданке кирха с колокольней возведена на пожертвования колонистов в 1900 г., освящена 6 декабря 1900 г. Немецкая кирха св. Николая в поселке Лигово также была из дерева, рассчитана на 150 мест. Построена по проекту архитектора Ф. Э. Крюгера, для прихожан открылась в 1910 г.

Благотворительные организации в колониях

В протестантском мире благотворительность формировалась во многом под влиянием идей Реформации. Протестантская этика проповедовала культ труда и бережливости. Поэтому основной принцип благотворительности заключался в том, чтобы спасать душу не бессистемной раздачей милостыни. Помощь должен получать лишь тот нуждающийся, чье бедственное положение тщательно исследовано. При этом он должен получать не больше того, что ему действительно необходимо, а бедных нужно склонять к работе. Примером может служить сбор средств для голодающих в немецких колониях Поволжья – в 1891 г. члены Новосаратовского прихода собрали 599 руб.

Благотворительные учреждения в немецких колониях возникали в результате деятельности городских лютеранских приходов либо как инициатива самих колонистов. Это были приюты для поддержания детей-сирот или из бедных семей, богадельни для неизлечимо больных и увечных, престарелых.

В числе благотворительных лютеранских заведений был летний детский приют в Парголово. Детский дом находился в конце деревни Старожиловка близ немецкой колонии Новопарголовской. Для него был приобретен бывший купеческий дом с садом, построенный около 1850 г., и бесплатно переделан архитектором Целикофером. Была устроена кухня, ванная, изолятор для больных. Сад благоустраивался под надзором директора Ботанического сада Регеля. Новое здание детского дома спроектировал и руководил постройкой в 1894 г. архитектор Иван Андреевич Галенбек (1855–1934).

Прием первых 22 детей из бедных семей прошел в 1881 г., в следующем году их было уже 34. Среди детей преобладали из общины Петрикирхе, чьи родителя были простыми рабочими, ремесленниками. Кроме лютеран были дети католиков и даже православных. Девочек и мальчиков принимали поочередно в течение летнего сезона. Одновременно дом мог вместить 25 чел. Отбор кандидатов проводил специальный врач в пасторате Петрикирхе на Большой Морской улице, 60.

Идея летнего приюта впервые была реализована в Швейцарии пастором Бирном (Birn) в 1876 г. Через два года опыт распространился во многих городах Германии. В России идею озвучил пастор Дальтон. Приют в Парголово был первым и единственным в своем роде приютом в России.

Устав приюта «Вифезда», расположенного в Удельной, был утвержден 19 августа 1891 г. В том же году он был переведен в Стрельнинскую колонию. Богадельня учреждалась для женщин всех возрастов евангелического исповедания, неизлечимо больных и неспособных к труду. В начале XX в. сюда стали принимать на воспитание и бедных детей. В 1907 г. диаконессам приюта были предоставлены права сестер-милосердия. Начальницей приюта была диаконесса Луиза фон Бассевиц. В 1902 г. в Стрельнинскую колонию был переведен и приют св. Магдалины – «дом защиты и спасения падших девушек и женщин», учрежденный в 1864 г. дамским обществом Петербурга.

Вначале для «Вифезды» напротив школы было сооружено двухэтажное деревянное здание по проекту Р. И. Кригера, освещенное 22 октября 1892 г. В 1894 г. появились хозяйственные постройки. А после перевода приюта св. Магдалина по проекту архитектора И. С. Китнера в 1910 г. выстроено специальное двухэтажное здание с домовой церковью. Постройка Китнера объединила все существующие корпуса приюта в единый комплекс.

В 1909 г. на попечении приюта находилось 198 женщин и девочек. Из них 159 – подданные России, остальные – подданные Германии (30), Франции, Великобритании, Швейцарии, Швеции, Нидерландов и Турции. По принадлежности к церковным общинам преобладали представители Петрикирхе (53). Были представлены все лютеранские и реформатские общины Петербурга и пригородов, Ямбурга, Новгорода и Пскова, из Прибалтики – немецкие, шведские, финские, англиканские. Приют содержался за счет пожертвований, которые поступали в виде денег и продуктов. Среди пожертвований были средства великих княгинь Александры Иосифовна и Елизаветы Маврикиевны, бывшего рейхканцлера Германии, князя Бернгарда фон Бюлова, предпринимателя Юлиуса Кенига, от благотворительного концерта Лейпцигского квартета церковной песни, отдельных предприятий.

В 1897 г. колонисты Новосаратовки устроили богадельню для престарелых лиц обоего пола (на 15 чел.) и приют для бедных детей-сирот, преимущественно девочек с четырех лет, всего на 30 чел. Заведение было учреждено в память о коронования высочайших особ Николая II и Александры Федоровны. Для размещения опекаемых общество возвело специальное здание, строительство которого началось в 1896 г. Колонисты содержали приют, решение об этом было принято на сельском сходе 31 мая 1901 г. Для этой цели было создано общество для содержания богоугодных заведений. Устав учреждения и общества для его содержания был утвержден 17 декабря 1901 г. В приют принимались неимущие жители трех волостей Новосаратовской и Среднерогатской Петербургского уезда и Колпинской Царскосельского уезда, входящих в состав Новосаратовского прихода. Поступавшие в приют получали жилье, питание, обеспечивались бельем, при необходимости им гарантировали медицинскую помощь. Детей учили в приходской школе Новосаратовки, обучали рукоделию, ремеслам, тем самым подготавливая их к дальнейшей работе в качестве прислуги либо сельскохозяйственных рабочих.

Похоронные кассы и кладбища

Кладбища в колониях появлялись уже при поселении первых колонистов. Место для захоронений отводилось при планировке будущих колоний, обычно поблизости от церкви. Известно, что в Стрельнинской колонии уже в 1815 г. умерло 4 чел., в 1826 г. – 6. Общее количество умерших в 1816 г. во всех колониях составляло 51 чел., в т.ч. в Средней Рогатке – 10, Новосаратовке – 18, Ижорской – 6, Стрельнинской – 7, Ямбургских колониях – 6, Кипени – 2, Кронштадтской – 2. В 1830–1840-х годах на самом берегу Финского залива возникло лютеранское кладбище, где хоронили немецких переселенцев из всех ближайших колоний – Петергофской, Ораниенбаумской и Кронштадтской.

В 1843 г. встал вопрос о расширении кладбища в Новосаратовской колонии. Спор разгорелся между колонистами и пастором Вестениусом из-за несогласия церкви выделить из своих запасов необходимого участка в 776 саженей. Общий размер кладбища составил бы 1344 квадратных саженей. Именно эта площадь была предусмотрена при поселении в 1765 г., в частности, зафиксирована на плане колонии 1782 г. При выяснении спорного вопроса выяснились некоторые детали функционирования кладбища, правила, установленные самой общиной. Кладбищенская территория не была огорожена все предшествующие годы из-за экономии средств. Она отстояла от пасторского дома на 25 саженей. Община разрешала хоронить на своем кладбище посторонних лиц лютеранского исповедания, даже если человек не проживал в колонии и не был членом прихода. За погребение взимались деньги, которые шли на нужды церкви. Размер платы устанавливался с обоюдного согласия. Хоронили и тех, кто завещал капитал в пользу церкви. Такая практика существовала давно. Спор закончился в пользу колонистов в 1845 г.

Одной из форм социальной взаимопомощи колонистов были похоронные кассы. Это были добровольные общества, задачей которых было возмещение издержек семьи в случае смерти кого-то из ее членов в виде единовременного пособия. Создание общего фонда похоронной кассы было формой взаимного страхования, формой социальной защиты членов общины. В дореволюционной России похоронные кассы были преимущественно распространены в Прибалтике. В Петербурге в конце XIX в. существовало восемь общих похоронных касс (преимущественно немецких) и несколько специальных.

Возникновение похоронных касс в немецких колониях под Петербургом относится к 1875 г., когда такая организация возникла в Новосаратовке. Ее действие распространялось на членов Новосаратовского прихода. Известно семь редакций устава, последний относится к 1910 г. 7-й устав был утвержден петербургским губернатором 3 августа 1910 г., подлинный текст документа подписали пастор Герман Бартельт, учитель Андрей Руль, волостной старшина А. Рейх, помощник старшины С. Мейер и колонист П. Паль.

С развитием Новосаратовского прихода и увеличения общего числа прихожан появилась необходимость создания собственных касс в крупнейших колониях. В Среднерогатской колонии похоронная касса появилась в 1892 г., в Колпинской – в 1894 г.

В Стрельнинском приходе устав похоронной кассы был утвержден в МВД 20 сентября 1901 г. Членами могли быть жители Стрельнинской колонии, кроме того, в число членов могли вступить также и лица, постоянно не проживающие в колонии, но имеющие место жительства в пределах Санкт-Петербургской губернии. Для последних оговаривались особые условия членства: они должны были вносить деньги вперед за следующий смертный случай и иметь на месте доверенное лицо для выполнения за них всех обязательств. Число членов не могло превышать 201. Правление избиралось в составе трех человек на три года. Оно вело журнал движения средств. Общее собрание членов проводилось один раз в год.

Капитал формировался за счет вступительных и специальных взносов. Каждый член платил единовременно 1 руб. за то, что его внесут в список. В случае смерти члена кассы или его жены все остальные члены должны были в течение трех недель со дня получения уведомления от правления о смерти члена внести по одному рублю. Размер похоронного пособия зависел от количества сделанных взносов, из расчета за 1–10 взносов выдавалось 100 руб., за 11–20 взносов – 110 руб. и т.д.

Церковь в советские годы

Радикальные изменения в церковной жизни произошли в годы советской власти. 23 января 1918 г. был принят закон «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Он в корне менял историческую традицию колонистов, у которых связь церкви со школой была особенно тесной, а религиозность всегда высокой. Проведение в жизнь закона привело к тому, что церковь лишалась статуса юридического лица, а церковное имущество переходило в заведование местных советов рабочих и крестьян. Были национализированы все церковные учреждения: приюты, школы, больницы. Теперь приходская жизнь регулировалась собранием двадцати верующих («двадцаткой»). На ней лежала ответственность за ремонт церковного здания, оплата налогов, охрана церкви. 9 октября 1918 г. Петроградская евангелическо-лютеранская консистория сообщила об официальном запрете религиозного преподавания в школах. С 1918 г. быстрыми темпами началось разрушение прежней церковной и консисториальной организации в Петрограде.

Новый высший церковный совет – Епископальный совет, созданный 24 ноября 1920 г., открыл в 1922 г. в Петрограде теологические курсы. 15 сентября 1925 г. начали действовать «Евангелическо-лютеранские библейские курсы», работавшие в здании общины св. Анны на Кирочной улице. Подготовленные на их базе проповедники восполняли острую нехватку священнослужителей.

Во второй половине 1920-х годов наблюдалось некоторое затишье в борьбе с церковью. 16 февраля 1926 г. циркуляр НКВД разрешал лютеранам проводить конфирмацию без уведомления и разрешения местных властей. 13 декабря 1926 г. Президиум ВЦИК постановил, разрешить в молитвенных домах лютеран проводить двухнедельные занятия с молодежью старше 15 лет для подготовки к конфирмации.

Однако уже в 1929 г. начались массовые репрессии против духовенства различных конфессий, на смену относительной терпимости пришло воинствующее отношение к религии и церкви. В 1928 г. произошел фактический разгром Петришуле в Ленинграде, а в 1929 г. был арестован главный пастор Петрикирхе Г. Ганзен.

Ганзен Гельмут Германович был арестован 17 декабря 1929 г. по обвинению в антисоветской деятельности и обучении подростков катехизису и приговорен 17 сентября 1930 г. к 10 годам лагерей. Срок отбывал на Соловках. В 1938 г. был освобожден по инвалидности, как неспособный к работе. О дальнейшей его судьбе неизвестно.

Симон Октав Вильгельмович с 1924-го по май 1935 г. служил пастором в церкви св. Петра и Павла в Стрельне, одновременно в 1930–1935 гг. в церквах св. Михаила, св. Екатерины и св. Анны Ленинграда. Впервые был арестован в 1921 г. в Москве, освобожден через две недели. В 1925 г. окончил Ленинградские курсы проповедников и стал служить в Стрельне. Вновь арестован 17 мая 1935 г. за передачу письма германскому консульству и получение из-за границы материальной помощи. 1 ноября 1935 г. приговорен специальной коллегией Ленинградского областного суда к 6 годам лишения свободы. Отбывал срок в Беломоро-Балтийском лагере, в декабре 1939 г. переведен в Сегежский лагерь (Карелия). На этом сведения о пасторе заканчиваются.

Бруно Павлович Рейхерт (1908–1938) был последним пастором Новосаратовской колонии (1933–1935), одновременно в 1933–1937 гг. служил в церкви Мартина Лютера в Колпинской колонии. Под давлением властей отказался от сана 29 октября 1937 г. Расстрелян в Ленинграде 3 января 1938 г.

Преследования пасторов облегчило властям закрытие церквей. Церковные здания превращали, главным образом, в клубы, другие общественные учреждения. Кирха св. Николая в колонии Гражданка была передана 13 января 1936 г. в ведение Выборгского районного жилищного отдела. Еще в 1946 г. использовалась как жилое помещение. Церковь в Каменке превратили в столовую. В 1935 г. закрылись церкви и превратили в клубы: 1 августа – в Новопарголово, 27 августа – в Овцыно,

21 сентября – в Новосаратовке, Новоалександровке и Янино. В августе 1933 г. в Стрельнинской колонии прошла последняя конфирмация. Церковь была закрыта 23 октября 1935 г., а здание отдано под колхозный клуб. В 1921–1922 гг. домовая церковь в богадельне «Вифезда», приписанная к церкви св. Петра и Павла, также была закрыта, помещение передано больнице. Дольше других продолжала работу церковь Мартина Лютера в Колпинской колонии, где продолжал службу пастор Рейхерт, но 8 октября 1938 г. и она была передана под клуб.

В конце 1930-х годов Евангелическо-лютеранская церковь СССР перестала существовать как структурное объединение.

7/ SCHULE: UNTERRICHT UND KINDERERZIEHUNG

Für lange Zeit nach der Ansiedlung der Kolonisten in der neuen Heimat mischten sich die Behörden in deren geistliche Angelegenheiten nicht ein, dementsprechend fiel auch die Schule aus dem Gesichtsfeld des Staates. Im Manifest von Zarin Katharina II. von 1736 wurden unter den Privilegien der Ausländer die Glaubensfreiheit sowie die Souveränität der inneren Gerichtsbarkeit gewährleistet. Die Ausbildungs- und Schulfragen wurden jedoch in keinem der Dokumente, die auch im weiterem das Leben der Kolonisten regelten, sonderlich aufgegriffen. Dem ersten Pastor der Petersburger Kolonien, Georg Jakob Bobrik, der sein Amt 1766 antrat, wurde auch das Schulwesen in den drei ältesten Kolonien aufgetragen.

Eine übliche deutsche Schule entstand als Kirchenschule mit einer minimalen Anzahl an Schulfächern: Lesen, Schreiben, Rechnen, Religion, Singen. Erst mit der Zeit kam es zu einer Erweiterung. Die Unterrichtssprache war Deutsch. Die Schulausbildung war ab dem Alter von sechs oder sieben Jahren sowohl für Jungen als auch für Mädchen obligatorisch. Die Kirche spielte im Schulleben eine führende Rolle. Von der Bevölkerung wurde die Schule als Vorstufe der Vorbereitung der Kinder auf das

Gemeindeleben angesehen. Die Schulausbildung endete mit der Konfirmation. Auf das Konfirmationsfest bereitete man sich vorab vor, mit dem Pastor wurden Kirchenlieder, Gebete und Psalmen gelernt. Am Konfirmationstag wurde in der Kirche ein feierlicher Gottesdienst abgehalten. Die Mädchen zogen helle Kleider an, die Jungen Anzüge und weiße Hemden. Die Konfirmanden bekamen zum Andenken Geschenke, vorwiegend geistliche Bücher.

Dank der aufklärerischen Tätigkeit der Kolonisten wuchs die Zahl der deutschen Schulen im vorrevolutionären Russland konsequent. 1838 gab es im Reich 287 Kolonistenschulen. Der Großteil dieser Schulen (53,8%) befanden sich in den drei Gouvernements Taurien (75), Jekaterinoslaw (45) und Cherson (33). Im Gouvernement Saratow gab es 107 Schulen, in den Gouvernements Livland und Tschernigow je 9, in den Kolonien bei Petersburg 8.

1846 standen 8 Schulen für Kolonistenkinder und 25 Bauernschulen unter Aufsicht der Sankt Petersburger Kammer für staatliches Vermögen. Die Kolonistenschulen hatten 600 Schülerinnen und Schüler, die Bauernschulen ca. 950 Schülerinnen und Schüler. Bei den Deutschen kam ein Schüler auf 6 Einwohner, bei Staatsbauern einer auf 65 Personen. Dieser Wert zeugt von der hohen Dichte der Schulen.

Schulgebäude entstehen erst einige Jahre nach der Koloniegründung. Es gab auch finanzielle Schwierigkeiten, aber schon im ersten oder zweiten Winter begann man mit der Schulbildung der Kinder. Als Schulgebäude konnte auch ein Kolonistenhaus genutzt werden. So begann der Schulunterricht in der Kolonie Strelna 1813. Bei der Koloniegründung wurden 50 Grundzehnt für die Kirche reserviert, darunter 20 nur für die Schule. In anderen Kolonien wurden ebenfalls Grundstücke für den Bau der Kirche und der Schule ausgewiesen. Das Pastorat wurde 1818 gebaut und lag zwei Werst von der Kirche entfernt. Im selben Jahr wurde auf staatliche Kosten ein Schulgebäude neben der Kirche erbaut. 1896 wurde die neue Schule auf Kosten der Anwohner und mit Beistand der Wechselhilfekasse der lutherischen Kirchengemeinde errichtet. 1906 wurde ein steinernes Lehrerhaus dazu gebaut.

Aus der Kirchenchronik sind viele Daten von Schuleröffnungen in den Kolonien der Pfarrei von Neu-Saratowka bekannt. 1844 weihte Pastor Westenius in der Ischorskaja Kolonie ein neues Schulgebäude ein, am 9. November 1847 weihte er die neue Schule von Neu-Saratowka für 250 Schülerinnen und Schüler. 1877 wurden auch Schulgebetshäuser in Neu-Pargolowo und Neu-Alexandrowka eröffnet. 1884 wurde mit dem Bau des Schulgebäudes in Janino begonnen, am 20. Juli 1885 wurde es bereits eingeweiht. Im selben Jahr wurde eines der Kolonistenhäuser in Graschdanka zu einer Schule umgebaut.

1898 ergibt sich folgende Statistik der Schülerzahl in den Kolonien: in Graschdanka – 41 Schüler, in Kamenka – 40, in Neu-Alexandrowka – 28, in Neu-Pargolowo – 39, in Neu-Saratowka – 176, in Srednaja Rogatka – 112 Schüler. Im September 1903 beschloss die Gemeindeversammlung der Kolonie Krasnenkaja (an der 11. Werst der Peterhofer Chaussee) den Bau einer Schule, im Januar wurde sie schon eröffnet. Am 26. September 1905 wurde ein neues Schulgebäude in Srednaja Rogatka eingeweiht, was erlaubte, das Kirchengebäude nur für das Kirchenleben zu nutzen. In Dokumenten aus dem Jahr 1905 werden Kolonien aufgelistet, wo dem Ministerium für Volksaufklärung unterstellte Schulen funktionierten: Kipen, Graschdanka, Kamenka, Srednaja Rogatka, Neu-Pargolowo, Neu-Saratowka, Neu-Alexandrowka, Wesselyi Poselok, Kolpino. Die Schule in Neu-Saratowka wird als Haus Nr. 130 bezeichnet.

Die deutschen Schulen bei Petersburg zeichneten sich dadurch aus, dass hier früher als in anderen Regionen, und zwar schon ab Mitte der 1820er Jahre, Russisch als Schulfach unterrichtet wurde. Dank der Nähe zur Hauptstadt waren problemlos Lehrer zu finden, in den Schulen wurden auch neue Unterrichtsmethoden angewandt. 1829 wurde die Schule der Kolonie Strelna auf Anregung des Koloniebeaufsichtigenden von Strick nach dem Lancaster-Verfahren – einem englischen wechselseitigen Ausbildungsverfahren, bei dem die stärkeren Schüler den schwächeren Nachhilfeunterricht erteilen – umstrukturiert. Die feierliche Eröffnung der neuen Schule fand am 6. Dezember 1829 statt. Das Verfahren bewährte sich aber nicht, später wurde darauf verzichtet. Am Anfang des 20. Jahrhunderts hatte die Schule in Strelna fünf Klassen (Abteilungen), die Schülerzahl betrug 100 Personen. Ein Lehrer und eine Lehrerin für Russisch waren angestellt.

Ab 1825 wurde in der Schule der Kolonie Srednaja Rogatka folgende Unterrichtspraxis angewandt. Lehrer Iwan Müller wurde von den Kolonisten selbst bezahlt. 47 Kinder wurden eingeschult. Der Unterricht lief vom 15. September bis zum 1. Mai, fünf Tage pro Woche und sechs Stunden täglich. Folgende Fächer wurden unterrichtet: Religion (5 Stunden pro Woche), Geschichte der Heiligen Schrift (1), Lektüre auf Russisch (4) und auf Deutsch (4) Rechtschreibung in beiden Sprachen (6), Kalligraphie (2), Rechnen (5), Singen (2), Naturgeschichte (1). Die Kinder wurden für sechs Wochen in der Saat-, der Heuernte- und der Erntezeit vom Unterricht befreit. Im Sommer war dreitägiger Schulbesuch angeordnet. Die Gesamtzeit des Schulunterrichts betrug 180 Tage. 1828 machte der Minister für innere Angelegenheiten den Vorschlag, die Lehrerfahrung der Kolonie Srednaja Rogatka auch weiter zu fördern, u. a. in Neu-Saratowka, wo die Schülerzahl besonders hoch war (1829: 71 Schüler und 63 Schülerinnen).

Erste Versuche, die deutschen Schulen zu russifizieren, wurden 1874 unternommen. Eine Lehrerkonferenz setzte am 30. Juni den wöchentlichen Stundenplan für alle Kolonistenschulen fest: 5

Stunden Religion, je 5 Stunden Deutsch und Rechnen, 8 Stunden Russisch und 2 Singen. In den nachfolgenden Jahren achteten die Schulbehörden nicht so sehr auf den Russischunterricht. Jedoch verstärkte sich die Russifizierung nach der Übergabe der Schulen an das Ministerium für Volksaufklärung 1891. Ab dieser Zeit wurde es schwierig, passende Lehrer zu finden, denn die Lehrer konnten zwar gut Russisch, aber eher ungenügend Deutsch.

Über die Lehrer, die in den Kolonistenschulen arbeiteten, gibt es nur vereinzelt Informationen. Die ersten Lehrer in Strelna waren M. Werner, G. Masing, A. Sperer, Ch. Brisemeister. In späterer Zeit unterrichteten dort N. Ernitz (bis 1864), Fuhrmann (1864–1898), Kiesling (1898–1902), Bernardelli (1903–1905), Flor (1905), Using (1906–1907), Weidemann (ab 1907). Einige Namen von Lehrern in Neu-Saratowka sind auch bekannt: Christian Brunner arbeitete 1855–1864, ihn ersetzte Nikolai Ernitz, ein Absolvent des Seminars von Württemberg (1864–1875), der aus der Kolonie Strelna kam. 1910 lehrte Andrei Ruhl. 1898 erteilte in der Kolonie Kipen ein Anderson den Unterricht. Die Schule in Neu-Pargolowo wurde von J. P. Zimmermann geleitet.

Die Ergebnisse der ersten gesamtrussischen Schulerfassung, die am 18. Januar 1911 vorgenommen wurde, zeigen, dass die Deutschen die höchste Schülerzahl auf 100 Einwohner hatten, und zwar 6,55 Schüler. Zum Vergleich: Bei den Griechen lag die Schülerzahl bei 6,19, bei den Finnen bei 6,16, bei den Esten bei 5,27, bei den Russen bei 4,85.

In den Jahren des Ersten Weltkrieges wurden Gesetze zum Verbot des Gebrauchs der deutschen Sprache in den Schulen und in der Öffentlichkeit erlassen. Das Verbot galt vor allem für die Realschulen an den evangelischen und reformierten Kirchen in Petrograd, später auch in Moskau. Am 24. Dezember 1914 wurde das Deutschverbot für alle Kolonistenschulen des Staates erlassen. Am 18. August 1916 erließ der Zar ein Gesetz zum Verbot des Unterrichts in deutscher Sprache in allen Lehranstalten, einschließlich der privaten und von lutherischen Kirchengemeinden finanzierten Lehranstalten. Ab dem Schuljahr 1916/1917 wurde Deutsch als Unterrichtssprache nur in Religionsstunden und im eigentlichen Deutschunterricht zugelassen. Unter den 1915 auf Anordnung der Behörde geschlossenen Schulen war auch die deutsche Schule in Jamburg, die Schüler aus den Kolonien Lutzkaja, Porchowskaja und Frankfurtskaja besuchten, sowie deutsche Schulen in den Nowgoroder Kolonien Alexandrowskaja und Nowonikolaewskaja.

Die Schwierigkeiten in den ersten Jahren der Sowjetmacht waren für die meisten Schulen die gleichen: der Mangel an Lehrkräften, Lehrbüchern und Schulausstattung und der Verfall der Schulgebäude. Einige Kinder, die in den Kriegsjahren nicht eingeschult worden waren, blieben Analphabeten. Die Rückkehr zur Muttersprache stieß in den Schulen auf Schwierigkeiten: Einige Kinder beherrschten kein Deutsch. Diese Kinder mussten dann von Null an unterrichtet werden. Auch die Kirche hatte starken Einfluss.

In der Entwicklung der deutschen Schulen zeichnete sich in den 1920er Jahren ein Aufschwung ab. 1923 gab es in 27 Kolonien des Gouvernement Petrograd zwölf Schulen: Neu-Saratowka, Srednaja Rogatka, Kolpino, Strelna, Owzyno, Neu-Pargolowo, Kamenka, Janino, Krasnenkaja, Kipen, Smolninskaja und Jamburg. 29 Lehrkräfte unterrichteten 1115 Schulkinder. Nach dem Stand von 1926 hatte Neu-Saratowka die größte Schule mit 118 Schulkindern. In Owzyno besuchten 76 Schulkinder die Schule, unter ihnen 50 Deutsche, 7 Finnen und 19 Russen.

Das für die Fachausbildung deutscher Lehrer 1922 in Moskau gegründete Deutsche Praktische Institut für Volkbildung wurde 1925 nach Leningrad verlegt. Das Institut wurde zur Deutschen Pädagogischen Fachschule umstrukturiert. 1932 bekamen dort 326 Studentinnen und Studenten eine Ausbildung. Doch 1935 wurde die Fachschule als Institution eliminiert, die Studentinnen und Studenten aus der Deutsche Abteilung wurden in die Deutsche Wolga-Republik versetzt.

In der ersten Hälfte der 1930er Jahre begann eine Normierung der Lehrprogramme und Lehrbücher sowie eine starke Sowjetisierung der Ausbildung. Zu dieser Zeit arbeiteten im Prigorodnyi Bezirk sechs Grundschulen und zwei siebenjährige Schulen für deutsche Kinder. Eine der siebenjährigen Schulen befand sich in der Thälmann-Kolchose. Im Schuljahr 1939/1940 gingen alle Kinder aus der Kolchose „Roter Mechanisator“ (Neu-Saratowka) in die siebenjährige Schule, acht Jungen und Mädchen wurden in Fachschulen ausgebildet, die Geschwister Stroh im Leningrader Konservatorium. Nach dem Abschluss der siebenjährigen Schule setzten einige Neusaratower ihre Ausbildung in der Schule in der Siedlung Rybatskoje fort.

Die sich am Ende der 1920er Jahre abzeichnende Tendenz zur Reduzierung der nationalen Ausbildung führte ein Verbot der nationalen Schulen herbei. Am 24. Januar 1938 nahm das Organisationsbüro des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei der Bolschewiken das Dekret „Über die Reorganisation der Nationalschulen“ an. In der Verordnung wurde vermerkt, dass die Nationalschulen “zu Hochburgen des bürgerlich-nationalistischen antisowjetischen Einflusses auf Kinder“ geworden sind und der richtigen Ausbildung und Erziehung enormen Schaden zugefügt hätten. Aufgrund dieses Dokuments wurden Nationalschulen in Standardschulen mit der Unterrichtssprache Russisch umstrukturiert. Nur die Schulen der Titularnationen der Sowjetrepubliken blieben erhalten. Die faktische Schließung der Nationalschulen wurde mit Propaganda über die Notwendigkeit eines besseren Erlernens der russischen Sprache begleitet.

ШКОЛА: ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Долгие годы после водворения колонистов на новых землях власти не вмешивались в вопросы их духовной жизни, поэтому школа оставалась вне поля зрения государства. В Манифесте Екатерины II 1763 г. среди привилегий для иностранцев гарантировалась свобода вероисповедания, независимость внутренней юрисдикции. Но ни в этом документе, ни в последующих документах, регулировавших жизнь колонистов – нигде вопросы школы специально не поднимались. Первому пастору петербургских колоний Георгу Якобу Бобрику, вступившему в должность в 1766 г., были поручены и школы в старейших трех колониях.

Традиционная немецкая школа возникла как церковная, набор изучаемых предметов был минимальным – чтение, письмо, арифметика, Закон Божий, пение, хотя со временем он расширился. Преподавание велось на немецком языке. Обучение было обязательным с шести-семи лет, как для мальчиков, так и для девочек. Церковь играла ведущую роль в жизни школы. Население рассматривало школу как ступень подготовки детей к вступлению в церковную общину. Конфирмацией завершалось школьное обучение. К празднику посвящения готовились загодя, разучивая с пастором молитвы, стихи, песнопения. В день конфирмации проводилась торжественная служба в церкви. Девушки облачались в светлые одежды, юноши – в костюмы и белые рубашки. Им дарились памятные подарки, часто это были книги духовного содержания.

Благодаря усилиям самих колонистов количество немецких школ в дореволюционной России постоянно росло. В 1838 г. в империи насчитывалось 287 колонистских школ. Больше половины из этого числа школ (53,8%) находились в трех губерниях: Таврической (75), Екатеринославской (45), Херсонской (33). В Саратовской губернии было 107 школ, Лифляндской и Черниговской губерниях – по 9, в колониях под Петербургом – 8.

В 1846 г. в ведении Санкт-Петербургской палаты государственных имуществ состояло 8 школ для детей колонистов и 25 крестьянских школ. В школах колонистов обучалось около 600 девочек и мальчиков, в крестьянских школах – около 950 детей. У немцев один ученик приходился на шесть человек населения, у казенных крестьян – на 65 чел. Этот показатель отражает степень обеспеченности населения школами.

Школьные здания появлялись через несколько лет после возникновения колоний. Это было связано с финансовыми трудностями, но обучение детей организовывалось уже в первую-вторую зиму. Для этого мог использоваться дом кого-то из колонистов. Так, например, занятия в Стрельнинской колонии начались в 1813 г. При основании колонии на церковные нужды было выделено 50 десятин земли, из них 20 предназначались для школы. В других колониях также выделялись участки под постройку церкви и школы. Пасторат был построен в 1818 г., находился в двух верстах от церкви. В том же году близ церкви на казенные средства было построено и школьное здание. В 1896 г. на средства жителей и при содействии Кассы взаимопомощи лютеранских приходов была построена новая школа. В 1906 г. был воздвигнут каменный дом для учителей.

Благодаря церковной хронике известны многие даты появления школ в колониях Новосаратовского прихода. В 1844 г. в Ижорской колонии пастор Вестениус освятил новое школьное здание. 9 ноября 1847 г. обряд освящения он провел в новой школе Новосаратовки, рассчитанной на 250 чел. Одновременно в 1877 г. были открыты школьно-молитвенные дома в Новопарголово и Новоалександровке. В 1884 г. приступили к строительству школьного здания в Янино, а 20 июля 1885 г. оно было освящено. В том же году в Гражданке под школу был перестроен один из домов колонистов.

В 1898 г. в школах колонистов обучались: в Гражданке – 41 ученик, Каменке – 40, Новоалександровке – 28, Новопарголово – 39, Новосаратовке – 176, Средней Рогатке – 112 учеников. В сентябре 1903 г. сельский сход Красненькой колонии (на 11-й версте Петергофского шоссе) решил построить школу, а в январе она уже открылась. 26 сентября 1905 г. было освящено новое школьное здание в Средней Рогатке, что освободило церковное помещение только для службы. В документах за 1905 г. перечисляются колонии, в которых действовали школы, подведомственные Министерству народного просвещения: Кипень, Гражданка, Каменка, Средняя Рогатка, Новопарголово, Новосаратвка, Новоалександровка, Веселый Поселок, Колпино. Училище в Новосаратовке обозначено как дом № 130.

Немецкие школы под Петербургом отличались тем, что в них раньше, чем в других регионах, уже в середине 1820-х годов начали вводить русский язык. Благодаря близости к столице здесь не было проблем с учителями, на уроках применялись современные методики преподавания. В 1829 г. по инициати-

ве смотрителя колоний фон Штрика школа в Стрельнинской колонии была преобразована по методу Ланкастера – английскому методу взаимного обучения, когда хорошо успевающие ученики помогали слабым детям. Торжественное открытие новой школы состоялось 6 декабря 1829 г. Однако метод не оправдал себя и от него впоследствии отказались. В начале XX в. Стрельнинская школа имела пять отделений (классов), и в ней обучалось более 100 учеников. Работал один учитель и учительница русского языка.

Подобная практика преподавания с 1825 г. уже использовалась в Среднерогатской колонии. Учителя Ивана Миллера содержали сами колонисты. В школе обучалось 47 детей. Занятия проводились с 15 сентября по 1 мая, пять дней в неделю по шесть занятий ежедневно. Изучались предметы: закон Божий (5 уроков в неделю), Священная история (1), чтение на русском (4) и на немецком (4) языках, правописание на обоих языках (6), чистописание (2), арифметика (5), пение (2), естественная история (1). Дети освобождались на шесть недель на время посева, сенокоса и жатвы. В летнее время приходили в школу три раза в неделю. В итоге занятия продолжались только 180 дней. В 1828 г. министр внутренних дел предложил распространить опыт Средней Рогатки дальше, особенно в Новосаратовке, где было особенно много учащихся (в 1829 г. 71 мальчик и 63 девочки).

Первые попытки русификации немецких школ были предприняты в 1874 г. Учительская конференция, проходившая 30 июня, определила еженедельный учебный план для всех колоний: 5 уроков закона Божьего, по 5 часов немецкого языка и арифметики, 8 часов – русского языка и 2 часа пения. В последующие годы училищные власти не обращали пристального внимания на преподавание русского языка. Однако после передачи школ в 1891 г. в ведение Министерства народного просвещения русификация усилилась. Теперь трудно было найти подходящего учителя, т.к. учителя хорошо знали русский язык и очень слабо немецкий.

Об учителях, работавших в школах колонистов, имеются лишь отдельные факты. Первыми учителями в Стрельне были М. Вернер, Г. Мазинг, А. Шперер, К. Бриземейстер. Затем преподавали: Н. Эрниц (до 1864), Фурман (1864–1898), Кислинг (1898–1902), Бернарделли (1903–1905), Флор (1905), Узинг (1906–1907), Вейдеман (с 1907). Известны некоторые имена учителей в Новосаратовке: Кристьер Бруннер работал в 1855–1864 гг., его сменил Николай Эрниц, выпускник Вюртембергской семинарии (1864–1875), перешедший из Стрельнинской колонии. В 1910 г. учителем был Андрей Руль. В 1898 г. в Кипенской колонии преподавал некто Андерсон. Школой в Новопарголово заведовал И. П. Циммерман.

По итогам первой Всероссийской школьной переписи, проходившей 18 января 1911 г., у немцев России насчитывалось самое большое число учащихся в расчете на каждые 100 чел. населения – 6,55 учеников. Для сравнения у греков этот показатель равнялся 6,19, у финнов – 6,16, эстонцев – 5,27, русских – 4,85 учеников.

В годы Первой мировой войны были приняты законы о запрещении употребления немецкого языка в общественных местах и в школах. Первыми испытали на себе запрет училища при лютеранских и реформатских церквах Петрограда, затем Москвы. 24 декабря 1914 г. запрет на немецкий язык был распространен на школы колонистов по всей империи. 18 августа 1916 г. император утвердил закон о воспрещении преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержащихся лютеранскими приходами школ. Начиная с 1916/17 учебного года немецкий язык преподавания сохранялся лишь на уроках закона Божьего и собственно немецкого языка. Среди закрытых в 1915 г. по распоряжению властей школ была немецкая школа в Ямбурге, которую посещали дети из колоний Луцкая, Порховская и Франкфуртская, школы в новгородских колониях Александровской и Новониколаевской.

Трудности первых лет советской власти были общими для большинства школ: не хватало учителей, не было школьного оборудования и учебников, здания находились в плачевном состоянии. Часть детей, не посещавших школу в годы войны, остались неграмотными. Возвращение родного языка в школы встретило неожиданные трудности – часть детей не говорили по-немецки. Их приходилось обучать с нуля. Сильно было влияние церкви.

Подъем в развитии немецких школ наметился к середине 1920-х годов. В 1923 г. в Петроградской губернии в 27 колониях имелось 12 школ: Новосаратовка, Средняя Рогатка, Колпино, Стрельна, Овцыно, Новопарголово, Каменка, Янино, Красненькая, Кипень, Смольнинская и Ямбург. 29 учителей обучали 1115 учащихся. По состоянию на 1926 г., самой большой была Новосаратовская школа, где обучалось 118 детей. В Овцыно школу посещали 76 учащихся, из них 50 немцев, 7 финнов и 19 русских.

Для подготовки немецких учителей созданный в 1922 г. в Москве Немецкий практический институт народного образования в 1925 г. был переведен в Ленинград. Он был превращен в Немецкий педагогический техникум. В 1932 г. в нем обучалось 326 студентов. Но в 1935 г. техникум был расформирован, студенты немецкого отделения переводились в Республику немцев Поволжья.

В первой половине 1930-х годов началась унификация программ и учебников, велась активная советизация образо-

вания. В этот период в Пригородном районе действовали 6 начальных и две семилетки для немецких детей. Одна из школ-семилеток работала в колхозе им. Тельмана. В 1939/1940 учебном году в колхозе «Красный механизатор» (Новосаратовка) все дети учились в неполной средней школе, восемь юношей и девушек обучались в техникумах, а брат и сестра Штро – в Ленинградской консерватории. После окончания семилетки некоторые новосаратовцы продолжали учебу в школе в с. Рыбацком.

Курс на сокращение национального образования, обозначившийся уже в конце 1920-х годов, завершился запретом национальных школ. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации национальных школ». В нем отмечалось, что национальные школы превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», они наносят огромный вред делу правильного обучения и воспитания. Этим документом национальные школы преобразовывались в школы обычного типа с преподаванием на русском языке. Сохранялись лишь школы титульных наций республик. Фактическое закрытие национальных школ прикрывалось пропагандой о необходимости лучшего изучения русского языка.

8/ IM DIENSTE VON STAAT UND GESELLSCHAFT

Wehrpflicht und Militärdienst der Kolonisten

Am 1. Januar 1874 wurde in Russland die allgemeine Militärpflicht eingeführt, was die Rekrutenaushebungen ersetzte. Das neue Gesetz setzte ein beschlossenes Lossystem in Kraft, das dann angewandt wurde, wenn die Zahl der Militärdienstpflichtigen die Zahl der Einzuberufenden überstieg; die Ablöse und der Ersatzdienst wurden aufgehoben. Der Militärdienst gliederte sich in Dienst in den Kernstreitkräften und jenen in der Bürgerwehr, der Dienst in den ständigen Korps gliederte sich in den aktiven Dienst (Dienst bei der Fahne) und in den Reservistendienst bei der Armee und der Flotte. Aus diesem Grund umfasste die Dienstfrist die Zeit des aktiven Dienstes und die des Reservistendienstes. Die Dienstfrist in der Infanterie betrug sechs Jahre und wurde 1876 auf fünf Jahre, 1878 auf vier Jahre und 1906 auf drei Jahre reduziert. Das Wehrpflichtalter wurde auf 21 Jahre festgelegt. Nur Männer aus den Familien, wo es mehrere arbeitsfähige Familienmitglieder gab, wurden zum Dienst einberufen.

Die deutschen Kolonisten nahmen diese Neuerungen mit Misstrauen zur Kenntnis. In der Wolga-Region führte das Gesetz zu einer neuen deutschen Migrationswelle nach Amerika. Mit der Zeit nahm man die Einberufung zum Militärdienst immer gelassener hin, da sie einen beschränkten Charakter hatte. Der Militärdienst hob den Status eines Mannes, denn die Rekruten mussten über Russischkenntnisse verfügen, außerdem erwarben sie in den Dienstjahren neue soziale Erfahrungen, erweiterten ihren Gesichtskreis und stärkten ihre Disziplin. Die Einstellung der Kolonisten zum Militärdienst war in Friedensjahren deshalb durchaus loyal.

Uns stehen gegenwärtig nur vereinzelte Fakten über den Militärdienst der Petersburger Kolonisten zur Verfügung. 1879 nahmen die einberufungsreifen jungen Männer den ganzen Sommer an einem Intensivkurs, vermutlich ein Russischkurs, teil. In der Herbstprüfung in Rybatskoje fielen aber alle durch. Der Misserfolg wurde mit der unfreundlichen Einstellung zweier orthodoxer Geistlicher aus dem Prüfungsausschuss erklärt.

Zahlreiche Aufnahmen, die von Nachkommen der Kolonisten behutsam bewahrt wurden, sowie einzelne biographische Daten sprechen dafür, dass viele Männer sowohl in der Zarenarmee als auch in der Sowjetzeit Dienst geleistet haben.

Die meisten Aufnahmen aus der Zeit vor der Revolution wurden in Petersburg gemacht, einige in Odessa, was indirekt auf den Dienstort hinweist. Auszeichnungen an den Kopfbedeckungen und auf Schulterklappen lassen annehmen, dass einige Kolonisten in Elitenregimentern ihren Militärdienst ableisteten. Alexander Adamowitsch Eidemüller (1868–1941), ein Kolonist aus Strelna, diente Ende der 1880er Jahre bis Anfang der 1890er Jahre als Gefreiter im 4. Bataillon der Leibgarde Ihrer Majestät. Das Bataillon wurde 1855 aus Bauern der Zarenlehen einberufen, sein Standort war Zarskoje Selo. Alexander Alexandrowitsch Lefler (1894–1942) aus der Kolonie Strelna diente im Ersten Weltkrieg in den Fahrtruppen des Petrograder Wehrkreises, vermutlich in der Lehrfahrkompanie. Bei denselben Truppen diente auch Michail Michailowitsch Stroh (Geburtsjahr 1892) aus Owzyno. Später war er als Schlosser in den Ischora-Werken tätig. Im März 1942 wurde er in den Kreis Krasnojarsk deportiert. Abraham Egorowitsch Schmidt (1882–1943) aus Neu-Saratowka wurde während des Krieges gegen Japan einberufen, später auch wieder während des Krieges gegen Deutschland mobilisiert.

Viele Kolonisten kamen dank ihrer Fähigkeiten und der Beherrschung von Musikinstrumenten in die Musiktruppen der Armee. Leontij Leontijewitsch Wallieser (1891–1966) aus Neu-Saratowka diente in der Militärmusiktruppe des 433. Nowgoroder Infanterieregimentes, das in den Jahren des Ersten Weltkrieges entstanden war. Christian Bogdanowitsch Fritzler aus Neu-Saratowka diente als Militärmusiker dann schon in der Sowjetzeit.

Iwan Andrejewitsch Reich (1902?–1941) aus Neu-Saratowka kämpfte unter Budjonnys Kommando noch im Bürgerkrieg. Nach dem Krieg arbeitete er als Schlosser im Straßenbahn-Depot, er starb während der Blockade. Einige Daten aus der Biographie des Neu-Saratowkaer Kolonisten Iwan Jegorowitsch Vogelgesang (Geburtsjahr 1906) erscheinen recht interessant. Bis 1938 diente er auf dem Eisbrecher „Lenin“, der an der Erschließung des Nördlichen Seeweges beteiligt war. 1937 überwinterte der Eisbrecher mit einem Konvoi von fünf Schiffen in den Eismassen der Laptjewsee und wurde im August 1938 vom Eisbrecher „Krassin“ aus dem Packeis in freies Fahrwasser geleitet. Bald danach wurde Vogelsang repressiert.

Einige Tatsachen sprechen für die Teilnahme von Kolonisten an den Kämpfen im Russisch-Japanischen Krieg und im Ersten Weltkrieg. Am Krieg gegen Japan nahmen einige Kolonisten aus der Gemeinde Neu-Saratowka teil. 17 Reservisten aus der Kolonie Kolpino, aus Owzyno und Janino wurden an die Front geschickt, zwei fielen, ein Kolonist kam in Gefangenschaft. Die allgemeine Mobilmachung nach Beginn des Krieges gegen Deutschland im Sommer 1914 betraf alle Kolonien. Schon am 20., 21. und 22. Juli in Neu-Saratowka, am 27. Juli in Owzyno und am 30. Juli in Kolpino wurden Gottesdienste und ein Abendmahl für die Reservisten abgehalten. Bald waren viele Kolonisten an der Front und nahmen an der ostpreußischen Offensive teil. In den Listen der Gefallenen, Verwundeten und Vermissten aus dem Jahr 1914 können wir zwölf Namen von Kolonisten aus Srednaja Rogatka entdecken. Das sind Alexander Amann, Andrei, Peter, Sebastian und Fjodor Becker, Karl und Fjodor Bawer [Bauer?], Jakob Schmidt, Adam, Nikolai, Fjodor und Jakob Eidemüller – sie alle wurden am 30. und 31. August als Vermisste eingestuft. Vermutlich sind sie in der Schlacht bei Tannenberg in Masuren gefallen oder gefangen genommen worden. Die 1. und die 2. Nordwest-Armee gingen in die Offensive und sollten am 17. und am 19. August über die preußische Grenze gehen. Doch schon am 29. August musste die 2. Armee den Rückmarsch antreten, bald danach wurde sie zerschlagen. Die Zurückgebliebenen bekamen den Befehl, sich zu ergeben. Als Ergebnis des Kampfeinsatzes verlor die 2. Armee ca. 6000 Mann als Gefallene, 50 000 wurden gefangen genommen (unter ihnen 30 000 Verwundete).

Freiwillige Feuerwehr

Der Dienst der Kolonisten für das Wohl der Gesellschaft in der Friedenszeit bestand in der Arbeit der Feuerwehrkommandos. Die Gründung der ersten fachmännischen Feuerwehr in Russland geschah im Jahr 1804. Schon in der Mitte des 19. Jahrhunderts entstehen freiwillige Feuerwehrkommandos, dies aber ausschließlich in den Städten. Nach der Annahme des Standardstatutes der freiwilligen Feuerwehrs 1897 erfasste die Freiwilligenbewegung auch die Dörfer und Siedlungen. Eine wichtige Rolle in der Förderung des Feuerwehrwesens spielte die Zaristische Russische Brandschutzgesellschaft, die 1892 gegründet wurde.

Brandbekämpfung war schon seit der Koloniegründung eine Pflicht der Kolonisten. In der am 16. Juni 1803 veröffentlichten Anweisung für die Petersburger Kolonisten wurde eine Sonderabteilung der Dorfpolizei für den Brandschutz bestimmt. Für den Diebstahl- und Feuerschutz wurde eine spezielle Tages- und Nachtwache angeordnet. Im Zentrum jener Siedlungen, denen eine Kirche fehlte, mussten eine Glocke und eine Metallleiste für Feueralarme hängen. In den Kolonien gab es auch Feuerwehrschuppen, wo die Gerätschaften zur Brandbekämpfung und Wassertonnen gelagert wurden. Auf jedem Koloniehof musste auch ein Wasserfass stehen. Die Dorfoberhäupter (Schulzen) mussten auch den Zustand der Öfen und Schornsteine in den Siedlungen beaufsichtigen und deren regelmäßige Kontrolle durchführen.

Trotz der Vorsorgemaßnahmen waren Brände keine Seltenheit. In Neu-Saratowka und in Srednaja Rogatka wurde 1870 bis

1872 eine Reihe von Bränden aufgezeichnet. Im Februar und im März 1871 litten 14 Wirtschaften unter Feuer, 1875 zwölf weitere Häuser. 1889 wurde die Schule in Kowaljowo durch einen Brand vernichtet. Deshalb waren Feuerwehrkorps notwendig, sie gab es in vielen Kolonien, z. B. in Neu-Saratowka, Kronstadt, Strelna und Graschdanka.

1897 wurde ein freiwilliges Feuerwehrkommando in Graschdanka gestiftet. Das Kommandostatut wurde am 10. Dezember 1897 genehmigt, das jährliche Berufsfest wurde am 24. Juni gefeiert. Der Stifter und Schirmherr war P. A. Schäfer. Am 22. Juni 1903 feierte das Kommando sein fünfjähriges Jubiläum. An jenem Tag wurden die besten Feuerleute mit dem Kommandoabzeichen „Für energievolle und fruchtbare fünfjährige Brandschutztätigkeit" ausgezeichnet. Alle Ausgezeichneten waren deutsche Kolonisten: F. Schäfer, A. Schäfer, A. Eidemüller, E. Eidemüller, A. Bauer, Ch. Bauer, J. Bauer, A. Bitsch, F. Bitsch, A. Wallieser, F. Walieser, P. Vogelgesang, F. Vogelgesang, A. Erhardt.

Noch vor der Revolution brannte das Feuerwehrkommandogebäude in Graschdanka auf dem Grundstück der Erhardts ab. Ein neues Gebäude wurde weiter südlich, auf dem Grundstück der Vogelgesangs errichtet. Es handelte sich um ein zweistöckiges Haus mit der Anschrift Doroga v Graschdanku 31. Das „Poscharka" genannte Feuerwehrkommandogebäude war eines der Zentren des Gesellschaftslebens der Kolonisten: Hier versammelte sich die Jugend, wenn ein Orchester spielte. Im zweiten Stock war die Verwaltung der Organisation „Vyborgskij Transportnik" (Wyborger Fuhrmann) untergebracht. Das Gebäude des Feuerwehrkommandos in Neu-Saratowka war ein gleichartiges Kulturzentrum, hier probte auch die Blaskapelle.

Fürst Alexandr Wladimirowitsch Lwow organisierte 1881 ein privates Feuerwehrkommando in Strelna und lud dazu deutsche Kolonisten ein. Bis zu jener Zeit befand sich die nächste Feuerwehr in Peterhof, sieben Werst entfernt. Das Kommando hatte einige Abteilungen. Die am 29. Juni 1900 gegründete Kolonieabteilung wurde vom Kolonisten Nikolai Petrowitsch Schmidt geleitet.

Jede Abteilung sollte einen Sammelpunkt haben, wo folgendes Zubehör gelagert wurde: Spritzrohr mit Durchlass, Aufnahme- und Gießschlauch, Rohr, Hakenstangen, Laufkatzen und anderes Zubehör. „Für die richtige Arbeit an Bränden und in den Musterungen" hatte jede Abteilung einen Oberen, seinen Gehilfen, einige Rohrleiter (für die Arbeit mit Schläuchen und Rohren), Pumpenleiter (für die Arbeit mit dem Spritzrohr), Axtleiter (für die Arbeit mit Äxten, Hakenstangen, Brechstangen und Laufkatzen), Schützer (bewahrten die Güter am Brandort). Am 11. September 1901 erbrachte die Kolonistenabteilung bei einem Brand im Dorf Starye Sawody eine besondere Leistung. Das Feuer brach um Mitternacht aus. Die Feuerwehrleute kamen schnell und zeichneten sich, wie in den Unterlagen verzeichnet wurde, durch „kecke Arbeit" aus. Allerdings brannte das Gut so oder so ab, doch verhinderte man eine Ausbreitung des Feuers.

Das Feuerwehrkommando wurde von der Bevölkerung aktiv unterstützt. Unter den Spendern waren 1901: Pastor Christian Augustowitsch Beermann (10 Rubel), Anna Wasilijewna Knopp (3 Rubel), Karl Karlowitsch Tile, Leontij Christianowitsch Beier (er stiftete eine Pumpe mit Zubehör, fünf Glocken und zwei Paar Kupfermuttern).

Die Entstehung der Sonderfeuerwehrkommandos zeugt von der Entwicklung des Feuerwehrwesens im Ganzen. Eine professionelle Brandbekämpfung war aber auch aufgrund der üblichen Wohnverhältnisse in Holzhäusern sowohl in den Städten als auch in den Dörfern notwendig.

НА СЛУЖБЕ У ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Воинская повинность и служба колонистов в армии

С 1 января 1874 г. в России вводилась всеобщая воинская повинность, заменившая собой рекрутские наборы. Новый закон закреплял сложившуюся систему «жеребьевки» (применялась в тех случаях, когда количество военнообязанных превышало количество призываемых на службу), отменялся выкуп и заместительство. Служба подразделялась на службу в постоянных войсках и в ополчении, а служба в постоянных войсках делилась на действительную службу и службу в запасе армии и флота. Поэтому срок службы состоял из срока действительной службы и службы в запасе. Срок действительной службы в сухопутных войсках составлял 6 лет, затем был сокращен до пяти лет (1876 г.), четырех (1878 г.) и трех лет (1906 г.). Устанав-

ливался призывной возраст в 21 год. Призывались мужчины только из тех семей, где было несколько работников.

Немецкие колонисты вначале настороженно отнеслись к нововведению. В Поволжье закон даже вызвал усиление эмиграции немцев в Америку. Но со временем отношение к призыву в армию стало более спокойным, т.к. он носил ограниченный характер. В определенном смысле служба в армии даже повышала статус отслужившего в ней, поскольку от призывников требовалось знание русского языка, за годы службы приобретался новый социальный опыт, расширялся кругозор, развивалась дисциплина. Поэтому отношение колонистов к службе в мирное время было вполне лояльным.

О военной службе петербургских колонистов мы в настоящее время располагаем лишь отдельными сведениями. В 1879 г. юноши призывного возраста активно занимались все лето. Видимо, учили русский язык. Однако на осенней проверке, проходившей в Рыбацком, все провалились. Неудачу приписали недружественной позиции двух православных священников, входивших в комиссию.

Судя по многочисленным фотографиям, сохранившимся у потомков колонистов, отдельным биографическим данным, многие мужчины служили и в царской армии, и при советской власти. Подавляющая часть дореволюционных фотографий сделана в Петербурге, единичные – в Одессе, что косвенно может указывать на место службы. Отличительные знаки на головных уборах и погонах позволяют говорить, что некоторые колонисты несли службу в элитных воинских частях. Эйдемиллер Александр Адамович (1868–1941), стрельнинский колонист, в конце 1880-х – начале 1890-х годов служил ефрейтором в 4-м лейб-гвардии императорской фамилии батальоне. Батальон был создан в 1855 г. из крестьян императорских уделов, дислоцировался в Царском Селе. Александр Александрович Лефлер (1894–1942) из Стрельнинской колонии в годы Первой мировой войны служил в автомобильных войсках Петроградского военного округа, предположительно, в учебной автомобильной роте. Автомобилистом служил и Михаил Михайлович Штро (1892 г. р.), колонист из Овцыно. Позже он работал слесарем-сборщиком на Ижорском заводе. В марте 1942 г. депортирован в Красноярский край. Абрам Егорович Шмидт (1882–1943) из Новосаратовки призывался в годы войны с Японией, затем вновь мобилизован в период войны с Германией.

Многие колонисты, благодаря своим способностям и знакомству с музыкальными инструментами с детства, попадали в музыкальные подразделения. Леонтий Леонтьевич Валлизер (1891–1966) из Новосаратовки служил в музыкальной команде 433-го Новгородского пехотного полка, сформированного в годы Первой мировой войны. Христиан Богданович Фрицлер из Новосаратовки служил музыкантом уже в советское время.

Рейх Иван Андреевич (1902?–1941) из Новосаратовки, в годы Гражданской войны воевал под командованием С. М. Буденного. После войны работал слесарем в трамвайном парке. Умер в блокадном Ленинграде. Интересны факты из биографии другого новосаратовского колониста Ивана Егоровича Фогельгезанга (1906 г. р.). До 1938 г. он служил на ледокольном пароходе «Ленин», принимавшем активное участие в освоении Северного морского пути. В 1937 г. в караване из 5 судов пароход зимовал во льдах моря Лаптевых, выведен ледоколом «Красиным» в августе 1938 г. Вскоре Фогельгезанг был репрессирован.

Отдельные факты говорят об участии колонистов в военных действиях в период русско-японской и Первой мировой войн. В войне против Японии участвовало несколько колонистов из Новосаратовского прихода. 17 резервистов из Колпинской колонии, Овцыно и Янино были направлены на фронт, двое из них погибли, один оказался в плену.

Объявление о всеобщей мобилизации после начала войны с Германией летом 1914 г. затронуло все колонии. Уже 20, 21 и 22 июля в Новосаратовке, 27 июля в Овцыно и 30 июля в Колпинской колонии прошли службы и причащение призывников. Вскоре многие оказались на фронте и приняли участие в Восточно-Прусской операции. В списках убитых, раненых и пропавших без вести за 1914 г. находим только из Среднерогаткой колонии 12 фамилий. Это – Александр Аман, Андрей, Петр, Севастьян и Федор Беккеры, Карл и Федор Бавер [Бауер?], Яков Шмидт, Адам, Николай, Федор и Яков Эйдемиллеры – все они пропали без вести 30–31 августа. Вероятнее всего, они погибли или попали в плен в ходе битвы при Танненберге у Мазурских болот. 1-я и 2-я армии Северо-западного фронта перешли в наступление и должны были перейти границу Пруссии 17 и 19 августа. Однако уже 29 августа 2-я армия вынуждена была отступать, и вскоре была разбита. Оставшимся был отдан приказ о сдаче в плен. В результате операции потери 2-й армии составили около 6 тыс. чел. убитыми, в плен попало около 50 тыс. (из них 30 тыс. раненых).

Добровольные пожарные дружины

Служба колонистов на благо общества в мирное время проявлялась в работе пожарных команд. Возникновение первой профессиональной пожарной дружины в России относится к 1804 г. Уже в середине XIX в. появляются добровольные дружины, но те и другие существовали лишь в городах. После принятия в 1897 г. «Нормального устава добровольной пожарной

дружины» добровольческое движение охватывает и сельскую местность. Важную роль в развитии пожарного дела сыграло императорское Российское пожарное общество, основанное в 1892 г.

Забота о тушении пожаров была обязанностью колонистов уже с основания колоний. В инструкции для петербургских колонистов, изданной 16 июня 1803 г., особый раздел посвящен сельской полиции и предотвращению пожаров. Для предупреждения краж и возгораний следовало иметь специальных дневных и ночных «караульщиков». В центре тех поселений, где не было церкви, надлежало иметь колокол или металлическую доску для оповещения о пожаре. В колониях имелись пожарные сараи, где хранился инвентарь для тушения огня, хранились бочки с водой. В каждом дворе также должны стоять бочки с водой. Сельские старосты (шульцы) обязаны были следить за состоянием печей и труб в колонии, проводить их освидетельствование.

Несмотря на все предосторожности, пожары случались нередко. В Новосаратовке и Средней Рогатке они отмечены подряд в 1870–1872 гг. В феврале и марте 1871 г. в Новосаратовке пострадали от огня 14 хозяев, в 1875 г. еще 12 домов. В 1889 г. пожаром была уничтожена школа в Ковалево. Поэтому пожарные команды были необходимостью, они имелись во многих колониях, например, в Новосаратовской, Кронштадской, Стрельнинской, Гражданке.

В 1897 г. была учреждена добровольная команда в Гражданке. Устав дружины был принят 10 декабря 1897 г., а свой ежегодный праздник отмечали 24 июня. Учредителем и начальником дружины был П. А. Шефер. 22 июня 1903 г. дружина отмечала пятилетие. В этот день наградили лучших пожарных знаком дружины «За энергичную и плодотворную пятилетнюю пожарную деятельность». Все награжденные оказались немцы-колонисты: Ф. Шефер, А. Шефер, А. Эйдемиллер, Е. Эйдемиллер, А. Бауэр, Х. Бауэр, Я. Бауэр, А. Бич, Ф. Бич, А. Вализер, Ф. Вализер, П. Фогельгезанг, Ф. Фогельгезанг, А. Эргардт.

Еще до революции здание пожарной дружины в Гражданке, стоявшее на земле Эргардтов, сгорело. Новое здание построили южнее, на земле Фогельгезангов. Это был двухэтажный дом по адресу: Дорога в Гражданку, 31. «Пожарка» была одним из центров общественной жизни колонистов. Здесь собиралась молодежь, действовал оркестр. На втором этаже в 1930-е годы размещалось правление «Выборгского транспортника». Здание пожарной команды и в Новосаратовке тоже было своеобразным культурным центром, здесь проводил свои репетиции духовой оркестр.

Стрельнинские колонисты оказались включенными в частную пожарную дружину, которую организовал в Стрельне в 1881 г. князь Александр Дмитриевич Львов. До этого времени ближайшая пожарная команда находилась в Петергофе, в 7 верстах. Дружина имела несколько отделений. Колонистское отделение, основанное 29 июня 1900 г., возглавлял житель колонии Николай Петрович Шмидт.

Каждое отделение должно было иметь определенный сборный пункт, где хранились: пожарная труба с ходом, приемный и поливной рукав, ствол, багры, кошки и другой инвентарь. «Для правильной работы на пожарах и смотрах» каждое отделение состояло из старшего дружинника, его помощника, трубников (приводили в действие поливной рукав и действовали стволом), качальщиков (приводили в действие пожарную трубу), топорников (действовали топорами, кошками, баграми и ломами), охранителей (оберегали имущество, спасенное при пожаре, и оцепляли место пожара).

11 сентября 1901 г. во время пожара в деревне Старые Заводы Колонистское отделение особенно проявило себя. Огонь вспыхнул около 12 часов ночи. Пожарники во время прибыли и, как отмечается в документах, отличились «молодецкой работой». Правда, вся усадьба все равно сгорела, но пожар не распространился дальше.

Пожарную дружину активно поддерживало население. Среди жертвователей в пользу дружины в 1901 г. были: пастор Христиан Августович Беерман (10 руб.), Анна Васильевна Кнопп (3 руб.), Тиле Карл Карлович, Леонтий Христианович Бейер (подарил насос с принадлежностями, 5 колокольчиков, две пары медных соединительных гаек).

Появление специальных дружин свидетельствовало о развитии пожарного дела в целом, было вызвано необходимостью профессионально заниматься пожаротушением при все более скученном проживании людей в деревянных домах, как в городах, так и в селениях.

9/ DIE DEUTSCHE FAMILIE: DIALOG DER GENERATIONEN

Die traditionelle deutsche Familie war für die Dorf- und gleichzeitig für die Kirchengemeinde grundlegend. Die Familienverhältnisse standen unter ständiger gesellschaftlicher Kontrolle, was die unentbehrliche Ordnung im Verkehr der Menschen untereinander und die Werte bestimmte. Die zentrale Position der Kirche in der deutschen Gesellschaft prägte den Charakter der Familien und den sittlichen Charakter ihrer Mitglieder. Die Eheschließung wurde von der Kirche mit der Trauung vollzogen. Junge Männer durften ab dem 18. Lebensjahr, Mädchen ab dem Alter von 16 Jahren die Ehe schließen. Scheidungen wurde von der Gesellschaft und der Kirche recht negativ bewertet. So waren Ehescheidungen selten. Ein zulässiger Grund für eine zweite Ehe war, nach einem Trauerjahr, der Tod des Ehepartners.

Die Hochzeit war das Hauptfest in den Kolonistenfamilien. Die Hochzeitsfeier der Deutschen schloss sowohl Volksbräuche als auch kirchliche Traditionen ein. Die Hochzeiten wurden ab August, nach dem Ende der Ernte- und Feldarbeiten gefeiert. Für die Eheschließung brauchte das junge Paar die Einwilligung der Eltern, wenn die jungen Leute noch nicht volljährig waren, was erst ab dem 22. Lebensjahr der Fall war. Der Eheschließung gingen Brautwerbung, Verlobung und Verkündigung voran. Die bevorstehende Hochzeit wurde sonntags dreimal in der Kirche verkündet.

Vor der Hochzeit gingen die Hochzeitslader in der Kolonie herum und luden im Namen des Brautpaares alle Einwohner mit scherzhaften Gedichten zum Hochzeitsfest ein. Die Kolonisten, die die Einladung annahmen, äußerten ihre Einwilligung, indem sie ein Band um den langen Stock des Hochzeitsladers banden. Es sind einige Texte von Einladungen und die Beschreibung des Hochzeitsbrauches in der Kolonie Graschdanka 1930 erhalten geblieben. Sie wurden nach den Worten Peter Amanns, Fjodor Vogelsangs und Christof Erhardts (70 Jahre) aufgezeichnet. Fast derselbe Einladungstext war gegen 1921 in der Kolonie Kolpino üblich.

„Wir sind zwei Gesandten
Einzuladen Freunde, Bekannten
und Verwandten.
Wir sind zu Ihnen hereingetreten
Ihnen zur Hochzeit einzubeten.

Ein Gruß von Braut und Bräutigam,
Von beiden Seiten Eltern.
Wir wollen Sie bitten so gütig sein
Uns zu helfen die Hochzeit zu führen und zu zieren.
So lange der Schornstein raucht
Und die Köchin nicht entläuft
Und die Saiten klingen,
Wollen wir lustig sein,
Hüpfen, tanzen und springen“

«Meine Bitte ist die
Ein Apfel und ein Glas Bier
Das ist Hochzeitsläders Manier.
Und ein Gläschen kühlen Wein,
Und ein rotes Bändelein
Das möchte für mich viel lieber sein“

Die Aussteuer der Braut wurde noch vor der Hochzeit in das Haus des Bräutigams geliefert. Vor dem Hochzeitszug zogen die Jugendlichen ein Seil und forderten ein Lösegeld. Dasselbe Ritual wurde auch nach der Trauung betrieben, indem die jungen Dorfbewohner den Hochzeitszug anhielten. Am Morgen nach der Hochzeit bastelten die jungen Dorfbewohner mitten in der Kolonie ein Tor aus Brettern und schmückten es mit Tannenzweigen. Durch dieses Tor musste das junge Paar unter Musikbegleitung schreiten. Die Hochzeit wurde üblicherweise durch Lärm (mit Schlägen gegen eine Pfanne), Schießen, Buntfeuer begleitet. Die Wirtin, die Mutter der Braut oder des Bräutigams, bestreute alle Gäste mit Hafersamen. Während des Hochzeitsschmauses arrangierten die Jugendlichen das Stehlen eines Brautschuhes, man versteckte den Schuh, indem man ihn einander weitergab, danach wurde die spaßige Suche veranstaltet.

Die Hochzeitstor- und Schuhstehlbräuche waren in der Kolonie Oranienbaum noch Anfang der 1930-er Jahre üblich.

Die Petersburger Kolonisten hatten viele Freier- und Hochzeitsbräuche und Traditionen mit den Wolga-Deutschen gemeinsam. So galt es lange Zeit als unanständig, wenn ein Deutscher eine Russin zu heiraten vorhatte. Dennoch waren solche Ehen, wenn auch nicht zu oft, zu verzeichnen. Als unanständig galt es auch, wenn die jüngere Schwester früher als die ältere heiratete. Wahrsagen in verschiedenen Formen war unter Mädchen durchaus verbreitet.

Die Familien waren gewöhnlich kinderreich. Eine sieben- oder achtköpfige Familie war durchaus üblich. Die Kolonisten Alexander Adamowitsch und Sofia Fjodorowna Eidemüller aus Strelna hatten acht Kinder; Jakob und Sofie Amann sieben; Karl Herlemann fünf; Matthäus und Augusta Amann auch fünf. 1811 hatte der 36jährige Johann Muss in der Kolonie Ischora sechs Kinder. In der Kolonie Alexandrowka bei Nowgorod wohnten im Jahre 1848 95 Erwachsene und 144 Kinder. Wenn man aus der Gesamtzahl der Erwachsenen 18 Junggesellen abzieht, dann ergibt das zwei Kinder auf jedes erwachsene Gemeindemitglied, oder vier Kinder pro Familie im Durchschnitt. Kinder zu haben war ein Zeichen für das Wohl des Familienlebens, Kindersegen erhob gleichzeitig das Ansehen des Familienoberhauptes. Die Kinder wurden acht Tage nach der Geburt getauft, im schlimmsten Fall innerhalb von sechs Wochen nach der Geburt. Waisenkinder wurden von der Gemeinde versorgt und andere Verwandte kümmerten sich um sie. M. I. Pyljaew schrieb 1889 über die Kolonisten von Neu-Saratowka: „Minderjährige Waisen wurden in die Lehre geschickt, schon erwachsen, wurden für sie wohlsituierte Bräute aus reichen Häusern gefunden usw.“.

Familienbande wurden konsequent im Dorf und außerhalb der Siedlung gepflegt. Während des Zusammenlebens bei Petersburg wurden die Kolonisten so eng miteinander verwandt, dass man ohne Übertreibung sagen kann, dass hier eine große Petersburger Kolonistenfamilie entstanden war. Weil Mischehen eher negativ gesehen wurden, war die Wahl des Ehepartners auf die Gesellschaft der Kolonisten begrenzt, die ursprünglich relativ geschlossen war und nur aus einigen Familien bestand. Aus diesem Grund ist für die Kolonisten des Nordwestens eine nur relativ kleine Zahl an Familiennamen typisch, nach denen man sie faktisch auch identifizieren kann: Amann, Bitsch, Brenner, Butz, Wallieser, Herlemann, Graule, Kraubner, Lade, Lohrer, Schäfer, Steinmüller, Steibesandt, Eidemüller und einige andere.

Die protestantische Ethik setzt Akzente auf den Arbeitsfleiß und legt viel Wert auf die Arbeit für das Wohl der Gesellschaft. In der Familie wurden die Regeln und Normen des Verhältnisses zur Arbeit, zu Minderjährigen und Alten sowie gute Manieren in der Beziehung zwischen Jung und Alt anerzogen. Als Teil der Dorfgemeinde nahm die Familie am Anlegen eines Vorrats an Lebensmitteln (Vorratslebensmittellager für Getreide) teil sowie an den Bauarbeiten im Dorf (Brunnengraben, Straßenbau, Straßensäuberung). Gemeinsam wurden die Schule und die Kirche unterstützt, die Bevölkerung versorgte die Lehrer mit Lebensmitteln und Heizstoff und gewährte ihnen die Unterkunft. Zu den kollektiven Aufgaben zählten auch Brandschutz und Brandbekämpfung.

Die Kinder wurden früh an die in ihren Kräften stehende Arbeit gewöhnt, aber man veranstaltete auch traditionelle Feste für sie; Erwachsene und Kinder machten Theateraufführungen nach deutschen Märchensujets, die Kinder wurden zu Ostern und Weihnachten beschenkt. Das Hauptfest war Weihnachten mit dem geschmückten Tannenbaum. Der Brauch, den Tannenbaum zu schmücken, war aus Deutschland nach Russland gekommen, weshalb der Tannenbaum im Ersten Weltkrieg, als alles Deutsche ver-

boten war, auch Repressionen ausgesetzt war. Zum zweiten Mal verbot man den Tannenbaum dann schon in der UdSSR Ende der 1920-er Jahre im Kampf gegen die Religion. Erneut erschien der Tannenbaum erst im Dezember 1935 auf Kinderfesten.

Ab der frühen Kindheit wurde deutschen Kindern die Beachtung von Ordnung und Sauberkeit anerzogen. Felder, Häuser, Höfe und Güter der Kolonisten waren ebenfalls sehr gepflegt. Die Unkrautvernichtung hinter dem Zaun und das regelmäßige Kehren des Hofes waren für alle Koloniebewohner Pflicht.

Im 20. Jahrhundert erfuhr die deutsche Familie gravierende Veränderungen. Ehen zwischen Vertretern verschiedener Ethnien wurden immer häufiger, die kirchliche Trauung wurde abgeschafft. Repressionen gegen das deutsche Bauerntum während der Kollektivierung, politische Repressionen und die Deportation der Deutschen während des Zweiten Weltkrieges – all das führte zur zwanghaften Trennung der Familien, zu vielen Witwen und Waisen unter den Deutschen. Der Einsatz von Männern und auch Frauen bei schweren Kolchosarbeiten und später in der Trudarmee führte die Aufhebung der traditionsreichen Geschlechtertrennung zwischen Männern und Frauen in der Arbeitswelt herbei.

Alle Veränderungen in der Gesellschaft der Sowjetzeit haben zwangsläufig auch das soziale Alltagsleben und das Kulturleben der Russlanddeutschen beeinflusst.

НЕМЕЦКАЯ СЕМЬЯ: ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

Традиционная немецкая семья была основой сельской и одновременно религиозной общины. Семейные отношения находились под постоянным общественным контролем, что определяло необходимый порядок взглядов и общения людей. Главенствующее положение церкви в немецком обществе накладывало отпечаток на характер семьи, моральный облик ее членов. Вступление в брак освящалось церковью во время обряда венчания. Бракосочетание могло проводиться при достижении юношей 18 лет, а девушкой 16 лет. Расторжение браков встречало резко негативную реакцию общины и церкви. Разводы были редкостью. Уважительной причиной повторного вступления в брак была смерть супруга, что было возможно по истечении годового траура.

Свадьба была главным праздником в семьях колонистов. Свадебное торжество у немцев включало как традиционные народные элементы, так и церковный обряд. Свадьбы начинали играть с августа, после завершения полевых работ. На заключение брака требовалось согласие родителей, если молодые люди не достигли совершеннолетия, наступавшее в 22 года. Бракосочетанию предшествовали сватовство, обручение и оглашение. О предстоящей свадьбе трижды объявлялось в церкви по воскресеньям.

Перед свадьбой колонию обходили приглашатели (Hochzeitsläder) и от имени жениха и невесты в стихотворной, шутливой форме приглашали всех жителей на торжество. Принявшие приглашение выражали свое согласие тем, что повязывали бант на длинную палку зазывал. Сохранились некоторые тексты приглашений и описания свадебного обряда, сделанные в колонии Гражданка в 1930 г. со слов Петра Амана, Федора Фогельгезанга, Христофора Эргардта (70 лет). Практически такой же текст приглашения около 1929 г. был и в Колпинской колонии.

«Wir sind zwei Gesandten
Einzuladen Freunde, Bekannten und Verwandten.
Wir sind zu Ihnen hereingetreten
Ihnen zur Hochzeit einzubeten.
Ein Gruß von Braut und Bräutigam,
Von beiden Seiten Eltern.
Wir wollen Sie bitten so gütig sein
Uns zu helfen die Hochzeit zu führen und zu zieren.
So lange der Schornstein raucht
Und die Köchin nicht entläuft
Und die Saiten klingen,
Wollen wir lustig sein,
Hüpfen, tanzen und springen»

«Meine Bitte ist die
Ein Apfel und ein Glas Bier
Das ist Hochzeitsläders Manier.
Und ein Gläschen kühlen Wein,
Und ein rotes Bändelein
Das möchte für mich viel lieber sein»

Приданое невесты еще до свадьбы перевозили в дом жениха. Перед поездом молодежь протягивала веревку, требуя выкупа. То же самое проделывали и после венчания, останавливая повозку молодоженов. Наутро после свадьбы посреди колонии молодежь устраивала ворота из сколоченных досок и украшала еловыми ветками. Через эту арку жених и невеста должны были пройти под музыку. Свадьба сопровождалась шумом (били по сковороде), стрельбой, бенгальскими огнями. Хозяйка, мать жениха или невесты, осыпала всех присутствующих овсом. Во время обеда молодежь устраивала похищение ботинка невесты, прятали, передавая друг другу, потом с шутками устраивали поиски.

Обычай устраивать свадебные ворота и похищать обувь невесты наблюдались и в Ораниенбаумской колонии еще в начале 1930-х годов.

Многие традиции, связанные со сватовством и замужеством у петербургских колонистов, были общими с немцами Поволжья. Например, долгое время считалось неприличным, если немец задумывал жениться на русской девушке, такие браки, хоть и нечасто, но имели место. Неприличным было, если младшая сестра выходила замуж раньше старшей сестры. Были распространены разные формы гадания девушек.

Семьи отличались многодетностью. Обычным явлением была семья, состоявшая из семи – восьми членов. Например, у стрельнинских колонистов Александра Адамовича и Софьи Федоровны Эйдемиллер было восемь детей, у Якова и Софии Аман – семеро, у Карла Герлемана – пятеро, у Матвея и Августы Аман – пятеро. У 36-летнего Иоганна Мусса в Ижорской колонии в 1811 г. было 6 детей. В новгородской колонии Александровке в 1848 г. насчитывалось 95 взрослых жителя и 144 ребенка. Если из общего числа взрослых убрать 18 неженатых, то получается, что на каждого взрослого семейного члена общины приходится два ребенка, или в среднем по четыре ребенка на семью. Наличие детей было признаком благополучия семейной жизни и повышало общественный престиж главы семьи. Детей крестили через восемь дней, в крайнем случае, в течение шести недель после рождения. Осиротевших детей община не оставляла без внимания, их принимали другие родственники. М. И. Пыляев писал в 1889 г. о новосаратовских колонистах: «Малолетних сирот отдавали в учение; когда же последние вырастали, им находили невест с полными домами и т.д.».

Родственные отношения постоянно поддерживались в селе и за его пределами. За время проживания под Петербургом колонисты породнились настолько, что можно без преувеличения сказать, что сформировалась большая семья петербургских колонистов. При негативном отношении к смешанным бракам выбор брачных партнеров ограничивался обществом колонистов, которое изначально было ограниченным, состояло из нескольких десятков семей. Поэтому для колонистов Северо-Запада характерен набор фамилий, по которым их легко можно идентифицировать: Аман, Бич, Бреннер, Бутц, Вализер, Герлеман, Грауле, Краубнер, Ладе, Лорер, Шефер, Штейнмиллер, Штейбезандт, Эйдемиллер и другие.

Протестантская этика делает акцент на трудолюбии и придает большое значение труду на благо общества. В семье воспитывались правила и нормы отношения к работе, к несовершеннолетним и престарелым, прививались правила хорошего тона в отношениях между старшими и младшими. Как часть сельской общины, семья участвовала в создании коллективных запасов продовольствия («запасные магазины» для хранения зерна), в проведении строительных работ и благоустройстве села (рытье колодцев, прокладка дорог, уборка улиц). Общими усилиями поддерживались школа и церковь, население снабжало учителей продуктами, отоплением, предоставляло жилье. Коллективной заботой было предотвращение пожаров и тушение огня.

Детей рано приобщали к посильному труду, но для них устраивали и традиционные праздники, взрослые с детьми делали инсценировки сказок, получали подарки на Рождество и Пасху. Главным праздником было Рождество с обязательно украшенной елкой. Обычай наряжать елку в Россию пришел из Германии, из-за этого елка подверглась «репрессиям» в годы Первой мировой войны, когда запрещалось все немецкое. Вторично елка была запрещена уже в СССР в конце 1920-х годов в ходе антирелигиозной борьбы. Официально она вернулась на детские праздники в декабре 1935 г.

С раннего детства воспитывалось уважение к порядку и чистоте. Ухоженность отличала и поля колонистов, и дворы, и усадьбы, и дом. Удаление сорняков за оградой, регулярная уборка двора были обязательными для всех жителей колонии.

В XX в. традиционная немецкая семья перетерпела значительные изменения. Участились межнациональные браки, исчезло церковное венчание. Репрессивные меры против крестьянства в ходе коллективизации, репрессии по политическим мотивам, депортация немцев в годы Великой Отечественной войны приводили к насильственному разрыву семей, вдовству и сиротству детей. Использование не только мужчин, но и женщин на тяжелых работах в колхозах, а потом и в трудармии приводило к уничтожению традиционного разделения труда между мужчинами и женщинами. Все изменения в обществе советского периода не могли не сказаться на социально-бытовой и культурной жизни российских немцев.

10/ XX. JAHRHUNDERT: ZWISCHEN ZWEI KRIEGEN

Die deutsche Bevölkerung im Leningrader Gebiet in den 1920–1930-er Jahren

Die Anzahl der deutschen Bevölkerung Petrograds und des Gouvernements, die bis zum Jahr 1920 stark zurückgegangen war, wuchs allmählich, erreichte aber nicht das Niveau vom Vorabend des Ersten Weltkrieges. Die Anzahl der deutschen Bevölkerung wuchs einerseits dank dem natürlichen Bevölkerungszuwachs, andererseits dank der Zuwanderung aus Kolonien anderer Regionen, besonders viele kamen Anfang der 1920-er Jahre aus den an Hunger leidenden Wolgagebieten.

Am 1. Januar 1927 wurde das Leningrader Gebiet gegründet, das die Territorien der heutigen Leningrader, Nowgoroder und Pskower Gebiete umfasste. Vom 1927 bis 1938 gehörte auch der Murmansker Kreis dazu. Nach Angaben von Anfang 1927 zählte die deutsche Bevölkerung im Gebiet (ohne Leningrad) 7384 Personen. Zu den größten landwirtschaftlichen Dorfsowjets mit deutscher und gemischter Bevölkerung gehörten: Grashdanskij (252 Deutsche, 19,6% der Gesamtbevölkerung der landwirtschaftlichen Produktionsgemeinschaft), Savodskij (537 Deutsche, 59,3%), Kipenskij (265 Deutsche, 15,6%), Kolpinskij (976 Deutsche, 99,5%), Neu-Saratowka (1547 Deutsche, 89,3%), Owzynskij (529 Deutsche, 49,3%), Pargolowskij-1 (336 Deutsche, 18,7%), Porchowskij (276 Deutsche, 67,8%), Srednaja Rogatka (1021 Deutsche, 89,6%), Strelninskij (199 Deutsche, 35,2 %), Janinskij (289 Deutsche, 95,6 %).

Auf Nowgoroder Boden gehörten Nowonikolajewskaja (Nowgoroder Gebiet) und Aleksandrowka (Tschudower Gebiet) zu den größten Kolonien. Zum 1. April 1922 waren in Nowonikolajewka 1580 Einwohner, in Aleksandrowka 720 Einwohner registriert. Außerdem gab es kompakte Gruppen von Deutschen in Nowgorod (500), Staraja Russa (420), Malaja Wischera (370), Tschudowo (90), in der Kolonie Malo-Michailowskaja (220), an der Bahnstation Okulowka (557). Insgesamt wohnten im Nowgoroder Gouvernement 6984 Deutsche.

Zum 1. Januar 1928 wohnten auf dem Territorium des Leningrader Kreises (ohne Leningrad) 10 634 Deutsche (1,4% von der Bevölkerung des Kreises), darunter in den Städten 2720, in den Vororten 2632, in den landwirtschaftlichen Ortschaften 3282 Deutsche. Zum Jahre 1937 erreichte die Anzahl der Deutschen 15 078 im Gebiet und 14 239 in Leningrad. Die Volkszählung vom 17. Januar 1939 stellte eine Abnahme

der Anzahl der Deutschen in Leningrad auf 10.104 Personen, im Leningrader Gebiet auf 12 766 Personen fest. Die gesamte Reduzierung der Anzahl von Deutschen um 6480 Personen im Laufe von 2 Jahren ist auf die Repressalien 1937–1938 zurückzuführen.

Sozialökonomische Änderungen in den ersten Jahren der Sowjetmacht

Unter der Sowjetmacht wurden allerorts Dorf- und Bezirksowjets gegründet. Im Unterschied zu anderen Orten, wo sich Deutsche kompakt ansiedelten, gab es im Leningrader Gebiet keine nationalen deutschen Verwaltungsorgane, aber bis 1939 funktionierten die deutschen Dorfsowjets Nowonikolajewskij und Alexandrowskij auf der Grundlage der größten Nowgoroder Kolonien. Der Dorfsowjet Nowonikolajewskij umfasste 9 Siedlungen mit 1305 Einwohnern und Alexandrowskij vereinigte 6 Siedlungen mit 1858 Einwohnern.

Nach den Angaben der Bodenverwaltung des Exekutivkomitees des Petrograder Gouvernements fielen auf jeden Landbesitzer 2–4 Desjatinen, in Einzelfällen gab es Grundstücke bis zu 56 Desjatinen. In den alten Kolonien waren die Grundstücke kleiner als in den Tochterkolonien, wo neue Grundstücke gekauft wurden, während in den alten Kolonien die Grundbesitzer gezwungen waren, die vorhandenen Grundstücke zu teilen.

Am Beispiel der zwei größten Kolonien, Neu-Saratowka und Strelna, kann man die Lage der deutschen Bauern 1920 verfolgen. Die gesamte landwirtschaftliche Nutzfläche in Strelninskaja betrug 566 Desjatinen, auf 51 Desjatinen wurden Kartoffeln und auf 90 Desjatinen Getreide angebaut, auf 248 Desjatinen hatte man Gras gesät. In Neu-Saratowka gab es insgesamt 746 Desjatinen, darunter wurden 212 für Kartoffel- und 278 für Getreideanbau benutzt, auf 194 wurde Gras gesät. Relativ große landwirtschaftliche Nutzflächen (Ackerland) gab es in Owzyno (450 Desjatinen), in Srednaja Rogatka (450) und Graschdanka (269). Die kleinste Saatfläche besaß die Kronstadter Kolonie (51 Desjatinen).

Bis zum Frühling 1921 wurde die Politik des Kriegskommunismus realisiert. Besonders streng wurde die Produktionsenteignung in deutschen Wirtschaften durchgeführt, „überschüssige Produkte“ wurden gnadenlos beschlagnahmt. In jeder Kolonie wurden aus drei Personen bestehende Kontrollorgane gebildet, deren Mitglieder für die Beschlagnahme von Gemüse und Heu bei den Bauern verantwortlich waren. 1919–1920 wurden in der Kolonie Strelninskaja 30 346 Pud Kartoffeln geerntet, daraus wurden 4410 als Saatgut aufbewahrt, 8.206 zum Verzehr bestimmt, der Überschuss bildete 19 936 Pud (52% der Gesamternte). Der Umfang der beschlagnahmten „Überschüsse“ an Kartoffeln in der Kolonie Kolpino bildete 25%, in Utkina Savod und Janino je 46%, in Neu-Saratowka – 52%. Außer der Abgabe von überschüssigen Produkten sollten die Kolonisten noch anderen Wirtschaften Hilfe leisten, auf Bestellung das für die Produktionsprozesse erforderliche Stroh liefern (Gießereien im Maschinenbauwerk Nr. 1, Putilow-Werke, Gummiwerk u. a.). Im Juni 1920 kam es zu einer Auseinandersetzung zwischen den Einwohnern der Kolonie Owzyno und den Behörden wegen unberechtigter Forderungen. In der Zeit der landwirtschaftlichen Sommerarbeiten wurden 30 Frauen für den Einsatz im Ziegelwerk angefordert. Für die Verweigerung der „Hilfe“ mussten die Kolonisten 500 000 Rubel als Strafe bezahlen. Da diese Strafe nicht bezahlt wurde, wurden fünf Männer aus der Kolonie in der Schlüsselburger Festung eingesperrt. Dank der Fürsprache der landwirtschaftlichen Abteilung des Exekutivkomitees des Gouvernements wurde dieses Problem geregelt, da die Kolonisten aus Owzyno eine bedeutende Rolle in der Versorgung der Stadt mit Kartoffeln, Heu und Hafer spielten.

Im März 1921 wurde die Getreideablieferungspflicht durch eine fixierte Naturalsteuer ersetzt, statt der Politik des Kriegskommunismus wurde die Neue Ökonomische Politik (NÖP) eingeführt, es entstand die Möglichkeit, wirtschaftliche Initiative, Kooperation und Unternehmung zu entwickeln.

Die Kooperativbewegung von 1920 begeisterte auch die Kolonisten. Im Januar 1922 entstand die Genossenschaft der deutschen Kolonisten (ab April hieß sie Konsumgenossenschaft der deutschen Kolonisten), die vor allem Bauern mit mittelgroßen Wirtschaften aus allen deutschen Kolonien des Gouvernements vereinte. Das Büro befand sich in Petrograd (Gorochowaja Str. 41). Die wichtigsten Richtungen der Tätigkeit der Genossenschaft waren: Verteilung, Produktion, Beschaffung von Vorräten und Kulturpflege. Die Genossenschaft versorgte ihre Mitglieder mit Lebensmitteln und den wichtigsten Konsumgütern, Düngemitteln und Vieh.

Die Deutschen unterstützten aktiv die Initiative, Genossenschaften zu gründen. Das Netz der deutschen Genossenschaften begann rasch zu wachsen. So wurde am 15. März 1926 das Statut des Ochsenvereins in der Kolonie Owzyno registriert, in dessen Plänen vorgesehen war, eine Rassenherde auf der Basis der Holmogor-Rasse zu züchten.

Die Kolonien lagen in der Nähe der Stadt. Die Stadtnähe beeinflusste ihre Entwicklung seit ihrer Entstehung. In der Periode der industriellen Entwicklung des Landes wurde dieser Einfluss noch stärker. Viele Kolonisten lebten in den Kolonien, arbeiteten aber in verschieden Betrieben in der Stadt. Die Kolonisten aus der Kolonie Strelninskaja arbeiteten zum Beispiel im Schreibmaschinenwerk und im Gummiwerk „Krasnyj Treugolnik“, die Kolonisten aus der Kolonie Kolpinskaja fanden im Ischora-Werk Arbeit, die Kolonisten aus der Kolonie Srednaja Rogatka waren im Fleischkombinat

„Samson“ tätig. Die Männer aus der Kolonie Grashdanka arbeiteten als Fuhrleute im Artel „Wyborgskij Transportnik“. Arbeitsplätze für die Kolonisten der Kolonie Grashdanka gab es zum Beispiel auch an der Polytechnischen Hochschule (1934–1940 Industrielle Hochschule), die in der Nähe lag. Die Kolonisten aus der Kolonie Neu-Saratowka waren als Elektromonteure, Fuhrleute, Takler im Wasserkraftwerk Nr. 5 (Kraftwerk „Utkina Sawodj“, staatliches Überlandkraftwerk „Krasnyj Oktjabr“) und im Werk „Bolschewik“ tätig.

Aber die traditionelle Arbeit auf dem Bauernhof und zu Hause blieb erhalten. A. J. Tichomirowa (geb. Nagelmann) erinnert sich, dass die Kolonisten aus Strelna „ihre Grundstücke, Gärten und die an deren Grenzen liegenden Territorien in Musterordnung hielten. So verlief neben jedem Haus am Zaun entlang ein frisch gefegter und mit Sand bestreuter Gehweg. Den Gehweg entlang, zwischen Gehweg und Straße, wurde ein Graben ausgehoben. Die Straße war mit Kopfsteinen gepflastert, war eben und wurde vom jeweiligen Hausbesitzer des anliegenden Hauses in Ordnung gehalten. Die Gräben wurden gereinigt, man ließ sie nicht mit Unkraut zuwachsen. Entlang des Grabens und des Gehwegs wurden Birkenbäume gepflanzt. Hinter dem Zaun am Rande des Fußgängerweges vor dem Haus, neben Balkonen und Terrassen waren Blumenbeete, weiße und lila Fliedersträuche, neben dem Zaun duftete es nach Hagebutte und Jasmin. Bänke standen unbedingt vor jedem Vorgarten, damit jeder – hätte er nur Lust oder im Notfall – dort Platz nehmen und sich erholen konnte“.

In den ersten Jahren der Sowjetmacht hörte die kulturelle Aufklärungsarbeit in den deutschen Kolonien, deren Mittelpunkt die Klubs waren, ungeachtet der schwierigen wirtschaftlichen Lage nicht auf. So wurde im Sommer 1921 in Neu-Saratowka die Arbeit folgender Zirkel besprochen: des Musikzirkels (Klavier), den 25 Menschen besuchten, des wissenschaftlichen Zirkels, wo Vorlesungen in Erdkunde, Physik und Landwirtschaft gehalten wurden. Es gab auch einen Literaturzirkel und einen dramatischen Zirkel und eine Esperanto lernende Gruppe. In demselben Jahr wurde die aktive Arbeit des Klubs auch in der Kolonie Strelna nicht unterbrochen. Dem Protokoll der Allgemeinversammlung der Mitglieder des Klubs, die im Juni 1921 stattfand, ist zu entnehmen, dass die Bibliothek montags und freitags geöffnet hatte, es wurde empfohlen, während der Tanzveranstaltungen auf traditionelle Art, d. h. anständig, zu tanzen.

Gründung der Kolchosen und Entkulakisierung

Ende 1927 wurde im Land der Entschluss gefasst, die kleinen Wirtschaften in große Produktionsgenossenschaften zu vereinigen. Zum Höhepunkt dieser Politik wurde die 1921 bis 1930 durchgeführte durchgängige Kollektivierung der Landwirtschaft, die die ökonomische Liquidierung der Großbauernschaft (Entkulakisierung), Schließung der Kirchen und Verfolgung der Geistlichen zur Folge hatte. Um die Kolchosen zu gründen, delegierte man in die Dörfer 25 000 Arbeiter aus Industriebetrieben.

Im Frühling 1930 entstanden die größten Kolchosen dieses Gebiets: „Roter Mechanisator“ (Neu-Saratowka, am 4. März), „Rote Fahne“ (Strelna-Kolonie, am 1. April), Thälmann-Kolchose (Srednaja Rogatka und Ischora-Kolonie), die sich in den nächsten Jahren schnell entwickelten. Ende der 1930er Jahre gab es bei Leningrad folgende deutsche Kolchosen: „Arbeiter“, „Rote Fahne“, „Kamenka“, „Krasny pachar“, „Udarnik“, „Karl-Liebknecht-Kolchose“, „Thälmann-Kolchose“, Kolchose „Obkoma MOPR“ (d. h. des Gebietskomitees der Internationalen Roten Hilfe), Max-Hölz-Kolchose, „Perwogo Maja“.

In der Kolchose „Rote Fahne“, die sich auf Milchproduktion, Kartoffel- und Gemüseanbau spezialisierte, wurden ursprünglich 14 Wirtschaften vereinigt, sie verfügte über 70 Hektar Nutzfläche. Im Februar 1931 zählte man schon 60 Wirtschaften und 121 Kolchosbauern in der Kolchose (113 Deutsche, 6 Russen, 2 Esten). Der erste Kolchosvorsitzende wurde J. O. Nagelmann (1900–1938), ab 1935 war er Direktor der Maschinen- und Traktoren-Station (MTS) in Krasnoje Selo. In den ersten Jahren nach der Gründung der Kolchose hatten ihre Mitglieder große Schwierigkeiten. Sie konnten die von ihnen gelieferte Gemüseernte nicht gegen Industriewaren umtauschen, es mangelte an Baumaterialien für die Errichtung der Rinderställe, die Gewächshäuserrahmen waren von geringer Qualität. Die Kolchosbauern bekamen keine Rabatte für die Pflege der Kinder in den Kinderkrippen. In den Jahren 1932–1933 betrug die gesamte Zahl des Viehs 47 Pferde und 70 Kühe; in Privatbesitz waren 32 Kühe geblieben.

Im Laufe von zehn Jahren wuchs die Kolchose, 1940 gehörten ihr schon 102 Haushalte an. Gemäß der Urkunde über die an die Kolchose zur ewigen Nutzung übertragenen Ländereien wurden der Kolchose 669 Hektar Boden übergeben. Es wurden drei Rinderställe, ein Kälberstall, ein Siloturm, zwei Gemüselager, eine Dreschscheune, ein Getreidetrockner, eine Schmiede und ein Bohrbrunnen gebaut. Den Rinderställen und Gewächshäusern wurde eine Wasserleitung zugeführt und es wurde eine Beregnungsanlage eingerichtet. Mit Hilfe der Töpferdränage trockneten die Kolchosbauern 21 Hektar Moor und erreichten auf diesen Grundstücken hohe Erträge. Die Meliorationsarbeiten wurden unter der Leitung des Nördlichen Forschungsinstituts für Hydrotechnik und Melioration durchgeführt. In der Kolchose wurde ein Klub eröffnet, Filme wurden vorgeführt, es gab eine Kinderkrippe, einen Speisesaal, eine Bibliothek.

Die Kolchose „Roter Mechanisator“ entstand ursprünglich als eine Kommune, die aber bald aufgelöst wurde. In der Kolchose vereinigten sich 56 Wirtschaften (12 Lohnarbeiter, 19 arme Bauern, 16 Bauern mit mittelgroßen Wirtschaften, 4 Arbeiter und 5 Angestellte). Zum Vorsitzenden wurde der Arbeiter I. J. Pawlow ernannt, 1932 wurde er vom armen Bauer, dem Kolonisten I. G. Vogelgesang abgelöst. 1933 wurde die Frage nach der Schließung der Kolchose in Neu-Saratowka wegen Misserfolgen in der Wirtschaft gestellt, einige aktive Mitglieder wurden verhaftet. Unter ihnen der Kolchosvorsitzende H. B. Fritzler, der Buchhalter I. J. Graule, der Leiter der Maschinenausleihstation und einer der 25 000 von der Partei in die Kolchosen geschickten Arbeiter A. A. Bitsch.

Die erste Kolchose in Owzyno „8. Marta“ (Der 8. März) wurde 1930 von 6 Lohnarbeiterfamilien gegründet, wurde aber bald auch aufgelöst. Stattdessen wurde 1931 eine neue gegründet, die ihren Namen einem deutschen Kommunisten, dem Arbeiteremigranten Max Hölz (1889–1933) verdankt. Zum Vorsitzenden wurde der in der Kolonie geborene H. A. Gerlemann.

Die Thälmann-Kolchose entstand 1931. Im Jahre 1933 wurde Godow Vorsitzender, einer von 25 000 in die Kolchosen delegierten Arbeiter. Die Kolchose hatte 1245 Hektar Bodenfläche zur Verfügung. 1931 wurde auch die Kolchose „Obkoma MOPR“ gegründet. Darin wurden 24 Wirtschaften der Kolonie Krasnenkaja des Ligower Dorfsowjets vereinigt. Im ersten Jahr nach der Gründung hatte man etwa 50 Hektar landwirtschaftliche Nutzfläche, 12 Pferde und 2 Kühe.

Im Nowonikolaewsker Dorfsowjet (bei Nowgorod) wurden 2 Kolchosen „Rot Front“ und „Krasnaja swesda“ („Roter Stern“) gegründet. Diese vereinigte bei ihrer Gründung im Jahre 1931 7 Familien armer Bauern, deren gemeinsame Pferdeherde 4 Pferde zählte. Der erste Vorsitzende war B. F. Fischer, und im Jahre 1937 war es P. J. Traber. 1937 bestand die Kolchose bereits aus 92 Wirtschaften. Die Kolchose „Rot Front“ spezialisierte sich auf Gemüseanbau für Nowgorod. Am 30. März 1936 wurde die Kirche in Nowonikolajewka geschlossen.

Die Gründung der Kolchosen wurde von der massenhaften Enteignung der Höfe der reichen Bauern begleitet. Der Beschluss des ZK der Allrussischen KP vom 30.01.1930 bestimmte die Regeln bei der Durchführung der Entkulakisierung und die Zahl der auszusiedelnden Familien aus den so genannten Gebieten der totalen Kollektivierung. Gleichzeitig wurden auch neue Ortschaften für die Aussiedler genannt. Anfang April 1931 wurden aus dem Leningrader Gebiet insgesamt 3261 Familien ausgesiedelt, was 14 382 Menschen ausmachte. (Dem Plan nach sollten 3000 Familien ausgesiedelt werden.) Alle aus dem Gebiet ausgesiedelten Bauern wurden auf die Kolsker Halbinsel in das Apatit-Abbaugebiet der Chibinen umgesiedelt. Zu dieser Zeit war die Halbinsel ein dünn besiedeltes Gebiet, wo die Bevölkerungsdichte weniger als einen Menschen pro Quadratkilometer betrug. „Die ehemaligen reichen Bauern“ nahmen am Bau der neuen Städte Chibinogorsk (seit 1934 Kirowsk) und Montschegorsk teil.

Über die genauen Angaben der Zahl der ausgesiedelten und der Enteignung unterzogenen Deutschen verfügen wir nicht, es sind nur einzelne Tatsachen bekannt. Aus der Kolonie Strelna wurden z. B. neun Bauern mit ihren Familien ausgesiedelt, einschließlich K. M. Braun. Das Gut der Familie F. J. Bühler aus der Siedlung Wesselyj Poselok wurde auch enteignet, die Eheleute wurden nach Chibinogorsk ausgesiedelt, und Kinder blieben bei den Verwandten. Friedrich Bühler ist bei einer Lawinenkatastrophe im Dezember 1934 ums Leben gekommen. Unter den Neusiedlern der neugegründeten Städte waren ehemalige Kolonisten aus Srednaja Rogatka (Familien A. F. Amann, F. K. Bitsch), aus der Kolonie Kronstadt (A. A. Bitsch), aus der Kolonie Neu-Saratowka (J. H. Bitsch, I. A. Bitsch, F. F. Graule, Familie F. J. Hammerschmidt) und viele andere.

Über die Zahl der der Enteignung unterzogenen Deutschen kann man indirekt, ausgehend von den Angaben aus dem Jahre 1940 urteilen, als die Aussiedlung der „unerwünschten“ Bürger aus den Grenzgebieten begann. Laut dem Befehl des NKWD „Über die Aussiedlung von Bürgern ausländischer Herkunft aus der Stadt Murmansk und dem Murmansker Gebiet“ vom 23. Juni 1940 sollten 3215 Wirtschaften, oder 8617 Menschen, ausgesiedelt werden. Deutsche, Polen, Chinesen, Griechen, Koreaner (675 Familien, 1743 Menschen) wurden ins Altaigebiet, Vertreter der baltischen Völker sowie Schweden und Finnen in die Karelisch-Finnische Sowjetrepublik ausgesiedelt. Als Wohnort für die Deutschen wurden die Bezirke Loktewsk (326 Höfe), Smeinogorsk (150 Höfe) und Kurjin (199 Höfe) im Altai bestimmt. Der Prozess der Aussiedlung begann am 5. Juli 1940.

Deutsche Kolchosen als Paradebeispiele des Sozialismus

Mitte der 1930er Jahre leisteten die deutschen Kolchosen einen wesentlichen Beitrag zur Wirtschaft des Leningrader Gebiets. 1935 betrug der Anteil der deutschen Bevölkerung im Gebiet 3%, diese bearbeitete dabei 16% der landwirtschaftlichen Nutzfläche und lieferte 20% der landwirtschaftlichen Produktion des Prigorodnyi Bezirk.

Die Erfolge der deutschen Kolchose im Gebiet nutzte man zu Propagandazwecken aus, um dem Proletariat des Westens das Bild eines glücklichen Lebens in der UdSSR vorzutäuschen. Eine aktive Rolle spielte dabei die deutschsprachige Zeitung „Rote Zeitung“,

das Organ des Leningrader Kreissowjets der Arbeiter- Bauern- und Rotgardistendeputierten, die vom 4. Januar 1931 bis zum 1. Mai 1936 herausgegeben wurde. Sie war in erster Linie für politische Emigranten aus dem Westen bestimmt, die in Leningrad wohnten. Die meisten Artikel berichteten über die Lage der Arbeiter in kapitalistischen Ländern, vor allem in Deutschland, es wurden die Erfolge der UdSSR auf dem Gebiet der Industrialisierung gepriesen. Es wurden regelmäßig Artikel über die Emigranten, die in den Betrieben Leningrads arbeiteten, über deren Produktionserfolge und über die politische Arbeit unter ihnen gedruckt. 1932 arbeiteten nur in den Betrieben der Schwerindustrie der Stadt 700 Ausländer, die meisten unter ihnen waren Deutsche (446 Personen). Die besten in Leningrad waren die Brigaden von Max Hölz und Peinert.

Die Zeitung wurde zum Leitorgan der Patenschaftarbeit unter Emigranten in den deutschen Kolchosen. Man organisierte Exkursionen in die Kolonien, die Gäste arbeiteten auf den Feldern zusammen mit Kolchosbauern, veranstalteten für diese politische Abende und Antikriegsmeetings. Eine besondere Aufmerksamkeit schenkte man der Karl-Liebknecht-Kolchose in Pargolowo. Als Muster der Patenschaftarbeit galt die Hilfe der Paten vom Werk „Bolschewik" für die Kolchose „Roter Mechanisator" in Neu-Saratowka. Die Arbeiter und Bauern besuchten einander. Die Zusammenarbeit bestand hauptsächlich in der Durchführung politischer Abende im Wolodarsker Kulturhaus und in der Veranstaltung der politischen Bildung. Die Arbeiter beteiligten sich an der Herausgabe der Wandzeitungen in Neu-Saratowka. Den Kolchosbauern wurde von den Arbeitern auch praktische Hilfe bei der Wartung der landwirtschaftlichen Maschinen und bei Erntearbeiten geleistet. Im Sommer 1933, mitten in der Hungersnot im Lande und besonders in der Ukraine, wurden in die deutschen Kolchosen Arbeiterinnen delegiert, die Ehefrauen der politischen Emigranten waren. Sie sollten beweisen, dass es in den deutschen Kolchosen keine Hungersnot gab, und sie keine Hilfe vom Ausland brauchten. Anfang August verbrachte die Delegation 4 Tage in den Nowgoroder Kolchosen „Rot Front" und „Roter Stern". Während die Korrespondenten das blühende Leben in jenen Kolchosen schilderten, wo es keine deutlichen Hungersfolgen gab, entlarvten sie die faschistische Propaganda hinsichtlich der Hungersnot der Deutschen in der Sowjetunion, das im Westen unter dem Motto „Brüder in Not" geführt wurde. Die „Rote Zeitung" widmete diesem Thema eine Sonderspalte in der Septemberausgabe und veröffentlichte Fotos aus dem Alltag der Deutschen in einer Kolchose bei Leningrad und in der Republik der Deutschen im Wolgagebiet (während im Wolgagebiet rund 56 000 an Hunger gestorben waren, davon 45 000 im Jahr 1933). Im Dezember desselben Jahres wurden viele Materialien dem erreichten Wohlstandsniveau der deutschen Kolchosbauern gewidmet.

Die deutschen Kolchosen des Leningrader Gebiets waren auf der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung, die am 1. August 1939 in Moskau eröffnet wurde, gut vertreten. Sie funktionierte bis 1941 (geschlossen am 1. Juli). Die Vorbereitung auf die Eröffnung, die Auswahl der Teilnehmer dauerten zwei Jahre, da ihre Eröffnung ursprünglich für das Jahr 1937 geplant wurde. Das Leningrader Gebiet hatte sein eigenes Ausstellungspavillon (Leningrad und Nordosten der Russischen Föderation"). Die Wirtschaften, denen ein Diplom 1. Grades verliehen wurde, wurden mit 10 000 Rubel und einem PKW, jene, die mit einem Diplom 2. Grades ausgezeichnet wurden, mit 5000 Rubel und einem Motorrad prämiert. Für die persönlichen Errungenschaften wurden einzelnen Kolchosbauern Medaillen verliehen. Es wurde „Das Ehrenbuch der Landwirtschaftlichen Allunionsausstellung" konstituiert, worin jeder Aussteller und die Liste der Höchstleistungen eingetragen wurden.

Unter den Teilnehmer der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung 1939–1940 waren erfolgreiche Wirtschaften des Leningrader Gebiets wie die Thälmann-Kolchose, die Kolchose „Rote Fahne", ihre Wirtschaftsabteilungen und einzelne Bestarbeiter. 1938–1940 erzielte man in der Thälmann-Kolchose stabil hohe Kartoffelerträge (136,6 Zentner pro Hektar) und Kohlerträge (347 Zentner pro Hektar). In der Kolchose „Rote Fahne" erzielte man Bestleistungen im Gemüseanbau und in der Saatgutproduktion. Im Durchschnitt hatte man in den Jahren 1937–1939 pro Hektar 359 Zentner Kohl (Anbaufläche 5,2 Hektar), 210 Zentner Tomaten (Anbaufläche 0,8 Hektar), 176 Zentner Kartoffeln (Anbaufläche 69,8 Hektar) geerntet.

1939 erntete man in der Max-Hölz-Kolchose im Durchschnitt pro Hektar 16 Zentner Gerste, 20 Zentner Hafer, 30 Tonnen Gemüse und 15 Tonnen Kartoffeln. Unter den Erfolgen der Kolchosbauern ist der Bau einer Schmiede, eines Kälberstalls, eines Gewächshauses mit 1100 Sektionen zu nennen. Große Summen wurden für die Ausbildung des Personals und die Finanzierung des Kindergartens ausgegeben. Für Theaterbesuche wurde etwa 1000 Rubel ausgegeben. Unter den Bestarbeitern der Kolchose sind folgende zu nennen: Egor Frantsewitsch Scheff (Leiter der Kolchose), Fjodor Fjodorowitsch Kuhn, Fjodor Jakowlewitsch Dege, Rosa Karlowna Stroh, Fjodor Filippowitsch und Elisaweta Adamowna Lorer.

Auf der Ausstellung 1939 wurde die Kolchose „Arbeiter" des Oranienbaumer Gebiets mit dem Diplom Ersten Grades und der entsprechenden Prämie ausgezeichnet. Unter den Bestarbeitern waren die Pflüger A. Kraubner und M. Lorer, und der Leiter der Kolchose Alexander Andrejewitsch Bauer wurde als Kandidat zum Abgeordneten des Bezirksowjets aufgestellt. Ins „Ehrenbuch der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung" sind 1940 folgende deutsche Kolchosen eingetragen: „Roter Mechanisator",

die Kolchose „Obkoma MOPR“, „Rote Fahne“, „Arbeiter“, Karl-Liebknecht-Kolchose, Max-Hölz-Kolchose, Thälmann-Kolchose sowie die Sowchose „Srednaja Rogatka“.

Teilnehmerin der Ausstellung im Jahre 1939 war die Samenzüchterin Jekaterina Fjodorowna Schäfer aus der Kolonie Strelna. Sie erntete 1938 12 Zentner Rübensamen „Krasnoselskaja“ und 7,58 Zentner Kohlsamen „Slawa“ pro Hektar. Der Brigadeleiter Pjotr Adamowitsch Eidemüller, ein Teilnehmer an der Stachanow-Initiative, erreichte Bestleistungen bei der Ernte der Kartoffelsamen. Die Bestleistung im Leningrader Gebiet war der Wert 41, Eidemüller erreichte den Wert 65 und sogar noch höher. Er wurde mit der Großen Silbermedaille ausgezeichnet. Während 1939 sieben Bauern von der Kolchose „Rote Fahne“ an der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung teilgenommen hatten, so waren es 1940 schon 25.

Unter den Bestarbeiterinnen der Thälmann-Kolchose waren folgende Ackerbäuerinnen: M. Franz, D. Bäcker, J. Bock, S. Bock, J. Amann, Kolchosbauern H. Bock, M. Bäcker, N. Herr, F. Stern. Die Gemüse anbauende leistungsstarke Kolchose „Obkoma MOPR“ wurde 1940 von Wladimir Andrejewitsch Schäfer geleitet. Die Zahl der Gewächshäusersektionen belief sich auf 1.350. 1937 wurde eine spezielle Kartoffel anbauende Gruppe ausgegliedert, die Pjotr Jegorowitsch Schäfer leitete, 1939 wurde er zum Teilnehmer der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung.

Hohe Erträge waren im großen Maße dem Fleiß der Kolchosbauern zu verdanken. In der Vorkriegszeit wurde deren Arbeit in Arbeitseinheiten angerechnet, und der meiste Teil der Arbeit war Handarbeit. So brauchte man in der Kolchose „Rote Fahne“ pro Hektar 120 Wagen (60 Tonnen) Mist, gegüllt wurde aus Fässern bzw. Tonnen. Die Aussaat wurde auch manuell ausgeführt: Eine Kolchosbäuerin verteilte die Setzlinge, zwei andere setzten sie in den Boden ein. Die Norm betrug 10 000 Setzlinge beim Verteilen und 5000 beim Einsetzen. Die Pflanzenlöcher wurden im Voraus mit einer Hacke vorbereitet. Das Häufeln wurde auch manuell ausgeführt. Die Hauptarbeiten waren nur zu 65–70 % mechanisiert.

Die von den Kolchosbauern verdienten „Arbeitseinheiten“ wurden nach den Jahresergebnissen bezahlt. In der Thälmann-Bestkolchose betrug 1938 der Arbeitstaglohn 6 Rubel 65 Kopeken, 3 kg Kartoffeln, 900 g Gemüse, 300 g Getreide, 6 kg Stroh und Heu. In der Kolchose „Rote Fahne“ wurden 1939 für einen Arbeitstag 8 Rubel 27 Kopeken, 10 kg Kartoffeln, 1,4 kg Gemüse, 500 g Getreide, 3 kg Futterpflanzen bezahlt. Die in dieser Kolchose wohnende Familie von Philipp Fjodorowitsch Geweiler verdiente als Jahreslohn 8145 Rubel, 60 Pud Kartoffeln, 30 Pud Getreide, 85 Pud Gemüse, 180 Pud Futter. 1939 erarbeitete der Pflüger aus der Kolchose „Obkoma MOPR“ Wladimir Petrowitsch Schäfer 409 Arbeitseinheiten und erhielt 6600 Rubel, 4309 kg Gemüse und Kartoffeln, 43 kg Getreide, 570 kg Heu und Stroh. 1939 betrug der Durchschnittslohn eines Kolchosbauern in Neu-Saratowka 5000 Rubel, der Bestarbeiter Christian Adamowitsch Schäfer verdiente 18 000 Rubel, und Karl Jakowlewitsch Ikkert 15 500 Rubel.

Politische Repressalien der 1930er Jahre

Hinter der offiziellen Fassade des Lebens der deutschen Kolchosen waren Repressalien verborgen. Die poolitische Verfolgung der deutschen Bevölkerung der UdSSR begann bereits 1934, nach einem geheimen Beschluss des Zentralkomitees der Kommunistischen Allunionspartei (Bolschewiken) „Über die Arbeit unter der deutschen Bevölkerung“. Weitgehende Repressalien im Lande begannen in den Jahren 1937–1938, da es zum 20. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution erforderlich war, alle „unzuverlässigen Elemente“ loszuwerden. Die Repressalien begannen im Lande am 2. Juli 1937, nachdem das Politbüro der Kommunistischen Allunionspartei (Bolschewiken) die Frage „Über die antisowjetischen Elemente“ behandelt hatte. Alle Republiken, Kreise und Gebiete bekamen einen Plan mit der Zahl der „den Repressalien zu unterziehenden“. Im Leningrader Gebiet wurden vom 5. August 1937 4000 Menschen erschossen und 10 000 in Lager geschickt. 1938 wurde ein zusätzlicher Plan für das Gebiet überreicht, nach dem es erforderlich war, noch 3000 Menschen zu erschießen und 1000 zu einer Gefängnisstrafe zu verurteilen. Die Operation war bis zum 15. März 1938 zu vollenden.

Massenhafte Geheimoperationen wurden unter Beachtung „der nationalen Richtungen“ gegen „Spione und Diversanten“ durchgeführt. Zur ersten dieser „Linien“ im Lande und im Leningrader Gebiet gehörte „die deutsche Richtung“ (Befehl des Volkskommissariats für Innere Angelegenheiten Nr. 00439), die 1937 startete. Es gab auch andere nationale „Richtungen“. 1938 wurden die Repressalien nach der Nationalitätszugehörigkeit fortgesetzt. Es war vorgeschrieben, „die Auflösung der Spionage- und Diversionsgruppen solcher Nationalitäten wie Polen, Letten, Deutsche, Esten, Finnen, Griechen, Iraner, Charbiner, Chinesen und Rumänen“ bis zum 15. April 1938 zu vollenden. In Wirklichkeit wurden die Strafaktionen bis zum November 1938 fortgesetzt. Insgesamt wurden im Leningrader Gebiet innerhalb von anderthalb Jahren 40 906 Menschen erschossen. Allein im Juli 1938 wurden entsprechend der Liste „Deutsche“ einige hundert Menschen erschossen.

Die meisten Erschossenen wurden auf dem Friedhof Lewaschowo begraben, der vom Volkskommissariat für Innere Angelegenheiten extra dafür 1937 bestimmt wurde. Die Leichen der Hingerichteten wurden hierher bis zum Jahr 1954 gebracht. Bis 1989 wurde der Ort geheim gehalten, jetzt ist hier ein Gedenkfriedhof

XX ВЕК: МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Немецкое население Ленинградской области в 1920–1930-е годы

Немецкое население Петрограда и губернии, значительно сократившееся к 1920 г., постепенно увеличивалось, однако таким большим, каким оно было до начала Первой мировой войны, уже не стало. Численность немцев росла за счет естественного прироста населения и появления выходцев из колоний других регионов, особенно много их было в начале 1920-х годов из охваченного голодом Поволжья.

1 января 1927 г. была создана Ленинградская область, охватившая в основном современные территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. С 1927-го по 1938 г. в состав области входил и Мурманский округ. По сведениям на начало 1927 г., немецкое население области (без Ленинграда) составляло 7384 чел. Крупнейшими сельскими советами с немецким и смешанным населением были: Гражданский (252 немцев, 19,6% от общего числа жителей сельсовета), Заводский (537 чел., 59,3%), Кипенский (265 чел., 15,6%), Колпинский (976 чел., 99,5%), Новосаратовкий (1547 чел., 89,3%), Овцынский (529 чел., 49,3%), Парголовский-1 (336 чел., 18,7%), Порховский (276 чел., 67,8%), Среднерогатский (1021 чел., 89,6%), Стрельнинский (199 чел., 35,2%), Янинский (289 чел., 95,6%).

На новгородской земле крупнейшими немецкими колониями были Новониколаевская (Новгородский район) и Александровская (Чудовский район). К 1 апреля 1922 г. в Новониколаевске было зарегистрировано 1580 жителей, в Александровке – 720. Кроме того, компактные группы немцев проживали в Новгороде (500), Старой Руссе (420), Малой Вишере (370), Чудово (90), Мало-Михайловской колонии (220), на станции Окуловка (557). Всего в Новгородской губернии насчитывалось 6984 немца.

На 1 января 1928 г. на территории Ленинградского округа (без Ленинграда) проживало 10 634 немца (1,4% населения округа), в т.ч. в городах – 2720, в пригородах – 2632, в сельской местности – 5282 чел. К 1937 г. численность немцев выросла до 15 078 чел. в области и до 14 239 – в Ленинграде. Перепись населения 17 января 1939 г. зафиксировала уменьшение числа немцев в Ленинграде до 10 104 чел., в Ленинградской области – до 12 766. Общее сокращение численности немцев на 6480 чел. в течение двух лет связано и с репрессиями 1937–1938 гг.

Социально-экономические изменения первых лет советской власти

С установлением советской власти повсеместно были созданы сельские и волостные сельские советы. В отличие от других мест компактного проживания немцев в Ленинградской области не было немецких национальных сельсоветов, но до 1939 г. на базе крупнейших новгородских колоний существовали Новониколаевский и Александровский немецкие сельсоветы. В 1933 г. Новониколаевский сельсовет включал 9 населенных пунктов, в них проживало 1305 чел., в Александровском – 6 поселений и 1058 чел.

По данным Земельного управления Петроградского губисполкома, в 1919 г. в среднем на каждого владельца земельного участка приходилось по 2–4 десятины, в отдельных случаях встречались участки и по 56 десятин. В старых колониях площади наделов были меньше, чем в дочерних колониях, которые покупали новые земли, в то время как старожилы вынуждены были делить имеющиеся земли.

На примере двух крупнейших колоний, Новосаратовской и Стрельнинской, можно проследить положение немецких крестьян в 1920 г. Общая посевная площадь у стрельнинцев составляла 566 десятин, из них под картофелем находилось 51 десятин, под злаками – 90, травами – 248. В Новосаратовке всего было 746 десятин, в т.ч. под картофелем – 212, злаками – 278, травами – 194. Сравнительно большие посевные площади были в Овцыно (484 десятин), Средней Рогатке (450), Гражданке (269). Самый маленький посевной клин был в Кронштадтской колонии – 51 десятина.

До весны 1921 г. действовала политика военного коммунизма. Особенно жестко продразверстка проводилась в немецких хозяйствах, «излишки» безжалостно изымались. В каждой колонии были созданы «тройки по учету урожая», члены которой следили за изъятием у крестьян овощей и сена. В 1919–1920 гг. в Стрельнинской колонии был собран урожай картофеля 30 346 пудов, из них оставлено на семена 4410, на еду – 8206, «излишки» составили 17 936 пудов (52% от общего урожая). Размер изъятых «излишков» картофеля в Колпинской колонии составил 25%, Уткиной Заводи и Янино – по 46%, Новосаратовке – 52%. Кроме выполнения продразверстки колонисты должны были оказывать помощь другим хозяйствам, по заявкам сдавать солому для производственного процесса на

заводы (литейным мастерским Машиностроительного завода № 1, Путиловскому заводу, заводу резиновой промышленности и др.). В июне 1920 г. произошел конфликт между жителями колонии Овцыно и властями из-за очередных неоправданных требований. В разгар летних работ потребовали 30 женщин на кирпичный завод. За отказ в «помощи» колонистов оштрафовали на 500 тыс. руб. А когда и штраф не был выплачен, пятерых мужчин колонии отправили в Шлиссельбургскую крепость. Ходатайство сельскохозяйственного отдела Губисполкома позволило уладить конфликт, т.к. роль овцынских колонистов в снабжении города картофелем, сеном, овсом была значительна.

В марте 1921 г. продразверстка была заменена твердым продовольственным налогом (продналог), вместо политики военного коммунизма вводилась новая экономическая политика (НЭП), появилась возможность для развития хозяйственной инициативы, кооперации, предпринимательства.

Кооперативное движение 1920-х годов охватило и колонистов. В январе 1922 г. возникло Товарищество немецких колонистов (с апреля – Потребительский кооператив немецких колонистов), объединившее в основном середняцкие хозяйства всех немецких колоний губернии. Контора находилась в Петрограде (ул. Гороховая, 41). Основными направлениями деятельности кооператива были: распределительная, производственная, заготовительная, культурно-просветительская. Кооператив снабжал своих членов продуктами и предметами первой необходимости, удобрениями, скотом.

Немцы живо откликнулись на инициативу по созданию кооперативов, и вскоре сеть немецких объединений стала интенсивно расти. Так, 15 марта 1926 г. был зарегистрирован устав Оксенферайна («Бычьего товарищества») в колонии Овцыно, в планах которого предусматривалось выведение племенного стада на основе холмогорской породы.

Близость колоний к городу оказывала влияние на их развитие уже с момента их возникновения, но в период промышленного развития страны это влияние стало усиливаться. Многие колонисты, продолжая жить в колониях, находили работу на городских предприятиях. Из Стрельнинской колонии работали, например, на заводе «Пишмаш» (завод пишущих машинок) и заводе резиновых изделий «Красный треугольник», из Колпинской – на Ижорском заводе, из Средней Рогатки – на мясокомбинате «Самсон». Мужчины из колонии Гражданка нанимались возчиками в артель «Выборгский транспортник». Рабочие места для колонистов Гражданки давал, например, и Политехнический (в 1934–1940 гг. – Индустриальный) институт, размещавшийся по соседству. Новосаратовцы числились среди электромонтеров, возчиков, такелажников на ГЭС № 5 (электростанция «Уткина Заводь», ГРЭС «Красный Октябрь»), завода «Большевик».

Вместе с тем сохранялись традиции ведения приусадебного хозяйства, содержания дома. По воспоминаниям А. Я. Тихомировой (дев. Нагельман), стрельнинские колонисты «держали в образцовом порядке свои участки, сады и прилегающую территорию к границам своих домов. Так около каждого дома вдоль заборов у домов обязательно была пешеходная дорожка, свежевыметенная и посыпанная песком. Вдоль пешеходной дорожки была вырыта канава вдоль всей „трассы" между пешеходкой и проезжей частью дороги. Дорога была из булыжника, без ухабов; следили за исправностью ее сами владельцы участка дороги (против дома которого она находится). Чистили канаву, и не давали ей зарасти сорняками. Вдоль канавы и пешеходной дорожки были высажены березы. За забором у пешеходных дорожек у домов, около балконов и террас были клумбы с цветами, кусты сирени белой и фиолетовой, у самого забора благоухал шиповник и жасмин. Скамеечки были обязательно у каждого палисадника, чтобы пожеланию или необходимости можно было бы посидеть и отдохнуть прохожему».

В первые годы советской власти, несмотря на тяжелое экономическое положение, в немецких колониях не прекращалась культурно-просветительская работа на базе местных клубов. Так, летом 1921 г. в Новосаратовке обсуждалась работа кружков – музыкального (фортепиано), в котором занималось 25 чел., научного, где читались лекции по географии, физике, сельскому хозяйству. Работали также литературный и драматический кружки, группа по изучению эсперанто. В том же году и в Стрельнинской колонии продолжал активно работать клуб. Протокол общего собрания клуба, проходившего в июне 1921 г., сообщает, что библиотека открыта по понедельникам и пятницам, во время танцев рекомендовалось танцевать по-старинному, соблюдая приличия.

Образование колхозов и раскулачивание

С конца 1927 г. в стране был взят курс на преобразование мелких хозяйств в крупные коллективные объединения. Кульминацией этой политики стало проведение в 1929–1930 гг. массовой коллективизации, сопровождавшейся раскулачиванием зажиточных крестьян, закрытием церквей и преследованием духовенства. Для организации колхозов в деревни были направлены рабочие заводов – коммунисты-двадцатипятитысячники.

Весной 1930 г. появились крупнейшие в области колхозы «Красный механизатор» (Новосартовка, 4 марта), «Роте Фане»

(Стрельнинская колония, 1 апреля), им. Тельмана (Средняя Рогатка и Ижорская колония), которые успешно развивались в последующие годы. К концу 1930-х годов под Ленинградом существовали немецкие колхозы: «Арбайтер», «Красный механизатор», «Рот фронт», «Роте Фане», «Каменка», «Красный пахарь», «Ударник», им. Карла Либкнехта, Тельмана, Обкома МОПР, Макса Гельца, 1 Мая.

Колхоз «Роте Фане» молочного и овощекартофельного направления объединил в начале 14 хозяйств и 70 га посева. В феврале 1931 г. уже числилось 60 хозяйств и 121 колхозник (113 немцев, 6 русских, 2 эстонца). Первым председателем колхоза стал Я. О. Нагельман (1900–1938), с 1935 г. он – директор Красносельской МТС. В первые годы существования колхоза колхозники испытывали серьезные трудности. Они не получали промтовары в обмен на сданные овощи, не хватало стройматериалов для сооружения скотного двора, парниковые рамы были плохого качества. Колхозникам не давали скидок за содержание детей на детской площадке. В 1932–1933 гг. обобществленный скот насчитывал 47 лошадей и 70 коров, в единоличном пользовании оставалось 32 коровы.

За 10 лет существования колхоз разросся, в 1940 г. в нем было уже 102 хозяйства. Актом на вечное пользование колхозу было передано 669 га земли. Было построено три скотных двора, телятник, силосная башня, два овощехранилища, молотильный сарай, зерносушилки, кузница, выкопан артезианский колодец. Проведен водопровод на скотные дворы и в парники, оборудована дождевальная установка. Путем гончарного дренажа колхозники осушили 21 га болот и на этих участках получали высокие урожаи. Работы по осушению велись под руководством Северного научного института гидротехники и мелиорации. В колхозе открылся клуб, демонстрировалось кино, работали детские ясли, столовая, библиотека.

Колхоз «Красный механизатор» возник вначале в форме коммуны, которая была вскоре распущена. В колхозе объединились 56 хозяйств (12 батраков, 19 бедняков, 16 середняков, 4 рабочих и 5 служащих). Председателем стал рабочий И. Е. Павлов, в 1932 г. его сменил бедняк из колонистов И. Г. Фогельгезанг. В 1933 г. из-за неблагополучия в хозяйстве поднимался вопрос о роспуске колхоза в Новосаратовке, некоторые активисты колхоза были арестованы. Среди них председатель колхоза Х. Б. Фрицлер, бухгалтер И. И. Грауле, заведующий машинно-тракторным парком, двадцатипятитысячник А. А. Бич.

Первый колхоз в Овцыно им. 8 марта был организован в 1930 г. шестью семьями батраков, но вскоре также был распущен. Вместо него в 1931 г. создан новый, названный в честь немецкого коммуниста, рабочего-эмигранта Макса Гельца (1889–1933). Председателем стал уроженец колонии Х. А. Герлеман.

Колхоз им. Тельмана появился в 1931 г. В 1933 г. председателем стал Годов, рабочий-двадцатипятитысячник. За колхозом было закреплено 1254 га земли. В 1931 г. организован был и колхоз им. Обкома МОПР. В состав вошли 24 хозяйства из колонии Красненской Лиговского сельсовета. В первый год существования они имели около 50 га пашни, 12 лошадей и 2 коровы.

В Новониколаевском сельсовете (близ Новгорода) были организованы два колхоза «Рот Фронт» и «Красная Звезда». При основании последнего в 1931 г. объединились семь бедняцких семей, у которых общее стадо состояло из четырех лошадей. Первым председателем был Б. Ф. Фишер, а в 1937 г. – П. Я. Трабер. В 1937 г. в колхоз входили уже 92 двора. Колхоз «Рот Фронт» специализировался на выращивании овощей для Новгорода. 30 марта 1936 г. церковь в Новониколаевке была закрыта.

Организация колхозов сопровождалась массовым раскулачиванием зажиточных крестьян. Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. определялся порядок проведения раскулачивания и численность выселяемых семей из так называемых районов сплошной коллективизации. Одновременно были указаны и места выселения раскулаченных. К началу апреля 1931 г. из Ленинградской области всего была выселена 3261 семья, что составляло 14 382 чел. (по плану предусматривалось к выселению 3 тыс. семей). Все выселенные из области крестьяне расселялись на Кольском полуострове в районе Хибинских апатитовых разработок. В тот период полуостров представлял собой мало заселенный край, где плотность населения составляла менее одного человека на квадратный километр. «Бывшие кулаки» участвовали в строительстве новых городов – Хибиногорска (с 1934 – Кировск) и Мончегорска.

Точными сведениями о количестве раскулаченных немцев мы не располагаем, известны отдельные факты. Из Стрельнинской колонии, например, выслали девять домохозяев с семьями, в т.ч. К. М. Брауна. Семья Ф. Я. Биллера из Веселого Поселка тоже была раскулачена, супруги высланы в Хибиногорск, а дети оставались у родственников. Фридрих Биллер погиб при сходе снежной лавины в декабре 1934 г. Среди новых жителей строящихся городов были выходцы из Средней Рогатки (семья А. Ф. Амана, Ф. К. Бич), Кронштадтской колонии (А. А. Бич), Новосаратовки (Е. Х. Бич, И. А. Бич, Ф. Ф. Грауле, семья Ф. Я. Гаммершмидта) и многие другие.

О количестве раскулаченных немцев можно косвенно судить по данным за 1940 г., когда началось выселение «неугодных» граждан из приграничной области. Согласно приказу НКВД СССР «О переселении из города Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 г. выселению подлежали 3215 хозяйств или 8617 чел. Немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев (675 семей, 1743 чел.) на-

правляли в Алтайский край, представителей прибалтийских народов, а также шведов и финнов поселяли в Карело-Финской ССР. Для расселения немцев предназначались Локтевский (326 хозяйств), Змеиногорский (150) и Курьинский (199) районы на Алтае. Операцию по депортации начали 5 июля 1940 г.

Немецкие колхозы как парадная витрина социализма

К середине 1930-х годов немецкие колхозы вносили существенный вклад в экономику Ленинградской области. В 1935 г. удельный вес немецкого населения области составлял 3%, но при этом они обрабатывали 16% посевных площадей и поставляли 20% сельской продукции Пригородного района.

Успехи немецких колхозов области использовали в пропагандистских целях для создания в глазах западного пролетариата образа счастливой жизни в СССР. Активную роль в этом играла немецкоязычная газета «Роте Цайтунг» – орган Ленинградского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, издавалась с 4 января 1931 г. по 1 мая 1936 г. Она была ориентирована, в первую очередь, на западных политэмигрантов, проживавших в Ленинграде. Основная часть материалов освещала положение рабочих в капиталистических странах, особенно в Германии, демонстрировались успехи СССР в области индустриализации. Регулярно публиковались статьи об эмигрантах, работавших на предприятиях Ленинграда, их производственных успехах и политической работе среди них. В 1932 г. только на предприятиях тяжелой индустрии города трудилось около 700 иностранцев, большую часть составляли немцы (446 чел.). Лучшими в Ленинграде были бригады Макса Гельца и Пайнерта.

Газета стала организатором шефской работы эмигрантов в немецких колхозах. Организовывались экскурсии к колонистам, экскурсанты вместе с колхозниками работали на полях, проводили для сельчан политические вечера, антивоенные митинги. Особое внимание уделялось колхозу им. Карла Либкнехта в Парголово. Образцом шефской работы считалась помощь рабочих-иностранцев с завода «Большевик» колхозу «Красный механизатор» в Новосаратовке. Рабочие и колхозники посещали друг друга. Совместная работа выражалась в основном в проведении политических вечеров в Володарском доме культуры, организации политзанятий. Рабочие участвовали в выпуске стенгазет в Новосаратовке. Оказывалась и практическая помощь колхозникам в ремонте сельхозтехники, участии рабочих в посевной и уборочной кампаниях.

Летом 1933 г. в разгар массового голода в стране и, особенно, на Украине в немецкие колхозы были направлены делегации работниц, жен политэмигрантов. Они должны были доказать, что в немецких колхозах нет голода, что они не нуждаются в иностранной помощи. В начале августа делегация четыре дня провела в новгородских колхозах «Рот Фронт» и «Красная звезда». Рисуя цветущую жизнь в этих колхозах, где не было явных следов голода, корреспонденты разоблачали «фашистскую пропаганду» о голоде немцев в Советском Союзе, развернувшуюся на Западе под лозунгом «Brüder in Not». Газета «Роте Цайтунг» посвятила этой теме отдельную полосу в сентябрьском номере, для иллюстрации были использованы фотографии колхозной жизни немцев под Ленинградом и в Республике немцев Поволжья (в то время как в Поволжской республике от голода умерло около 56 тыс. чел., в т.ч. в 1933 г. – 45 тыс.). В декабре того же года большой материал был посвящен благосостоянию немцев-колхозников Стрельнинской колонии.

Немецкие колхозы Ленинградской области были широко представлены на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), открывшейся 1 августа 1939 г. в Москве. Она действовала до 1941 г. (закрыта 1 июля). Подготовка к открытию, отбор участников проходили два года, т.к. первоначально планировалось ее открыть в 1937 г. Ленинградская область имела собственный павильон («Ленинград и северо-восток РСФСР»). Хозяйства, удостоенные диплома первой степени, получали 10 тыс. руб. и легковую машину, а награжденные дипломом второй степени – 5 тыс. руб. и мотоцикл. Личные достижения отдельных колхозников отмечались медалями. Была учреждена «Книга почета ВСХВ», куда вносился каждый экспонент с указанием его достижений.

Участниками ВСХВ 1939-го и 1940 г. были успешные хозяйства Ленинградской области – колхозы им. Тельмана, «Роте Фане», а также их хозяйственные подразделения и отдельные передовики. В 1938–1940 гг. в колхозе им. Тельмана добились стабильно высоких урожаев картофеля (по 136,3 центнера с 1 га) и капусты (347 центнера с 1 га). Колхозники в «Роте Фане» ставили рекорды по выращиванию овощей и размножению семян. В среднем за 1937–1939 гг. был получен урожай с 1 га: капусты 359 центнеров (на площади 5,2 га); томатов 210 центнеров (на 0,8 га); картофеля 176 центнеров (на 69,8 га).

В 1939 г. в колхозе им. Макса Гельца получили с каждого гектара в среднем по 16 центнеров ячменя, 20 центнеров овса, 30 тонн овощей и 15 тонн картофеля. В числе достижений колхозников было строительство кузницы, телятника, парниковое хозяйство на 1100 рам. Значительные средства расходовались на подготовку кадров, содержание детского сада, на посещение театров выделено около одной тысячи рублей. Среди передовиков колхоза: Егор Францевич Шефф (председатель колхоза), Федор Федорович Кун, Федор Яковлевич Деге, Роза

Карловна Штро, Федор Филиппович и Елизавета Адамовна Лорер, Петр Федорович Грауле.

На выставке 1939 г. колхоз «Арбайтер» Ораниенбаумского района получил диплом первой степени и соответствующую премию. Среди передовиков были пахари А. Краубнер и М. Лорер, а председатель Александр Андреевич Бауэр был выдвинут кандидатом в депутаты районного совета. В «Почетную книгу» ВСХВ 1940 года внесены немецкие колхозы: «Красный механизатор», им. Обкома МОПР, «Роте Фане», «Арбайтер», им. Карла Либкнехта, им. Макса Гельца, им. Тельмана, а также совхоз «Средняя Рогатка».

Участницей выставки в 1939 г. была семеновод Екатерина Федоровна Шеффер из Стрельнинской колонии. Она получила в 1938 г. урожай семян брюквы «Красносельской» 12 центнеров с 1 га и капусты «Слава» – 7,58 центнера с гектара. Бригадир-стахановец Петр Адамович Эйдемиллер добился рекордных показателей при размножении семян картофеля. Самый высокий по Ленинградской области коэффициент был 41, Эйдемиллер установил коэффициент 65 и выше. Он был награжден большой серебряной медалью. Если в 1939 г. на ВСХВ от колхоза «Роте Фане» было 7 участников, то в 1940 г. уже 25.

Среди передовиков колхоза им. Тельмана были колхозницы-полеводы: М. Франц, Д. Беккер, Е. Бок, Ш. Бок, Е. Аман, колхозники Х. Бок, М. Беккер, Н. Гер, Ф. Штерн. Передовой овощеводческий колхоз им. Обкома МОПР в 1940 г. возглавлял Владимир Андреевич Шефер. Количество парниковых рам было доведено до 1350 штук. В 1937 г. было выделено специальное картофелеводческое звено во главе с Петром Егоровичем Шефером, в 1939 г. он стал участником ВСХВ.

Высокие урожаи во многом зависели от добросовестной работы колхозников. В довоенный период их вклад оценивался в трудоднях, а большинство работ проводились вручную. Так, в колхозе «Роте Фане» для выращивания капусты на одном гектаре необходимо было вывезти 120 подвод навоза (60 тонн), полив проводился из бочек. Посадка велась вручную: одна колхозница разбрасывала рассаду, две другие сажали. Норма при разбрасывании составляла 10 тыс. кустов, при посадке – 5 тысяч. Лунки готовились заранее мотыгами, окучивание также велось вручную. Лишь основные виды работ были механизированы на 65–70%.

Заработанные трудодни оплачивались по результатам года. В передовом колхозе им. Тельмана в 1938 г. на один трудодень приходилось: 6 руб. 65 коп., 3 кг картофеля, 900 г овощей, 300 г зерна, 6 кг соломы и сена. В колхозе «Роте Фане» в 1939 г. на один трудодень выдавалось: 8 руб. 27 коп., 10 кг картофеля, 1,4 кг овощей, 500 г зерна, 3 кг кормовых культур. Семья Филиппа Федоровича Гевейлера из этого колхоза получила по итогам года 8145 руб., 600 пудов картофеля, 30 пудов зерна, 85 пудов овощей, 180 пудов кормов. В 1939 г. пахарь из колхоза им. Обкома МОПР Владимир Петрович Шефер выработал 409 трудодней и получил 6600 руб., 4309 кг овощей и картофеля, 43 кг зерна, 570 кг сена и соломы. Средний доход колхозника в Новосаратовке в 1939 г. составлял 5 тыс. руб., а передовик Христиан Адамович Шеффер получил 18 тыс. руб., Карл Яковлевич Иккерт – 15 500 руб.

Политические репрессии 1930-х годов

За парадной стороной жизни немецких колхозов скрывались репрессии. Политические преследования немецкого населения СССР начались уже в 1934 г., после выхода секретного постановления ЦК ВКП(Б) «О работе среди немецкого населения». Широкомасштабные репрессии в стране были организованы в 1937–1938 гг., т.к. к 20-летию Великой Октябрьской революции необходимо было избавиться от всех «неблагонадежных элементов». Старт репрессиям в стране был дан 2 июля 1937 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «Об антисоветских элементах». Каждая республика, край, область получала план по количеству «подлежащих репрессиям». В Ленинградской области, начиная с 5 августа 1937 г., должны были расстрелять 4000 чел. и 10 000 – отправить в лагеря. Дополнительный план для области был направлен в 1938 г., согласно которому необходимо было расстрелять еще 3000 чел. и 1000 чел. приговорить к лишению свободы. Завершить операцию следовало до 15 марта 1938 г.

Проводились массовые секретные операции по «национальным линиям» против «шпионов и диверсантов». Первой такой «линией» в стране и Ленинградской области стала «немецкая линия» (приказ НКВД № 00439), начавшаяся в 1937 г. Существовали и другие национальные «линии». В 1938 г. репрессии по национальному признаку были продолжены. К 15 апреля 1938 г. предлагалось завершить «разгром шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын». На деле карательные операции продолжались до ноября 1938 г. Всего за полтора года в Ленинградской области было расстреляно 40 906 чел. Только в июле 1938 г. по спискам «Немцы» было расстреляно несколько сот человек.

Основным местом погребения расстрелянных было Левашовское кладбище, специально организованное НКВД в 1937 г. Тела казненных возили сюда вплоть до 1954 г. До 1989 г. место было засекречено, в настоящее время это мемориальное кладбище.

11/ DAS SCHICKSAL DER KRIEGSGENERATIONEN (1941–1955)

Die ersten Monate des Krieges und die deutsche Bevölkerung im Leningrader Gebiet

Ab den ersten Tagen des Großen Vaterländischen Krieges lag das Leningrader Gebiet an der Frontlinie. Nach der Besetzung der Städte Ostrov (am 6. Juli) und Pskow (Pleskau) (am 9. Juli) entwickelten sich die Kriegshandlungen unmittelbar im Leningrader Gebiet. Am 8. September, nach der Besetzung von Schlüsselburg, hat sich der Ring der Blockade um Leningrad geschlossen. Vom Süden aus wurde die Stadt durch die deutsche 18. Armeegruppe „Nord" blockiert, im Norden standen die finnischen Truppen. Am 15. September drangen die deutschen Truppen an den Finnischen Meerbusen zwischen Strelna und Urizk (Ligovo) vor, was zur Bildung des „Oranienbaumer Kessels" führte. Die Frontlinie verlief auf dieser Strecke im Osten zwischen dem Alten und dem Neuen Petershof, im Westen das Ufer der Woronka entlang.

Im Blockadering blieben neben den Einwohnern der Städte Leningrad, Kronstadt und Sestroretsk die Deutschen aus dem Gebiet Wsewoloschsk und Pargolowo (Neu-Saratowka, Janino, Wesselyj Poselok, Owzyno, Srednaja Rogatka, Ischora (Kolpino), Graschdanka) eingeschlossen. Außerhalb des Blockaderinges blieben in der Besatzungszone die Kolonien Strelna, Kipen, Porchowo, Etüp, Jamburg. Die Kolonien Peterhof und Oranienbaum befanden sich im Oranienbaumer Kessel.

Die Lage der deutschen Kolonien am Stadtrand von Leningrad hat im Wesentlichen ihr Kriegsschicksal vorausbestimmt. Die Kolonien Kolpino und Srednaja Rogatka, wo die Verteidigungslinie von Leningrad verlief, wurden völlig vernichtet. Die Kolonie Kronstadt hat durch die Artilleriebeschüsse keinen Schaden davongetragen.

Im Juli 1941 wurde die 15 km lange Verteidigungslinie von der Moskauer Chaussee bis zur Newa geschaffen, die durch die Kolonien Kolpino und Srednaja Rogatka verlief. In Srednaja Rogatka wurde ein mächtiger Verteidigungsstützpunkt mit Bunkern, Schienensperren, Panzergräben und Minenfeldern geschaffen. Die äußere Verteidigungslinie von Leningrad verlief im Gebiet der Kolonie Kolpino durch das Gebiet der Dritten Kolonie. Es wurden zwei Panzergräben drei Meter tief und acht Meter breit ausgehoben. Der erste Graben verlief von der Ischora im Gebiet der Dritten Kolonie bis zum Newa-Ufer, der zweite Graben begann südlich von der Siedlung Jam-Ischora. Am 28. August besetzte die

Vorhut der deutschen Truppen Jam-Ischora. Weiter konnte der Gegner nicht eindringen. Im Verlauf der ganzen Verteidigungsperiode blieb die Kolonie Kolpino in den Händen der sich verteidigenden Leningrader. Erst am 15. September 1941 nahm die Sturmstaffel des Gegners sechs Kolonistenhäuser in der Dritten Kolonie ein, aber am 17. September hat das Ischora-Bataillon die deutschen Truppen verdrängt.

An das Ausmaß der Zerstörungen im Herbst 1941 erinnerte sich der Zugführer der 125. Schützendivision N. P. Erugin: „Einige zehn Meter von der noch erhalten gebliebenen Kirche <…> haben die Deutschen die Straße und die Schützenlöcher mit unzähligen großen und kleinen Geschossen durchwühlt. Und jeden Abend setzte die deutsche automatische Kanone mit Brandgeschossen die noch erhalten gebliebenen Holzhäuser nahe Kolpino in Brand, die nachts brannten und den Zugang zu unserer Vorderlinie beleuchteten. Systematisch versuchten sie auch diese deutsche Kirche mit dicken Mauern zu vernichten".

Strelna, die andere große Kolonie bei Leningrad, wurde von den deutschen Truppen im Laufe der Kämpfe am 14.–15. September eingenommen. Einige Zeit befanden sich die Schützengräben und die Schutzlöcher der Bevölkerung dicht nebeneinander. Im Verlaufe der Kämpfe waren alle Häuser am linken Ufer der Strelka, wo sich die russischen Befestigungen befanden, abgebrannt; nicht allen Zivilisten gelang es zu überleben.

Das Schicksal der Nowgoroder Kolonien war genauso tragisch. Bis 1944 befanden sie sich an der Frontlinie, die den Wolchow entlang verlief. In der zeitweiligen Besatzungszone befanden sich die Malaja und Bolschaja Wischera, wo es eine deutsche Diaspora gab, sowie die deutsche Kolonie Alexandrowskaja in der Selischtscher Wolost am Wolchow. Im Dezember 1941 wurden sie befreit. Durch diese Kolonie gingen ständig Militäreinheiten an die Frontlinie ins Gebiet Mjasnoj Bor. Im Laufe der Kämpfe im Winter 1941 und im Frühling 1942 verbrannte sie völlig und wurde der Erde gleich gemacht.

Die Bevölkerung des rückwärtigen Frontgebiets bei Leningrad, die Kolonien eingeschlossen, wurde in die Stadt evakuiert oder die Einwohner zogen selbst in die, wie es damals schien, „sicheren" Gebiete zu ihren Verwandten. Nach den Erinnerungen von E. J. Schmidt, einer Einwohnerin der Kolonie Wesselyj Poselok, kamen zu ihnen in den ersten Kriegsmonaten die Einwohner der Kolonie Kolpino, die von den Familien aufgenommen wurden. Die Familie von M. J. Herr aus der Oberen Kolonie Kolpino wurde im Herbst 1941 von dem Evakuierungspunkt des Wolodarka – Gebiets nach Neu-Saratowka umgesiedelt, sie richteten sich im Hause Nr. 182 ein. Die Familie Bäcker aus Srednaja Rogatka verließ ihr Haus im September 1941 und siedelte zu ihren Verwandten ins Gebiet Piskarjowka um.

Bis zum letzten Tag, als das Gebiet vom Gegner eingenommen wurde, fuhren sie mit Sonderausweisen in die Stadt zur Arbeit. Viele brachten zu ihren Verwandten, die in der Stadt wohnten, ihre Kinder, Wintersachen und Lebensmittel.

An das Chaos, das damals herrschte, erinnert sich der Einwohner von Neu-Saratowka Adam Schmidt. Wie er schreibt, wurde „Ende Juli – Anfang August" befohlen, das Vieh und die Technik aus dem Wsewoloschsker Bezirk zu evakuieren. «Die Evakuierung des Viehs begann über die Newa über die Brücke im Gebiet Otradnoje zur Eisenbahnstation Mga. Das war ein unerfreulicher Anblick. Kaum hatten wir Vieh und Technik über die Brücke gebracht, kam uns ein Strom von Flüchtlingen und fliehenden Rotarmisten entgegen. Überall konnte man hören: „Wohin treibt ihr das Vieh? Dort sind schon die Deutschen!" Wir bekamen Angst vor der Inhaftierung, wir waren verwirrt. Zurück drangen wir schon durch die Sperreinheiten. Schreie, Muhen, Höllenlärm – ein wahres Durcheinander!» Letztendlich mussten Technik und Vieh anhalten, und sie fielen in die Hände des Gegners.

Unter denen, die Vieh in Richtung des Wologda-Gebiets trieben, war M. A. Bäcker, der stellvertretende Vorsitzende der Thälmann-Kolchose. Seine Familie weigerte sich, ihm zu folgen. Die Herde wurde ins Dorf Jemeljanowka gebracht. Michail Andrejewitsch kehrte zu seiner Familie erst im März 1942 zurück. Die ganze Zeit war er am Ladoga-See tätig. Die Militärpflichtigen von den sowjetischen Deutschen wurden von den ersten Tagen an neben anderen Staatsbürgern einberufen. A. K. Pahl, ein Einwohner von Neu-Saratowka, wurde im Juli 1941 einberufen und wurde im März 1942 vermisst. An der Front wurden die folgenden Einwohner von Neu-Saratowka vermisst: Der Mann von Sofia Petrowna Bühler I. I. Stolbow und dessen Söhne Wladimir und Alexander. In den Kämpfen um Tula fiel der Sohn von Jakob Amann aus der Kolonie Strelna. Iwan Iwanowitsch Graule aus Neu-Saratowka, der vor dem Krieg bei Blagoweschtschensk den Militärdienst ableistete, nahm an den Kämpfen bei Rschew teil und wurde verletzt. Nachdem er aus dem Spital entlassen worden war, wurde er demobilisiert, später befand er sich unter den Militärdeutschen, aus denen man die ersten Arbeitsbataillone im Uralgebiet bildete.

Am 29. Oktober 1941 wurde der Befehl des stellvertretenden Volkskomissars der Verteidigung der UdSSR L. S. Mechlis über die Entfernung der Deutschen, Finnen, Letten, Litauer, und anderer „verdächtiger Personen" aus den Einheiten der 52. Armee erlassen. Die Armee kämpfte im Leningrader Gebiet und hielt die Stellung den Wolchow entlang, nördlich von Nowgorod bis Grusino. Aktiv begannen die Armeeeinheiten am 16. Oktober 1941 zu handeln, als der Gegner die Offensive nach Tichwin hin begann. Gerade in jener Zeit begann die Säuberung der Armee von den „unerwünschten Elementen" und die Bildung von Baubataillonen aus den Deutschen.

Gegen Winter 1941 waren zwei Drittel des Leningrader Gebiets okkupiert und Leningrad wurde zu einer Frontstadt. Ein Teil der deutschen Bevölkerung befand sich in dem vom Gegner besetzten Gebiet, ein anderer Teil war innerhalb des Blockaderings.

Deportierung der Deutschen in den ersten Monaten des Krieges

Ab dem ersten Kriegstag wurde über Leningrad der Kriegszustand verhängt. Die Behörden trafen Maßnahmen, die auf die Neutralisierung der Feindpropaganda und die Bekämpfung der negativen Geistesverfassung gerichtet waren. Private Radioempfänger, Fotoapparate wurden beschlagnahmt, es wurden die Regeln der Postsendungen und des Postempfangs verändert, Telefonverbindungen wurden eingeschränkt. Für den Armeebedarf wurden private Verkehrsmittel, einschließlich Fahrräder eingesammelt.

In der Stadt wurde der Kampf gegen Panik, Gerüchteverbreitung und „sozial gefährliche Elemente" verstärkt. Dem Militär wurde die Vollmacht zur Ausweisung der Personen erteilt, die als sozial gefährlich eingestuft wurden. Am 21. August 1941 erschien der Befehl des Nordfrontoberbefehlshabers und des Chefs der NKWD-Verwaltung im Leningrader Gebiet „Über die Ausweisung sozial gefährlicher Elemente aus Leningrad und dem Leningrader Gebiet". Zu solchen „Elementen" wurden neben anderen Deutsche und Finnen gezählt. Am 26. August erschien die Verordnung des Kriegsrates der Leningrader Front „Über die obligatorische Evakuierung der deutschen und finnischen Bevölkerung aus den Vorortsgebieten von Leningrad". Aufgrund von diesen Verordnungen begann man mit der Deportierung der Deutschen aus Leningrad.

Gleichzeitig wurden repressive Maßnahmen gegen die Sowjetdeutschen im ganzen Land getroffen. Am 15. August begann die Deportierung der Deutschen von der Krim. Am 28. August wurde der Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR „Über die Ausweisung der Wolga-Deutschen" unterzeichnet und am 30. August offiziell veröffentlicht. Das Dokument enthielt frei erfundene Fakten, darin ging es um Hunderte und Tausende von Diversanten und Spionen, die angeblich „auf ein Zeichen aus Deutschland Explosionen in den von den Wolga-Deutschen besiedelten Gebieten durchführen müssen". Dieser Erlass löste die Massenausweisung der Wolga-Deutschen und der Deutschen aus den anderen Gebieten des Landes aus.

Die Ausweisung der Deutschen und Finnen aus dem Leningrader Gebiet wurde vom 27. August bis zum 7. September 1941 geplant. Als Ausweisungsort wurde zuerst die ASSR Komi und Kotlas im Gebiet Archangelsk bestimmt. Aber später wurden Kasachstan, die Gebiete von Nowosibirsk und Omsk, die Regionen Altai und Krasnojarsk genannt. Es mussten 88 700 Finnen und 6700 Deutsche ausgewiesen werden, die in acht Bezirken des Leningrader Gebiets (Oranienbaum, Krasnoje Selo, Sluzk, Krasnogwardejsk, Tosno, Mga, Wsewoloschsk und Pargolowo) wohnten. Mit der Erfüllung des Plans wurde die Leningrader Verwaltung des NKWD beauftragt. Es war eine Zwangsevakuierung, deshalb mussten diejenigen, die Widerstand leisteten oder die Ausweisung verweigerten, verhaftet werden. Für die Sicherung der Ordnung wurden in diese Gebiete Militärstaffeln geschickt.

Der Plan der Ausweisung der Deutschen und der Finnen wurde durch die Ereignisse an der Front gestört. Am 29. August hat der Gegner die Eisenbahnstation Mga eingenommen, und ab 14 Uhr wurde der Eisenbahnverkehr zwischen Leningrad und dem ganzen Land unterbrochen. Am 8. September wurde die vollständige Blockade erklärt. Aber bevor der Eisenbahnverkehr lahmgelegt wurde, gelang es etwa 28 000 Deutsche und Finnen ins „Große Land" zu bringen, die im Wologda-Gebiet (ca. 22 900 Personen) untergebracht wurden, 350 Menschen kamen ins Gebiet Kirow. Viele Deutsche aus dem Gebiet Nowgorod kamen in die Komi-ASSR.

Deutsche Bevölkerung im Ring der Blockade und die Wiederaufnahme der Deportierung im Frühling 1942

Der erste Winter während der Blockade wurde für die Leningrader zur schwersten Herausforderung. Ab Dezember, besonders im Januar und Februar starb die Bevölkerung massenweise aus. Durchschnittlich starben im Februar 3200–3400 Menschen pro Tag den Hungerstod. Jeder dritte Einwohner der Stadt war gestorben (verhungert).

Heute ist es unmöglich, genau festzustellen, wie viele Deutsche es in der blockierten Stadt gegeben hat und wie viele von ihnen ums Leben gekommen sind. Klar ist nur, dass Tausende gezählt wurden. Aus den zugänglichen Quellen haben wir eine Namenauswahl von Personen getroffen, die durch Hunger gestorben sind. Unter ihnen sind deutsche Familie und diejenigen, die denselben Namen führten: Amann – 28 Personen, Bader – 5, Bauer – 6, Bänder – 21, Bock – 33, Brenner – 10, Butz – 9, Walter – 45, Hagen – 10, Geweiler – 18, Kraubner – 10, Kuhn – 10, Lefler – 6, Meng – 7, Pahl – 15, Reimer – 3, Ulrich – 9, Steinmüller – 6, Streuß – 6, Stroh – 14, Eidemüller – 47, Janzen – 2. Aus den Einwohnern der deutschen Kolonien: Graschdanka (A. F. Schäfer, G. N. Schäfer, S. F. Schäfer, O. O. Schmidt), Kolpino (E. G. Gehweiler, M. B. Kraft), Neu-Saratowka (Ch. A. Meier), Srednaja Rogatka (S. A. Amann, I. A. Eidemüller), Janino (P. E. Amann). Das Gesamtbild ergänzen die Erinnerungen

derer, die die Blockade überlebt haben. Sie nennen Namen, die das Gedenkbuch „Die Blockade" nicht enthält. Sofia Matwejewna Amann zeugt vom Tod ihrer Verwandten Polberg (5 Personen) und Walter (4 Personen), die auf der Wassli-Insel wohnten.

Erinnerungen der Deutschen aus Leningrad, die im Kindesalter die Blockade überlebt haben, ergänzen das Gesamtbild der Leningrader Tragödie. Hermann Antonowitsch Lindenburg war 11, als der Krieg begann. Der Vater wurde im Juli 1941 verhaftet, es blieben nur Mutter, der Bruder Wladimir und er. Die Mutter Elena (Berta-Klara) Lange starb im Februar 1942, sie war 44 Jahre alt. Der ältere Bruder brachte Hermann ins Waisenheim. Die Zöglinge des Waisenheims wurden im Frühling 1942 nach Kuban evakuiert, das im Herbst 1942 von den deutschen Truppen besetzt wurde. Die Kinder wurden in einem Internat unter Polizeibeobachtung untergebracht. Hermann und seine zwei Freunde flohen, das zweite Mal erfolgreich. Sie trieben sich herum, gegen den Winter kamen sie in der Staniza Krylowskaja in der Region Krasnodar an. Die Einwohner der Staniza nahmen sich der Kinder an. 1944 kam Hermann in eine Militärschule in Jejsk. Viktor Fjodorowitsch Schäfer, ein Nachkomme der Kolonisten aus Strelna, hat in der Blockade seinen Vater Fjodor Wladimirowitsch, seine Mutter Elena Alexandrowna, den älteren Bruder Richard, den Onkel Rudolf Waldemarowitsch und die Tante Sofia Alexandrowna Eidemüller verloren. „Ich war 13 Jahre alt, aber in diesen Tagen dachte ich ernst an Selbstmord" – schreibt Viktor Fjodorowitsch. Am 13. April 1942 wurde Viktor mit dem Waisenheim über den Ladoga-See evakuiert. Nach dem Krieg wurde Viktor Fjodorowitsch Dr. der Medizin.

Die Lebensbedingungen in Neu-Saratowka waren nicht besser, als in der blockierten Stadt. Die Menschen litten ebenso durch Hunger und Bombardements, die deutschen Jugendlichen nahmen an der Sanitärsäuberungen der Stadthäuser teil (sie haben die Leichen entfernt), sie mussten Holz im Newa-Waldpark für das Krematorium beschaffen, das im Ziegelwerk „Krasnaja Zarja" angelegt wurde, sie bauten einen Scheinflughafen in der Nähe der Pokrow-Straße. Für die Arbeitstage wurden die Kolchosbauern nicht entlohnt, die Kartoffeln vom anliegenden Landstück mussten sie in den Frontfonds liefern, bald wurde dorthin auch das Vieh übergeben.

Das Hinterland von Neu-Saratowka wurde von den Militärs besetzt. Ab Ende 1941 befand sich hier, nach der Evakuierung von der Insel Hanko, die 8. Schützenbrigade von N. P. Simonjak. Der Kolonie gegenüber lag der Torpedojäger „Strogij" auf Reede, der Leningrad vor dem möglichen Eindringen des Gegners von der Newa-Seite schützte. Das Feuer des Gegners auf das Schiff verursachte Zerstörungen in der Kolonie. Neben der Kirche befand sich eine bewachte Pontonbrücke. Am 3. März 1942 wurde in der Kolonie ein Evakuierungsspital untergebracht. In der Nachbarkolonie Owzyno wurde die Scharfschützenschule der 55. Armee gegründet.

Der Kampf gegen den Defätismus wurde in der Stadt in Abhängigkeit von Verschlechterung der Lage der blockierten Bevölkerung und von der Lage an der Front durchgeführt, je nachdem nahm auch der Pessimismus der Menschen zu. Regelmäßig wurden die Urteile des Kriegsgerichts über repressive Maßnahmen für „antisowjetische Propaganda" veröffentlicht. Auf die ersten Kriegsmonate 1941 und den ersten Blockadewinter entfallen 80% aller Verurteilten für „konterrevolutionäre Verbrechen" in den Kriegsjahren.

Unter den in dieser Zeit Verurteilten war Pjotr Christianowitsch Vogelgesang (1901–1942) aus der Kolonie Owzyno, der als Feuerwehrmann im Holzverarbeitungsbetrieb in Ischora tätig war. Er wurde am 11. März 1942 für „antisowjetische Agitation" unter den Betriebsarbeitern verhaftet. Am 4. April hat ihn das Kriegsgericht zur Todesstrafe durch Erschießen verurteilt. Am 4. April 1990 wurde P. Chr. Vogelgesang durch das Leningrader Stadtgericht rehabilitiert.

Die aussterbende Stadt hätte einen zweiten Blockadewinter kaum überlebt, deshalb wurde die ganze „überflüssige" Bevölkerung bei der erstbesten Möglichkeit über den Ladoga-See evakuiert.

Im März 1942 wurde die Ausweisung der Deutschen aus Leningrad und seinen Vororten wieder aufgenommen. Der Grund für die Ausweisung der Deutschen und der Finnen war der Beschluss des Kriegsgerichts der Leningrader Front vom 9. März „Über die administrative Ausweisung sozial gefährlicher Elemente aus Leningrad" und der Beschluss vom 20. März „Über die obligatorische Evakuierung der finnischen und deutschen Bevölkerung aus Leningrad und dessen Vororten". Diese Beschlüsse haben fast wortwörtlich die Beschlüsse des Kriegsgerichtes vom 21. und 26. August 1941 wiederholt.

Schon am 17. und 18. März wurden aus der Stadt fünf Militärzüge mit einer Gesamtzahl von 9785 Personen, darunter waren 6888 Finnen und Deutsche und 2897 administrativ Ausgewiesene abgeschickt. Nach der Überfahrt über den Ladoga-See wurden die Menschen in den Eisenbahnstationen Kobona, Schicharewo und Lawrowo auf Militärzüge verteilt. Zwei Züge mit „sozial gefährlichen Elementen" wurden nach Omsk, drei in die Region Krasnojarsk geschickt.

Die Massenevakuierung der Finnen und der Deutschen begann am 24. März. Ausgewiesen werden mussten 24 600 Personen. Nach den Angaben vom 28. März wurden über den Ladoga-See drei Personenzüge mit Deutschen und Finnen (6788 Menschen) übergesetzt und dann in das Gebiet Irkutsk geschickt. Ein vierter Personenzug mit 2570 Menschen wurde verladen und wartete auf

das Abfahrtszeichen. Auf der Eisenbahnstation Borisowa Griwa warteten auf das Abfahrtszeichen in die Region Krasnojarsk noch drei Militärzüge (7800 Menschen). Zwei Militärzüge wurden in den Vorortsgebieten zusammengestellt und die letzten zwei Personenzüge mussten am 29. März abgefertigt werden. Jeder Zug wurde von 24 NKWD-Angehörigen mit dem Zugkommandanten an der Spitze und von einem operativen Mitarbeiter des NKWD begleitet.

Über den Verlauf der Deportierung berichten Dokumente und Erinnerungen von Augenzeugen. Die Einwohner von Neu-Saratowka bekamen für die Vorbereitung auf die Abreise 24 Stunden Zeit. Im Hof standen Fuhrwerke bereit, die die Menschen zur Eisenbahnstation Newa (Wesselyj Poselok) bringen sollten. Es wurde befohlen, alle nicht begrabenen Leichen, die auf dem Viehhof und nahe am Friedhof umherlagen, in Viehställe zu sammeln und zu verbrennen. Die Einwohner wurden in Eisenbahnwagons zum Ladoga-See gebracht und dort in Fahrzeuge verladen. Aus der Familie Schmidt mussten 10 Personen ausgewiesen werden. Die Häuser und der übriggebliebene Hausrat wurden den Einwohnern der Siedlung verkauft oder überlassen. Beim Einsteigen in den Wagen stellte es sich heraus, dass der Säugling von Teresa gestorben war, für das Begräbnis hatte man keine Zeit, das Kind wurde mit Schnee zugeschüttet und die Stelle wurde mit einem Tannenzweig vermerkt. Nebenan erhoben sich noch zwei solche Schneehaufen, dort wurden zwei Alte begraben. Bei der Einweisung in die Züge bekamen die Menschen zum ersten Mal nach vielen langen Monaten warmes Essen, richtiges Brot und heißen Brei. Am anderen Ufer des Ladoga-Sees bekam jeder einen Brotlaib, in den Wagen wurden Heizöfen aufgestellt.

Margarita Petrowna Reich wurde samt ihren Eltern aus dem Gebiet Olgino ausgewiesen. Sie haben nur warme Sachen eingepackt, weil ein Gerücht umging, dass sie nach Sibirien gebracht werden. Die Eltern verkauften alles, was sie nur hatten verkaufen können, aber den größten Teil mussten sie zur Plünderung stehen und liegen lassen. Die Vertreter des Dorfsowjets (Dorfrates) gingen umher und trieben zur Eile an. Zu Fuß gingen die Reichs zur Eisenbahnstation Lachta. Im Zug waren Finnen und einige deutsche Familien. Zuerst wurden sie nach Lissij Nos gebracht, dort wurden die Wagen noch voller geladen. „Als wir an Olgino und Lachta vorbeifuhren, sangen die Finnen so, dass alle im Wagen weinten." Am 29. März fand die Überfahrt über den Ladoga-See statt. Die Reise bis Atschinsk dauerte einen Monat.

Am 29. März hat der Verwaltungsleiter des NKWD im Leningrader Gebiet über die Erfüllung des Beschlusses berichtet. Nach offiziellen Angaben wurden in dieser Zeit aus Leningrad und dessen Vororten 35 162 Deutsche und Finnen ausgewiesen. Alle wurden ins Gebiet Krasnojarsk, Irkutsk und Omsk verschickt. Die Aufspürung und Ausweisung von einzelnen deutschen Familien dauerte noch im Jahre 1942 an. Insgesamt wurden zum 1. Oktober 1942 58 210 Deutsche und Finnen aus Leningrad und dessen Vororten ausgewiesen.

Aus verschiedenen Gründen blieben einige Deutsche in Leningrad. Es ist bekannt, dass unter denen, die im blockierten Leningrad 1943 gestorben waren, auch Vertreter deutscher Familien waren: Amann Alexandra Semjonowna, Amann Pawel Leontjewitsch, Geweiler Michail Nikolajewitsch, Kuhn Mathilde Simonowna, Lorer Georgij Georgijewitsch, Meng Tamara Fjodorowna, Pahl Michail Fjodorowitsch und andere.

Das Schicksal der Leningrader Deutschen in dem vom Feind besetzten Gebiet

Die Besetzung des Leningrader Gebiets zeichnete sich durch einige Besonderheiten aus. Hier gab es keine einheitlichen Zivilbehörden, in den Städten wurden Verwaltungen geschaffen, in den ländlichen Gebieten hingegen Kommandanturen. Eine der Kommandanturen befand sich in der Kolonie Strelna. In dem Gebiet gab es, so lange wie in keinem anderen Ort, für 29 Monate eine Kriegskommandantur. Nirgendwo sonst gab es eine so langfristige Propaganda unter der Bevölkerung seitens des Gegners. Die Gebiete Tichwin, Malaja und Bolschaja Wischera waren nur kurzfristig besetzt. Wegen wechselnder Erfolge an der Front wurde die Bevölkerung mehrmals filtriert mit dem Ziel, Kommunisten, Juden und Partisanenhelfer herauszufinden. Die Überprüfung der befreiten Bevölkerung wurde auch von der sowjetischen Seite durchgeführt.

Die Hungersnot in der Besatzungszone, besonders in den Städten, nahm kolossale Dimensionen an, deshalb wuchs die Sterblichkeitsrate, es drohte die Gefahr einer Epidemie. Die Einwohner der Kolonie Strelna, die ohne Zuhause, ohne Gemüsegärten und ohne Vieh blieben (das alles wurde von den Okkupanten weggenommen), litten schon seit Herbst 1941 Hunger.

Eine der Besonderheiten der Okkupation in den Nord-West-Gebieten war eine verhältnismäßig loyale Haltung der Bevölkerung dem Gegner gegenüber, was Schwierigkeiten für die Entwicklung der Partisanenbewegung bereitete. Es sind jedoch Fakten bekannt, die die Teilnahme der Einwohner von Strelna an der Partisanenbewegung bezeugen. Die Verbindung mit den Partisanen wurde vom Komsomolorganisator Andrej Steinmüller und Rumjanzew hergestellt. Aber bald wurden die jungen Leute erwischt und im Dorf gehängt. Bei Wolodarka starb Jakob Amann den Heldentod, der in einer Partisanengruppe kämpfte. Der Kommandeur der Partisanengruppe in Kingisepp war Jakob Adamowitsch Pahl,

der aus der deutschen Kolonie Jamburg stammte. Er wurde verraten und von den Okkupanten hingerichtet.

Ethnische Fragen – besonders die Lage der ethnischen Deutschen im blockierten Leningrad und im besetzten Gebiet – befanden sich im Großen und Ganzen ständig im Gesichtsfeld der deutschen 18. Armee. In den Meldungen über die Lage in Leningrad werden die Deutschen mehrmals erwähnt.

Bei der Einschätzung der Stimmungslage in der besetzten Stadt Anfang Oktober 1941 hat man angenommen, dass sich für eine kampflose Übergabe der Stadt der größte Teil der noch am Leben bleibenden Intellektuellen und 30 000–40 000 in Leningrad wohnende Deutsche einsetzen würden. In demselben Dokument wurde behauptet, dass „Häftlinge, ausgenommen Rückfällige und politische Häftlinge, aus den Gefängnissen entlassen und an die Front geschickt werden, um in erster Linie Schützengraben auszuheben, <…> das bezieht sich nicht auf alle Deutschen, Litauer, Esten, Letten, Finnen und Weißrussen, die immer noch inhaftiert bleiben." In der Meldung vom 9. Oktober 1941 wurde die Anzahl der Deutschen in Leningrad (mehr als 20 000) bekannt gegeben. Am 8. Februar 1942 ist die Rede von „einer großen Anzahl der ortsansässigen Deutschen, die völlig isoliert in dem kleinen Ort Petrowskaja Slawjanka wohnen". <…> Es gibt einen Geheimbefehl, dem zufolge die Deutschen nicht an die Front geschickt werden dürfen, ebenso wie die Männer, deren Familien in den besetzten Gebieten leben".

Die Gegenoffensive der Roten Armee bei Tichwin im November und Dezember 1941, und dann die Ereignisse an der Wolchow-Front im Januar bis April 1942 haben das Schicksal der Deutschen bedeutend beeinflusst. Am 7. Januar 1942 begann am Wolchow die Ljuban-Operation, die den Durchbruch der Blockade Leningrads zum Ziel hatte und die tragisch mit dem Verlust der 2. Stoßarmee endete. Auf Befehl des Oberbefehlshabers der deutschen 18. Armee vom 25. Januar 1942 begann die Ausweisung der deutschen aus der Umgebung von Leningrad, weil der Durchbruch der Blockade und eine darauf folgende Offensive der Roten Armee zu dieser Zeit für möglich gehalten wurden.

Noch vom 6. bis zum 20. November 1941 wurden auf Befehl des Oberbefehlshabers der deutschen 18. Armee die ortsansässigen ethnischen Deutschen erfasst. Nach der Meldung der Einsatzgruppe A, die in Gatschina stationiert wurde, wurde die Erfassung der ethnischen Deutschen im frontnahen Gebiet und im Rücken der Armee schon Anfang 1942 beendet: „Die Erfassung ist im Großen und Ganzen abgeschlossen. Im Angesicht der Hungersnot sowie der Gefahr für die ethnischen Deutschen seitens des Gegners halten wir es für nötig auf deren Abtransport zu drängen".

Die Verschleppung der Deutschen nach Westen zu Zwangsarbeiten verlief in einigen Etappen. Die Einwohner von Puschkin wurden im Oktober und November 1941, dann im Februar und Ende des Sommers 1942 verschleppt. Die Menschen wurden zuerst nach Gatschina, in das Etappenlager der Roten Kasernen, gebracht, das sich vor der Einfahrt in die Stadt befand. Aus Gatschina wurden sie nach Estland, Lettland, Litauen, Polen und dann nach Deutschland abtransportiert.

Lydia Ossipowa, eine Einwohnerin von Puschkin, schreibt in ihrem Tagebuch über die Verschleppung der Deutschen: „Den 22. Februar <…> In der Stadt wurde die Evakuierung von Volksdeutschen bekanntgegeben. Von allen. Wer will, lässt sich als Volksdeutsche einschreiben und wird evakuiert. Das Oberkommando scheint unter diesem Vorwand die Stadt entlasten zu wollen. Iwanows, Petrows, Nemipurenko gelten als Volksdeutsche <…> Man muss sich an irgendeinen Reichel vom SD wenden <…>"

In ein Arbeitslager in Deutschland kamen zwei Deutsche aus Puschkin: der Maler Oskar Juljewitsch Klever sowie Sergej Lwowitsch Gollerbach (nach der Befreiung im April 1945 in die UdSSR nicht zurückgekehrt). Unter den Verschleppten war auch Swetlana Beljaewa, die Tochter des verhungerten Science-fiction-Schriftstellers A. P. Beljaew. Die Familie stand auf der Liste der Personen nichtrussischer Herkunft, weil die Großmutter von Swetlana Schwedin war. Die Beljaews wurden nach Polen verschleppt, im Mai 1945 durch die Sowjetarmee befreit, und nach einer Filtration zur Sondersiedlung in die Altai-Region geschickt.

Noch im Januar 1942 lebten Einwohner der Kolonie Strelna in ihrer Siedlung, davon zeugt die Tatsache, dass Iwan Alexandrowitsch Eidemüller (*1907) am 13. Januar 1942 verstarb und auf dem dortigen lutherischen Friedhof begraben wurde. Die Familie Geweiler erinnert sich noch an das genaue Datum ihrer Verschleppung nach Deutschland: 12. Februar 1942. Die Einwohner von Strelna wurden zuerst in Krasnoje Selo versammelt und dann in Zügen nach Deutschland verschleppt. Sie fuhren einen Monat lang bis zum Lager Konitz, unterwegs bekamen die Leute reichlich Essen, an der lettischen Grenze wurden sie sanitär behandelt. Im Februar begann auch die Evakuierung der Volksdeutschen aus Schlüsselburg nach Westen.

Der deutsche Stab für die Unterbringung der evakuierten Bevölkerung ordnete an, dass die Deutschen aus dem Gebiet Leningrad, Schlüsselburg und Luga „konzentriert" untergebracht werden und bestimmte dafür das Sammellager Konitz in Westpreußen. Bis Ende März 1942 kamen nach Konitz 3441 Menschen. Die neuen Lagereinwohner waren äußerst ausgezehrt. Der Stab meldete, dass das gewöhnliche Gewicht erwachsener Frauen 80 bis 90 Pfund (40–45 Kilo) war. Der Grund dafür waren katastrophale Ernährungsbedingungen in ihrer Heimat. Etwa 500 Familien (2104 Menschen) Leningrader Deutscher wurden zeitweilig im Gebiet Lublin untergebracht, die Übrigen wurden im Frühling nach Polen

überführt, das in das Deutsche Reich eingegliedert wurde (Reichgau Wartheland).

In Wartheland befanden sich Passierstellen und Lager für die zeitweilige Unterbringung. Die Lager wurden mit Stacheldraht umzäunt und von SS-Truppen überwacht. In den Lagern des Immigrationswesens wurden die Deutschen auf ihre ethnische Zugehörigkeit überprüft. Die Menschen, die die Prozedur erfolgreich durchgelaufen waren, und zur Kategorie 1 oder 2 gezählt wurden, bekamen die deutsche Staatsbürgerschaft. Die Menschen, die zur Kategorie 3 gezählt wurden, bekamen die deutsche Staatsbürgerschaft vorübergehend für eine Frist von 10 Jahren. Nach der Einbürgerung wurden die Männer militärpflichtig und in die Wehrmacht, die Polizei und andere Militäreinheiten einberufen. Aus den Verschleppten wurden auch Schutzstaffeln und Baubrigaden gebildet. Am 12. Juli 1944 befanden sich in Warthegau fast 240 000 Volksdeutsche aus der UdSSR, darunter haben 180 000 verschiedene Arbeiten verrichtet.

Philipp Geweiler mit Frau Amalia und den Söhnen Viktor und Herbert aus der Kolonie Strelna waren in den Lagern Konitz, Stargart, Schönlage, Bergenrigen, Stesen, Kreis Nauenburg. Amann (geb. Kufel) Awgusta Petrowna, die aus der Kolonie Jamburg im Gebiet Kingisepp stammte, lebte in der Kolonie Strelna. Ihr Mann Amann Matwej Jakowlewitsch wurde 1938 füsiliert. 1942 wurde sie mit ihren drei Kindern (Matwej, *1922, Elisaweta, *1925, Luisa, *1929) zu Zwangsarbeiten nach Deutschland verschleppt. Sie starb im Lager für Abgewanderte in Österreich am 20. August 1944 und wurde in Bruck bestattet. Marie und Elisaweta Ulrich aus der Kolonie Strelna, die Töchter des repressierten Ulrich Eduard Petrowitsch, starben an Tuberkulose 1945 in einem österreichischen Lager. Die Familie Weide, Einwohner der Kolonie Graschdanka, wurde am 10. April 1942 administrativ aus Leningrad ausgewiesen. Ihr Weg verlief über den Ladoga-See nach Wologda und Jaroslawl, dann Saratow, Stalingrad. Der Vater starb am 2. Mai 1942 im Eisenbahnwagen. Nach mehrtägigen Fahrten kamen sie in den Nord-Kaukasus, wo sie in die Besatzungszone gelangten. Im Januar 1943 wurden sie nach Deutschland verschleppt. Sie waren in den Lagern Seegrund, Eichenbrück, Moorsand. Im Januar 1945 wurden sie aus dem polnischen Gebiet tief nach Deutschland verschleppt.

Infolge einer umfangreichen Offensive der Sowjetarmee, die am 12. Januar 1945 begann, konnten etwa 200 000 administrativ aus der UdSSR Ausgewiesene das Lager Warthegau nicht verlassen und erwiesen sich im Gebiet, das von den Sowjettruppen besetzt war. Die vorrückende Sowjetarmee und die Alliierten befreiten die Menschen aus den Lagern. Je nachdem, in wessen Besatzungszone sich die Menschen befanden, gestaltete sich auch ihr weiteres Schicksal. In der „Westzone“ gab es mehr Chancen in Europa zu bleiben.

Die Alliierten kamen auf der Jalta-Konferenz (4. – 11. Februar 1945) über den bilateralen Austausch von Kriegsgefangenen und Zivilbevölkerung überein. Darum mussten die Sowjetbürger, die sich in der englischen und amerikanischen Besatzungszone befanden, der sowjetischen Seite übergeben werden. Dafür wurden extra die Austauschlager geschaffen.

Alle, die in die UdSSR zurückkamen, mussten in den Prüfungsfiltrationspunkten (PFP) und Prüfungsfiltrationslagern (PFL) des NKWD überprüft werden. Die ersten PFP und PFL wurden schon im September 1944 in den Grenzgebieten auf dem Territorium der Ukraine geschaffen. Längs der Staatsgrenze der UdSSR wurden bis zum 23. Dezember 1944 15 Filtrationslager des NKWD geschaffen. Die Filtrationslager und Filtrationspunkte wurden auch in der sowjetischen Besatzungszone geschaffen. Insgesamt gab es im Juli 1945 127 PFL und 57 PFP. Nach der Überprüfung wurden die Deutschen in die sowjetischen NKWD-Lager und in die Sondersiedlungen überwiesen.

1945–1948 wurden die meisten in den Westen verschleppten Sowjetdeutschen in die UdSSR repatriiert.

Trudarmee (Arbeitsarmee) und Sondersiedlungen

Die Deportation der Deutschen in den Osten verlief nach der Ladoga-Überfahrt per Eisenbahn. Die Menschen wurden nach Wologda, Jaroslawl und Iwanowo gebracht, von wo sie in die für sie bestimmten Punkte kamen. Das NKWD arbeitete eine Dienstanweisung für die Zugkommandanten aus, die die Aufnahme- und Begleitordnung der Ausgewiesenen bestimmte. Es wurde die Zugadministration vorgeschrieben: Der Zugkommandant (der Kommandant der Bedeckungstruppen), sein Stellvertreter (aus dem operativen Bestand der NKWD-Organe), ein Arzt, zwei Krankenschwestern, die Begleitung aus 21 Personen. Jeder der Ausgewiesenen musste täglich 500 Gramm Brot und zweimal warmes Essen bekommen. Diese Vorschrift wurde eher schlecht als recht erfüllt.

Der Platzmangel, die für die Menschen nicht geeigneten Wagen, die gemeinsame Unterbringung von Männern und Frauen, Kindern und Erwachsenen, Kranken und Gesunden, Mangel an Essen und Trinken, die Unmöglichkeit seine Notdurft intim zu verrichten – diese physischen und psychischen Leiden dauerten Wochen. Laut den Erinnerungen der Familie Fink aus der Kolonie Neu-Pargolowo, die am 27. März ausgewiesen wurde, kam ihr Zug in Krasnojarsk erst am 27. April an. Über die Reise zum Verbannungsort schreibt A. A. Schmidt aus Neu-Saratowka: „Wir sind immer noch auf Rädern. Es gibt weder Seife noch Waschmöglichkeiten. Läuse sind unser Hauptfeind. Die größte Freude unterwegs waren Sanitätstage und Dampfbad <…>. Manchmal bekamen wir Essen in

den Bahnhofsrestaurants – Galuschki, Schtschi (Kohlsuppe) usw. Die Sorgen ums Überleben der Familie unterwegs ließ uns keine Zeit, uns zu langweilen. Wir haben die Pflichten untereinander verteilt: Wer das Essen zubereiten, wer Kohle aus den Güterzügen klauen, wer gekochtes Wasser holen, wer zum Bahnhofsmarkt gehen soll, um etwas zu verkaufen oder gegen etwas Essbares zu tauschen. <…>".

Der größte Teil der Leningrader Deutschen, die im März 1942 ausgewiesen wurden, kam ins Gebiet Krasnojarsk, Irkutsk und Omsk (heutzutage Tjumen). Nach der Ankunft am Endpunkt (Golyschmanowo, Kansk, Krasnojarsk usw.) wurden die Menschen in kleinen Gruppen in einzelne Dörfer verteilt. Doch bald erwartete sie noch eine Umsiedlung zu den Fischereigewerben im Norden und die Mobilisation in die Lager der Trudarmee (Arbeitslager).

Zu der Zeit, als die Leningrader Deutschen in Sibirien ankamen, erschienen die Beschlüsse über die Mobilisation der Deutschen in die Trudarmee – die Beschlüsse der GKO (SKV) vom 10. Januar 1942 „Über die Verwendung der ausgewiesenen Deutschen im militärpflichtigen Alter von 17 bis 50 Jahren" und vom 19. Februar 1942 „Über die Mobilisierung der in Gebieten, Regionen, autonomen Republiken und Unionsrepubliken lebenden deutschen militärpflichtigen Männer im Alter von 17 bis 50 Jahren".

Die Trudarmee vereinte in sich Elemente der Militärorganisation (Mobilisierung über Kriegkommissariate, Einzelleitung, die einheitliche Unterteilungsstruktur, Militärordnung), der Produktionstätigkeit (Arbeit in Betrieben, Leistungsnorm, Arbeitsentlohnung) und Lagerhaltung (bewachte „Zone", administratives Regime, Verpflegungsnormierung wie in den GULAG- Lagern des NKWD).

Am 12. Januar 1942 verfasste der Volkskommissar für innere Angelegenheiten Berija den Befehl № 0083 „Über die Organisation der deutschen Abteilungen in den NKWD-Lagern". Laut dieses Befehls wurden 80 000 Einberufene, die in die Volkskommissariate kommen mussten, in 8 Objekte eingeteilt: Iwdellager 12 000, Nordurallager – 12 000, Usolje-Lager – 5000, Wjatka-Lager – 7000, Ustwymlager – 4000, Krasnojarsk-Lager – 5000, Bajkal-Lager – 30 000, Bogoslowlager – 5000. Die letzten zwei Lager wurden extra für die einberufenen Deutschen geschaffen.

Im Laufe der zweiten Einberufung der Deutschen in die Trudarmee wurden etwa 40 900 Menschen einberufen. Sie wurden zu den Bauarbeiten an der Süduraleisenbahn, in die Holztransportbetriebe des Lagers für den Bau der Nördlichen Eisenbahn, zum Tagilstroj, Solikamskstroj, ins Wjatka-Lager geschickt. Das Krasnojarsk-Lager nahm die Deutschen aus der Krasnojarsk-Region, Burjat-Mongolischen ASSR, aus dem Gebiet Irkutsk und Tschita auf. Ins Lager Umaltstroj und auf die Eisenbahnstation Urgal der Fernöstlichen Eisenbahn kamen die Deutschen aus der Region Chabarowsk und Primorje.

Die dritte umfangreiche Einberufung der Deutschen in die Trudarmee erfolgte im Herbst 1942 nach der Veröffentlichung des Beschlusses von GKO (SKV) vom 7. Oktober 1942 „Über die zusätzliche Mobilmachung der Deutschen für die Volkswirtschaft der UdSSR". Das Einberufungsalter wurde von 15 bis 55 Jahren für Männer erweitert, Frauen wurden im Alter von 16 bis 45 Jahren mobilisiert. Nach den Angaben vom 1. Januar 1944 belief sich die Anzahl der mobilisierten Deutsche nur in der Uralregion (das Gebiet Kurgan ausgenommen) auf 119 358 Menschen. Im Ural gab es 4 große Lager: in Tscheljabinsk (Tscheljabmetallurgstroj NKWD), Krasnoturjinsk (Basstroj NKWD), Nishnij Tagil (Tagilstroj-Tagillag NKWD) und Iwdellager. Die Sterblichkeitsrate war in diesen Lagern außerordentlich hoch.

Im Kraslag (bis 1946 befand sich die Verwaltung in Kansk), arbeiteten etwa 5000 Menschen vorwiegend in der Holzbeschaffung, bei den Bauarbeiten am Affinage-Betrieb in Krasnojarsk – 185. Einer der Spezialisten, die den technologischen Prozess im Affinage-Betrieb organisieren konnte, war der 1941 repressierte Professor der Leningrader Universität, Doktor der Chemie Rudolf Ludwigowitsch Müller (1899–1964). Er war der Begründer des Universitätslehrstuhls für Elektrochemie (1940). In der Lagerhaft fällte er Holz, dann war er Badewärter und Laborant in der Sanitätsabteilung. Nach der Eröffnung einer Besserungsarbeitskolonie bei dem Affinage-Betrieb № 169 (in Krasnojarsk) im Juni 1941 wurde er als einer der ersten in dieses Lager überführt. Ab 1946 leitete er eine Forschungsgruppe im Forschungslabor, das sich mit der Technologieentwicklung für die Metallgewinnung der Platingruppe beschäftigte. Die von ihm entwickelten Methoden waren die effektivsten in der Affinage-Technologie, viele davon werden auch heute noch erfolgreich angewandt. Er wurde erst 1951 aus dem Lager entlassen und nach Kemerowo verbannt, wo er mit großen Schwierigkeiten eine Stelle als Lehrer in einer Berufsschule fand.

Außerdem hat man die Deutschen im Fischereigewerbe hinter dem Polarkreis beschäftigt. Am 6. Januar 1942 erschien der Beschluss des Sowjets der Volkskommissare der UdSSR und des ZK der WKP(b) „Über die Entwicklung des Fischereigewerbes im Wasserbecken der Flüsse Sibiriens und des Fernen Ostens". Am 12. März bestätigte L. P. Berija den Plan, demzufolge etwa 50 000 der aus den frontnahen Gebieten Evakuierten in die Krasnojarsk-Region, die Gebiete von Omsk und Irkutsk geschickt werden mussten. Diese Gebiete waren es, wohin die Leningrader 1942 geschickt wurden. Im Oktober 1942 erschien noch ein Befehl des Sowjets der Volkskommissare der UdSSR und des ZK der WKP(b), demzufolge 1943 zum Fischgewerbe nach Sibirien noch 30 000 Menschen geschickt werden mussten.

Nach dem Stand am 25. Juli 1942 wurden zum Fischgewerbe in der Region Krasnojarsk insgesamt 12 375 Menschen geschickt, da-

von 2091 aus dem Leningrader Gebiet Deportierte, 6312 waren Wolga-Deutsche. Die erste Karawane brachte 1135 Leningrader Deutsche in die Gebiete Ust-Jenissejsk, Dudinka und Igarka, die zweite Karawane brachte 956 Leningrader in die Gebiete Jarzewo, Bogutschansk, Keshem, Evenkijski und Turuchanski Gebiet.

Am 24. Juni 1942 wurde in Ust-Chantajka des Gebiets Dudinka auf Tajmyr die erste Gruppe von 105 deportierten Deutschen an Land gesetzt, unter denen auch Leningrader Deutsche waren. Ende des Jahres arbeiteten hier schon etwa 450 Menschen, die in die Kolchose „Nordstraße" vereint wurden. Der Tagesfischfang in der örtlichen Brigade betrug nicht mehr als 20–30 Kilo. Der abzugebende Fisch reichte nicht aus, um sich mit Brot zu versorgen. Die Brigade bekam 7–8 Tage lang kein Brot. Im Laufe des Winters 1942–1943 starben in der Siedlung 150 Deutsche, darunter auch Kinder.

Intensiver Fischfang und die zu langsame Wiederherstellung des Fischbestandes führten dazu, dass Taimyrrosrybtrest mit seinen Fischbetrieben stillgelegt wurde. Die Sondersiedler wurden zum Abtransport an andere Orte vorgesehen. 1948 kam die Gruppe der Leningrader Deutschen zusammen mit den Wolgadeutschen von Taimyr auf die Insel Sachalin.

Im April 1946 wurde die Trudarmee aufgelöst, die Trudarmee-Deutschen wurden in Sondersiedlungen geschickt. Das Regime der Sondersiedlungen war bereits formiert, es wurde durch den Beschluss des Sowjets der Volkskommissare der UdSSR (Sownarkom) vom 8. Januar 1945 festgelegt: „Über die Bestätigung des Beschlusses über die Sonderkommandanturen des NKWD" und „Über die Rechtslage der Sondersiedler". Aber nach dem Ende des Krieges hat sich das Regime nur verschärft. Am 26. November 1948 hat das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR einen Geheimerlass herausgegeben: „Über die strafrechtliche Verantwortlichkeit der in die entfernten Gebiete der Sowjetunion im Laufe des Großen Vaterländischen Krieges ausgewiesenen Personen für die Flucht aus den Orten der verbindlichen und ständigen Ansiedlung". Für das eigenwillige Verlassen des Wohnortes wurde man zu 20 Jahren Gefängnisstrafe verurteilt.

Laut Nachfrage der Sondersiedlungsabteilung des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der UdSSR (Januar 1950) wurden 1 024 722 Deutsche in Sondersiedlungen verbannt. In die Anzahl der Ausgewiesenen sind 210 600 Deutschen mit aufgenommen, die bis zum Januar 1945 repatriiert wurden. Außerdem wurden in die Sondersiedlungen 5914„Volksdeutsche" und„Handlanger" geschickt. Zu den repatriierten Deutschen wurden auch diejenigen Deutschen gezählt, die 1945–1948 aus den westlichen Regionen der UdSSR ausgewiesen wurden. Nach den Angaben zum 1. Januar 1953 waren in den Sondersiedlungen 208 388 repatriierte Deutsche registriert.

Am 13. Dezember 1955 hat das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR den Erlass „Über die Aufhebung der Einschränkungen in der Rechtslage der in den Sondersiedlungen lebenden Deutschen und deren Familienmitgliedern" herausgegeben. Die Sonderregelung wurde aufgehoben, doch das beschlaggenommene Hab und Gut wurde nicht zurückgegeben, es bestand ein Verbot für die Rückkehr an die Orte, von wo man ausgewiesen worden war.

СУДЬБА ВОЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ (1941–1955)

Первые месяцы войны и немецкое население Ленинградской области

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинградская область стала прифронтовой, а после захвата городов Остров (6 июля) и Псков (9 июля) военные действия разворачивались уже непосредственно на территории области. 8 сентября, после захвата Шлиссельбурга, вокруг Ленинграда замкнулось блокадное кольцо. С юга блокаду осуществляла германская 18-я армия группы армий «Север», с севера стояли финские войска. 15 сентября фашисты прорвались к Финскому заливу в районе между Стрельной и Урицком (Лигово), что привело к образованию Ораниенбаумского плацдарма («пятачка»). Линия фронта на этом участке проходила на востоке между Старым и Новым Петергофом, на западе – по берегу реки Воронка.

В блокадном кольце вместе с жителями городов Ленинграда, Кронштадта и Сестрорецка оказались немцы Всеволожского и Парголовского районов (Новосаратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Средняя Рогатка, Ижора (Колпино), Гражданка).

За блокадным кольцом, в зоне оккупации остались колонии Стрельнинская, Кипень, Порховская, Этюп, Ямбург. Кронштадтская, Петергофская и Ораниенбаумская колонии находились на Ораниенбаумском пятачке.

Положение немецких колоний на окраинах Ленинграда во многом предопределило их военную судьбу. Колпинская и Среднерогатская колонии, через которые проходил край обороны Ленинграда, были полностью уничтожены. Кронштадтская колония не пострадала от артиллерии ни одной из сторон.

В июле 1941 г. была создана оборонительная полоса протяженностью в 15 км от Московского шоссе до Невы, которая пролегла по территории Среднерогатской и Колпинской колоний. У Средней Рогатки был создан мощный узел сопротивления с дотами, железнодорожными надолбами, противотанковым рвом и минными полями. Внешняя линия обороны Ленинграда в районе Колпинской колонии проходила по территории Третьей колонии. Было вырыто два противотанковых рва глубиной три метра и шириной восемь метров. Первый ров проходил от Ижоры в районе Третьей колонии до берега Невы, второй начинался южнее поселка Ям-Ижора. 28 августа передовые части гитлеровцев заняли Ям-Ижору. Дальше противник продвинуться не смог. На протяжении всего периода обороны Колпинская колония оставалась в руках оборонявшихся ленинградцев. Лишь 15 сентября 1941 г. штурмовой отряд противника захватил шесть колонистских домов Третьей колонии, но 17 сентября Ижорский батальон выбил фашистов.

О масштабах разрушений осенью 1941 г. вспоминал командир взвода 125-й стрелковой дивизии Н. П. Еругин: «В нескольких десятках метров от оставшейся еще маленькой кирки в Третьей немецкой колонии <…> немцы без счета, без меры месили дорогу и окопы большими и маленькими снарядами, минами. И каждый вечер немецкая автоматическая пушка зажигательными снарядами поджигала ближе к Колпино оставшиеся еще деревянные домики, которые горели по ночам, освещая подходы к нашей передовой. Разваливали они методически и эту толстенную немецкую кирку».

Другая крупнейшая колония под Ленинградом – Стрельнинская была захвачена фашистами в ходе боев 14–15 сентября 1941 г. На какое-то время окопы красноармейцев и укрытия местного населения оказались рядом. В ходе боев сгорели все дома вдоль левого берега Стрелки, где находились советские укрепления, не всем мирным жителям удалось выжить.

Судьба новгородских колоний была столь же трагичной. До 1944 г. они находились на линии фронта, которая проходила по реке Волхов. В зоне временной оккупации оказались Малая и Большая Вишера, где имелась немецкая диаспора, а также немецкая Александровская колония в Селищской волости на Волхове. В декабре 1941 г. они были освобождены. Через колонию постоянно шли военные части к передовой линии, в район Мясного Бора. Во время боев зимой 1941 г. – весной 1942 г. она была полностью сожжена и сравнялась с землей.

Население прифронтовой зоны у Ленинграда, включая колонии, было эвакуировано в город, либо сами жители ушли в более «безопасные», как тогда казалось, районы к своим родственникам. По воспоминаниям Э. Я. Шмидт, жительницы колонии Веселый Поселок, в первые месяцы войны к ним прибыли жители из Колпино, их расселяли по семьям. Семья М. Я. Гера из Верхней Колпинской колонии осенью 1941 г. была отправлена эвакопунктом Володарского района в Новосаратовскую колонию, они разместились в доме № 182. Семья Беккер из Средней Рогатки покинула свой дом в сентябре 1941 г. и перебралась к родным в район Пискаревки.

До последнего дня, пока территория не была захвачена противником, многие жители пригородов, продолжали ездить в город на работу по специальным пропускам. Многие отвезли к городским родственникам детей, зимние вещи, продукты.

О хаосе, который царил в то время, воспоминает житель Новосаратовки Адам Шмидт. Как он пишет, «в конце июля – начале августа» был отдан приказ об эвакуации скота и техники из Всеволожского района. «Эвакуация скота началась через Неву по мосту в районе пос. Отрадное и на станцию Мга. Переправа представляла собой ужасающее зрелище. Не успели еще полностью перегнать скотину и технику, как нам навстречу со станции Мга хлынул поток беженцев и отступающие отряды красноармейцев. Повсюду слышны крики: “Куда гоните? Там уже немцы!„ Страх предстоящего плена, мы в замешательстве. Обратно мы уже пробирались через заградительные отряды войск. Шум, мычание, гвалт – сущая неразбериха!» В итоге и техника, и скот были брошены и достались противнику.

Среди тех, кто отгонял скот в сторону Вологодской области, был М. А. Беккер, заместитель председателя колхоза им. Тельмана. Семья отказалась следовать с ним. Стада были доставлены, в частности, в с. Емельяновку. Сам Михаил Андреевич вернулся к семье лишь в марте 1942 г. Все это время он работал на Ладоге.

Военнообязанные из российских немцев с первых дней призывались в армию наряду с другими гражданами. А. К. Паль, житель Новосаратовки был призван в июле 1941 г., пропал без вести в марте 1942 г. На фронте без вести пропали новосаратовцы: муж Софии Петровны Биллер И. И. Столбов и сыновья Владимир и Александр. В боях под Тулой погиб сын Якова Амана из Стрельнинской колонии. Иван Иванович Грауле из Новосаратовки, накануне войны служивший под Благовещенском,

участвовал в боях под Ржевом, был ранен. После выхода из госпиталя был демобилизован, позже оказался среди тех немцев-военнослужащих, из которых стали формировать первые трудовые батальоны на Урале.

29 октября 1941 г. был издан приказ заместителя наркома обороны СССР Л. З. Мехлиса об удалении из частей 52-й армии немцев, финнов, латышей, литовцев и других «сомнительных лиц». Армия сражалась на территории Ленинградской области, занимала позиции по Волхову, севернее Новгорода до Грузино. В активное сражение соединения армии вступили 16 октября 1941 г., когда силы противника развернули наступление на Тихвин. Именно в этот период началась чистка армии от «неугодных элементов» и формирование строительных батальонов из немцев.

К зиме 1941 г. две трети Ленинградской области находились в руках оккупантов, а Ленинград стал городом-фронтом. Часть немецкого населения оказалась на захваченной противником территории, другая – в блокадном кольце.

Депортация немцев в первые месяцы войны

С первого дня войны в Ленинграде было введено военное положение. Властные органы предприняли меры, направленные на нейтрализацию вражеской пропаганды и борьбу с негативными настроениями жителей. Были изъяты частные радиоприемники, фотоаппараты, изменился порядок получения и отправления почтовой корреспонденции, было сокращено телефонное сообщение. Для нужд армии изымался личный транспорт, включая велосипеды.

В городе усиливалась борьба с паникой, против распространителей слухов, против «социально опасных элементов». В руки военных были переданы полномочия на выселение лиц, признанных социально опасными. 21 августа 1941 г. появился приказ командующего Северным фронтом и начальника УНКВД Ленинградской области «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц». К числу таких «лиц» были отнесены наряду с другими немцы и финны. 26 августа появилось постановление Военного совета Ленинградского фронта «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда». На основании этих документов была начата депортация ленинградских немцев.

Одновременно с этим по всей стране разворачивался комплекс репрессивных мер против российских немцев. 15 августа началась депортация немцев из Крыма. 28 августа был подписан, а 30 августа официально опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Документ наполнен вымышленными фактами, в нем говорилось о тысячах и десятках диверсантов и шпионов, которые «по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья». Этот указ положил начало массовой депортации немцев не только из Поволжья, но и из других районов страны.

Выселение немцев и финнов из Ленинградской области планировалось провести с 27 августа по 7 сентября 1941 г. Место выселения вначале было определено в Коми АССР и Котласе Архангельской области. Однако вскоре были названы Казахстан, Новосибирская и Омская области, Алтайский и Красноярский край. Выселению подлежали 88 700 финнов и 6700 немцев, проживающих в восьми районах области (Ораниенбаумском, Красносельском, Слуцком, Красногвардейском, Тосненском, Мгинском, Всеволожском и Парголовском). Выполнение плана возлагалось на Ленинградское управление НКВД. Эвакуация была принудительной, поэтому в случае сопротивления или отказа от выезда, зачинщиков следовало арестовывать. Для обеспечения порядка в районах эвакуации туда направлялись военные отряды.

Планам по выселению немцев и финнов помешали события на фронте. 29 августа противник захватил станцию Мга, и с 14 часов полностью прервалась железнодорожная связь Ленинграда со страной. 8 сентября установилась полная блокада. Но прежде чем прервалась железнодорожная связь, на «большую землю» успели вывезти около 28 тыс. немцев и финнов, основная часть их была размещена в Вологодской области (около 22 900 чел.), 350 чел. попали в Кировскую область. Многие немцы с территории современной Новгородской области попали в Коми АССР.

Немецкое население в блокадном кольце и возобновление депортации весной 1942 г.

Первая блокадная зима стала самым тяжелым испытанием для ленинградцев. С декабря, особенно в январе–феврале 1942 г., шло массовое вымирание населения. В феврале в среднем в сутки погибали от голода 3200–3400 чел. Умирал каждый третий житель города.

Сегодня невозможно установить, сколько немцев было в блокадном городе, сколько из них погибло. Ясно, что счет шел на тысячи. По доступным источникам нами сделана выборка имен, погибших от голода. Среди них немецкие семьи и однофамильцы: Аман – 28 чел., Бадер – 5, Бауэр – 6, Бендер – 21, Бок – 33, Бреннер – 10, Бутц – 9, Вальтер – 45, Гаген – 10, Гевейлер – 18, Герман – 64, Краубнер – 10, Кригер – 5, Кун – 10,

Лефлер – 6, Менг – 7, Паль – 15, Реймер – 3, Ульрих – 9, Штейнмиллер – 6, Штрейс – 6, Штро – 14, Эйдемиллер – 47, Янцен – 2. Это жители немецких колоний: Гражданки (А. Ф. Шефер, Г. Н. Шефер, С. Ф. Шефер, О. О. Шмидт), Колпинской (Э. Г. Гевейлер, М. Б. Крафт), Новосаратовки (Х. А. Мейер), Средней Рогатки (С. А. Аман, И. А. Эйдемиллер), Янино (П. Е. Аман). Общую картину потерь дополняют воспоминания тех, кто выжил в блокаду. Они называются имена, которых нет в памятной книге «Блокада». София Матвеевна Аман свидетельствует о смерти ее родственников Польберг (5 чел.) и Вальтер (4 чел.), живших на Васильевском острове.

Воспоминания немцев Ленинграда, которые детьми пережили блокаду, дополняют общую картину трагедии ленинградцев. Герман Антонович Линденбург встретил войну 11-летним мальчиком. Отца арестовали в июле 1941 г., остались мать и он с братом Владимиром. Мать Елена (Берта-Клара) Ланге скончалась в феврале 1942 г., ей было 44 года. Старший брат отвел Германа в детский дом. Детдомовцев эвакуировали весной 1942-го на Кубань, которую осенью 1942 г. оккупировали фашисты. Детей поместили в интернат под надзор полиции. Герман с двумя товарищами дважды бежали, второй раз удачно. Скитались, к зиме оказались в станице Крыловской Краснодарского края. Станичники приютили детей, а в 1944 г. Германа определили в Ейское военное училище. Виктор Федорович Шефер, потомок стрельнинских колонистов, в блокаду потерял отца Федора Владимировича, мать Елену Александровну, старшего брата Рихарда, дядю Шефера Рудольфа Вольдемаровича, тетю Эйдемиллер Софью Александровну. «Мне было 13 лет, но у меня в эти дни были самые настоящие мысли о самоубийстве», – пишет Виктор Федорович. 13 апреля 1942 г. Виктора с детским домом эвакуировали через Ладогу. После войны Виктор Федорович стал доктором медицинских наук.

Условия жизни в Новосаратовке были не намного лучше блокированного города. Люди также страдали от голода и бомбежек, немецкая молодежь участвовала в санитарной очистке городских домов (вывозили трупы), заготавливали дрова в Невском лесопарке для крематория, действовавшем на кирпичном заводе «Красная заря», строили ложный аэродром на Покровской дороге. На трудодни колхозники ничего не получали, а картошку с приусадебного участка сдали в фонд фронта, вскоре туда же была передана и вся скотина.

Тыловая Новосаратовка использовалась военными. С конца 1941 г., после эвакуации с полуострова Ханко, здесь находилась 8-я стрелковая бригада Н. П. Симоняка. Напротив колонии в 1941–1943 гг. стоял эскадренный миноносец «Строгий», охранявший рубежи Ленинграда от возможного захода противника по Неве. Стрельба противника по кораблю наносила разрушения и в колонии. Рядом с церковью находился охраняемый понтонный мост. 3 марта 1942 г. в колонии развернули эвакогоспиталь. В соседней колонии Овцыно 2 января 1942 г. образована школа снайперов 55-й армии.

Борьба с пораженческими настроениями в городе усиливалась по мере того, как ухудшалось положение осажденных и на фронте, и соответственно нарастал пессимизм людей. Регулярно публиковались приговоры Военного трибунала о репрессивных мерах за «антисоветскую агитацию». На первые военные месяцы 1941 г. и первую блокадную зиму пришлось 80% всех осужденных УНКВД за «контрреволюционные преступления» в годы войны.

Среди осужденных в этот период был Петр Христианович Фогельгезанг (1901–1942) из колонии Овцыно, работавший пожарным на Ижорском лесозаводе. Он был арестован 11 марта 1942 г. за «антисоветскую агитацию» среди рабочих завода, а 4 апреля Военный трибунал вынес приговор о расстреле. 4 апреля 1990 г. Фогельгезанг был реабилитирован Президиумом Ленинградского городского суда.

Вымирающий город не смог бы перенести новую блокадную зиму с большим количеством населения, поэтому, как только появилась возможность, из города по Ладожскому озеру стали эвакуировать все «лишнее» население.

В марте 1942 г. возобновилось выселение немцев из Ленинграда и пригородов. Основанием для выселения немцев и финнов стали постановления Военного совета Ленинградского фронта от 9 марта «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента» и 20 марта «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда». Постановления практически повторяли решения Военного совета от 21 и 26 августа 1941 г.

Уже 17 и 18 марта из города было отправлено пять эшелонов, общим количеством 9785 чел., в т.ч. финнов и немцев – 6888, административно высланных – 2897. После переправы через Ладогу на станциях Кобона, Жихарево, Лаврово людей распределяли по эшелонам. Два эшелона с «социально опасными» направлены в Омскую область, три – в Красноярский край.

Массовая эвакуация финнов и немцев началась 24 марта 1942 г. Высылке подлежало 24 600 чел. По данным на 28 марта, через Ладогу было перевезено и направлено в Иркутскую область три эшелона с немцами и финнами (6788 чел.). Был погружен и ждал отправки в Иркутскую область четвертый эшелон (2570). На станции Борисова Грива ожидали отправки в Красноярский край три эшелона (7800). Два эшелона еще формировались в пригородных районах, а самые последние два эшелона должны были грузиться 29 марта. Каждый состав

сопровождался спецконвоем войск НКВД в количестве 24 чел. во главе с начальником эшелона и оперативным работником НКВД.

О том, как проходила депортация, рассказывают документы и воспоминания очевидцев. Новосаратовцам дали на сборы 24 часа. На дворе стояли наготове подводы, которые доставили людей на станцию Нева (Веселый Поселок). Было приказано свалить в скотный сарай все незахороненные трупы, временно хранившиеся в скотном дворе и на кладбище, и сжечь. Жителей повезли в вагонах к Ладожскому озеру и там погрузили в автомобили. В семье Шмидта высылке подлежали 10 чел. Дома и оставшееся имущество продавалось или передавалось жителям поселка, которые не были немцами и которые не подлежали эвакуации. При посадке в вагон выяснилось, что младенец Терезы умер. На похороны времени не было – ребенка закопали в снег, отметив место еловой веткой. Рядом уже высились два таких же сугроба – похоронили двух стариков. При посадке впервые за долгие месяцы люди получили горячую еду, был настоящий хлеб и каша. На той стороне Ладоги каждому выдали по буханке хлеба, в вагон поставили печурку.

Маргарита Петровна Рейх была выселена с родителями из района Ольгино. Брали только теплые вещи, т.к. прошел слух, что повезут в Сибирь. Что могли, родители продали, но большая часть имущества осталась на разграбление. Представители поселкового совета постоянно ходили и поторапливали. Своим ходом Рейхи отправились на станцию Лахта. В составе были одни финны и несколько немецких семей. Сначала повезли к Лисьему Носу, там догрузили вагоны. «Когда ехали мимо Ольгино-Лахты, финны запели. Да так, что в вагоне плакали». 29 марта состоялась переправа через Ладогу. Дорога до Ачинска заняла месяц.

29 марта начальник УНКВД Ленинградской области сообщал в Москву о реализации постановления. По официальным данным, в период кампании из города и пригородов было выселено 35 162 немцев и финнов. Весь контингент был направлен: в Красноярский край, Иркутскую и Омскую области. Выявление и выселение из Ленинграда отдельных немецких семей продолжалось в течение всего 1942 г. Всего к 1 октября 1942 г. из Ленинграда и пригородных районов было выселено 58 210 немцев и финнов.

В силу разных причин некоторые немцы остались в Ленинграде. Известно, что среди тех, кто умер в блокадном Ленинграде в 1943 г., были и носители немецких фамилий: Аман Александра Семеновна, Аман Павел Леонтьевич, Гевейлер Михаил Николаевич, Кун Матильда Симоновна, Лорер Георгий Георгиевич, Менг Тамара Федоровна, Паль Михаил Федорович и другие.

Судьба ленинградских немцев на оккупированной территории

Оккупация Ленинградской области отличалась рядом особенностей. Здесь не существовало единой гражданской власти, в городах создавались управы, в сельских районах – комендатуры. Одна из комендатур находилась в Стрельнинской колонии. В области, как ни в одном другом месте, длительное время (29 месяцев) существовала военная администрация. Нигде не было такой продолжительной пропагандистской обработки населения противником. Район Тихвина, Малая и Большая Вишера были под оккупацией непродолжительное время. Из-за переменных успехов на фронте население неоднократно подвергалось фильтрации оккупантами с целью выявления коммунистов, евреев и пособников партизан. Проверку освобожденного населения проводила и советская сторона.

Голод в зоне оккупации, особенно в городах, приобретал колоссальные размеры, поэтому росла смертность, увеличивалась опасность развития эпидемий. Жители Стрельнинской колонии, оказавшись без жилья, без огородов и без скотины (забрали оккупанты), начали голодать уже осенью 1941 г.

Одной из особенностей оккупации северо-западных районов было более лояльное отношение местного населения к оккупантам, что создавало сложности для развития партизанского движения. Тем не менее, партизаны действовали. Известны факты участия жителей Стрельнинской колонии в партизанской борьбе. Связь с партизанами осуществляли комсорг Андрей Штейнмиллер и Румянцев. Однако вскоре молодые люди были схвачены и повешены в селе. Под Володаркой геройски погиб Яков Аман, воевавший в партизанском отряде. Командиром партизанского отряда в Кингисеппе был Паль Яков Адамович, уроженец немецкой колонии Ямбург. Он был выдан оккупантам и казнен.

Этнические вопросы в целом, особенно положение этнических немцев в блокадном Ленинграде и в целом на оккупированной территории постоянно находились в поле зрения командования германской 18-й армии. В сводках о положении в Ленинграде неоднократно упоминаются немцы.

При оценке настроений в осажденном городе в начале октября 1941 г., выдвигалось предположение, что за сдачу города без боя, вероятно, выступит большая часть оставшейся еще в живых интеллигенции и 30–40 тысяч живущих в Ленинграде немцев. В этом же документе утверждалось, что «заключенные, за исключением рецидивистов и политических, освобождены из тюрем и направлены на фронт, главным образом копать траншеи <…> это не распространяется на всех немцев, литовцев, эстонцев, латышей, финнов и белорусов, которые про-

должают отбывать наказание». В сводке от 9 октября 1941 г. информируется о количестве немцев в Ленинграде (более 20 тыс.). 8 февраля 1942 г. говорится о том, что «большое количество местных немцев живет в условиях строжайшей изоляции в маленьком поселке Петровская Славянка. <…> Существует секретный приказ, согласно которому лица немецкого происхождения не могут быть отправлены на фронт, как, впрочем, и мужчины, чьи семьи находятся на занятой территории».

Контрнаступление Красной армии под Тихвином в ноябре – декабре 1941 г., а затем события на Волховском фронте в январе – апреле 1942 г. в значительной мере повлияли на судьбу ленинградских немцев. 7 января 1942 г. на Волхове с целью деблокирования Ленинграда началась Любанская операция, трагически завершившаяся гибелью 2-й ударной армии. По приказу командующего германской 18-й армией от 25 января 1942 г. началось выселение немцев из окрестностей Ленинграда, поскольку к этому времени считался возможным прорыв блокады и последующее наступление Красной армии.

Еще в период с 6 по 20 ноября 1941 г. по желанию командования 18-й армией отряды полиции безопасности провели учет этнических немцев. По сообщению Айнзатцгруппы А, располагавшейся в Гатчине, учет этнических немцев в прифронтовой полосе, а также в тылу армии, был завершен к началу 1942 г.: «Учет в целом завершен. Принимая во внимание надвигающийся голод, а также угрозу этническим немцам со стороны противника, представляется необходимым поторопиться с транспортом для их вывоза».

Выселение немцев на запад на принудительные работы проходило в несколько этапов. Жителей из г. Пушкина вывозили в октябре – ноябре 1941 г., затем в феврале и в конце лета 1942 г. Людей сначала направляли в Гатчину, в пересыльный лагерь в Красных казармах, располагавшийся при въезде в город. Из Гатчины эвакуировали в Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Германию.

Лидия Осипова, жительница г. Пушкина, писала в дневнике о высылке немцев: «22 февраля<...> В городе объявлена эвакуация фольксдойчей. Всех. Кто хочет, записывают в фольксдойчи и отправляют. По-видимому, командование решило под этим предлогом разгрузить город. Ивановы, Петровы, Немипуренки идут за фольксдойчей<...> Идти надо в СД к какому-то Райхелю<...>»

В трудовой лагерь в Германии попали немцы из Пушкина – художники Оскар Юльевич Клевер и Сергей Львович Голлербах (после освобождения в апреле 1945 г. в СССР не вернулся). Среди выселенных жителей была и Светлана Беляева, дочь погибшего от голода писателя-фантаста А. Р. Беляева. Семья проходила по списку лиц нерусского происхождения, т.к. бабушка Светланы была шведкой. Беляевы были вывезены в Польшу, в мае 1945 г. освобождены частями Советской Армии, а после фильтрации отправлены на спецпоселение в Алтайский край.

Еще в январе 1942 г. жители Стрельнинской колонии находились в своем поселке, об этом говорит, например, тот факт, что Иван Александрович Эйдемиллер (1907 г. р.) умер 13 января 1942 г. и похоронен на местном лютеранском кладбище. Семья Ф. Ф. Гевейлера точно помнит дату отправки в Германию – 12 февраля 1942 г. Жителей Стрельны вначале собрали в Красном Селе, а затем по железной дороге отправили на запад. До лагеря Кониц ехали месяц, в дороге людей сносно кормили, на границе с Латвией провели санобработку. В феврале же началась эвакуация на запад этнических немцев из Шлиссельбурга.

Германский штаб по размещению вывезенного населения распорядился, чтобы немцы из района Ленинграда, Шлиссельбурга и Луги были размещены «концентрировано» и определил для этого сборный лагерь Кониц в Западной Пруссии. До конца марта 1942 г. в Кониц прибыл 3441 чел. Новые жители лагеря были крайне истощены. Штаб сообщал, что обычный вес взрослых женщин составлял от 80 до 90 фунтов (40–45 кг). Причиной этого были катастрофические условия питания у себя на родине. Из числа ленинградских немцев к октябрю 1942 г. около 500 семей (2104 чел.) были временно расселены в районе Люблина, остальные к весне 1943 г. переведены на территорию Польши, включенную в состав Германского Рейха (Reichsgau Wartheland, имперский край Вартегау).

На территории Вартегау располагалась сеть пропускных пунктов и лагерей для временного размещения. Лагеря были обнесены колючей проволокой и охранялись войсками СС. В лагерях Иммиграционного ведомства этнические немцы проходили проверку на этническую принадлежность. После успешного прохождения процедуры лица, включенные в категорию 1-ю и 2-ю, получали германское гражданство, включенные в 3-ю категорию получали германское гражданство временно сроком на 10 лет. После предоставления гражданства мужское население становилось военнообязанным и призывалось в Вермахт, полицию и другие военные формирования. Из числа переселенцев создавали также охранные и строительные отряды. К 12 июля 1944 г. в Вартегау находилось около 240 тыс. этнических немцев из СССР, из них 180 тыс. выполняли различные работы.

Филипп Гевейлер с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом из Стрельнинской колонии прошли через лагеря Кониц (Konitz), Штаргарт (Stargart), Шенлаге (Schönlage), Бергенриген (Bergenrigen), Штезен (Stesen), округ Науенбург (Kreis Nauenburg). Аман (дев. Куфель) Августа Петровна, уроженка

Ямбургской колонии Кингисепского района до войны проживала в Стрельнининской колонии. Ее муж Аман Матвей Яковлевич был расстрелян в 1938 г. В 1942 г. она с тремя детьми (Матвей, 1922 г. р., Елизавета, 1925 г. р., Луиза, 1929 г. р.) была вывезена на принудительные работы в Германию. Скончалась в лагере для перемещенных лиц в Австрии 20 августа 1944 г., похоронена в г. Брук. Мария и Елизавета Ульрих из Стрельнинской колонии, дочери репрессированного Ульриха Эдуарда Петровича, умерли от туберкулеза в 1945 г. в австрийском лагере. Семья Вейде, жители колонии Гражданка, были выселены из Ленинграда в административном порядке 10 апреля 1942 г. Путь прошел через Ладожское озеро в Вологду и Ярославль, затем в Саратов, Сталинград. Отец умер 2 мая 1942 г. в вагоне. После многодневных переездов оказались на Северном Кавказе, где попали в оккупацию. В январе 1943 г. вывезены Германию. Прошли лагеря Зеегрунд, Эйхенбрюк, Моорзанд. В январе 1945 г. были угнаны с территории Польша вглубь Германии.

В результате широкомасштабного наступления Советской армии, начавшегося 12 января 1945 г., около 200 тыс. административных переселенцев из СССР не смогли покинуть Вартегау и оказались на территории, занятой советскими войсками. Наступавшая Советская армия и армия союзников освобождали людей из лагерей. В зависимости от того, в чьей зоне оккупации оказывалось угнанное население, во многом складывалась дальнейшая судьба людей. В «западной» зоне оккупации было больше шансов остаться в Европе.

Союзники договорились на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) о двустороннем обмене военнопленными и гражданским населением. Поэтому советские немцы, как и другие категории советских граждан, находившиеся в американской и английской оккупационных зонах, должны были передаваться советской стороне. Для этого были созданы специальные передаточные пункты.

Все возвращавшиеся в СССР лица проходили проверку в проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) и проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД. Первые ПФП и ПФЛ были организованы уже в сентябре 1944 г. в приграничных областях на территории Украины. Вдоль государственной границы СССР до 23 декабря 1944 г. было создано 15 фильтрационных лагерей НКВД. Фильтрационные лагеря и пункты создавались и в советской зоне оккупации. Всего в июле 1945 г. насчитывалось 127 ПФЛ и 57 ПФП. После прохождения контроля немцы направлялись в советские лагеря НКВД и на спецпоселение.

В течение 1945–1948 гг. подавляющее большинство угнанных на Запад советских немцев были репатриированы в СССР.

Трудармия и спецпоселение

Депортация немцев на восток после преодоления Ладоги велась железнодорожным транспортом. Людей перевозили в Вологду, Ярославль и Иваново, откуда они уже следовали в пункты назначения. НКВД разработал инструкцию для начальников эшелонов, которая определяла порядок приема и сопровождения выселяемых. Определялась администрация эшелона: начальник эшелона (командир конвойных войск), его заместитель (из оперативного состава органов НКВД), врач, две медсестры, конвой из 21 чел. Каждый из выселенцев должен был получать ежедневно по 500 г хлеба и два раза горячее питание. В отношении питания инструкция выполнялась плохо.

Скученность людей в неприспособленных вагонах, совместное размещение мужчин и женщин, детей и взрослых, больных и здоровых, нехватка воды и пищи, невозможность интимного отправления естественных потребностей – эти физические и психологические страдания длилось неделями. По воспоминаниям семьи Финк из Новопарголовской колонии, выселенной 27 марта, их эшелон прибыл в Красноярск 27 апреля. О дороге к месту высылки пишет А. А. Шмидт из Новосаратовки: «Мы на колесах. Нет ни мыла, ни условий для стирки. Вши стали нашими главными врагами. Самой большой радостью в пути были дни санобработки и бани. <…> Иногда нас кормили в ресторанах железнодорожных станций – галушками, щами и т.д. Дорожные заботы по выживанию семьи не оставляли время для скуки. Мы распределяли обязанности – кому готовить, кому уголь воровать с составов с углем, кому доставать кипяток, кому идти на базар около станции, кому что продать или обменять на съестное <…>»

Основная часть ленинградских немцев, выселенных в марте 1942 г., попала в Красноярский край, Иркутскую и Омскую (совр. Тюменскую) области. После прибытия на конечный пункт (Голышманово, Канск, Красноярск и т.д.) людей распределяли небольшими группами по селам. Но вскоре их ожидало повторное переселение на рыбные промыслы Севера и мобилизация в трудармейские лагеря.

К моменту прибытия ленинградских немцев в Сибирь были приняты постановления о мобилизации немцев в трудармию – постановления ГКО от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и 19 февраля 1942 г. «О мобилизации немцев – мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках».

Трудовая армия сочетала в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, единоначалие, однообразная структура подразделений, воинский внутренний распорядок), производственной деятельности (работа на производстве, нормы выработки, оплата труда) и лагерного заключения (охраняемая «зона», административный режим содержания, нормы снабжения ГУЛАГа НКВД).

12 января 1942 г. нарком внутренних дел Берия подписал приказ № 0083 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД». Согласно приказу, 80 тысяч мобилизованных, которые должны были поступить в распоряжение наркомата, распределялись по 8 объектам: Ивдельлаг – 12 тыс., Севураллаг – 12 тыс., Усольлаг – 5 тыс., Вятлаг – 7 тыс., Усть-Вымлаг – 4 тыс., Краслаг – 5 тыс., Бакаллаг – 30 тыс., Богословлаг – 5 тыс. Последние два лагеря образовывались специально для мобилизованных немцев.

В ходе второго призыва немцев в трудармию было мобилизовано около 40,9 тыс. чел. Они были направлены на строительство Южно-Уральской железной дороги, в лесотранспортные хозяйства Севжелдорлага, на Тагилстрой, Соликамскстрой, в Вятлаг. Краслаг принял немцев из Красноярского края, Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей. На Умальтстрой, на станцию Ургал Дальневосточной железной дороги, попали немцы из Хабаровского и Приморского краев.

Третий, массовый призыв немцев в трудармию проводился осенью 1942 г. после принятия постановления ГКО от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». Увеличивался призывной возраст с 15 до 55 лет для мужчин, мобилизации подвергались женщины в возрасте от 16 до 45 лет.

По данным на 1 января 1944 г., только на территории Уральского региона (без Курганской области) численность мобилизованных немцев составляла 119 358 чел. На Урале выделялись четыре крупных концлагеря: в Челябинске (Челябметаллургстрой НКВД), Краснотурьинске (Базстрой НКВД), Нижнем Тагиле (Тагилстрой-Тагиллаг НКВД) и Ивдельлаг. Смертность в этих лагерях была чрезвычайно высокой.

В Краслаге (до 1946 г. управление находилось в Канске), преимущественно на лесозаготовках, работало пять тысяч человек, на строительстве аффинажного завода в Красноярске – 185. Одним из специалистов, которые организовали технологический процесс на аффинажном заводе, был репрессированный в 1941 г. профессор Ленинградского университета, доктор химических наук Мюллер Рудольф Людвигович (1899–1964). Он был основателем университетской кафедры электрохимии (1940). В заключении сначала работал на лесоповале, затем банщиком, лаборантом в санчасти. После открытия в июне 1941 г. ИТЛ при Аффинажном заводе № 169 (Красноярск) одним из первых был этапирован в лагерь. С 1946 г. возглавлял группу в научно-исследовательской лаборатории, занятой разработкой технологий получения металлов платиновой группы. Разработанные им методы стали наиболее эффективными в технологии аффинажа, многие из них с успехом используются до сих пор. Освобождение получил в 1951 г., и был отправлен в ссылку в Кемеровскую область, где с трудом нашел работу преподавателя в техникуме.

Кроме того, немцев использовали на рыбных промыслах Крайнего Севера. 6 января 1942 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». 12 марта Л. П. Берия утвердил план, согласно которому около 50 тыс. чел. из числа эвакуированных из прифронтовых районов должны были направляться в Красноярский край, Омскую и Иркутскую области. Именно в эти области и направляли ленинградцев в 1942 г. В октябре 1942 г. появилось новое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в соответствии с которым в 1943 г. на рыбные промыслы Сибири отправили еще 30 тыс. чел.

По состоянию на 25 июля 1942 г., на рыбные промыслы Красноярского края было отправлено всего 12 375 чел., из них 2091 из числа депортированных из Ленинградской области и 6312 – из немцев Поволжья. Первый караван доставил 1135 ленинградских немцев в Усть-Енисейский, Дудинский и Игарский районы, второй караван – 956 ленинградцев в Ярцевский, Богучанский, Кежемский, Эвенкийский и Туруханский районы.

24 июня 1942 г. на станок Усть-Хантайка Дудинского района на Таймыре была высажена первая группа из 105 депортированных немцев, среди которых были и ленинградские немцы. К концу года здесь работало уже около 450 чел., объединенных в колхоз «Северный путь». Дневной улов рыбы в местной бригаде составлял не более 20–30 кг. Сдаваемой рыбы не хватало на то, чтобы обеспечить себя хлебом. Бригада не получала его по 7–8 дней. За зиму 1942/43 года на станке умерло 150 немцев, в том числе и дети.

Интенсивный лов рыбы и медленное восстановление поголовья привели к тому, что в апреле 1946 г. Таймыргосрыбтрест с его рыбзаводами был ликвидирован. Началась вербовка спецпоселенцев для отправки в другие места. В 1948 г. группа ленинградских немцев вместе с немцами Поволжья была переведена с Таймыра на о. Сахалин.

В апреле 1946 г. трудармия была расформирована, немцев-трудармейцев направили на спецпоселение. Режим спецпоселения к этому времени уже сформировался, его закрепили постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «Об утверждении

положения о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев». Но после окончания войны режим ужесточился. 26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ «Об уголовной ответственности за побеги с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». За самовольное оставление места жительства человека осуждали на 20 лет каторжных работ.

Согласно справке Отдела спецпоселений МВД СССР (январь 1950 г.), на спецпоселение было отправлено 1 024 722 немца. В число переселенных включены 210 600 немцев, репатриированных к январю 1945 г. Кроме того, на спецпоселение было отправлено 5914 «фольксдойче» и «пособников». В контингент репатриированных немцев были включены и немцы, выселенные в 1945–1948 гг. из западных регионов СССР. По данным на 1 января 1953 г., на учете спецпоселений состояло 208 388 репатриированных немцев.

13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Режим отменялся, но конфискованное имущество не возвращалось, сохранялся запрет на возвращение в места, откуда они были выселены.

12/ DIE DEUTSCHEN KOLONIEN NACH DEM KRIEG: DIE FOLGEN DER VERGANGENHEIT, NEUE HOFFNUNGEN

Die Ausweisung der Deutschen und Finnen aus dem Gebiet Wsewoloschsk zog große ökonomische Probleme nach sich. Vor dem Kriege gab es hier 53 Kolchosen. Davon wurden im September 1941 neun Kolchosen evakuiert, darum existierten am Anfang der Saatarbeiten 1942 nur 44 Kolchosen. Dabei bestanden 41 Kolchosen völlig und zwei Kolchosen zum Teil aus Deutschen und Finnen. Komplett aus Russen bestand nur eine einzige Kolchose. Das vor Ort gebliebene Vieh wurde den Sowchosen „Chalturinez“ und „Schtscheglowsky“ übergegeben, die über nur 100 Stück Vieh verfügt hatten. Das Saatgut, das im Herbst 1941 dem Staat zur Aufbewahrung übergeben worden war, war verbraucht. Deshalb wurde der Vorrat an Kartoffeln und Korn der auszuweisenden Deutschen und Finnen als Saatgut entnommen. Die zurückgelassenen Traktoren in der MTS (Maschinen-Traktoren-Station) Koltuschi konnten von niemandem gewartet werden, weil früher nur Finnen Traktoristen waren.

Die deutschen Kolchosen wurden bald nach der Deportation der Deutschen aufgelöst, doch die Fragen zu Grund und Boden und den Besitztümern der ehemaligen Kolchosen entschied man erst in der Nachkriegszeit.

Die Max-Hölz-Kolchose in der Kolonie Owzyno wurde unter dem alten Namen im April 1942 wiederhergestellt. Ab dem 25. August war Margarita Nikolajewna Ramenskaja die Vorsitzende der Kolchose. Rechnungsführer war die 20-jährige Maria Iwanowna Babuschkina aus Malaja Slawjanka. Die zurückgelassenen Häuser wurden nun von russischen Familien bewohnt: Die Scharkows, die Tschekulajews u. a. 1960 wurde die Max-Hölz-Kolchose aufgelöst und die Ländereien und Besitztümer gehörten von nun an der Kolchose „Roter Oktober“.

1947 wurde auf dem Boden der Kolchose „Rote Fahne“ (Kolonie Strelna) die Kolchose „Pobeda“ („Sieg“) gegründet. Heutzutage gehört das Gebiet der ehemaligen deutschen Kolonie Strelna der Gemeinde Gorbunki an, ein Teil der Unteren Kolonie gehört zur Gemeinde Strelna. Am 6. Dezember 1951 wurde die Kolonie Neu-Sara-

towka in Dorf Neu-Saratowka umbenannt. Heute ist es ein Dorf innerhalb der Swerdlow-Siedlung im Kreis Wsewoloschsk im Leningrader Gebiet.

Die Rückkehr der Deutschen und Finnen nach Leningrad und ins Leningrader Gebiet wurde nach dem Kriege durch besondere Dokumente begrenzt. Am 11. August 1944 wurde mittels einer Anordnung des SNK (Sowjet der Volkskommissare) der UdSSR die Rückkehr der Deutschen ins Leningrader Gebiet erlaubt. Doch um die Rückkehr der ausgewiesenen Deutschen und Finnen zu verhindern, wurde am 29. Dezember 1944 ein Befehl des NKWD über die Registrierung der evakuierten Deutschen und Finnen in den Sonderabteilungen des Kommissariats herausgegeben. Die Herausgabe des Befehls initiierte der Vorsitzende des Exekutivkomitees des Leningrader Gebiets N. W. Solowjow, der am 21. November 1944 an W. M. Molotow geschrieben hatte: „Da die Rückkehr der deutschen und finnischen Bevölkerung in die Vorortgebiete von Leningrad für nicht zweckmäßig gehalten wird, und da diese Gebiete schon durch eine russische Bevölkerung besiedelt sind, bittet Sie der Sowjet der Volksdeputierten, die Rückkehr der deutschen und finnischen Bevölkerung in ihre ehemaligen Wohnorte nicht zu erlauben <…>, indem diese Bevölkerung in den rückwärtigen Gebieten der Sowjetunion zur ständigen Besiedlung belassen wird".

Am 19. September 1945 erlaubte der Sownarkom (Sowjet der Volkskommissare) nur einzelnen Bevölkerungsgruppen die Rückkehr, z. B. durften die Frauen deutscher Militärangehöriger in ihre alten Wohnorte zurückkommen. Die eigenmächtige Rückkehr war untersagt. Zu diesem Zweck gab es einen Brief des stellvertretenden Vorsitzenden des Leningrader Sowjets M. Safonow vom 19. März 1946 „Über die immer häufiger vorkommenden Fälle der eigenmächtigen Rückkehr deutscher und finnischer Einwohner des Leningrader Gebiets in ihre alten Wohnorte" und den Brief der Umsiedlungsverwaltung des Ministerrats der RSFSR (Russische Sozialistische Föderative Sowjetrepublik) № 39: „Den aus dem Leningrader Gebiet evakuierten Einwohnern deutscher und finnischer Nationalität wird es angesichts des Registrierungsgesetzes untersagt, ins Leningrader Gebiet zurückzukehren, obwohl sie nicht in Sondersiedlungen gewohnt haben".

Einige Abschwächungen wurden für einzelne Deutsche, die in ihre alten Wohnorte zurückkehren wollten, erst nach der Aufhebung des Regimes der Sondersiedlungen vermerkt, aber sie können anhand offizieller Dokumente nicht nachvollzogen werden. Eine Anmeldung in Leningrad war wie früher verlautbart untersagt, aber die Menschen bekamen die Möglichkeit, in den Vorortgebieten zu leben. Unter denjenigen, denen es in den 50-er Jahren gelang zurückzukehren, waren die Familien Amann (Kolonie Graschdanka), Becker (Kolonie Srednaja Rogatka), Butz (Kolonie Strelna) und Müthel (Kolonie Owzyno).

Erst durch den Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR vom 3. November 1972 „Über die Aufhebung der Beschränkungen bei der Wahl des Wohnortes, die früher für einzelne Kategorien von Bürgern galten" wurden die Beschränkungen bei der Wohnortswahl für die Deutschen aufgehoben.

Nach der Annahme des Gesetzes vom 26. April 1991 „Über die Rehabilitierung der repressierten Völker" ergab sich die Möglichkeit, die deutsche Siedlung in Strelna wieder herzustellen. Dieser Vorschlag war als Alternative zur massenhaften und ständigen Aussiedlung der Deutschen nach Deutschland gedacht.

1996 wurde auf Beschluss der russisch-deutschen Regierungskommission das Programm zur Schaffung einer kompakten Siedlung für Russlanddeutsche bei Strelna im St. Petersburger Petrodworez-Gebiet unter dem Namen Neudorf-Strelna gestartet. Projektträger war die GmbH „Territoriale Entwicklungsagentur Neudorf-Strelna", die am 16. Februar 1996 gegründet wurde. Geplant war die Errichtung von Wohnhäusern, die Schaffung einer Infrastruktur und die Wiederherstellung einiger Gebäude der ehemaligen deutschen Kolonie.

Die Wohnhäuser wurden auf Kosten Russlands und Deutschlands im Verhältnis 30:70 errichtet. Der Grundstein für das erste Haus wurde am 5. November 1996 gelegt. Anfangs wurden 1996 bis 1998 eine Wohnsiedlung aus 50 Häusern, sozialkulturelle Objekte sowie eine Zone für Produktionsbetriebe – eine Bäckerei, ein Gemüselager, eine Tischlerei u. a. – geplant. Die Wiederherstellung der deutschen Siedlung rief negative Reaktionen unter der örtlichen Bevölkerung hervor, weil ihre Wohnverhältnisse sich drastisch von den Bedingungen unterschieden, die für die künftigen Bewohner von Neudorf geschaffen wurden. Aber ihre Proteste brachten keinen wesentlichen Erfolg.

Am 18. Januar 2000 übernahm eine staatliche russische Kommission vom General-Bauunternehmer SMU-53 den ersten Abschnitt des Dorfes in Empfang: 38 zweistöckige Wohnhäuser, die für 50 Familien gedacht waren.

Die künftigen Dorfbewohner wurden auf Grundlage eines Wettbewerbs aus 1301 Bewerbern ausgesucht. Die Hauptkriterien bei der Wahl waren die deutsche Abstammung, das Fehlen des Wunsches, in Zukunft nach Deutschland überzusiedeln und die Bereitschaft der Familie, an den weiteren Bauarbeiten und an der Entwicklung der kommunalwirtschaftlichen Einrichtungen teilzunehmen. Die ersten fünf Häuser wurden im Mai 1998 deutschen Familien aus Kasachstan und Usbekistan übergeben. Für die Zukunft plante man, weitere 130 Familien im Dorf unterzubringen. Aber um die Jahrtausendwende wurde die Finanzierung des Projekts gekürzt und es blieb unvollendet.

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ: СЛЕДЫ ПРОШЛОГО, НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Выселение немцев и финнов из Всеволожского района создало большие экономические проблемы. До войны здесь существовало 53 колхоза. Из них в сентябре 1941 г. девять колхозов были эвакуированы, поэтому к началу посевной кампании 1942-го действовало 44 колхоза. Проблема заключалась в том, что 41 колхоз полностью состоял из немцев и финнов, а два колхоза – частично. Чисто русским был один единственный колхоз. Остающийся рогатый скот передавался совхозам «Халтуринец» и «Щегловскому», в которых имелось лишь 100 голов скота. Семенной фонд, сданный осенью 1941-го государству на хранение, был истрачен. Поэтому запасы картофеля и зерна выселяемых немцев и финнов обращались в семенной фонд. Остававшиеся трактора в Колтушинской МТС (35 машин) некому было обслуживать, т.к. прежний штат трактористов состоял исключительно из финнов.

Немецкие колхозы прекратили существование вскоре после депортации немцев, однако вопросы о землях и фондах бывших колхозов решались после войны.

Колхоз им. Макса Гельца в Овцынской колонии был воссоздан под тем же названием в апреле 1942 г. С 25 августа его председателем стала Маргарита Николаевна Раменская, до этого возглавлявшая сельский совет в Купчино. Счетоводом была двадцатилетняя Мария Ивановна Бабушкина из Малой Славянки. В опустевшие дома заселялись русские семьи: Жарковы, Чекулаевы и другие. В 1960 г. колхоз им. Гельца был расформирован, а земли и фонды переданы колхозу «Красный Октябрь».

В 1947 г. на землях колхоза «Роте Фане» (Стрельнинская колония) был организован колхоз «Победа». В настоящее время территория бывшей Стрельнинской немецкой колонии входит в состав муниципального образования поселок Горбунки, а часть Нижней колонии – в состав муниципального образования поселок Стрельна. 6 декабря 1951 г. Новосаратовская колония была переименована в деревню Ново-Саратовку. Сегодня это – деревня в Свердловском городском поселении Всеволожского района Ленинградской области.

Возвращение немцев и финнов в Ленинград и Ленинградскую область после войны ограничивалось специальными документами. 11 августа 1944 г. распоряжением СНК СССР разрешалась реэвакуация в Ленинградскую область. Но чтобы предотвратить возвращение выселенных финнов и немцев, 29 декабря 1944 г. появился приказ НКВД о постановке эвакуированных финнов и немцев на учет по линии спецотдела комиссариата. Появление приказа инициировал председатель Ленинградского облисполкома Н. В. Соловьев, который писал В. М. Молотову 21 ноября 1944 г.: «Учитывая, что возвращение населения финского и немецкого происхождения в пригородные районы Ленинградской области нецелесообразно и что эти <…> районы должны быть заселены русским населением, исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся просит Вас разрешить не проводить реэвакуацию к местам прежнего жительства населения финского и немецкого происхождения <…>, оставив это население в тыловых областях Союза на постоянное место жительства».

19 сентября 1945 г. Совнарком разрешил возвращение лишь отдельным категориям населения, например, смогли вернуться немки – жены военнослужащих. Самовольное возвращение пресекалось. На этот счет действовало письмо заместителя председателя Ленсовета М. Сафонова от 19 марта 1946 г. «Об участившихся случаях самовольного возвращения жителей Ленинградской области финской и немецкой национальности к месту прежнего жительства» и письмо Переселенческого управления при Совете министров РСФСР от 18 июля 1946 г. № 39 «Эвакуированным из Ленобласти гражданам немецкой и финской национальности в порядке паспортного режима не разрешается возвращаться в Ленобласть, хотя они не проживали на спецпоселении».

Некоторые послабления для отдельных немцев, желающих вернуться в родные места, отмечаются на практике после снятия режима спецпоселения, но не прослеживаются по официальным документам. Прописка в Ленинграде по-прежнему была негласно запрещена, но люди получили возможность проживать в пригородах. Среди тех, кому удалось вернуться в 1950-е годы, были семьи Аман (из колонии Гражданка), Беккер (Средняя Рогатка), Бутц (Стрельнинская колония), Мютель (Овцыно).

Лишь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» было полностью снято ограничение в выборе места жительства для немцев.

После принятия закона от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» появилась возможность возрож-

дения немецкого поселения под Стрельной. Это предложение рассматривалось как альтернатива массовому выезду немцев на постоянное жительство в Германию.

В 1996 г. в соответствии с решением Межправительственной российско-германской комиссии под Петербургом началась реализация программы по созданию близ Стрельны Петродворцового района компактного поселения российских немцев под названием Нойдорф-Стрельна. Исполнителем проекта стало ООО «Агентство территориального развития Нойдорф-Стрельна», организованное 16 февраля 1996 г. В планах значилось строительство жилых домов, создание разветвленной инфраструктуры и восстановление некоторых зданий прежней немецкой колонии.

Строительство жилых домов велось на средства России и Германии в пропорции 30:70. Закладной камень в основание первого дома был положен 5 ноября 1996 г. На первом этапе в 1996–1998 гг. предполагалось построить жилой комплекс из 50 жилых домов, социально-культурных объектов, а также зону промышленных предприятий – хлебопекарню, овощехранилище, столярную мастерскую и другие. Идея возрождения немецкого поселения вызвало негативную реакцию части местного населения, т.к. их условия жизни заметно отличались от условий, которые предоставлялись будущим жителям Нойдорфа. Однако пикеты к заметным последствиям не привели.

18 января 2000 г. Государственная комиссия России приняла у генерального подрядчика СМУ-53 первую очередь деревни: 38 двухэтажных коттеджей, рассчитанных на 50 семей.

Будущих жителей поселка отбирали на конкурсной основе из числа 1301 заявителя. Основными критериями при отборе были принадлежность к немецкой национальности, отсутствие намерения выехать в Германию на постоянное место жительства, готовность семей в строительстве и благоустройстве поселения. Первые пять домов заселились в мае 1998 г. немецкими семьями из Казахстана и Узбекистана. В перспективе предполагалось поселить еще 130 семей. В начале 2000-х годов финансирование программы прекратилось, проект остался незавершенным.

13/ IN DER GEGENWART: BEWAHRUNG DES KULTURERBES DER KOLONISTEN

1993 wurde in St. Petersburg an der lutherischen Peter-und-Paul-Kirche die Stiftung zur Unterstützung und Entwicklung der deutsche-russischen Beziehungen „Deutsche-russischen Begegnungszentrum", ein Bildungs- und Kulturzentrum für Russlanddeutsche, eröffnet. Das Ziel der Stiftung war, ist und bleibt unverändert im Laufe von 20 Jahren die Pflege des Kulturerbes, der Sprache und der Geschichte der Deutschen in St. Petersburg und in der Nord-West-Region Russlands. Ihre Programme erfreuen sich großer Beliebtheit unter Menschen verschiedenen Alters, seien es Nachkommen Petersburger Deutscher, Kolonisten oder Übersiedler aus verschiedenen Regionen im postsowjetischen Raum. Hierher kommen Stadtbewohner, die am Erlernen der deutschen Sprache und an der Pflege deutscher Traditionen der Vergangenheit und Gegenwart interessiert sind – insgesamt gibt es über 2000 regelmäßige Besucher. Die Anzahl der Teilnehmer an allen Programmen des Zentrums beläuft sich jährlich auf 15 000.

Die Tätigkeit der Stiftung hat fünf Hauptrichtungen: Das Erlernen der deutschen Sprache als Fremdsprache und die Pflege des Deutschen als Muttersprache, Aufklärungs- und Bildungsprogramme, historische Untersuchungen und die Popularisierung der Herkunft und der Leistung der Deutschen in verschiedenen Wissens- und Tätigkeitsgebieten in Russland, sowie internationale Projekte für Jugendliche und Sozialarbeit. Eines der bedeutendsten Projekte im letzten Jahrzehnt war das vielfältige Programm, das anlässlich des 250. Jubiläums des Manifestes von Katharina II. über die Umsiedlung von Ausländern nach Russland (2013) und der Gründung der deutschen Kolonien bei Petersburg (2015) ausgearbeitet wurde. Zum Hauptteil dieses Programms wurde die Ausstellung „Deutsche Siedler um St. Petersburg: Eine historische Kulturlandschaft", die von der Historikerin Dr. I. W. Tscherkasjanowa ausgearbeitet und vom russisch-deutschen Begegnungszentrum in Zusammenarbeit mit dem Museum für russlanddeutsche

Kulturgeschichte in Detmold (Deutschland) und mit der internationalen Assoziation der Geschichts- und Kulturforscher der Russlanddeutschen (Russland) organisiert wurde.

Der der Rekonstruktion der Vergangenheit der deutschen Kolonien um St. Petersburg gewidmete Veranstaltungskomplex wurde von Nachkommen der Kolonisten initiiert. Seit 1993 werden im Begegnungszentrum ständig Vorträge über die Kolonien um Petersburg gehalten, Begegnungen mit den ehemaligen Kolonisten, Gedenkfeiern und traditionelle Feste der Kolonisten durchgeführt.

Im Rahmen dieses Projektes wurde als erstes das Buch „Die deutsche Kolonie Strelna bei Petersburg" (2006) herausgegeben, das dank der Initiative von M. W. Lewitskaja, einer Nachkommin der Familie Gerlemann, erschien. Eine erweiterte Ausgabe wurde nochmals im Jahre 2010 veröffentlicht. 2008 erschien das Buch „Die deutsche Kolonie Neu-Saratowka bei Sankt Petersburg" von S. A. Schmidt. Dabei handelt es sich um eine Materialiensammlung aus Familienarchiven der Kolonisten aus Strelna und Neu-Saratowka. Heute gibt es die Kolonie Strelna nicht mehr, und Neu-Saratowka ist als Ausbildungszentrum für Pfarrer der evangelisch-lutherischen Kirche bekannt. Im Gebäude der ehemaligen Katharinenkirche ist heute das im April 1997 eröffnete Theologische Seminar untergebracht.

Zum 200-jährigen Jubiläum der deutschen Kolonie Strelna wurde eine ganze Reihe von Veranstaltungen durchgeführt. Außer der schon erwähnten Herausgabe des Buches über die Kolonie, veröffentlichte der Biologe Dr. I. A. Archiptschenko, ein Nachkomme der Familie Eidemüller, einen Führer für den ehemaligen lutherischen Kolonistenfriedhof von Strelna. Heute ist dies der Friedhof des Dorfes Gorbunki im Kreis Lomonossow. Im September 2010 wurde hier ein Denkmal für die Gründer und ersten Siedler der Kolonie Strelna in den Jahren 1810 bis 1830 eingeweiht. Zur Erinnerung an das Jubiläum wurden Gedenkabzeichen geprägt. Die Nachkommen der Kolonisten, die zu den Feierlichkeiten aus der ganzen Welt angereist waren – mehr als 400 Menschen aus St. Petersburg, der Altai-Region, Sibirien, dem Leningrader Gebiet, Moskau, aus den Niederlanden und Deutschland, erhielten diese Abzeichen. Anlässlich des Jubiläums wurde die Wanderausstellung „Die deutsche Kolonie Strelna bei St. Petersburg (dem 200-jährigen Jubiläum gewidmet)" eröffnet und ein begleitender Katalog (Autor der Konzeption und wissenschaftliche Redaktion I. W. Tscherkasjanowa) vorgelegt. Die Jubiläumsfeierlichkeiten ermöglichten es, nicht nur die Anlass zum Stolz bietende Vergangenheit nachzuvollziehen, sondern auch die Nachkommen der Kolonisten weiter zu vereinigen.

Ein besonderer Zeitraum waren die Jahre 2011 bis 2012, als sich die Ausweisung der sowjetischen Deutschen zum 70. Mal jährte. Die Ausstellung „Die Ausweisung der Leningrader Deutschen. Davor und danach …" und das Buch „Leningrader Deutsche. Die Schicksale der Kriegsgenerationen. 1941–1955" von I. W. Tscherkasjanowa wurden im Staatlichen Museum für politische Geschichte Russlands im Rahmen des Runden Tisches „70 Jahre nach der Ausweisung der Deutschen in Russland – historische Folgen, Rehabilitierung und heutige Realien" gezeigt. 2013 wurde das Buch mit dem Georg-Dechio-Preis, einem in Deutschland angesehenen Kultur-Preis ausgezeichnet. Dieser Preis wird vom Deutschen Forum für osteuropäische Kultur für Untersuchungen der Geschichte und Kultur der deutschen Bevölkerung in Osteuropa verliehen.

Jährlich am 28. August, dem Gedenktag der Deutschen Russlands, besuchen die Petersburger Kolonisten den Lewaschowo-Gedenkfriedhof, wo 1998 die Deutsche Gesellschaft von St. Petersburg und das russisch-deutsche Begegnungszentrum ein Gedenkkreuz für die ums Leben gekommenen Deutschen Russlands nach dem Entwurf von Withold Muratow feierlich enthüllte. 2010 wurde das Kreuz erneuert.

Die traditionelle Kultur des Volkes lebt in der Folklore weiter. Seit 2003 existiert das Ensemble für deutsche Lieder „Lorelei" unter der Leitung von N. P. Uralskaja, einer Nachkommin der Strelnaer Kolonistenfamilie Kraubner. Das Repertoire des Ensembles umfasst alte deutsche lyrische und humorvolle Weihnachts- und Volkslieder, Balladen und Folklore der Deutschen aus Russland, Lieder nach Gedichten deutscher Dichter und Komponisten, deutsche romantische Musik aus dem 20. Jahrhundert, sowie das folkloristische Erbe der Deutschen aus den Petersburger Kolonien. Das Ensemble veröffentlicht Liedersammlungen in der Übersetzung von N. P. Uralskaja. Dem sprachlichen und folkloristischen Aspekt der deutschen geistigen Kultur ist die Monographie von Dr. L. N. Pusejkina gewidmet. Das Buch ist den sprachlichen Besonderheiten der Lieder in der Inselfolklore der deutschen Kolonisten in Russland, speziell im Petersburger Gouvernement, gewidmet. Als Forschungsmaterial diente eine Sammlung von deutschen Volksliedern, die von V. M. Shirmunski in den 20-er Jahren des 20. Jahrhunderts während einer ethnographischen Folklore- und Dialektexpeditionen in den deutschen Kolonien bei Leningrad, in der Ukraine, auf der Krim und in Transkaukasien gesammelt wurden.

Mit den Nachkommen von Kolonisten wird individuelle Arbeit zur Erforschung der mündlich überlieferten Geschichte, zur Entdeckung vom historischen Material und Augenzeugenaussagen, sowie zur Hilfeleistung bei der Zusammenstellung von Familienchroniken und der Bestimmung der von ihnen aufbewahrten Dokumente und Fotos geleistet. Allmonatliche Begegnungen von Namensvettern, die I. P. Preis, ein Mitarbeiter des Begegnungszentrums, seit 2006 durchführt, helfen Verwandtschaftsbeziehungen

unter Petersburgern mit gemeinsamer Vergangenheit zu entdekken.

Die Geschichte der deutschen Kolonien ist das Hauptthema von Führungen durch verschiedene Stadtbezirke und im Leningrader Gebiet an Orten, wo sich einst die Deutschen ansiedelten. 2014 erschien ein Reiseführer durch die Kolonien von N. I. Iwanowa. Anhand der Informationen in diesem Buch können Landeskundige und alle, die sich für die deutsche Geschichte in der Nord-West-Region interessieren, selbstständig Ausflüge in die Wohnorte der Vorfahren machen. Auf der Stiftungs-Internetseite www.drb.ru wurde eine einzigartige elektronische Bibliothek mit Veröffentlichungen über die Kolonisten im Petersburger Gouvernement geschaffen, die ständig erweitert wird.

2013 war ein Jubiläumsjahr für das Deutsch-russische Begegnungszentrum. Das umfangreiche Programm an Festveranstaltungen anlässlich des 20-jährigen Jubiläums des Begegnungszentrums versammelte 4000 Vertreter von Partnerorganisationen aus Russland und Deutschland, sowie die regelmäßigen Besucher des Zentrums, die Petersburger Deutschen und die Nachkommen der Kolonisten.

Die Bildungsarbeit des Begegnungszentrums reicht weit über den Rahmen der ethnokulturellen Projekte hinaus. Die Deutsche Woche unter der Patronage des deutschen Generalkonsulats versammelt jährlich Tausende und Abertausende Liebhaber und Kenner der deutschen Kultur. Besonders beliebt ist der Museumsmarathon – Führungen durch 30 Petersburger Museen, die vom Beitrag der Deutschen zur Entwicklung Russlands zeugen. Die Museumsnacht im deutschen Viertel versammelte 2014 über 9000 Gäste. Für sie wurden Führungen und thematische Programme durchgeführt, die die unter den Stadtbewohnern populären Mythen über die Deutschen in der Stadt und ihrer Umgebung aufklären. Das Jahresprogramm des Begegnungszentrums umfasst mehr als 700 Veranstaltungen. Sie werden von Partnern und Sponsoren unterstützt: Dies sind die St. Petersburger Stadtverwaltung, das Haus der Nationalitäten in St. Petersburg, der Internationale Verband der deutschen Kultur (Moskau), das deutsche Generalkonsulat in St. Petersburg, der Beauftragte der Bundesregierung für Kultur und Medien, die Friedrich-Ebert-Stiftung, die Konrad-Adenauer-Stiftung, das Goethe-Institut, die Raiffeisen-Bank, die Bank „Wosroschdenie“, die Wohltätigkeitsstiftung CAF Russland, die deutsche evangelische lutherische Hl. Anna- und Hl. Peter-Gemeinde in St. Petersburg, das Deutsche Rote Kreuz, das Deutsche Kulturforum Osteuropa, die Stiftung „Deutsch-russischer Jugendaustausch“ (DRJA), die Stiftung „Erinnerungen, Verantwortlichkeit und Zukunft“ (EFZ), die Timtschenko-Stiftung, das Forum „Petersburger Dialog“, die Zentrale Kirchenverwaltung der Vereinten Religionsorganisation „Evangelisch-Lutherische Kirche“, das Deutsche Stiftungszentrum und viele andere würdige Partner. Das Begegnungszentrum plant auch weiter die Förderung von Aktivitäten zur Erhaltung des Kolonisten-Erbes der in verschiedenen Gebieten wohnenden Deutschen, die durch eine gemeinsame Abstammung, gemeinsame familiäre Überlieferungen und die Geschichte des deutschen Volkes in Russland miteinander verbunden sind.

СОВРЕМЕННОСТЬ: СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОЛОНИСТОВ

В 1993 г. в Санкт-Петербурге при немецкой лютеранской церкви св. Петра и Павла был основан культурно-образовательный центр для российских немцев – Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч». Цель деятельности Фонда остается неизменной на протяжении более 20 лет – сохранение культурного наследия, языка, истории немцев Петербурга и Северо-западного региона России. Программы пользуются популярностью среди людей разного возраста: потомков городских немцев, колонистов, переселенцев из других регионов постсоветского пространства. Сюда приходят горожане, заинтересованные в изучении немецкого языка и традиций прошлого и современности Германии – всего более двух тысяч постоянных посетителей. Посещаемость всех программ Центра в течение года доходит до 15 000 чел.

Деятельность Фонда сконцентрирована в пяти основных областях – изучение немецкого языка как иностранного и сохранение немецкого языка как родного, культурно-просветительские и образовательные программы, исторические исследования и популяризация истоков и вклада немцев в различные области знания и жизнедеятельности в России, международные молодежные проекты и социальная работа.

Одним из наиболее значимых проектов Фонда за последнее десятилетие стала комплексная программа, разработанная к 250-летию манифеста Екатерины II о переселении иностранцев в Россию (2013) и появлению под Петербургом немецких колоний (2015). Центральным модулем данной программы стала образовательная выставка «Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт. Deutsche Siedler um St. Petersburg: eine historische Kulturlandschaft», разработанная доктором исторических наук И. В. Черказьяновой и организованная Русско-немецким Центром встреч в сотрудничестве с Институтом истории культуры российских немцев г. Детмольд (Германия) и Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (Россия).

Инициатором комплекса мероприятий, посвященных реконструкции прошлого петербургских колоний, стали потомки колонистов. С 1993 г. в Центре встреч проводятся регулярные просветительские лекции о колониях вокруг Петербурга, встречи с бывшими жителями колоний, памятные мероприятия, традиционные праздники колонистов.

Первым изданием в рамках проекта стала книга «Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом» (2006 г.), появившаяся благодаря активности М. В. Левицкой, потомка семьи Герлеман. Издание было расширено и переиздано в 2010 г. В 2008 г. вышла книга С. А. Шмидта «Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом». Это сборники материалов из семейных архивов стрельнинских и новосаратовских колонистов. Сегодня Стрельнинской колонии не существует, а Новосаратовка известна как центр подготовки пасторов для Евангелическо-Лютеранской Церкви, в здании бывшей кирхи св. Екатерины разместилась Теологическая семинария, приступившая к работе в апреле 1997 г.

К 200-летнему юбилею Стрельнинской немецкой колонии был проведен целый ряд мероприятий. Кроме упоминавшегося переиздания книги о колонии, потомок семьи Эйдемиллер доктор биологических наук И. А. Архипченко опубликовала путеводитель по бывшему лютеранскому кладбищу стрельнинских колонистов. В настоящее время это гражданское кладбище деревни Горбунки Ломоносовского района. В сентябре 2010 г. здесь был установлен памятник в честь основателей и первых жителей колонии. На памятной плите перечислены фамилии семей, поселившихся в Стрельнинской колонии в 1810–1830 гг. В память о юбилее были выпущены памятные знаки. Их получили потомки колонистов, приехавшие на юбилейные мероприятия со всего мира – более 400 чел. из Санкт-Петербурга, Алтайского края, Сибири, Ленинградской области, Москвы, Голландии, Германии. К юбилею была приурочена передвижная образовательная выставка «Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается)» и издан сопроводительный каталог (автор концепции и научный редактор И. В. Черказьянова). Юбилейные мероприятия позволили не только восстановить прошлое, которым можно гордиться, но они еще больше объединили потомков колонистов.

Особой датой стали 2011–2012 годы, связанные с 70-летием депортации советских немцев. Выставка «Депортация ленинградских немцев. До и после…» и книга И. В. Черказьяновой «Ленинградские немцы. Судьбы военных поколений. 1941–1955 гг.» были представлены в Государственном музее политической истории России в рамках круглого стола «70 лет после депортации немцев России – исторические последствия, реабилитации и сегодняшние реалии». В 2013 г. книга была отмечена престижной наградой Германии в области культуры – премией им. Георга Дехио. Эту награду вручает Немецкий форум восточно-европейской культуры за исследования истории и культуры немецкого населения Восточной Европы.

Ежегодно в День памяти немцев России 28 августа потомки колонистов Петербурга посещают мемориальное Левашовское кладбище, где в 1998 г. Немецкое общество Санкт-Петербурга и Центр встреч торжественно отрыли, а в 2010 г. обновили памятный крест погибшим немцам России по проекту Витольда Муратова.

Традиционная культура народа продолжает свою жизнь в фольклоре. С 2003 г. существует ансамбль немецкой песни «Лорелея» под руководством Н. П. Уральской, потомка стрельнинских колонистов Краубнер. В репертуаре ансамбля – старинные немецкие песни, лирические и шуточные, рождественские и бытовые, баллады и фольклор российских немцев, песни на стихи и музыку немецких композиторов и поэтов, романтическая музыка Германии XX века, а также фольклорное наследие немцев петербургских колоний. Ансамбль выпускает сборники песен в переводе Н. П. Уральской. Языковому и фольклорному аспекту духовной культуры колонистов посвящена монография кандидата филологических наук Л. Н. Пузейкиной. Книга рассказывает о языковых особенностях островного песенного фольклора немецких колонистов в России, в частности в Петербургской губернии. В основу исследования легла коллекция немецких народных песен, собранная В. М. Жирмунским в 1920-е годы в рамках этнографических, фольклорных и диалектологических экспедиций в немецкие колонии под Ленинградом, Украины, Крыма и Закавказья.

С потомками колонистов ведется индивидуальная работа с целью изучения устной истории, выявления исторических материалов и свидетельств, а также для оказания помощи при

составлении семейных хроник, атрибуции хранящихся у них документов и фотографий. Выявить родственные связи между петербуржцами, имеющими общее прошлое, помогают и ежемесячные встречи однофамильцев, которые с 2006 г. проводит И. П. Прайс, сотрудник Центра встреч.

История немецких колоний является основной темой экскурсий по районам города и области, на территории которых жили колонисты. В 2014 г. опубликован путеводитель по колониям, составленный Н. И. Ивановой – издание, объединившее информацию для краеведов и любителей немецкой истории Северо-западного региона, с помощью которого поездку на места проживания предков можно осуществить самостоятельно. На сайте Фонда www.drb.ru создана и постоянно пополняется уникальная электронная библиотека изданий о колонистах Петербургской губернии.

2013 год был юбилейным годом для самого Русско-немецкого Центра встреч. Обширная программа празднования 20-летнего юбилея Центра встреч привлекла к участию более 4000 представителей партнерских организаций из России и Германии и постоянных посетителей – немцев Петербурга, потомков колонистов.

Просветительская деятельность Центра встреч выходит далеко за рамки этнокультурных проектов. Неделя Германии под патронажем Генерального Консульства Германии, ежегодно собирает сотни любителей и знатоков немецкой культуры. Особой популярностью пользуется музейный марафон – комплекс экскурсий по 30 музеям Санкт-Петербурга, рассказывающим о вкладе немцев в развитие России. Ночь музеев в Немецком квартале только в 2014 г. собрала более 9000 гостей. Для проводились экскурсии и тематические программы, развенчивающие бытующие среди горожан мифы о немцах в нашем городе и окрестностях. Ежегодная программа Центра встреч включает более 700 мероприятий. Их поддерживают партнеры и спонсоры: Администрация Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский Дом национальностей, Международный союз немецкой культуры (Москва), Генеральное Консульство Германии в Петербурге, Министерство Культуры Германии, Фонд им. Фридриха Эберта, Фонд им. Конрада Адэнауэра, Гете-институт, Раффайзенбанк, ЗАО «Банк Возрождение», Благотворительный фонд CAF Россия, Немецкая евангелическая лютеранская община св. Анны и св. Петра Санкт-Петербурга, Немецкий Красный Крест, Немецкий культурный форум Восточная Европа, Фонд «Германо-российский молодежный обмен» (DRJA), Фонд «Память, ответственность и будущее» (EVZ), Фонд Тимченко, Форум «Петербургский диалог», Центральное церковное управление Централизованной религиозной организации – Евангелическо-Лютеранской Церкви, Центр Фондов Германии и многие другие почетные партнеры.

Центр встреч планирует и в дальнейшем развивать деятельность, связанную с сохранением наследия колонистов, проживающих на различных территориях, и объединенных общими корнями и общими семейными повествованиями – историей немецкого народа в России.

BILDER
ИЛЛЮСТРАЦИИ

1/ ERSTE DEUTSCHE SIEDLUNGEN UM PETERSBURG
ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ

In den Jahren 1765–1767 entstanden im Petersburger Gouvernement die ersten deutschen Kolonien, die von Siedlern aus deutschen Kleinstaaten (Brandenburg, Württemberg, Hessen-Darmstadt, Schwaben) gegründet wurden: Neu-Saratowka, Ischora, Srednaja Rogatka, Jamburg (Luzk, Frankfurt, Porchow). Die größte unter ihnen war die Kolonie Neu-Saratowka, in der 60 Familien angesiedelt wurden.

В 1765–1767 годах в Петербургской губернии появились первые немецкие колонии, основанные выходцами из германских государств (Бранденбурга, Вюртемберга, Гессен-Дармштадта, Швабии) – Новосаратовская, Ижорская, Среднерогатская, Ямбургская (Луцкая, Франкфуртская, Порховская). Крупнейшей была Новосаратовская колония, в которой обосновались 60 семей.

Translat.

Von Gottes Gnaden
Wir Catharina die
Kayserin und Selbstherrscherin aller
zu Moscau, Kiow, Wladimir, Nowgorod, Zaarin zu
zu Astrachan, Zaarin zu Sibirien, Frau zu Pleskau und
zu Smolensko, Fürstin zu Esthland und Liefland, Carel
Jugorien, Permien, Wiatka, Bolgarien und mehr andern
Großfürstin zu Nowgorod des Niedrigen Landes, zu
Resan, Rostow, Jarosław, Beloserien, Udorien, Obdorien,
und der ganzen Nord-Seite, Gebieterin und Frau des
Landes, der Cartalinischen und Grusinischen Zaaren und
nischen Landes, der Tscherkaßischen und Gorischen Fürsten
andern Erb-Frau und Beherrscherin.

Da Uns der weite Umfang der Länder Unsers Reiches zur
so nehmen Wir unter andern wahr, daß keine geringe Zahl
noch unbebauet liege, die mit vortheilhafter Bequemlichkeit
rung und Bewohnung des menschlichen Geschlechtes nutzbar
gewendet werden, von welchen die meisten Länderenen in ihrem Schooß
schöpflichen Reichtum an allerley kostbaren Erzen und Metallen verborgen
weil selbige mit Holzungen, Flüssen, Seen und zur Handlung gelegenen
sam versehen, so sind sie auch ungemein bequem zur Beförderung und Be
lerley Manufacturen, Fabriken und zu verschiedenen andern Anlagen. D
Anlaß zur Ertheilung des Manifestes, so zum Ruhen aller Unserer getreue
den 4ten December des abgewichenen 1762sten Jahres publiciret wurde.
Wir in selbigem denen Ausländern, die Verlangen tragen würden sich in
häuslich niederzulassen, Unser Belieben nur summarisch angekündiget; so be
bessern Erörterung desselben folgende Verordnung, welche Wir hiemit aufs
Grunde legen, und in Erfüllung zu setzen gebieten, jedermänniglich kund zu

1.

Verstatten Wir allen Ausländern in Unser Reich zu kommen, um sich
vernehmens, wo es einem jeden gefällig, häuslich niederzulassen.

2.

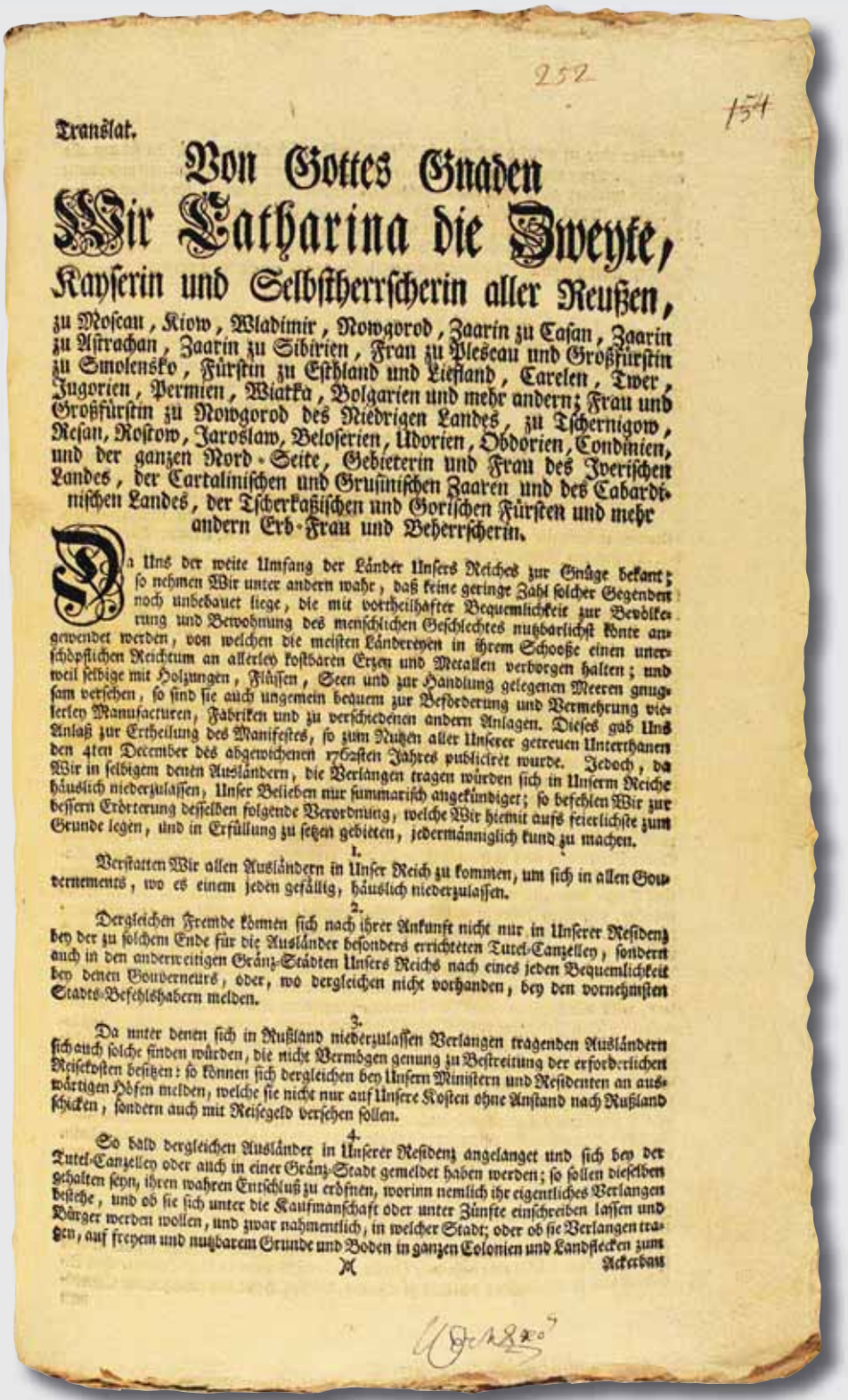
Dergleichen Fremde können sich nach ihrer Ankunft nicht nur in Un
bey der zu solchem Ende für die Ausländer besonders errichteten Tutel-Can
auch in den anderweitigen Gränz-Städten Unsers Reichs nach eines jeden
bey denen Gouverneurs, oder, wo dergleichen nicht vorhanden, bey der
Stadts-Befehlshabern melden.

3.

Da unter denen sich in Rußland niederzulassen Verlangen tragende
sich auch solche finden würden, die nicht Vermögen genung zu Bestreitung der
Reisekosten besitzen: so können sich dergleichen bey Unsern Ministern und Resid
wärtigen Höfen melden, welche sie nicht nur auf Unsere Kosten ohne Anstand
schicken, sondern auch mit Reisegeld versehen sollen.

4.

So bald dergleichen Ausländer in Unserer Residenz angelanget und
Tutel-Canselley oder auch in einer Gränz-Stadt gemeldet haben werden; so
gehalten seyn, ihren wahren Entschluß zu eröffnen, worinn nemlich ihr eigentli
bestehe, und ob sie sich unter die Kaufmanschaft oder unter Zünfte einschreib
Bürger werden wollen, und zwar nahmentlich, in welcher Stadt; oder ob sie
gen, auf freyem und nutzbarem Grunde und Boden in ganzen Colonien und La



252

154

Translat.

Von Gottes Gnaden
Wir Catharina die Zweyte,
Kayserin und Selbstherrscherin aller Reußen,

zu Moscau, Kiow, Wladimir, Nowgorod, Zaarin zu Casan, Zaarin zu Astrachan, Zaarin zu Sibirien, Frau zu Pleskau und Großfürstin zu Smolensko, Fürstin zu Esthland und Liefland, Carelen, Twer, Jugorien, Permien, Wiatka, Bolgarien und mehr andern; Frau und Großfürstin zu Nowgorod des Niedrigen Landes, zu Tschernigow, Resan, Rostow, Jaroslaw, Beloserien, Udorien, Obdorien, Condinien, und der ganzen Nord-Seite, Gebieterin und Frau des Iverischen Landes, der Cartalinischen und Grusinischen Zaaren und des Cabardinischen Landes, der Tscherkaßischen und Gorischen Fürsten und mehr andern Erb-Frau und Beherrscherin.

Da Uns der weite Umfang der Länder Unsers Reiches zur Gnüge bekant; so nehmen Wir unter andern wahr, daß keine geringe Zahl solcher Gegenden noch unbebauet liege, die mit vortheilhafter Bequemlichkeit zur Bevölkerung und Bewohnung des menschlichen Geschlechtes nutzbarlichst könte angewendet werden, von welchen die meisten Ländereyen in ihrem Schooße einen unerschöpflichen Reichtum an allerley kostbaren Erzen und Metallen verborgen halten; und weil selbige mit Holzungen, Flüssen, Seen und zur Handlung gelegenen Meeren genugsam versehen, so sind sie auch ungemein bequem zur Beförderung und Vermehrung vielerley Manufacturen, Fabriken und zu verschiedenen andern Anlagen. Dieses gab Uns Anlaß zur Ertheilung des Manifestes, so zum Nutzen aller Unserer getreuen Unterthanen den 4ten December des abgewichenen 1762sten Jahres publicirt wurde. Jedoch, da Wir in selbigem denen Ausländern, die Verlangen tragen würden sich in Unserm Reiche häuslich niederzulassen, Unser Belieben nur summarisch angekündiget; so befehlen Wir zur bessern Erörterung desselben folgende Verordnung, welche Wir hiemit aufs feierlichste zum Grunde legen, und in Erfüllung zu setzen gebieten, jedermänniglich kund zu machen.

1.

Verstatten Wir allen Ausländern in Unser Reich zu kommen, um sich in allen Gouvernements, wo es einem jeden gefällig, häuslich niederzulassen.

2.

Dergleichen Fremde können sich nach ihrer Ankunft nicht nur in Unserer Residenz bey der zu solchem Ende für die Ausländer besonders errichteten Tutel-Canzelley, sondern auch in den andererweitigen Gränz-Städten Unsers Reichs nach eines jeden Bequemlichkeit bey denen Gouverneurs, oder, wo dergleichen nicht vorhanden, bey den vornehmsten Stadts-Befehlshabern melden.

3.

Da unter denen sich in Rußland niederzulassen Verlangen tragenden Ausländern sich auch solche finden würden, die nicht Vermögen genung zu Bestreitung der erforderlichen Reisekosten besitzen: so können sich dergleichen bey Unsern Ministern und Residenten an auswärtigen Höfen melden, welche sie nicht nur auf Unsere Kosten ohne Anstand nach Rußland schicken, sondern auch mit Reisegeld versehen sollen.

4.

So bald dergleichen Ausländer in Unserer Residenz angelanget und sich bey der Tutel-Canzelley oder auch in einer Gränz-Stadt gemeldet haben werden; so sollen dieselben gehalten seyn, ihren wahren Entschluß zu eröfnen, worinn nemlich ihr eigentliches Verlangen bestehe, und ob sie sich unter die Kaufmanschaft oder unter Zünfte einschreiben lassen und Bürger werden wollen, und zwar nahmentlich, in welcher Stadt; oder ob sie Verlangen tragen, auf freyem und nutzbarem Grunde und Boden in ganzen Colonien und Landflecken zum

A

Ackerbau

***(1)* Manifest „Über die Erlaubnis für alle Ausländer, die nach Russland einwandern, sich in jeweils dem Gouvernement niederzulassen, das ihrer Wahl entspricht und über die ihnen gewährten Rechte", erlassen am 22. Juli 1763.**

Aus den Beständen des RGADA

Das Gesetz legte den Grundstein für eine massive Einwanderung ausländischer Kolonisten nach Russland. Im Jahre 1764 begann die Besiedlung des Wolgagebietes. Im Jahre 1765 wurde die Erlaubnis gegeben, sich bei Petersburg anzusiedeln.

Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» от 22 июля 1763 г.

Из фондов РГАДА

Закон положил начало массовому переселению иностранных колонистов в Россию. В 1764 г. началось заселение Поволжья, в 1765 г. было разрешено селиться под Петербургом.

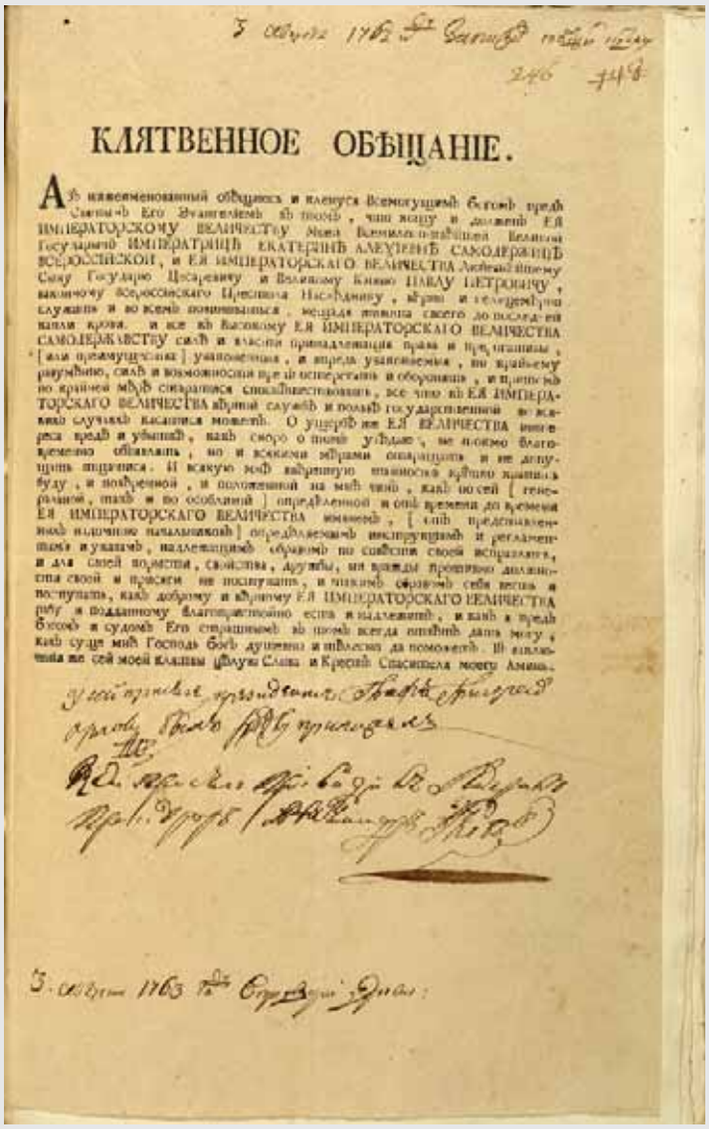
1/

(2) Katharina II., russische Kaiserin (1762–1796), geborene Sophie Auguste Frederike von Anhalt-Zerbst.
Maler: Vigilius Eriksen, 1762

Екатерина II, российская императрица (1762–1796), урожденная София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская.
Худ. Вигилиус Эриксен, 1762 г.

(3) Graf G. G. Orlow (1734–1783).
Maler: F. S. Rokotow, 1762–1763
Präsident (1763–1775) der Vormundschaftskanzelei für Ausländer, gegründet am 22. Juli 1763, zur Organisation und Regulierung des Lebens der Kolonisten.

Граф Г.Г. Орлов (1734–1783).
Худ. Ф.С. Рокотов. 1762–1763 гг.
Президент (1763–1775) Канцелярии опекунства иностранных, созданной 22 июля 1763 г. для обустройства и регулирования жизни колонистов.



КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

(4) Eidversprechen. 3. August 1763.
Aus den Beständen des RGADA
Der Text des Eides der Siedler, dem russischen Thron die Treue zu halten, verfasst von G. G. Orlow.

Клятвенное обещание. 3 августа 1763 г. *Из фондов РГАДА*
Текст присяги колонистов на верность российскому трону разработан Г.Г. Орловым.

***(5)* Das Haus von A. I. Tscherkassow (Moikaufer 12).** *Zeitgenössisches Foto*

In diesem Gebäude befand sich die Kanzlei für Immigrations- und Siedlungsfragen, hier wurden die ersten in Russland angekommenen Siedler untergebracht.

Дом А.И. Черкасова (наб. Мойки, 12).
Современное фото

В этом здании находилась Канцелярия опекунства иностранных, размещались первые прибывшие в Россию поселенцы.

Ораніенбаумъ. Петровскій дворецъ.

***(6)* Peterstadt in Oranienbaum.**
Postkarte aus dem Jahre 1905

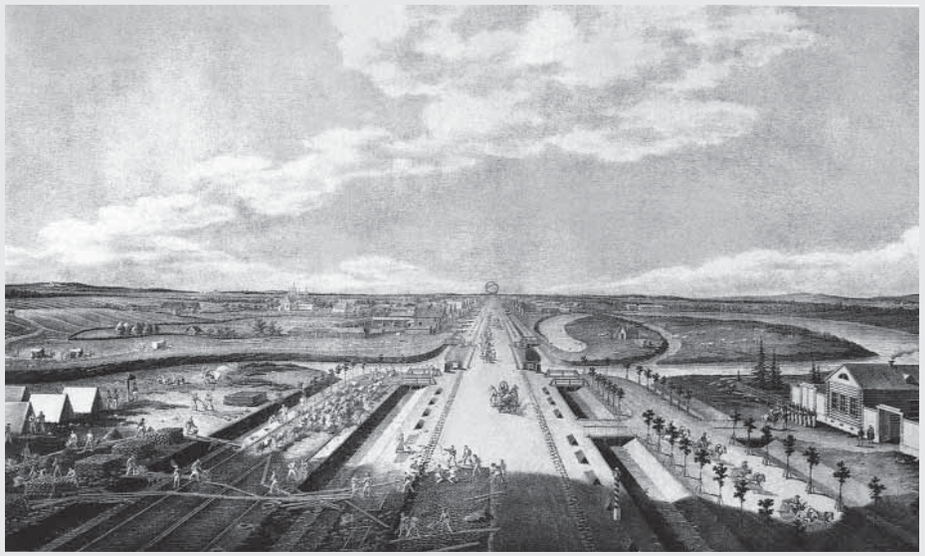
Peterstadt, ehemalige „Modell- und Übungsfestung“ Peters III. In den Baracken der Holsteiner Soldaten wurden Siedler untergebracht, in der Festungskirche schworen die lutherischen Siedler ihre Treue dem russischen Thron.

Петровский дворец в Ораниенбауме.
Открытка, 1905 г.

Петерштадт, бывшая «потешная крепость» Петра III. В деревянных бараках солдат-голштинцев размещали колонистов, в крепостной кирхе переселенцы-лютеране присягали на верность российскому престолу.

***(7)* Deutsche Kolonisten beim Abladen der Waren von den Wagen auf dem Markt von Sankt Petersburg.** *Zeichnung nach der Natur von Christian Geißler. Aus dem Buch „Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg“*

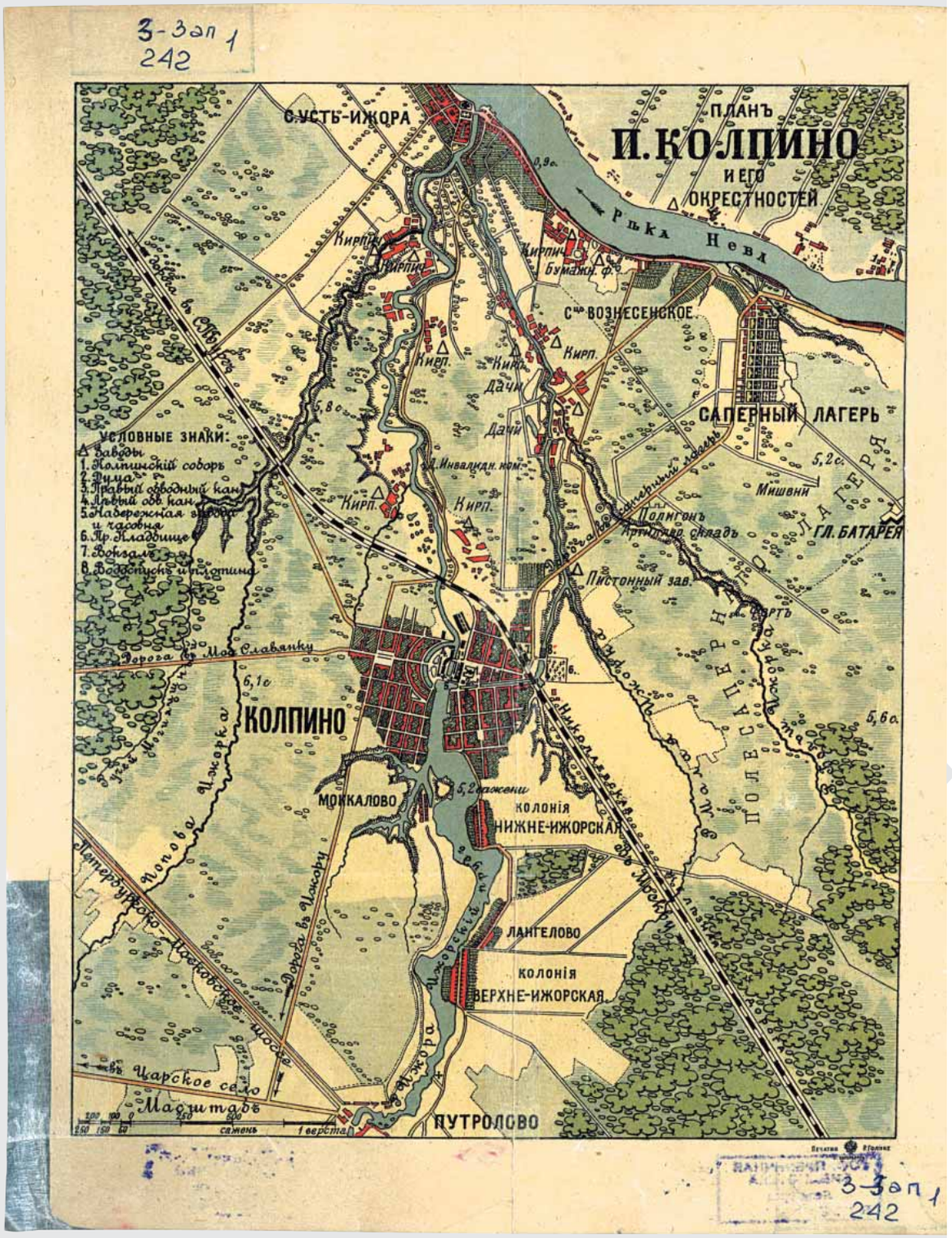
Немецкие колонисты на базаре Санкт-Петербурга, отгружающие товар с телеги. *Рисунок с натуры Кристиана Гейслера. Из книги «Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg»*



***(8)* Ansicht der Moskauer Chaussee.** Lithographie, 1822. *Aus dem Buch „Sankt-Peterburgskaja gubernija“*

Die Moskauer Chaussee nahm ihren Anfang hinter dem heutigen Moskauer Tor, sie führte nach Moskau und zum Zarendorf (Zarskoje Selo). Vom Wachtposten „Mittlere Rogatka“ (Srednaja Rogatka) an lag zu beiden Seiten der Straße die Kolonie von Srednaja Rogatka.

Вид Московского шоссе.
Литография, 1822 г.
Из книги «Санкт-Петербургская губерния»
Московское шоссе начиналось за современными Московскими воротами, вело в Москву и Царское Село. От караульни Средняя Рогатка по обеим сторонам дороги располагалась Среднерогатская колония.



***(9)* Plan der Siedlung Kolpino und deren Umgebung. Beginn des XX. Jh.**

Aus den Beständen der RNB

Am Flüßchen Ischora waren zwei Siedlungen, eine Obere und eine Untere Kolonie, angelegt, die den gemeinsamen Namen Kolonie von Ischora (Kolpino) trugen.

План поселения Колпино и его окрестностей. Начало XX в.

Из фондов РНБ

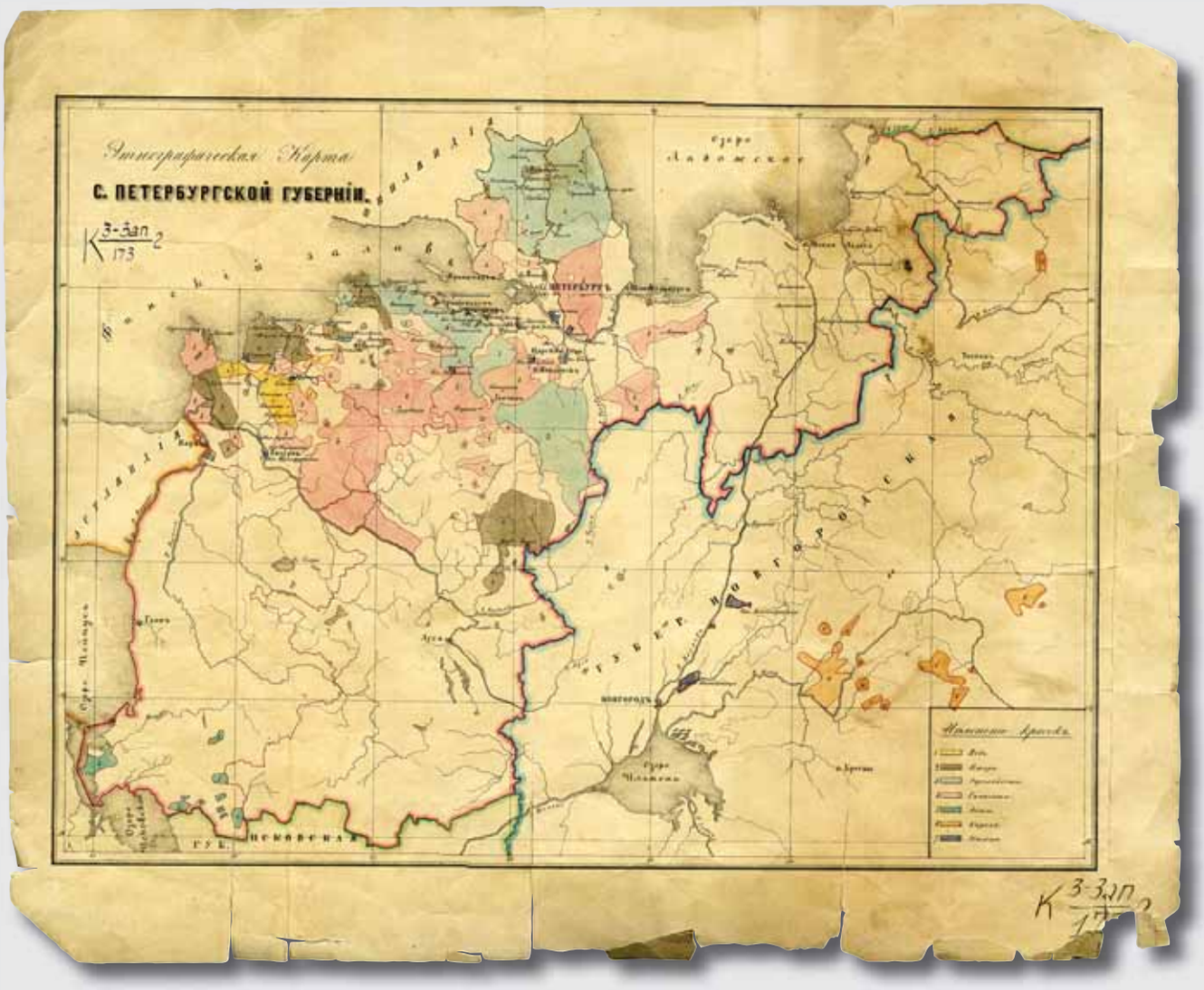
На реке Ижора были основаны два поселения (Верхняя и Нижняя колония) под общим названием Ижорская (Колпинская) колония.

***(10)* Das Haus der Familie Bühler in Neu-Saratowka, erbaut im Jahre 1766. 1925–1929.** *Foto von E. Koch. Aus den Beständen des Bundesarchivs (Deutschland). Bild 137-024558*

Die Wohngebäude der Siedler wurden unter der Leitung des Architekten A. I. Melnikow und des Ingenieurs I. F. von Lilienthal errichtet. Jede Familie erhielt ein zweistöckiges Holzhaus mit Steinfundament, dessen Grundfläche 240 m^2 betrug. Im Augenblick der Aufnahme war es das älteste jener Häuser, die noch auf Erlaß Katharinas II. errichtet worden waren. Im Tor kann man den Namen des Besitzers "Bühler" lesen.

Дом семьи Биллер в Новосаратовке, построен в 1766 г. 1925–1929 гг. *Фотограф Э. Кох. Из фондов Бундесархива (Германия). Фото 137-024558*

Дома колонистов строились под руководством архитектора А. И. Мельникова и инженера И. Ф. фон Лилиенталя. Каждой семье был предоставлен двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте общей площадью 240 кв. м. На момент съемки он был самым старым из числа домов, выстроенных еще по приказу Екатерины II. На воротах читается фамилия владельца – Биллер.



***(11)* Ethnografische Karte des Gouvernements Sankt Petersburg. Zweite Hälfte des XIX. Jahrhunderts [?]** *Aus den Beständen der RNB*

In dunkelblauer Farbe sind die deutschen Siedlungen in den Gouvernements von Petersburg und Nowgorod gekennzeichnet. In den ersten Kolonien bei Petersburg siedelten 110 Familien, im Jahre 1851 lebten im Gouvernement von Petersburg 3511 deutsche Siedler.

Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии. Вторая половина XIX в. [?] *Из фондов РНБ*

Темно-синим цветом отмечены немецкие колонии в Петербургской и Новгородской губерниях. В первых колониях под Петербургом поселилось 110 семей, а в 1851 г. в Петербургской губернии проживало 3511 немцев-колонистов.

2/ GRUNDUNG VON SIEDLUNGEN ZU BEGINN DES XIX. JAHRHUNDERTS IM KÜSTENGEBIET DES FINNISCHEN MEERBUSENS

ОСНОВАНИЕ КОЛОНИЙ В НАЧАЛЕ XIX В. НА ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Durch einen Erlaß vom 20. Februar 1804 „Über die Regeln zur Aufnahme und Eingliederung ausländischer Siedler" nahm Alexander I. erneut Siedler aus dem Ausland auf. In den Jahren 1809 bis 1811 entstanden im Küstengebiet des Finnischen Meerbusens „Küstensiedlungen", gegründet von den aus dem preußischen Bezirk Inowlaz eingetroffenen Ankömmlingen aus unterschiedlichen deutschen Staaten (Württemberg, Baden-Durlach, Niederelsaß, Preußen). Kleinere Siedlungen befanden sich auch an der Paradestraße nach Peterhof, in der Nähe der kaiserlichen und großfürstlichen Residenzen. Die größte in dieser Gruppe war die Siedlung Strelna.

Александр I возобновил прием иностранных переселенцев указом от 20 февраля 1804 г. «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов». В 1809–1811 годах на побережье Финского залива появились «приморские колонии», основанные прибывшими с территории Пруссии, из района Иновлаца, выходцами из разных германских государств (Вюртемберга, Баден-Дурлаха, Нижнего Эльзаса, Пруссии). Небольшие поселения располагались упарадной Петергофской дороги, вблизи императорских и великокняжеских резиденций. Крупнейшей в этой группе была Стрельнинская колония.

***(12)* Alexander I., russischer Kaiser (1801–1825),**
Maler: George Dawe, 1820er Jahre

Александр I, российский император (1801–1825). *Худ. Джордж Доу. 1820-е годы*

***(13)* Kankrin Egor Franzewitsch (1774–1845)**,
Staatsmann, General der Infanterie, russischer Finanzminister (1823–1845), Inspektor der Petersburger Siedlungen (1809–1810)

In seinem Amt als Inspektor der Petersburger Kolonien oblag ihm die Aufgabe, die Kolonisten bei ihrer Ankunft im Jahre 1809 zu versorgen und ihnen Unterkunft zu verschaffen.

Канкрин Егор Францевич (1774–1845),
государственный деятель, генерал от инфантерии, министр финансов России (1823–1845), инспектор петербургских колоний (1809–1810)

В качестве инспектора петербургских колоний занимался обустройством и размещением колонистов, прибывших в 1809 г.

(14) Treueschwur auf den russischen Thron, unterzeichnet am 4. August 1809 von den katholischen Siedlern.
Aus den Beständen des RGIA

Присяга на верность российскому престолу, подписанная 4 августа 1809 г. колонистами-католиками.
Из фондов РГИА

(15) Kirche der heiligen Katharina am Newski-Prospekt. 1830er Jahre
Eingeweiht am 7. Oktober 1783. Im Jahre 1809 leisteten die in Russland angekommenen deutschen katholischen Siedler in dieser Kirche den Treueeid.

Костел св. Екатерины на Невском проспекте. 1830-е годы
Освящен 7 октября 1783 г. В 1809 г. в костеле давали присягу прибывшие в Россию немцы-католики.

***(16)* Karte des Küstengebietes des Finnischen Meerbusens. 1868.**

Aus den Beständen der RNB

In den ersten Jahrzehnten des XIX. Jh. entstanden im Küstengebiet des Finnischen Meerbusens die Kolonien Strelna, Kipen, Oranienbaum, Peterhof, Kronstadt, Etjup und Friedenthal.

Карта побережья Финского залива. 1868 г.

Из фондов РНБ

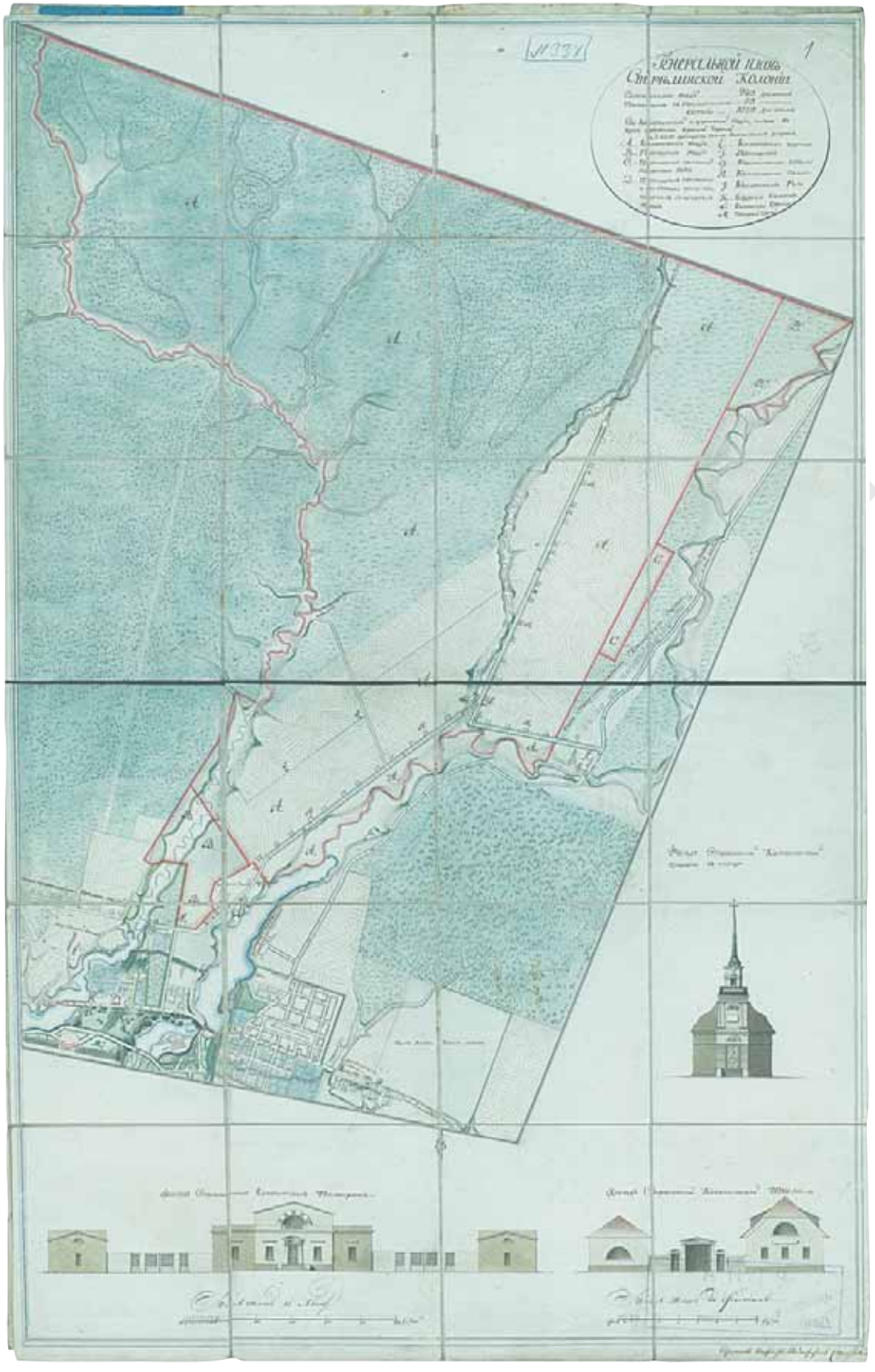
В первые десятилетия XIX в. на побережье Финского залива возникли колонии: Стрельнинская, Кипенская, Ораниенбаумская, Петергофская, Кронштадская, Этюп, Фридентальская.

***(17)* „Topographische Karte der Umgebung von Sankt Petersburg, korrigiert im Jahre 1817 und gestochen im Depot für Kriegstopographie des Generalstabs Seiner Majestät".**
Aus den Beständen der BRAW

Auf der Karte ist die in der Nähe der Strelnaer Residenz des Großfürsten Konstantin gelegene Kolonie Strelna eingezeichnet. Zur Zeit der Gründung der Kolonie waren in ihr acht Familien untergebracht, im Jahre 1812 wurden noch weitere 20 Familien hinzugesiedelt.

«Топографическая карта окружности Санктпетербурга исправленная 1817 года и гравированная в Военно-топографическом депо при Главном штабе его императорского величества».
Из фондов БАН

На карте обозначена Стрельнинская колония, расположенная вблизи резиденции великого князя Константина Павловича в Стрельне. При основании колонии в ней разместили восемь семей, в 1812 г. подселили еще 20 семей.

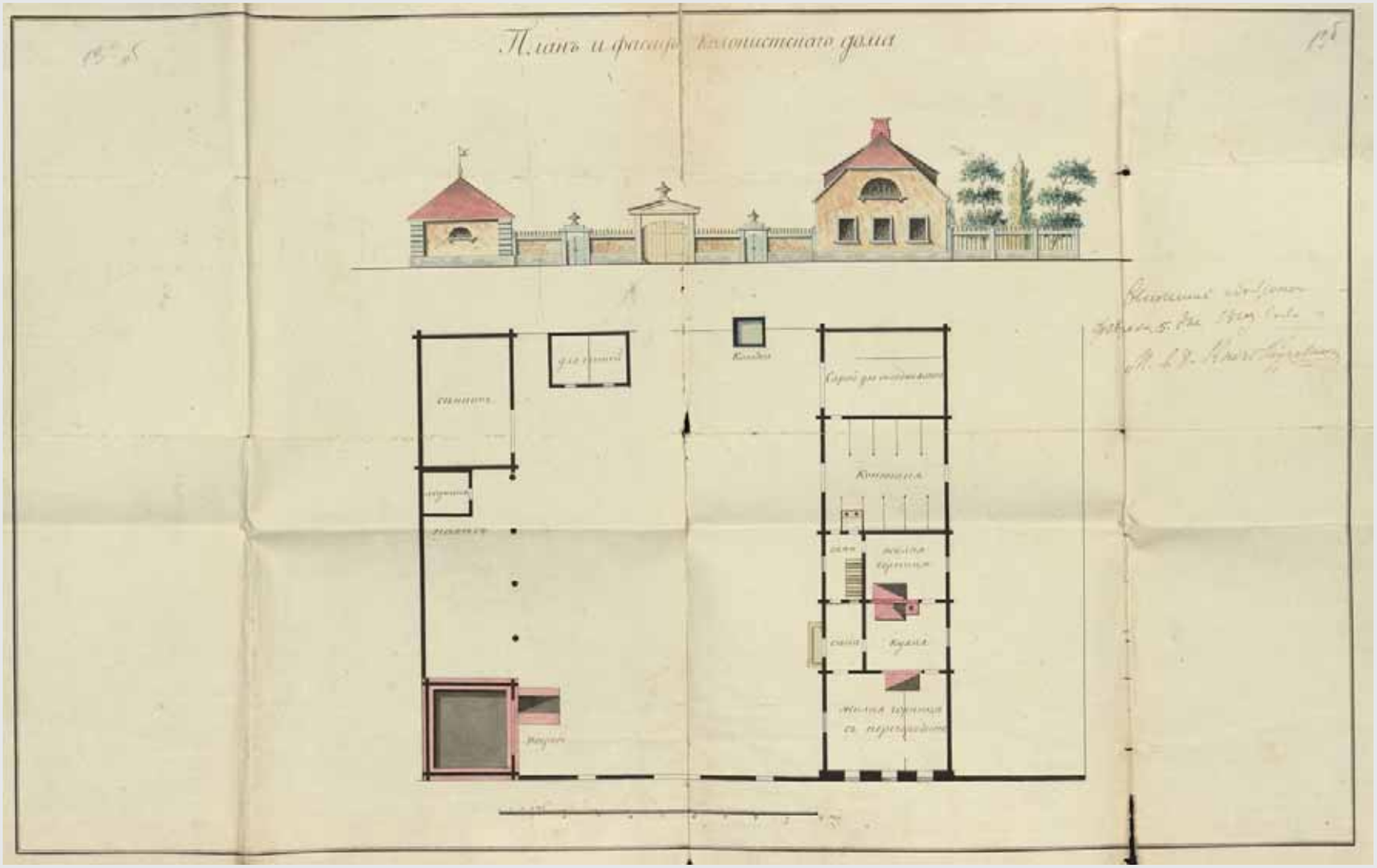


***(18)* Generalplan der Kolonie Strelna.** Gezeichnet vom Militäringenieur Sokolowski. 1810er Jahre.
Aus den Beständen des RGIA

Die Grenzen des für die Kolonie ausersehenen Landstücks sind in roter Farbe gekennzeichnet. Auf dem Plan:
A – Landteile der Kolonisten,
B – Landteile des Pastors,
C – Ackerland der Kirchengemeinde,
D – der Kirchendiener und kleiner Teil der Heuschläge des Pastors, E – Kirche,
F – Pastorshaus, G – Schulgebäude,
H – Kolonistenhäuser, J – Dreschscheunen der Kolonisten, K – Brunnen, L – Schmiede,
M – Feuerwehrscheune.

Генеральный план Стрельнинской колонии. Чертил инженер-поручик Соколовский. 1810-е годы.
Из фондов РГИА

Границы выделенной для колонии земли отмечены красным цветом. На плане:
А – земли колонистов; В – пасторские угодья; С – пахотные угодья церковного причта; Д – церковных причетников и небольшая часть пасторских сенокосных угодий; Е – церковь; F – пасторат;
G – школа; Н – дома колонистов; J – риги колонистов; К – колодцы; L – кузница;
М – пожарный сарай.



***(19)* Plan und Fassade eines typischen Kolonistenhauses und einer Villa im Gouvernement von Sankt Petersburg (1809).**

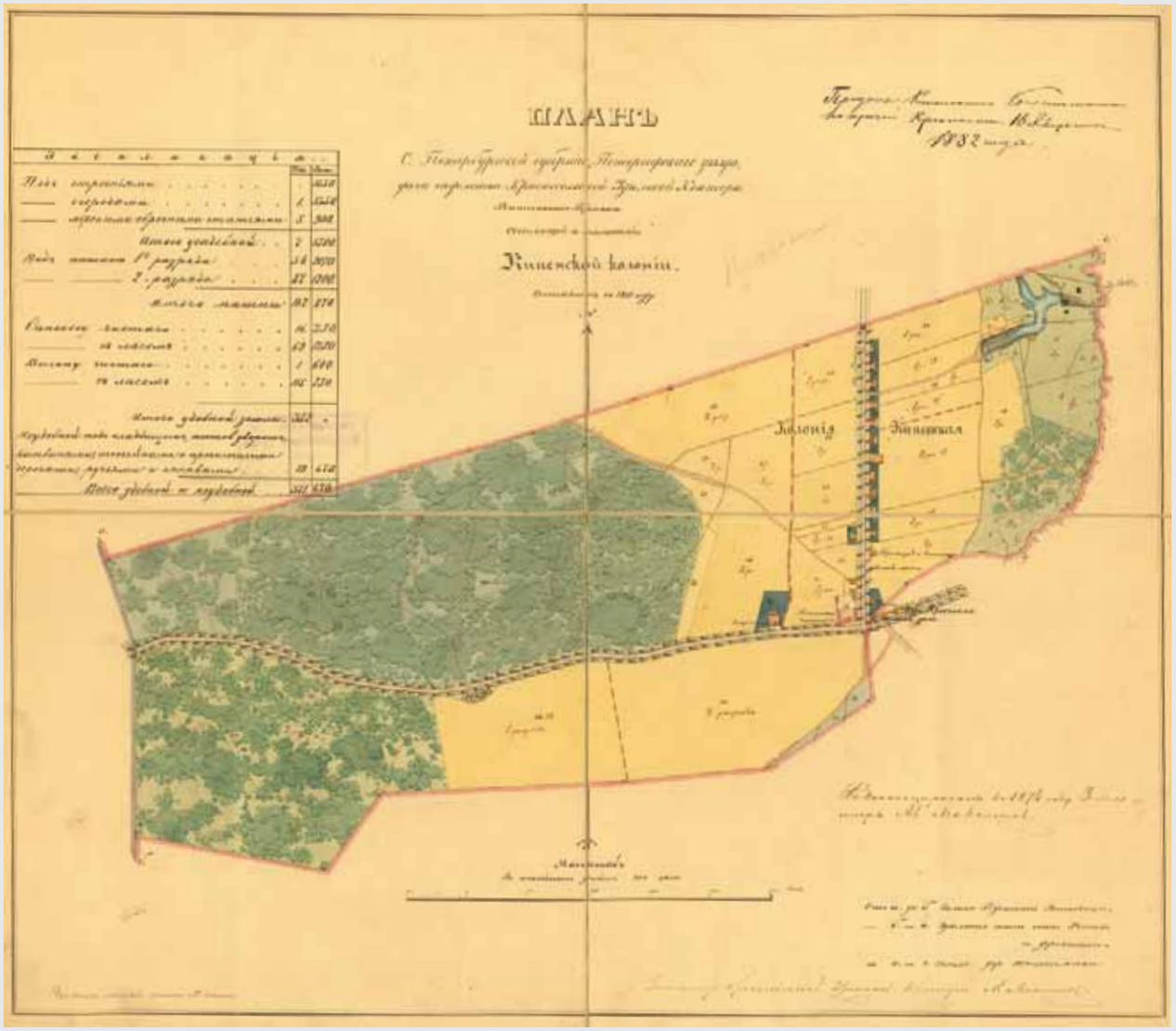
Aus den Beständen des RGIA

Die Häuser der Kolonisten wurden errichtet nach einem vermutlich von A. N. Woronichin ausgearbeiteten Plan. Auf dem Plan: 1 – Heuschober, 2 – Kühlhaus, 3 – Keller, 4 – Schweinestall, 5 – Brunnen, 6 – Brotschuppen, 7 – Pferdestall, 8 – Wohnraum, 9 – Küche, 10 – Wohnraum mit Trennwand. Die Baukosten für die Errichtung eines solchen Hauses betrugen 4500 Rubel.

План и фасад типового колонистского дома и усадьбы в Санкт-Петербургской губернии (1809).

Из фондов РГИА

Дома колонистов были возведены по проекту, разработанному, предположительно, А. Н. Воронихиным. На плане: 1 – сенник; 2 – ледник; 3 – погреб; 4 – сарай для свиней; 5 – колодец; 6 – сарай для хранения хлеба; 7 – конюшня; 8 – жилая горница; 9 – кухня; 10 – жилая горница с перегородкой. Смета подобного дома составляла 4500 рублей.



***(20)* Plan der Kolonie Kipen im Bezirk Peterhof.**
Gegründet im Jahre 1861.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

Die Kolonie stand bei einer Poststation an der Kreuzung der Straßen nach Narva, Ropscha und Krasnoje Selo. Sie war im Jahre 1811, nach der Umstrukturierung einer unglücklich organisierten Kolonie im Landstück von Iswar im Zarskoselsker Bezirk gegründet.

План Кипенской колонии Петергофского уезда.
Составлен в 1861 г.
Из фондов ЦГИА СПб

Колония стояла у почтовой станции на пересечении дорог в Нарву, Ропшу и Красное Село. Основана в 1811 г. после расформирования неудачно организованной колонии в Изварском обрезе Царскосельского уезда.

2/

(21) Umgebung von Petersburg mit Blick auf Kronstadt.
Erste Hälfte des XIX. Jh.
Maler: E. I. Esakow
Auf der rechten Seite sind die Kolonie Kronstadt und das Dorf Roschtschino zu sehen. Zur Zeit der Gründung der Kolonie siedelten sechs Familien hinzu.

Окрестности Петербурга с видом на Кронштадт.
Первая четверть XIX в.
Худ. Е. И. Есаков
Справа виднеется Кронштадтская колония и Рощинское. При основании колонии в ней поселили шесть семей.

(22) Park von Pawlowsk. Tor von Alt-Konstantinow.
Postkarte. Beginn des XIX. Jh.
Das Tor stand in der Paradeauffahrt, die zum Schloss von Pawlowsk führte. Es wurde auch Etjuper Tor bzw. Ischorsker Tor genannt. An dieser Stelle grenzte an den Park von Pawlowsk die Kolonie Etjup. Heute existiert dieses Tor nicht mehr.

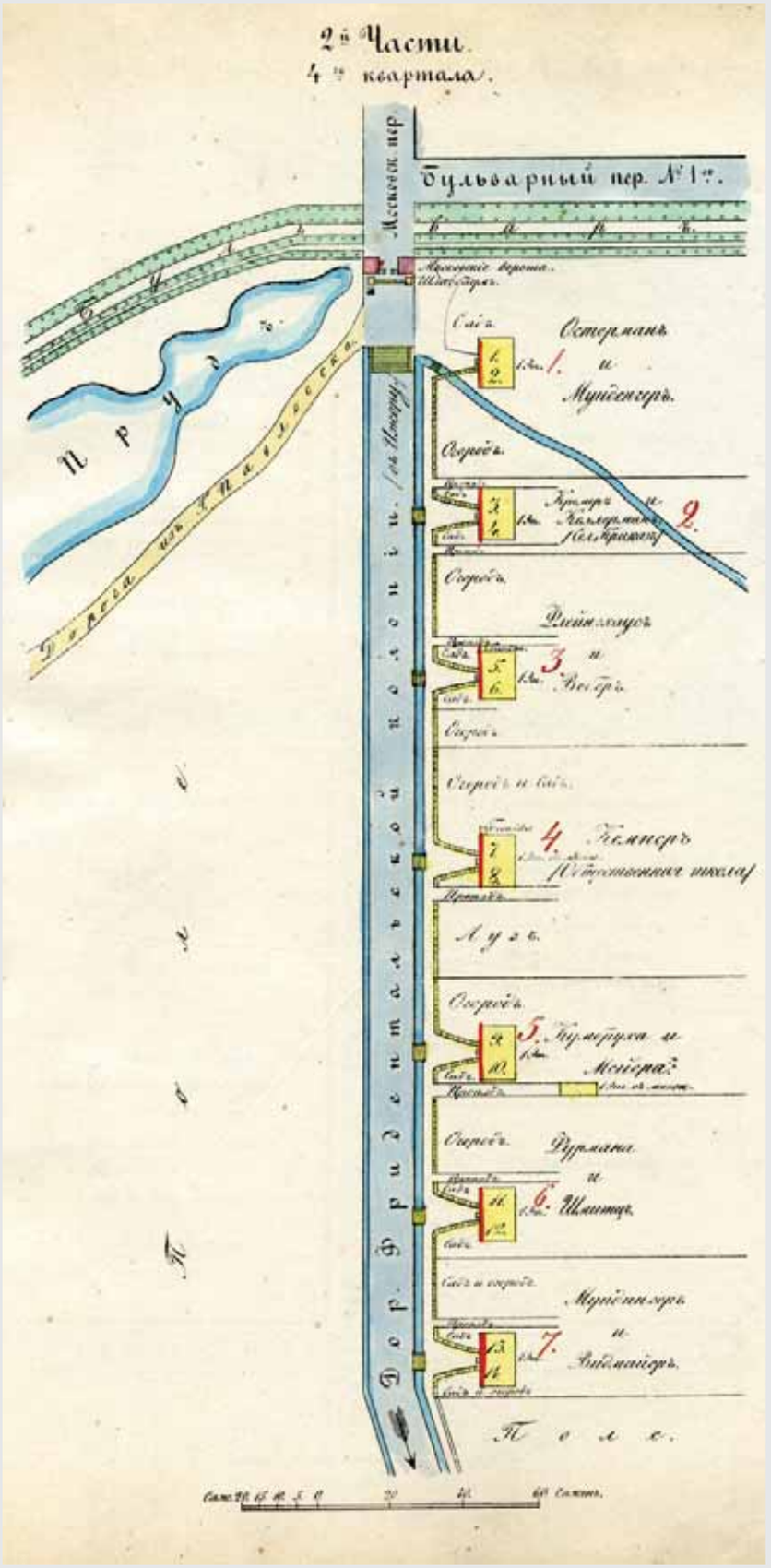
Павловский парк. Старо-Константиновские ворота.
Почтовая открытка. Начало XX в.
Ворота стояли на парадном подъезде к Павловскому дворцу, назывались также Этюпскими или Ижорскими. В этом месте к парку прилегала колония Этюп. В настоящее время ворота утрачены.

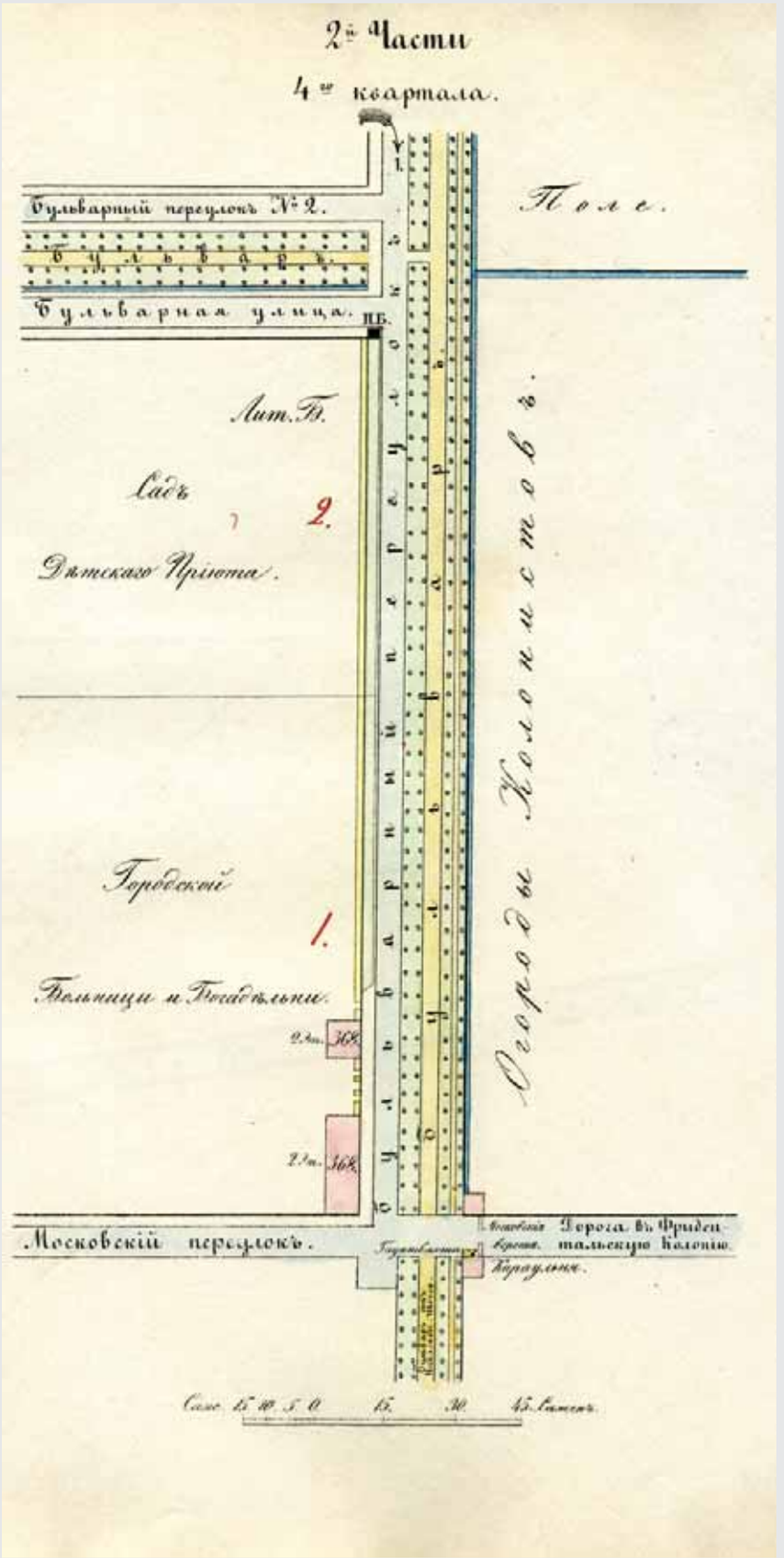
(23) Tor und Straße nach Etjup.
Holzstich. A. P. Ostroumowa-Lebedewa.
Aus dem Album „Pejzaži Pavlovska"
Die Kolonie Etjup wurde auf Geheiß der Großfürstin Maria Fjodorowna von Siedlern aus Württemberg „in der Anzahl von sechs Familien" gegründet. Am 4. September 1919 wurde die Kolonie in Bebelsiedlung umbenannt.

Ворота и дорога в Этюп.
Гравюра на дереве. А. П. Остроумова-Лебедева.
Из альбома «Пейзажи Павловска»
Колония Этюп основана по повелению великой княгини Марии Федоровны выходцами из Вюртемберга «в числе 6 семейств». 4 сентября 1919 г. переименована в колонию Бебеля.

***(24)* Skizzen von Wohnhäusern der Petersburger Kolonisten.**
Leihgabe von W. W. Snamenow

Эскизы домов петергофских колонистов.
Предоставил В. В. Знаменов


2й Части.
4го квартала.
Московск. пер.
Бульварный пер. № 1го.
Бульваръ
Московскіе ворота.
Шлагбаумъ.
Прудъ
Дорога изъ Павловска
Садъ.
Остерманъ
и
Мунденгеръ.
Огородъ.
Кремеръ и Келлерманъ
(Сел. Крикаеръ)
Огородъ.
Флейнгаусъ
и
Веберъ.
Огородъ.
Огородъ и Садъ.
Кемперъ
(Общественная школа)
Лугъ.
Огородъ.
Кумбруха и
Мейера.
Огородъ.
Дурмана
и
Шмитцъ.
Садъ и огородъ.
Мундингеръ
и
Видмайеръ.
Поле.
Дор. Фридентальской колоніи. (въ Ижоры)
Поле
Саж. 20. 15. 10. 5. 0. 20. 40. 60 Саженъ.


2й Части
4го квартала.
Бульварный переулокъ № 2.
Бульваръ
Бульварная улица.
Поле.
Лит. Б.
Садъ
Дѣтскаго Пріюта.
Городской
Больницы и Богадѣльни.
Бульварный переулокъ
Бульваръ
Огороды Колонистовъ.
Московскій переулокъ.
Дорога въ Фридентальскую Колонію.
Караульня.
Саж. 15. 10. 5. 0. 15. 30. 45. Саженъ.

***(25)* Kolonie Friedenthal.**

Aus dem „Atlas goroda Zarskogo Sela"

Die Handwerkerkolonie Friedenthal befand sich in Zarskoje Selo hinter dem Moskauer Tor, auf der linken Seite der Straße nach Ischora. Sie bestand aus sieben Häusern. Auf dem Grundstück Nr. 2, das Kremer und Kellermann gehörte, befand sich die Ortsbehörde.

Колония Фриденталь.

Из «Атласа города Царского Села»

Ремесленная колония Фриденталь находилась в Царском Селе за Московскими воротами, по левую сторону дороги в Ижору, состояла из семи домов. На участке № 2, принадлежавшем Кремеру и Келлерману, находился сельский приказ.

***(26)* Das Haus von Kemper**, Stadt Puschkin, Moskauer Chaussee 16

Dieses Haus gehörte Abram Kemper, dem Abgeordneten der Weber des Herzogtums von Berg. Diese hatten die Kolonie Friedenthal am Rande von Zarskoje Selo gegründet. In diesem Hause lebte die Familie Kemper, hier waren auch die Schule und ein Geschäft für die Siedler untergebracht.

Дом Кемпера. г. Пушкин, Московское шоссе, 16

Принадлежал Абраму Кемперу, депутату ткачей Бергского герцогства, основавших колонию Фриденталь на окраине Царского Села. В доме проживала семья Кемпера, размещались школа и магазин колонистов.

3/ BILDUNG VON TOCHTERKOLONIEN IM XIX. – ANFANG DES XX. JAHRHUNDERTS

ОБРАЗОВАНИЕ ДОЧЕРНИХ КОЛОНИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

In Verbindung mit dem Anwachsen der Bevölkerung und dem Mangel an Boden in den alten Kolonien zum Ende der 1820er Jahre begann eine aktive Aussiedlung der Kolonisten in angekaufte oder gepachtete Landgebiete. Am Anfang des XX. Jahrhunderts waren rund zwanzig Tochterkolonien und eigenständige Gehöfte gegründet worden.

В связи с ростом населения и нехваткой земли в старых колониях с конца 1820-х годов началось активное расселение колонистов на купленных или арендуемых землях. К началу XX в. было основано около двадцати дочерних колоний и отдельных хуторов.

***(27)* Gouvernement von Sankt Petersburg mit der Beschreibung klimatischer und demografischer Besonderheiten.**
Ansichtskarte. 1856

Санкт-Петербургская губерния с описанием климатических и демографических особенностей.
Открытка. 1856 г.

***(28)* Gouvernement von Nowgorod.**
Ansichtskarte. 1856
Die Beschreibung des Gouvernements enthält die Erwähnung von deutschen Siedlern unter den das Gouvernement besiedelnden Volksgruppen.

Новгородская губерния.
Открытка. 1856 г.
Описание губернии включает упоминание немцев-колонистов среди населяющих губернию народов.

***(29)* Plan von Peterhof mit der Benennung der Häuser der Kolonie von Alexandrinskaja. 1868.**

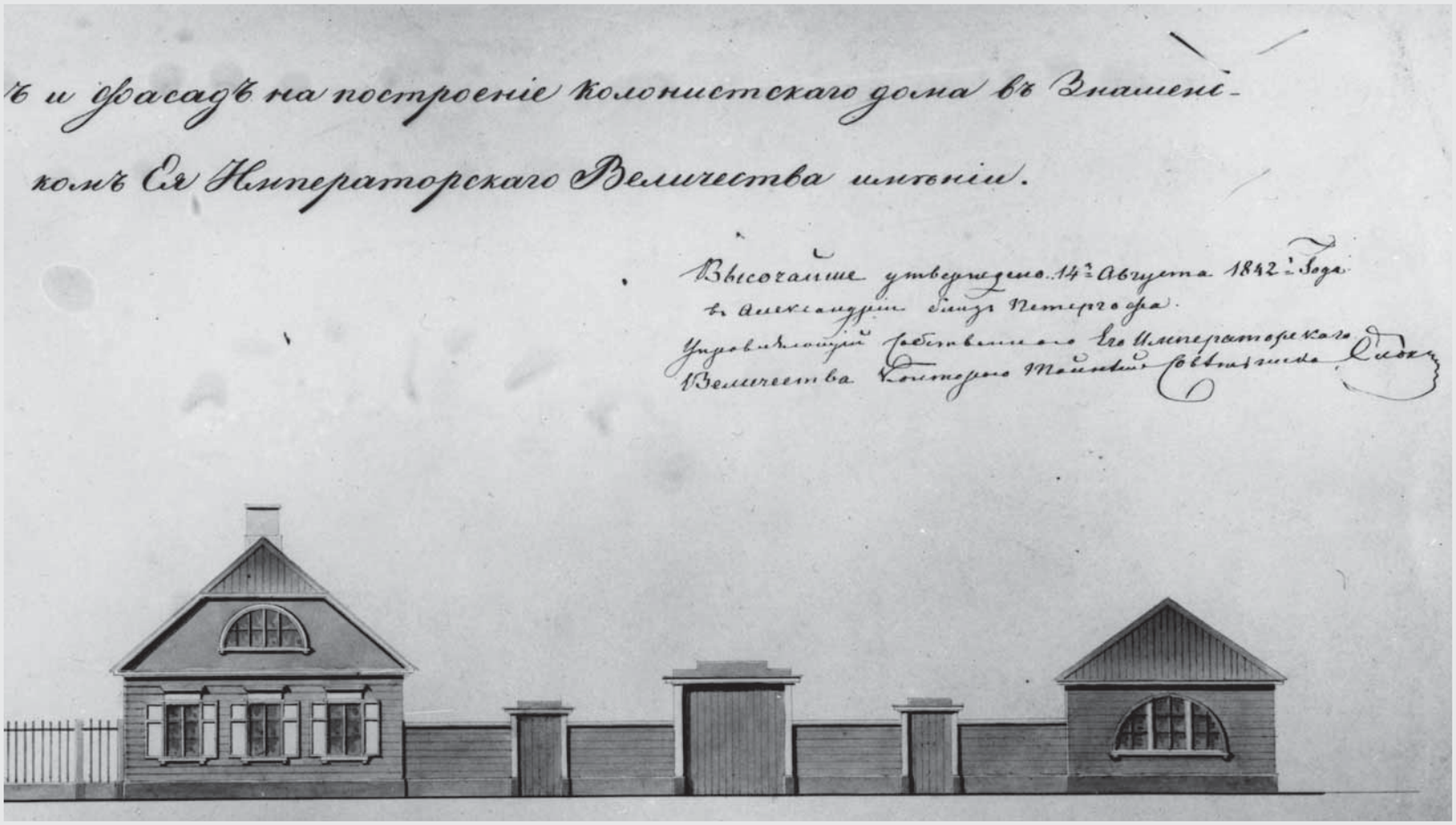
Aus den Beständen der RNB

Im Jahre 1833 wurde auf Ersuchen der Familie Nikolaus I. in der Nähe von Peterhof eine Kolonie gegründet und benannt zu Ehren der Zarin Alexandra Fjodorowna benannt. Sechs Häuser befanden sich südlich des Kolonistenparks, zwei Häuser beim Westteich. Der kleinere Teil der Kolonie wurde manchmal auch Alexandrowka benannt.

План Петергофа с обозначением домов Александринской колонии. 1868 г.

Из фондов РНБ

В 1833 г. по желанию семьи Николая I близ Петергофа основана колония и названа в честь императрицы Александры Федоровны. Шесть домов располагались южнее Колонистского парка, два дома – у Запасного пруда. Меньшую часть иногда называли Александровка.



***(30)* Fassade eines Kolonistenhauses in Snamenka.**

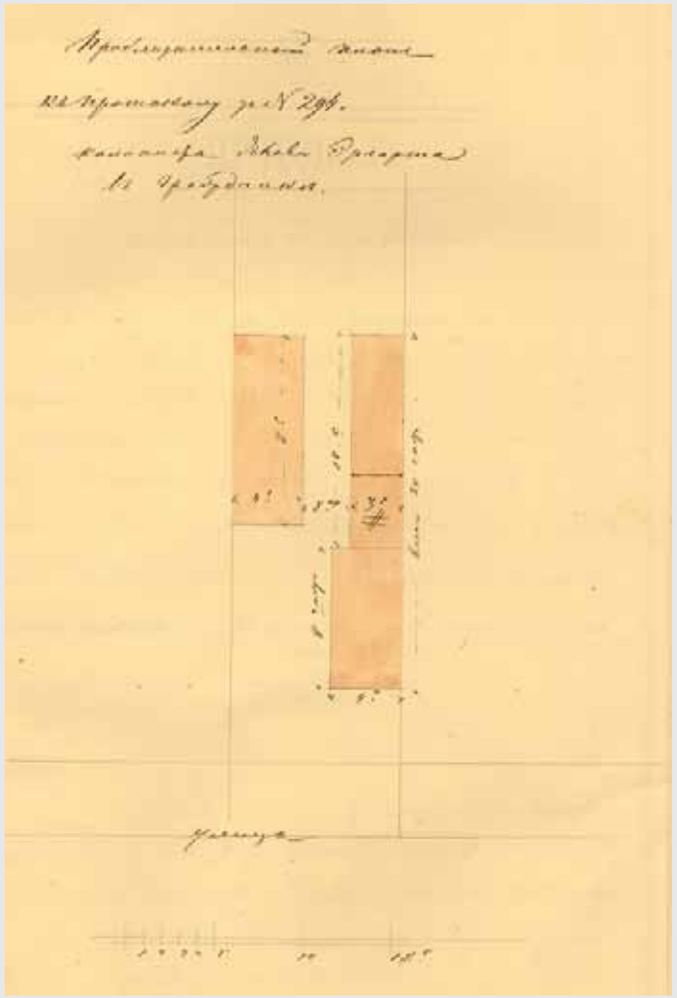
Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb

Die Kolonie Snamenka wurde 1842 auf Ersuchen der Zarin Alexandra Fjodorowna auf ihren Gütern bei der Straße nach Ropscha gegründet, sechs Werst von Peterhof entfernt.

Фасад колонистского дома в Знаменке.

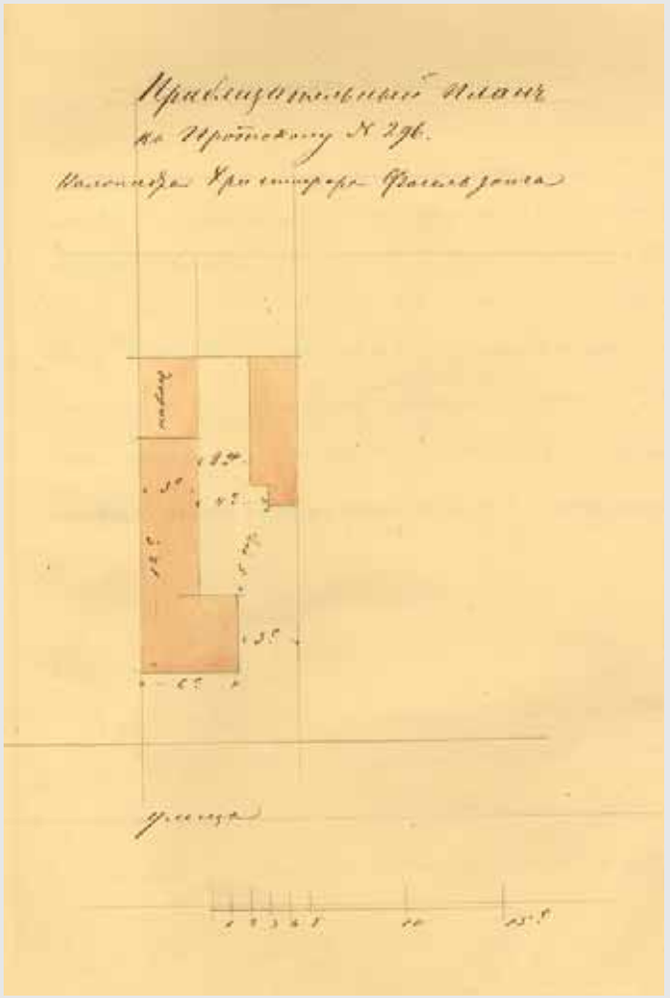
Из фондов ЦГАКФФД СПб

Знаменская колония основана в 1842 г. по желанию императрицы Александры Федоровны в ее имении у дороги на Ропшу, в шести верстах от Петергофа.



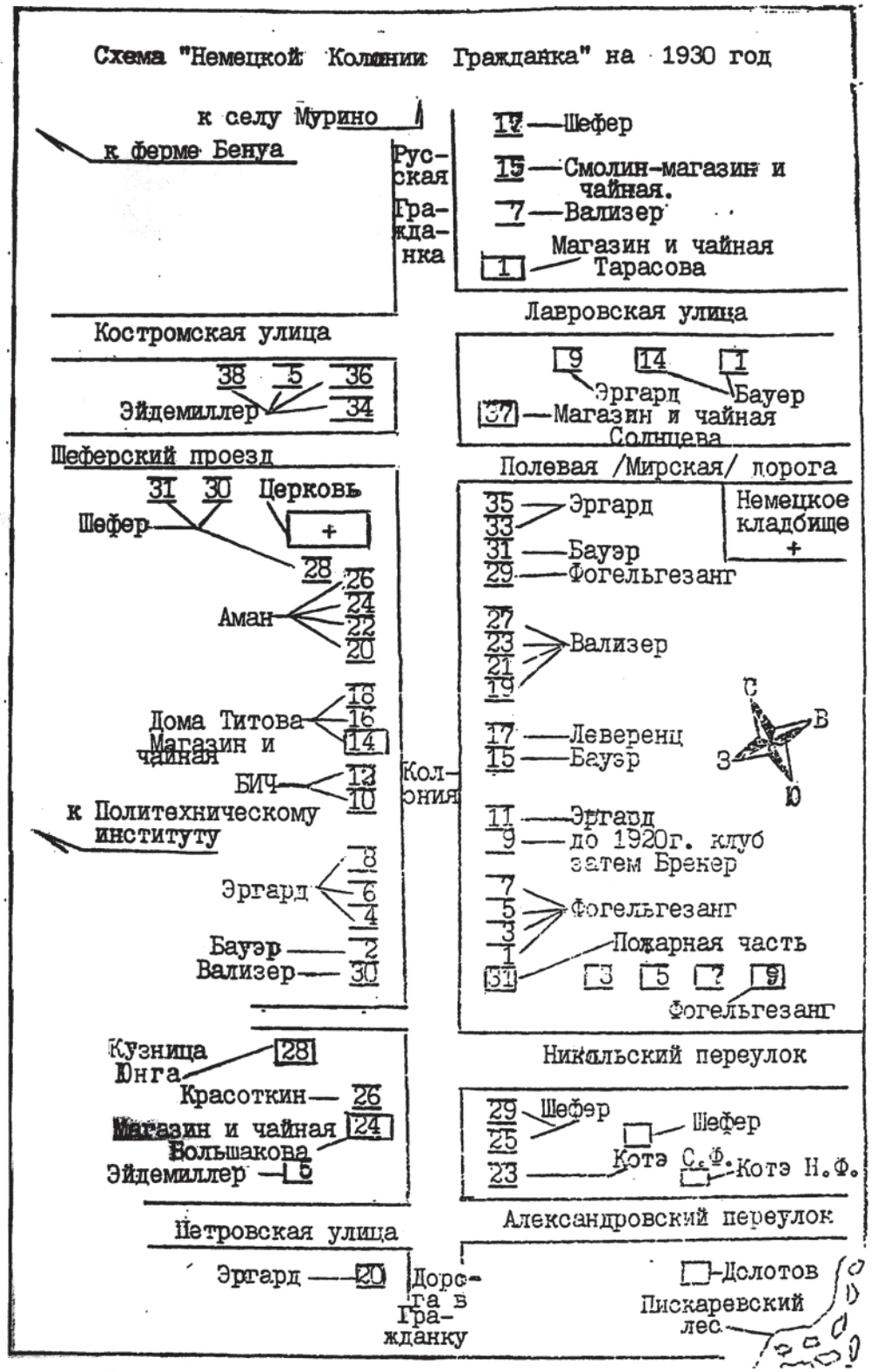
***(31)* Plan des Hofs von Jakob Erhardt in der Siedlung Graschdanka (Landstück Nr. 21).**
Architekt K. K. Kolman. April 1871.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

План двора Якова Эргардта в колонии Гражданка (участок № 21).
Архитектор К. К. Кольман. Апрель 1871 г.
Из фондов ЦГИА СПб



***(32)* Plan des Hofs von Christopher Vogelgesang in der Kolonie Graschdanka (Landstück Nr. 17).**
Architekt K. K. Kolman. April 1871.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

План двора Христофора Фогельгезанга в колонии Гражданка (участок № 17).
Архитектор К.К. Кольман. Апрель 1871 г.
Из фондов ЦГИА СПб

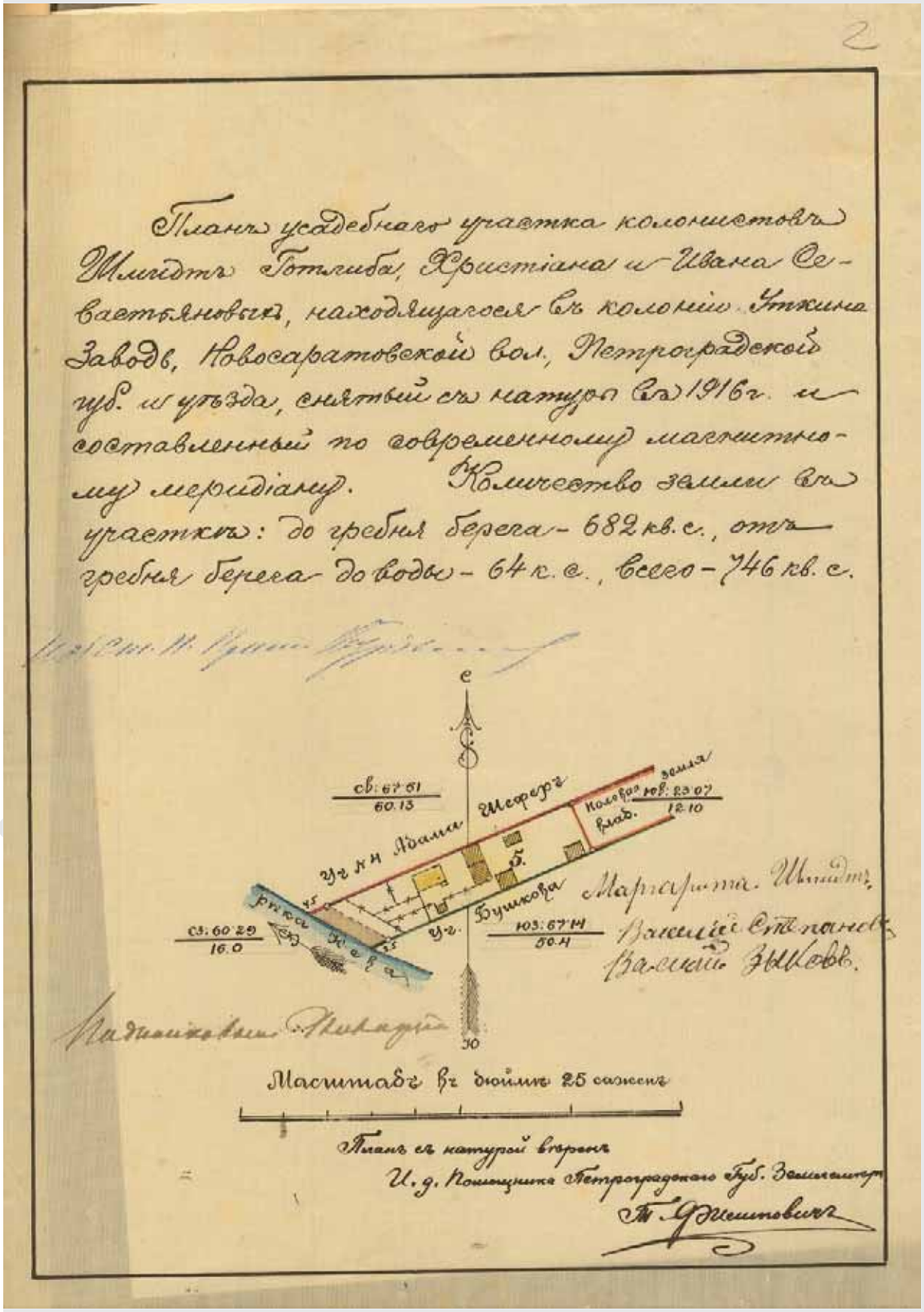


***(33)* Schema der Kolonie Graschdanka**
(in ihrem Bestand im Jahre 1930). Erstellt von Nikolai Vogelgesang.
Leihgabe von S. E. Gleserow

Die Ansiedlung wurde 1827 von Siedlern aus der Kolonie Srednaja Rogatka und Ischora gegründet.

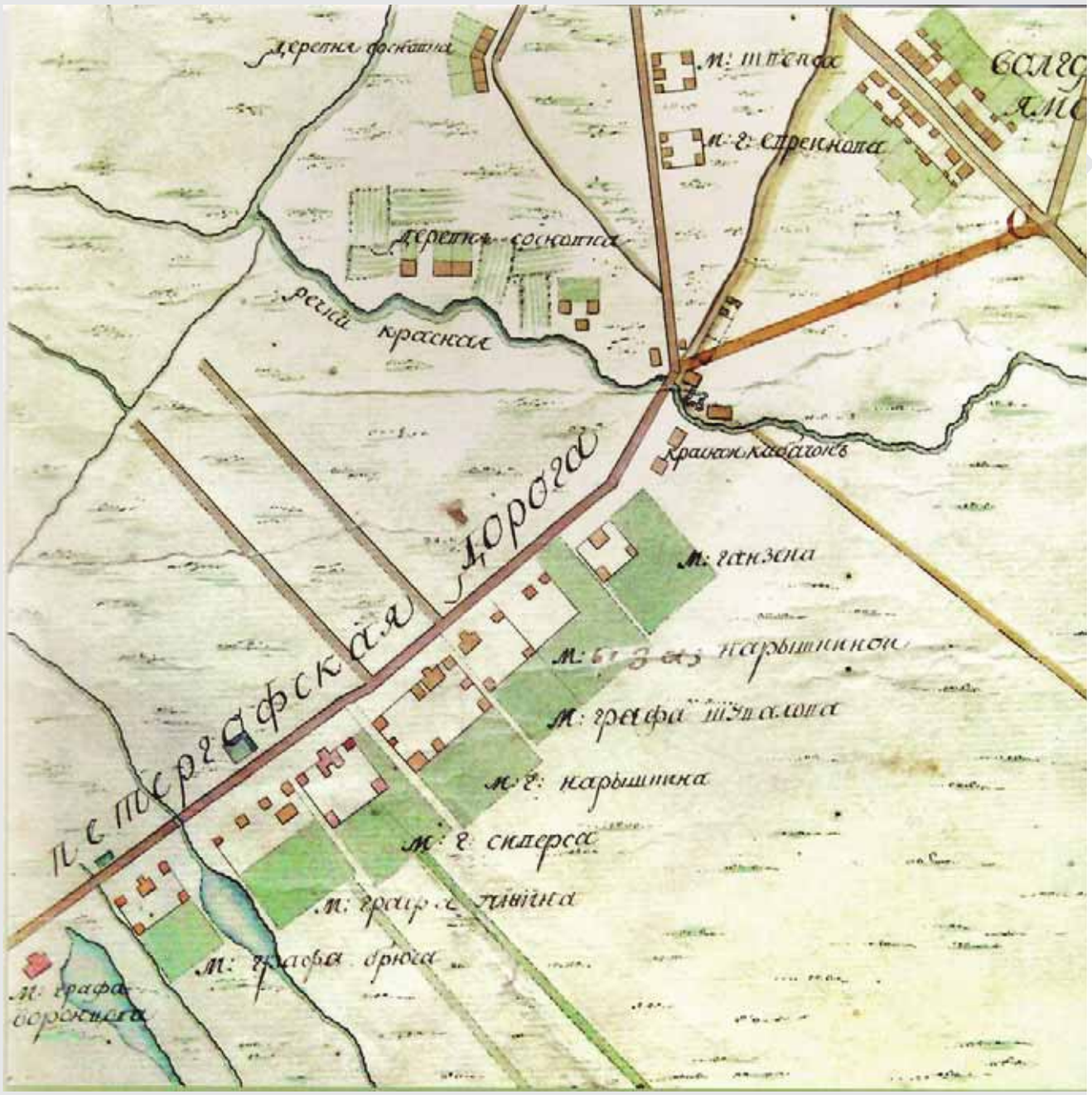
Схема колонии Гражданка
(по состоянию на 1930 г.). Составлена Николаем Яковлевичем Фогельгезангом.
Предоставил С. Е. Глезеров

Поселение основано в 1827 г. выходцами из Среднерогатской и Ижорской колоний.



(34) Plan des Grundstücks von Sebastian Christianowitsch Schmidt in „Utkina Sawod". 1915.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

План участка наследников Севастьяна Христиановича Шмидта в Уткиной Заводи. 1915 г.
Из фондов ЦГИА СПб



***(35)* Straße von Peterhof. Fragment einer Karte der Umgebung von Petersburg. Ende des XVIII. Jh.**

Aus dem Buch „Gorbatenko S. B. Petergofskaja doroga"

Die Kolonie Bertsch und Schäfer, gegründet 1829 von Siedlern der Kolonien Srednaja Rogatka, am 11. Werst der Peterhofer Straße, auf einem Grundstück, das früher dem Kaufmann Hansen gehört hatte.

Петергофская дорога. Фрагмент карты окрестностей Петербурга. Конец XVIII в.

Из книги Горбатенко С. Б. «Петергофская дорога»

Колония Берчей и Шефер основана в 1829 г. выходцами из Среднерогатской колонии на 11-й версте Петергофской дороги, на участке, ранее принадлежавшем купцу Ганзену.

***(36)* Die Familie Schäfer, Bewohner der Kolonie Bertsch und Schäfer.**
Foto vom Ende des XIX. Jh.
Leihgabe von T. A. Schrader

Семья Шефер, жителей колонии Берчей и Шефер. Фото конца XIX в.
Предоставила Т. А. Шрадер

***(37)* Haus der früheren Kolonie von Owzyno. 2013.** *Foto von I. W. Tscherkasjanowa*
Die Kolonie von Owzyno wurde von Siedlern aus Neu-Saratowka im Jahre 1832 fünf Werst von Neu-Saratowka entfernt gegründet.

Дом в бывшей Овцынской колонии. 2013 г. *Фото И. В. Черказьяновой*
Овцыно – колония основана новосаратовскими колонистами в 1832 г. в пяти верстах от Новосаратовки.

***(38)* Haus von Fjodor Adamowitsch Bitsch in Rutschi.** Foto vom Ende der 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von I. O. Bitsch

Das Gehöft der Familie Bitsch war von einem Siedler aus Srednaja Rogatka im Jahre 1857 angelegt worden. Dieser Siedler hatte ein Landstück von 40 Desjatinen vom General Tschischikow gekauft. Das Gehöft existierte bis zum Anfang der 1930er Jahre.

Дом Федора Адамовича Бича в Ручьях. Фото конца 1950-х годов.
Из семейного архива И. О. Бич

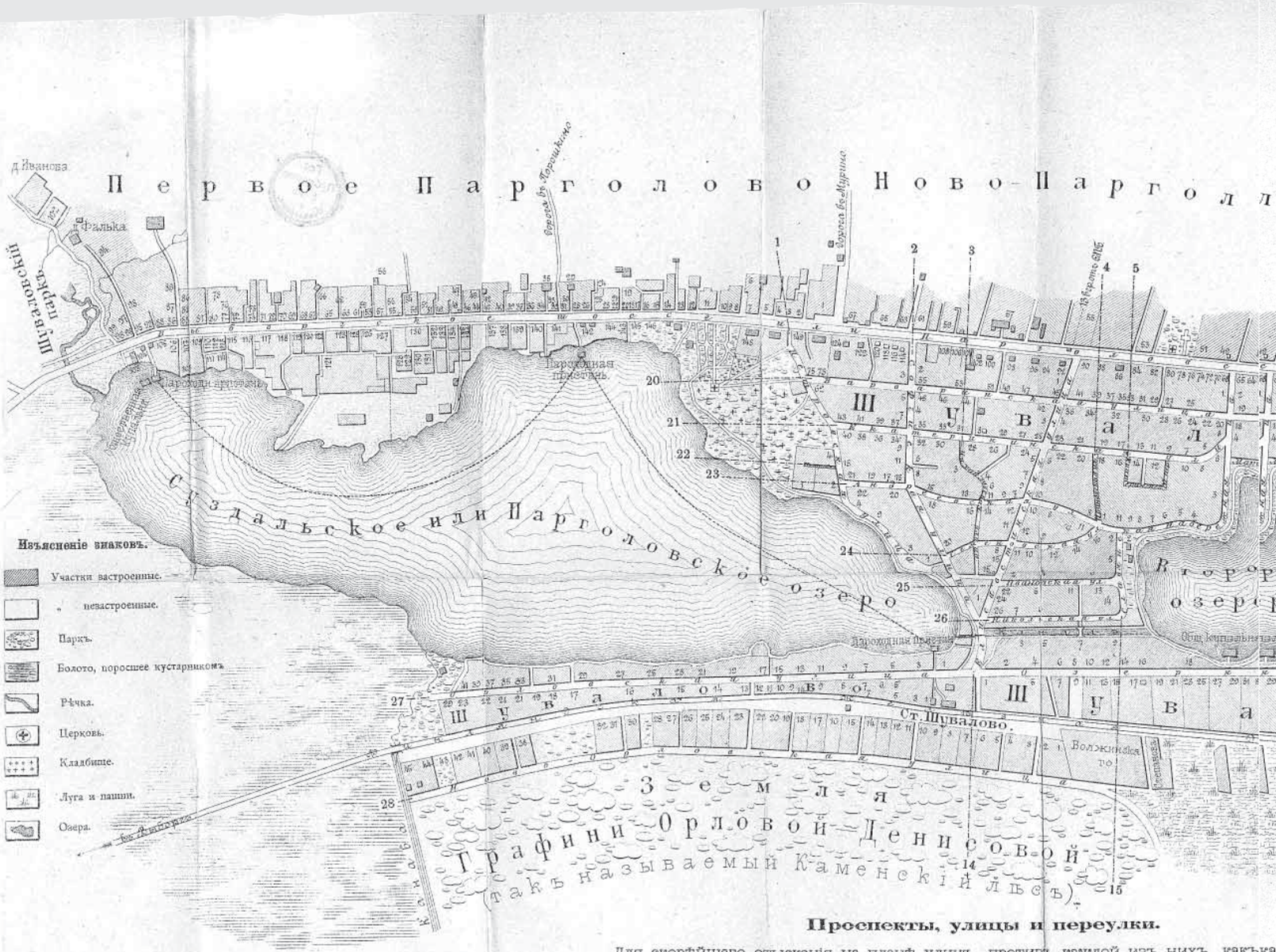
Хутор семьи Бич основал выходец из Среднерогатской колонии в 1857 г., выкупив у генерала Чижикова участок в 40 десятин. Поселок просуществовал до начала 1930-х годов.

***(39)* Blick auf den Stadtrand von Petersburg bei der Porzellanfabrik.**
Maler: Benjamin Patersen, 1793

Die Porzellankolonie entstand auf den Landstücken der Kaiserlichen Porzellanmanufaktur im Jahre 1865.

Вид окраины Петербурга у Фарфорового завода.
Худ. Бенжамен Патерсен, 1793 г.

Фарфоровская колония возникла на землях императорского Фарфорового завода в 1865 г.



Проспекты, улицы и переулки.

Для скорѣйшаго отысканія на планѣ улицъ, противъ каждой изъ нихъ какъка
плана, такъ и въ семъ спискѣ, поставленъ особый №

Александровская ул.	№ 9	Выборгское шоссе	№ 29	Елисаветинская ул.	№ 14	Марьинская ул.	№ 6
Андреевская „	№ 23	Георгіевская ул.	№ 32	Ивановская „	№ 24	Михайловская „	№ 3
Береговая „	№ 16	Екатерининская ул.	№ 21	Ириновская „	№ 4	Никольская „	№ 26
Варваринская „	№ 20	Екатерининскій пер.	№ 5	Короткая „	№ 11	Новая ул. „	№ 12

Ново-Орловская ул.	№ 28
Озерная	№ 3
Озерная малая	№ 1
Ольгинская ул.	№

***(40)* Plan von Schuwalow, Pargolowo I, des Geneigten Berges und der Neu-Pargolower Kolonie. 1889.**

Aus den Beständen der RNB

Diese Kolonie befand sich 13 Werst von Petersburg entfernt, entlang der Petersburger Chaussee. Deutsche aus Neu-Saratowka siedelten auf den Landstücken, die beim Grafen A. P. Schuwalow gepachtet waren. Im Jahre 1867 waren auf dem Territorium der Kolonie neun russische und elf deutsche Besitzer von Gutshöfen.

План Шувалова, 1-го Парголова, Поклонной горы и Ново-Парголовской колонии. 1889 г.

Из фондов РНБ

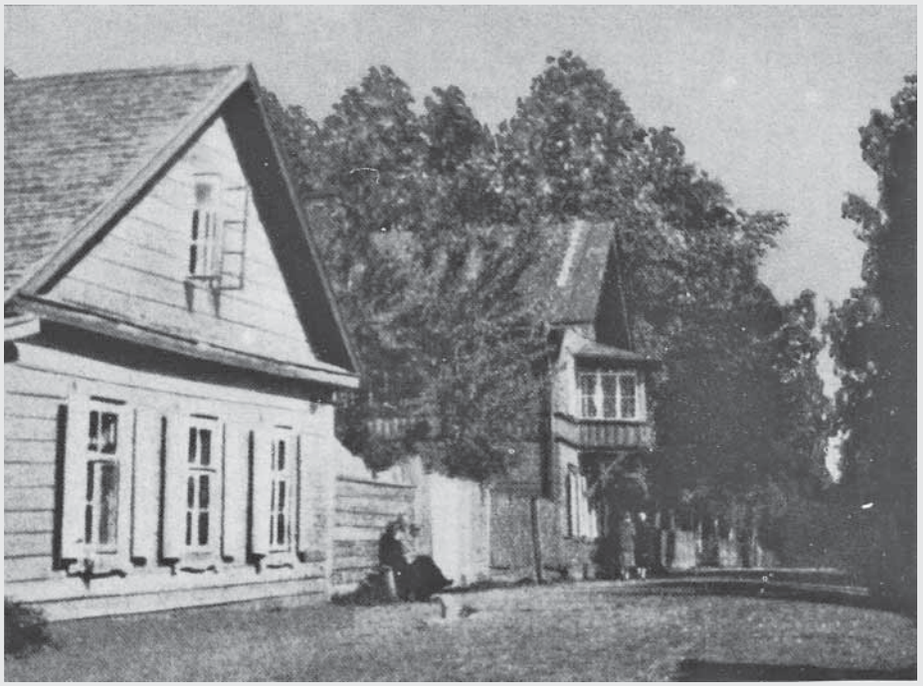
Колония находилась в 13 верстах от Петербурга, вдоль Выборгского шоссе. Немцы из Новосаратовки поселились на землях, арендованных у графа А. П. Шувалова. В 1867 г. на территории колонии было 9 русских и 11 немецких владельцев усадеб.

***(41)* Die deutsche Kolonie Wesselyj Poselok am rechten Ufer der Newa.**
Ein typisches Kolonistenhaus. 1920. *Foto von W. Großmann. Aus den Beständen des Bundesarchivs (Deutschland) Bild 137-005972*

Die Kolonie wurde im Jahre 1880 von Siedlern aus der Kolonie Neu-Saratowka gegründet.

Немецкая колония «Веселый Поселок» на правом берегу Невы. Типичный дом колониста. 1920 г. *Фотограф В. Гроссман. Из фондов Бундесархива (Германия). Фото 137-005972*

Колония основана в 1880 г. выходцами из Новосаратовской колонии.



***(42)* Kolonie Neu-Alexandrowka. Foto aus den Jahren um 1910 (?)**

Die Kolonie wurde im Jahre 1872 von Siedlern aus Neu-Saratowka in der Nähe des Dorfes Alexandrowka bei der Fabrik von Obuchowo gegründet. Sie erstreckte sich von der Nikolajewer Eisenbahnstrecke bis zu den Ländereien der Bauern des Dorfes Kuptschino.

Новоалександровская колония. Фото 1910-е годы (?)

Колония основана в 1872 г. выходцами из Новосаратовки близ села Александровка у Обуховского завода. Занимала пространство от Николаевской железной дороги до земель крестьян деревни Купчино.

***(43)* Das Ehepaar Peter und Katharina Schmidt, Bewohner von Wesselyj Poselok um 1895.**
Leihgabe von S. A. Schmidt

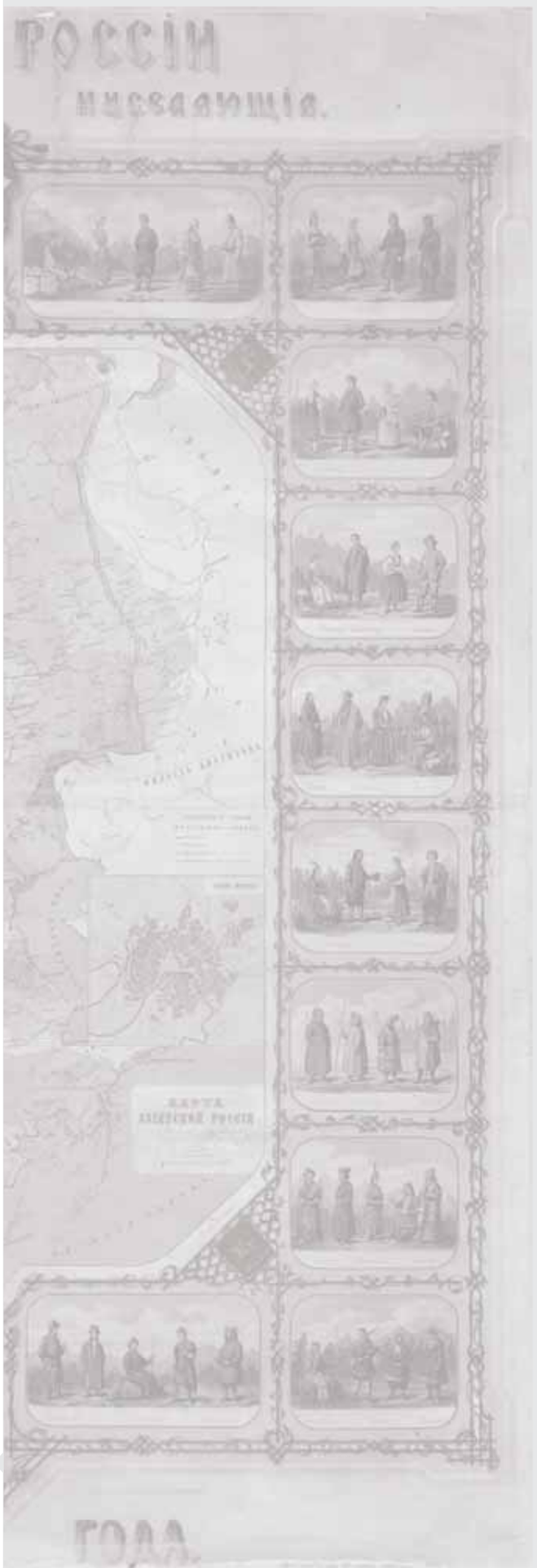
Супруги Шмидт Федор и Екатерина Федоровна, жители Веселого Поселка. Около 1895 г. *Предоставил С. А. Шмидт*

4/ EINHUNDERTJÄRIGE JUBILÄEN DER ÄLTESTEN KOLONIEN: NEUE IDENTITÄT DER KOLONISTEN

100-ЛЕТИЕ СТАРЕЙШИХ ПОСЕЛЕНИЙ: НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОЛОНИСТОВ

Die Hundertjahrfeiern der ersten Kolonien (1866) und der Kolonien im Küstengebiet (1910) wurden zum Ausdruck eines neuen Identitätsbewusstseins der deutschen Kolonisten als Bürger. Sie fühlten sich als rechtlich vollwertige, dem russischen Thron treu ergebene russische Staatsbürger. Zwischen den beiden Jubiläumsfeiern vollzogen sich bedeutende, mit den Reformen im Lande in Zusammenhang stehende Veränderungen im Leben der Kolonisten. In dieser Zeit erreichten die Kolonien das höchste Niveau ihrer Entwicklung.

Празднование 100-летия первых (1866) и приморских (1910) колоний стало проявлением новой гражданской идентичности немецких колонистов – они ощущали себя полноправными россиянами, верноподданными российской короны. Между двумя юбилеями произошли значительные изменения в жизни колонистов, связанные с реформами в стране. В этот период колонии достигли своего наивысшего уровня развития.

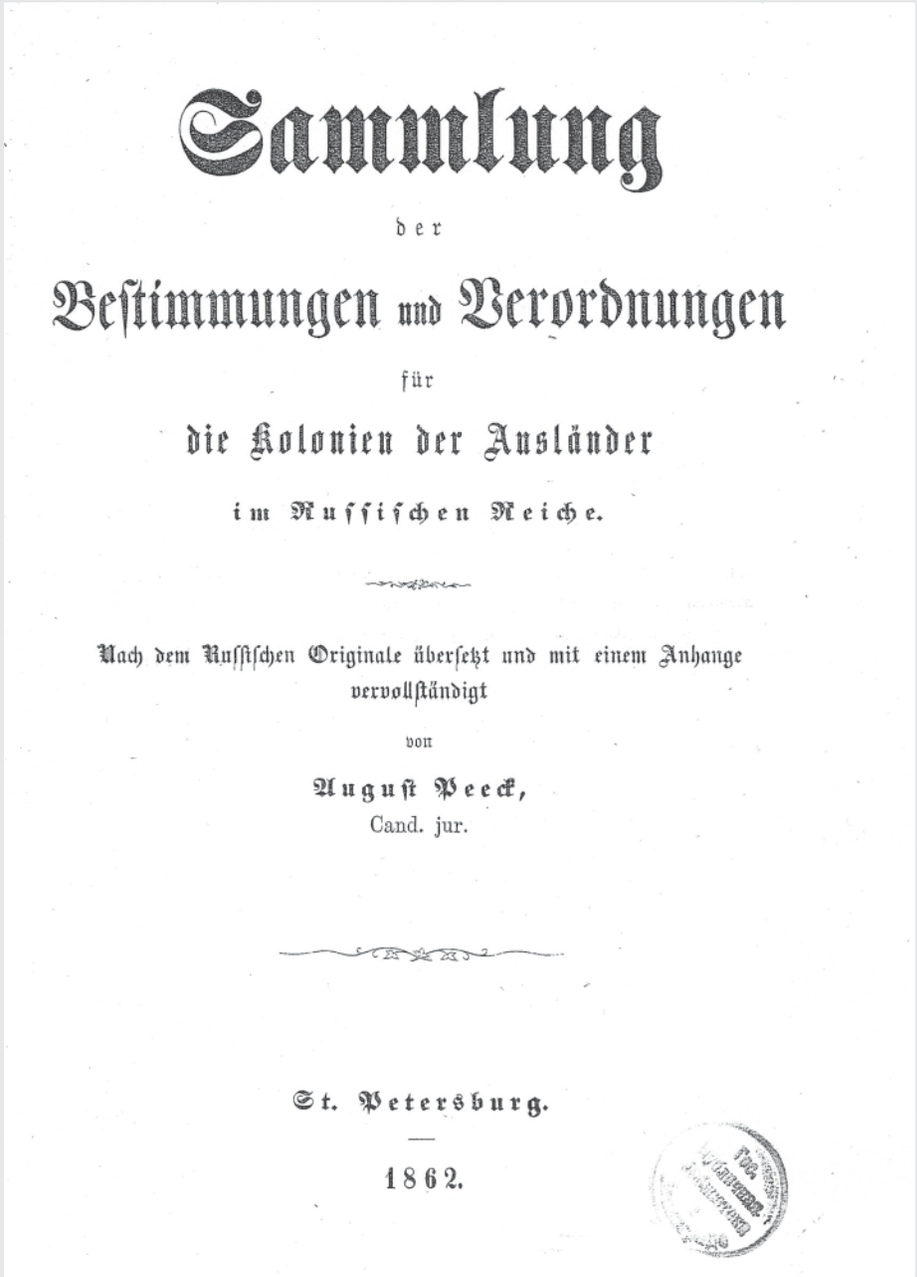


***(44)* Karte Russlands mit hier bewohnenden Stämmen.** Erstellt und gezeichnet von Nestor Terebenew. Sankt Petersburg, 1866. *Aus den Beständen der RNB*

In der Vignette (rechts, die dritte von oben) sind deutsche Kolonisten und Schweden dargestellt.

Карта России и племена ее населяющие. Составил и рисовал Нестор Теребенев. Санкт-Петербург, 1866 г. *Из фондов РНБ*

В виньетке (справа, третья сверху) изображены немецкие колонисты и шведы.



Sammlung

der

Bestimmungen und Verordnungen

für

die Kolonien der Ausländer

im Russischen Reiche.

Nach dem Russischen Originale übersetzt und mit einem Anhange vervollständigt

von

August Peeck,

Cand. jur.

St. Petersburg.

1862.

***(45)* Sammlung von Bestimmungen und Verordnungen über die Kolonien ausländischer Siedler im Russischen Reich. Sankt Petersburg, 1862.** Titelblatt.

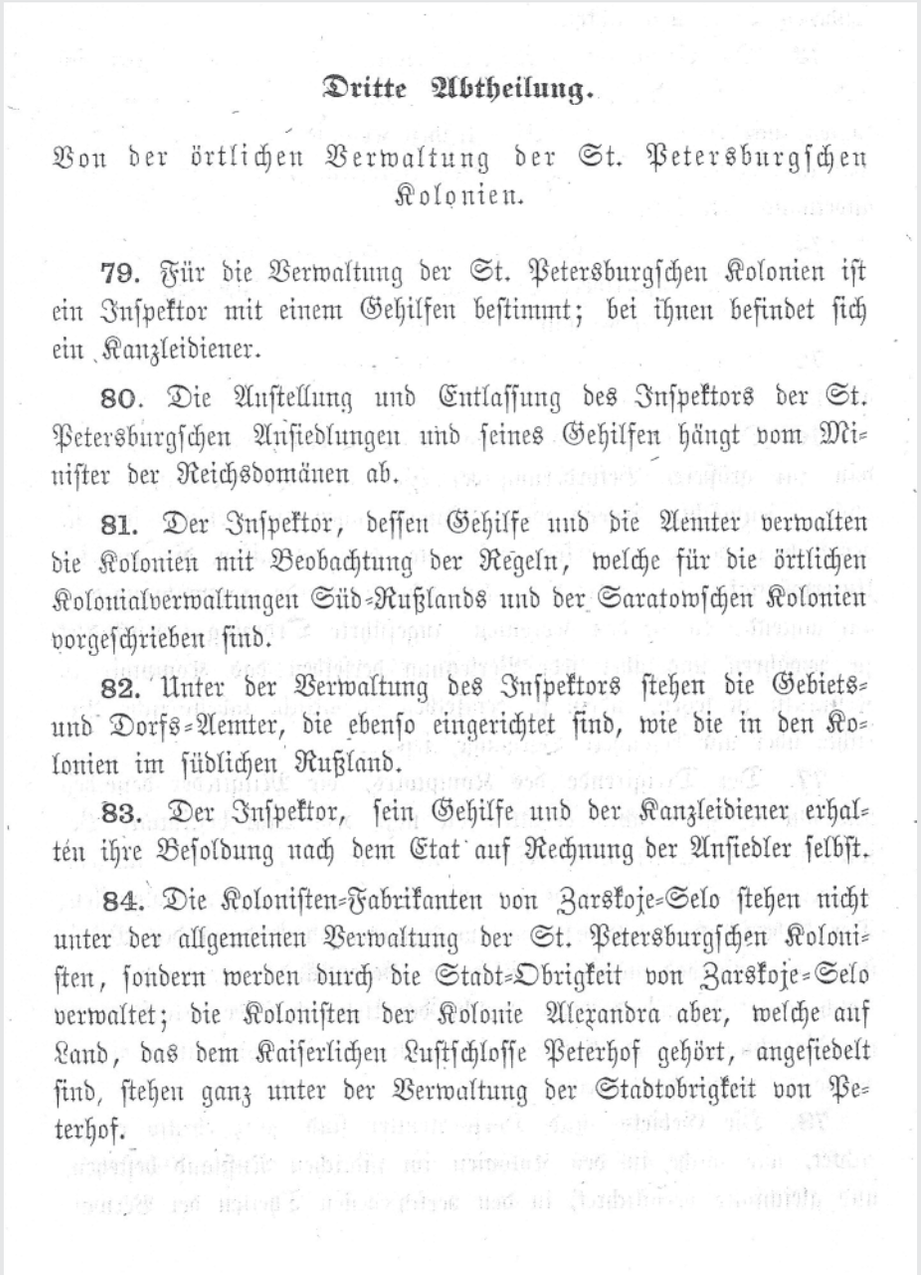
Aus den Bestanden der RNB

Die Sammlung von Gesetzen war eine systematische Sammlung der im Russischen Reich gültigen Gesetze. Die Gesetzgebung über die Kolonisten befand sich im Band 12, der 1857 herausgegeben wurde. Die Übersetzung ins Deutsche wurde von August Peck, Dr. der Rechte, angefertigt.

Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в Российской империи. СПб., 1862 г. Титульный лист.

Из фондов РНБ

Свод законов был систематическим собранием действовавших в Российской империи законов. Законодательство о колонистах вошло в 12-й том, изданный в 1857 г. Перевод на немецкий язык сделал кандидат юриспруденции Август Пек.



Dritte Abtheilung.

Von der örtlichen Verwaltung der St. Petersburgschen Kolonien.

79. Für die Verwaltung der St. Petersburgschen Kolonien ist ein Inspektor mit einem Gehilfen bestimmt; bei ihnen befindet sich ein Kanzleidiener.

80. Die Anstellung und Entlassung des Inspektors der St. Petersburgschen Ansiedlungen und seines Gehilfen hängt vom Minister der Reichsdomänen ab.

81. Der Inspektor, dessen Gehilfe und die Aemter verwalten die Kolonien mit Beobachtung der Regeln, welche für die örtlichen Kolonialverwaltungen Süd-Rußlands und der Saratowschen Kolonien vorgeschrieben sind.

82. Unter der Verwaltung des Inspektors stehen die Gebiets- und Dorfs-Aemter, die ebenso eingerichtet sind, wie die in den Kolonien im südlichen Rußland.

83. Der Inspektor, sein Gehilfe und der Kanzleidiener erhalten ihre Besoldung nach dem Etat auf Rechnung der Ansiedler selbst.

84. Die Kolonisten-Fabrikanten von Zarskoje-Selo stehen nicht unter der allgemeinen Verwaltung der St. Petersburgschen Kolonisten, sondern werden durch die Stadt-Obrigkeit von Zarskoje-Selo verwaltet; die Kolonisten der Kolonie Alexandra aber, welche auf Land, das dem Kaiserlichen Lustschlosse Peterhof gehört, angesiedelt sind, stehen ganz unter der Verwaltung der Stadtobrigkeit von Peterhof.

***(46)* Seite aus der „Sammlung von Einrichtungen und Verfügungen über die Kolonien"**, die Fragen der Verwaltung der Petersburger Kolonien gewidmet ist. 1862

Страница из «Свода учреждений и уставов о колониях», посвященная вопросам управления петербургскими колониями. 1862 г.

***(47)* Kolonisten aus der Umgebung von Sankt Petersburg.** Zeichnung nach der Natur von Dzyrżanowski.
Aus dem Buch von Pauly Th. „Description ethnographique des peuples de la Russie“
Erstmals wurde die Zeichnung im Jahre 1862 veröffentlicht. Später wurde sie in leicht veränderter Form als Darstellung der Wolgadeutschen gezeigt.

Колонисты из окрестностей Санкт-Петербурга. Рисунок с натуры Джиржановского.
Из книги Pauly Th. „Description ethnographique des peuples de la Russie“
Впервые рисунок опубликован в 1862 г. Позже в несколько измененном виде преподносился как изображение немцев Поволжья.

Das hundertjährige Jubiläum

der

Kolonien Neusaratofska, Sredneragadka und Ischora

1766. bei St. Petersburg. 1866.

(48) Gedenkplakat mit der Beschreibung der Hundertjahrfeiern der ersten deutschen Kolonien bei Petersburg im Jahre 1866. Sankt Petersburg, 1869.

Aus den Beständen der RNB

Die Hauptfeiern fanden in der Kolonie von Neu-Saratowka am 14. August 1866 statt. Zu den Feierlichkeiten kamen Vertreter der ersten Kolonien und der Tochterkolonien, die von Siedlern aus Neu-Saratowka, Srednaja Rogatka und Ischora gegründet waren.

Памятный плакат с описанием празднования столетия первых немецких колоний под Петербургом в 1866 г. СПб., 1869 г.

Из фондов РНБ

Основные торжества проходили в Новосаратовской колонии 14 августа 1866 г. В празднике участвовали представители первых колоний и дочерних колоний, организованных выходцами из Новосаратовки, Средней Рогатки и Ижорской колонии.

***(49)* Titelblatt des Buches „Die deutsche Kolonie Strelna bei Sankt Petersburg. 1810–1910“.**

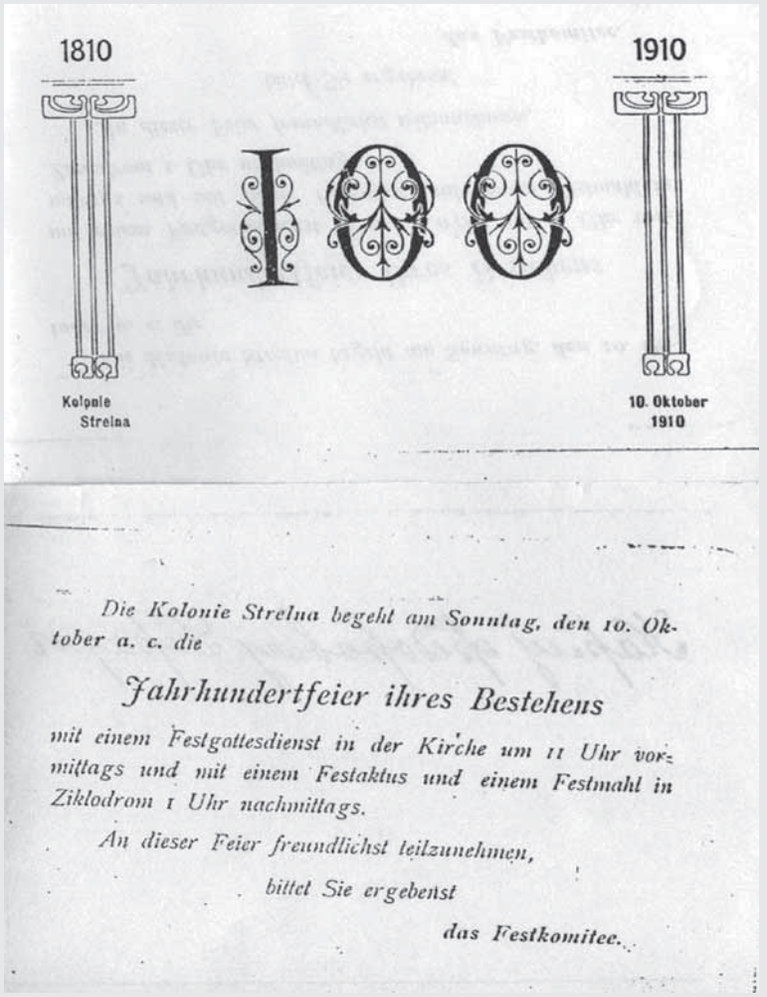
Aus den Beständen der RNB

Das Buch wurde zur Hundertjahrfeier der Strelnaer Kolonie angefertigt. Der Autor der Ausgabe war Axel Oskar von Gernet (1865–1923), Stammbaumforscher und Assistent des Obersekretärs des Departements für Wappenkunde des Senats.

Титульный лист книги «Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1910».

Из фондов РНБ

Книга подготовлена к 100-летию Стрельнинской колонии. Автор издания Аксель Оскар фон Гернет (1865–1923), генеалог, помощник обер-секретаря Департамента герольдии Сената.



***(50)* Einladungskarte zu den Einhundertjahrfeiern der Strelnaer Kolonie von Karl F. Braun.**

Aus dem Familienarchiv der Familie Braun

Das Jubiläum wurde am 10. Oktober 1910 begangen. Die Feierlichkeiten begannen mit einem Gottesdienst in der Peter-und-Paul-Kirche. Anschließend an das Mittagessen fand ein feierlicher Akt in der Radrennhalle statt.

Пригласительный билет на празднование 100-летия Стрельнинской колонии Карла Федоровича Брауна.

Из архива семьи Браун

Юбилей отмечался 10 октября 1910 г. Праздник начался с богослужения в церкви св. Петра и Павла, после обеда прошел торжественный акт в помещении циклодрома.

***(51)* Blasmusikorchester deutscher Kolonisten zu den Hundertjahrfeiern der Strelnaer Kolonie. 10. Oktober 1910.**

Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Духовой оркестр немецких колонистов на праздновании 100-летнего юбилея Стрельнинской колонии. 10 октября 1910 г.

Из семейного архива В. Ф. Шефера

Къ столѣтію колоніи Стрѣльна. 4. Хозяева-поселяне. По фотогр. І. Оцупъ.

***(52)* Siedler der Strelnaer Kolonie in den Tagen der Feierlichkeiten. 1910.**
Foto von I. A. Ozup.
Aus der Revue „Nachrichten aus aller Welt"
In der ersten Reihe als vierter von rechts sitzt Alexander Eidemüller (1868–26.12.1941, Leningrad), später Stallknecht in einer Kolchose.

Хозяева-поселяне Стрельнинской колонии в дни юбилея. 1910 г.
Фотограф И. А. Оцуп.
Из журнала «Всемирное обозрение»
В первом ряду четвертый справа сидит Эйдемиллер Александр Адамович (1868–26.12.1941, Ленинград), позже колхозный конюх.

***(53)* Die Familie Amann Fjodor Adamowitsch. Kolonie Strelna. Gegen 1899–1900.**

Aus den Beständen des Familienarchivs von I. A. Archiptschenko

Der Vater der Familie Adam Amanns ist vermerkt in der Liste der Siedler vor 1824 unter den ältesten Bewohnern der Kolonie Strelna. Auf dem Schoß einer Frau sitzt sein Sohn Alexander (geb. 1898).

Семья Амана Федора Адамовича. Стрельнинская колония. Около 1899–1900 гг.

Из семейного архива И. А. Архипченко

Отец главы семьи Адам Аман значится в списке колонистов за 1824 г. среди старейших жителей Стрельнинской колонии. На коленях у женщины сын Александр (1898 г. р.).

***(54)* Das Ehepaar Peter und Rosa Eidemüller, Bewohner der Kolonie Strelna.** Beginn des XX. Jh.

Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Die Familie Eidemüller gehörte den Gründern der Kolonie Strelna.

Супруги Эйдемиллер Петр Адамович и Роза Карловна, жители Стрельнинской колонии. Начало XX в.

Из семейного архива В. Ф. Шефера

Семья Эйдемиллер была среди основателей Стрельнинской колонии.

5/ ZWEITE HÄLFTE DES XIX. – ANFANG DES XX. JAHRHUNDERTS: TRADITIONEN UND REFORMEN

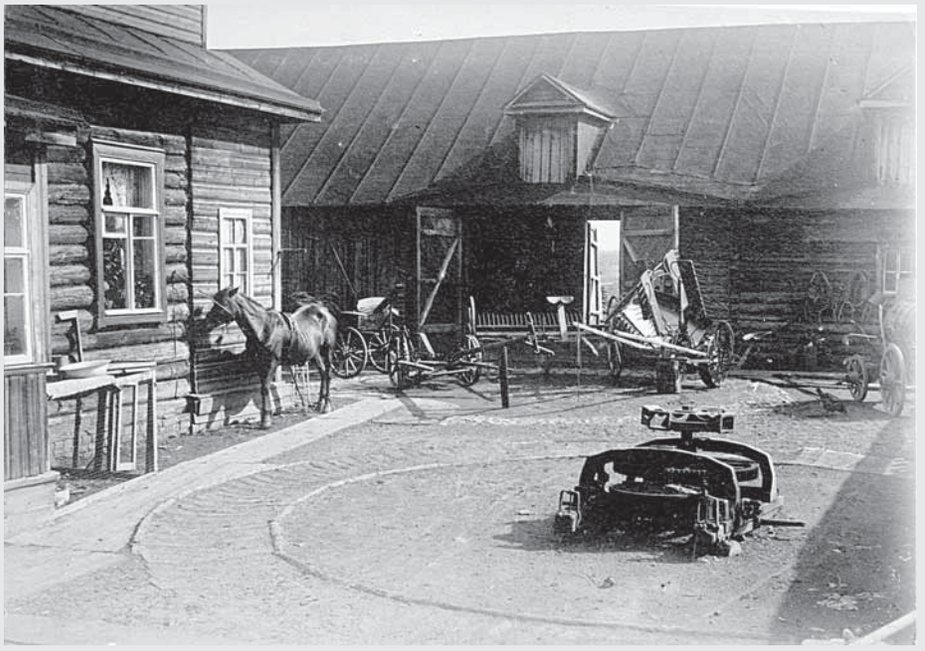
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.: ТРАДИЦИИ И РЕФОРМЫ

Im Jahre 1871 begann eine Reform der deutschen Kolonien in Russland. Die Änderungen berührten alle Bereiche des Lebens der Kolonisten. Sie verloren ihre Vorrechte, wurden den anderen Kategorien der Landbevölkerung gleichgestellt und fortan Bauern genannt. Auf die Lage der Petersburger Kolonien übte die Nähe der Hauptstadt einen großen Einfluss aus. Die Entwicklung der Eisenbahn und der Wasserwege ermöglichte eine aktive Integration der Vorstädte in die Markt- und Handelsbeziehungen, eine Entwicklung des Handwerks im Bereich der Landhäuser und Datschen sowie das Aufkommen neuer Aktivitäten. Gleichzeitig blieben im geistigen und täglichen Leben der Siedler und in ihrer Kleidung zahlreiche traditionelle Züge erhalten.

В 1871 г. началась реформа немецких колоний России, изменения коснулись всех сторон жизни колонистов. Они утратили свои привилегии, были уравнены с другими категориями крестьян и стали называться поселянами-собственниками. На состояние петербургских колоний огромное влияние оказывала близость столицы. Развитие железнодорожного и водного сообщения способствовало активному включению пригородов в рыночные отношения, развитию дачного промысла, появлению новых видов занятий. Одновременно с этим в духовной и повседневной жизни колонистов, в одежде сохранялись многие традиционные черты.

***(55)* Viehbestand einer Kolonistenwirtschaft. Wesselyj Poselok, 1920.**
Foto von W. Großmann. Aus den Beständen des Bundesarchivs (Deutschland). Bild 137-005975

Домашний скот в хозяйстве колониста. Веселый Поселок, 1920 г.
Фотограф В. Гроссманн. Из фондов Бундесархива (Германия). Фото 137-005975



***(56)* Deutscher Bauernhof mit traditioneller landwirtschaftlicher Technik. Wesselyj Poselok [?], 1920.**
Foto von W. Großmann. Aus den Beständen des Bundesarchivs (Deutschland). Bild 137-005974

Немецкий крестьянский двор с традиционной сельскохозяйственной техникой. Веселый Поселок [?], 1920 г.
Фотограф В. Гроссманн. Из фондов Бундесархива (Германия). Фото 137-005974

(57) **Typen von Deutschen des Bezirks Opotschezko des Gouvernements von Pskow. 1898.** Foto von M. A. Krukowskii.
Aus den Beständen des REM

Типы немцев Опочецкого уезда Псковской губернии, 1898 г.
Фото М. А. Круковского.
Из фондов РЭМ

(58) **Das Ehepaar Georg (1822–1903) und Christine (1824–1894) Eidemüller vor dem Eingang ihres Hauses.**
Kolonie Strelna, Anfang der 1890er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Супруги Эйдемиллер Георг Адам (1822–1903) и Христина (1824–1894) на крыльце своего дома. Стрельнинская колония, начало 1890-х годов.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

(59) **Barbara (nach anderen Quellen Charlotte) Stroh (geb. Gerlemann) und Elisabeth Stroh, Bewohnerinnen der Kolonie von Neu-Saratowka. Beginn des XX. Jh.**
Leihgabe von S. A. Schmidt

Die Kleidung der Frauen zeigt anschaulich die Strömungen in der Entwicklung der Frauentracht: zu Beginn des XX. Jh ist die traditionelle Kleidung noch der städtischen durchaus nahe. Die Tracht älterer Frauen blieb konservativer im Vergleich zur Kleidung der Mädchen und der jungen verheirateten Frauen.

Барбара (по др. версии – Шарлотта) Штро (ур. Герлеман) и Елизавета Штро, жительницы Новосаратовской колонии. Начало XX в.
Предоставил С. А. Шмидт

Одежда женщин наглядно демонстрирует тенденции в развитии женского костюма – в начале XX в. традиционная одежда все еще соседствует с городской. Костюм пожилых женщин оставался более консервативным, по сравнению с одеждой девушек и молодых замужних женщин.

(60) **Charlotte Andreewna Brenner (geb. Stroh, 1880–1960).**
Kolonie Strelna, gegen 1898.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Шарлотта Андреевна Бреннер (ур. Штро, 1880–1960). Стрельнинская колония, около 1898 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

(61) **Josephina Bogdanowna Breiner (1886–1938)** (auf dem Foto rechts). Kolonie Neu-Saratowka, Anfang des XX. Jh.
Aus dem Familienarchiv von T. M. Frolowa

Брейнер Юзефина Богдановна (1886–1938) (на фото справа). Новосаратовская колония, начало XX в.
Из семейного архива Т. М. Фроловой

(62) **Christine Petrowna Schäfer (1889–1979) in traditioneller Tracht.**
Kolonie am 11. Werst auf der Peterhofer Straße (Kolonie Bertsch und Schäfer). Beginn des XX. Jh.
Leihgabe von T. A. Schrader

Христина Петровна Шефер (1889–1979) в традиционном костюме. Колония на 11-й версте по Петергофской дороге (колония Берчей и Шефер). Начало XX в.
Предоставила Т. А. Шрадер

***(63)* Das Ehepaar Adam und Elisabeth Erhardt.** Kolonie Graschdanka, 1870er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann

Супруги Эргардт Адам Христофорович и Елизавета.
Колония Гражданка, 1870-е годы.
Из семейного архива А. П. Амана

***(64)* Mädchen mit Spielkarten.**
Gruppenportrait von Bewohnerinnen der Kolonie Graschdanka: Maria Bitsch (rechts) mit ihren Freundinnen, den Schwestern Jung. 1910er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von T. W. Beimler

Девушки с игральными картами.
Групповой портрет жительниц колонии Гражданка: Мария Бич (справа) с подругами – сестрами Юнг. 1910-е годы.
Из семейного архива Т. В. Баймлер

***(65)* Haube – Element der traditionellen Frauentracht.** Ende des XIX., Anfang des XX. Jh. Kolonie Kipen des Bezirks Peterhof im Gouvernement Peterburg. Mit weißen Baumwollfutter. Mit kleinen weißen Glasperlen bestickt. Erworben von P. F. Hermann im Jahr 1925.
Aus den Beständen des REM

Чепец – элемент традиционного костюма немцев. Конец XIX – начало XX в. Колония Кипень Петергофского уезда Петербургской губернии. На белой хлопчатобумажной подкладке. Расшит мелким бисером белого цвета. Приобретен от П. Ф. Германа в 1925 г.
Из фондов РЭМ

***(66)* Haube – Element der traditionellen deutschen Tracht.** Ende des XIX., Anfang des XX. Jh. Kolonie Kipen des Bezirks Peterhof im Gouvernement Peterburg. Mit weißen Baumwollfutter. Mit kleinen bunten Seidenfäden bestickt. Am Rande verziert mit einer roten Seidenschnur und aufgestickten silbernen Posamenten. Erworben von P. F. Hermann im Jahr 1925.
Aus den Beständen des REM

Чепец – элемент традиционного костюма немцев. Конец XIX – начало XX в. Колония Кипень Петергофского уезда Петербургской губернии. На белой хлопчатобумажной подкладке. Вышит гладью разноцветными шелковыми нитками. По краю украшен шелковой красной лентой и нашитым серебряным позументом. Приобретен от П. Ф. Германа в 1925 г. *Из фондов РЭМ*

***(67)* Die Familie Bitsch [?] bei ihrem Haus. Neu-Saratowka, Anfang des XX. Jh.**
Das Foto gehört Dora Adamowna Bitsch (Dalinger, 1887).
Aus dem Familienarchiv von E. M. Moosmann
Im Jahre 1902 lebten Angehörige der Familie Bitsch in zehn Häusern von Neu-Saratowka.

Семья Бич [?] у своего дома. Новосаратовка, начало XX в.
Фото принадлежало Доре Адамовне Бич (Далингер, 1887 г. р.).
Из семейного архива Е. М. Моосман
В 1902 г. представители рода Бич проживали в десяти домах Новосаратовки.

***(68)* Blasmusikorchester der Kolonie von Neu-Saratowka. 1920er Jahre.**
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa
Die musikalischen Traditionen in den deutschen Familien hatten tiefe Wurzeln. Die Kinder lernten verschiedene Musikinstrumente zu Hause und in der Schule. Die Kolonisten bildeten eigene Chöre und Orchester, Musik begleitete sie an den Feiertagen und im täglichen Leben. Der kirchliche Gottesdienst verlief unter musikalischer Begleitung.

Духовой оркестр Новосаратовской колонии. 1920-е годы.
Из семейного архива О. А. Ермаковой
Музыкальные традиции в немецких семьях имеют глубокие корни. Детей обучали игре на музыкальных инструментах дома и в школе. Колонисты создавали собственные хоры и оркестры, музыка сопровождала их на праздниках и в повседневной жизни. Церковное богослужение проходило в музыкальном сопровождении.

***(69)* Strelna und seine Umgebung. 1901.**
Aus den Beständen der BRAW

Die Entwicklung der Kolonie Strelna stand unter dem Einfluss der nahen großfürstlichen Residenz und des Baus der Eisenbahnstrecke von Peterhof.

Стрельна и ее окрестности. 1901 г.
Из фондов БАН

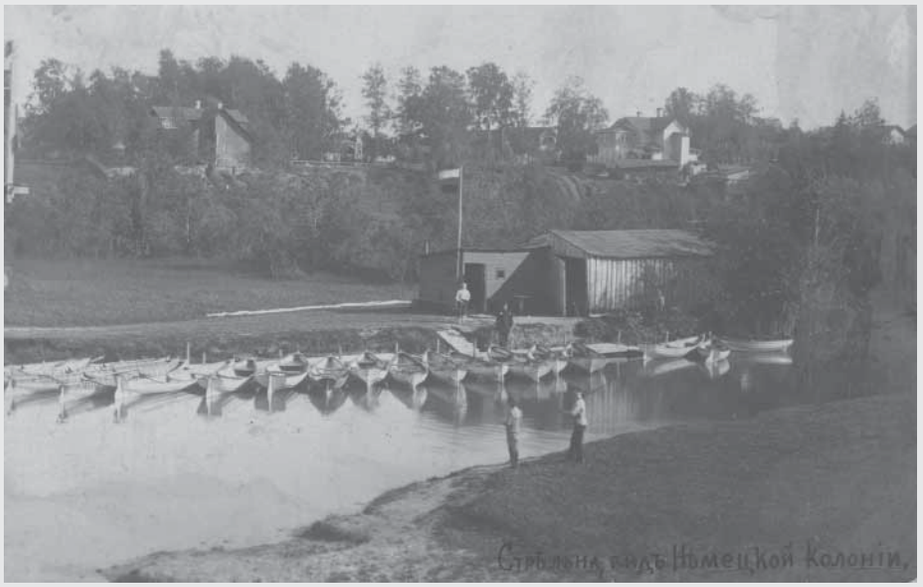
На развитие Стрельнинской колонии оказывало влияние близость великокняжеской резиденции и строительство Петергофской железной дороги.

***(70)* Bahnhof in Strelna.**
Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Aus den Beständen der RNB
Das Gebäude wurde in den Jahren 1854–1857 errichtet nach den Plänen des Architekten N. L. Benoit. Die Station wurde im Jahre 1857 eröffnet.

Вокзал в Стрельне. Открытка начала XX в.
Из фондов РНБ
Здание строилось в 1854–1857 гг. по проекту архитектора Н. Л. Бенуа. Станция открыта в 1857 г.

***(71)* Datschenbesitzer in Strelna. 1910er Jahre**
Strelna und seine Umgebung waren eine der beliebtesten Datschenansiedlungen bei Petersburg. In den Jahren 1880 erreichte die Zahl der Bewohner von Strelna in der Hochsaison um die 5000 Personen. Die Kolonisten vermieteten an die „Sommergäste" den vorderen Teil ihres Hauses, selbst zogen sie sich in den Hinterteil des Hauses zurück. Die Datschensaison begann Mitte Mai und endete Ende August.

Дачники в Стрельне. 1910-е годы
Стрельна и ее окрестности была одним из наиболее популярных дачных мест под Петербургом. В 1880-е годы численность населения Стрельны в сезон доходила до 5 тысяч человек. Колонисты сдавали отдыхающим «переднюю» часть дома, сами размещались в «задней» части. Дачный сезон начинался с середины мая и заканчивался в конце августа.



***(72)* Bootsanlegestelle in der deutschen Kolonie Strelna**. Postkarte vom Beginn des XX. Jh. *Leihgabe von E. N. Kulagina*

Лодочная станция в Стрельнинской немецкой колонии.
Открытка начала XX в.
Предоставила Е. Н. Кулагина

***(73)* Bahnhofsgebäude an der Station Ligowo der Baltischen Eisenbahn.** Warten auf einen Zug in Richtung Petersburg. Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Aus den Beständen der RNB

Das Gebäude war nach den Plänen des Architekten S. P. Kondratjew errichtet. Der Bahnhof war eines der Zentren im Datschenleben der Bürger.

Вокзал на станции Лигово Балтийской железной дороги. Ожидание поезда в сторону Петербурга.
Открытка начала XX в.
Из фондов РНБ

Здание построено по проекту архитектора С. П. Кондратьева. Вокзал был одним из центров дачной жизни горожан.

***(74)* Blick auf die Station Ligowo.**
Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Aus den Beständen der RNB

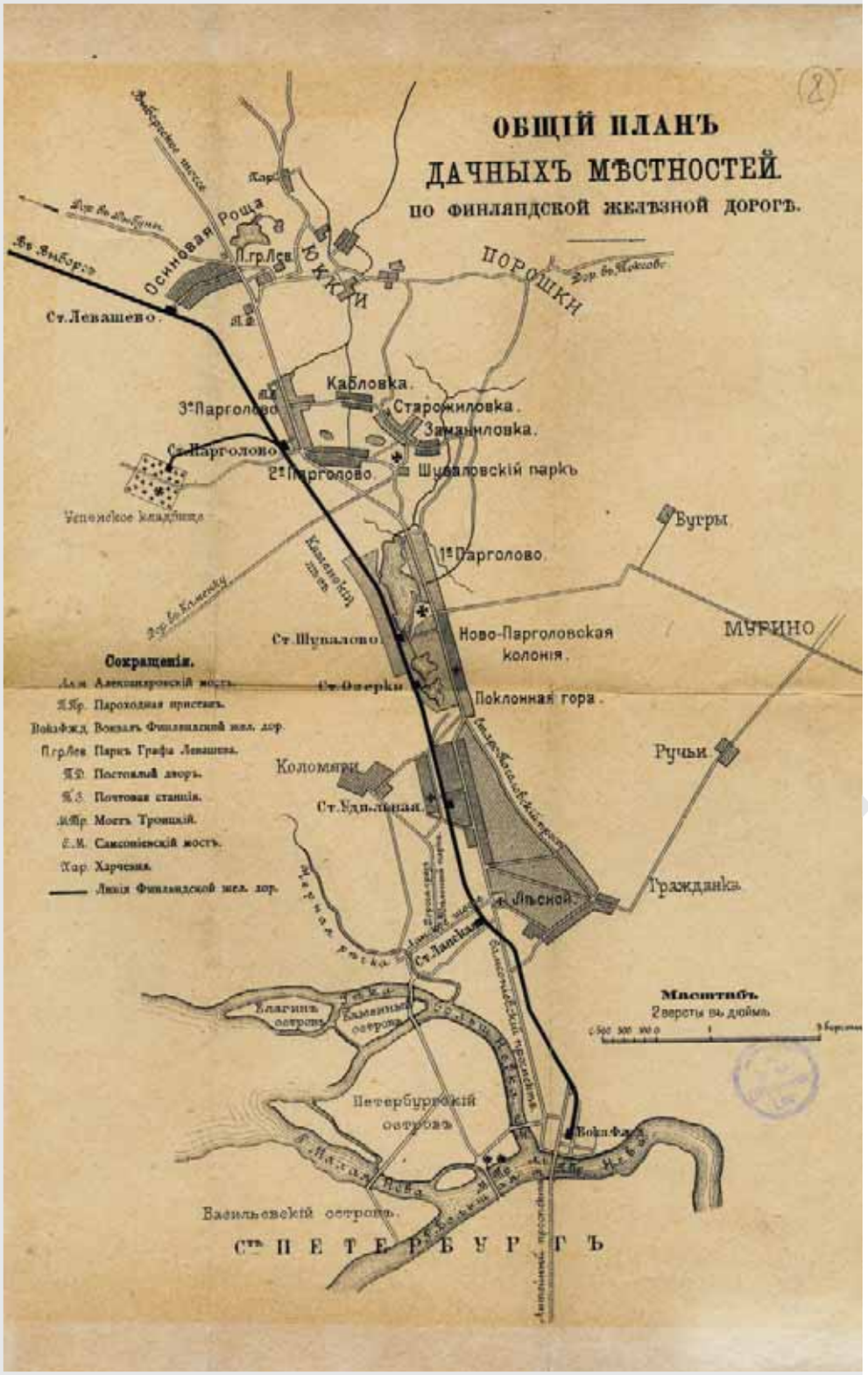
Вид на станцию Лигово.
Открытка начала XX в.
Из фондов РНБ

***(75)* Ligowo. Anlegestelle an einem Teich.**
Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Aus den Beständen der RNB

Am rechten Ufer ist ein großes Steinhaus zu erkennen, das unter dem Grafen P. F. Buxhoeveden errichtet wurde. Nach dem Namen der Besitzer des Gutes hieß die deutsche Siedlung Buxhoeveden in Ligowo (Kreuzung zwischen Schäferstraße und Gerlemanowstraße).

Лигово. Пристань на пруду.
Открытка начала XX в.
Из фондов РНБ

На правом берегу просматривается большой каменный дом, построенный при графе П. Ф. Буксгевдене. По имени владельцев имения называлось немецкое поселение Буксгевден в Лигово (улицы Шеферская и Герлемановская).



***(76)* Plan des Datschengebiets an der Finnischen Eisenbahnstrecke im Bezirk von Pargolowo. 1889.**

Aus den Beständen der RNB

Über Pargolowo schrieb ein Zeitgenosse im Jahre 1864: „… diese wenig bekannte Gegend ist reich an Butter und Kartoffeln, an Deutschen und Kadetten, an Seen und Hügeln, an Erdbeeren und Sonntagsreitern".

План дачной местности по Финляндской железной дороге в районе Парголова. 1889 г.

Из фондов РНБ

О Парголово современник писал в 1864 г.: «… малоизвестный край, богатый чухонским маслом и картофелем, немцами и кадетами, озерами и горами, клубникой и праздничными всадниками (Sonntags-Reitern)».

***(77)* Warten auf ein Boot.**
Anlegestelle bei Ischora in Kolpino. Postkarte vom Beginn des XX. Jh.

Die Einwohner der Kolonie von Kolpino hatten die Möglichkeit, nach Petersburg sowohl auf dem Landweg als auch per Schiff zu fahren.

В ожидании парохода.
Пристань на Ижоре в Колпино. Открытка начала XX в.

Жители Колпинской колонии имели возможность доехать до Петербурга наземным и водным транспортом.

***(78)* Blick auf die Kolonie von Neu-Saratowka in den 1930er Jahren.**
Zeitgenössische Zeichnung von Adam Schmidt.
Aus dem Familienarchiv von S. A. Schmidt

In der schiffbaren Jahreszeit verkehrte die Schlüsselburger Schifffahrtsgesellschaft in regulären Fahrten auf der Newa von Schlüsselburg nach Petersburg. Die Schiffe hielten an allen Anlegestellen, inklusive der von Neu-Saratowka. Im Jahre 1889 kostete eine Fahrkarte zweiter Klasse von Petersburg bis in diese Kolonie 25 Kopeken.

Вид на Новосаратовскую колонию 1930-х годов. Современный рисунок Адама Шмидта.
Из семейного архива С. А. Шмидта

В период навигации Шлиссельбургское пароходство совершало рейсы по Неве из Шлиссельбурга в Петербург. Пароходы останавливались на пристанях, включая Новосаратовскую колонию. В 1889 г. проезд вторым классом от Петербурга до колонии стоил 25 копеек.

***(79)* Bootanlegestelle in Oranienbaum.**
Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Ab dem Jahr 1849 war Oranienbaum durch eine Schiffverbindung mit Peterhof, Kronstadt und Petersburg verbunden. Im Jahre 1864 wurde die Eisenbahnlinie bis nach Oranienbaum gelegt. Die nahegelegenen Kolonien von Oranienbaum und Kronstadt erhielten dadurch neuen Ansporn zur Entwicklung.

Пароходная пристань в Ораниенбауме.
Открытка начала XX в.
С 1849 г. Ораниенбаум был связан пароходной линией с Петергофом, Кронштадтом и Петербургом. В 1864 г. до Ораниенбаума была проложена железная дорога. Близлежащие Ораниенбаумская и Кронштадсткая колонии получили новый стимул для развития.

***(80)* Oranienbaum. Markt auf dem „Sennaja Ploschtschad" (Heuplatz).**
Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Deutsche Kolonisten führten ihre Waren zum Verkauf auf die Märkte von Petersburg und in die nahegelegenen Städte. Der Bau der Eisenbahn schränkte mit der dadurch anwachsenden Konkurrenz für die deutschen Siedler den Absatzmarkt ein.

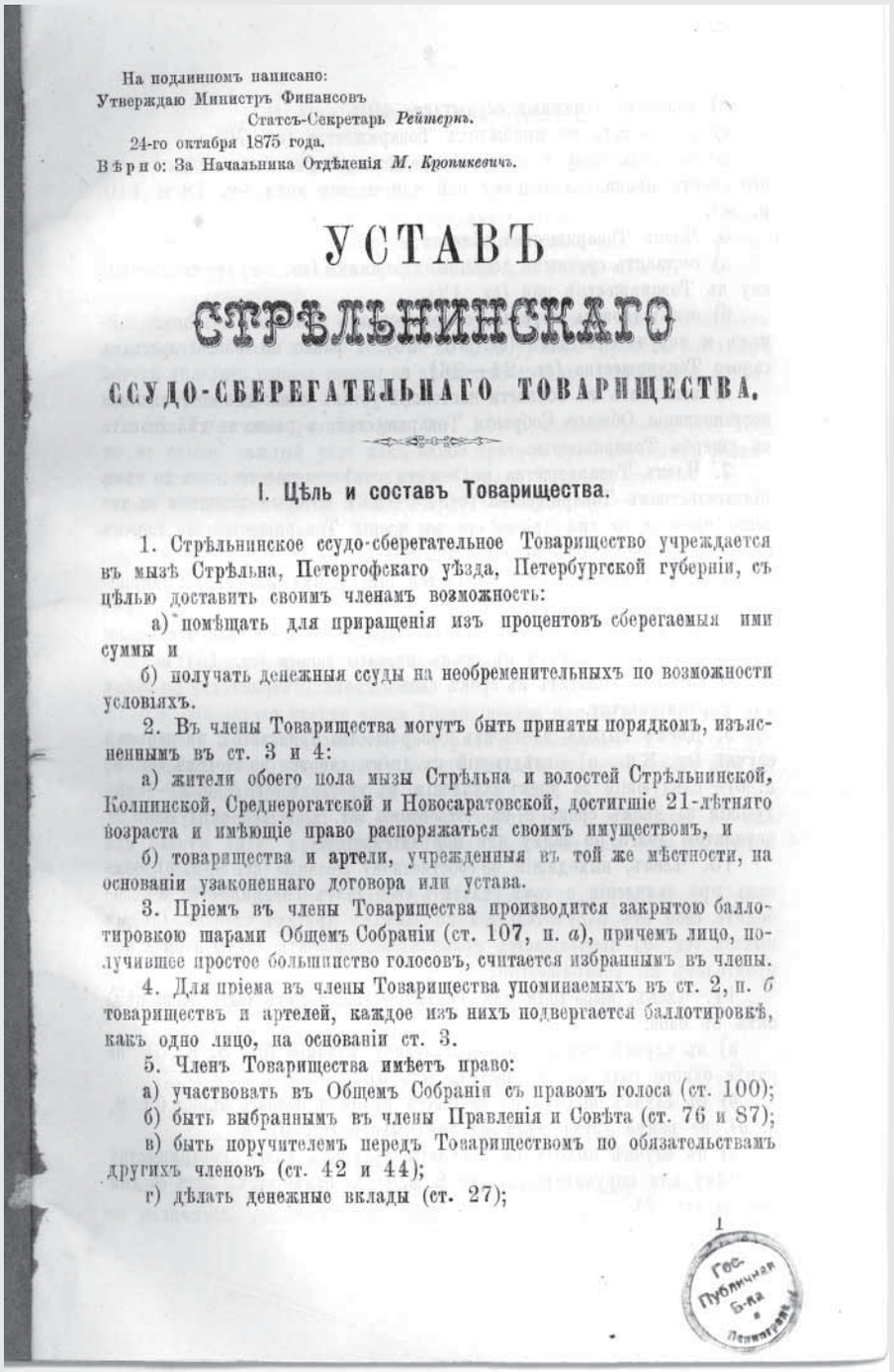
Ораниенбаум. Рынок на Сенной площади. Открытка начала XX в.
Немецкие колонисты привозили свои продукты для продажи на рынках Петербурга и ближайших к ним городов. Строительство железных дорог сузило для немцев рынок сбыта из-за возросшей конкуренции.

(81) Erlass der Spar- und Kreditgesellschaft von Strelna.
Bestätigt am 24. Oktober 1875.
Aus den Beständen der RNB

Die Gesellschaft wurde organisiert auf Initiative von E. I. Lamanski (1824–1902), dem Leiter der Staatsbank (1867–1881). Sein Landgut „Sorgenfrei" (Bessabotnoje) grenzte an die Ländereien der Strelnaer Kolonie. Ziel der Gesellschaft war das Sparen von Mitteln und der Erhalt günstiger Kredite für die Bewohner von Strelna und die Kolonisten der Siedlungen in den Gemeinden von Strelna, Kolpino, Srednaja Rogatka und Neu-Saratowka.

Устав Стрельнинского ссудо-сберегательного товарищества.
Утвержден 24 октября 1875 г.
Из фондов РНБ

Товарищество было организовано по инициативе Е. И. Ламанского (1824–1902), управляющего Государственным банком (1867–1881), чье имение «Беззаботное» примыкало к землям Стрельнинской колонии. Целью общества было сбережение средств и получение выгодных кредитов для жителей Стрельны и колонистов Стрельнинской, Колпинской, Среднерогатской и Новосаратовской волостей.



На подлинномъ написано:
Утверждаю Министръ Финансовъ
Статсъ-Секретарь *Рейтернъ*.
24-го октября 1875 года.
Вѣрно: За Начальника Отдѣленія *М. Кропиквичъ*.

УСТАВЪ
СТРѢЛЬНИНСКАГО
ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

I. Цѣль и составъ Товарищества.

1. Стрѣльнинское ссудо-сберегательное Товарищество учреждается въ мызѣ Стрѣльна, Петергофскаго уѣзда, Петербургской губерніи, съ цѣлью доставить своимъ членамъ возможность:

а) помѣщать для приращенія изъ процентовъ сберегаемыя ими суммы и

б) получать денежныя ссуды на необременительныхъ по возможности условіяхъ.

2. Въ члены Товарищества могутъ быть приняты порядкомъ, изъясненнымъ въ ст. 3 и 4:

а) жители обоего пола мызы Стрѣльна и волостей Стрѣльнинской, Колпинской, Среднерогатской и Новосаратовской, достигшіе 21-лѣтняго возраста и имѣющіе право распоряжаться своимъ имуществомъ, и

б) товарищества и артели, учрежденныя въ той же мѣстности, на основаніи узаконеннаго договора или устава.

3. Пріемъ въ члены Товарищества производится закрытою баллотировкою шарами Общемъ Собраніи (ст. 107, п. *а*), причемъ лицо, получившее простое большинство голосовъ, считается избраннымъ въ члены.

4. Для пріема въ члены Товарищества упоминаемыхъ въ ст. 2, п. *б* товариществъ и артелей, каждое изъ нихъ подвергается баллотировкѣ, какъ одно лицо, на основаніи ст. 3.

5. Членъ Товарищества имѣетъ право:

а) участвовать въ Общемъ Собраніи съ правомъ голоса (ст. 100);

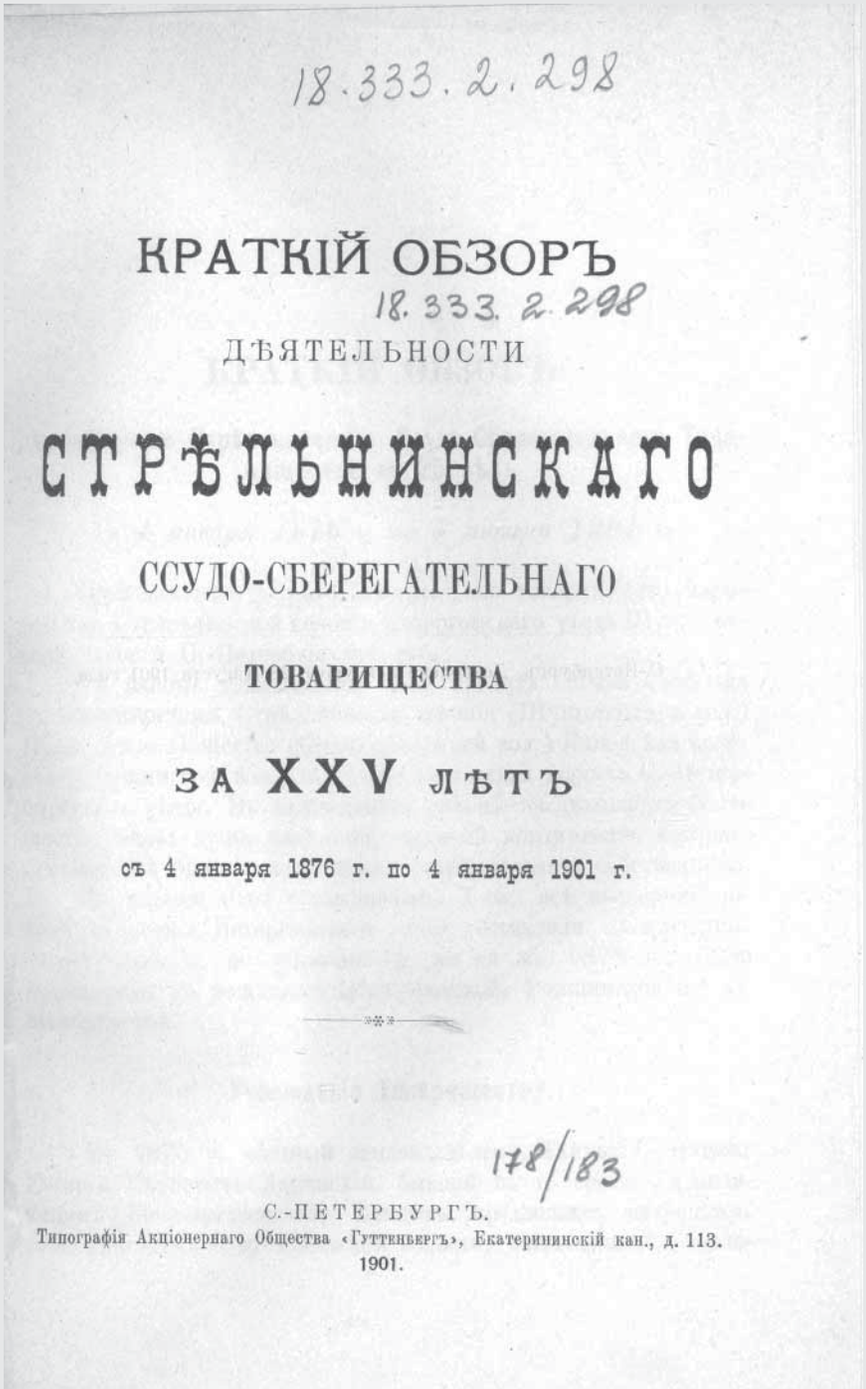
б) быть выбраннымъ въ члены Правленія и Совѣта (ст. 76 и 87);

в) быть поручителемъ передъ Товариществомъ по обязательствамъ другихъ членовъ (ст. 42 и 44);

г) дѣлать денежные вклады (ст. 27);

1

Гос. Публичная Б-ка Ленинград



18.333.2.298

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

18.333.2.298

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

СТРѢЛЬНИНСКАГО

ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАГО

ТОВАРИЩЕСТВА

ЗА XXV ЛѢТЪ

съ 4 января 1876 г. по 4 января 1901 г.

178/183

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акціонернаго Общества «Гуттенбергъ», Екатерининскій кан., д. 113.

1901.

***(82)* Übersicht über die Tätigkeiten der Strelnaer Spar- und Kreditgesellschaft in einem Zeitraum von 25 Jahren. 1901.**

Aus den Beständen der RNB

Die Gesellschaft begann ihre Tätigkeit am 4. Januar 1876. Am 29. April 1901 fand eine außerordentliche Generalversammlung statt, die der 25-jährigen Tätigkeit der Gesellschaft gewidmet war.

Обзор деятельности Стрельнинского ссудо-сберегательного товарищества за 25 лет. 1901 г.

Из фондов РНБ

Товарищество приступило к работе 4 января 1876 г. 29 апреля 1901 г. состоялось чрезвычайное общее собрание, посвященное 25-летию деятельности общества.

6/ DIE KIRCHE UND DAS GEISTLICHE LEBEN DER KOLONISTEN
ЦЕРКОВЬ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КОЛОНИСТОВ

Die Geschichte der Lutheraner an den Ufern der Newa und des Ladogasees beginnt am Ende des XVI. Jh. und steht in Zusammenhang mit der Entwicklung der lutherischen Gemeinden in Ingermanland. Die Gründung der ersten deutschen Kolonie bei Petersburg im Jahre 1765 schuf die Voraussetzungen für die Organisation einer Gemeinde in Neu-Saratowka, eine der größten lutherischen Gemeinden im Gouvernement Sankt Petersburg. Die Lutheraner des Gouvernements gehörten zum Petersburger Konsistorialbezirk. Die Katholiken unter den Siedlern bildeten eine deutliche Minderheit unter den Siedlern, sie lebten vorwiegend in den Siedlungen Jamburg.

История лютеран на берегах Невы и Ладоги начинается с конца XVI в. и связана с развитием лютеранских общих в Ингерманландии. Основание первых немецких колоний под Петербургом в 1765 г. создало предпосылки для организации Новосаратовского прихода, одного из самых больших лютеранских приходов в Петербургской губернии. Лютеране губернии относились к ведению Петербургского консисториального округа. Католики среди колонистов составляли значительное меньшинство, жили преимущественно в ямбургских колониях.

***(83)* Kirche der Heiligen Katharina in Neu-Saratowka. 2012.**

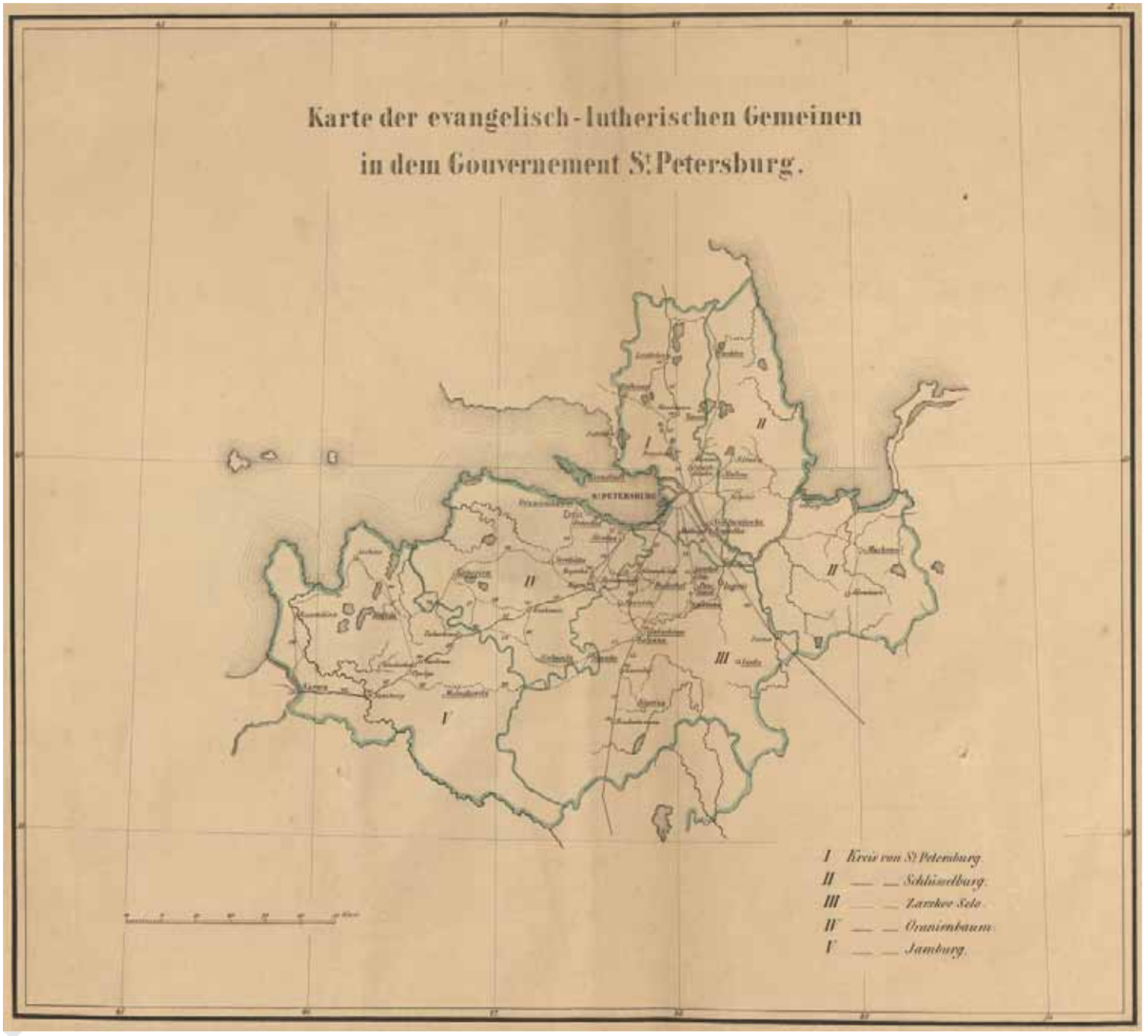
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Die Hauptkirche in der Gemeinde von Neu-Saratowka. Die erste Kirche, die auf Staatskosten im Jahre 1766 errichtet worden war, war aus Holz gebaut. Der Grundstein zu einer Kirche aus Stein wurde am 24. September 1833 gelegt. Geweiht wurde die Kirche dann am 8. Dezember 1835. Im Jahre 1869 wurde sie umgebaut und am 21. September 1935 geschlossen.

Церковь св. Екатерины в Новосаратовке. 2012 г.

Фото И. В. Черказьяновой

Центральный храм Новосаратовского прихода. Первая церковь, построенная за казенный счет в 1766 г., была деревянной. Каменная кирха заложена 24 сентября 1833 г., освящена 8 декабря 1835 г., перестроена в 1869 г. Закрыта 21 сентября 1935 г.



***(84)* Karte der evangelisch-lutherischen Gemeinden des Gouvernement Sankt Petersburg. 1855.**

Aus dem Buch „Atlas der evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland"

Auf der Karte sind die einzelnen Bezirke eingezeichnet: Petersburg, Schlüsselburg, Zarskoselsk, Oranienbaum, Jamburg. Im Jahre 1852 gab es an folgenden Orten lutherische Gemeinden: Zarskoje Selo und Friedenthal, Pawlowsk, Gatschina und den Siedlungen Etjup, Strelna und Kipen, Oranienbaum und Peterhof, Kronstadt, Neu-Saratowka, Jamburg, Narwa (deutsche und finnische Gemeinde). Insgesamt gab es im Gouvernement mehr als 149 000 Lutheraner.

Карта евангелическо-лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии. 1855 г.

Из книги «Atlas der evangelisch-lutherischen Gemeinen in Russland»

На карте отмечены уезды: Петербургский, Шлиссельбургский, Царскосельский, Ораниенбаумский и Ямбургский. В 1852 г. имелись лютеранские общины: Царское Село и Фриденталь, Павловск, Гатчина и колония Этюп, Стрельна и Кипень, Ораниенбаум и Петергоф, Кронштадт, Новосаратовка, Ямбург, Нарва (немецкая и финская общины). Всего в губернии насчитывалось более 149 тысяч лютеран.

***(85)* Kirche in der Kolonie Strelna. Postkarte vom Beginn des XX. Jh.**

Ab 1810 ist die Kolonie Strelna das Zentrum der gleichnamigen Gemeinde. 1813 wurde die Holzkirche der Heiligen Peter und Paul errichtet. In den Jahren 1874–1875 wurde sie nach den Plänen des Architekten F. L. Miller umgebaut und am 23. August 1875 geweiht. Zur Kirche gehörte auch ein Gebetshaus in der Kolonie Kipen. Am 23. Oktober 1935 wurde sie geschlossen.

Кирха в Стрельнинской колонии. Открытка начала XX в.

С 1810 г. Стрельнинская колония – центр одноименного прихода. Деревянная церковь св. Петра и Павла построена в 1813 г. Перестроена в 1874–1875 гг. по проекту архитектора Ф. Л. Миллера, освящена 23 августа 1875 г. К кирхе был приписан молитвенный дом в колонии Кипень. Закрыта 23 октября 1935 г.

***(86)* Kirche in der Kolonie Strelna. Außenansicht. 1910.**

Aus der Zeitschrift „Nachrichten aus aller Welt"

Кирха в Стрельнинской колонии. Внешний вид. 1910 г.

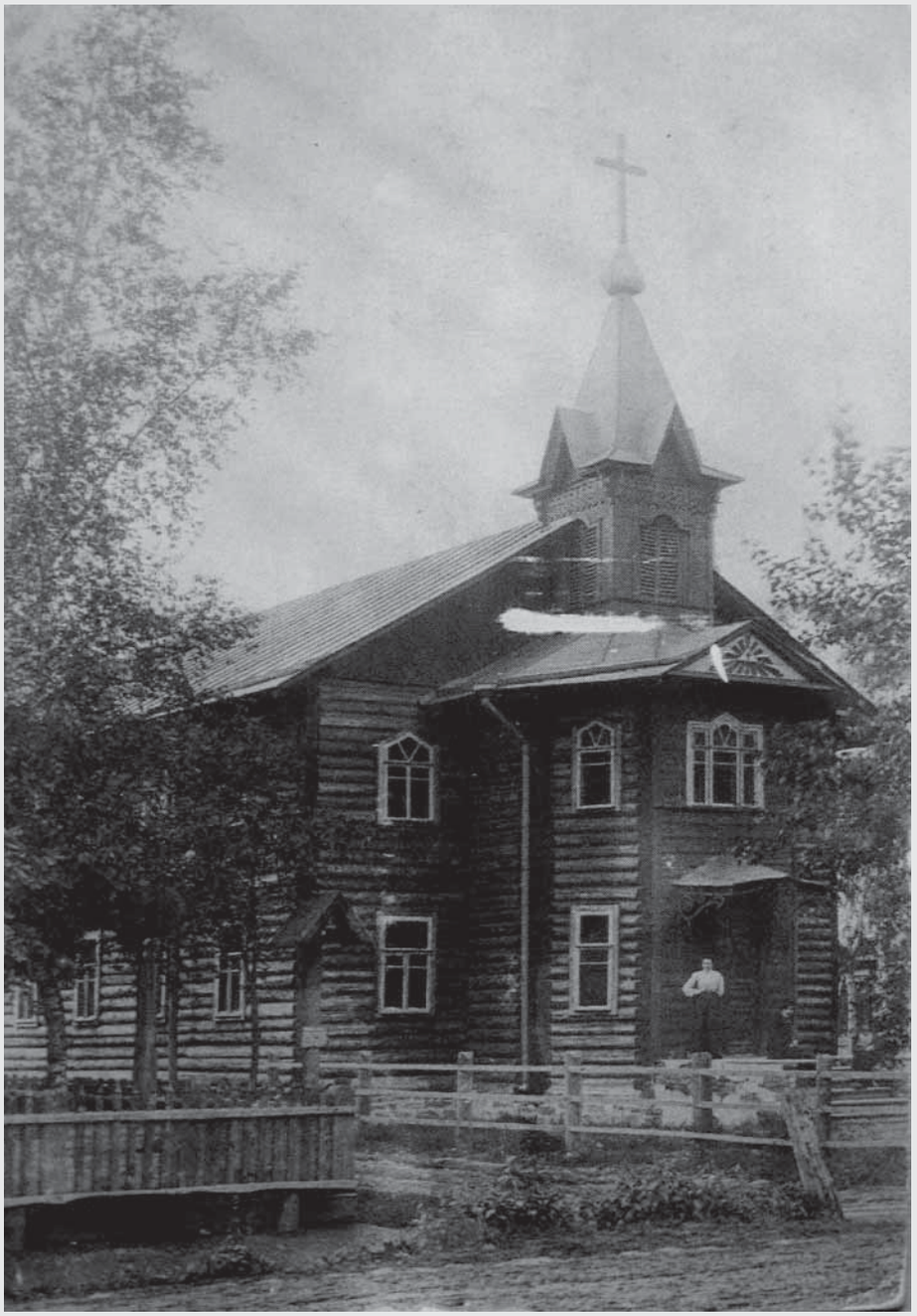
Из журнала «Всемирное обозрение»

***(87)* Innenausstattung der Kirche von Strelna. 1910.**

Aus der Zeitschrift „Nachrichten aus aller Welt"

Внутреннее убранство Стрельнинской кирхи. 1910 г.

Из журнала «Всемирное обозрение»



***(88)* Holzkirche des Heiligen Nikolaus in der Kolonie Graschdanka.**
Foto vom Beginn des XX. Jh.
Aus dem Familienarchiv von N. J. Vogelgesang
Die Kirche mit ihrem Glockenturm wurde von Spenden der Siedler im Jahre 1900 errichtet und am 6. Dezember 1900 von Pastor Hermann Bartelt geweiht. Sie stand auf dem Grund der Kolonisten Schäfer. Im Dezember 1935 wurde sie geschlossen.

Деревянная церковь св. Николая в колонии Гражданка. Фото начала XX в.
Из семейного архива Н. Я. Фогельгезанга
Кирха с колокольней построена на пожертвования колонистов в 1900 г., освящена 6 декабря 1900 г. пастором Германом Бартельтом. Стояла на земле колонистов Шеферов. Закрыта в декабре 1935 г.

***(89)* Pastor Hermann Bartelt (in der zweiten Reihe, Mitte) mit Gemeindemitgliedern, Bewohnern der Kolonie Graschdanka. 1901.**

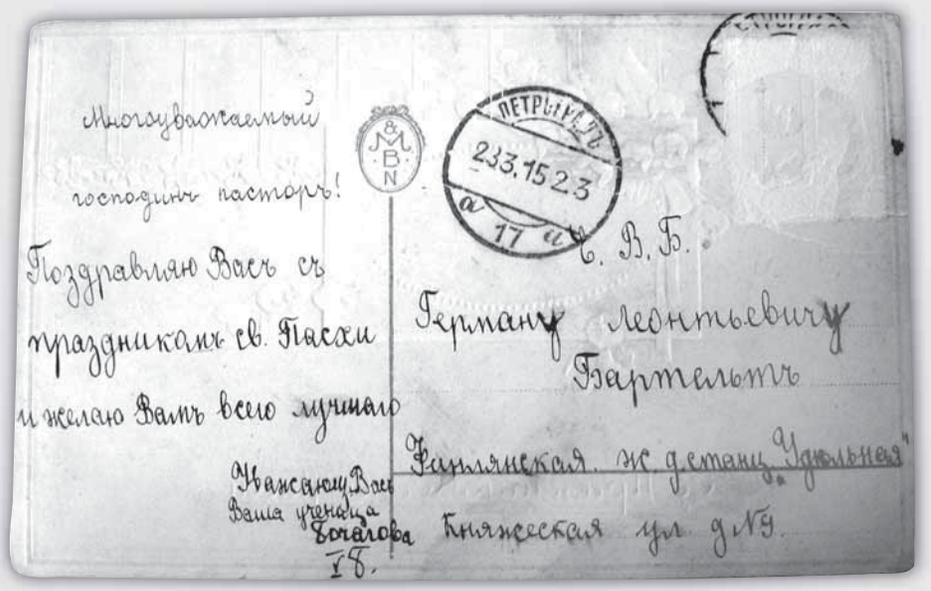
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann

Hermann (Leontjewitsch/Ludwigowitsch) Bartelt (1849–1930) war Pastor der Kirche der Heiligen Katharina in Neu-Saratowka (1875–1911). Von 1922 bis Dezember 1928 war er in den Siedlungen Graschdanka und Neu-Pargolowo tätig.

Пастор Герман Бартельт (во втором ряду в центре) с прихожанами – жителями колонии Гражданка. 1901 г.

Из семейного архива А. П. Амана

Бартельт Герман (Леонтьевич) Людвигович (1849–1930) состоял пастором церкви св. Екатерины в Новосаратовке (1875–1911), с 1922-го по декабрь 1928 г. – в колонии Гражданка и Новопарголово.



***(90)* Glückwunschkarte zu Ostern an Pastor H. Bartelt von seiner Schülerin Bogatschowa aus Petrograd. 23. März 1915.**

Leihgabe von S. E. Gleserow

Поздравительная открытка к Пасхе пастору Г. Бартельту от ученицы Бочаговой из Петрограда. 23 марта 1915 г.

Предоставил С. Е. Глезеров

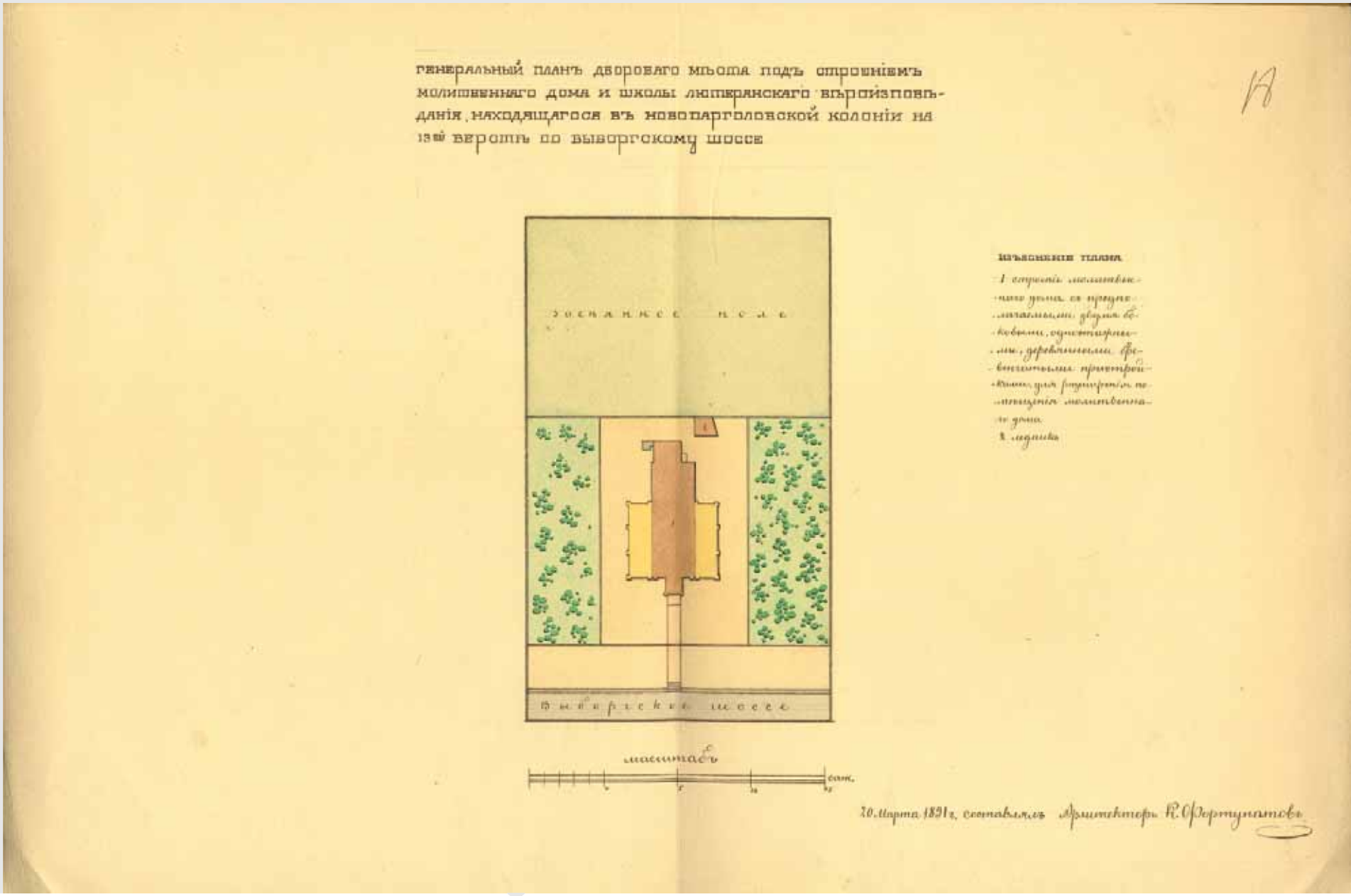
6/

***(91)* Deutsche Kirche des Heiligen Nikolaus in Ligowo.** Postkarte, nicht vor 1910

Holzkirche für 150 Besucher, erbaut nach Plänen des Architekten F. E. Krüger. Geweiht am 26. Dezember 1909. Freigegeben für die Abhaltung von Gottesdiensten am 24. März 1910. Geschlossen im Oktober 1938. Das Gebäude verbrannte im Zuge der Kämpfe der Jahre 1941–1944.

Немецкая кирха св. Николая в поселке Лигово.
Открытка, не ранее 1910 г.

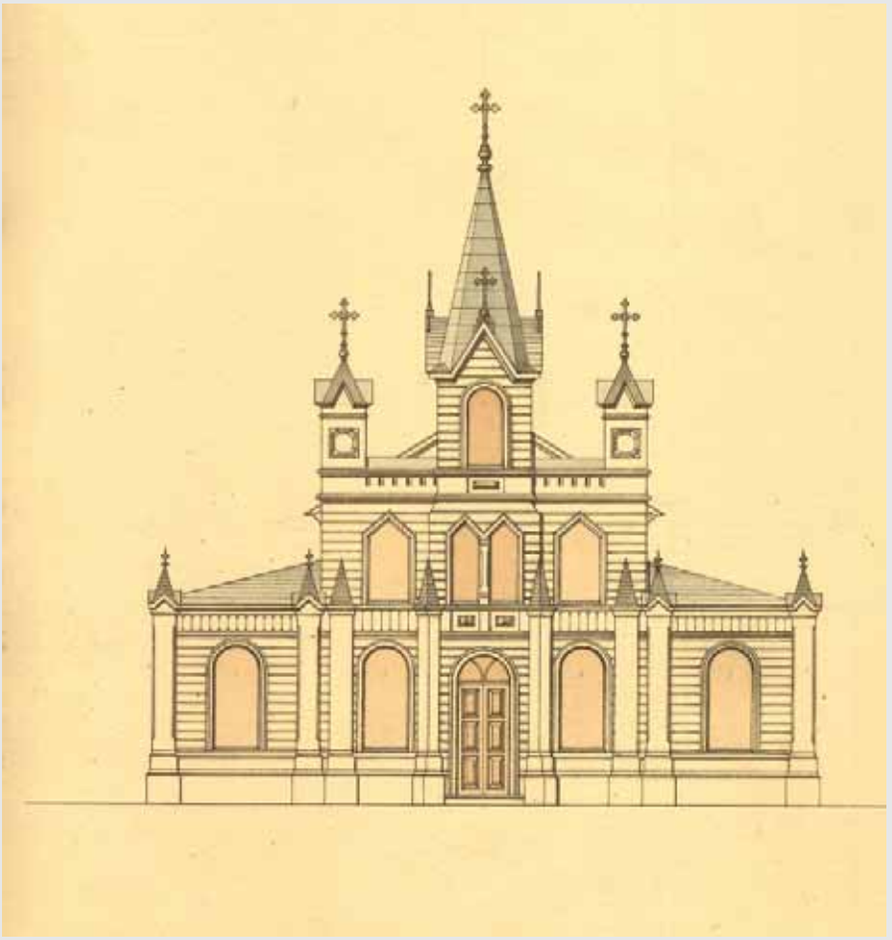
Деревянная церковь на 150 мест построена по проекту архитектора Ф. Э. Крюгера. Освящена 26 декабря 1909 г., разрешение на проведение служб получено 24 марта 1910 г. Закрыта в октябре 1938 г. Здание сгорело в ходе боев 1941–1944 гг.

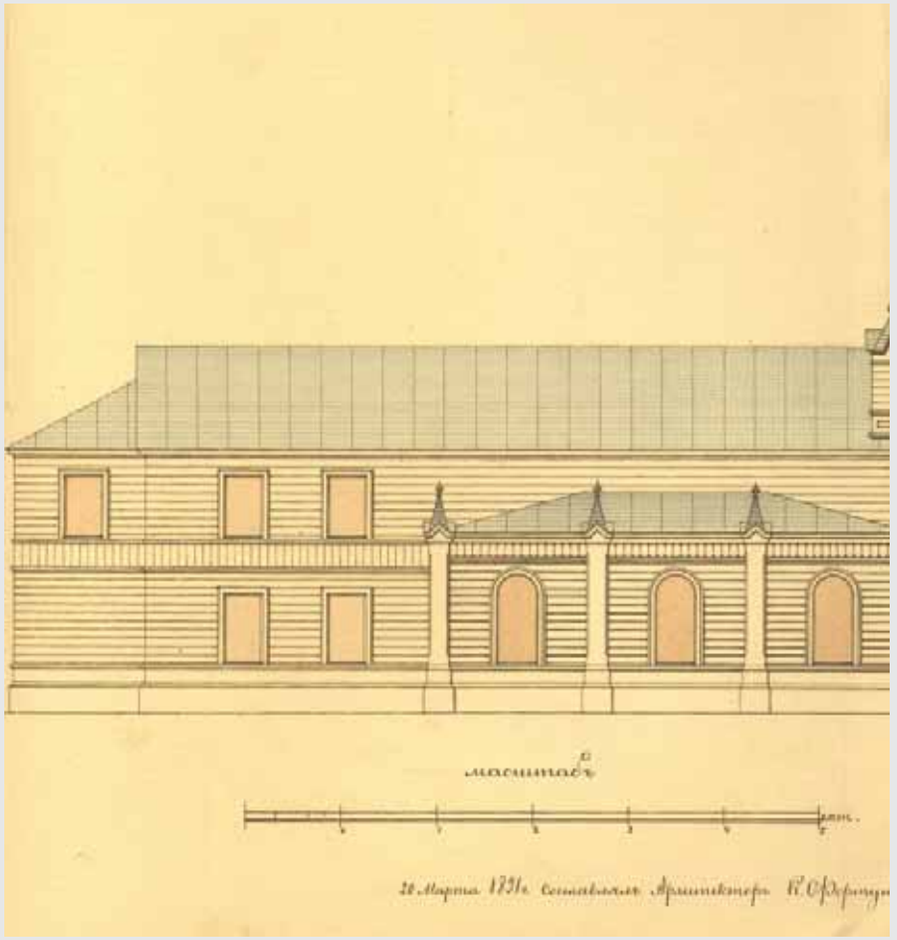


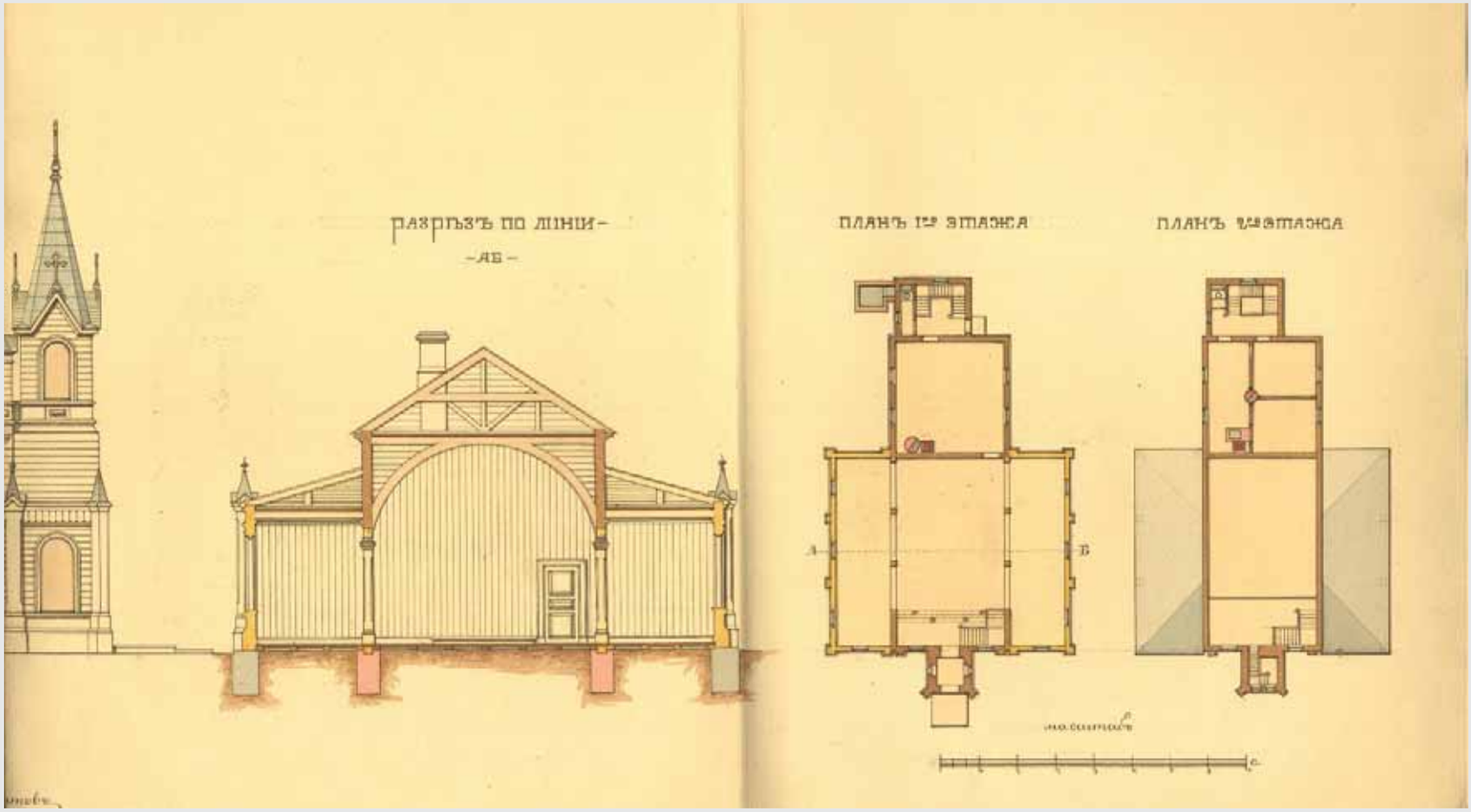
***(92)* Generalplan des Hofareals beim Bau der Kirche und der Schule** in der Kolonie Neu-Pargolowo an der Wyborger Chaussee 45. Das Projekt wurde am 20. März gebilligt. Architekt K. W. Fortunatow.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

Генеральный план дворового места под застройку церкви и школы в Новопарголовской колонии по Выборгскому шоссе, 45. Проект составлен 20 марта 1891 г. Архитектор К. В. Фортунатов.
Из фондов ЦГИА СПб

6/

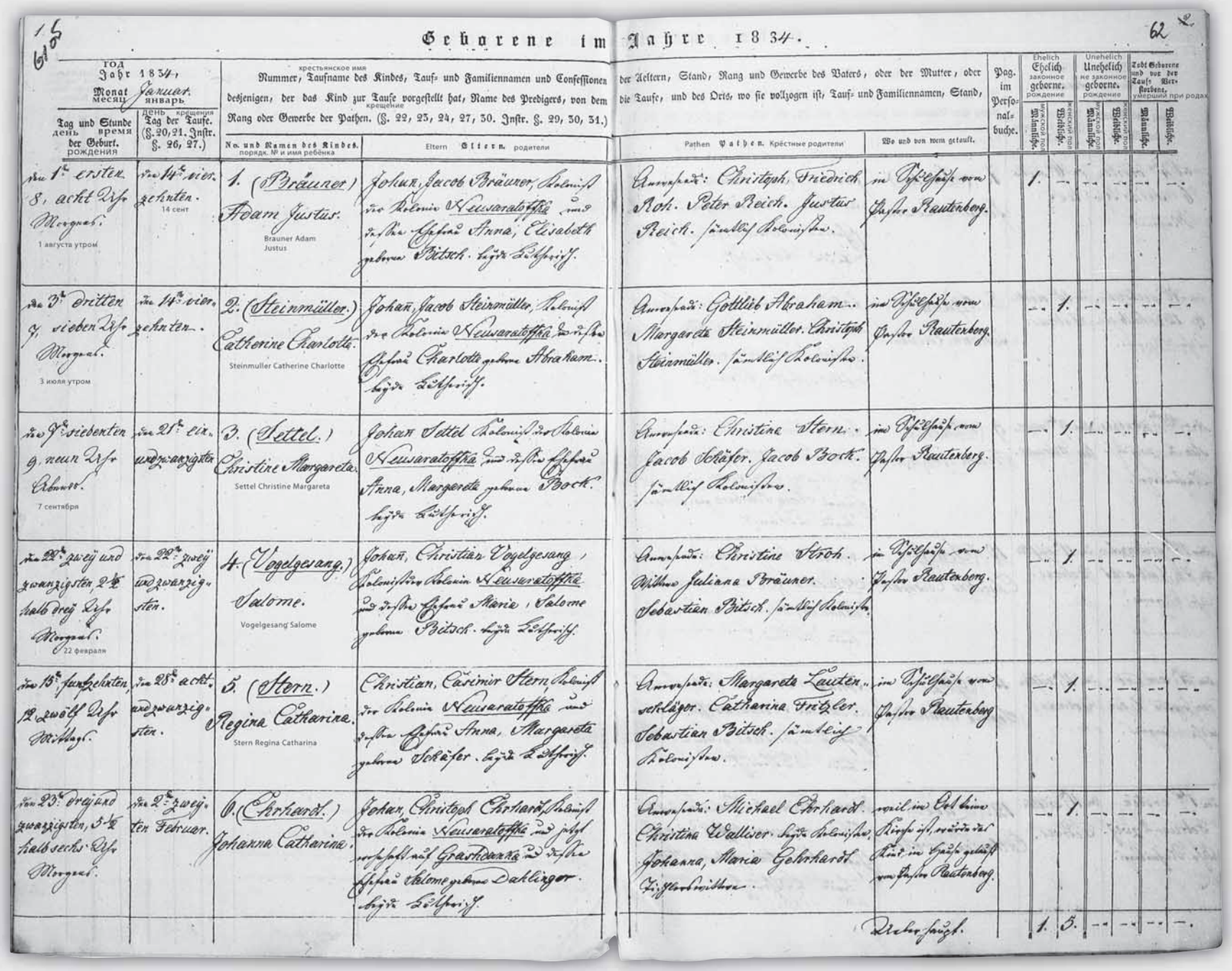






***(93)* Haupt- und Seitenfassaden der Kirche in der Kolonie Neu-Pargolowo. 20. März 1891.** Architekt K. W. Fortunatow.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

Главный и боковой фасады церкви в Новопарголовской колонии. 20 марта 1891 г. Архитектор К. В. Фортунатов.
Из фондов ЦГИА СПб



Geborene im Jahre 1834.

Tag und Stunde / день время / der Geburt. / рождения	Tag der Taufe. (§. 20, 21. Instr. §. 26, 27.)	No. und Namen des Kindes. / порядк. № и имя ребёнка	Eltern / Eltern. / родители	Pathen / Pathen. / Крёстные родители	Wo und von wem getauft.	Pag. im Personalbuche.	Ehelich / законное / рождение: Männliche.	Ehelich: Weibliche.	Unehelich / не законное / рождение: Männliche.	Unehelich: Weibliche.	Todt Geborene und vor der Taufe Verstorbene, умершiй при родах: Männliche.	Todt Geborene: Weibliche.
den 1. ersten 8. acht Uhr Morgens. 1 августа утром	den 14. vierzehnten. 14 сент	1. (Bräuner) Adam Justus. Brauner Adam Justus	Johan, Jacob Bräuner, Kolonist der Kolonie Neusaratoffka und dessen Ehefrau Anna, Elisabeth geborne Bitsch. beyde Lutherisch.	Anwesende: Christoph, Friedrich Roh. Peter Reich. Justus Reich. sämtlich Kolonisten.	im Schulhause vom Pastor Rautenberg.		1.	—	—	—	—	—
den 3. dritten 7. sieben Uhr Morgens. 3 июля утром	den 14. vierzehnten.	2. (Steinmüller.) Catherine Charlotte. Steinmuller Catherine Charlotte	Johan, Jacob Steinmüller, Kolonist der Kolonie Neusaratoffka und dessen Ehefrau Charlotte geborne Abraham. beyde Lutherisch.	Anwesende: Gottlieb Abraham. Margareta Steinmüller. Christoph Steinmüller. sämtlich Kolonisten.	im Schulhause vom Pastor Rautenberg.		—	1.	—	—	—	—
den 7. siebenten 9. neun Uhr Abends. 7 сентября	den 21. einundzwanzigsten	3. (Settel.) Christine Margareta. Settel Christine Margareta	Johan Settel Kolonist der Kolonie Neusaratoffka und dessen Ehefrau Anna, Margareta geborne Bock. beyde Lutherisch.	Anwesende: Christine Stern. Jacob Schäfer. Jacob Bock. sämtlich Kolonisten.	im Schulhause vom Pastor Rautenberg.		—	1.	—	—	—	—
den 22. zwey und zwanzigsten, 2½ halb drey Uhr Morgens. 22 февраля	den 22. zwey und zwanzigsten.	4. (Vogelgesang.) Salome. Vogelgesang Salome	Johan, Christian Vogelgesang, Kolonist der Kolonie Neusaratoffka und dessen Ehefrau Maria, Salome geborne Bitsch. beyde Lutherisch.	Anwesende: Christine Stroh. Wittwe Juliana Bräuner. Sebastian Bitsch. sämtlich Kolonisten.	im Schulhause vom Pastor Rautenberg.		—	1.	—	—	—	—
den 15. funfzehnten, 12. zwölf Uhr Mittags.	den 28. acht und zwanzigsten.	5. (Stern.) Regina Catharina. Stern Regina Catharina	Christian, Casimir Stern, Kolonist der Kolonie Neusaratoffka und dessen Ehefrau Anna, Margareta geborne Schäfer. beyde Lutherisch.	Anwesende: Margareta Lautenschläger. Catharina Fritzler. Sebastian Bitsch. sämtlich Kolonisten.	im Schulhause vom Pastor Rautenberg		—	1.	—	—	—	—
den 23. drey und zwanzigsten, 5½ halb sechs Uhr Morgens.	den 2. zweyten Februar.	6. (Ehrhardt.) Johanna Catharina.	Johan, Christoph Ehrhardt, Kolonist der Kolonie Neusaratoffka und jetzt wohnhaft auf Grashdanka und dessen Ehefrau Salome geborne Dahlinger. beyde Lutherisch.	Anwesende: Michael Ehrhardt. Christina Walliser. beyde Kolonisten. Johanna, Maria Gehrhardt Tischlerswittwe.	weil im Ort keine Kirche ist, würde das Kind im Hause getauft vom Pastor Rautenberg.		—	1.	—	—	—	—
					Unterhaupt.		1.	5.	—	—	—	—

***(94)* Seite aus dem Kirchenbuch der Gemeinde von Neu-Saratowka. Januar 1834.**

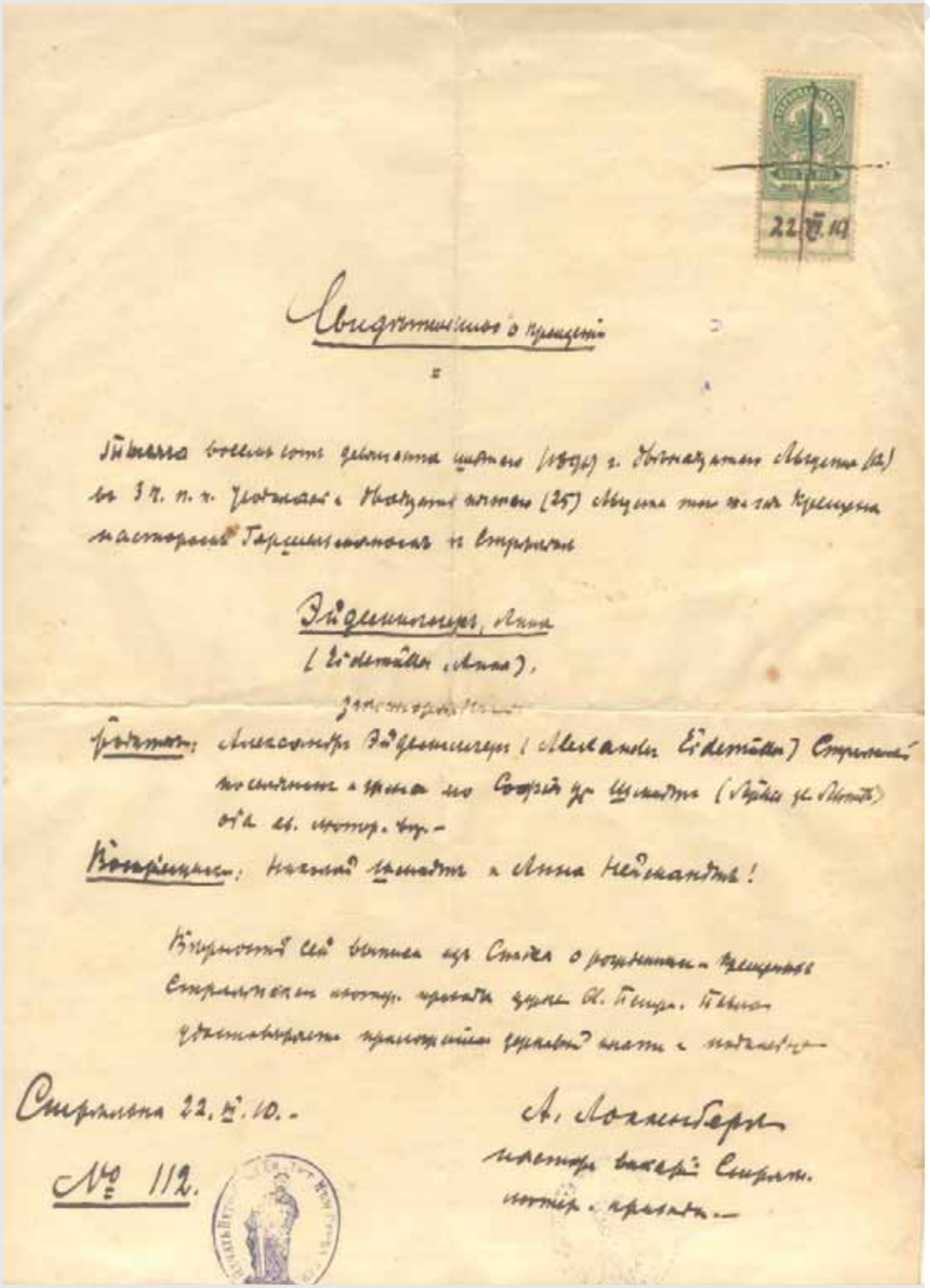
Leihgabe von S. A. Schmidt

Eintragungen von Geburt und Taufe der Kinder Breuner, Steinmüller, Settel, Vogelgesang, Stern, Erhardt.

Страница из метрической книги Новосаратовского прихода. Январь 1834 г.

Предоставил С. А. Шмидт

Записи о рождении и крещении детей Брейнер, Штейнмиллер, Зеттель, Фогельгезанг, Штерн, Эрхардт.



(95) Taufzeugnis von Anna Eidemüller. Ausgestellt im Jahre 1910.

Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Auszug aus dem Geburts- und Taufbuch der Gemeinde von Strelna im August 1896. Tochter von Alexander Eidemüller und Sophie (geb. Schmidt). Die Eintragung ist von Pastor Adolf Lockenberg gemacht. Lutherische Kindestaufen wurden in den ersten acht Tagen vorgenommen oder nicht später als sechs Wochen nach der Geburt.

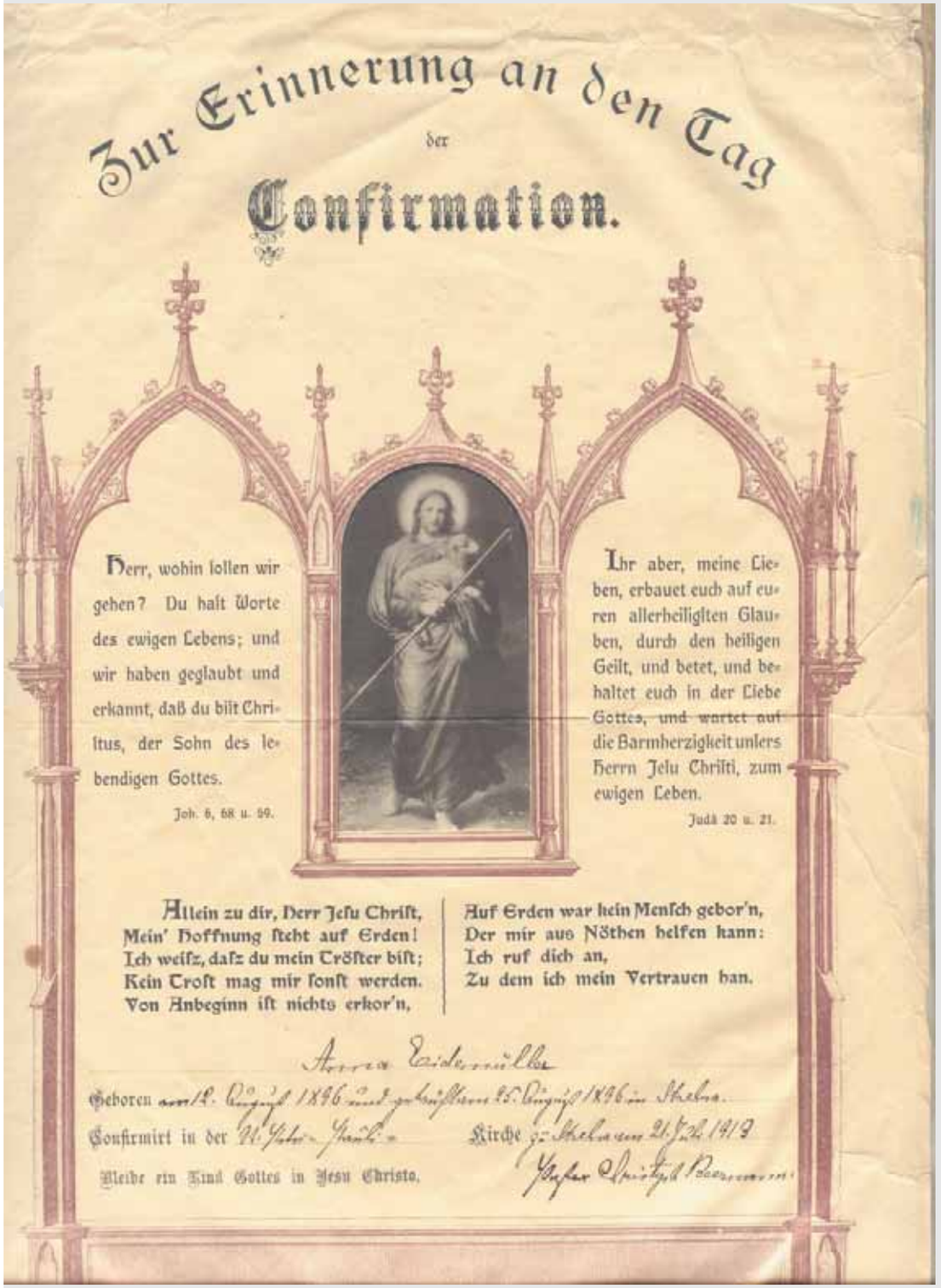
Свидетельство о крещении Анны Эйдемиллер.

Выдано в 1910 г.

Из семейного архива В. Ф. Шефера

Выписка из метрической книги Стрельнинского прихода о рождении и крещении в августе 1896 г. дочери Александра Эйдемиллера и Софии (дев. Шмидт). Запись сделана пастором Адольфом Локкенбергом. Крещение детей лютеран проводилось в течение первых восьми дней, или не позднее, как через шесть недель со дня рождения.

6/


Zur Erinnerung an den Tag
der
Confirmation.

Herr, wohin sollen wir gehen? Du hast Worte des ewigen Lebens; und wir haben geglaubt und erkannt, daß du bist Christus, der Sohn des lebendigen Gottes.
Joh. 6, 68 u. 69.

Ihr aber, meine Lieben, erbauet euch auf euren allerheiligsten Glauben, durch den heiligen Geist, und betet, und behaltet euch in der Liebe Gottes, und wartet auf die Barmherzigkeit unsers Herrn Jesu Christi, zum ewigen Leben.
Judä 20 u. 21.

Allein zu dir, Herr Jesu Christ,
Mein' Hoffnung steht auf Erden!
Ich weiß, daß du mein Tröster bist;
Kein Trost mag mir sonst werden.
Von Anbeginn ist nichts erkor'n,

Auf Erden war kein Mensch gebor'n,
Der mir aus Nöthen helfen kann:
Ich ruf dich an,
Zu dem ich mein Vertrauen han.

Anna Eidemüller
Geboren am 12. August 1896 und getauft am 25. August 1896 in Strelna.
Confirmirt in der Ev.-luth. Kirche zu Strelna am 21. Juli 1913
Bleibe ein Kind Gottes in Jesu Christo.
Joseph Christoph Beermann

***(96)* Konfirmationsurkunde von Anna Eidemüller, Bewohnerin der Kolonie von Strelna. 21. Juli 1913.** Ausgestellt von Pastor K.-W. Beermann.

Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Zur Konfirmation kamen Jugendliche im Alter von 14 und 15 Jahren. Sie wurde von einem Prediger der Gemeinde vollzogen, in der der oder die Konfirmierte lebte. Pastor Christoph-Wilhelm Beermann (1864–1939) diente in Oranienbaum und in Strelna in den Jahren 1897–1916.

Свидетельство о конфирмации Анны Эйдемиллер, жительницы Стрельнинской колонии. 21 июля 1913 г. Выдано пастором К.-В. Беерманом.

Из семейного архива В. Ф. Шефера

Обряд конфирмации совершался над молодыми людьми с 14–15-летнего возраста. Его проводил проповедник того прихода, где жил конфирмуемый. Пастор Кристоф-Вильгельм Беерман (1864–1939) служил в Ораниенбауме и Стрельне в 1897–1916 гг.

***(97)* Konfirmationsurkunde von Theresa Schäfer,** Bewohnerin der Kolonie Neu-Saratowka. 28. März 1926. Ausgestellt von Pastor P. Reichert.

Aus dem Familienarchiv von Pahl-Kern

Paul (Pawel) Iwanowitsch Reichert (1875–1938), Pastor in Neu-Saratowka (1921–1933), diente zugleich in den Kolonien Owzyno und Neu-Alexandrowka. Erschossen in Leningrad am 3. Januar 1938.

Свидетельство о конфирмации Терезы Шефер, жительницы Новосаратовской колонии. 28 марта 1926 г. Выдано пастором П. Рейхертом.

Из семейного архива Паль-Керн

Рейхерт Пауль (Павел) Иванович (1875–1938), пастор в Новосаратовке (1921–1933), одновременно служил в колониях Овцыно и Новоалександровке. Расстрелян в Ленинграде 3 января 1938 г.

***(98)* Konfirmationsurkunde von Martin Pletzer,** Kolonie Kolpino. 19. April 1915. Ausgestellt von Pastor W.-T. Jukum. Kopie von 1933.

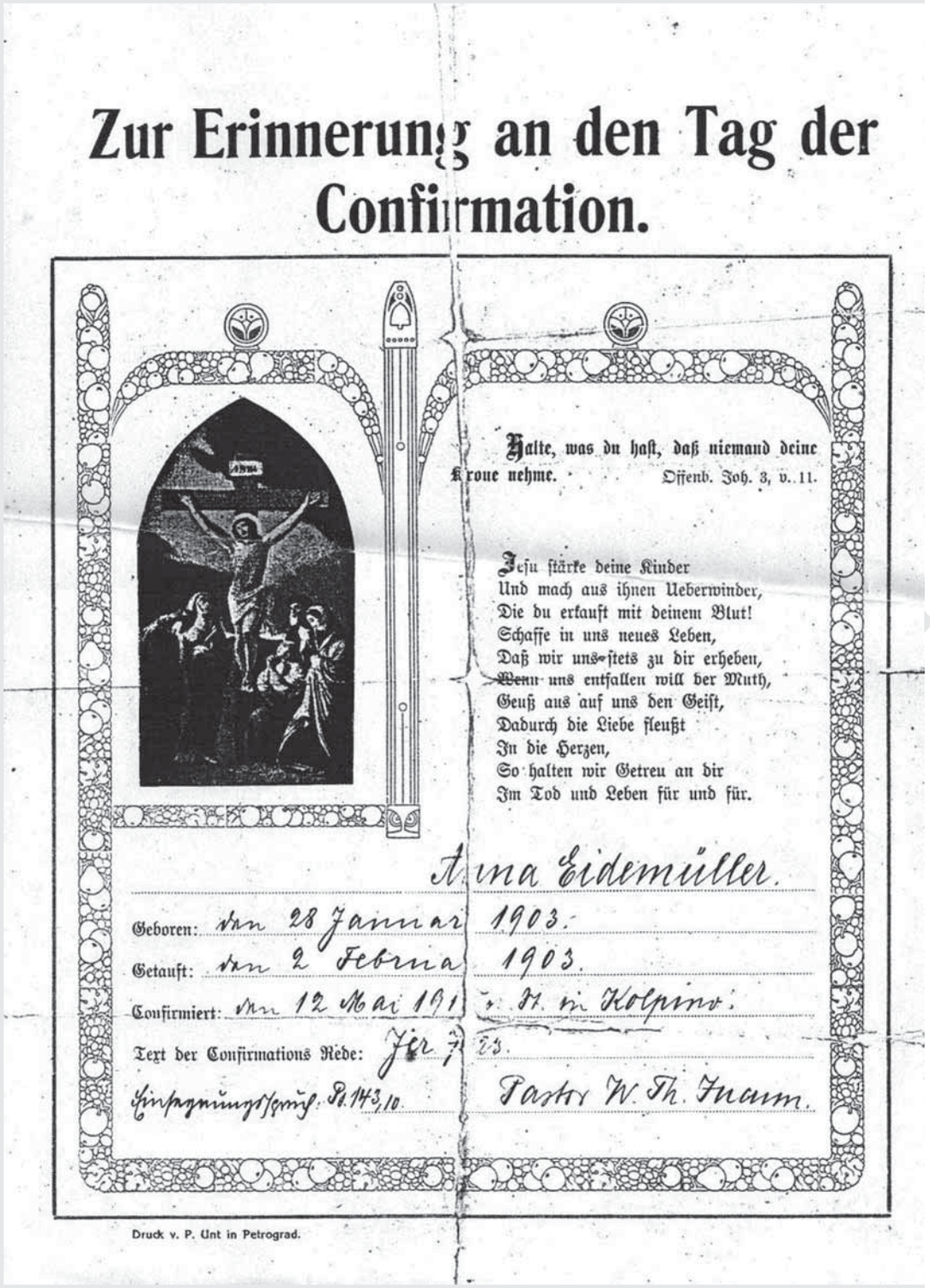
Aus dem Familienarchiv von E. J. Pletzer

Martin Adamowitsch Pletzer (1900–1938), gebürtig aus der Kolonie Kolpino. Erschossen in Leningrad am 9. Juli 1938.

Свидетельство о конфирмации Мартина Плетцера. Колпинская колония, 19 апреля 1915 г. Выдано пастором В.-Т. Юкумом. Копия 1933 г.

Из семейного архива Е. Я. Плетцер

Мартин Адамович Плетцер (1900–1938), уроженец Колпинской колонии. Расстрелян в Ленинграде 9 июля 1938 г.



Zur Erinnerung an den Tag der Confirmation.

Halte, was du hast, daß niemand deine Krone nehme. Offenb. Joh. 3, v. 11.

Jesu stärke deine Kinder
Und mach aus ihnen Ueberwinder,
Die du erkauft mit deinem Blut!
Schaffe in uns neues Leben,
Daß wir uns stets zu dir erheben,
Wenn uns entfallen will der Muth,
Geuß aus auf uns den Geist,
Dadurch die Liebe fleußt
In die Herzen,
So halten wir Getreu an dir
Im Tod und Leben für und für.

Anna Eidemüller.

Geboren: den 28 Januar 1903.
Getauft: den 2 Februa 1903.
Confirmiert: den 12 Mai 191 [illegible] in Kolpino.
Text der Confirmations Rede: Jer 7 23.
Einsegnungsspruch: Ps. 143, 10.

Pastor W. Th. Inaum.

Druck v. P. Unt in Petrograd.

***(99)* Konfirmationsurkunde von Anna Jakowlewna Eidemüller,** Kolonie Kolpino. 12. Mai 1915. Ausgestellt von Pastor W.-T. Jukum.

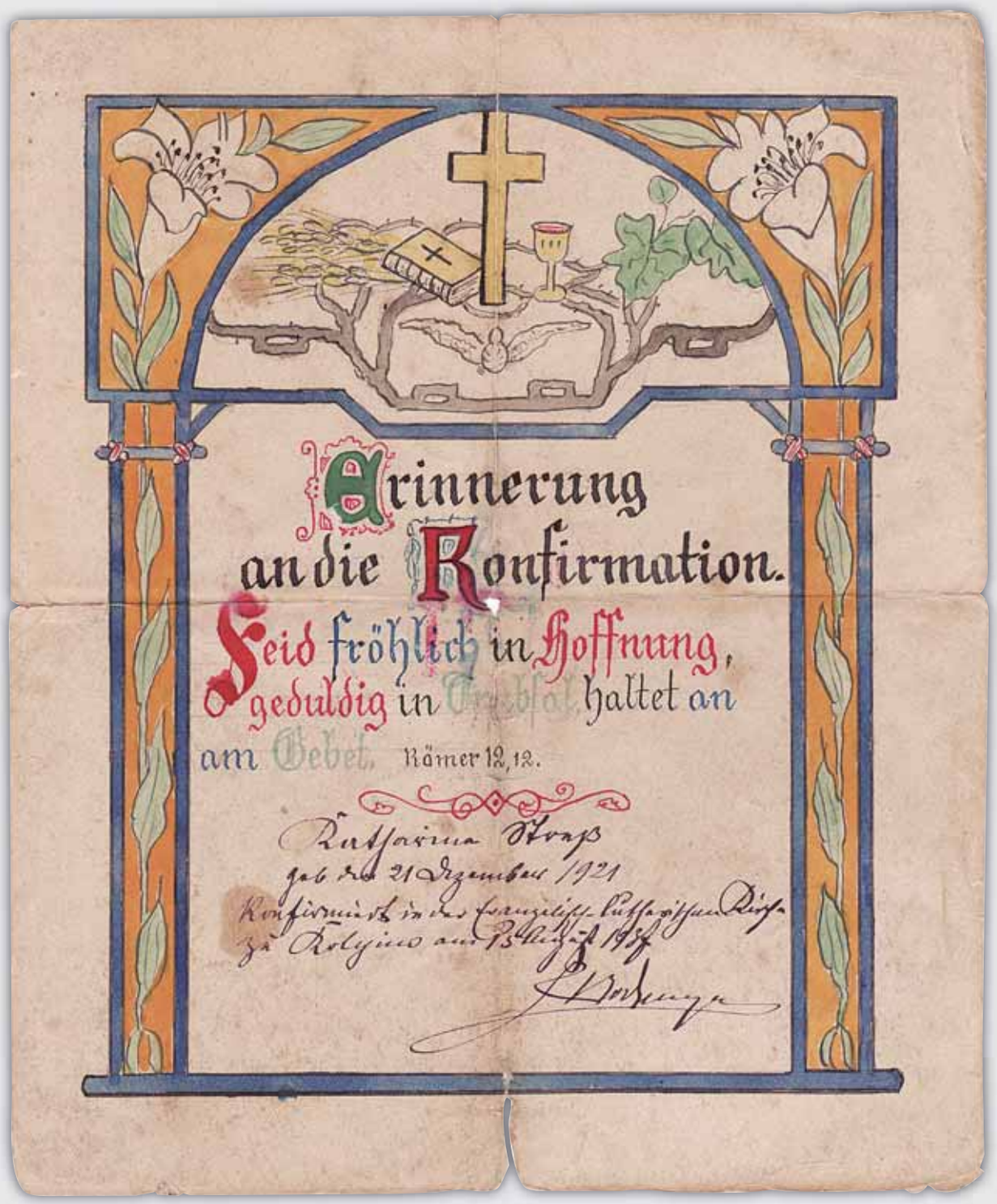
Aus dem Familienarchiv von E. J. Pletzer

Pastor William Theodor Jukum (1868–1954), diente in Neu-Saratowka (1911–1915), 1915–1918 befand er sich in der Verbannung in Tambow. 1920 emigrierte er nach Estland. 1940–1945 war er Vikar in Konitz (Westpreußen).

Свидетельство о конфирмации Анны Яковлевны Эйдемиллер. Колпинская колония, 12 мая 1915 г. Выдано пастором В.-Т. Юкумом.

Из семейного архива Е. Я.Плетцер

Пастор Вильям Теодор Юкум (1868–1954), в 1911–1915 гг. служил в Новосаратовском приходе. В 1915–1918 гг. находился в ссылке в Тамбове. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию, в 1940–1945 гг. был помощником проповедника в Конице (Западная Пруссия).



***(100)* Konfirmationsurkunde von Katharina Stres.** Kolonie Kolpino. 15. August 1937. Ausgestellt von Pastor B. Reichert [?]. Das Blatt ist per Hand ausgefüllt.
Aus dem Familienarchiv von A. Stres

Bruno Pawlowitsch Reichert (1908–1938), letzter Pastor der Kolonie Neu-Saratowka (1933–1935), diente zugleich in den Jahren 1933–1937 in der Martin-Luther-Kirche in der Kolonie Kolpino. Unter dem Druck der Regierung legte er seinen Rang am 29. Oktober 1937 ab. In Leningrad am 3. Januar 1938 erschossen.

Свидетельство о конфирмации Екатерины Штрез. Колпинская колония. 15 августа 1937 г. Выдано пастором Б. Райхертом [?]. Бланк изготовлен вручную.
Из семейного архива А. Штреза

Бруно Павлович Райхерт (1908–1938), последний пастор Новосаратовской колонии (1933–1935), одновременно в 1933–1937 гг. служил в церкви Мартина Лютера в Колпинской колонии. Под давлением властей отказался от сана 29 октября 1937 г. Расстрелян в Ленинграде 3 января 1938 г.

***(101)* Emilia Christophorowna Erhardt (im Ehestand Jung),** Bewohnerin der Kolonie Graschdanka, am Tag ihrer Konfirmation. 1915.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Эмилия Христофоровна Эргардт (в замужестве Юнг), жительница колонии Гражданка, в день конфирмации. 1915 г.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

***(102)* Konfirmanden von Neu-Saratowka in der Kirche der Heiligen Katharina. 1924.**

Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

Im Zentrum – Pastor Paul Reichert, in der oberen Reihe rechts Hermann Georgiewitsch Vogelgesang.

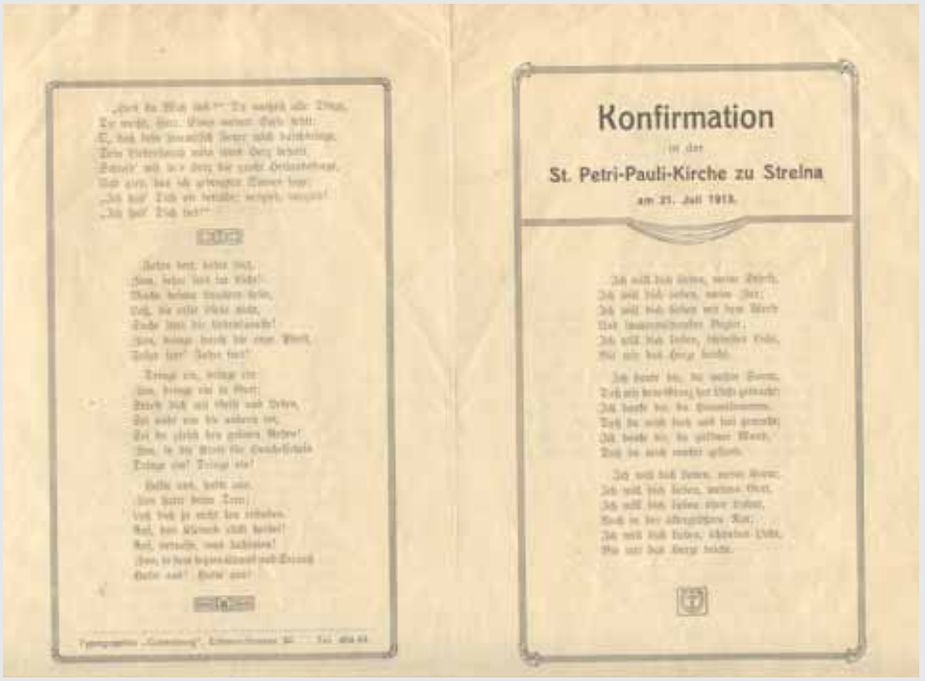
Конфирманты Новосаратовки в церкви св. Екатерины. 1924 г.

Из семейного архива О. А. Ермаковой

В центре пастор Пауль Райхерт, в верхнем ряду справа – Фогельгезанг Герман Георгиевич.

***(103)* Pastor mit Konfirmanden in der lutherischen Kirche.** Detskoje Selo. 1929. Foto von A. Jakowlew.
Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb

Пастор с конфирмантами в лютеранской церкви.
Детское Село. 1929 г. Фотограф А. Яковлев.
Из фондов ЦГАКФФД СПб

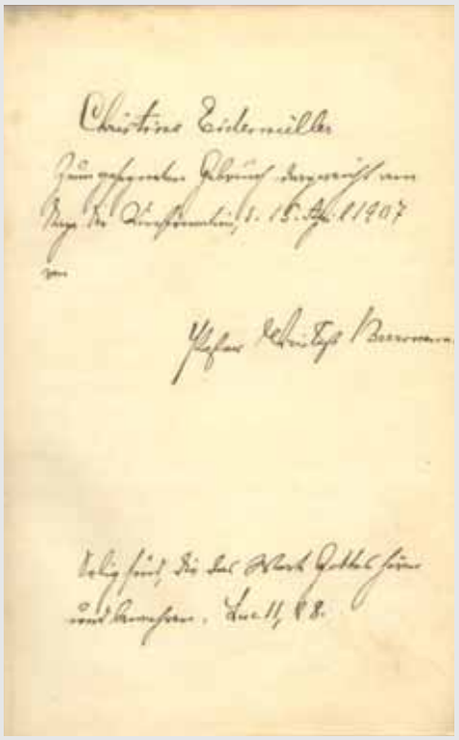


***(104)* Gedenkblatt zur Konfirmation in der Kirche der Heiligen Peter und Paul in der Kolonie Strelna am 21. Juli 1913.**
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Памятный листок о конфирмации в церкви св. Петра и Павла в Стрельнинской колонии 21 июля 1913 г.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

***(105)* „Gesangbuch für evangelisch-lutherische Gemeinden im russischen Reiche".** Herausgegeben in Petersburg im Jahre 1903. Es gehörte Anna Jakowlewna Pletzer (geb. Eidemüller, 1903–1990).
Aus dem Familienarchiv von E. J. Pletzer

«Gesangbuch für evangelisch-lutherische Gemeinden im russischen Reiche» (Книга песнопений для евангелическо-лютеранских общин в Российской империи»). Издана в Петербурге в 1903 г. Принадлежала Анне Яковлевне Плетцер (дев. Эйдемиллер, 1903–1990).
Из семейного архива Е. Я. Плетцер



***(106)* Schenkungsinschrift des Pastors K.-W. Beerman in der Bibel zum Gedenken an die Konfirmation am 15. April 1907,** Christine Eidemüller gewidmet. *Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer*

Christine Alexandrowna Eidemüller (1894–1946, im Ehestand Archiptschenko), Bewohnerin der Kolonie Strelna, begraben auf dem Wolchower Friedhof in Petersburg.

Дарственная надпись пастора К.-В. Беермана на Библии на память о конфирмации 15 апреля 1907 г., посвященная Христине Эйдемиллер. *Из семейного архива В. Ф. Шефера*

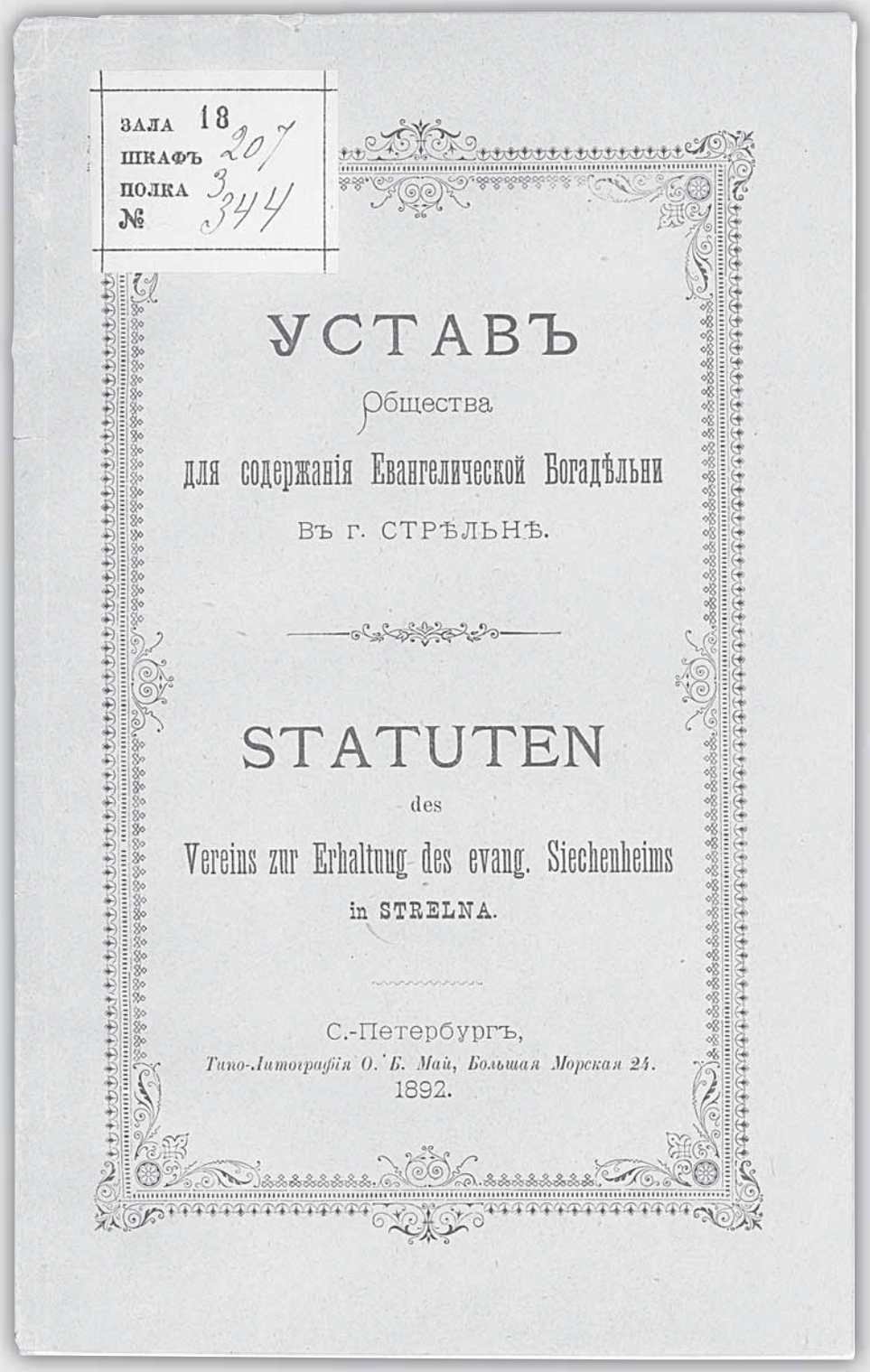
Христина Александровна Эйдемиллер (1894–1946, в замужестве Архипченко), жительница Стрельнинской колонии, похоронена на Волковском кладбище в Петербурге.

***(107)* Einband eines Liederbuches, das A. J. Pletzer gehörte. 1903.**
Aus dem Familienarchiv von E. J. Pletzer

Обложка книга песнопений, принадлежавшая А. Я. Плетцер. 1903 г.
Из семейного архива Е. Я. Плетцер

***(108)* „Zwanziger" der lutherischen Kirche mit Pastor.**
Detskoje Selo, 1929.
Foto von A. Jakowlew. Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb
„Kirchenzwanziger" ist eine Organisationsform von Kirchenaktivisten, gesetzlich eingetragen per Dekret des Russischen Zentralen Parteikomitees und des Rates der Volkskommissare der Russischen Sozialistischen Föderalen Sowjetrepublik „Über religiöse Vereinigungen" vom 8. April 1929.

«Двадцатка» лютеранской церкви с пастором.
Детское Село, 1929 г.
Фотограф А. Яковлев. Из фондов ЦГАКФФД СПб
«Церковная двадцатка» – форма организации активистов церкви, узаконенная декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.



***(109)* Titelblatt des Erlasses der Gesellschaft zur Erhaltung des evangelischen Armenhauses in Strelna. 1892.**

Aus den Beständen der RNB

Im Jahre 1891 wurde das Armenhaus „Bethesda" aus Udelnaja in die Kolonie Strelna verlegt. Der Erlass der Gesellschaft zur Erhaltung des Armenhauses wurde am 19. August 1891 bestätigt. Aufnahme und Pflege waren bestimmt für unheilbar kranke Frauen, ebenso wie für Waisenmädchen. Die Pflegekosten wurden durch Spenden gedeckt. Regelmäßige Beiträge kamen von den Großfürstinnen Alexandra und Elisabeth aus der Familie des Großfürsten Konstantinowitsch.

Титульный лист устава общества для содержания евангелической богадельни в Стрельне. 1892 г.

Из фондов РНБ

В 1891 г. в Стрельнинскую колонию из Удельной переведена богадельня «Вифезда». Устав общества для содержания богадельни утвержден 19 августа 1891 г. Приют учреждался для содержания неизлечимо больных женщин, а также для девочек-сирот. Содержался за счет пожертвований. Регулярные взносы делали великие княгини Александра Иосифовна и Елизавета Маврикиевна из семьи великих князей Константиновичей.

Bericht

über die

Evangelische

Anstalt Bethesda

in Strelna

bei St. Petersburg

für das Jahr 1910.

Telephon: Strelna, № 35.

St. Petersburg.

Typographie J. Becker & Ko., Gorochowaja 32.

1911.

***(110)* Jahresbericht des Armenhauses „Bethesda" in Strelna vom Jahr 1910. 1911.** Titelblatt.

Aus den Beständen der RNB

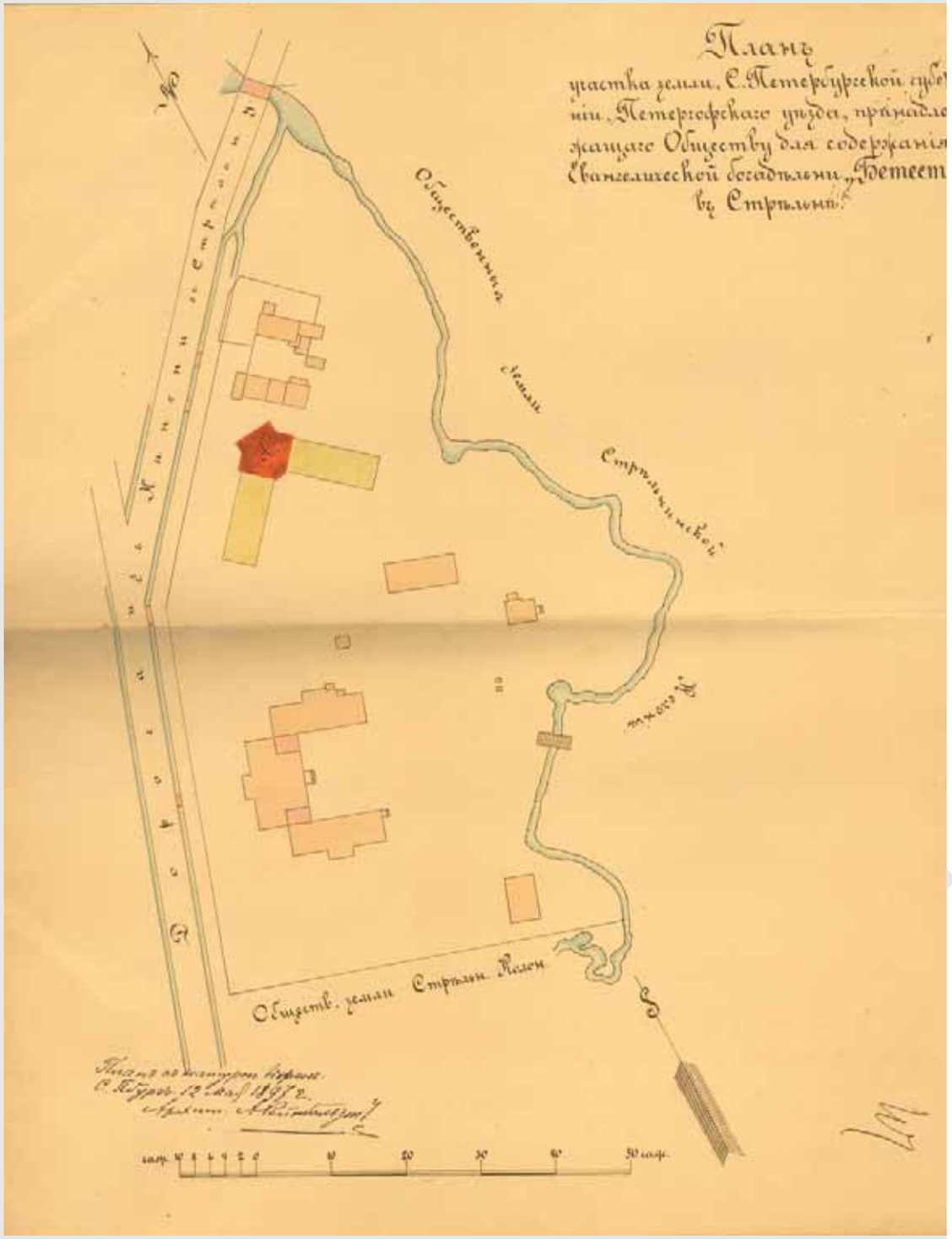
Im laufenden Jahr befanden sich 198 Frauen und Mädchen in Pflege in dem Heim. Von ihnen waren 159 russische Staatsangehörige, die übrigen Deutsche (30), Franzosen, Briten, Schweizer, Schweden, Niederländer und Türken. Unter den Spenden des Jahres waren auch Geldeinnahmen aus einem Benefizkonzert des Leipziger Kirchengesangsquartetts.

Отчет богадельни «Вифезда» в Стрельне за 1910 год. 1911 г.

Титульный лист.

Из фондов РНБ

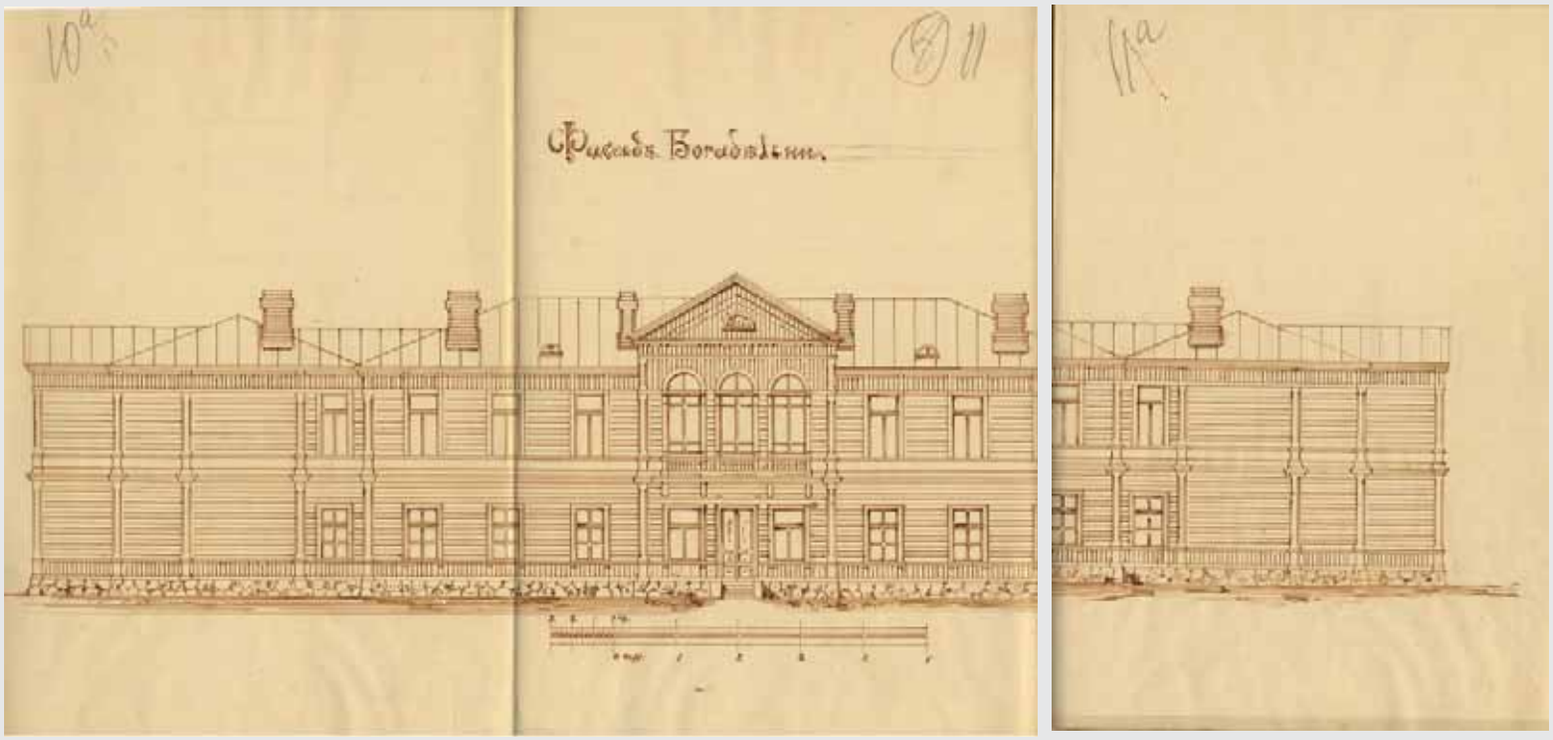
За отчетный год на попечении приюта находилось 198 женщин и девочек. Из них 159 – подданные России, остальные – подданные Германии (30), Франции, Великобритании, Швейцарии, Швеции, Нидерландов и Турции. Среди пожертвований года были деньги от благотворительного концерта Лейпцигского квартета церковной песни.

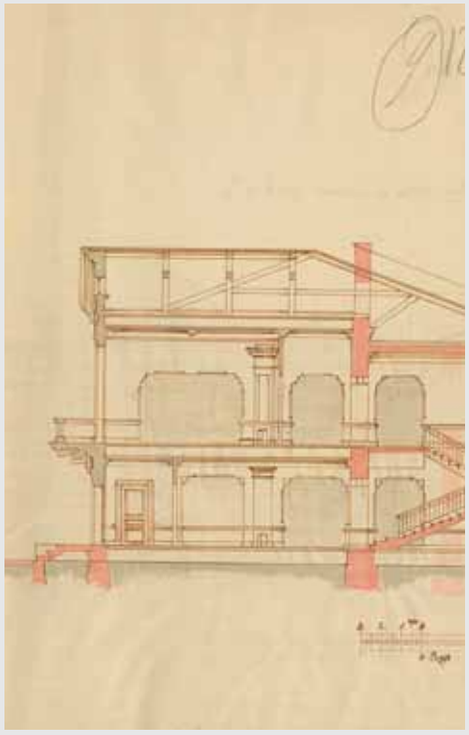


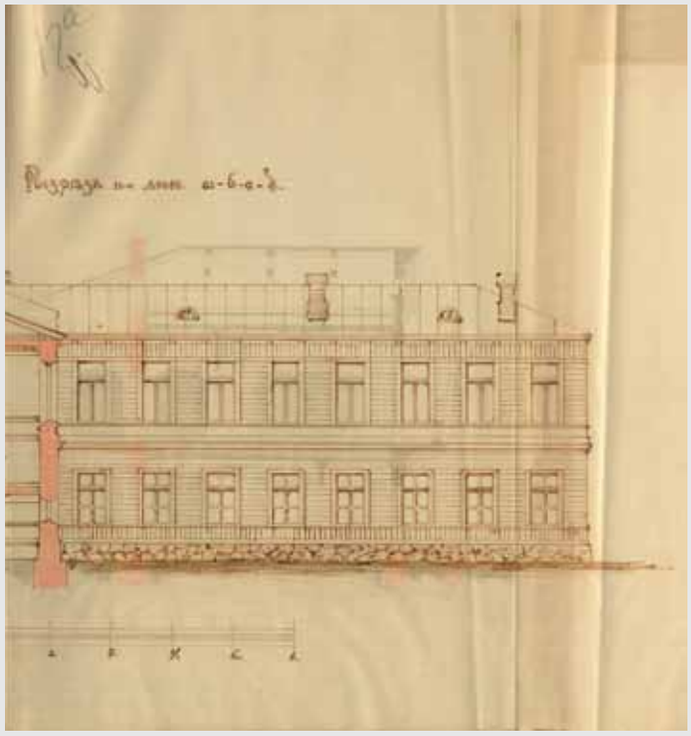
***(111)* Ortsplan mit Wohn- und Wirtschaftsgebäuden des Armenhauses „Bethesda" in der Kolonie Strelna.**
12. Mai 1897.
Architekt A. Reinbold.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

План местности с жилыми и хозяйственными постройками богадельни «Вифезда» в Стрельнинской колонии.
12 мая 1897 г. Архитектор А. Рейнбольд.
Из фондов ЦГИА СПб

6/







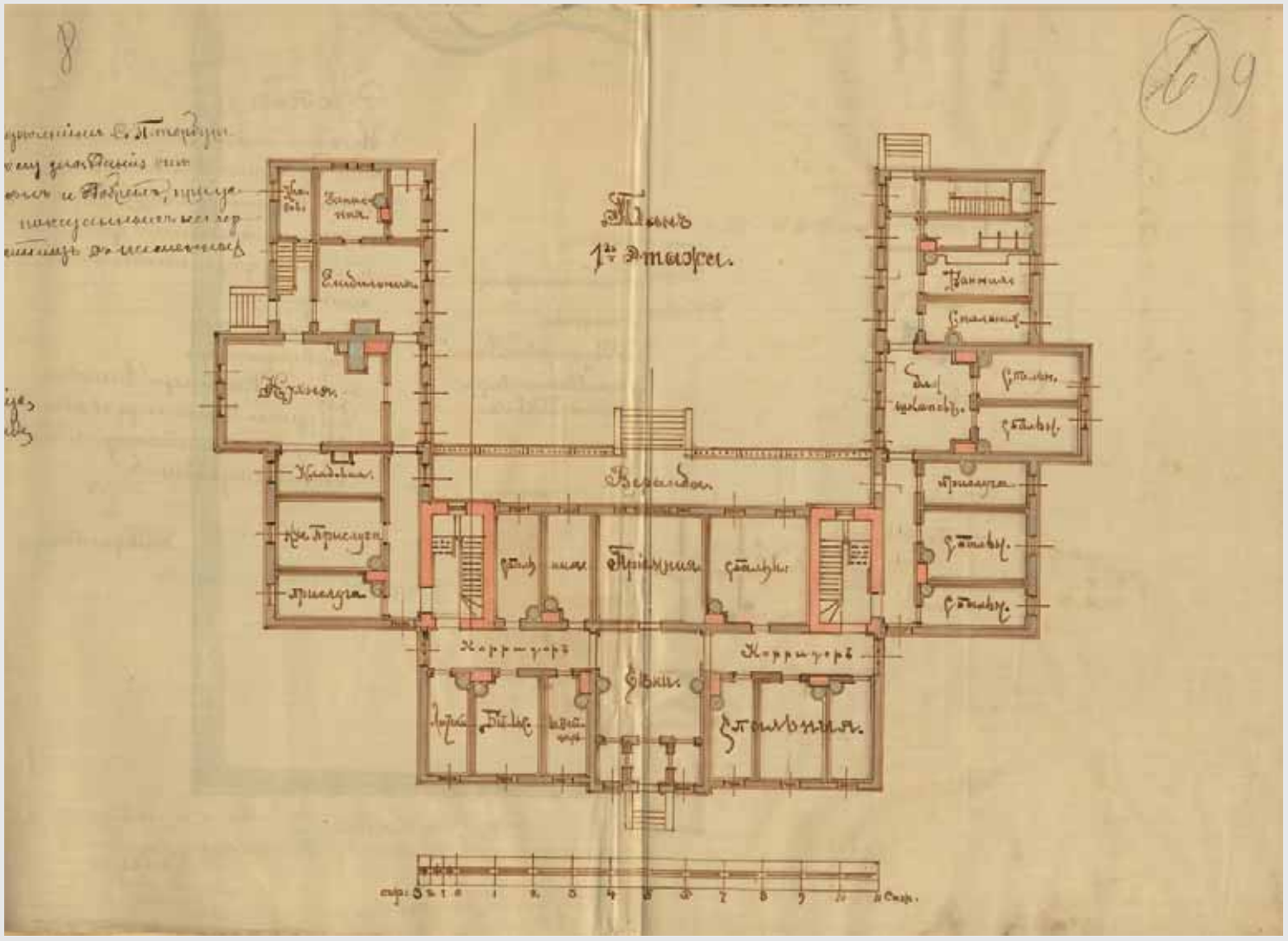
***(112)* Hauptfassade des Armenhauses „Bethesda". 1891.** Projekt des Architekten R. I. Krüger, bewilligt am 30. Juli 1891.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

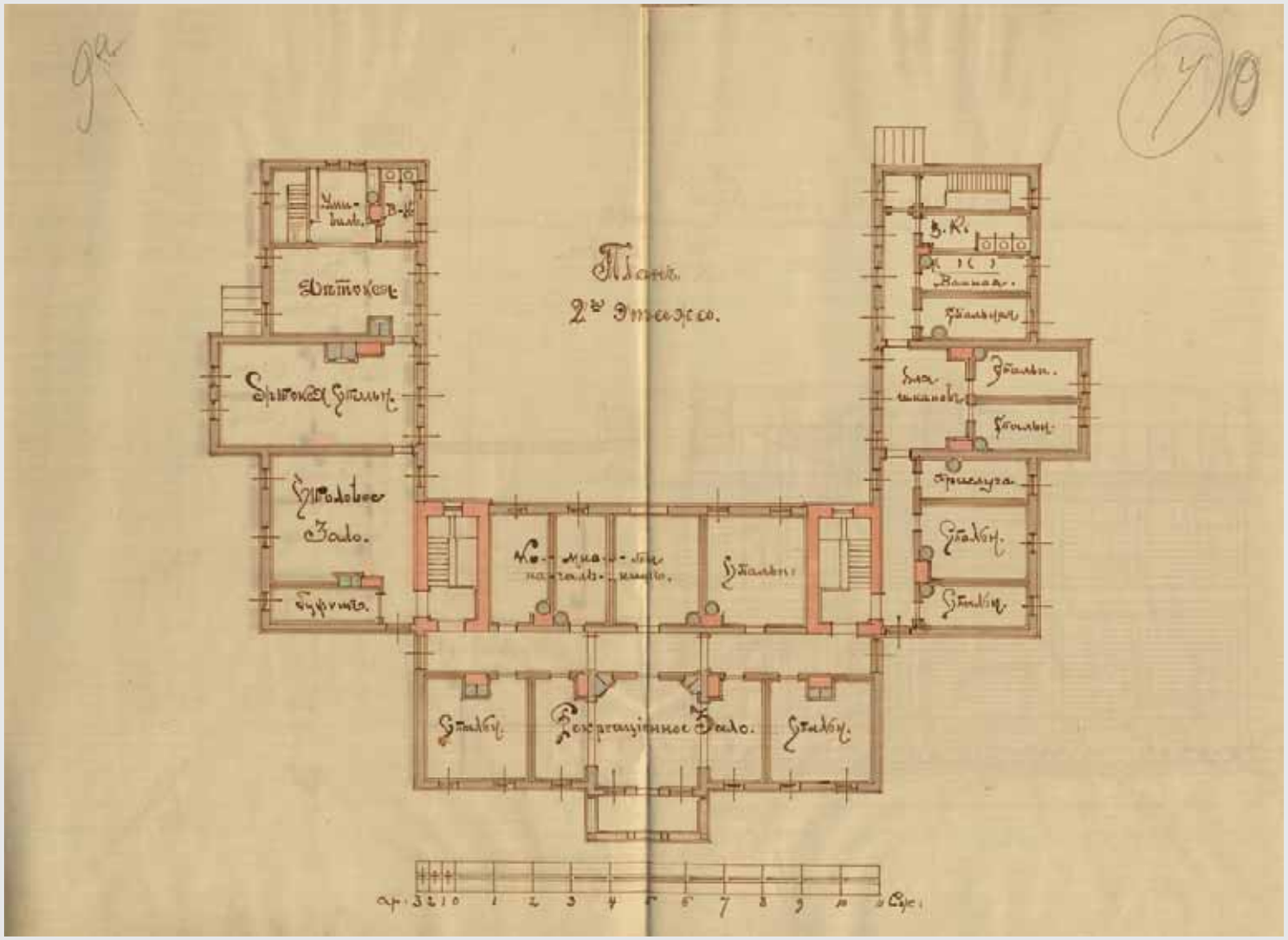
Главный фасад богадельни «Вифезда». 1891 г. Проект архитектора Р. И. Кригера, утвержден 30 июля 1891 г.
Из фондов ЦГИА СПб

***(113)* Armenhaus-Obdachlosenheim „Bethesda" in der Kolonie von Strelna.**
Postkarte, [1892–1893?]
Erstes Gebäude eines Obdachlosenheims, eingeweiht am 28. Oktober 1892. Nicht erhalten.

Богадельня-приют «Вифезда» в Стрельнинской колонии.
Открытка, [1892–1893 гг.?]
Первое здание приюта освящено 28 октября 1892 г. Не сохранилось.

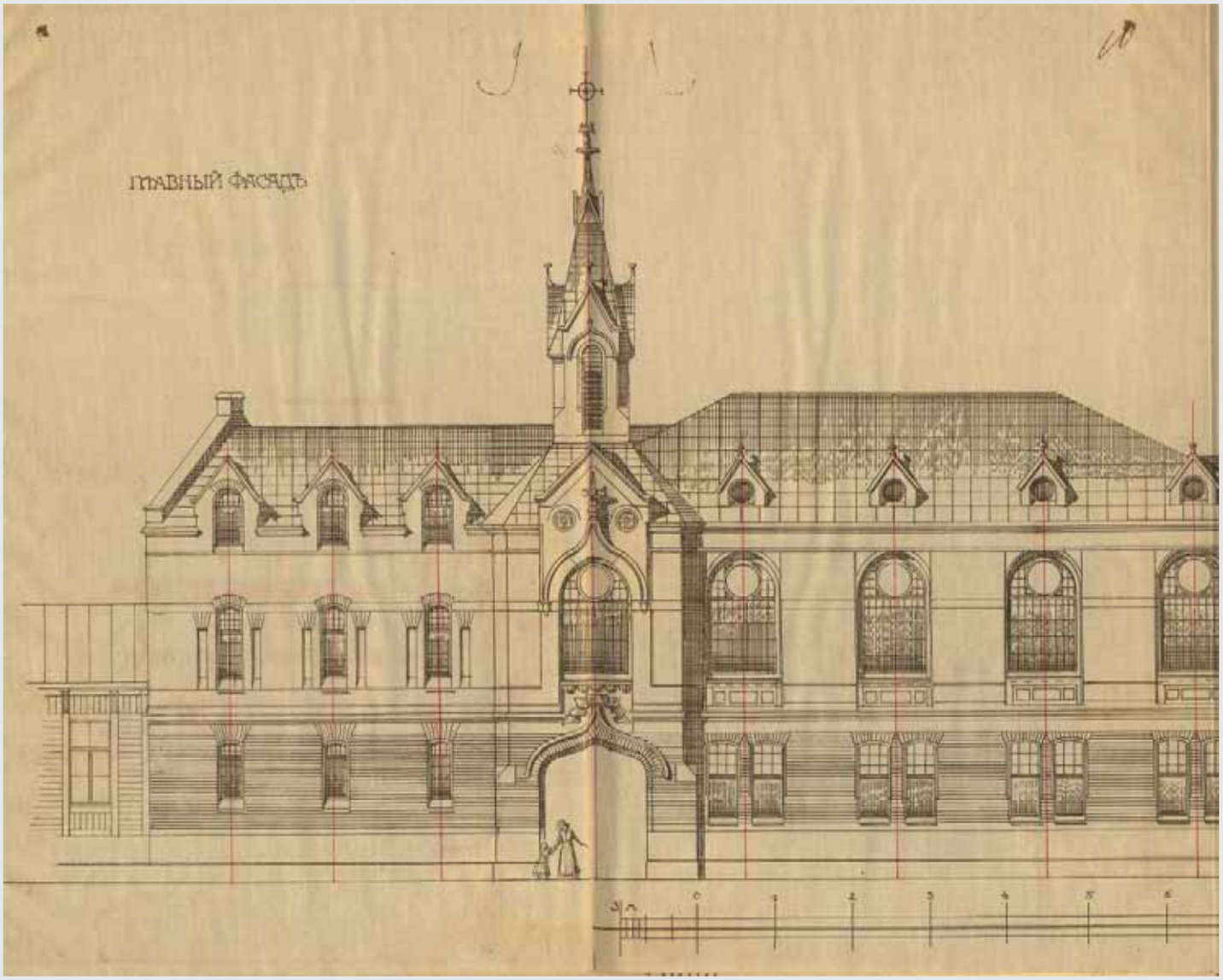
6/


Планъ
1го этажа.
Ванная
Кухня
Веранда
Прiемная
Коррiдоръ
Коррiдоръ
Спальня



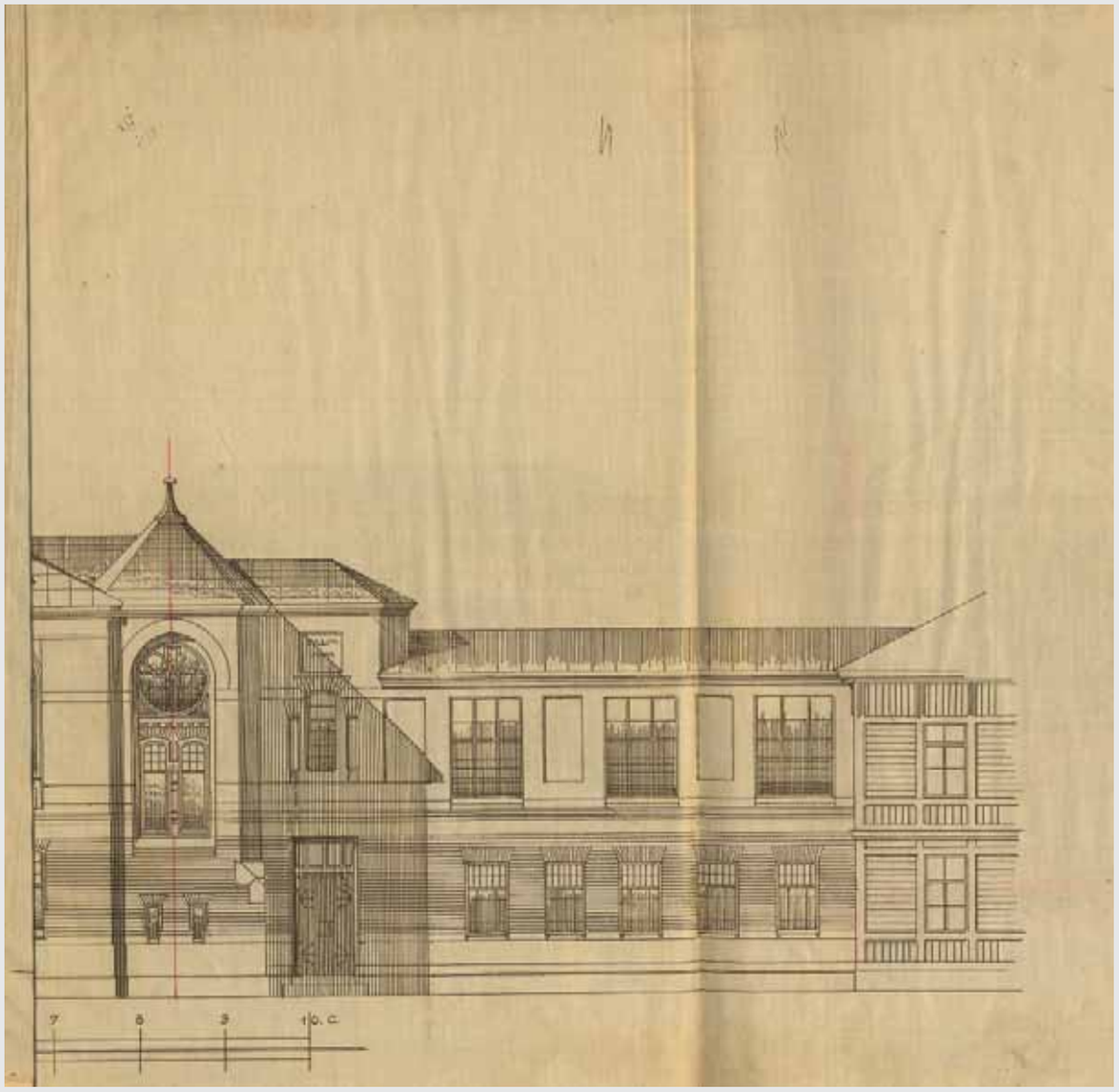
***(114)* Etagenpläne des Armenhauses. 1891.**
Aus den Beständen des ZGIA SPb

Поэтажные планы богадельни. 1891 г.
Из фондов ЦГИА СПб



***(115)* Armenunterkunft Heilige Magdalena im Armenhaus „Bethesda".** Projekt der Hauptfassade. 1910. Architekt I. S. Kitner.
Aus den Beständen des ZGIA SPb

Die Konstruktion dieses Gebäudes vereinte alle bestehenden Teile der Unterkunft in einem Komplex.



Здание убежища св. Магдалины в богадельне «Вифезда».
Проект главного фасада. 1910 г. Архитектор И. С. Китнер.
Из фондов ЦГИА СПб

Постройка этого здания объединила все существующие корпуса приюта в единый комплекс.

6/

На подлинномъ написано:
«Утверждаю». За Министра Внутреннихъ Дѣлъ,
Товарищъ Министра, Сенаторъ *П. Дурново.*
17 Декабря 1901 года.
Вѣрно: За Директора Департамента Общихъ Дѣлъ
Бахтеяровъ.

УСТАВЪ

Богадѣльни и Сиротскаго пріюта

учрежд. въ память Священнаго коронованія

Ихъ Императорскихъ Величествъ

Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

и

Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

въ Новосаратовской колоніи

С.-Петербургскаго уѣзда

и Общества въ той же колоніи для поддержанія означенныхъ богоугодныхъ заведеній.

§ 1.

Обществомъ крестьянъ Новосаратовской колоніи, С.-Петербургск. уѣзда, устроены въ 1897 г. въ память Священнаго коронованія **Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны** богадѣльня для престарѣлыхъ лицъ обоего пола и пріютъ для бѣдныхъ дѣтей-сиротъ, преимущественно дѣвочекъ, всего на 30 человѣкъ.

§ 2.

Богадѣльня и пріютъ помѣщаются въ домѣ, выстроенномъ для этой цѣли Обществомъ Новосаратов-

***(116)* Erlass des Armenhauses und Kinderheims in der Kolonie von Neu-Saratowka.** Bestätigt am 17. Dezember 1901. *Aus den Beständen der RNB*
Das Armenhaus für alte Personen beider Geschlechter und für bedürftige Waisenkinder konnte im Jahre 1897 30 Personen aufnehmen. Es war in einem von der Kolonie Neu-Saratowka eigens für diesen Zweck errichteten Haus untergebracht. Die Einrichtung wurde aus den Mitteln der Kolonisten unterhalten.

Устав богадельни и детского приюта в Новосаратовской колонии. Утвержден 17 декабря 1901 г.
Из фондов РНБ
Богадельня для престарелых лиц обоего пола и для бедных детей-сирот на 30 человек организована в 1897 г. Помещалась в доме, специально выстроенном для этой цели обществом Новосаратовской колонии. Учреждение содержалось на средства колонистов.

Rossica
Comptes-rendus.
8° 940.

XVI.

Die
evangelische Sommerkapelle
und das
Kinderheim
in Pargala
während des Sommers 1891.

St. Petersburg.
Buchdruckerei von Alex. Krug, Erbsenstraße 17.
1892.

(117) Jahresbericht der evangelischen Sommerkapelle und des Kinderheims in Pargolowo über die Aktivitäten im Sommer 1891.

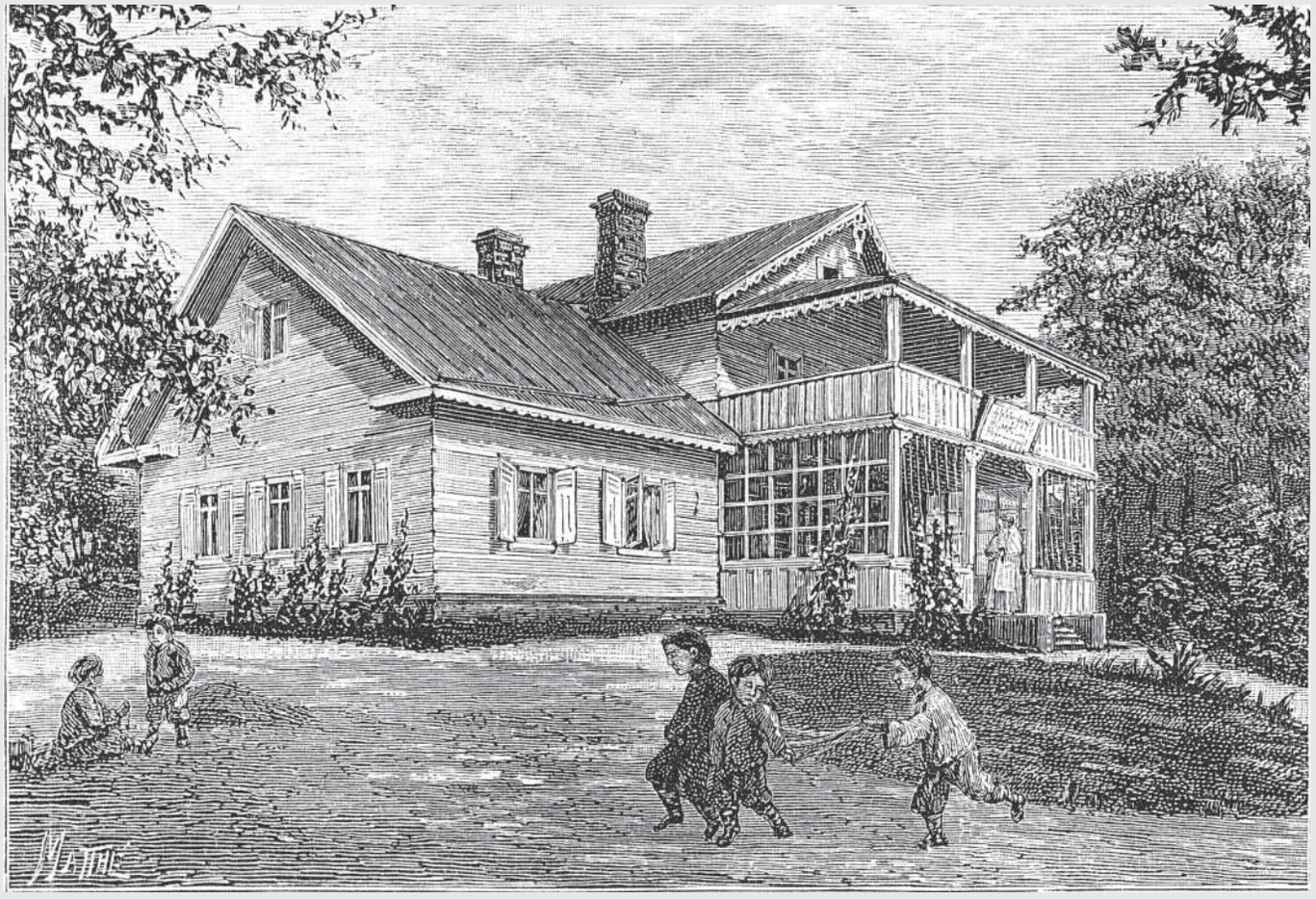
Aus den Beständen der RNB

Das Sommererholungsheim für Kinder befand sich am Ausgang des Dorfes Staroschilowka in der Nähe der deutschen Kolonie Neu-Pargolowo. Die Aufnahme der ersten 22 Kinder aus armen Familien geschah im Jahre 1881. Mädchen und Jungen wurden der Reihe nach aufgenommen.

Отчет евангелической летней капеллы и детского приюта в Парголово о деятельности летом 1891 г.

Из фондов РНБ

Летний оздоровительный детский дом находился в конце деревни Старожиловка близ немецкой колонии Новопарголовской. Прием первых 22 детей из бедных семей прошел в 1881 г. Девочек и мальчиков принимали поочередно.



***(118)* Das erste Gebäude des Kinderheims von Pargolowo war ein ehemaliges Kaufmannshaus mit Garten**. Stich des Künstlers Matei nach einer Zeichnung des Architekten Benoit.
Veröffentlicht im Jahre 1883

Das Haus war ca. 1850 errichtet worden. Für die Bedürfnisse des Kinderheimes wurde es vom Architekten Zelikofer umgebaut, eine Küche, ein Badezimmer und eine Isolierstation für Kranke wurden angebaut.

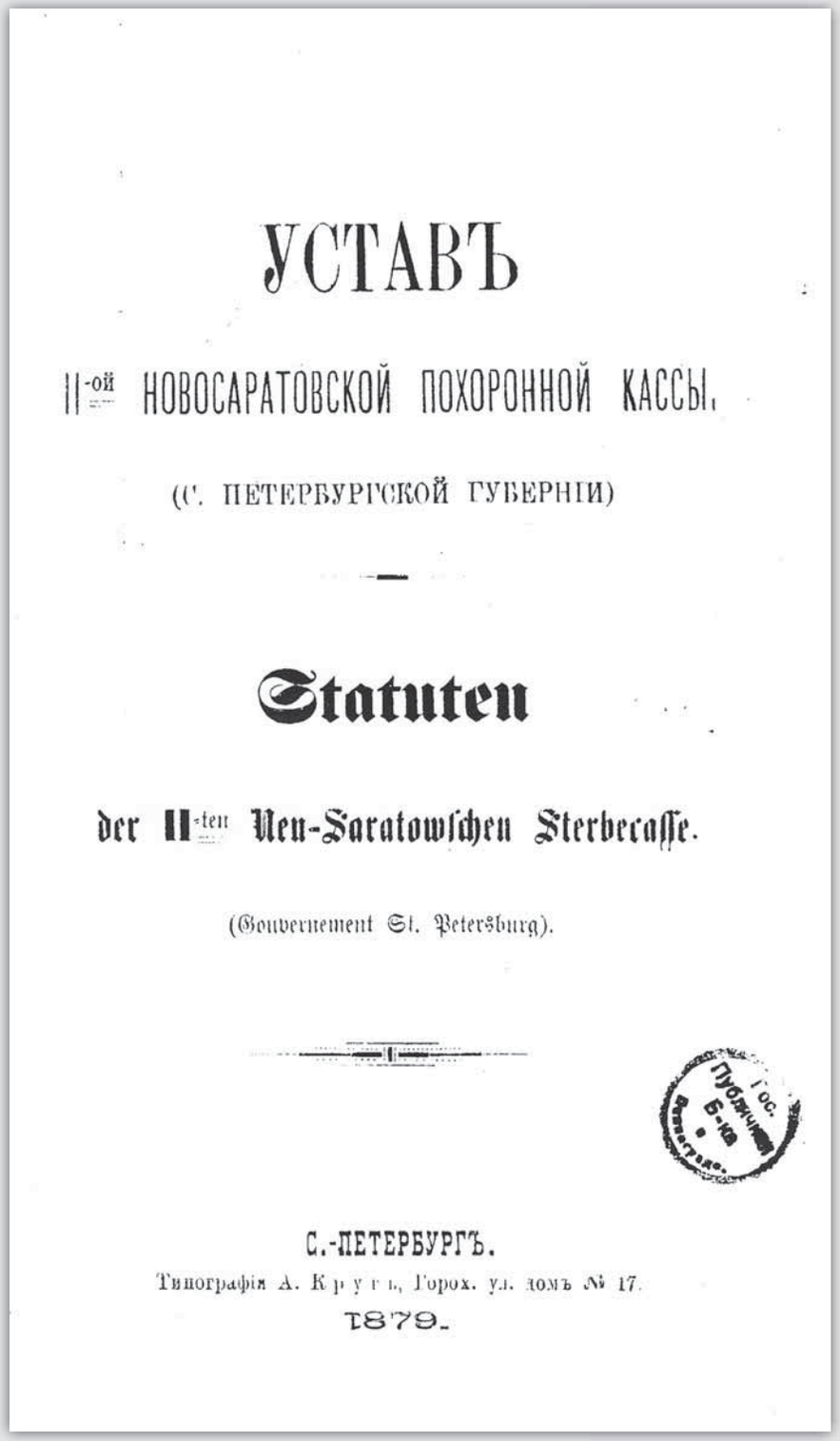
Первое здание Парголовского детского приюта – бывший купеческий дом с садом. Гравюра художника Матеи по рисунку архитектора Бенуа.
Опубликовано в 1883 г.

Дом построен около 1850 г. Для нужд детского приюта бесплатно переделан архитектором Целикофером – устроена кухня, ванная, изолятор для больных.

***(119)* Neues Gebäude des Kinderheims von Pargolowo.** Zeichnung von 1894
Die Planung und Errichtung des neuen Gebäudes leitete der Architekt Iwan Andrejewitsch Galenbeck (1855–1934).

Новое здание Парголовского детского дома. Рисунок 1894 г.
Проектированием и постройкой нового здания руководил архитектор Иван Андреевич Галенбек (1855–1934).

6/



УСТАВЪ

II-ой НОВОСАРАТОВСКОЙ ПОХОРОННОЙ КАССЫ.

(С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ)

Statuten

der II-ten Neu-Saratowschen Sterbecasse.

(Gouvernement St. Petersburg).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Кругъ, Горох. ул. домъ № 17.

1879.

***(120)* Erlass der zweiten Beerdigungskasse (Sterbekasse) von Neu-Saratowka. 1879.** Titelblatt.

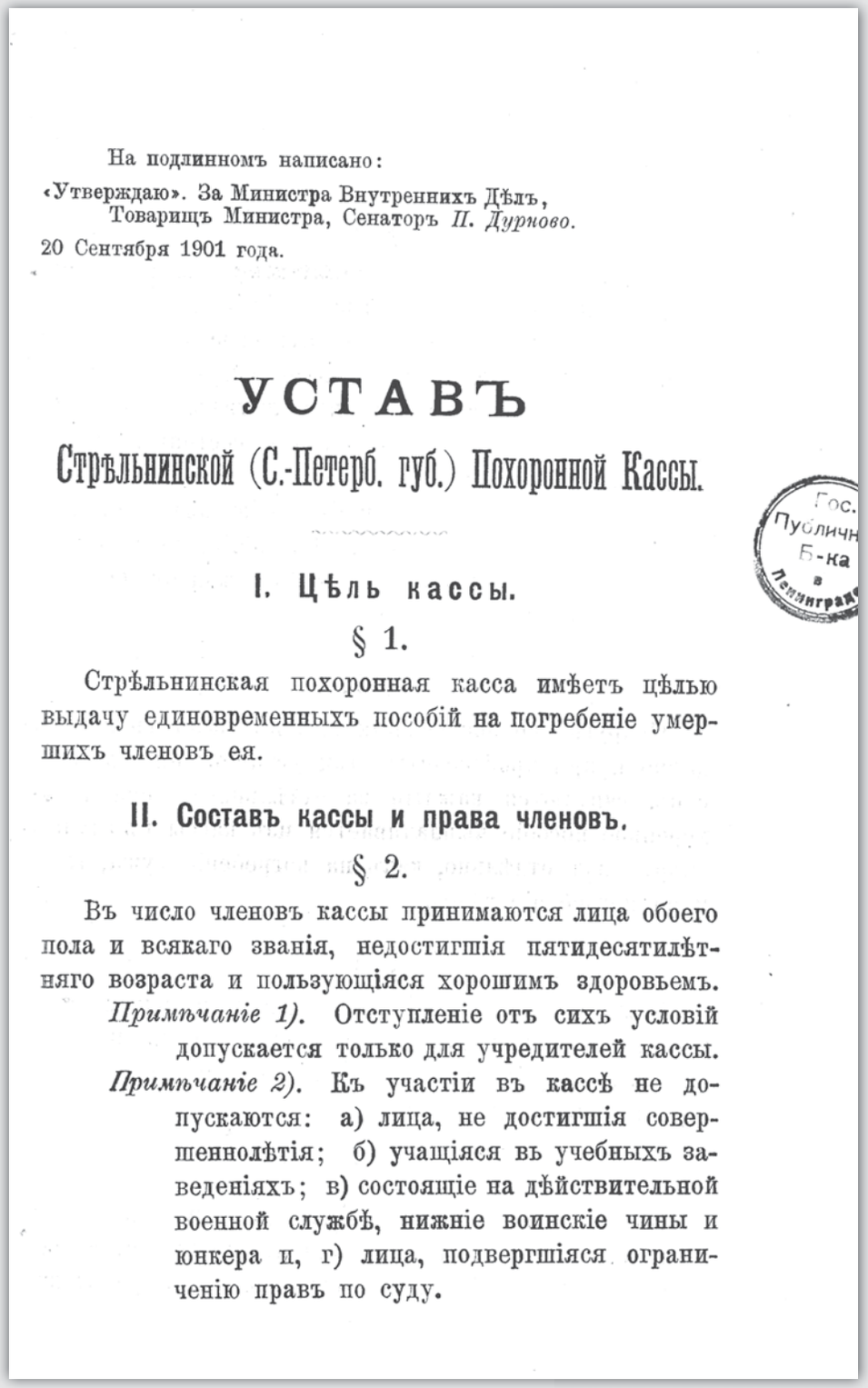
Aus den Beständen der RNB

Der erste Erlass der Kasse datiert vom 13. September 1876. Insgesamt sieben Redaktionen des Kassenerlasses sind bekannt (die letzte datiert aus dem Jahre 1910). Die Kasse war organisiert für die Erhaltung aller Gemeindemitglieder der lutherischen Gemeinde von Neu-Saratowka.

Устав 2-й Новосаратовской похоронной кассы. 1879 г. Титульный лист.

Из фондов РНБ

Первый устав кассы утвержден 13 сентября 1876 г. Известны семь редакций устава кассы (последняя издана в 1910 г.). Касса организована для поддержки всех прихожан Новосаратовского лютеранского прихода.



На подлинномъ написано:
«Утверждаю». За Министра Внутреннихъ Дѣлъ,
Товарищъ Министра, Сенаторъ *П. Дурново.*
20 Сентября 1901 года.

УСТАВЪ

Стрѣльнинской (С.-Петерб. губ.) Похоронной Кассы.

Гос. Публичн Б-ка в Ленинграде

I. Цѣль кассы.

§ 1.

Стрѣльнинская похоронная касса имѣетъ цѣлью выдачу единовременныхъ пособій на погребеніе умершихъ членовъ ея.

II. Составъ кассы и права членовъ.

§ 2.

Въ число членовъ кассы принимаются лица обоего пола и всякаго званія, недостигшія пятидесятилѣтняго возраста и пользующіяся хорошимъ здоровьемъ.

Примѣчаніе 1). Отступленіе отъ сихъ условій допускается только для учредителей кассы.

Примѣчаніе 2). Къ участіи въ кассѣ не допускаются: а) лица, не достигшія совершеннолѣтія; б) учащіяся въ учебныхъ заведеніяхъ; в) состоящіе на дѣйствительной военной службѣ, нижніе воинскіе чины и юнкера и, г) лица, подвергшіяся ограниченію правъ по суду.

***(121)* Erlass der Beerdigungskasse von Strelna.** Datiert vom 20. September 1901.
Aus den Beständen der RNB
Die Kasse war für die Ausgabe einmaliger Hilfeleistungen bei der Beerdigung verstorbener Bewohner der Kolonie Strelna eingerichtet. Ähnliche Kassen existierten in den Kolonien Srednaja Rogatka (1892) und Kolpino (1894).

Устав Стрельнинской похоронной кассы. Утвержден 20 сентября 1901 г.
Из фондов РНБ
Касса организована для выдачи единовременных пособий для погребения умерших жителей Стрельнинской колонии. Подобные кассы существовали в Среднерогатской (1892 г.) и Колпинской (1894 г.) колониях.

***(122)* Feierlicher Abschied von Fjodor Fjodorowitsch Vogelgesang.** Die Kolonie Graschdanka, 1937.
Aus dem Familienarchiv E. G. Schwyrewa

Die Verwandten des Verstorbenen am Grab: Vater Fjodor Christophorowitsch (grau mit Bart), rechts von ihm seine Söhne Rudolf und Karl, Enkel Alexander und Tochter Maria.

Торжественное прощание с Федором Федоровичем Фогельгезангом. Колония Гражданка, 1937 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой

У гроба родственники умершего: отец Федор Христофорович (седой с усами), справа от него сыновья Рудольф и Карл, внук Александр и дочь Мария.

***(123)* Familiengrab der Wallisers auf dem Friedhof in Neu-Saratowka.**
4. August 2011.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Семейный участок Вализер на кладбище в Новосаратовке.
4 августа 2011 г.
Фото И. В. Черказьяновой

***(124)* Familiengrab der Gerlemanns auf dem Friedhof von Strelna.** 26. Mai 2010.
Foto P. N. Tarasenko

Семейный участок Герлеман на Стрельнинском кладбище.
26 мая 2010 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(125)* Verfallenes Grab des Pastors O.-G. Stahl auf dem Friedhof von Neu-Saratowka. 14. August 2011.**
Foto von I. W. Tscherkasjanowa
Otto Hermann von Stahl (16. Januar 1833–22. Oktober 1875), Pastor der Gemeinde von Neu-Saratowka in den Jahren 1868–1875.

Заброшенная могила пастора О.-Г. Шталя на Новосаратовском кладбище. 14 августа 2011 г.
Фото И. В. Черказьяновой
Отто Герман фон Шталь (16 января 1833 – 22 октября 1875), пастор Новосаратовского прихода в 1868–1875 гг.

7/ SCHULE: UNTERRICHT UND KINDERERZIEHUNG
ШКОЛА: ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Die Schule war ein fester Bestandteil des geistigen Lebens der Kolonisten, der Unterricht war verpflichtend für alle Kinder. Der Unterricht in der Schule endete mit der Konfirmation. Im Jahre 1846 gab es im Gouvernement von Sankt Petersburg acht deutsche Kolonistenschulen, die von rund 600 Kindern besucht wurden. In der Zeit der Reformen 1880–1890 wurden die Schulen der Kolonisten aus ihrer kirchlichen Obhut in die Hände des Ministeriums für Volksbildung gegeben, die Gemeinde verlor das Recht, ihre Lehrer selbst zu wählen und zu ernennen. Die russische Sprache wurde aktiv in den Schulunterricht als Fach und als Unterrichtssprache eingeführt.

In der sowjetischen Zeit entwickelten sich die deutschen Schulen unter widersprüchlichen Umständen: Der landesweite Aufschwung der Allgemeinbildung in den 1920er Jahren wurde in der zweiten Hälfte der 1930er Jahre durch die Vereinheitlichung des Bildungsprozesses und des Lehrmaterials, durch die Verdrängung der deutschen Sprache und dann durch das völlige Verbot nationaler Schulen nicht offizieller Nationalitäten der Sowjetunion, verdrängt.

Школа была неотъемлемой частью духовной жизни колонистов, обучение было обязательным для всех детей. Обучение в школе завершалось обрядом конфирмации. В 1846 г. в Петербургской губернии имелось 8 немецких колонистских школ, которые посещали около 600 детей. Во время реформы 1880–1890-х годов школы колонистов были переданы из церковного подчинения в ведение Министерства народного просвещения, община утратила право самой выбирать и назначать учителя. Русский язык стал активно внедряться в школьное преподавание в качестве предмета и языка обучения.

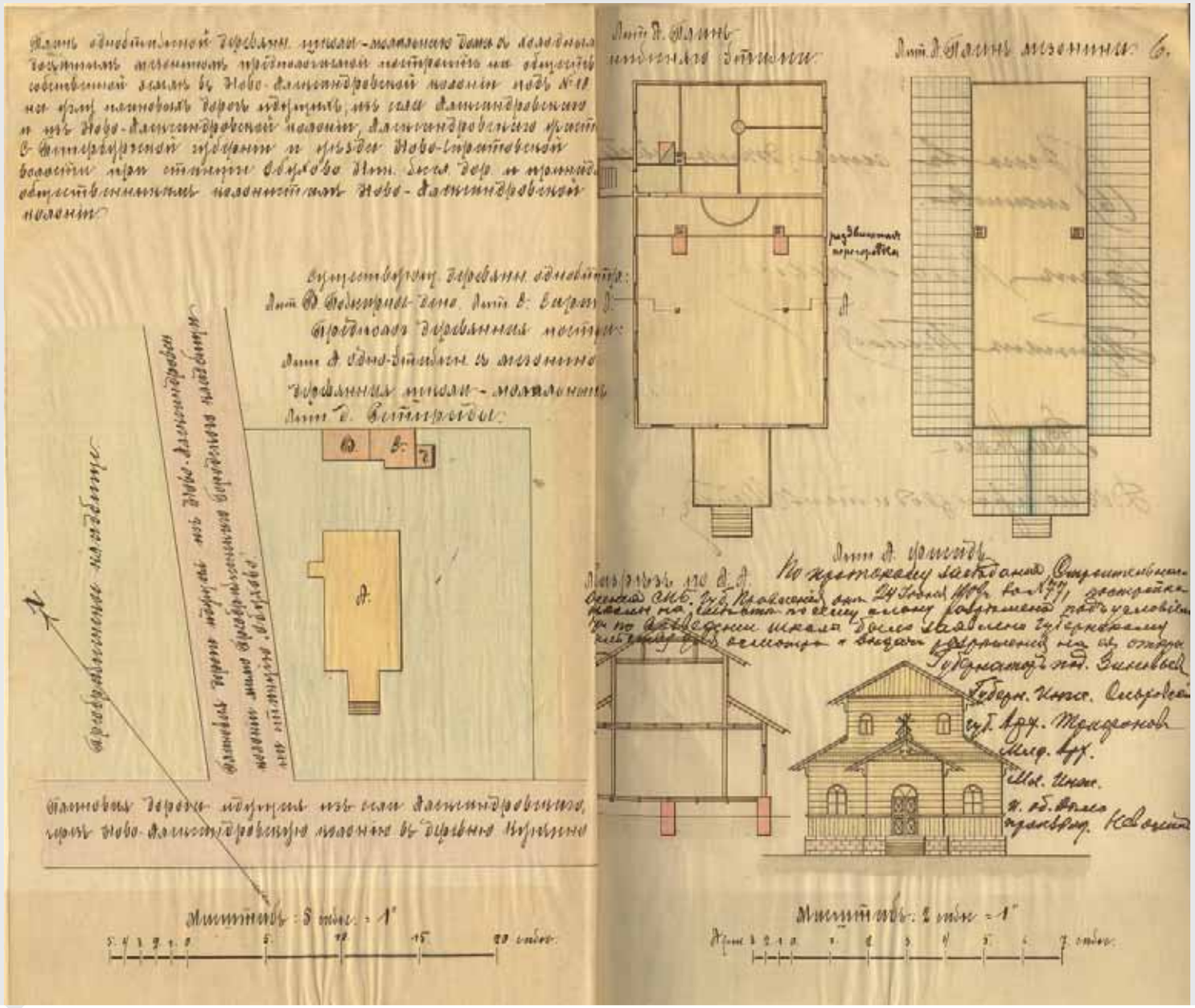
В советский период немецкие школы развивались в противоречивых условиях: подъем национального образования в 1920-е годы сменился со второй половины 1930-х годов унификацией процесса обучения и учебников, вытеснением немецкого языка, а затем и полным запретом национальных школ нетитульных наций.

***(126)* Kirche, Schule und Gebäude des Armenhauses in der ehemaligen Kolonie von Neu-Saratowka. 1968.**
Aus dem Familienarchiv von E. E. Müthel

Кирха, школа и здание богадельни в бывшей Новосаратовской колонии. 1968 г. *Из семейного архива Э. Э. Мютель*

***(127)* Schulgebäude in Neu-Saratowka. 1968.** *Aus dem Familienarchiv von E. E. Müthel*

Здание школы в Новосаратовке. 1968 г.
Из семейного архива Э. Э. Мютель



(128) Plan des Schul- und Armenhauses in der Kolonie von Neu-Alexandrowka mit der Fassade des Gebäudes. Das Projekt wurde am 24. Juni 1909 gebilligt.

Aus den Beständen des ZGIA SPb

Die neue einstöckige Holzkonstruktion ersetzte das alte, 1872 errichtete Schul- und Gebetshaus.

План школы-молельни в Новосалександровской колонии с фасадом здания. Проект утвержден 24 июня 1909 г.

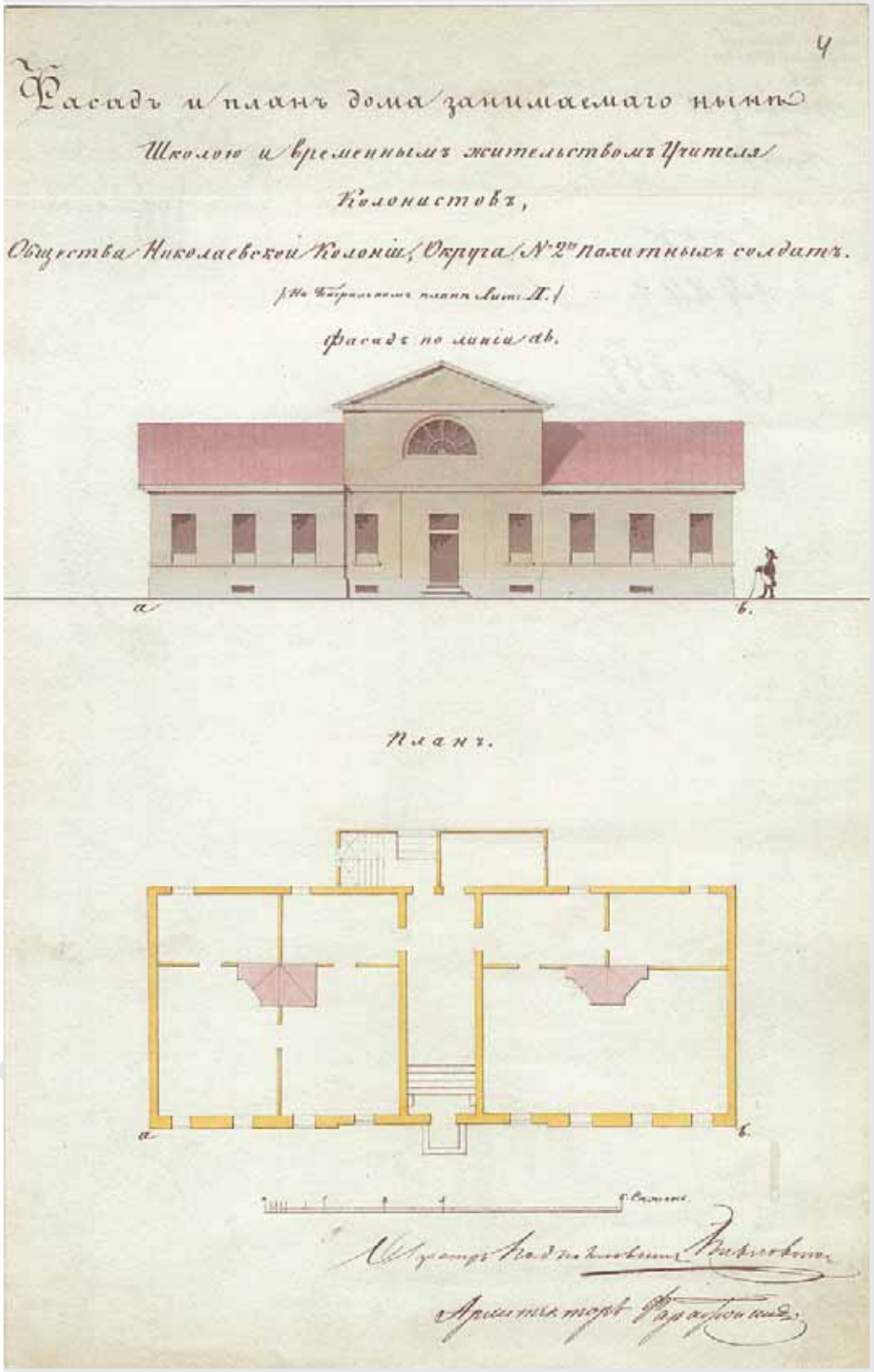
Из фондов ЦГИА СПб

Новая деревянная одноэтажная постройка заменила старую школу-молельню, построенную в 1872 г.

***(129)* Gebäude der deutschen Schule in der Kolonie Neu-Pargolowo.** Erbaut zu Beginn der 1930er Jahre. Sankt Petersburg, Warwarinskaja Straße 23. 8. März 2012.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Здание немецкой школы Новопарголовской колонии. Построено в начале 1930-х годов. Санкт-Петербург, улица Варваринская, 23. 8 марта 2012 г.
Фото И. В. Черказьяновой

7/



***(130)* Fassade und Plan des Schulhauses und der Wohnung des Lehrers in der Kolonie von Neu-Nikolajewka im Gouvernement Nowgorod. 1853.**
Aus den Beständen des RGIA

Фасад и план дома школы и жилища учителя в Новониколаевской колонии Новгородской губернии. 1853 г.
Из фондов РГИА

***(131)* Kinderfrühlingsfest in der Kolonie Strelna. Gegen 1910.**
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa
In der ersten Reihe links Katharina Brenner (1900–1979), die älteste Tochter von Fjodor Brenner und Charlotte Stroh.

Детский праздник весны в Стрельнинской колонии. Около 1910 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой
В первом ряду третья слева Екатерина Бреннер (1900–1979), старшая дочь Федора Бреннера и Шарлотты Штро.

***(132)* Gruppe von Mädchen auf dem Frühlingsfest.** Kolonie Strelna, gegen 1910.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa
In der zweiten Reihe die dritte von links Katharina Brenner.

Группа девочек на празднике весны.
Стрельнинская колония, около 1910 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой
Во втором ряду третья слева Екатерина Бреннер.

***(133)* Neujahrsfest in der Schule.**
[Neu-Saratowka, Beginn der 1920er?].
Leihgabe von E. A Kusnezowa

Новогодний школьный праздник.
[Новосаратовка, начало 1920-х годов?].
Предоставила Е. А. Кузнецова

***(134)* Kinder von Neu-Saratowka. 1930er Jahre.**
Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa

Дети Новосаратовки. 1930-е годы.
Из семейного архива Е. А. Кузнецовой

***(135)* Schüler von Neu-Saratowka mit ihrem Klassenlehrer.** Neu-Saratowka, Beginn der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von S. A. Schmidt
Hinter dem Lehrer rechts steht Alexander Schmidt (geb. 1923).

Школьники Новосаратовки с классным руководителем. Новосаратовка, начало 1930-х годов.
Из семейного архива С. А. Шмидта
За учителем справа стоит Александр Шмидт (1923 г. р.).

***(136)* Schüler von Neu-Saratowka auf einem Ausflug in die Eremitage.** Leningrad, Beginn der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von S. A. Schmidt
In der zweiten Reihe der dritte von rechts (neben dem Mädchen mit Kopftuch) ist Alexander Schmidt.

Новосаратовские школьники на экскурсии в Эрмитаже. Ленинград, начало 1930-х годов.
Из семейного архива С. А. Шмидта
Во втором ряду третий справа (рядом с девочкой в платке) стоит Александр Шмидт.

***(137)* Schüler der 3. Klasse der Schule von Neu-Saratowka.**
Neu-Saratowka, 25. Oktober 1939.
Aus dem Familienarchiv von R. R. Meier

Auf dem Rand sind die Namen von 37 der 41 Personen eingetragen: Nina Pawlowa, Soja Androsenkowa (?), Lucia Kostylkowa (?), Nina Michailowa, Musia Wink, Pionierführerin, Z. S. Krasilnikowa, Theresa Golzwart, Erna Schäfer, Nikolai Ochotnikow, Wladislas Awerjanow, Fjodor Schef, Lenja Sorokodumow, Walja Bitsch, Erna Lauer, Schura Ulrich, Wenja Tschistjakow, Jakob Otto, Erna Stroh, Theresa Steinmeier, Lisa Falkenstern, Adolf Lauer, Soja Moiseenko, Walja Ger, Katja Zagler, Nelja Kudrawzewa (?), Alexander Roo, Wanja Barsukow, Kolja Gorodyski (?), Schura Lebedew, Dima Jaryschkin, Rudolf Meier, Fjodor Erhardt, Fjodor Getz, Hermann Roo, Kolja Semjonow.

Учащиеся 3-го класса Новосаратовской школы.
Новосаратовка, 25 октября 1939 г.
Из семейного архива Р. Р. Мейера

На обороте записаны имена 37 человек из 41-го: Павлова Нина, Андросенкова (?) Зоя, Костылькова (?) Люся, Михайлова Нина, Винк Муся, пионервожатая, З.С. Красильникова, Гольцварт Тереза, Шефер Эрна, Охотников Николай, Аверьянов Влад., Шеф Федор, Сорокодумов Леня, Бич Валя, Лауер Эрна, Ульрих Шура, Чистяков Веня, Отто Яков, Штро Эрна, Штейнмиллер Тереза, Фалькенштерн Лиза, Лауер Адольф, Моисеенко Зоя, Гер Валя, Цаглер Катя, Кудрявцева Нэля (?), Роо Ал[ексан]др, Барсуков Ваня, Городиский (?) Коля, Лебедев Шура, Ярышкин Дима, Мейер Рудольф, Эргардт Федор, Гец Федор, Роо Герман, Семенов Коля.

***(138)* Schüler der ersten Klassen der Schule von Neu-Saratowka im ersten Herbst der Belagerung**. Neu-Saratowka, 1941.

Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa

In der oberen Reihe der zweite von links Alexander Andreewitsch Kern (geb. 1931).

Ученики начальных классов Новосаратовской школы в первую блокадную осень. Новосаратовка, 1941 г.

Из семейного архива Е. А. Кузнецовой

В верхнем ряду второй слева Александр Андреевич Керн (1931 г. р.).

***(139)* Schüler der deutschen Grundschule der Kolonie Strelna im Blauen Saal des Konstantinschlosses.** Strelna, 1930.
Aus dem Familienarchiv von M. W. Lewizkaja
In der oberen Reihe (von links nach rechts): 5 – Katja Eidemüller, 6 – Sonja Amann, 7 – Margarita Meng, 8 – Regina Gerlemann.

Учащиеся Стрельнинской немецкой начальной школы в Голубом зале Константиновского дворца.
Стрельна, 1930 г.
Из семейного архива М. В. Левицкой
В верхнем ряду (слева направо): 5 – Катя Эйдемиллер, 6 – Соня Аман, 7 – Маргарита Менг, 8 – Регина Герлеман.

***(140)* Treffen der ehemaligen Schüler der Schule von Strelna.** Leningrad, 1981.
Aus dem Familienarchiv von M. W. Lewizkaja

Rechts steht Regina Gerlemann, in der mittleren Reihe von rechts Anita Glagolewa (Kehr), in der unteren Reihe die zweite von rechts Evgenia Brenner.

Встреча выпускников Стрельнинской школы. Ленинград, 1981 г.
Из семейного архива М. В. Левицкой

Справа стоит Регина Герлеман, в среднем ряду справа – Анита Глаголева (Кер), в нижнем ряду вторая справа – Евгения Бреннер.

***(141)* Grundschule in der Kolonie von Kolpino. 1932.**

Aus dem Familienarchiv von E. J. Arsenjewa

In der ersten Reihe: die fünfte von links Sophia Eidemüller (geb. 1925), Tochter von Peter Eidemüller und Christine Pletzer; in der zweiten Reihe der dritte von links Peter Eidemüller (geb. 1925), Sohn von Adam Jakowlewitsch Eidemüller; ganz rechts (sitzend) Adam Adamowitsch Götz (geb. 1925), der zweite von rechts (stehend) Jakob Martinowitsch Pletzer (geb. 4. Dezember 1924); in der oberen Reihe (von links nach rechts): 3.: Michail Petrowitsch Muss, 6. Peter Pletzer (geb. 1925), Sohn von Georg Adamowitsch Pletzer; 8. Michail Michailowitsch Muss.

Начальная школа в Колпинской колонии. 1932 г.

Из семейного архива Е. Я. Арсеньевой

В первом ряду: пятая слева – София Эйдемиллер (1925 г. р.), дочь Петра Эйдемиллера и Кристины Плетцер; во втором ряду: третий слева – Эйдемиллер Петр (1925 г. р.), сын Эйдемиллера Адама Яковлевича; крайний справа (сидит) – Гетц Адам Адамович (1925 г. р.), второй справа (стоит) – Плетцер Яков Мартынович (род. 4 декабря 1924 г.); в верхнем ряду (слева направо): 3-й – Мусс Михаил Петрович, 6-й – Плетцер Петр (1925 г. р.), сын Плетцера Георгия Адамовича; 8-й – Мусс Михаил Михайлович.

***(142)* Schule in Rutschi. Foto aus den 1930er Jahren.**

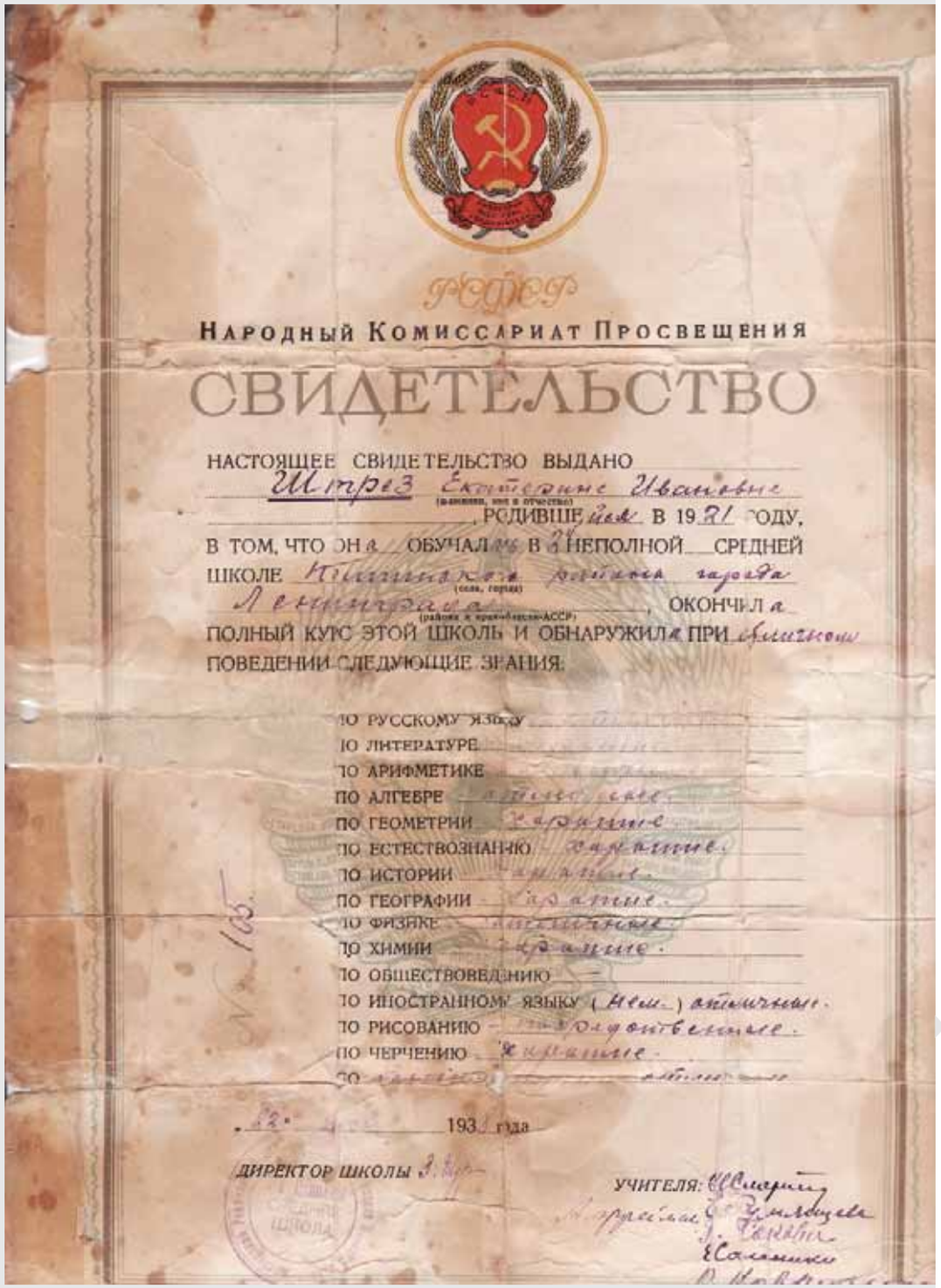
Aus dem Familienarchiv von I. O. Bitsch

Die Grundschule bei der Straße Graschdanka befand sich in einem alten Holzhaus. Die Schule wurde von Kindern deutscher Familien vom Gehöft von Bitsch besucht.

Школа в Ручьях. Фото 1930-х годов.

Из семейного архива И. О. Бич

Начальная школа у Гражданской дороги размещалась в старом деревянном доме. Школу посещали дети немецких семей из хутора Бич.



РСФСР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО Штрез Екатерине Ивановне (фамилия, имя и отчество), РОДИВШЕЙСЯ В 1921 ГОДУ, В ТОМ, ЧТО ОНА ОБУЧАЛАСЬ В 24 НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ Колпинского района города Ленинграда (села, города) (района и края-области-АССР), ОКОНЧИЛА ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛА ПРИ Отличном ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ПО АРИФМЕТИКЕ
ПО АЛГЕБРЕ отличные
ПО ГЕОМЕТРИИ хорошие
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ хорошие
ПО ИСТОРИИ хорошие
ПО ГЕОГРАФИИ хорошие
ПО ФИЗИКЕ отличные
ПО ХИМИИ хорошие
ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (нем.) отличные
ПО РИСОВАНИЮ посредственные
ПО ЧЕРЧЕНИЮ хорошие
ПО [illegible] отличные

№ 105

«22» [illegible] 1938 года

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ [illegible]

УЧИТЕЛЯ: [illegible]

***(143)* Schulabschlusszeugnis von Katharina Stres an der Grundschule von Kolpino. 1938.**

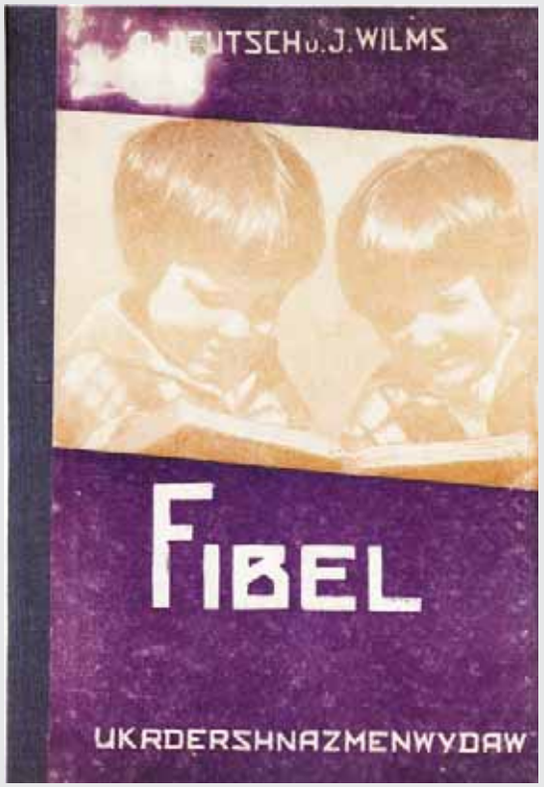
Aus dem Familienarchiv der Familie Stres

Свидетельство об окончании Колпинской неполной средней школы Екатерины Штрез. 1938 г.

Из семейного архива семьи Штрез

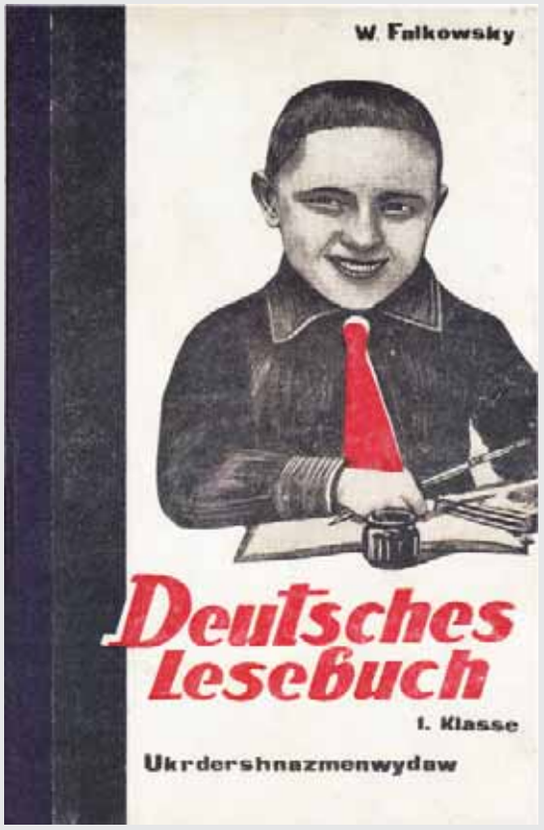
***(144)* Fiebel, verfasst von dem deutschen Pädagogen Gustav Schlimbach. 1909.**
Titelblatt
Das populärste ABC-Buch in Deutschland und bei den Russlanddeutschen. In Russland wurde es ab den 1890er Jahren verwendet.

Букварь, составленный немецким педагогом Густавом Шлимбахом. 1909 г.
Титульный лист
Наиболее популярный букварь в Германии и у российских немцев. В России использовался с 1890-х годов.



(145) **Fibel. Autoren P. Deutsch und J. Wilms.** Zugelasst vom Volkskommissar für Bildungswesen der Ukrainischen SSR. Charkow, 1934.
Aus den Beständen der RNB

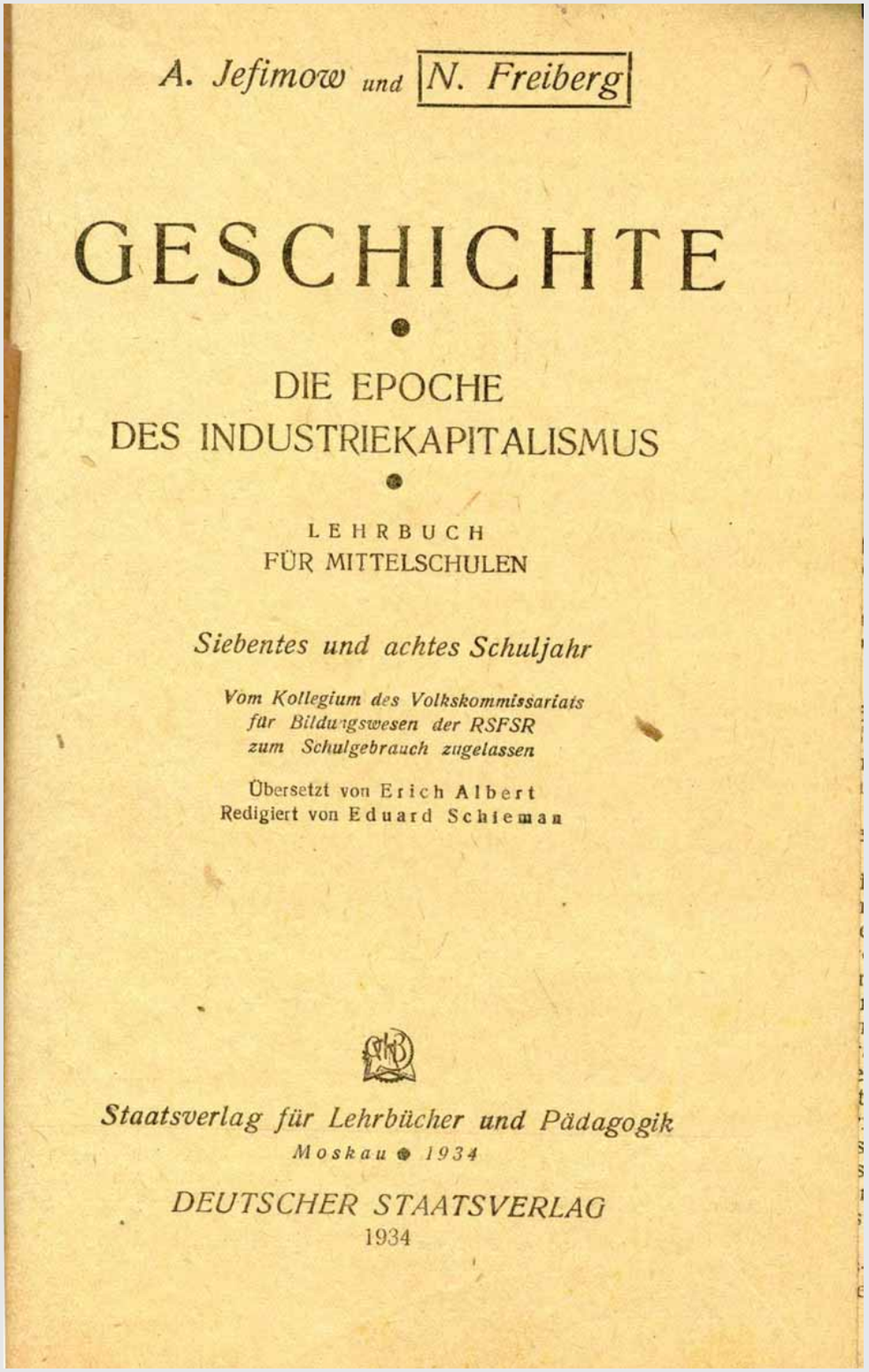
Букварь для немецких школ. Авторы учебника П. Дойч и И. Вильмс.
Издан в Харькове в 1934 г.
Из фондов РНБ



(146) **Deutsches Lesebuch für die 1. Klasse. Autor W. Falkowsky.** Zugelasst vom Volkskommissar für Bildunswesen der Ukrainischen SSR. Charkow, 1935.
Aus den Beständen der RNB

Книга для чтения после букваря для немецких школ. Автор В. Фальковский.
Издана в Харькове в 1935 г.
Из фондов РНБ

7/


A. Jefimow und N. Freiberg

GESCHICHTE

DIE EPOCHE
DES INDUSTRIEKAPITALISMUS

LEHRBUCH
FÜR MITTELSCHULEN

Siebentes und achtes Schuljahr

Vom Kollegium des Volkskommissariats für Bildungswesen der RSFSR zum Schulgebrauch zugelassen

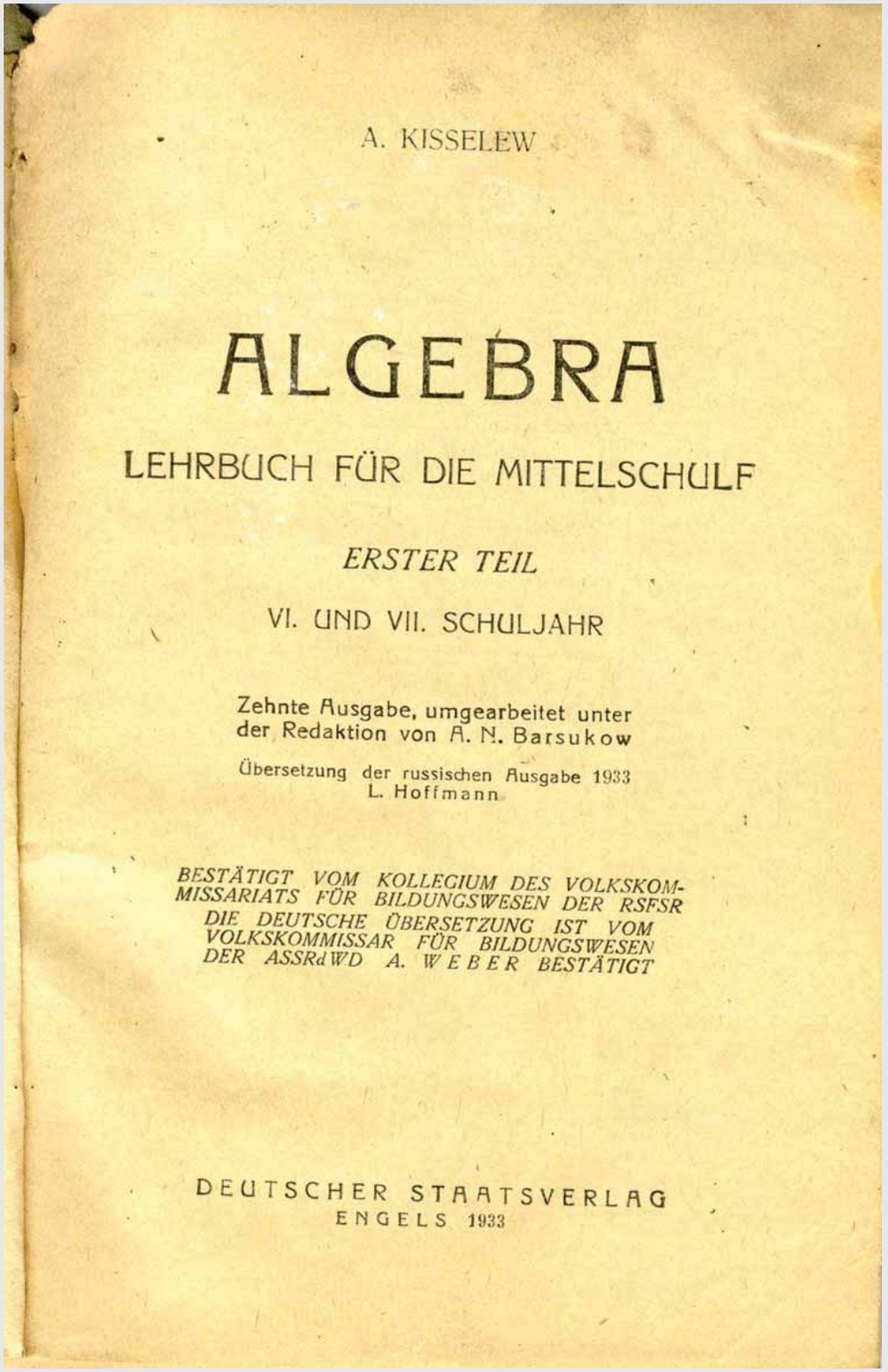
Übersetzt von Erich Albert
Redigiert von Eduard Schieman

Staatsverlag für Lehrbücher und Pädagogik
Moskau • 1934

DEUTSCHER STAATSVERLAG
1934

***(147)* Geschichtslehrbuch (Epoche des Imperialismus) für die mittleren Schulen.** Autoren A. Efimow und N. Freiberg. Moskau, 1934.
Aus den Beständen des OSGHM

Учебник истории (эпоха империализма) для средней школы. Авторы А. Ефимов и Н. Фрайберг. Москва, 1934 г.
Из фондов ОГИК музея


A. KISSELEW

ALGEBRA

LEHRBUCH FÜR DIE MITTELSCHULE

ERSTER TEIL

VI. UND VII. SCHULJAHR

Zehnte Ausgabe, umgearbeitet unter
der Redaktion von A. N. Barsukow

Übersetzung der russischen Ausgabe 1933
L. Hoffmann

BESTÄTIGT VOM KOLLEGIUM DES VOLKSKOMMISSARIATS FÜR BILDUNGSWESEN DER RSFSR
DIE DEUTSCHE ÜBERSETZUNG IST VOM VOLKSKOMMISSAR FÜR BILDUNGSWESEN DER ASSRdWD A. WEBER BESTÄTIGT

DEUTSCHER STAATSVERLAG
ENGELS 1933

***(148)* Algebraschulbuch für die Mittelschule.** Autor A. Kiselew. Engels, 1932.
Aus den Beständen des OSGHM

Учебник алгебры для средней школы.
Автор А. Киселев. Энгельс, 1932.
Из фондов ОГИК музея

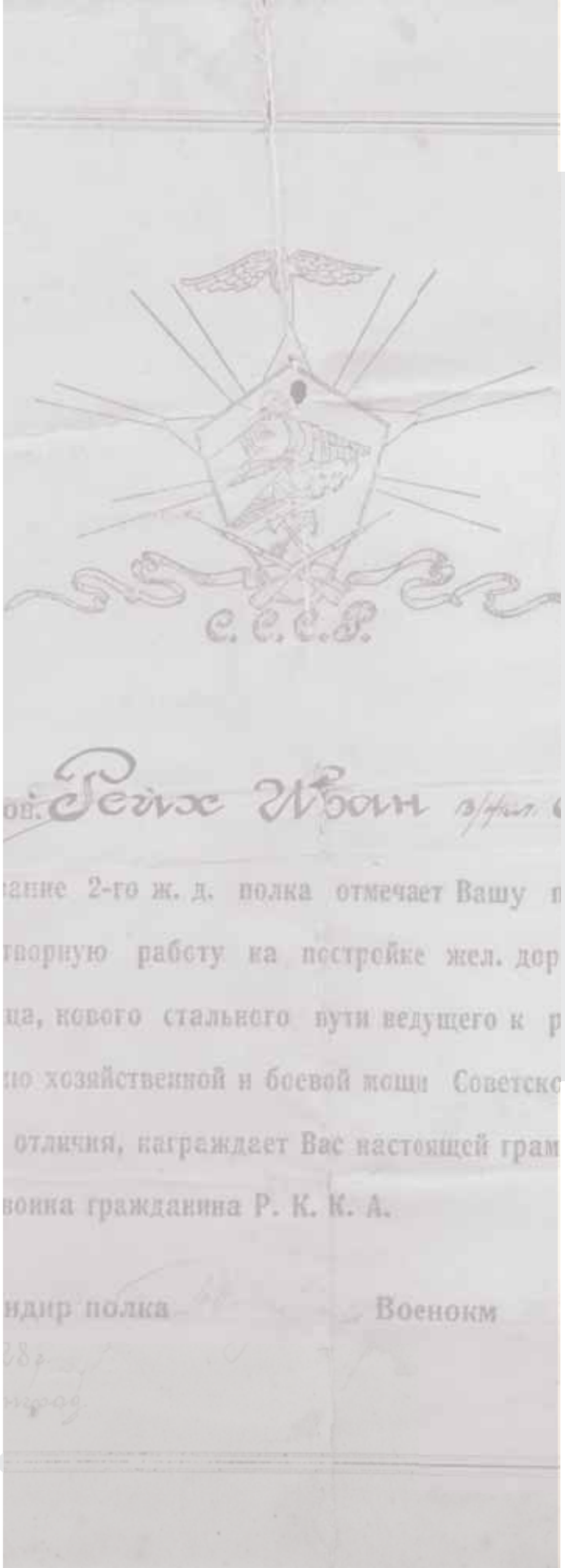
8/ IM DIENSTE VON STAAT UND GESELLSCHAFT
НА СЛУЖБЕ У ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Ab dem 1. Januar 1874 wurde auf die Kolonisten das Gesetz des allgemeinen Wehrdienstes ausgeweitet, der die bisherige Rekrutierung ersetzte. Die Russlanddeutschen nahmen am Russisch-Japanischen Krieg und am 1. Weltkrieg teil. Unter den im Herbst 1914 im Zuge der Ostpreußischen Operationen Gefallenen, Verwundeten und Vermissten finden sich viele Siedler aus der Gegend von Petersburg. In der sowjetischen Zeit dienten Deutsche weiter in der Roten Armee.

In der zweiten Hälfte des XIX. Jh begannen sich freiwillige Feuerwehreinheiten in den Verwaltungsbezirken von Petersburg und in den großen Datschenansiedlungen zu formieren. Im Jahre 1897 wurde „Regelverordnung für die freiwilligen Feuerwehreinheiten" verfasst. Die Abteilungen der Feuerwehr arbeiteten auch in den deutschen Kolonien. Zu den vielen Kompetenzen der Einheiten gehörte auch die Aufsicht über die Einhaltung der Brandschutzregeln und Baunormen.

С 1 января 1874 г. на колонистов распространился закон о всеобщей воинской повинности, которая заменяла рекрутские наборы. Российские немцы участвовали в Русско-японской и Первой мировой войнах. Среди убитых, раненых и без вести пропавших осенью 1914 г. в ходе Восточно-прусской операции значатся колонисты из-под Петербурга. В советское время немцы продолжали служить в Красной Армии.

Во второй половине XIX в. началось формирование добровольческих пожарных дружин в уездах Петербургской губернии и крупных дачных поселках. В 1897 г. был принят «Нормальный устав добровольной пожарной дружины». Отделения пожарников действовали и в немецких колониях. Среди широких полномочий дружинников был надзор за соблюдением противопожарных и строительных норм.



Всесословная воинская повинность. Прибытіе новобранцевъ изъ окрестностей столицы въ С.-Петербургъ. (Рис. Г. Бролингъ, грав. К. Крыжановскій).

***(149)* Allgemeiner Wehrdienst.** Die neuen Rekruten aus der Umgebung der Hauptstadt kommen in Sankt Petersburg an. Zeichnung von G. Broling, Stich von K. Kryschanowski. 1875.
Aus der Revue „Weltillustrierte"

Entsprechend der neuen Gesetzgebung unterlagen der Einberufung Männer unabhängig von ihrem Stand, die das 21. Lebensjahr erreicht hatten. Die Dauer der offiziellen Wehrpflicht in der Landarmee betrug sechs Jahr, in späteren Jahren wurde die Dauer verkürzt.

Всеобщая воинская повинность. Прибытие новобранцев из окрестностей столицы в Петербург. Рисунок Г. Бролинга, гравер К. Крыжановский. 1875 г.
Из журнала «Всемирная иллюстрация»

Согласно новому закону призыву подлежали мужчины независимо от сословия, достигшие 21 года. Срок действительной службы в сухопутных войсках составлял шесть лет, в последующие годы он сокращался.

***(150)* Alexander Adamowitsch Eidemüller (1868–1941)**, Kolonist aus Strelna, Gefreiter [des Bataillon der 4. Leibgarde der Zarenfamilie (?)]. Beginn der 1890 Jahre.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Leibgarde des Bataillon der Zarenfamilie, zusammengestellt im Jahre 1855 aus Bauern der Ländereien des Zaren. Sie befand sich in Zarskoje Selo.

Эйдемиллер Александр Адамович (1868–1941),
стрельнинский колонист, ефрейтор [4-го лейб-гвардии императорской фамилии батальона?]. Начало 1890-х годов.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

Лейб-гвардии императорской фамилии батальон, создан в 1855 г. из крестьян императорских уделов. Размещался в Царском Селе.

***(151)* Alexander und Christian Schmidt**, Kolonisten aus Wesselyj Poselok zur Zeit des Dienstes in der Musikgarde der Zarenarmee. Gegen 1900.
Leihgabe von S. A. Schmidt

Александр и Христиан Шмидты, колонисты из Веселого Поселка во время службы в музыкальной роте царской армии. Около 1900 г.
Предоставил С. А. Шмидт

***(152)* Abram Egorowitsch Schmidt in der Armee.**
Odessa. 1905.
Leihgabe von S. A. Schmidt.

Шмидт Абрам Егорович в армии. Одесса, 1905 г.
Предоставил С. А. Шмидт

***(153)* Alexander Jakowlewitsch Butz, Bewohner der Kolonie Strelna (links) mit Gefährten in der Zeit des Militärdienstes. 1910er Jahre.**
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Житель Стрельнинской колонии Александр Яковлевич Бутц (слева) с товарищем в период военной службы. 1910-е годы.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

***(154)* G. J. Butz, Bewohner der Kolonie von Strelna (links) und A. Stroh mit Jagdgewehren.** Fotoatelier von I. P. Jakowlew. Oranienbaum, 1910er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Жители Стрельнинской колонии Г. Я. Бутц (слева) и А. Штро с охотничьими ружьями. Фотоателье И. П. Яковлева. Ораниенбаум, 1910-е годы.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

***(155)* A. A. Lefler, Freiwilliger der Zarenarmee. 1910er Jahre.**
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Alexander Alexandrowitsch Lefler (1894–1942), Bewohner der Kolonie Strelna, diente im motorisierten Heeresteil, vermutlich in der Abteilung für Geschosse. Nach der Revolution arbeitete er als Chauffeur. Politisch verfolgt im Jahre 1937, starb im Interniertenlager.

А.А. Лефлер, вольноопределяющийся царской армии. 1910-е годы.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

Александр Александрович Лефлер (1894–1942), житель Стрельнинской колонии, служил в автомобильных войсках, предположительно в автомобильной пулеметной роте, после революции работал шофером. Репрессирован в 1937 г., умер в лагере.

***(156)* A. A. Lefler (links) mit Kameraden aus seiner Abteilung**. Fotoatelier „Ideal", Newski-Prospekt 114. Petrograd, 27. September [1914?]. *Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa*

А. А. Лефлер (слева) с однополчанами. Фотоателье «Идеал», Невский пр., 114. Петроград, 27 сентября [1914 г.?]. *Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой*

***(157)* Michail Michailowitsch Stroh**, Anführer der motorisierten Truppen in der Armee, Kolonist aus Owzyno. 1914–1915. *Aus dem Familienarchiv von S. Jakusch*

Штро Михаил Михайлович, рядовой автомобильных войск в действительной армии, колонист из Овцыно. 1914–1915 гг. *Из семейного архива С. Якуша*

***(158)* Musikcorps der 433. Nowgoroder Infanteriedivision,** in der Leontii Leontiewitsch Walliser (1891–1966) im 1. Weltkrieges diente. *Aus dem Familienarchiv von T. G. Ritter*

Музыкальная команда 433 Новгородской пехотной дивизии, в которой служил Валлизер Леонтий Леонтьевич (1891–1966) в годы Первой мировой войны. *Из семейного архива Т. Г. Риттер*

***(159)* K. M. Braun nach seiner Rückkehr aus der Gefangenschaft in Deutschland**. Nach 1917.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Karl Michailowitsch Braun (1892–1943), Bewohner der Kolonie Strelna, Soldat im 1. Weltkrieg, enteignet im Jahre 1930, befand sich in den Jahren 1942–1943 in der Arbeitsarmee in Tscheljabinsk.

К. М. Браун после возвращения из германского плена. После 1917 г. *Из семейного архива В. Ф. Шефера*

Браун Карл Михайлович (1892–1943), житель Стрельнинской колонии, участник Первой мировой войны, раскулачен в 1930 г., в 1942–1943 гг. находился в трудармии в Челябинске.

***(160)* Fjodor Abramowitsch Schmidt, Rotarmist (geb. 1882),** Siedler von Neu-Saratowka. 1919. *Leihgabe von S. A. Schmidt*

Красноармеец Федор Абрамович Шмидт (1882 г. р.), новосаратовский колонист. 1919 г. *Предоставил С. А. Шмидт*

***(161)* I. G. Vogelgesang in der Zeit des Dienstes auf dem Eisbrecher „Lenin“**, der die Route im nördlichen Polarmeer eröffnete. 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

Iwan Georgiewitsch Vogelgesang (geb. 1906), gebürtig aus der Kolonie von Neu-Saratowka, Ende der 1930er Jahre politisch verfolgt, von April 1942 bis Dezember 1946 in der Arbeitsarmee in Tscheljabinsk.

И. Г. Фогельгезанг во время службы на ледокольном пароходе «Ленин», осваивавшем Северный морской путь. 1930-е годы.
Из семейного архива О. А. Ермаковой

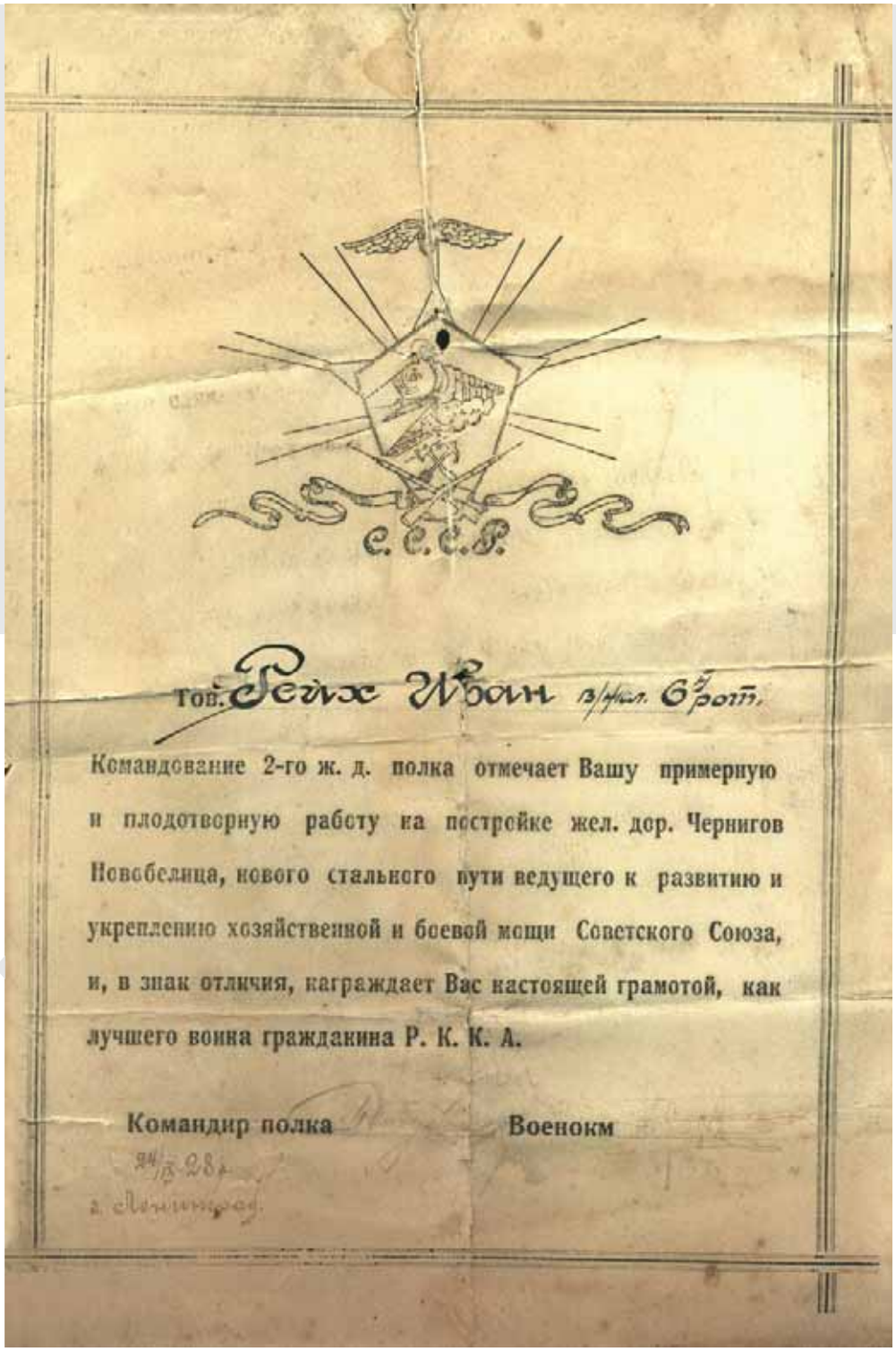
Иван Георгиевич Фогельгезанг (1906 г. р.), уроженец Новосаратовской колонии, в конце 1930-х годов репрессирован, с апреля 1942-го по декабрь 1946 г. находился в трудармии в Челябинске.

***(162)* Ehepaar Iwan Iwanowitsch und Elisabeth Reich**, Bewohner von Neu-Saratowka. 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von Reich

Супруги Иван Иванович и Елизавета Рейх, жители Новосаратовки. 1920-е годы.
Из семейного архива Рейх

***(163)* Ehrenurkunde des ehemaligen Soldaten Iwan Reich**, ausgehändigt für „vorbildliche und fruchtbare Arbeit auf der Baustelle der Eisenbahn Tschernigow-Nowobeliz". Leningrad, 24. September 1928.
Aus dem Familienarchiv von Reich

Почетная грамота военнослужащего Ивана Рейха, врученная за «примерную и плодотворную работу на постройке железной дороги Чернигов–Новобелица». Ленинград, 24 сентября 1928 г.
Из семейного архива Рейх



С. С. С. Р.

Тов. Рейх Иван в/жел. 6-й рот.

Командование 2-го ж. д. полка отмечает Вашу примерную и плодотворную работу на постройке жел. дор. Чернигов Новобелица, нового стального пути ведущего к развитию и укреплению хозяйственной и боевой мощи Советского Союза, и, в знак отличия, награждает Вас настоящей грамотой, как лучшего воина гражданина Р. К. К. А.

Командир полка Военкм

24/IX-28 г.
г. Ленинград

***(164)* Die Feuerwehreinheit der Kolonie Graschdanka.** Anfang des XX. Jh.
Leihgabe von S. E. Gleserow

Die Einheit der Kolonie in Graschdanka war 1897 gegründet worden. Gründer und Leiter war P. A. Schäfer. Im Hintergrund ist Haus Nr. 30 an der Straße nach Graschdanka (Haus der Walliser), rechts das Haus Nr. 2 in der Kolonie Graschdanka (Haus von Bauer).

Пожарная дружина колонии Гражданка. Начало XX в.
Предоставил С. Е. Глезеров

Колонистская дружина в Гражданке была основана в 1897 г. Учредителем и начальником был П. А. Шефер. На заднем плане – дом № 30 по Дороге в Гражданку (дом Вализера), справа – дом № 2 в колонии Гражданка (дом Бауэра).

***(165)* Die Feuerwehrmannschaft von Graschdanka.** Gegen 1930.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann

In der ersten Reihe (von links nach rechts): Peter Fjodorowitsch Bitsch, Jakob Jakowlewitsch Erhardt, Sergei Alexandrowitsch Krasotkin; in der zweiten Reihe: 2 – Jakob Fjodorowitsch Amann (1894–1935), Motorspezialist des Wasserpumpturmes; 3 – Fjodor Fjodorowitsch Walliser, 7 – Fjodor Fjodorowitsch Vogelgesang (klein), 8 – Fjodor Fjodorowitsch Vogelgesang (groß, der ältere); in der dritten Reihe: 1 – Matorin, 2 – Maria Anisimowna Jakowlewa, 3 – Nikolai Andreewitsch Erhardt, 4 – Fjodor Andreewitsch Erhardt, 5 – Karl Fjodorowitsch Vogelgesang, 6 – Julius Juliewitsch Vogelgesang, 8 – Peter Fjodorowitsch Walliser.

Гражданская пожарная команда. Около 1930 г.
Из семейного архива А. П. Амана

В первом ряду (слева направо): Петр Федорович Бич, Яков Яковлевич Эргардт, Сергей Александрович Красоткин; во втором ряду: 2 – Яков Федорович Аман (1894–1935), моторист водонапорной башни, 3 – Федор Федорович Вализер, 7 – Федор Федорович Фогельгезанг (маленький), 8 – Федор Федорович Фогельгезанг (большой, т.е. старший); в третьем ряду: 1 – Маторин, 2 – Мария Анисимовна Яковлева, 3 – Николай Андреевич Эргардт, 4 – Федор Андреевич Эргардт, 5 – Карл Федорович Фогельгезанг, 6 – Юлий Юльевич Фогельгезанг, 8 – Петр Федорович Вализер.

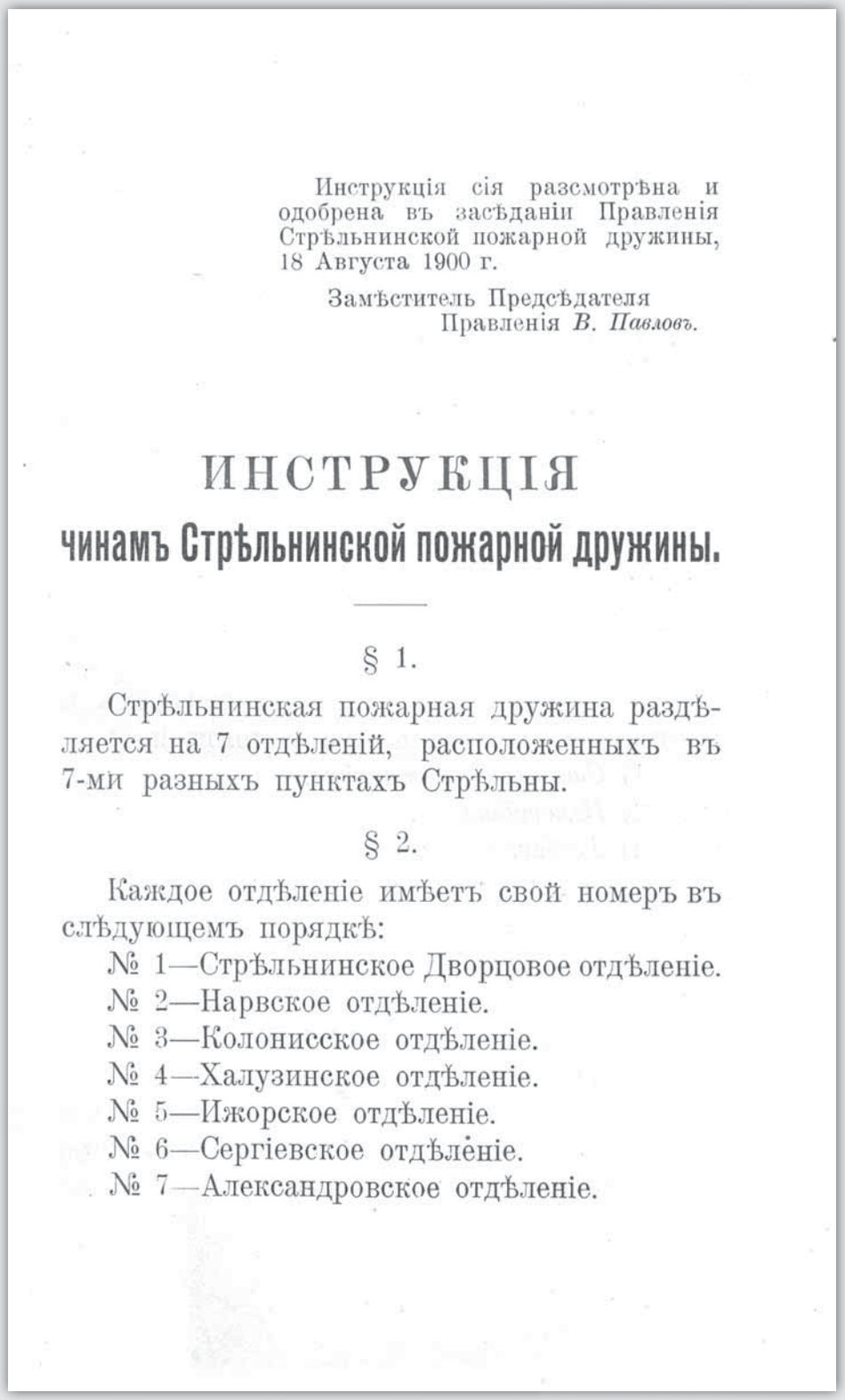
***(166)* Orchester der Feuerwehreinheit von Graschdanka**. Ende der 1920er Jahre – Anfang der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann

Оркестр Гражданской пожарной команды. Конец 1920-х – начало 1930-х годов.
Из семейного архива А. П. Амана

Стрѣльнинская пожарная дружина въ день юбилея. По фот. І. Оцупъ.

***(167)* Die Feuerwehreinheit der Kolonie Strelna. 1910.** *Foto von I. A. Ozup. Aus der Revue „Die Weltillustrierte"*

Стрельнинская пожарная команда. 1910 г. Фотограф И. А. Оцуп. *Из журнала «Всемирное обозрение»*



Инструкція сія разсмотрѣна и одобрена въ засѣданіи Правленія Стрѣльнинской пожарной дружины, 18 Августа 1900 г.

Замѣститель Предсѣдателя Правленія *В. Павловъ.*

ИНСТРУКЦІЯ
чинамъ Стрѣльнинской пожарной дружины.

§ 1.

Стрѣльнинская пожарная дружина раздѣляется на 7 отдѣленій, расположенныхъ въ 7-ми разныхъ пунктахъ Стрѣльны.

§ 2.

Каждое отдѣленіе имѣетъ свой номеръ въ слѣдующемъ порядкѣ:

№ 1—Стрѣльнинское Дворцовое отдѣленіе.
№ 2—Нарвское отдѣленіе.
№ 3—Колонисское отдѣленіе.
№ 4—Халузинское отдѣленіе.
№ 5—Ижорское отдѣленіе.
№ 6—Сергіевское отдѣленіе.
№ 7—Александровское отдѣленіе.

***(168)* Vorschriften für die einzelnen Unterabteilungen der Feuerwehreinheit der Kolonie Strelna.** In Kraft getreten am 18. August 1900.

Aus den Beständen der RNB

Die Feuerwehreinheit der Kolonie wurde am 29. Juni 1900 gegründet. Ihr Leiter war Nikolai Petrowitsch Schmidt.

Инструкция чинам Стрельнинской пожарной дружины. Утверждена 18 августа 1900 г.

Из фондов РНБ

Колонистское отделение пожарной дружины было основано 29 июня 1900 г. Его возглавлял Николай Петрович Шмидт.

зала 20.94.
шкафъ
полка 7.
№ 22.

ОТЧЕТЪ

ПРАВЛЕНІЯ

СТРѢЛЬНИНСКОЙ ПОЖАРНОЙ ДРУЖИНЫ

состоящей подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ

Его Императорскаго Высочества

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ДМИТРІЯ КОНСТАНТИНОВИЧА

за 1901 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Флейтмана, Казанская ул., д. № 45.

1902.

***(169)* Bericht der Leitung der Feuerwehreinheit der Kolonie Strelna für das Jahr 1901.** Sankt Petersburg, 1902.
Aus den Beständen der RNB

Отчет правления Стрельнинской пожарной дружины за 1901 г. СПб., 1902.
Из фондов РНБ

9/ DIE DEUTSCHE FAMILIE: DIALOG DER GENERATIONEN
НЕМЕЦКАЯ СЕМЬЯ: ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

Die traditionelle deutsche Familie baute sich auf einer bäuerlichen und zugleich religiösen Basis auf. Die führende Rolle der Kirche ließ ihren Abdruck im Charakter der Familie und im moralischen Antlitz ihrer Mitglieder. Das Hochzeitszeremoniell schloss sowohl den Kirchenritus der Trauung, als auch traditionelle volkstümliche Elemente in sich ein. Die Familien hoben sich durch Kinderreichtum hervor. Von Kindheit an wurden ihnen Regeln und Normen der Einstellung zur Arbeit eingeflößt, ebenso zu Minderjährigen und Alten, Regeln des guten Tones in den Begegnungen zwischen Alten und Jungen. Verwandtschaftsbeziehungen wurden sowohl im Dorfe, als auch über seine Grenzen hinweg fortwährend gepflegt.

Традиционная немецкая семья была основой сельской и одновременно религиозной общины.

Главенствующее положение церкви накладывало отпечаток на характер семьи, моральный облик ее членов. Свадебное торжество включало как церковный обряд венчания, так и традиционные народные элементы. Семьи отличались многодетностью. С детства прививались правила и нормы отношения к работе, к несовершеннолетним и престарелым, правила хорошего тона в отношениях между старшими и младшими. Родственные связи постоянно поддерживались в селе и за его пределами.

***(170)* Brautpaar Bauer beim Eintritt in die Kirche des Heiligen Nikolaus.** Kolonie Graschdanka, 1918–1920.
Aus dem Familienarchiv von W. J. Bauer

Der Eintritt in die Ehe wurde den Jungen ab einem Alter von 18 Jahren gestattet, den Mädchen nicht vor dem vollendeten 16. Lebensjahr. Beide Brautleute mussten vorher konfirmiert worden sein.

Молодожены Бауэр у входа в церковь св. Николая. Колония Гражданка, 1918–1920 гг.
Из семейного архива В. Я. Бауэр

Вступление в брак разрешалось юношам с 18 лет и девушкам не ранее 16 лет. Оба молодожена должны были пройти конфирмацию.

***(171)* Hochzeit von S. I. Weide.** Kolonie Graschdanka, 1921.
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

In der ersten Reihe (von links nach rechts): 2. – Iwan Walentinowitsch Weide, 3. – Sergei Iwanowitsch Weide, 6. – Fjodor Christophorowitsch Vogelgesang, 7. – Christine Petrowna Vogelgesang; in der zweiten Reihe: hinter dem Bräutigam – Elisabeth Fjodorowna Vogelgesang, hinter der Braut – Georg Iwanowitsch Weide; in der oberen Reihe rechts außen – Jung [?].

Свадьба С. И. Вейде. Колония Гражданка, 1921 г.
Из семейного архива Е. И. Швыревой

В первом ряду (слева направо): 2-й – Иван Валентинович Вейде, 3-й – Сергей Иванович Вейде, 6-й – Федор Христофорович Фогельгезанг, 7-я – Кристина Петровна Фогельгезанг; во втором ряду: за женихом – Елизавета Федоровна Фогельгезанг, за невестой – Георгий Иванович Вейде; в верхнем ряду крайняя справа – Юнг [?].

***(172)* Hochzeit von Christian Leontjewitsch Walliser und Christine Reich.** Kolonie Wesselyj Poselok, 1914.
Aus dem Familienarchiv von T. G. Ritter

Auf dem Foto (von links nach rechts): stehend Friedrich Reich, Leontii Christianowitsch Walliser, Margarita Walliser (geb. Gerlemann), Christine Reich (Mutter der Braut), Christine (Großmutter der Braut).

Свадьба Христиана Леонтьевича Валлизера и Кристины Рейх. Колония Веселый Поселок, 1914 г.
Из семейного архива Т. Г. Риттер

На фото стоят (слева направо): Рейх Фридрих, Валлизер Леонтий Христианович, Валлизер Маргарита (ур. Герлеман), Рейх Кристина (мать невесты), Кристина (бабушка невесты).

***(173)* Hochzeit von Alexander Eidemüller und Katharina Muss.**
Kolonie Kolpino, 19. Januar 1919.
Aus dem Familienarchiv von E. J. Arsenjewa

Auf der Photographie: in der Mitte die Braut Katharina Petrowna Muss (geb. 1898), Tochter eines Siedlers von Kolpino, hinter ihr der Bräutigam Alexander Alexandrowitsch Eidemüller (geb. 1896) aus der Kolonie von Srednaja Rogatka; erste von links – Charlotte Georgiewna oder Maria Georgiewna Muss; drittes Paar von links – Emilia Jakowlewna (geb. Eidemüller) aus Srednaja Rogatka und ihr Mann Primas Junkewitschus, Buchhalter einer Fabrik in Ischora; das vierte Paar – Katharina Jakowlewna (geb. Eidemüller) aus Srednaja Rogatka und ihr Mann Georg Dauwalter aus Neu-Saratowka; sechste Paar – Elisabeth Petrowna (geb. Eidemüller) aus Srednaja Rogatka und ihr Mann Adam Jakowlewitsch Eidemüller aus der Kolonie Kolpino.

Свадьба Александра Эйдемиллера и Екатерины Мусс.
Колпинская колония, 19 января 1919 г.
Из семейного архива Е. Я. Арсеньевой

На фото: в центре невеста – Екатерина Петровна Мусс (1898 г. р.), дочь колпинского поселенца, за ней жених – Александр Александрович Эйдемиллер (1896 г. р.) из Средней Рогатки; первая слева – Шарлотта Георгиевна или Мария Георгиевна Мусс; третья пара слева – Эмилия Яковлевна (ур. Эйдемиллер) из Средней Рогатки и муж Примас Юнкевичус, бухгалтер Ижорского завода; четвертая пара – Екатерина Яковлевна (ур. Эйдемиллер) из Средней Рогатки и муж Георгий Даувальтер из Новосаратовки; шестая пара – Елизавета Петровна (ур. Эйдемиллер) из Средней Рогатки и муж Адам Яковлевич Эйдемиллер из Колпинской колонии.

***(174)* Die Hochzeit von Emilie Erhardt und Alexander Jung,** Kolonie Graschdanka, 10. Mai 1918.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Emilia Christophorowna (8. Mai 1900–12. Mai 1991), Tochter von Christine und Christopher Erhardt. Alexander Christophorowitsch (20. Dezember 1893 – 4. Februar 1969), Sohn des Schmieds Christopher Jung.

Свадьба Эмилии Эргардт и Александра Юнга.
Колония Гражданка, 10 мая 1918 г.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

Эмилия Христофоровна (8 мая 1900 – 12 мая 1991), дочь Христины и Христофора Эргардтов. Александр Христофорович (20 декабря 1893 – 4 февраля 1969), сын кузнеца Христофора Юнга.

***(175)* Hochzeit von Alexander Walliser und Elisabeth Fink.** 11. April 1923.
Aus dem Familienarchiv von T. G. Ritter

Свадьба Александра Финка и Елизаветы Финк.
11 апреля 1923 г.
Из семейного архива Т. Г. Риттер

(176) **Silberne Hochzeit des Ehepaares Karl Fjodorowitsch und Mathilde Karlowna Brenner.** Kolonie Strelna, 1922.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Серебряная свадьба супругов Бреннер Карла Федоровича и Матильды Карловны.
Стрельнинская колония, 1922 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

(177) **Ehepaar Vogelgesang, Jakob Jakowlewitsch und Elisabeth Fjodorowna (geb. Erhardt)**,
Siedler aus Graschdanka. 1905.
Aus dem Familienarchiv von N. J. Vogelgesang

Супруги Фогельгезанг – Яков Яковлевич и Елизавета Федоровна (ур. Эргардт),
колонисты из Гражданки. 1905 г.
Из семейного архива Н. Я. Фогельгезанга

***(178)* Grabmal von Karl und Emilia in Lesnoje.** Postkarte vom Beginn des XX. Jh.
Aus den Beständen der RNB

Могила Карла и Эмили в Лесном.
Открытка начала XX в.
Из фондов РНБ

***(179)* Gäste auf der Silbernen Hochzeit von Julius und Elisabeth Bitsch**. Das Gehöft der Bitschs, zweite Hälfte der 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv E. A. Woitjuk

Nahe Freunde, die auch noch am Tag nach der Feier blieben, helfen im Garten Unkraut zu jäten. Im Zentrum steht der Gefeierte, Julius Adamowitsch Bitsch (mit Krawatte).

Гости на серебряной свадьбе Юлия и Елизаветы Бич. Хутор Бич, вторая половина 1920-х годов.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

Близкие гости, оставшиеся на второй день, помогают прополоть огород. В центре стоит юбиляр Юлий Адамович Бич (в галстуке).

***(180)* Karl und Emilia**, Helden einer romantischen Legende Petersburgs über zwei Verliebte, die aus dem Leben scheiden, weil ihre Eltern sich weigern, den Ehebund zu segnen. Zeichnung eines unbekannten Autors vom Beginn des XX. Jh.
Leihgabe von S. E. Gleserow

Nach einer der Versionen der Legende waren Emilia und Karl zwei junge Verliebte aus der deutschen Kolonie Graschdanka. Ihre Leichen wurden am 4. August 1855 in Lesnoje gefunden.

Карл и Эмилия – герои романтической легенды Петербурга о влюбленных, расставшихся с жизнью из-за нежелания родителей благословить их брак. Рисунок неизвестного автора начала XX в.
Предоставил С. Е. Глезеров

Согласно одной из версий легенды, Эмилия и Карл были молодыми возлюбленными из немецкой Гражданки. Их тела обнаружили в лесу 4 августа 1855 г.

Свидетельство о браке №

НОВО-САРАТОВСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

17 Сент. 1929 г.

Выдано в том, что Пальм (фамилия до брака) Андрей Карлович (отчество) и (фамилия до брака) Шефер Тереза Андреевна (отчество) вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния О БРАКЕ за 1929 год 17 числа Сентября месяца произведена соответствующая запись.

Фамилии после заключения брака	Пальм	Пальм
Особые отметки	Акт зарегистрирован на основании гребъявленных документов	

Форма № НР 3/9. СтАТ формат А5 210x148. Заведующий Делопроизводитель

(181) Ehevertrag von Andrei Karlowitsch Pahl und Theresa Andreewna Schäfer. 17. September 1929 im Rathaus von Neu-Saratowka.

Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa

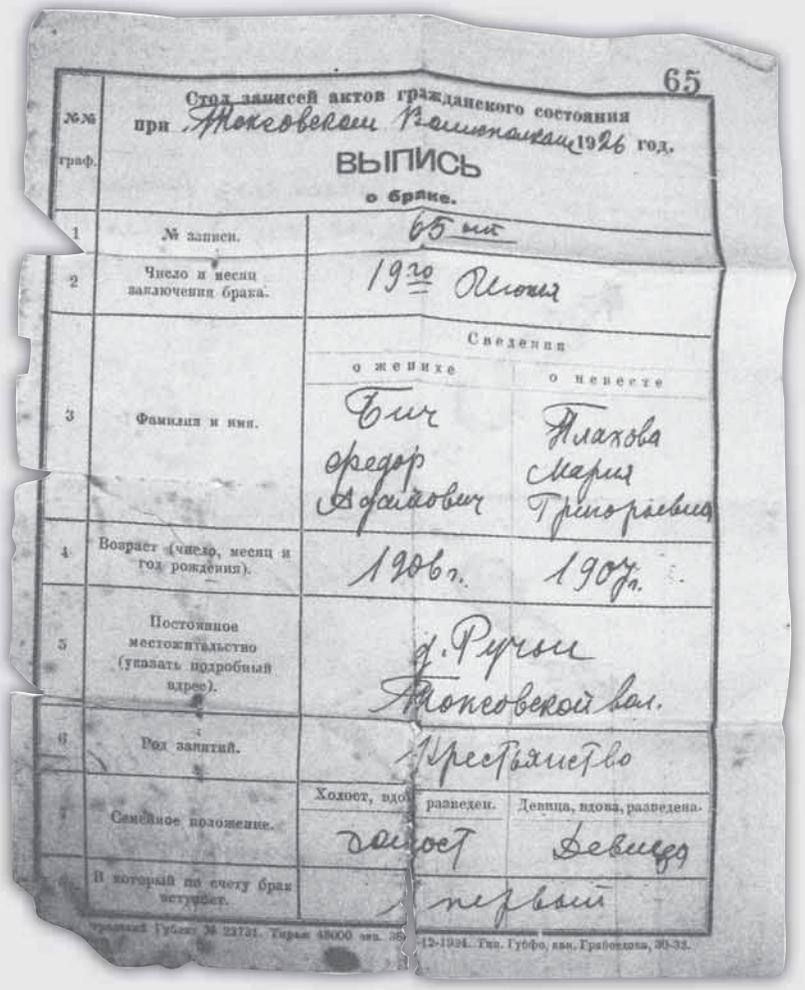
In der sowjetischen Zeit wurde die kirchliche Trauung durch die Eintragung im Rathaus ersetzt. Auch die Form des Ehevertrags war eine andere: anstatt einer Eintragung im Kirchenbuch über die Eheschließung wurde ein Zeugnis der Eheschließung ausgestellt.

Свидетельство о заключении брака между Палем Андреем Карловичем и Шефер Терезой Андреевной.

17 сентября 1929 г. в Новосаратовском сельсовете.

Из семейного архива Е. А. Кузнецовой

В советский период на смену церковному венчанию пришла регистрация в сельсовете. Изменилась и форма документа о брака – вместо выписи из церковной книги о сочетавшихся браком пришло свидетельство о заключении брака.



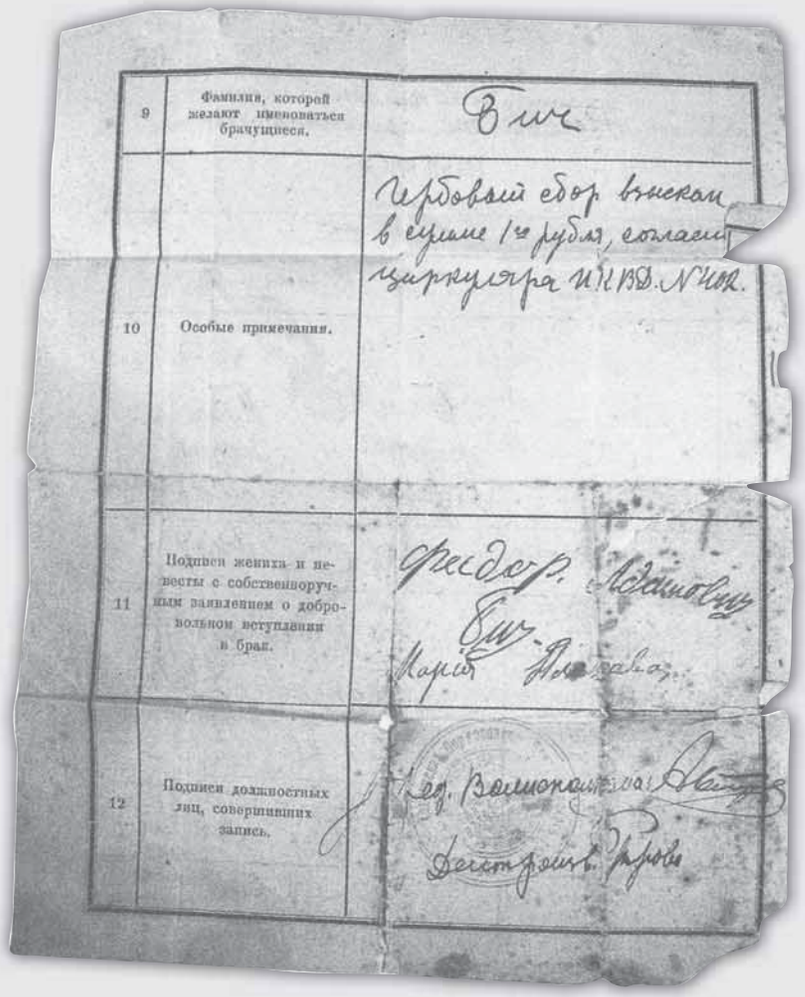
65

Стол записей актов гражданского состояния при Токсовском Волисполкоме 1926 год.

ВЫПИСЬ о браке.

№№ граф.			
1	№ записи.	65 ый	
2	Число и месяц заключения брака.	19го Июня	
3	Фамилия и имя.	Сведения о женихе: Бич Федор Адамович	Сведения о невесте: Плахова Мария Григорьевна
4	Возраст (число, месяц и год рождения).	1906 г.	1907 г.
5	Постоянное местожительство (указать подробный адрес).	д. Ручьи Токсовской вол.	
6	Род занятий.	Крестьянство	
7	Семейное положение.	Холост, вдов, разведен. Холост	Девица, вдова, разведена. Девица
8	В который по счету брак вступает.	первый	

Гражданский Губпит № 22731. Тираж 48000 экз. 38[illegible]-12-1924. Тип. Губфо, кан. Грибоедова, 30-32.



9	Фамилия, которой желают именоваться брачущиеся.	Бич
10	Особые примечания.	Гербовый сбор взыскан в сумме 1го рубля, согласно циркуляра И.Н.В.Д. № 402.
11	Подписи жениха и невесты с собственноручным заявлением о добровольном вступлении в брак.	Федор Адамович Бич Мария Плахова
12	Подписи должностных лиц, совершивших запись.	Пред. Волисполкома [illegible] Дестроиз. [illegible]

***(182)* Dokument über die Eintragung der Eheschließung von Fjodor Adamowitsch Bitsch und Maria Grigorewna Plachowa.** 1926. Ausgestellt von der Regionalverwaltung in Toksowo. *Aus dem Familienarchiv von I. O. Bitsch*

Ab den 1920er Jahren nahmen die Fälle von gemischten Ehen zwischen Deutschen und Vertretern anderer Nationalitäten zu.

Документ о регистрации брака Федора Адамовича Бича и Марии Григорьевны Плаховой. 1926 г. Выдан Токсовским волостным исполкомом.

Из семейного архива И. О. Бич

С 1920-х годов участились случаи смешанных браков между немцами и представителями других национальностей.

***(183)* Ehepaar Erhardt, Jakob Adamowitsch und Christine Petrowna (geb. Bitsch),** Siedler aus Graschdanka. Gegen 1890.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann

Супруги Эргардт – Яков Адамович и Кристина Петровна (ур. Бич) – колонисты из Гражданки. Около 1890 г.
Из семейного архива А. П. Амана

***(184)* Ehepaar Ditz, Peter und Christine Matweewna (geb. Lorer, in erster Ehe Stroh).** Ca. 1910.
Aus dem Familienarchiv von N. P. Uralskaja

Супруги Диц – Петр и Христина Матвеевна (ур. Лорер, в первом браке Штро). Около 1910 г.
Из семейного архива Н. П. Уральской

***(185)* Ehepaar Jung, Alexander Christophorowitsch und Emilia Christophorowna (geb. Erhardt)** aus der Kolonie Graschdanka. Petrograd, Anfang 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Супруги Юнг – Александр Христофорович и Эмилия Христофоровна (ур. Эргардт) из колонии Гражданка. Петроград, начало 1920-х годов.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

***(186)* Ehepaar Eidemüller, Fjodor Adamowitsch und Maria Christophorowna (geb. Erhardt)** aus der Kolonie Graschdanka. Petrograd, Anfang 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Супруги Эйдемиллер – Федор Адамович и Мария Христофоровна (ур. Эргардт) из колонии Гражданка. Петроград, начало 1920-х годов.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

***(187)* Elisabeth-Charlotte Lefler (geb. Stroh) mit ihrem ersten Kind, der Tochter Katharina.** Kolonie Strelna, 1900.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Елизавета-Шарлотта Лефлер (ур. Штро) с первенцем – дочерью Екатериной.
Стрельнинская колония, 1900 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

***(188)* Familie von Friedrich und Christine Reich.** Kolonie Wesselyj Poselok**,**
Beginn des XX. Jh.
Aus dem Familienarchiv von E. Chr. Walliser

Семья Фридриха и Кристины Рейх.
Веселый Поселок, начало XX в.
Из семейного архива Э. Х. Валлизер

***(189)* Familie Fritzler aus Neu-Saratowka. 1918.**
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa
Familienoberhaupt Christian Bogdanowitsch (1887–1941), Ehefrau Charlotte Adamowna (geb. Scheff, Jahrgang 1890), Töchter Charlotte (geb. 1913) und Elisabeth (geb. 1918).

Семья Фрицлер из Новосаратовки. 1918 г.
Из семейного архива О. А. Ермаковой
Глава семьи – Христиан Богданович (1887–1941), супруга Шарлотта Адамовна (ур. Шефф, 1890 г. р.), дочери Шарлотта (1913 г. р.) и Елизавета (1918 г. р.).

***(190)* Großmutter Lorer mit den Enkeln Rosa und Wladimir aus der Kolonie Strelna.** Sankt Petersburg, Beginn des 20. Jahrhunderts.
Aus dem Familienarchiv von N. P. Uralskaja

Бабушка Лорер с внуками Розой и Владимиром из Стрельнинской колонии. Санкт-Петербург, начало XX в.
Из семейного архива Н. П. Уральской.

***(191)* Kinder von Fjodor und Charlotte Brenner.**
Kolonie Strelna, ca. 1910.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa
Von links nach rechts: stehend Alexander und Katharina, sitzend Mathilde und Karl. Vermutlich wurde das Foto von einem bestellten Photographen in der Kolonie Strelna gemacht.

Дети Федора и Шарлотты Бреннер.
Стрельнинская колония, около 1910 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой
Слева направо: стоят Александр и Екатерина, сидят Матильда и Карл. Предположительно, съемка проводилась выездным фотографом в Стрельнинской колонии.

***(192)* Katharina Petrowna Bitsch (geb. Pahl)**
mit den Kindern ihrer Söhne Jakob und Fjodor. 1904.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann
Von links: Peter (stehend), Maria Fjodorowna (sitzend); von rechts (mit Hut) Emilia Jakowlewna.

Екатерина Петровна Бич (ур. Паль)
с детьми своих сыновей Якова и Федора. 1904 г.
Из семейного архива А. П. Амана
Слева: Петр (стоит), Мария Федоровна (сидит); справа (в шляпе) Эмилия Яковлевна.

(193) **Emilia Jakowlewna und Peter Jegorowitsch Amann mit Kindern.** Kolonie Graschdanka, Ende der 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann
Kinder: Wladimir (auf den Armen der Mutter), Albert und Margarita.

Эмилия Яковлевна и Петр Егорович Аман с детьми.
Колония Гражданка, конец 1920-х годов.
Из семейного архива А. П. Амана
Дети: Владимир (на руках матери), Альберт и Маргарита.

(194) **Elisabeth Fjodorowna Kraubner (1912–2000) mit den Brüdern Michail (1917–1984) und Alexander-Waldemar (1923–1926).** Ca. 1924.
Aus dem Familienarchiv von N. P. Uralskaja

Краубнер Елизавета Федоровна (1912–2000) с братьями Михаилом (1917–1984) и Александром-Вальдемаром (1923–1926).
Около 1924 г.
Из семейного архива Н. П. Уральской

***(195)* Familie Egor Iwanowitsch und Elisabeth Bogdanowna Vogelgesang aus der Kolonie Neu-Saratowka.** 1912.
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa
Gattin Elisabeth (geb. Brenner, Jahrgang 1883), Kinder: Iwan (1906), Adam, Hermann (1910), Elisabeth, Peter (1912).

Семья Егора Ивановича и Елизаветы Богдановны Фогельгезанг из Новосаратовской колонии. 1912 г.
Из семейного архива О. А. Ермаковой
Супруга – Елизавета Богдановна (ур. Брейнер, 1883 г. р.), дети: Иван (1906), Адам, Герман (1910), Елизавета, Петр (1912).

***(196)* Familie Fjodor Abramowitsch und Charlotte Andreewna Brenner aus der Kolonie Strelna. Ca. 1911.**
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Семья Федора Абрамовича и Шарлотты Андреевны Бреннер из Стрельнинской колонии Около 1911 г.
Из семейного архива А.Г. Бреннер и Э.Н. Скородумовой

***(197)* Familie Bitsch im Garten ihres Hauses.** Kolonie Graschdanka, Haus Nr. 12. Ca. 1925.
Aus dem Familienarchiv von T. W. Beimler
Sitzend Christine und Fjodor Bitsch (gestorben 1935), zwischen den beiden ihr jüngster Sohn Eduard; stehend die älteren Kinder (von links nach rechts): Christine, Alexander, Rosalia, Nikolai, Maria.

Семья Бич в саду дома. Колония Гражданка, дом 12. Около 1925 г.
Из семейного архива Т. В. Браймлер
Сидят Христина и Федор Бич (ум. в 1935 г.), между ними младший сын Эдуард; стоят старшие дети (слева направо): Христина, Александр, Розалия, Николай, Мария.

***(198)* Sophia Fjodorowna Eidemüller mit ihren Töchtern und Enkeln.** Kolonie Strelna. Ca. 1936.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer
In der Familie von Sophie und Alexander Eidemüller gab es acht Kinder. In der letzten Reihe von links Sophie Alexandrowna Eidemüller (geb. Schmidt, 1870–1941). Die Töchter von Sophie Fjodorowna: Helena Schäfer (hinten in der Mitte), Anna Eidemüller (hinten rechts), Lilia Amann (links außen), Christine Archiptschenko (in der Mitte, im Kleid mit weißem Kragen), Sophie Eidemüller (in der Mitte).

Софья Федоровна Эйдемиллер с дочерьми и внуками. Стрельнинская колония. Около 1936 г.
Из семейного архива В. Ф. Шефера
В семье Софьи и Александра Эйдемиллера было 8 детей. В последнем ряду слева – Эйдемиллер (ур. Шмидт) Софья Александровна (1870–1941). Дочери Софьи Федоровны: Елена Шефер (сзади в центре), Анна Эйдемиллер (сзади справа), Лидия Аман (крайняя слева), Христина Архипченко (в центре, платье с белым воротничком), Софья Эйдемиллер (в центре).

***(199)* Fjodor Abramowitsch Brenner mit seinen Enkeln.** Kolonie Strelna Anfang der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa
Von links nach rechts: Elvira Brenner, Wladimir und Olga Lefler.

Федор Абрамович Бреннер с внуками. Стрельнинская колония, начало 1930-х годов.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой
Слева направо: Эльвира Бреннер, Владимир и Ольга Лефлер.

***(200)* Wladimir Lefler (links) mit Freund.** Kolonie Strelna, ca. 1927.
Aus dem Familienarchiv von E. N. Skorodumowa
Wladimir Alexandrowitsch Lefler (1922, Kolonie Strelna – 2004, Deutschland), Sohn von Katharina und Alexander Lefler.

Владимир Лефлер (слева) с другом. Стрельнинская колония, около 1927 г.
Из семейного архива Э. Н. Скородумовой
Владимир Александрович Лефлер (1922, Стрельнинская колония – 2004, Германия), сын Екатерины и Александра Лефлера.

***(201)* Alexandra Karlowna Brenner mit ihrem Sohn Georg.**
Petrograd, Anfang der 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Александра Карловна Бреннер с сыном Жоржем.
Петроград, начало 1920-х годов.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

***(202)* Christopher Jung (zweiter von links, sitzend) mit Freunden aus der Kolonie Graschdanka.** 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Christopher Christophorowitsch Jung, einer der Schmiedegenossen von Graschdanka. Großvater des verdienten Piloten von Russland Viktor Wladimirowitsch Jung (Surgut).

Христофор Юнг (второй слева, сидит) с друзьями из колонии Гражданка. 1930-е годы.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

Христофор Христофорович Юнг, один из братьев-кузнецов Гражданки. Дедушка заслуженного пилота России Виктора Владимировича Юнга (Сургут).

***(203)* Walentina Becker,** Tochter von Michail Andreewitsch Becker aus Srednaja Rogatka. Leningrad, gegen 1936.
Aus dem Familienarchiv von W. M. Zelowowa

Валентина Беккер – дочь Михаила Андреевича Беккера из Средней Рогатки. Ленинград, около 1936 г.
Из семейного архива В. М. Целововой

***(204)* Elisabeth Weide mit drei Jahren. 1930.**
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Вейде Елизавета в три года. 1930 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой

***(205)* Tamara Iwanowa.** Leningrad 1931.
Aus dem Familienarchiv von T. M. Frolowa

Tamaras Eltern Michail Iwanowitsch Iwanow und Josephina Bogdanowna Brenner, Bewohner der Kolonie Neu-Saratowka. Die Eltern starben vor dem Krieg. Sie selbst blieb mit ihrer Schwester in Neu-Saratowka nach der Deportation der Deutschen.

Иванова Тамара. Ленинград, 1931 г.
Из семейного архива Т. М. Фроловой

Родители Тамары – Иванов Михаил Иванович и Брейнер Юзефина Богдановна Брейнер, жители Новосаратовской колонии. Родители умерли перед войной. Со старшей сестрой осталась в Новосаратовке после депортации немцев.

***(206)* Emma Lefler,** jüngere Tochter von Katharina und Alexander Lefler. Kolonie Strelna, 1938.
Aus dem Familienarchiv von E. N. Skorodumowa

Emma Alexandrowna (geehelichte Skorodumowa) war im belagerten Leningrad bei ihrer Tante Mathilde Fjodorowna Myschenskaja. Wurde adoptiert und erhielt einen neuen Namen und Nachnamen: Emma Nikolaewna Myschenskaja. Sie wurde Lehrerin der deutschen Sprache.

Эмма Лефлер – младшая дочь Екатерины и Александра Лефлера. Стрельнинская колония, 1938 г.
Из семейного архива Э. Н. Скородумовой

Эмма Александровна (в замужестве Скородумова) оказалась в блокадном Ленинграде у родной тетки Матильды Федоровны Мышенской. Была удочерена и получила новое отчество и фамилию – Мышенская Эмма Николаевна. Стала учителем немецкого языка.

***(207)* Cousinen Olga Lefler und Elvira Brenner.** Kolonie Strelna, Anfang der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Двоюродные сестры Ольга Лефлер и Эльвира Бреннер. Стрельнинская колония, начало 1930-х годов.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

***(208)* Jugendliche der Kolonie Graschdanka**. 1920er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann
Von links nach rechts: stehend Katharina Erhardt (1902–1984), ihre Schwester Emilia Jakowlewna Amann; sitzend Boris Smeljanskii und Maria Fjodorowna Bitsch.

Молодежь колонии Гражданка. 1920-е годы.
Из семейного архива А. П. Амана
Слева направо: стоят Екатерина Эргардт (1902–1984), ее сестра Эмилия Яковлевна Аман; сидят Борис Смелянский и Мария Федоровна Бич.

***(209)* Mathilde Brenner (geehelichte Myschenskaja).** Kolonie Strelna, 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Анна Эймемиллер (в замужестве Плетцер).
Колпинская колония, 1923 г.
Из семейного архива Е. Я. Арсеньевой

***(210)* Maria Bitsch (geehelichte Scherstnewa) aus der Kolonie Graschdanka.** Petrograd, 1919.
Aus dem Familienarchiv von T. W. Beimler

Мария Бич (в замужестве Шерстнева) из колонии Гражданка. Петроград, 1919 г.
Из семейного архива Т. В. Баймлер

***(211)* Anna Eidemüller (geehelichte Pletzer).**
Kolonie Kolpino, 1923.
Aus dem Familienarchiv von E. J. Arsenjewa

Матильда Бреннер (в замужестве Мышенская).
Стрельнинская колония, 1930-е годы.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

10/ XX. JAHRHUNDERT: ZWISCHEN ZWEI KRIEGEN
XX ВЕК: МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

In der 1920er Jahren entwickelten sich die deutschen Siedlungen wie Vorstadtwirtschaften, die die Stadt mit Gemüse und Milchprodukten versorgten. Aktiv entwickelte sich auch die Gründung von Genossenschaften Zuge der Massenkollektivierung 1930–1931 wurden anstelle der Genossenschaften Kolchosen gegründet. Die Vereinigung zu Kolchosen war begleitet von Enteignungsprogrammen und der Verbannung wohlhabender Bauern auf die Kolsker Halbinsel und nach Kasachstan. Gegen Ende der 1930er Jahre existierten in der Region von Leningrad folgende deutsche Kolchosen: „Arbeiter", „Roter Mechanisator", „Rot Front", „Rote Fahne", „Kamenka", „Krasnyi Pachar", „Udarnik", „Karl Liebknecht", „Thälmann", „Obkoma MOPR", „Max Hölz", „1. Mai". Die fortschrittlichen Kolchosen wurden als Schaufenster des Sozialismus benutzt, hinter der sich viele politische Unterdrückungen verbargen. Massenweise wurden Geheimoperationen durchgeführt in den „Nationalen Riegen" gegen „Spione und Saboteure". Die erste „Feindesriege" im Lande und in der Leningrader Region war die deutsche Kolonistengemeinde.

В 1920-е годы немецкие поселения развивались как пригородные хозяйства, снабжающие город овощами и молочной продукцией, активно развивалось кооперативное движение. В 1930–1931 гг. в ходе массовой коллективизации вместо кооперативов были организованы колхозы. Объединение в колхозы сопровождалось раскулачиванием и высылкой зажиточных крестьян на Кольский полуостров и Казахстан. К концу 1930-х годов в Ленинградской области существовали немецкие колхозы: «Арбайтер», «Красный механизатор», «Рот фронт», «Роте Фане», «Каменка», «Красный пахарь», «Ударник», имени Карла Либкнехта, Тельмана, Обкома МОПР, Макса Гельца, 1 Мая. Передовые хозяйства использовали как парадную витрину социализма, за которой были скрыты политические репрессии. Проводились массовые секретные операции по «национальным линиям» против «шпионов и диверсантов». Первой такой «линией» в стране и Ленинградской области стала «немецкая линия».

***(212)* Feierlicher Bogen in der Siedlung Graschdanka zu ihrem 100-jährigen Jubiläum. 1927.**
Aus dem Familienarchiv von N. J. Vogelgesang

Праздничная арка в колонии Гражданка в дни 100-летнего юбилея. 1927 г.
Из семейного архива Н. Я. Фогельгезанга

***(213)* Bewohner der Kolonie Graschdanka am Tag der Einhundertjahrfeier. 1927.**
Aus dem Familienarchiv von T. W. Beimler

Жители колонии Гражданка в дни празднования 100-летия. 1927 г.
Из семейного архива Т.В. Баймлер

(214) Gruppenportrait der Bewohner von Graschdanka am Tag der Einhundertjahrfeier. 1927.

Aus dem Archiv von N. J. Vogelgesang

In der ersten Reihe (von links nach rechts): 1 – Peter Jegorowitsch Amann, 2 – Katharina, Ehefrau von Fjodor Adamowitsch Erhardt, 3 – Fjodor Christophorowitsch Vogelgesang; zweite Reihe: 3 – Fjodor Adamowitsch Erhardt, 5 – Christine Erhardt (geehelichte Eidemüller); dritte Reihe: 2 – Elisabeth Adamowna Erhard (geehelichte Paschkowskaja), 4 – Christine Vogelgesang, 5 (mit Krawatte-Halsknoten) – Fjodor Fjodorowitsch Vogelgesang; vierte Reihe: 1 (hinter J. A. Erhardt) – Jakob Jakowlewitsch Erhardt, 3 (mit Kappe) – Alexander Alexandrowitsch Walliser; sechste Reihe: 2 (mit Kappe) – Peter Fjodorowitsch Bitsch.

Групповой портрет жителей немецкой Гражданки на празднике 100-летия колонии. 1927 г.

Из архива Н. Я. Фогельгезанга

В первом ряду (слева направо): 1 – Петр Егорович Аман, 2 – Катерина, жена Федора Адамовича Эргардта, 3 – Федор Христофорович Фогельгезанг; второй ряд: 3 – Федор Адамович Эргардт, 5 – Кристина Эргардт (в замужестве Эйдемиллер); третий ряд: 2 – Елизавета Адамовна Эргард (в замужестве Пашковская), 4 – Кристина Фогельгезанг, 5 (с галстуком-«бабочкой» – Федор Федорович Фогельгезанг; четвертый ряд: 1 (за Е. А. Эргардт) – Яков Яковлевич Эргардт, 3 (в кепке) – Александр Александрович Вализер; шестой ряд: 2 (в кепке) – Петр Федорович Бич.

***(215)* Die Kinder der deutschen Kolonie Graschdanka. 1927.**
Aus dem Familienarchiv von W. J. Bauer

Дети немецкой Гражданки. 1927 г.
Из семейного архива В. Я. Бауэр

***(216)* Kolchos „Leninfestung" in der Siedlung Rutschi.** Versuchte Ausfahrt zur Saat. Erste und zweite Brigade. 21. April 1932.
Aus dem Familienarchiv von F. A. Bitsch
In der Zusammensetzung der Kolchose befanden sich einige deutsche Kolonisten aus den nächstgelegenen Gehöften.

Колхоз «Ленинская крепость» в поселке Ручьи. Пробный выезд к севу. Первая и вторая бригады. 21 апреля 1932 г.
Из семейного архива Ф. А. Бича
В состав колхоза вошли некоторые немецкие колонисты из близлежащих хуторов.

***(217)* Kolchose „Leninfestung".**
Versuchte Ausfahrt zur Saat. Erste und zweite Brigade. 21. April 1932.
Aus dem Familienarchiv von F. A. Bitsch

Колхоз «Ленинская крепость».
Пробный выезд к севу. Первая и вторая бригады. 21 апреля 1932 г.
Из семейного архива Ф. А. Бича

***(218)* Kolchose „Leninfestung".**
Versuchte Ausfahrt zur Saat.
Achte Brigade. 21. April 1932.
Aus dem Familienarchiv von F. A. Bitsch

Колхоз «Ленинская крепость».
Пробный выезд к севу. Восьмая бригада. 21 апреля 1932 г.
Из семейного архива Ф. А. Бича

10/

***(219)* Familie von Fjodor Jakowlewitsch und Theresa Christianowna Büher aus der Kolonie Owzyno.** Leningrad, ca. 1927.
Aus dem Familienarchiv von E. J. Bühler

Fjodor (Friedrich) Jakowlewitsch (1897–1934), gebürtig aus der Kolonie Wesselyj Poselok. Gattin Theresa Christianowna Fink (1895–1960er Jahre), in erster Ehe Bitsch, verwitwet, zweite Ehe mit Bühler. Mutter von Theresa-Charlotte Fink (geb. Bitsch). Kinder: Jakob (1919–2012), ältere Tochter Theresa (Elisabeth, geb. 1921), jüngere Tochter Charlotte (Olga, geb. 1923). Die Familie wurde im Jahre 1929 enteignet. Die Eltern wurden nach Chibinogorsk verbannt, die Kinder blieben bei Verwandten. Friedrich Bühler starb in einer Lawinenkatastrophe im Dezember 1934. Theresa Christianowna wurde im Jahre 1940 von der Kolsker Halbinsel in den Altai deportiert, anschließend lebte sie dann in der Stadt Kansk im Gebiet von Krasnojarsk und starb dort.

Семья Федора Яковлевича и Терезы Христиановны Биллер из колонии Овцыно. Ленинград, около 1927 г.
Из семейного архива Е. Я. Биллера

Федор (Фридрих) Яковлевич (1897–1934), уроженец колонии Веселый Поселок. Супруга Тереза Христиановна Финк (1895–1960-е годы), в первом браке Бич, овдовела, вышла замуж за Биллера. Мать Терезы – Шарлотта Финк (ур. Бич). Дети: Яков (1919–2012), старшая дочь Тереза (Елизавета, 1921 г. р.), младшая дочь Шарлотта (Ольга, 1923 г. р.). Семья раскулачена в 1929 г. Родители высланы в Хибиногорск, дети остались у родственников. Фридрих Биллер погиб при катастрофическом сходе снежной лавины в декабре 1934 г. Тереза Христиановна депортирована с Кольского полуострова на Алтай в 1940 г., в дальнейшем жила в г. Канске Красноярского края и где и умерла.

***(220)* K. M. Braun, Landwirt aus der Kolonie Strelna, in der „Verbannung der Großbauern".** Chibinogorsk, 1936.
Aus dem Familienarchiv von M. K. Braun
Karl Michailowitsch Braun (1892–1943), enteignet im Jahre 1930, verbannt ins Gebiet von Murmansk. Arbeitete als Agent bei der Rohstoffversorgung des Kombinats „Apatity". Im Jahre 1940 wurde er mit seiner Familie in den Altai deportiert. Diente dort in der Arbeitsarmee in Bergwerken in Kopeisk im Gebiet Tscheljabinsk.

К. М. Браун, крестьянин из Стрельнинской колонии, в «кулацкой ссылке». Хибиногорск, 1936 г.
Из семейного архива М. К. Брауна
Карл Михайлович Браун (1892–1943) раскулачен в 1930 г., сослан в Мурманскую область. Работал агентом по снабжению на комбинате «Апатиты». В 1940 г. депортирован с семьей на Алтай. Находился в труармии на шахте в Копейске Челябинской области.

(221) Die Zeitung „Rote Front" (ab 1932 „Rote Zeitung")
war das Organ des Leningrader Bezirksrates der Arbeiter, Bauern und Abgeordneten der Roten Armee. Sie erschien vom 4. Dezember 1931 bis zum 1. Mai 1936. Sie richtete sich an politische Emigranten, die in Leningrad lebten.
Aus den Beständen der RNB

Газета «Роте Фронт» (с 1932 г. – «Роте Цайтунг») – орган Ленинградского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, издавалась с 4 января 1931 г. по 1 мая 1936 г. Была ориентирована на политэмигрантов, проживающих в Ленинграде.
Из фондов РНБ

ARBEITER UND ARBEITERINNEN, WERKTÄTIGE ALLER LÄNDER!

Proletarier aller LÄnder, vereinigt Euch!

ZUM 15. JAHRESTAG DES OKTOBERS HÖHER DIE FAHNE LENINS, DIE FAHNE DER SIEGREICHEN REVOLUTION!

Vorwärts zum Weltoktober!

6. XI. 1932

ROTE ZEITUNG

DER SOZIALISMUS SIEGT

Vor 15 Jahren haben die Arbeiter Russlands unter der Führung der bolschewistischen Partei mit dem Genossen Lenin an der Spitze die Fahne des proletarischen Aufstandes erhoben und die Herrschaft der Gutsbesitzer und Kapitalisten gestürzt. Vor 15 Jahren wurde die Arbeiter- und Bauernmacht, die Diktatur des Proletariats errichtet.

Die Oktoberrevolution in Russland war der erste siegreiche Aufstand des Proletariats und eröffnete eine neue Aera im Leben der Menschheit — die Epoche der proletarischen Revolution.

15 Jahre Bestehen der Diktatur des Proletariats in der UdSSR sind ein gigant scher Sieg der kommunistischen Weltrevolution.

In ihrem heldenhaften Kampf gegen den Zarismus, in den Barrikadenkämpfen der Februar- und Oktoberrevolution, im Feuer des Bürgerkrieges und in der aufopfernden Tätigkeit für die Wiederaufrichtung und die Rekonstruktion der Volkswirtschaft erwarben sich die der Sache des Kommunismus ganz ergebenen **Arbeiter der Sowjetunion den Ehrennamen der Avantgarde, der Stossbrigade der proletarischen Weltrevolution.**

In diesen 15 Jahren des Kampfes gegen den Opportunismus jeglicher Art hat die Partei Lenins entscheidende Siege auf allen Gebieten des sozialistischen Aufbaus errungen. Zum historischen Jubiläum beendigt die Arbeiterklasse unseres Landes unter der Führung ihrer Partei mit dem Gen. Stalin, dem besten Schüler Lenins an der Spitze, siegreich den ersten Fünfjahrplan in vier Jahren.

Die Frage: Wer — wen? ist in der Industrie und in der Landwirtschaft endgültig und für immer zugunsten des Sozialismus entschieden; die UdSSR hat sich auf dem sozialistischen Weg gefestigt. Alle notwendigen Voraussetzungen sind geschaffen für die erfolgreiche Verwirklichung des zweiten Fünfjahrplanes, des Planes der endgültigen Vernichtung der Klassen und der Errichtung der klassenlosen sozialistischen Gesellschaft.

Die Erfolge des Sozialismus in der UdSSR sind umso grösser, weil sie in einer Zeit erreicht werden, wo das kapitalistische System immer mehr zerfällt.

Der Weltkrieg und die Oktoberrevolution waren der Beginn der ersten Welle der Kriege und Revolutionen in der ganzen Welt. Das kapitalistische System trat in die Periode seiner allgemeinen Krise. Unter der Einwirkung der Oktoberrevolution in Russland erhoben die Arbeiter Deutschlands, Oesterreich-Ungarns u. a. die Fahne der proletarischen Revolution gegen den Kapitalismus, für die Diktatur des Proletariats. Diese ersten Versuche des revolutionären Umsturzes endigten mit der Niederlage des Proletariats. Die Bourgeoisie erreichte eine zeitweilige, teilweise Stabilisierung.

Die Bourgeoisie und Sozialfaschisten und mit ihnen ihre opportunistischen Agenturen in den Reihen der Komintern schätzten die kapitalistische Stabilisierung als eine vollständige Wiederherstellung „normaler" kapitalistischer Verhältnisse ein.

Diese Theorien der Bourgeoisie und ihrer Agenturen sind durch die Ausbreitung der ökonomischen Krise und durch die Entfachung des schärfsten Klassenkampfes in allen Ländern des Kapitalismus endgültig über den Haufen geworfen. **Das XII. Plenum des EKKI konstatierte auf Grund der marxistisch-leninistischen Analyse der gegenwärtigen Etappe des Imperialismus, dass die relative und zeitweilige Stabilisierung des Kapitalismus zu Ende ist.**

Zum 15. Jahrestag der Oktoberrevolution ist die kapitalistische Wirtschaft infolge der ökonomischen Krise um einige zehn Jahre zurückgeworfen. Ueber die Hälfte der werktätigen Bevölkerung der kapitalistischen Länder wie Deutschland, USA u. a. sind arbeitslos. In allen Ländern des Kapitalismus werden die Löhne herabgesetzt, die grösste Zahl der Erwerbslosen erhält keinerlei Unterstützung und ist zum Hungertode verdammt.

Der XV. Jahrestag der Oktoberrevolution steht im Zeichen der verschärften Widersprüche der imperialistischen Machthaber untereinander und vor allem der verschärften Widersprüche zwischen dem Imperialismus und der UdSSR. Die führenden imperialistischen Mächte versuchen durch den Krieg und die Intervention die Krise zu überwinden.

Aber die Kräfte der Revolution wachsen. In China haben die Räte bedeutende Territorien besetzt. Täglich finden blutige Kämpfe mit den japanischen Imperialisten statt. In Polen geht die ökonomische Krise in die revolutionäre Krise über. In Deutschland eine äusserste Zuspitzung des Klassenkampfes bis zum verschleierten Bürgerkrieg — revolutionäre Massenbewegung in England und in den USA. Es vollzieht sich der Uebergang zur zweiten Welle mächtiger Zusammenstösse zwischen den Klassen und den Staaten, es beginnt **„die zweite Welle der Revolutionen und der Kriege."**

Unter der Führung der Partei Lenins hat die Arbeiterklasse der Sowjetunion ein rückständiges Agrarland in ein Land der Traktoren, Turbinen, mächtiger Kraftwerke und der grössten Landwirtschaft der Welt verwandelt.

Die Sowjetunion entwickelte sich in den verflossenen 15 Jahren zu einer mächtigen Basis der proletarischen Weltrevolution. Mit dem zweiten Fünfjahrplan wird die Rekonstruktion der gesamten Volkswirtschaft durchgeführt. In technischer Hinsicht wird die UdSSR in Europa an erster Stelle stehen.

Unter der Fahne Lenins siegten die Partei und die Arbeiterklasse in den Oktoberkämpfen. Unter der Fahne Lenins erreichte die Partei entscheidende Erfolge im sozialistischen Aufbau. Unter der Fahne Lenins wird die Arbeiterklasse in der proletarischen Weltrevolution siegen.

Es lebe die XV. Jahresfeier der Oktoberrevolution

HUNGERN DIE DEUTSCHEN KOLLEKTIVISTEN?

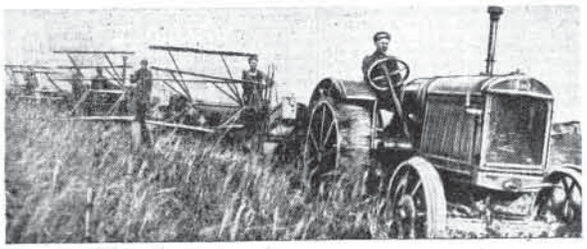
ANTWORT DEM FASCHISTISCHEN LÜGENGESINDEL:

Unsere sozialistische Landwirtschaft gibt uns eine reiche Ernte!

Wir werden wohlhabende Menschen!

Fotos „Sojusfoto"

Das faschistische Regime in Deutschland hat den Arbeitern und Bauern die Erfüllung aller ihrer Wünsche versprochen. Das Ergebnis ist: Steigende Not und Elend, bittere Enttäuschung. Um abzulenken haben die faschistischen Machthaber die Lüge von dem Hunger der deutschen Minderheiten in der Sowjetunion erfunden. — Hunderte von Protestbriefen mit tausenden von Unterschriften waren die Antwort der deutschen Kollektivwirtschaftler auf diesen Verleumdungsfeldzug. Unsere Fotos aus deutschen Kolchosen zeigen eine reiche Ernte, arbeitsame, gesunde und lustige Menschen.



Während in Deutschland die armen und mittleren Bauern immer mehr verschulden, sodass sie gezwungen sind, ihr letztes Vieh zu verkaufen, hat unser sozialistischer Staat hunderttausende Maschinen und Traktoren zur Verfügung gestellt, die die Arbeit erleichtern und das Vieh schonen.

Dicht bei Leningrad liegt der deutsche Kolchos 1. Mai, der 54 Wirtschaften auf 350 Hektar vereinigt. 51 Kollektivisten haben einen Protestbrief gegen die Lügenhetze unterschrieben. Wer daran zweifelt, fahre mit dem Autobus hin, der zwischen Leningrad und Koltuschani verkehrt.

Die grösste Empörung über den Faschisterschwindel herrscht in der Deutschen Wolgarepublik. Unser Foto zeigt eine Versammlung einer Erntebrigade auf dem Felde. Der Brigadier liest aus der Zeitung vor und schlägt vor, 16 Kinder aus Deutschland im eigenen Kolchos aufzunehmen.

Eine Bauerngruppe vom deutschen Kolchos 1. Mai, die zur Heumahd fährt. Sehen sie verhungert und zerlumpt aus? Diese Frauen können ruhig ihrer Arbeit nachgehen, denn ihre Kinder befinden sich wohlverwahrt und gefüttert in Krippen und in der neu erbauten Schule.

Das ist Emma Elbert, Stossgrupplerin aus dem deutschen Kolchos „Einheit" im Kanton Marxstadt, Wolga. Sie lächelt über die faschistischen Märchen und arbeitet ruhig weiter.

„Die deutschen Wolgabauern fressen vor lauter Hunger oft ihre eigenen Kinder" fügt das Faschistenpack in die Welt hinaus. Während dieser Zeit häufen sich die Getreidesäcke an den Schüttpunkten, erfüllen die Kollektivisten 100-tig ihre Pflicht gegenüber dem sozialistischen Staate.

Und dieser junge deutsche Sprössling vom Kolchos 1. Mai wird einst in Geschichtsbüchern lesen, dass es in Deutschland mal einen Faschismus gegeben hat.

Размер 63 × 83. Печ. знак. 140.000
Ленгорлит № 19965

1½ печ. листа. Заказ 3795
Типография им. Володарского

Сдано в набор 4 августа. Подп. в печ. 5 августа
Ленинград «11» Фонтанка 57.

***(222)* Seite der Zeitung „Rote Zeitung" aus dem Jahr 1933**, den Erfolgen der deutschen Kolchosen in der Leningrader Region und der Republik der Wolgadeutschen gewidmet.

Aus den Beständen der RNB

Das Material wurde zu Propagandazwecken verwendet, um die Öffentlichkeit des Westens davon zu überzeugen, dass es in den deutschen Kolchosen in der UdSSR keine Hungersnöte gab, zu der Zeit als in der Ukraine große Hungersnöte herrschten und auch die deutschen Landbetriebe betroffen waren. Zur wirksameren Überzeugung organisierte die Zeitung Exkursionen von Politemigranten in die Leningrader und Nowgoroder Kolchosen.

Страница газеты «Роте Цайтунг» за 1933 г., посвященная успехам немецких колхозов Ленинградской области и Республики немцев Поволжья.

Из фондов РНБ

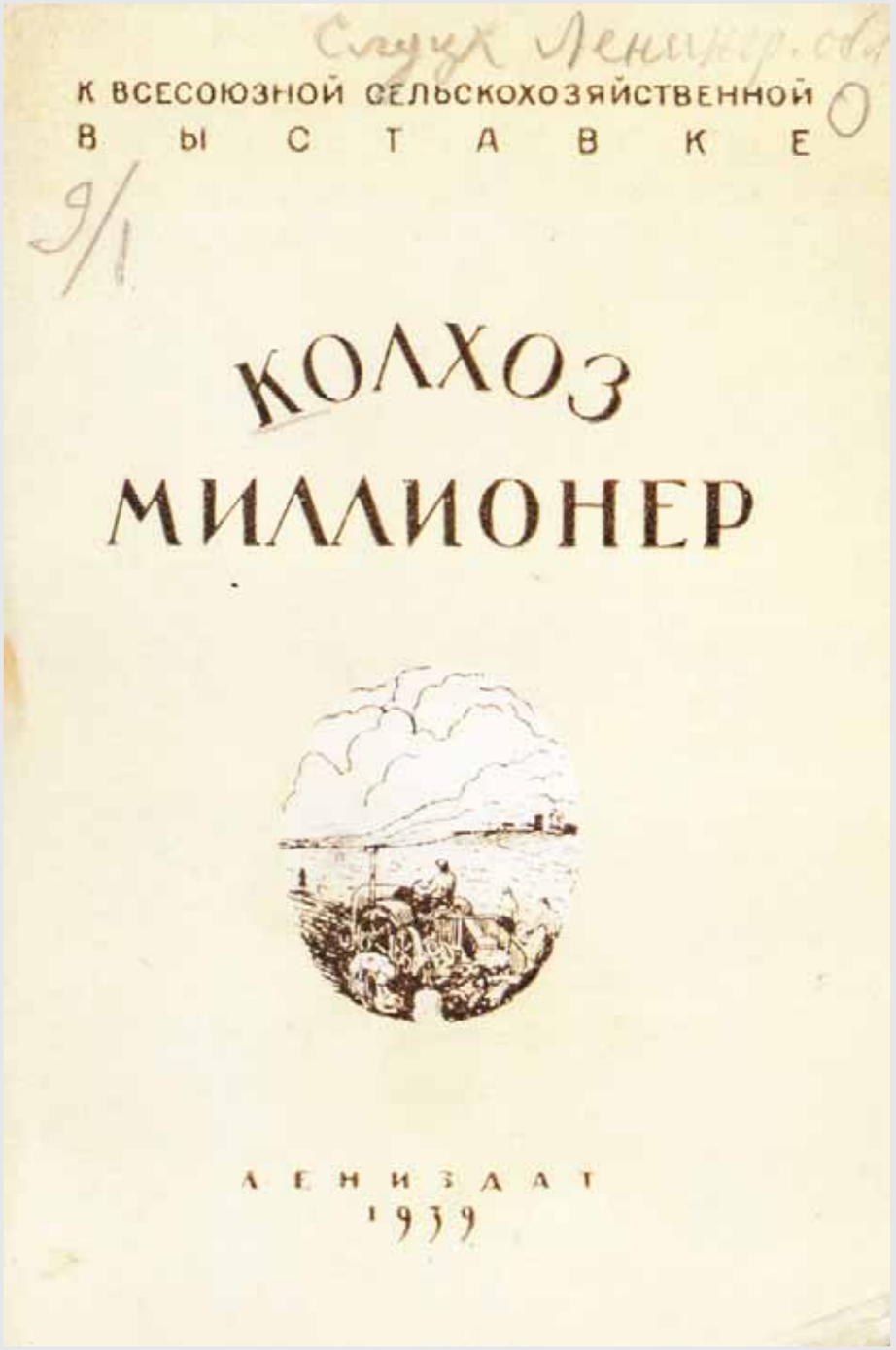
Материал использован в пропагандисских целях, чтобы убедить общественность Запада в отсутствии голода в немецких колхозах в СССР, в то время как на Украине свирепствовал массовый голод, поразивший и немецкие хозяйства. Для большей убедительности газета организовывала экскурсии политэмигрантов в ленинградские и новгородские немецкие колхозы.

***(223)* Aurelia Jakowlewna Stres**, erfolgreiche Kolchosebäuerin, Brigadier der Gemüsezüchter der Thälmann-Kolchose, auf der 5. Bezirkslandwirtschaftsausstellung. Zweite Hälfte der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. Stres

Аурелия Яковлевна Штрез, передовая колхозница, бригадир овощеводов колхоза им. Тельмана, на 5-й районной сельскохозяйственной выставке. Вторая половина 1930-х годов.
Из семейного архива А. Штреза

***(224)* Korrespondent der Zeitung „Rot Front" Hermann Hermanowitsch Schrader (1913–1937)** bei den Kolchosebauern von Srednaja Rogatka (in der Mitte mit Kappe). Ca. 1931.
Aus dem Familienarchiv von T. A. Schrader
Auf der Rückseite die Titel: „Rot Front" und „sie spielen und singen".

Корреспондент газеты «Рот Фронт» Герман Германович Шрадер (1913–1937) у колхозников Средней Рогатки (в центре в кепке). Около 1931 г.
Из семейного архива Т. А. Шрадер
На обороте надписи «Рот Фронт» и «Играют и поют».



***(225)* Umschlag der Broschüre „Kolchosmillioner (Die Millionärskolchose)" über die Thälmann-Kolchose,**
herausgegeben im Jahre 1939 in einer populären Serie über fortschrittliche Landbetriebe des Leningrader Gebietes, die an der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung teilnehmen.
Aus den Beständen der RNB

Die Thälmann-Kolchose war die erste Millionärskolchose im Leningrader Gebiet. Sie war 1931 organisiert worden auf der Basis der Kolonien Kolpino und Srednaja Rogatka. Im Jahre 1937 übernahm Fjodor Fjodorowitsch Eidemüller die Leitung der Kolchose. Im Jahre 1939 zählte die Kolchose 245 Landwirte. Auf der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung im Jahre 1939 erhielt sie ein Diplom des zweiten Ranges, einen Preis von 5000 Rubel und ein Motorrad.

Обложка брошюры «Колхоз-миллионер» о колхозе им. Тельмана,
изданной в 1939 г. в популярной серии о передовых хозяйствах Ленинградской области – участниках Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.
Из фондов РНБ

Колхоз им. Тельмана – первый в Ленинградской области колхоз-миллионер. Организован в 1931 г. на базе Колпинской и Среднерогаткой колоний. В 1937 г. председателем колхоза стал Федор Федорович Эйдемиллер. В 1939 г. колхоз объединял 245 хозяйств. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г. получил диплом 2-й степени, премию в пять тысяч рублей и мотоцикл.

***(226)* Martin, Anna und ihr Sohn Jakob Pletzer im Hof ihres Hauses.**
Kolonie Kolpino, 1930.
Aus dem Familienarchiv von E. J. Arsenjewa

Мартин, Анна и сын Яков Плетцер во дворе своего дома.
Колпинская колония, 1930 г.
Из семейного архива Е. Я. Арсеньевой

***(227)* Fjodor Adamowitsch, vor 1929.**
Bewohner des Gehöftes der Bitschs, des späteren Dorfes Rutschi, Brigadier der Feldarbeitsbrigade der Kolchose „Leninfestung".
Aus dem Familienarchiv von I. O. Bitsch

Das Gehöft der Familie Bitsch existierte bis zum Ende der 1930er Jahre. Zu Beginn der 1930er Jahre litt es unter der Enteignung, im Jahre 1932 fiel es einem Räuberangriff zum Opfer, bei dem einige Bewohner getötet wurden.

Федор Адамович Бич – до 1929 г. житель хутора Бичей, затем поселка Ручьи, бригадир полеводческой бригады колхоза «Ленинская крепость».
Из семейного архива И. О. Бич

Хутор семьи Бич просуществовал до конца 1930-х годов. В начале 1930-х годов он пострадал от раскулачивания, в 1932 г. подвергся разбойному нападению бандитов, было убито несколько человек.

***(228)* Brigade der Thälmann-Kolchose bei der Kartoffelernte.** Kolonie Kolpino, 1937.
Aus dem Familienarchiv von E. J. Arsenjewa
Auf dem Foto: auf der Erntemaschine sitzend Martin Adamowitsch Pletzer (1900–1938), rechts von ihm seine Frau Anna Jakowlewna Pletzer (?), hinter ihm stehend Elisabeth Jakowlewna Pletzer (geb. Muss), der zweite von links Martin Jakowlewitsch Muss.

Бригада колхоза им. Тельмана на уборке картофеля.
Колпинская колония, 1937 г.
Из семейного архива Е. Я. Арсеньевой
На фото: на уборочной машине сидит Мартин Адамович Плетцер (1900–1938), справа – его супруга Анна Яковлевна Плетцер (?), за ним стоит Елизавета Яковлевна Плетцер (ур. Мусс), второй слева Мартин Яковлевич Мусс.

Заместитель председателя правления колхоза М. А. Беккер с колхозного радиоузла передает по радио в колхозные квартиры информацию о проделанной за день работе.

***(229)* Vizevorsitzender der Kolchose M. A. Becker im Radiozentrum der Kolchose.** Srednaja Rogatka, 1939.
Aus dem Buch „Kolchos-millioner (Die Millionärskolchose)"
Die Kolchose besaß ihr eigenes Tonfilmkino und ihr Radiozentrum, in jedem Haus gab es ein Radio und Elektrizität.

Заместитель председателя колхоза М. А. Беккер в колхозном радиоузле.
Средняя Рогатка, 1939 г.
Из книги «Колхоз-миллионер»
Колхоз имел свое звуковое кино и радиоузел, в каждом доме было установлено радио, имелось электричество.

***(230)* Umschlag und Titelblatt des Buches „Kak my polučaem vysokie urožai ovoščej (Wie erhalten wir eine große Ernte)",** herausgegeben im Jahre 1940.
Aus den Beständen der RNB

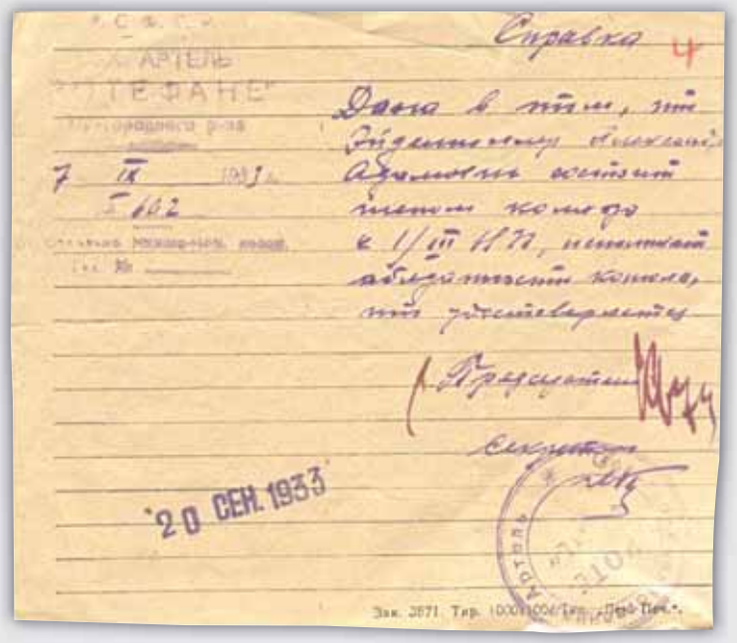
Das Buch war der Arbeitserfahrung der Kolchose „Rote Fahne" gewidmet. Die Kolchose war im April 1930 in der Kolonie Strelna gegründet worden und nahm an der Arbeit der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung in den Jahren 1939 und 1940 teil.

Обложка и титульный лист книги «Как мы получаем высокий урожай», изданной в 1940 г.
Из фондов РНБ

Книга посвящена опыту работы колхоза «Роте Фане». Колхоз организован в апреле 1930 г. в Стрельнинской колонии, участвовал в работе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939-го и 1940 годов.

***(231)* Alexander Adamowitsch Eidemüller, Stallknecht der Kolchose (1868–1941).** Die Kolchose „Rote Fahne" (Kolonie Strelna), 1934.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Колхозный конюх Александр Адамович Эйдемиллер (1868–1941). Колхоз «Роте Фане» (Стрельнинская колония), 1934 г.
Из семейного архива В. Ф. Шефера



***(232)* Ausweis von A. A. Eidemüller, Mitglied der Kolchose „Rote Fahne".** Ausgestellt von der Landwirtschaftsverwaltung „Rote Fahne" am 7. September 1933.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Справка А. А. Эйдемиллера, члена колхоза «Роте Фане». Выдана сельхозартелью «Роте Фане» 7 сентября 1933 г.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

***(233)* Alexander Jakowlewitsch Stres, Vorsteher der Kolchose „Rote Fahne", mit seiner Frau Katharina.** Gegen 1936.
Aus dem Familienarchiv von Stres-Nalimowy

Alexander Jakowlewitsch Stres (1889–?), Sekretär der Parteiorganisation (ab 1934), Vorsitzender der Kolchose „Rote Fahne", 25-Tausender. Katharina Stres (geb. Schmidt), erfolgreiche Melkerin der Kolchose, Witwe von Alexander Alexandrowitsch Eidemüller.

Александр Яковлевич Штрез, председатель колхоза «Роте Фане» Александр Яковлевич Штрез с супругой Екатериной. Около 1936 г.
Из семейного архива Штрез–Налимовых

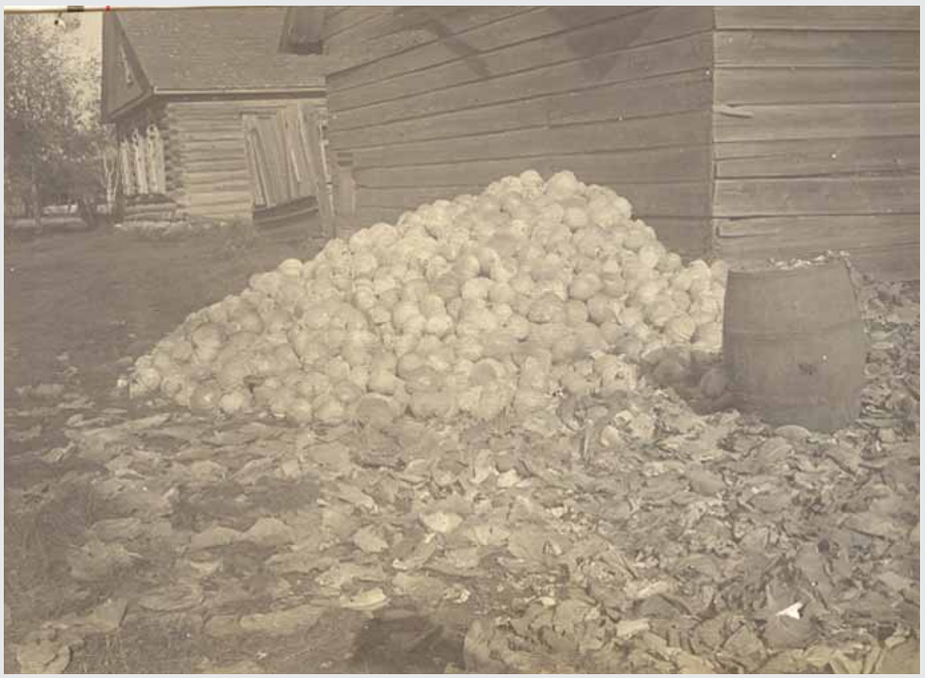
Александр Яковлевич Штрез (1889–?), секретарь партийной организации (с 1934), председатель колхоза «Роте Фане», 25-тысячник. Екатерина Штрез (ур. Шмидт) – передовая доярка колхоза, вдова Александра Александровича Эйдемиллера.

***(234)* Häuser der Familie Kuhn, Fjodor der ältere (links) und Fjodor der jüngere (rechts).** Untere Kolonie Strelna. Ca. 1934.
Aus dem Familienarchiv von L. A. Kuhn

Дома семьи Кун – Федора-старшего (слева) и Федора-младшего (справа). Стрельнинская Нижняя колония. Около 1934 г.
Из семейного архива Л. А. Кун

***(235)* Saatfeld für Kohlsamen in der Kolchose "Rote Fahne".**
Kolonie Strelna, 1939.
Aus dem Buch „Das Gebiet von Leningrad auf der Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung"

Посадка семенников капусты в колхозе «Роте Фане». Стрельнинская колония, 1939 г.
Из книги «Ленинградская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке»



***(236)* Kohlernte auf dem Hofe des Kolchosebauern Koch.** Obere Kolonie Strelna, Haus Nr. 25. 1930er Jahre.
Foto von A. S. Archiptschenko.
Aus dem Familienarchiv V. F. Schäfer

Урожай капусты во дворе колхозника Коха. Стрельнинская Верхняя колония, дом 25. 1930-е годы.
Фотограф А. С. Архипченко.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

***(237)* Familie des Kolchosebauern A. J. Butz bei Tisch.** Kolchose „Rote Fahne“ (Kolonie Strelna), Prigorodnyj Bezirk des Leningrader Gebiets, April 1939. Foto von S. D. Laptew.
Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb
Von links nach rechts: Gärtner A. A. Stroh (Vater von J. A. Butz), Pavel (Sohn von A. J. Butz und J. A. Butz), Melkerin der Kolchose J. A. Butz (Ehefrau von A. J. Butz) und Vizevorsteher der Kolchose A. J. Butz.

Семья колхозника А. Я. Бутца за столом. Колхоз «Роте Фане» (Стрельнинская колония), Пригородный район, Ленинградская обл., апрель 1939 г. Фотограф С. Д. Лаптев.
Из фондов ЦГАКФФД СПб
Слева направо: садовод А. А. Штро (отец Е. А. Бутц), Павел (сын А. Я. Бутца и Е. А. Бутц), доярка колхоза Е. А. Бутц (жена А. Я. Бутца) и заместитель председателя колхоза А. Я. Бутц.

***(238)* Saatgutzüchter der Kolchose „Rote Fahne” des Vorstadtbezirks, Karl Karlowitsch Schäfer**, beim Herausschneiden der Strünke aus den Kohlköpfen beim Kohlanbau. Kolonie Strelna, März 1936.
Foto von Malow. Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb

Семеновод колхоза «Роте Фане» Пригородного района Карл Карлович Шефер за вырезкой маточников из кочнов капусты при подготовке к посадке. Стрельнинская колония, март 1936 г.
Фотограф Малов. Из фондов ЦГАКФФД СПб

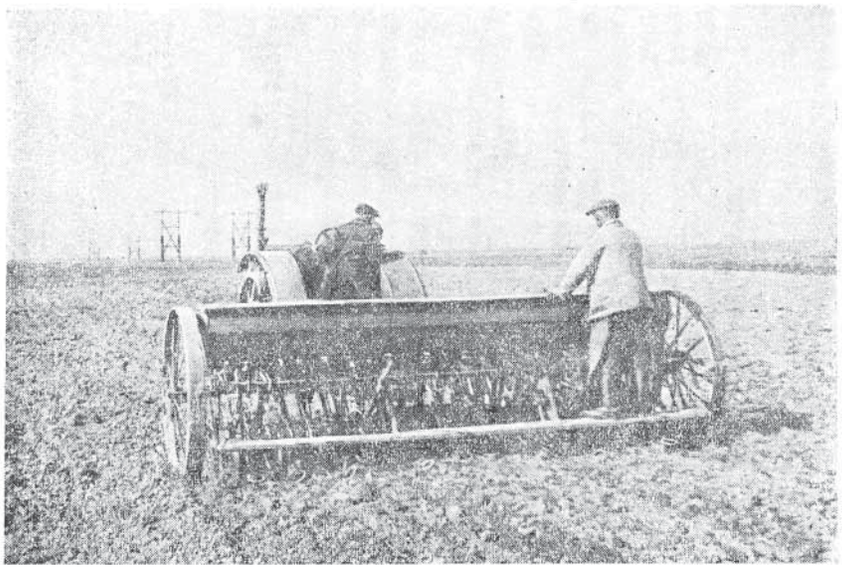
***(239)* Akkordmelkerin der Kolchose „Rote Fahne" des Prigorodnyj Bezirks, Elisabeth Nikolajewna Eidemüller,** systematisch erfülltes Melkpensum, im Jahre 1935 melkte sie 2000 Liter über Plansoll. Kolonie Strelna, März 1936.
Foto von Malow. Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb

Стахановка-доярка фермы колхоза «Роте Фане» Пригородного района Елизавета Николаевна Эдеймиллер, систематически перевыполняющая план по дойке, за 1935 г. надоила 2000 литров молока сверх плана. Стрельнинская колония, март 1936 г.
Фотограф Малов. Из фондов ЦГАКФФД СПб

(240) Säerin bei der Aussaat des Saatgutes in der Kolchose „Roter Mechanisator". 1939.

Aus dem Buch „Poljakov E. Vsevolžskij rajon Leningradskoj oblasti"

Die Kolchose „Roter Mechanisator" vereinigte Bauern aus der Kolonie von Neu-Saratowka und einige Familien aus „Utkina Sawod". Gebildet am 4. März 1930.



Сев зерновых рядовой сеялкой в колхозе „Красный механизатор".

Сев зерновых рядовой сеялкой в колхозе «Красный механизатор». 1939 г.

Из книги Полякова Е. «Всеволожский район Ленинградской области»

Колхоз «Красный механизатор» объединял крестьян Новосаратовкой колонии и несколько семей из Уткиной Заводи. Создан 4 марта 1930 г.

(241) Kolchosearbeiter von Neu-Saratowka auf einer Erkursion in Petrodvorets. 1936.

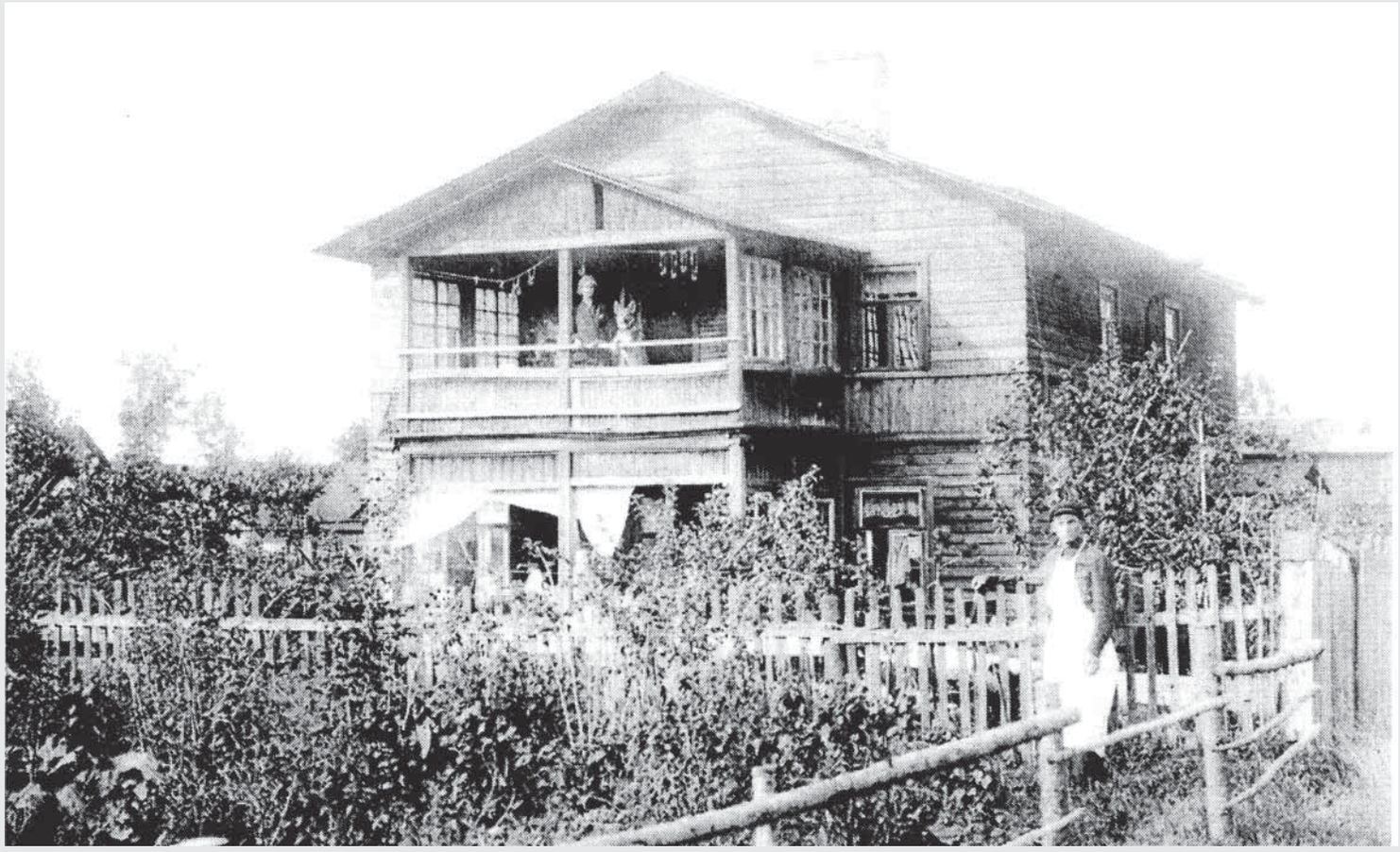
Aus dem Familienarchiv von S. A. Schmidt

Колхозники Новосаратовки на экскурсии в Петродворце. 1936 г.

Из семейного архива С. А. Шмидта

***(242)* Ehrenurkunde von Katharina Fjodorowna Schmidt** zur Verleihung des Titels „Akkordarbeiter des dritten Jahres des Fünfjahresplanes für gewissenhaften Umgang mit dem Milchvieh der Kolchose „Roter Mechanisator". Ausgestellt am 4. November 1931.
Aus dem Familienarchiv von S. A. Schmidt

Почетная грамота Екатерины Федоровны Шмидт о присвоении ей звания ударника третьего года пятилетки за добросовестный уход за молочным скотом колхоза «Красный механизатор». Выдана 4 ноября 1931 г.
Из семейного архива С. А. Шмидта



***(243)* Haus von Maria Fjodorowna Knödel.**
Kolonie Oranienbaum, 28. Juli 1930.
Foto von E. G. Kagarow

Дом Марии Федоровны Кнодель.
Ораниенбаумская колония. 28 июля 1930.
Фотограф Е. Г. Кагаров

***(244)* Heuernte in der Kolonie Oranienbaum.** 28. Juli 1930.
Foto von E. G. Kagarow

Уборка сена в Ораниенбаумской колонии. 28 июля 1930.
Фотограф Е. Г. Кагаров

***(245)* Haus von Rudolf Meier in Neu-Saratowka. 1930er Jahre**.
Aus dem Familienarchiv von R. R. Meier

Дом Рудольфа Мейера в Новосаратовке. 1930-е годы.
Из семейного архива Р. Р. Мейера

***(246)* Lidia Alexandrowna Amann (stehend, rechts) mit ihren Kindern und Verwandten.** Untere Kolonie Strelna, Haus Nr. 3. Erste Hälfte der 1930er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von I. A. Archiptschenko

Лидия Александровна Аман (стоит справа) с детьми и родственниками. Стрельнинская Нижняя колония, д. 3. Первая половина 1930-х годов.
Из семейного архива И. А. Архипченко

***(247)* Pflügen auf der Kolchose „Obkoma MOPR". 1930er Jahre.**
Leihgabe von T. A. Schrader

Пахота в колхозе им. Обкома МОПР. 1930-е годы.
Предоставила Т. А. Шрадер

***(248)* Gesamtansicht der Molkereibetriebe der Sowchose „Srednaja Rogatka". 1939.**
Foto von S. D. Laptew.
Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb

Общий вид молочной фермы совхоза «Средняя Рогатка». 1939 г.
Фотограф С. Д. Лаптев.
Из фондов ЦГАКФФД СПб

***(249)* Ernte grüner Zwiebeln auf den Feldern des Leninordens in der Kolchose „Obkoma MOPR" im Bezirk Krasnoselsk.**
Ende der 1930er Jahre.
Foto von M. Chitrin. Leihgabe von T. A. Schrader

Сбор зеленого лука на полях ордена Ленина колхоза им. Обкома МОПР Красносельского района.
Конец 1930-х годов.
Фото М. Хитрина. Предоставила Т. А. Шрадер

***(250)* Gewächshaus in der Kolchose „Obkoma MOPR".** 1930er Jahre.
Leihgabe von T. A. Schrader

Парниковое хозяйство колхоза им. Обкома МОПР. 1930-е годы.
Предоставила Т. А. Шрадер

***(251)* Ehrenurkunde von Peter Seewald,** Student des Leningrader deutschen pädagogischen Technikums, zur Verleihung des Ehrentitels „Akkordarbeiter des vierten, vollendeten Jahres des Fünfjahresplans für seine aktive Teilnahme an der Unkrautentfernungskampagne in der Lehr- und Produktionswirtschaft von Pargolowo". Ausgestellt am 15. Juli 1933.
Aus den Beständen des OSGHM

Почетная грамота Петра Зеевальда, студента Ленинградского немецкого педагогического техникума, о присвоении ему почетного звания ударника четвертого, завершающего года пятилетки за активное участие в прополочной кампании в Парголовском учебно-производственном хозяйстве. Выдана 15 июля 1933 г.
Из фондов ОГИК музея

62000
1935 г.

***(252)* Vorsitzender des Bauernrates Fjodorow** tritt auf in der Kolchose „Rote Fahne" des Prigorodnyj Bezirks in einer Versammlung auf, die dem Gerichtsurteil über den Trotzkistenblock gewidmet war. 1937. Photograph nicht ermittelt.
Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb

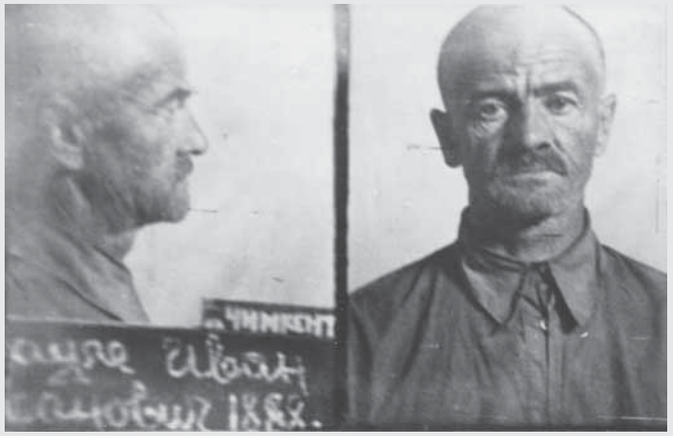
Председатель сельсовета Федоров выступает в колхозе «Роте Фане» Пригородного района на собрании, посвященном приговору суда над троцкистским блоком. 1937 г. Фотограф не установлен.
Из фондов ЦГАКФФД СПб

***(253)* Christian Bogdanowitsch Fritzler (1887–1941),** gebürtig aus der Kolonie Neu-Saratowka, Mitglied der Kolchose (ab 1930), Vorsteher der Kolchose „Roter Mechanisator".
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

1933 verurteilt, nach der Freisprechung 1936 mit seiner Familie nach Kasachstan verschickt, am 4. Juni 1941 in der Region von Südkasachstan wiederholt verhaftet, am 10. Oktober 1941 zu zehn Jahren Freiheitsentzug verurteilt. Gestorben im NKWD der Stadt Tschimkent. Nach seinem Tode rehabilitiert. Foto aus der Untersuchungsakte von Chr. B. Fritzler.

Фрицлер Христиан Богданович (1887–1941), уроженец Новосаратовской колонии, член колхоза (с 1930 г.), председатель колхоза «Красный механизатор».
Из семейного архива О. А. Ермаковой

Осужден в 1933 г., в 1936 г. после освобождения выслан с семьей в Казахстан, повторно арестован в Южно-Казахстанской области 4 июня 1941 г., 10 октября 1941 г. приговорен к 10 годам лишения свободы. Скончался в НКВД г. Чимкента. Реабилитирован посмертно. Фото из следственного дела Х. Б. Фрицлера.

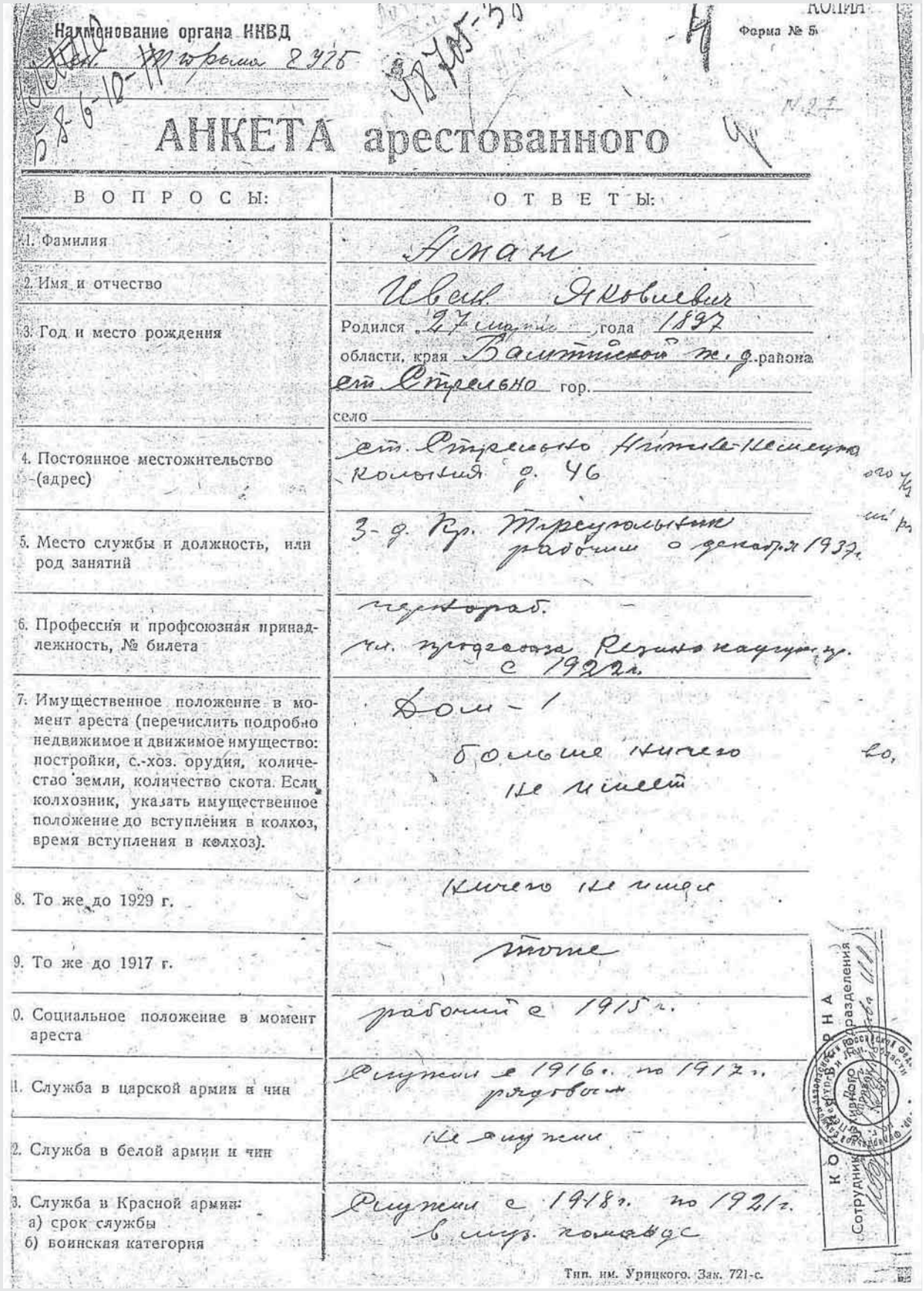


***(254)* Iwan Iwanowitsch Graule (1888–1942),** gebürtig aus der Kolonie Neu-Saratowka, Buchhalter der Kolchose „Roter Mechanisator". *Leihgabe der Gesellschaft „Krasnojarsker Memorial"*

Verhaftet am 7. März 1933, verurteilt zu fünf Jahren Freiheitsentzug. Sitzt seine Strafe in Bamlag (Swobodnyi) ab, freigelassen am 5. Februar 1936. Verschickt mit seiner Familie im April 1935 in die Region von Südkasachstan. Wiederholt verhaftet und am 10. Oktober 1941 verurteilt zu zehn Jahren Freiheitsentzug. Verschickt in ein Lager in Karaganda, wo er am 22. Juli 1942 starb. Nach seinem Tode rehabilitiert.

Грауле Иван Иванович (1888–1942), уроженец Новосаратовской колонии, бухгалтер колхоза «Красный механизатор».
Предоставило общество «Красноярский мемориал»

Арестован 7 марта 1933 г., приговорен к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал в Бамлаге (пос. Свободный), освобожден 5 февраля 1936 г. Выслан с семьей в апреле 1935 г. Южно-Казахстанскую область. Повторно арестован и приговорен 10 октября 1941 г. к 10 годам лишения свободы. Отправлен в Карагандинский лагерь, где скончался 22 июля 1942 г. Реабилитирован посмертно.



Наименование органа НКВД

Форма № 5

КОПИЯ

АНКЕТА арестованного

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия	Аман
2. Имя и отчество	Иван Яковлевич
3. Год и место рождения	Родился 27 марта года 1897 области, края Балтийской ж. д. района ст. Стрельно гор. село
4. Постоянное местожительство (адрес)	ст. Стрельно Нижне-Немецкая колония д. 46
5. Место службы и должность, или род занятий	3-д. Кр. Треугольник рабочим с декабря 1937 г.
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, № билета	чернораб. чл. профсоюза Резинокаучук. пр. с 1922 г.
7. Имущественное положение в момент ареста (перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, с.-хоз. орудия, количество земли, количество скота. Если колхозник, указать имущественное положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз).	Дом - 1 больше ничего не имеет
8. То же до 1929 г.	ничего не имел
9. То же до 1917 г.	тоже
10. Социальное положение в момент ареста	рабочий с 1915 г.
11. Служба в царской армии и чин	Служил с 1916 г. по 1917 г. рядовым
12. Служба в белой армии и чин	Не служил
13. Служба в Красной армии: а) срок службы б) воинская категория	Служил с 1918 г. по 1921 г. в муз. команде

КОПИЯ ВЕРНА
Сотрудник Архивного Отдела Управления

Тип. им. Урицкого. Зак. 721-с.

(255)
Personalienformular des verhafteten I. J. Amann.
Kopie aus der Untersuchungsakte von I. J. Amann.
Aus dem Familienarchiv W. W. Amann

Iwan Jakowlewitsch Amann (1897–1938), Bewohner der Kolonie Strelna, Arbeiter im Betrieb „Das rote Dreieck", wurde der Spionage für Deutschland angeklagt. Am 9. Juli 1938 erschossen. Nach seinem Tode rehabilitiert.

Анкета арестованного И. Я. Амана. Копия из следственного дела И. Я. Амана.
Из семейного архива В. В. Амана

Иван Яковлевич Аман (1897–1938), житель Стрельнинской колонии, рабочий завода «Красный треугольник», обвинялся в шпионаже в пользу Германии. Расстрелян 9 июля 1938 г. Реабилитирован посмертно.

10/

КОПИЯ

№29

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД—СССР по Ленинградской области

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

193 8 г. Февраля мес. 27 дня. Я, Ст. пом. штаба 34 Амно (должн., наимен. органа, фамилия) Капитан Колосов А.К. допросил в качестве Обвиняемого

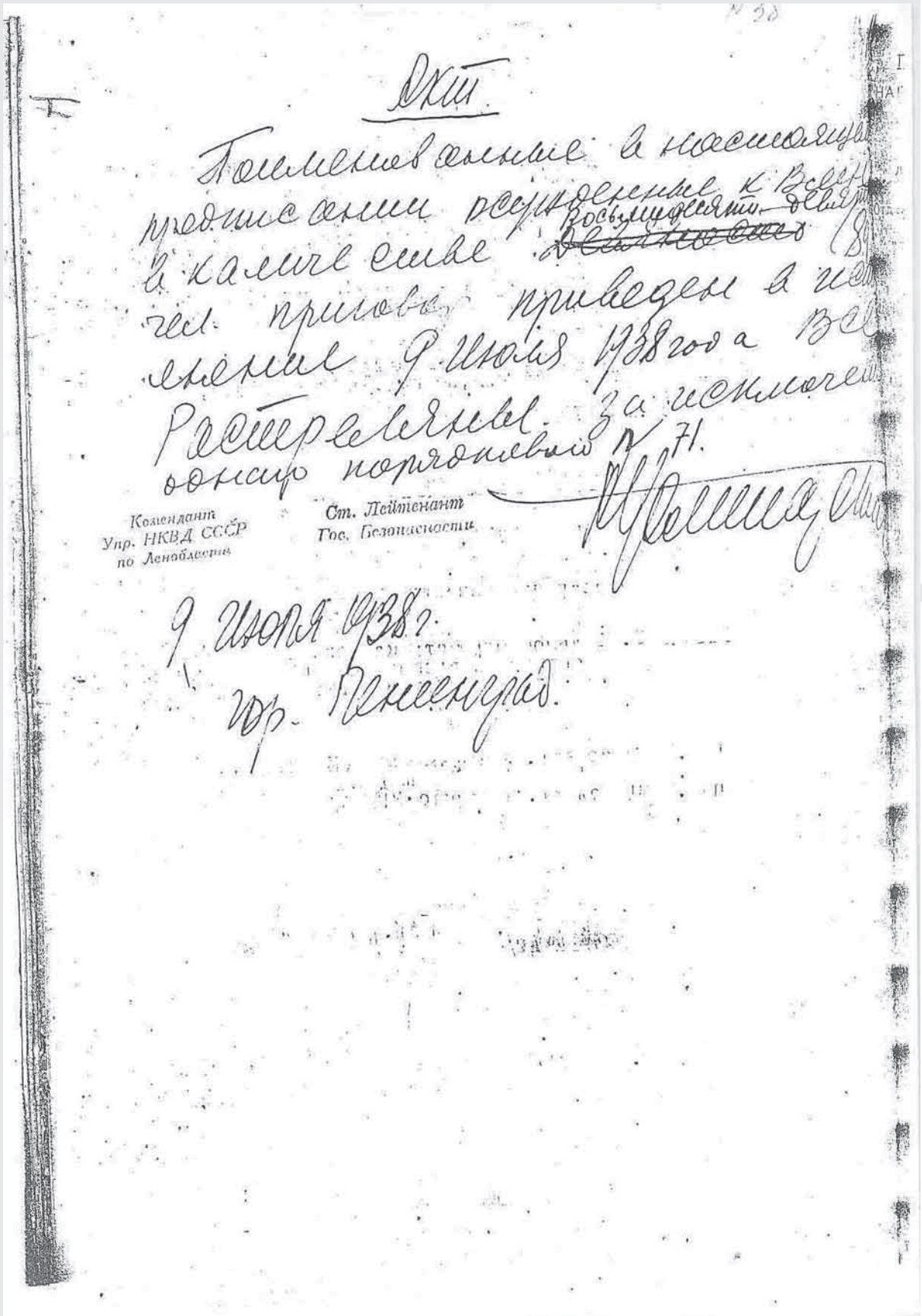
1. Фамилия Аман
2. Имя и отчество Иван Яковлевич.
3. Дата рождения 1897.
4. Место рождения В. Немецкой колонии, Стремня, Петергофского р.
5. Местожительство Н. Немецкая колония, Стремня, Красносельский р.
6. Нац. и гражд. (подданство) Немец, гр-н СССР.
7. Паспорт Отобран при аресте. (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)
8. Род занятий рабочий на складе огнеопасных (место службы и должность) материалов завода "Красный треугольник" Лигово.
9. Социальное происхождение крестьянин имел 12 гектаров земли (род занятий родителей и их имущественное положение) 2 лошади 4 коровы 2 дома.
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
    а) до революции служащие.
    б) после революции рабочий.
11. Состав семьи жена Аман Анна Васильевна 2 дочь (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) Евгения 18 лет Нина 16 лет Евгения 18 лет [illegible]

Тип. им. Урицкого.

Сотрудник архива подразделения

(256) **Protokoll des Verhörs von I. J. Amann. 1938.**
Kopie aus der Untersuchungsakte von I. J. Amann.
Aus dem Familienarchiv W. W. Amann

Протокол допроса И. Я. Амана. 1938 г.
Копия из следственного дела И. Я. Амана.
Из семейного архива В. В. Амана



Акт

Поименованные в настоящем предписании осужденные к Вы[illegible] в количестве ~~[illegible]~~ восьмидесяти девяти (89) чел. приговор приведен в исполнение 9 Июля 1938 года Все Расстреляны. За исключением одного порядковой № 71.

Комендант Упр. НКВД СССР по Ленобласти

Ст. Лейтенант Гос. Безопасности

9 Июля 1938 г.

гор. Ленинград.

***(257)* Akte vom 9. Juli 1938 über die Erschießung von 89 Verurteilten**, die unter dem Titel „Deutsche" gelistet waren. Kopie aus der Untersuchungsakte von I. J. Amann.

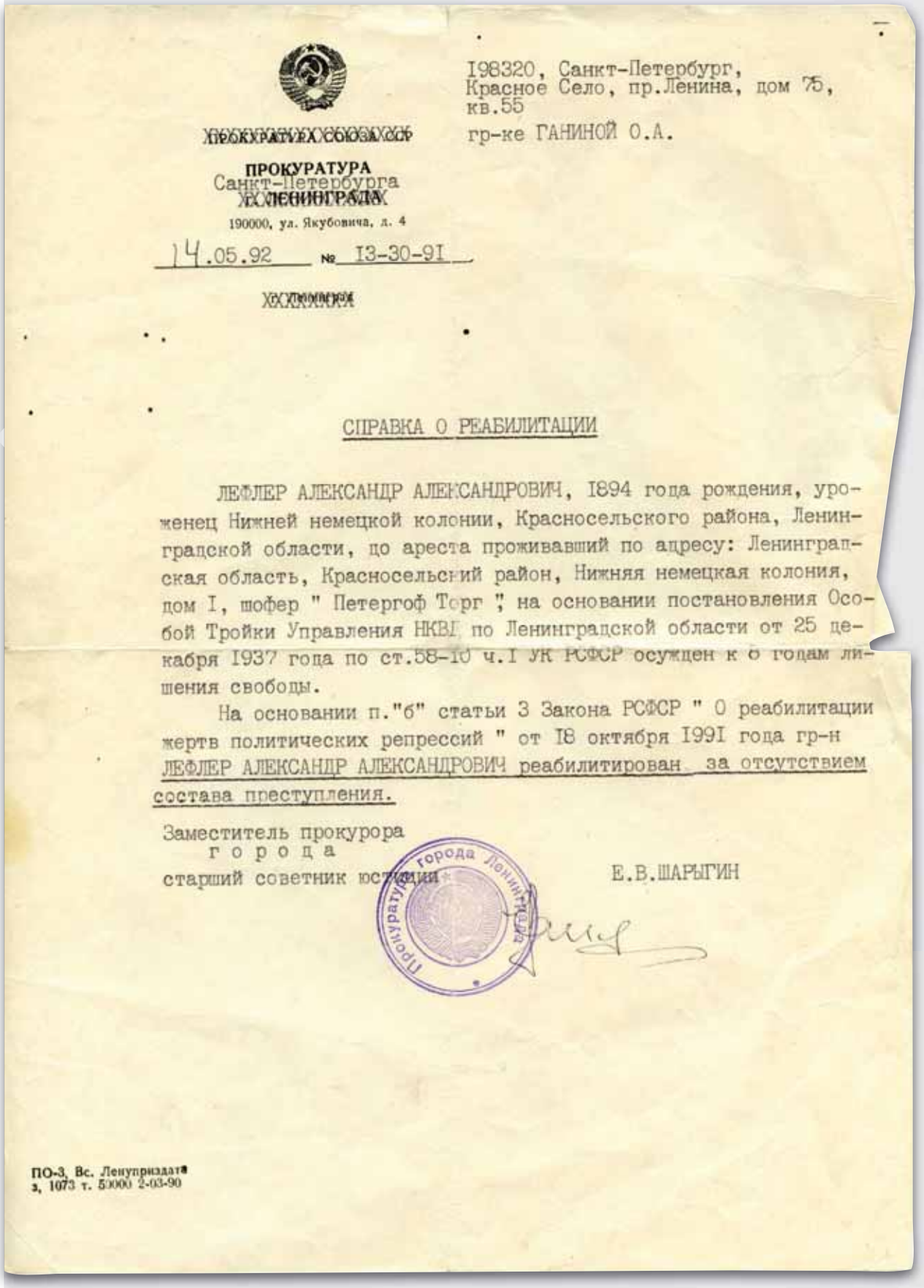
Aus dem Familienarchiv W. W. Amann

An demselben Tag wurden nach einer anderen Liste mit dem Titel „Deutsche" noch 93 Verurteilte erschossen.

Акт от 9 июля 1938 г. о расстреле 89 осужденных, проходивших по списку «Немцы». Копия из следственного дела И. Я. Амана.

Из семейного архива В. В. Амана

В тот же день по другому списку «Немцы» были расстреляны еще 93 осужденных.



198320, Санкт-Петербург,
Красное Село, пр.Ленина, дом 75,
кв.55
гр-ке ГАНИНОЙ О.А.

ПРОКУРАТУРА
Санкт-Петербурга
ЛЕНИНГРАДА
190000, ул. Якубовича, д. 4

14.05.92 № 13-30-91

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

ЛЕФЛЕР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1894 года рождения, уроженец Нижней немецкой колонии, Красносельского района, Ленинградской области, до ареста проживавший по адресу: Ленинградская область, Красносельский район, Нижняя немецкая колония, дом 1, шофер " Петергоф Торг ", на основании постановления Особой Тройки Управления НКВД по Ленинградской области от 25 декабря 1937 года по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР осужден к 8 годам лишения свободы.

На основании п."б" статьи 3 Закона РСФСР " О реабилитации жертв политических репрессий " от 18 октября 1991 года гр-н ЛЕФЛЕР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Заместитель прокурора
города
старший советник юстиции Е.В.ШАРЫГИН

Прокуратура города Ленинграда

ПО-3, Вс. Ленуприздата
з. 1073 т. 50000 2-03-90

***(258)* Rehabilitierungsnachweis von Alexander Alexandrowitsch Lefler,** Bewohner der Kolonie Strelna, verurteilt im Jahre 1937 zu acht Jahren Freiheitsentzug. Der Nachweis wurde am 14. Mai 1992 von der Prokuratur in Sankt Petersburg ausgestellt.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Справка о реабилитации Александра Александровича Лефлера, жителя Стрельнинской колонии, осужденного в1937 г. к 8 годам лишения свободы. Справка выдана Прокуратурой Санкт-Петербурга 14 мая 1992 г.
Из семейного архива А. Г. Бреннер и Э. Н. Скородумовой

***(259)* Gedenkzeichen zur Erschießung von Adam Kirillowitsch Schatz aus der Stadt Tschudowo am 11. Januar 1938**. Lewaschowskaja Pustosch, Gedenkfriedhof für die Opfer der politischen Repressionen unter Stalin. Sankt Petersburg, 2010.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Памятный знак о расстреле Адама Кирилловича Шатца из г. Чудово 11 января 1938 г. Левашовская пустошь – мемориальное кладбище жертв сталинских репрессий. Санкт-Петербург, 2010 г.
Фото И. В. Черказьяновой

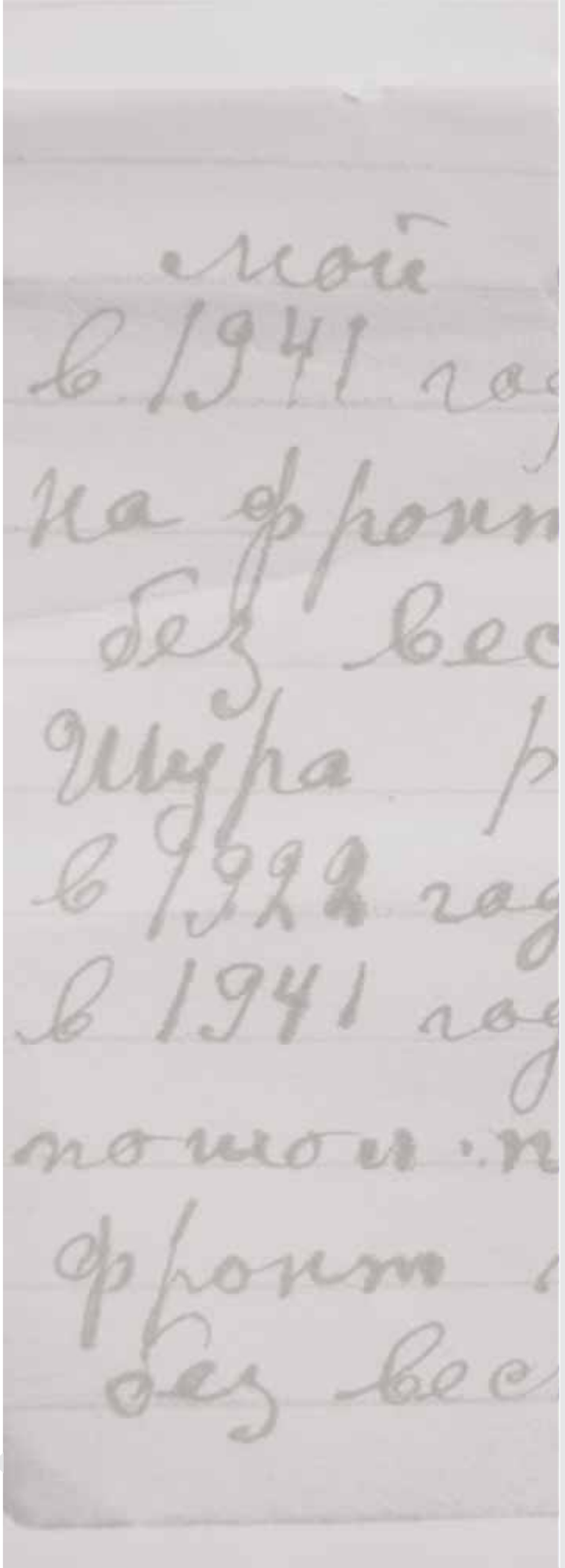
***(260)* Kreuz zum Gedenken des erschossenen Ehepaares Christian Christianowitsch Fink (1888–1937) und Therese Fjodorowna (1894–1938).** Lewaschowskaja Pustosch, Gedenkfriedhof für die Opfer der politischen Repressionen unter Stalin. Sankt Petersburg, 2010.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Крест в память расстрелянных супругов Финк – Христиана Христиановича (1888–1937) и Терезы Федоровны (1894–1938). Левашовская пустошь – мемориальное кладбище жертв сталинских репрессий. Санкт-Петербург, 2010 г.
Фото И. В. Черказьяновой

11/ DAS SCHICKSAL DER KRIEGSGENERATIONEN (1941–1945)
СУДЬБА ВОЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ (1941–1955)

Die deutsche Bevölkerung von Leningrad und den Vorstädten bekam alle Last der Belagerung und der faschistischen Besetzung am eigenen Leibe zu spüren. Die Deutschen wurden aus dem Belagerungsring im März 1942 ins Gebiet von Irkutsk und Krasnojarsk deportiert, anschließend wurden sie in der Arbeitsarmee mobilisiert. Die Bewohner der okkupierten Gebiete wurden nach Deutschland deportiert und dort zur Zwangsarbeit eingeteilt. Nach der Zerschlagung des faschistischen Regimes in Deutschland wurden sie in die Sowjetunion zurückgebracht und in verschiedene Arbeitslager geschickt. Die gesamte deutsche Bevölkerung stand bis Anfang 1956 in Kontrolllisten unter den Kommandanturen.

Немецкое население Ленинграда и его пригородов испытало на себе все тяготы блокады и фашистской оккупации. Немцы с территории блокадного кольца были депортированы в марте 1942 г. в Иркутскую область и Красноярский край, затем мобилизованы в трудармию. Жители оккупированных территорий были угнаны в Германию, использовались на принудительных работах. После разгрома фашистской Германии репатриированы в Советский Союз и направлены в различные трудовые лагеря. Все немецкое население состояло на спецучете в комендатурах до начала 1956 г.



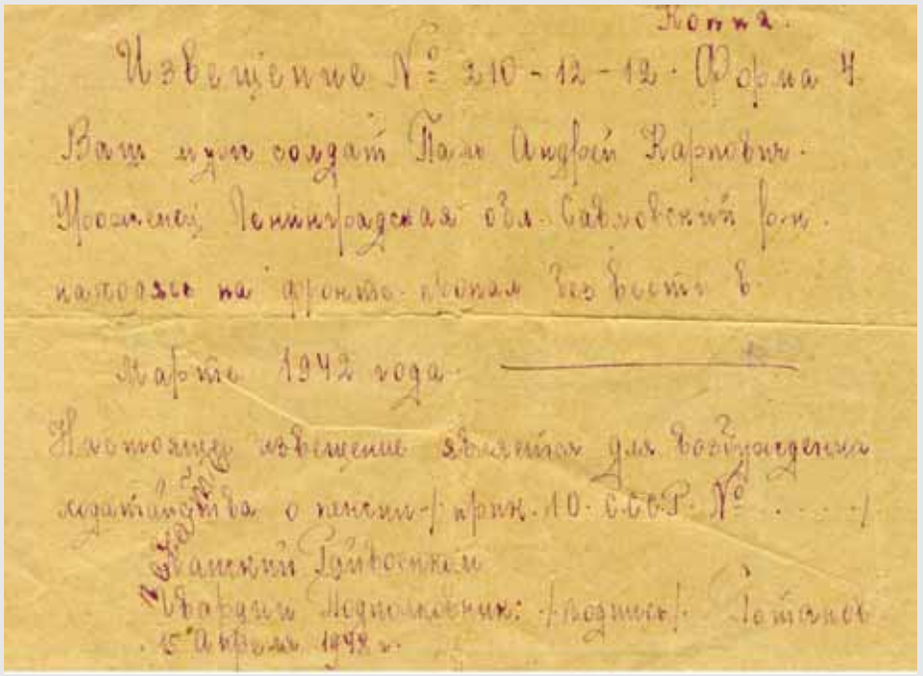
***(261)* Karte „Organisation der Verteidigung von Leningrad.**
Winter 1941–1942.
Aus dem Buch „Istoria Vtoroj Mirovoj vojny (Geschichte des Zweiten Weltkrieges)"
Карта «Организация обороны Ленинграда. Зима 1941–1942 гг.».
Из книги «История Второй мировой войны»

***(262)* Geschwaderminenträger „Strogij" der Baltischen Flotte auf der Newa, gegenüber der Kolonie Neu-Saratowka.**
Das Schiff stand zum Schutz der Grenze von Leningrad in den Jahren 1941–1943.
Aus den Beständen des Zentralen Kriegsmarinemuseums

Эскадренный миноносец «Строгий» Балтийского флота на Неве, напротив Новосаратовской колонии. Корабль стоял на охране рубежей Ленинграда в 1941–1943 гг.
Из фондов Центрального Военно-морского музея

***(263)* Andrei Karlowitsch Pahl (rechts) mit seinem Kameraden Pahl. 1941.**
Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa
A. K. Pahl, Bewohner von Neu-Saratowka, in die Armee einberufen im Juli 1941. Ohne Nachricht verschollen an der Front im März 1942.

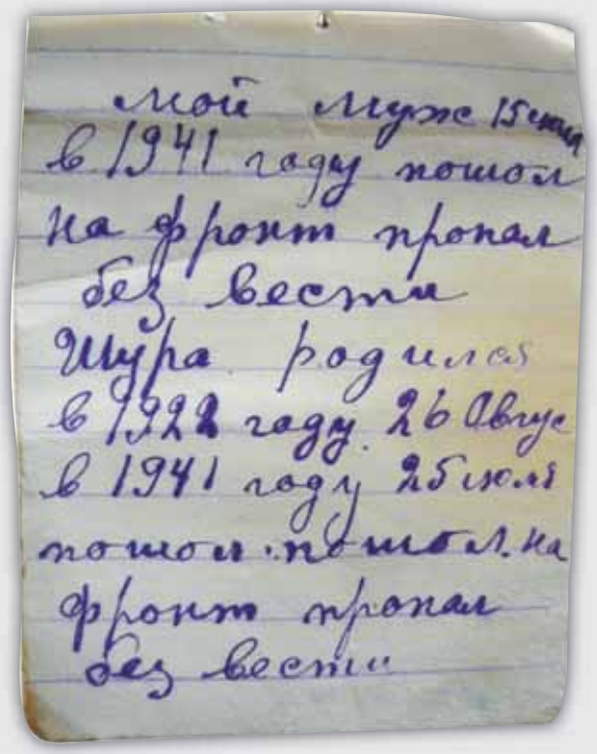
Андрей Карлович Паль (справа) с сослуживцем Палем. 1941 г.
Из семейного архива Е. А. Кузнецовой
А. К. Паль, житель Новосаратовки, призван в армию в июле 1941 г. Пропал без вести на фронте в марте 1942 г.

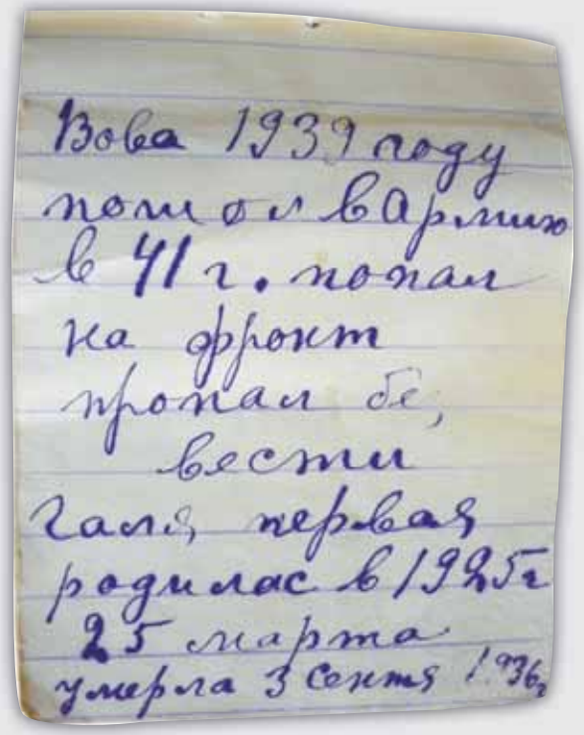


Копия.
Извещение № 210-12-12. Форма 4
Ваш муж солдат Паль Андрей Карлович.
Уроженец Ленинградская обл. Савловский р-н.
находясь на фронте пропал без вести в
Марте 1942 года.
Настоящее извещение является для возбуждения
ходатайства о пенсии (прик. 10 СССР № ...)
Канский Райвоенком
Гвардии Подполковник: (подпись) Потапов
15 Апреля 1948 г.

***(264)* Mitteilung, über den im März 1942 an der Front verschollenen A. K. Pahl,** an seine Frau Theresa Pahl zur Einforderung der Rente. Kansk, 1948.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa.

Извещение на рядового А. К. Паля, без вести пропавшего на фронте в марте 1942 г. Выдано вдове Терезе Паль для возбуждения ходатайства о пенсии. Канск, 1948 г.
Из семейного архива Е. А. Кузнецовой





***(265)* Seiten aus dem „Kleinen Tagebuch" von Sophie Petrowna Bühler.**

Aus dem Familienarchiv von G. I. Schirjajewa

An der Front blieben verschollen: der Ehemann I. I. Stolbow (einberufen am 15. Juli 1941), seine Söhne Wladimir (einberufen am 25. Juli 1941) und Alexander (diente in der Armee ab 1939, an der Front ab 1941). Im Jahre 1936 starb seine Tochter Galina (geb. 1925).

Страницы из «маленького дневника» Софии Петровны Биллер.

Из семейного архива Г. И. Ширяевой

На фронте без вести пропали: муж И. И. Столбов (мобилизован 15 июля 1941 г.), сыновья Владимир (мобилизован 25 июля1941 г.) и Александр (служил в армии с 1939 г., на фронте с 1941 г.). В 1936 г. умерла дочь Галина (1925 г. р.).

Стоимость номерного знака
Одиннадцать рублей 50 копеек

Авто-Транспортное Управление Ленсовета
Сектор Учета—Банковский пер., 6. Тел. 1-91-21 (Куйбышевский р-н города)

1940 г.
Регистрационное удостоверение на велосипед

На 1940 г. выдан городской номерной знак № 11746

1. Фамилия владельца Жаак
2. Имя Давид Отчество Иванович
3. Местожительство: Район города Колпино
Улица Набр. реки Ижоры д. № 11 кв. № 1 Телеф. №
Паспорт: Серия РУ № 645/56 выданный 16 Сентября 1936 г. (число, месяц)
Урванским РОМ НКВД КБАО. Отд. Л. Г. М.

Печать АТУЛ'а

Контролер АТУЛ'а

Без печати АТУЛ'а недействительно

Выдается владельцу велосипеда

010072

***(266)* Registrierte Eintragung eines Fahrrads,** erworben von D. I. Schaak, Bewohner der Stadt Kolpino, kurz vor dem Krieg. 1941.
Aus dem Familienarchiv von D. I. Schaak

Регистрационное удостоверение на велосипед, приобретенный жителем г. Колпино Д. И. Жааком незадолго до войны. 1941 г.
Из семейного архива потомков Д. И. Жаака

Держателю велосипеда тов. Жаак Давид Иванович проживающему Набережная Ижоры 11 кв 1

Приказываю, имеющийся в Вашем личном пользовании велосипед до "23" часам "3" VII 1941 года поставить на сдаточный пункт Колпинского Райвоенкомата для отправки на сбор в части Красной Армии.

Велосипед сдать с положенным к нему инструментом, по адресу: Колпино, ул. Культуры, гараж сектора благоустройства, /против Райвоенкомата/

Колпинский Горвоенком
Т/Интендант I ранга: /Быков/

***(267)* Schriftlicher Befehl an D. I. Schaak zur unbedingten Abgabe des Fahrrads bis zum 3. Juli 1941** an die Kriegskommandatur des Bezirks Kolpino zum Nutzen der Armee.
Aus dem Familienarchiv der Nachfahren von D. I. Schaak

Предписание об обязательной сдаче велосипеда Д. И. Жаака до 3 июля 1941 г. в Колпинский районный военкомат на нужды армии.
Из семейного архива потомков Д. И. Жаака

***(268)* Schüler der ersten Klassen der Schule von Neu-Saratowka im ersten Herbst der Belagerung.** Neu-Saratowka, 1941. *Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa*

In der oberen Reihe der zweite von links ist Alexander Kern.

Ученики начальных классов Новосаратовской школы в первую блокадную осень. Новосаратовка, 1941 г. *Из семейного архива Е. А. Кузнецовой*

В верхнем ряду второй слева – Александр Керн.

***(269)* Brigadier der Fuhrwagenfahrer von der Holzfällerei N., die Leningrad mit Brennholz versorgte, N. J. Muss,** Kolchosearbeiter der Thälmann-Kolchose des Jam-Ischora-Bauernrates des Bezirks Tosno. Er organisierte mit fünf Pferden den Transport von 80 Kubikmetern Brennholz pro Tag, anstatt der vorgeschriebenen 35 Kubikmeter. 22. November 1941. *Foto von N. P. Maschkowzew. Aus den Beständen des ZGAfKFTD SPb*

Die Photographie ist mit einer Originalannotation versehen, die von der Militärzensur gestattet wurde.

Бригадир возчиков Н-ского лесопункта, снабжающего Ленинград дровами, колхозник колхоза им. Тельмана Ям-Ижорского сельсовета Тосненского района Н. Я. Мусс, организовавший на 5 лошадях вывозку до 80 кубометров в день, вместо 35 кубометров по норме. 22 ноября 1941 г. *Фотограф Н. П. Машковцев. Из фондов ЦГА КФФД СПб*

Фотография снабжена оригинальной аннотацией, допущенной военной цензурой.

***(270)* Familie von Christine Nikolajewna Schmidt.** Petrodvorets, 1931.
Aus dem Familienarchiv von A. J. Tichomirowa
Chr. N. Schmidt, gebürtig aus der Kolonie Strelna. Die gesamte Familie starb in der Belagerung.

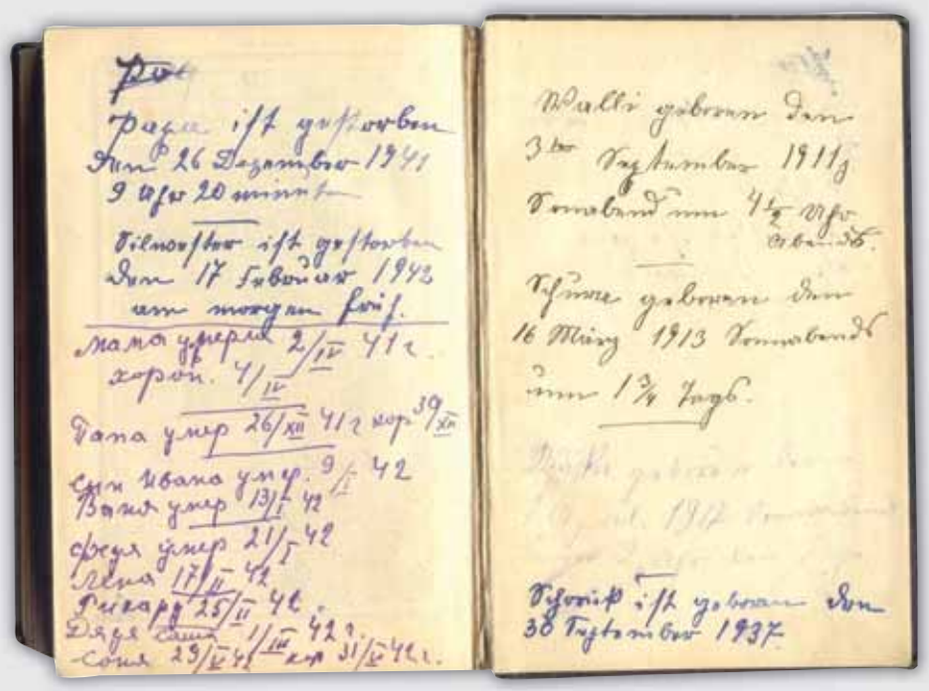
Семья Кристины Николаевны Шмидт. Петродворец, 1931 г.
Из семейного архива А. Я. Тихомировой
К.Н. Шмидт – уроженка Стрельнинской колонии. Вся семья умерла в блокаду.

***(271)* Familie F. W. Schäfer.** Leningrad, 1933.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

In der belagerten Stadt Leningrad starben: Fjodor Wladimirowitsch am 21. Januar 1942, Elena Alexandrowna, gebürtig aus der Kolonie Strelna am 17. Februar 1942, der älteste Sohn Richard am 25. Februar 1942. Franziska (links) und Viktor (sitzend, zwischen seinen Eltern) lebten bis zum 24. März 1942 bei ihrer Tante Sophia Alexandrowna. Nach deren Deportation kamen sie in ein Kinderheim. Sophia Alexandrowna starb im April 1942 auf dem Weg nach Sibirien.

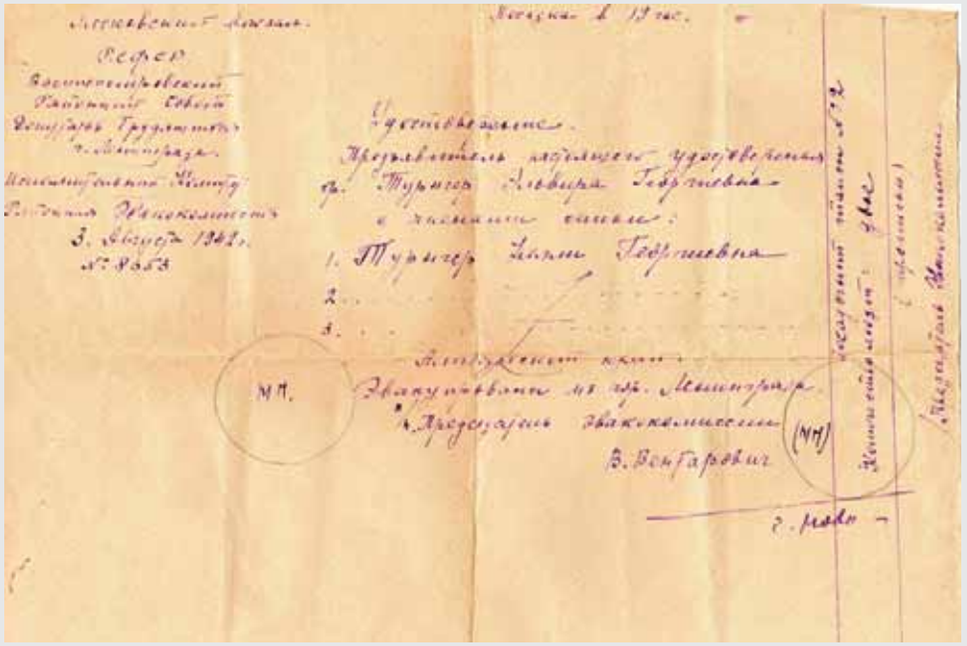
Семья Ф. В. Шефера. Ленинград, 1933 г.
Из семейного архива В. Ф. Шефера

В блокадном Ленинграде умерли: Федор Владимирович 21 января 1942 г., Елена Александровна, уроженка Стрельнинской колонии – 17 февраля 1942 г., старший ребенок Рихард – 25 февраля 1942 г. Франциска (слева) и Виктор (сидит между родителями) до 24 марта 1942 г. жили у родной тети Софьи Александровны, после ее депортации оказались в детском доме. Софья Александровна умерла в апреле 1942 г. по пути в Сибирь.



***(272)* Liste der verstorbenen Angehörigen der Familie Schäfer.** Die Angaben wurden in die letzten Seiten des Neuen Testaments, einer Familienreliquie, eingetragen.
Aus dem Familienarchiv von V. F. Schäfer

Список умерших членов семьи Шефер. Записи велись на последних страницах Нового Завета, семейной реликвии.
Из семейного архива В. Ф. Шефера



***(273)* Die 16jährige Schülerin Nelli Turnherr (03.11.1925–24.08.1988),** Bewohnerin des belagerten Leningrad (bis zum 3. August 1942), Autor eines Tagebuchs.

Aus dem Familienarchiv von J. A. Nikolajewa

Nelli Georgiewna Turnherr (geehelichte Tscherenkowa) wurde in Leningrad in einer deutschen Familie geboren. Ihr Vater wurde Ende der 1930er Jahre verhaftet und starb kurz nach der Freilassung aus dem Gefängnis. Die Mutter Nellis, Elvira Georgiewna, eine Deutsche, geb. Schwichtenberg (1900–1985). Sie lebten auf der Basilius Insel, Tutschkow Pereulok 11.

Нелли Турнгер (3.11.1925–24.08.1988), 16-летняя школьница, жительница блокадного Ленинграда (до 3 августа 1942 г.), автор дневника.

Из семейного архива Е. А. Николаевой

Нелли Георгиевна Турнгер (в замужестве Черенкова) родилась в Ленинграде в немецкой семье. Отец подвергался аресту в конце 1930-х годов, скончался вскоре после освобождения из тюрьмы. Мать Нелли Эльвира Георгиевна, немка, ур. Швихтенберг, (1900–1985). Проживали на Васильевском острове, по адресу Тучков переулок, 11.

***(274)* Evakuierungsmitteilung an die Familie Turnherr.** Ausgestellt von der Evakuierungskommission des Bezirks Basilius Insel in Leningrad am 3. August 1942. Kopie von 1948.

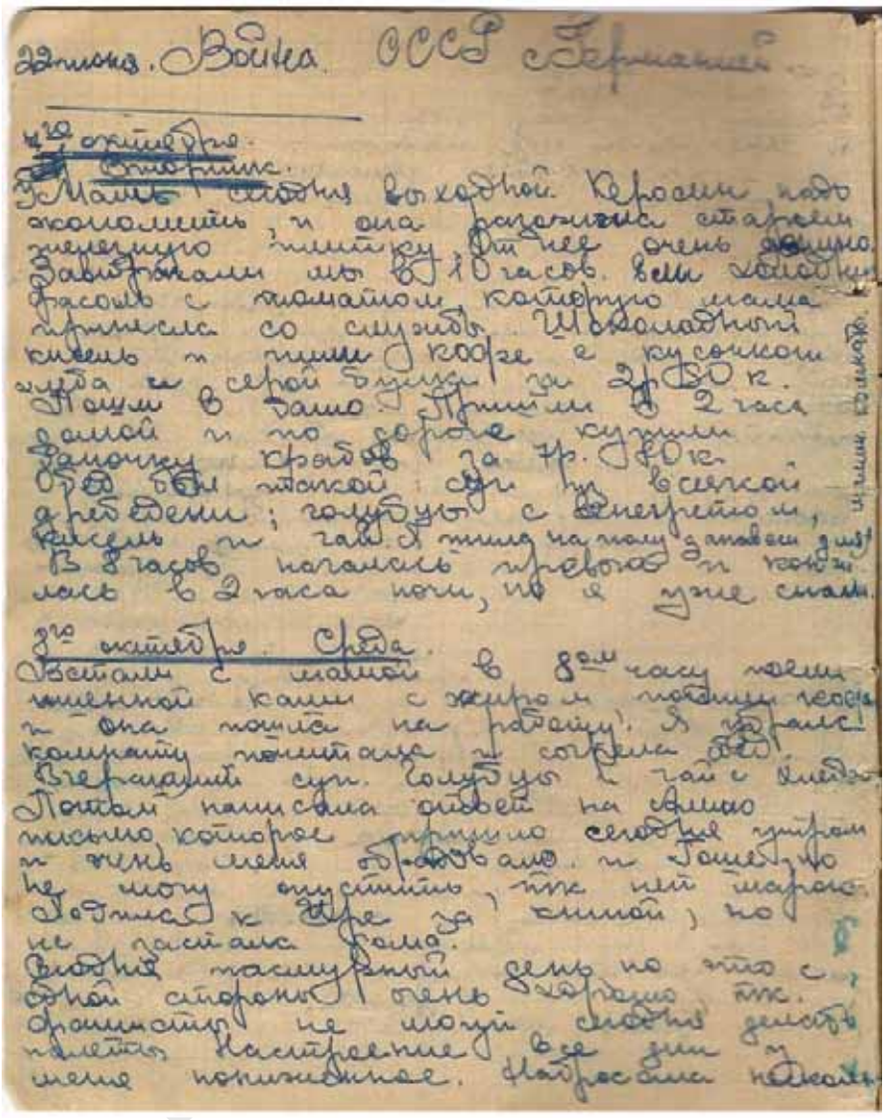
Aus dem Familienarchiv von J. A. Nikolajewa

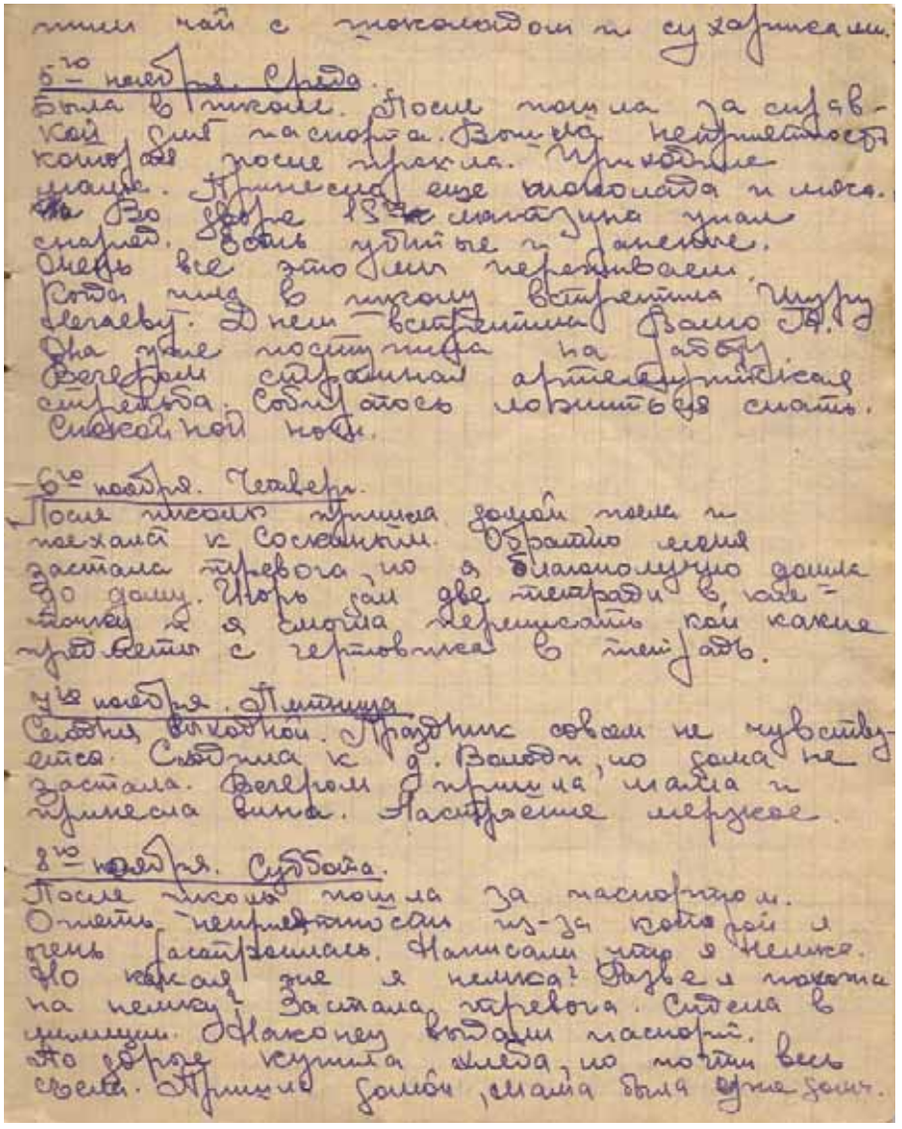
Elvira Georgiewna Turnherr wurde mit ihrer Tochter Nelli Georgiewna in einer Verwaltungsverfügung verschickt aus Leningrad in den Altai. Alle übrigen Anverwandten starben im belagerten Leningrad. Nach der Verschickung aus der Stadt gerieten beide Frauen in die Arbeitsarmee. Elvira Georgiewna arbeitete in der Region von Novosibirsk, Nelli kam in die Erdölraffinerien in der Region von Kuibyschew.

Эвакуационное удостоверение семьи Турнгер. Выдано Василеостровской районной эвакуационной комиссией Ленинграда 3 августа 1942 г. Копия 1948 г.

Из семейного архива Е. А. Николаевой

Эльвира Георгиевна Турнгер с дочерью Нелли Георгиевной высланы в административном порядке из Ленинграда на Алтай. Все остальные родственники умерли в блокадном Ленинграде. После высылки из города обе попали в трудармию. Эльвира Георгиевна работала в Новосибирской области, Нелли – на нефтяных промыслах Куйбышевской области.





(275) Seiten aus dem Tagebuch von Nelli Turnherr.

Aus dem Familienarchiv E. A. Nikolajewa

Nelli führte vom 1. Januar 1941 bis zum 12. März 1942 Tagebuch. Das Hauptthema ihrer Eintragungen waren Hunger, Kälte und Essen. Ab dem 3. November 1941 besuchte das Mädchen die Schule, ein Teil ihrer Eintragungen war dem Leben in der Schule gewidmet. Einzelne Fakten zeugen von den barbarischen Bombenangriffen und Artilleriebeschüssen der Stadt. Aus einer Eintragung vom 8. November 1941: „Nach der Schule ging ich meinen Pass holen. Aber was für eine Deutsche bin ich denn? Gleiche ich denn einer Deutschen?“ (Nach dem Krieg heiratete sie einen Russen, Nelli wechselte ihre Staatsangehörigkeit gegen die russische).

Страницы дневника Нелли Турнгер.

Из семейного архива Е. А. Николаевой

Нелли вела дневник с 1 января 1941-го по 12 марта 1942 г. Основная тема записей – голод, холод и еда. С 3 ноября 1941 г. девушка посещала школу, часть записей посвящена школьной жизни. Отдельные факты свидетельствуют о варварских бомбардировках и артобстрелах города. Из записи от 8 ноября 1941 г.: «После школы пошла за паспортом. Опять неприятность, из-за которой я очень расстроилась. Написали, что я немка. Но какая же я немка? Разве я похожа на немку?» (После войны, выйдя замуж за русского, Нелли поменяла национальность на русскую).

11/

Дело № 821

Справка

Секретно Копия

Приговор обращен к исполнению через Спецотдел 12.4.42 г.

Приговор утвердить с немедленным исполнением закл. ВСлуд 18.4.42

ПРИГОВОР

Зам. Пр. Зарб ВТ ЛВО Колпин

652

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1942 г. апреля „4" дня

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ войск НКВД СССР Лен. обл. в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде ~~в расположении~~

в составе: Председательствующего Военного юриста 3 р. Коробовича

Членов { Военного юриста т. Ухутина и военюриста т. Баранцевича

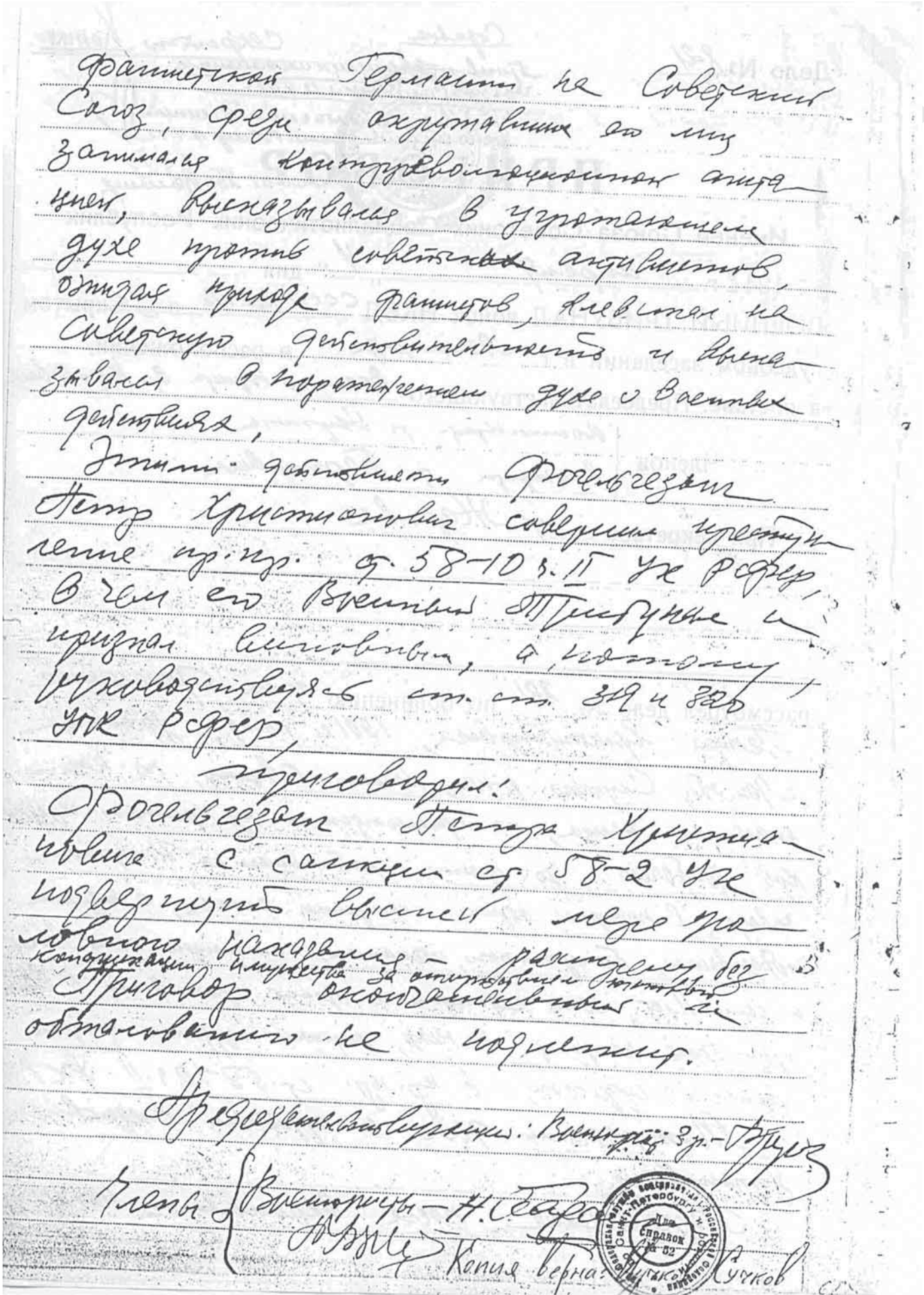
При секретаре т. Жарове

рассмотрел дело № 821 по обвинению гр-на Фогельгезанг Петра Христиановича, 1901 г. рожд., уроженца Лен. обл., Слуцкого р-на, колонии Овцино, по национальности немца, по происхождению из крестьян-середняков, рабочего, до ареста работавшего на Ижорском заводе, в пожарной охране старшим смены, с низшим образованием, беспартийного, женатого, имеющего дочь 16 лет и сына 11 лет, жена с детьми и брат проживают в Овцино, один брат находится в РККА, родители подсудимого умерли, ранее не судимого, в пр. пр. ст. 58-10 ч. II УК РСФСР

Материалами дела и судебным следствием установлено.

Фогельгезанг, после вероломного нападения

Тип им Урицкого Зак 6244 6-9



(276) Urteil des Kriegstribunals der Truppen des NKWD der Sowjetunion der Region von Leningrad vom 4. April 1942 betreffend den Bewohner der Kolonie Owzyno, Vogelgesang Peter Christianowitsch, angeklagt nach Artikel 58-10 des Strafgesetzbuches der RSFSR, verurteilt zur höchsten Strafe (Erschießung).
Aus dem Familienarchiv von Chr. P. Vogelgesang

P. Chr. Vogelgesang arbeitete bei der Feuerwehr im Forstbetrieb von Ischora, verhaftet am 11. März 1942 wegen „antisowjetischer Agitation". Erschossen in Leningrad. Rehabilitiert am 4. April 1990.

Приговор Военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградской области от 4 апреля 1942 г. в отношении жителя колонии Овцыно Фогельгезанга Петра Христиановича, обвиняемого по ст. 58-10 УК РСФСР, к высшей мере наказания (расстрелу).
Из семейного архива Х. П. Фогельгезанга

П. Х. Фогельгезанг работал пожарным на Ижорском лесозаводе, арестован 11 марта 1942 г. за «антисоветскую агитацию». Расстрелян в Ленинграде. Реабилитирован 4 апреля 1990 г.

***(277)* Eisstraße über den Ladogasee.** 12. April 1942.
Foto von R. A. Masalew. Aus dem Buch „Neizvestnaja blokada (Unbekannte Belagerung)“

Eine Massenverschickung von Deutschen aus dem belagerten Ring wurde im März 1942 durchgeführt auf der Grundlage von Verfügungen des Kriegsrates der Leningrader Front „Über die administrativ verordnete Verschickung eines sozial gefährlichen Elementes aus Leningrad“ vom 9. März 1942 und „Über die Pflichtevakuierung der finnischen und deutschen Bevölkerung aus den Vorstadtgebieten der Region und Stadt Leningrad“ vom 20. März 1942. Am 17. und 18. März 1942 wurden die ersten fünf Kolonnen mit „gefährlichen Elementen“ aus der Stadt geführt, ihre Anzahl betrug 9785 Personen, darunter waren 6.888 Finnen und Deutsche. Nach den Berechnungen von W. N. Semskow wurden in der Zeit des Krieges aus Stadt und Region insgesamt über 11 000 Deutsche deportiert.

Ледовая трасса через Ладожское озеро. 12 апреля 1942 г.
Фото Р. А. Мазелева. Из книги «Неизвестная блокада»

Массовое выселение немцев из блокадного кольца проведено в марте 1942 г. на основании постановлений Военного совета Ленинградского фронта «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента» от 9 марта 1942 г. и «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда» от 20 марта 1942 г. 17 и 18 марта 1942 г. из города отправлены первые пять эшелонов с «опасными элементами», общим количеством 9 785 человек, в т.ч. 6 888 финнов и немцев. По подсчетам В. Н. Земскова, во время войны из города и области всего были депортированы более 11 тысяч немцев.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОР. ЭВАКУАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

Хлеб по карточкам получен по 13 февр. 1942 г. включ.

Записн. талон на 500 гр ХЛЕБ

ОБЕД № 6 | ОБЕД № 5 | Талон № 3 ХЛЕБ 500 гр

ОБЕД № 4 | ОБЕД № 3 | Талон № 2 ХЛЕБ 500 гр

ОБЕД № 2 | ОБЕД № 1 | Талон № 1 ХЛЕБ 500 гр

_(278)_ Brotkarten, ausgeteilt an die Familie von D. I. Schaak bis zum 13. März 1942. Sie wurden nicht bis zum Ende aufgebraucht wegen der Deportation des Besitzers.
Aus dem Familienarchiv der Nachfahren von D. I. Schaak

Талоны на хлеб, выданные до 13 марта 1942 г. семье Д. И. Жаака. Не были использованы до конца в связи с депортацией владельца.
Из семейного архива потомков Д. И. Жаака

_(279)_ M. F. Myschenskaja mit ihrer adoptierten Nichte Emma Lefler. Gorno-Altaisk, 26. Dezember 1943.
Aus dem Familienarchiv von E. N. Skorodumowa

Mathilde Fjodorowna Myschenskaja (geb. Brenner) wurde mit ihrer Nichte durch eine administrative Verfügung aus Leningrad in den Altai verschickt. Die Photographie wurde dem in die Armee eingezogenen N. I. Myschenski zugeschickt. Auf dem Umschlag ist die Aufschrift: „Halte es bei dir – mögen wir dein Talisman sein gegen die Faschisten. Mathilde, Emma, Ninotschka".

М. Ф. Мышенская с удочеренной племянницей Эммой Лефлер. Горно-Алтайск, 26 декабря 1943 г.
Из семейного архива Э. Н. Скородумовой

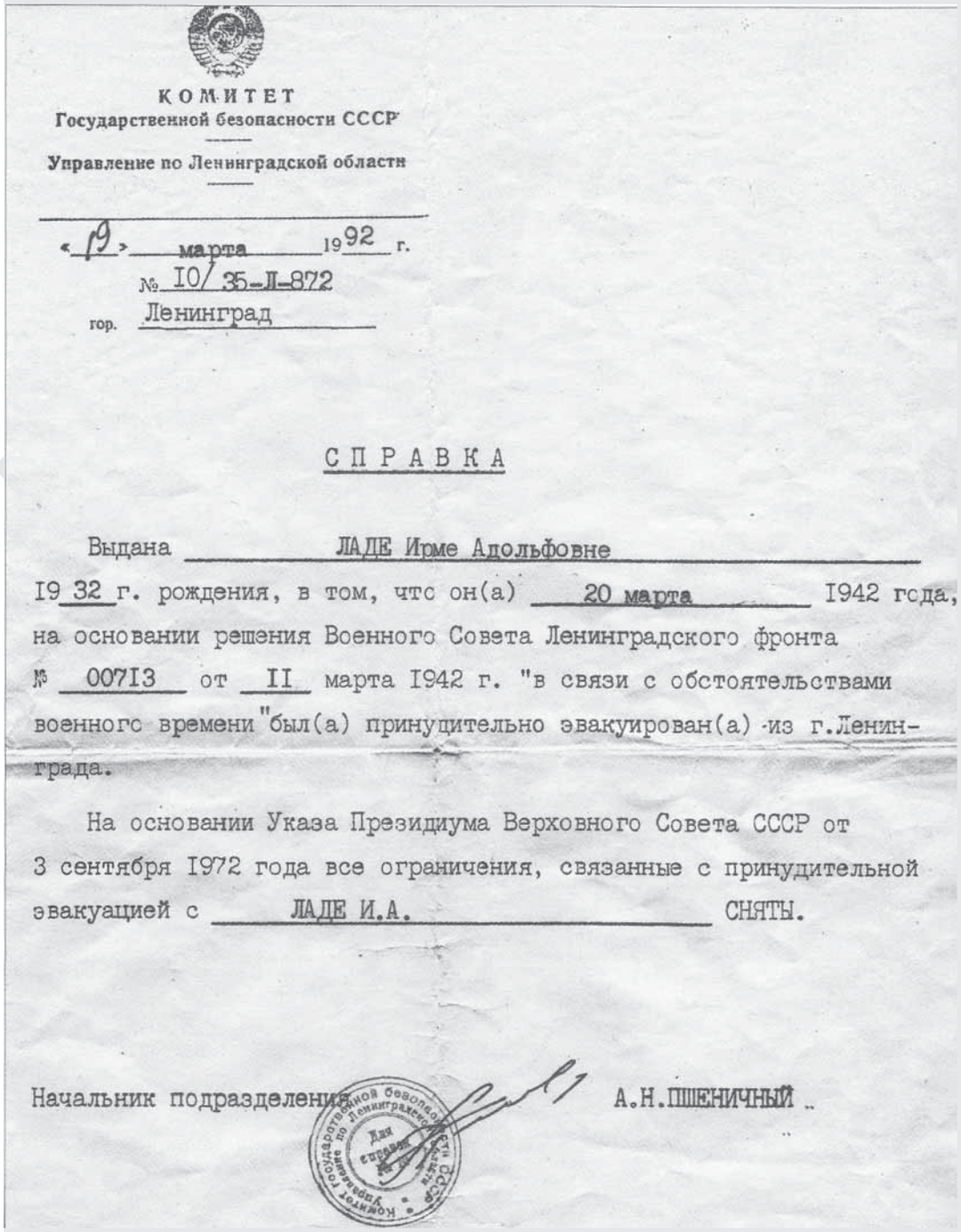
Матильда Федоровна Мышенская (ур. Бреннер) с племянницей выселена в административном порядке из Ленинграда на Алтай. Фото отправлено в действующую армию Н. И. Мышенскому. На обороте надпись: «Держи при себе – пусть мы будем твоим талисманом против фашистов. Матильда, Эмма, Ниночка».

_(280)_ R. K. Gerlemann mit ihrer Tochter Marina. Region von Novosibirsk, 9. April 1945.
Aus dem Familienarchiv von M. W. Lewizkaja

Regina Karlowna Gerlemann (1918–1992) wurde mit ihrer dreijährigen Tochter durch eine administrative Verfügung aus Leningrad nach Barabinsk verschickt. Im Juni 1946 kam sie auf Fürsprache ihres Mannes und Kriegsteilnehmers zurück nach Leningrad.

Р. К. Левицкая с дочерью Мариной. Новосибирская обл., 9 апреля 1945 г.
Из семейного архива М. В. Левицкой

Регина Карловна Левицкая (ур. Герлеман, 1918–1992) с трехлетней дочерью была выселена в административном порядке из Ленинграда в Барабинск. В июне 1946 г. по вызову мужа – участника войны вернулась в Ленинград.



КОМИТЕТ
Государственной безопасности СССР

Управление по Ленинградской области

«19» марта 1992 г.
№ I0/35-Л-872
гор. Ленинград

СПРАВКА

Выдана ЛАДЕ Ирме Адольфовне
I9 32 г. рождения, в том, что он(а) 20 марта I942 года, на основании решения Военного Совета Ленинградского фронта № 00713 от II марта I942 г. "в связи с обстоятельствами военного времени" был(а) принудительно эвакуирован(а) из г.Ленинграда.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября I972 года все ограничения, связанные с принудительной эвакуацией с ЛАДЕ И.А. СНЯТЫ.

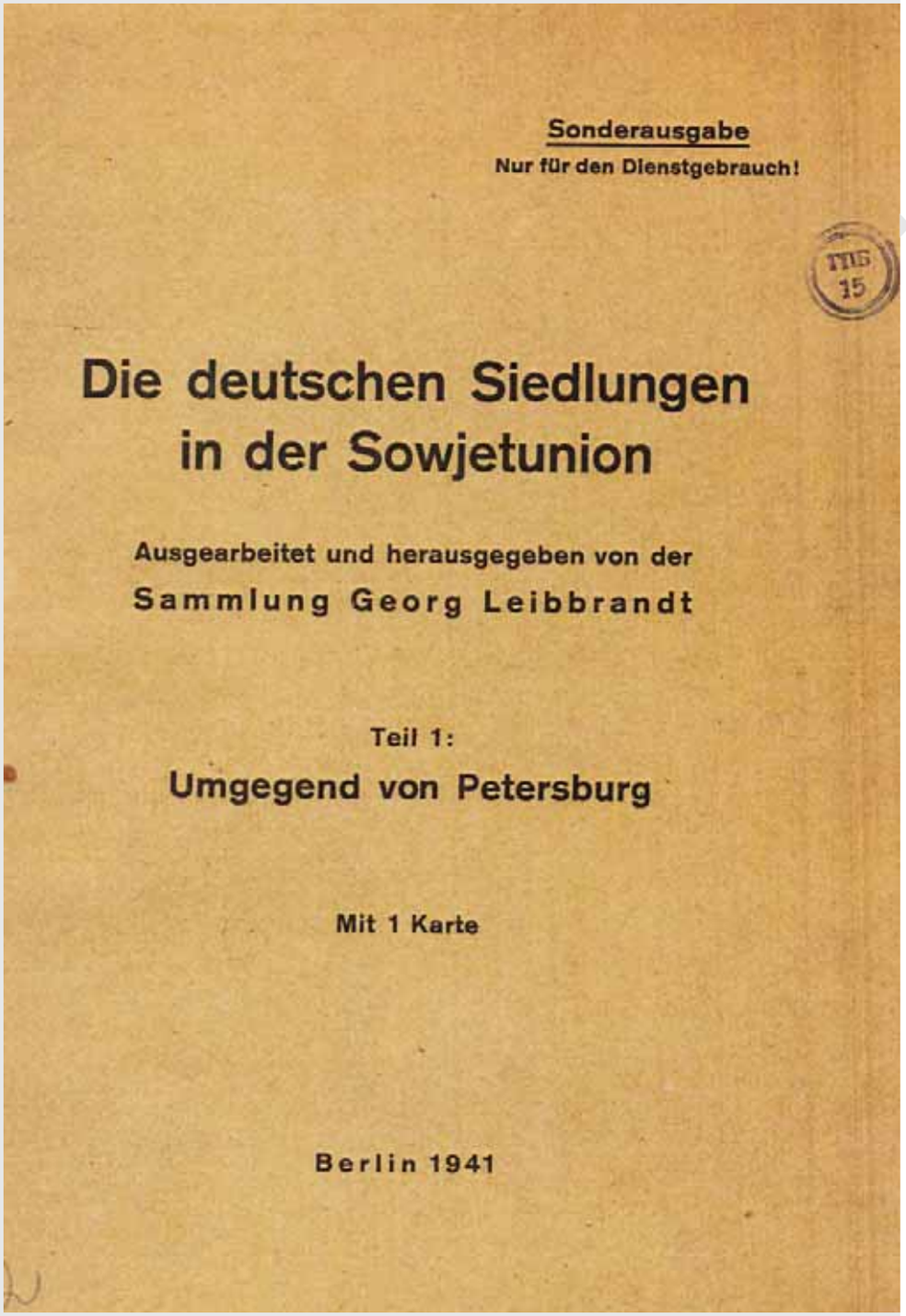
Начальник подразделения А.Н.ПШЕНИЧНЫЙ

***(281)* Benachrichtigung an Irma Adolfowna Lade** zur Zwangsdeportation aus Leningrad am 20. März 1942. Ausgestellt von der Leitung des KGB in der Leningrader Region am 19. März 1992.
Leihgabe von S. A. Schmidt

Irma Lade wurde im Alter von zehn Jahren mit ihren Eltern aus Neu-Saratowka nach Sibirien deportiert. Am 18. März verließen sie das heimatliche Dorf und überquerten den Ladogasee. Aus Kansk wurden die Eltern in die Arbeitsarmee eingezogen, die Mutter in die Burjatische Mongolei und der Vater in die Minen der Kemerower Region.

Справка Ладе Ирмы Адольфовны о принудительной эвакуации из Ленинграда 20 марта 1942 г. Выдана Управлением КГБ по Ленинградской области 19 марта 1992 г.
Предоставил С. А. Шмидт

Ирма Ладе в десятилетнем возрасте была депортирована с родителями из Новосаратовки в Сибирь. 18 марта они покинули родное село и перевезены через Ладогу. Из Канска родители были мобилизованы в трудармию – в Бурят-Монголию (мать) и на шахты в Осинники Кемеровской области (отец).



***(282)* Umschlagseite des Buches „Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion".** Der erste Teil ist der Umgegend von Petersburg gewidmet. Berlin, 1941.
Aus den Beständen der RNB

Das Buch besteht aus sechs Teilen mit Karten. In jedem von ihnen sind alle deutschen Siedlungspunkte aufgezählt mit der Nennung der jeweiligen Landesregion und der administrativen Einheit, ferner die Bevölkerungsanzahl und die Lage auf der Karte. Die Ausgabe war für den dienstlichen Gebrauch vorgesehen, sie war vor dem Krieg gegen die Sowjetunion erarbeitet worden im Zuge der Ausarbeitung von Spezialplänen der Kommandozentrale von Hitler hinsichtlich der ethnischen Deutschen innerhalb der Sowjetunion.

Обложка книги «Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion» («Немецкие поселения в Советском Союзе»). Первая часть посвящена окрестностям Петербурга. Берлин, 1941.
Из фондов РНБ

Книга состоит из шести частей с картами, в каждой из которых перечислены все немецкие населенные пункты региона страны с указанием административного деления, численности жителей и положения на карте. Издание предназначалось для служебного пользования, подготовлено перед войной с СССР в связи с особыми планами гитлеровского командования в отношении этнических немцев Советского Союза.

***(283)* Treffen zu Weihnachten in der Familie von Andreas Kuhn.**
Deutschland, Dezember 1944.
Aus dem Familienarchiv von L.A. Kuhn
Von links nach rechts: Anna, Andrei Fjodorowitsch, Lidia (geb. 1938), Wladimir, Tamara, Unbekannte. Das Foto wurde in der Baracke gemacht, in der die Familie Kuhn nach der Vertreibung nach Deutschland im Jahre 1942 lebte.

Встреча Рождества в семье Андрея Куна.
Германия, декабрь 1944 г.
Из семейного архива Л. А. Кун
Слева направо: Анна, Андрей Федорович, Лидия (1938 г. р.), Владимир, Тамара, неизвестные. Фото сделано в бараке, в котором проживала семья Кун после угона в Германию в 1942 г.

***(284)* Boris Spasski mit Freunden.**
Lager Neustadt (Deutschland), 1942.
Aus dem Familienarchiv von A. J. Tichomirowa
Von links nach rechts: Boris Spasski, Alexander, Georg. B. B. Spasski, der Sohn von Elisabeth Nikolajewna Ludwig aus der Kolonie Strelna. Im Jahre 1943 wurden die Freunde an die italo-jugoslawische Front einberufen. Alexander und Georg fielen beim Versuch die Feindeslinie zu durchbrechen. Boris trat in die Abteilung der jugoslawischen Partisanen über und kämpfte bis zum Kriegsende gegen die Hitlerarmee.

Борис Спасский с друзьями.
Лагерь Нойштадт (Германия), 1942 г.
Из семейного архива А. Я. Тихомировой
Слева направо: Борис Спасский, Александр, Жорж. Б. Б. Спасский – сын Елизаветы Николаевны Людвиг из Стрельнинской колонии. В 1943 г. друзья были мобилизованы на итало-югославский фронт. Александр и Жорж погибли при попытке бежать через линию фронта. Борис перешел в отряд югославских партизан и до конца войны сражался против гитлеровцев.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
БАС ПРОКУРАТУРАСЫ

ҚҰҚЫҚТЫҚ СТАТИСТИКА ЖӘНЕ
АРНАЙЫ ЕСЕПКЕ АЛУ
ЖӨНІНДЕГІ КОМИТЕТІНІҢ
АҚМОЛА ОБЛЫСЫ БОЙЫНША
БАСҚАРМАСЫ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ПО
ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКЕ И
СПЕЦИАЛЬНЫМ УЧЕТАМ
ПО АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

475000, Көкшетау қаласы, Біржан сал көшесі, 45
тел.25-00-77 факс 25-58-87

475000, г.Кокшетау, ул. Биржан сал, 45
тел.25-00-77 факс 25-58-87

30.09.03 № 11/6-554-03

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По учетным данным архива Управления по правовой статистике и специальным учетам Акмолинской области проходит **гр. КУН АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ, 1910 г.р.,** уроженец Ленинградской области.

На основании Директивы НКВД СССР№ 181 от 11.10.1945 года, по политическим мотивам, как лицо немецкой национальности, в 1945 году вместе с **дочерью – КУН ЛИДИЯ АНДРЕЕВНА, 1938 г.р.,** был репатриирован из Германии в Казахскую ССР.

5 августа 1945 года прибыл в Атбасарский район Акмолинской области и был взят на учет спецпоселения по месту жительства.

16.10.1948 года умер.

Основание: карточка пофамильного учета, Фонд –9.

Начальник Управления
по правовой статистике
и специальным учетам
Акмолинской области
советник юстиции В.В. Федотов

Прокурор
отдела криминальной информации
и архивной работы
юрист 2 класса Б. Байсеитова

***(285)* Bescheinigung einer Wiederaufnahme in der Heimat für die Familie Kuhn.** Ausgestellt von der Leitung des Komitees für Rechtsstatistik und soziale Angaben der Region Akmolinsk (Kasachstan). 30. September 2003, Kokschetau.

Aus dem Familienarchiv von L. A. Kuhn

Die Familie Kuhn, ehemalige Bewohner der Kolonie Strelna, wurde 1945 in Kasachstan aufgenommen, am 5. August 1945 gelangte sie nach Atbasar.

Справка о репатриации семьи Кун. Выдана Управлением комитета по правовой статистике и социальным учетам по Акмолинской области Прокуратуры Казахстана. 30 сентября 2003 г., г. Кокшетау.

Из семейного архива Л. А. Кун

Семья Кун, бывшие жители Стрельнинской колонии, репатриирована в Казахстан в 1945 г., 5 августа 1945 г. прибыла в Атбасар.

***(286)* Elisabeth Georgiewna Weide (links) mit ihrer Mutter Elisabeth Fjodorowna. 1961.**

Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Elisabeth Georgiewna (geb. 1927), Bewohnerin des belagerten Leningrad (Kolonie Graschdanka), geehelichte Schwyrewa. Elisabeth Fjodorowna, geb. Vogelgesang (geb. 1900). Die Familie wurde am 10. April 1942 durch eine administrative Verfügung aus Leningrad verschickt. Der Weg führte über den Ladogasee nach Wologda und Jaroslawl, anschließend nach Saratow und Stalingrad. Der Vater starb am 2. Mai 1942 im Eisenbahnwagon. Nach mehrtägigen Transporten gelangten sie in den Nordkaukasus, wo sie in die Okkupation gerieten. Im Januar 1943 wurden sie nach Deutschland ausgesiedelt.

Елизавета Георгиевна Вейде (слева) с матерью Елизаветой Федоровной. 1961 г.

Из семейного архива Е. Г. Швыревой

Елизавета Георгиевна, 1927 г. р., жительница блокадного Ленинграда (колония Гражданка), в замужестве Швырева. Елизавета Федоровна, ур. Фогельгезанг, 1900 г. р. Семья была выселена из Ленинграда в административном порядке 10 апреля 1942 г., путь прошел через Ладожское озеро в Вологду и Ярославль, затем Саратов, Сталинград. Отец умер 2 мая 1942 г. в вагоне. После многодневных переездов оказались на Северном Кавказе, где попали в оккупацию. В январе 1943 г. вывезены Германию.

***(287)* Die Familie Ph. Ph. Geweiler im Arbeitslager.**

Deutschland, 1943.

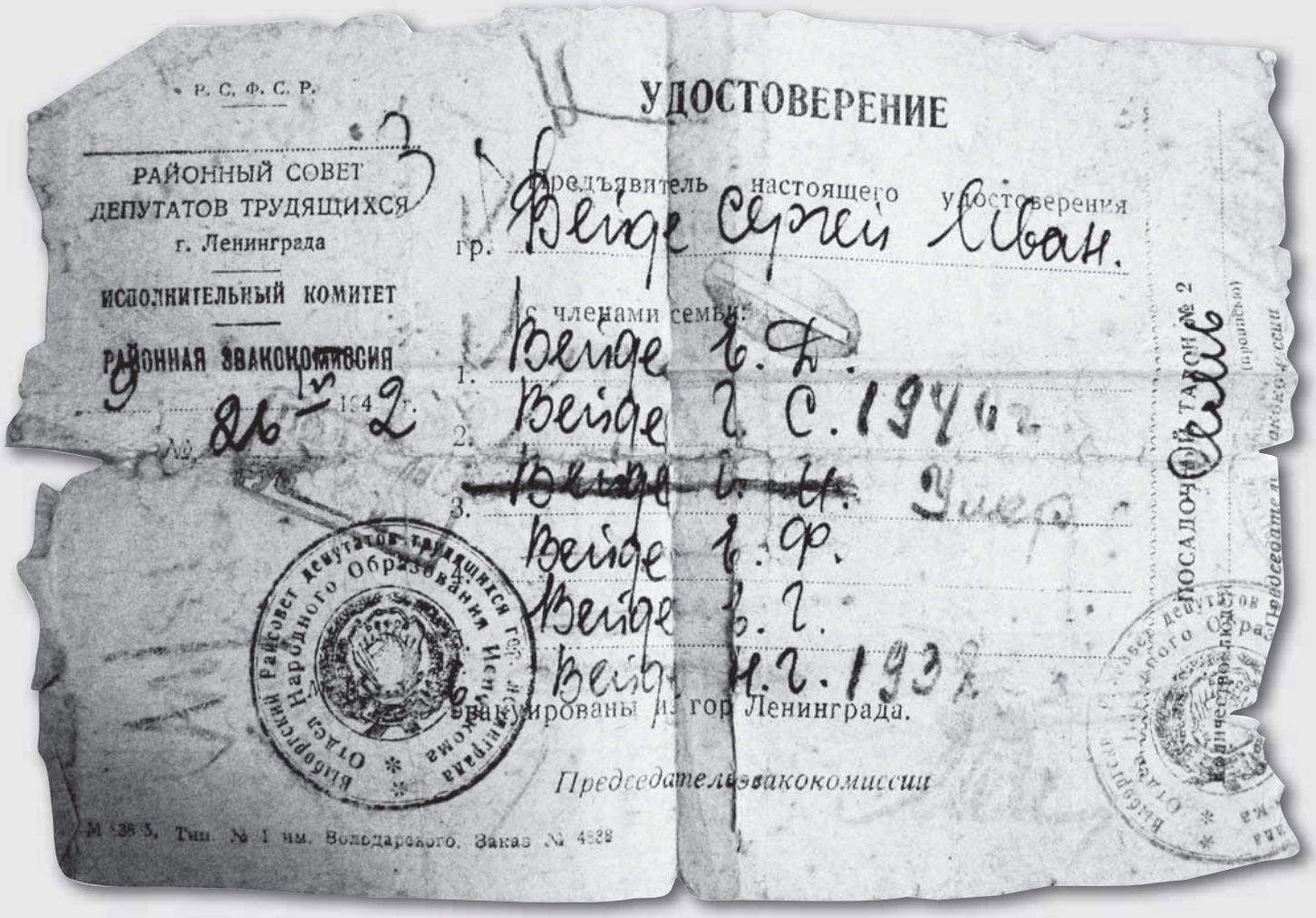
Aus dem Familienarchiv von V. Ph. Geweiler

Philipp Philippowitsch wurde mit seiner Frau Amalie und seinen Söhnen Viktor und Herbert am 12. Februar 1942 aus der Kolonie Strelna nach Deutschland zwangsdeportiert. Die Familienangehörigen der Geweilers passierten die Lager von Konitz, Stargart, Schönlage, Bergenrigen, Stesen und Kreis Nauenburg.

Семья Ф.Ф. Гевейлера в лагере. Германия, 1943 г.

Из семейного архива В. Ф. Гевейлера

Филипп Филиппович с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом насильно вывезены из Стрельнинской колонии в Германию 12 февраля 1942 г. Члены семьи Гевейлер прошли через лагеря Кониц (Konitz), Штаргарт (Stargart), Шенлаге (Schönlage), Бергенриген (Bergenrigen), Штезен (Stesen), округ Науенбург (Kreis Nauenburg).



***(288)* Evakuierungsbestätigung der Familie Weide.** Ausgestellt durch die Evakuierungskommission des Wyborger Bezirks, Leningrad, am 9. April 1942.
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Эвакуационное удостоверение семьи Вейде. Выдано Выборгской районной эвакуационной комиссией Ленинграда 9 апреля 1942 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой

11/

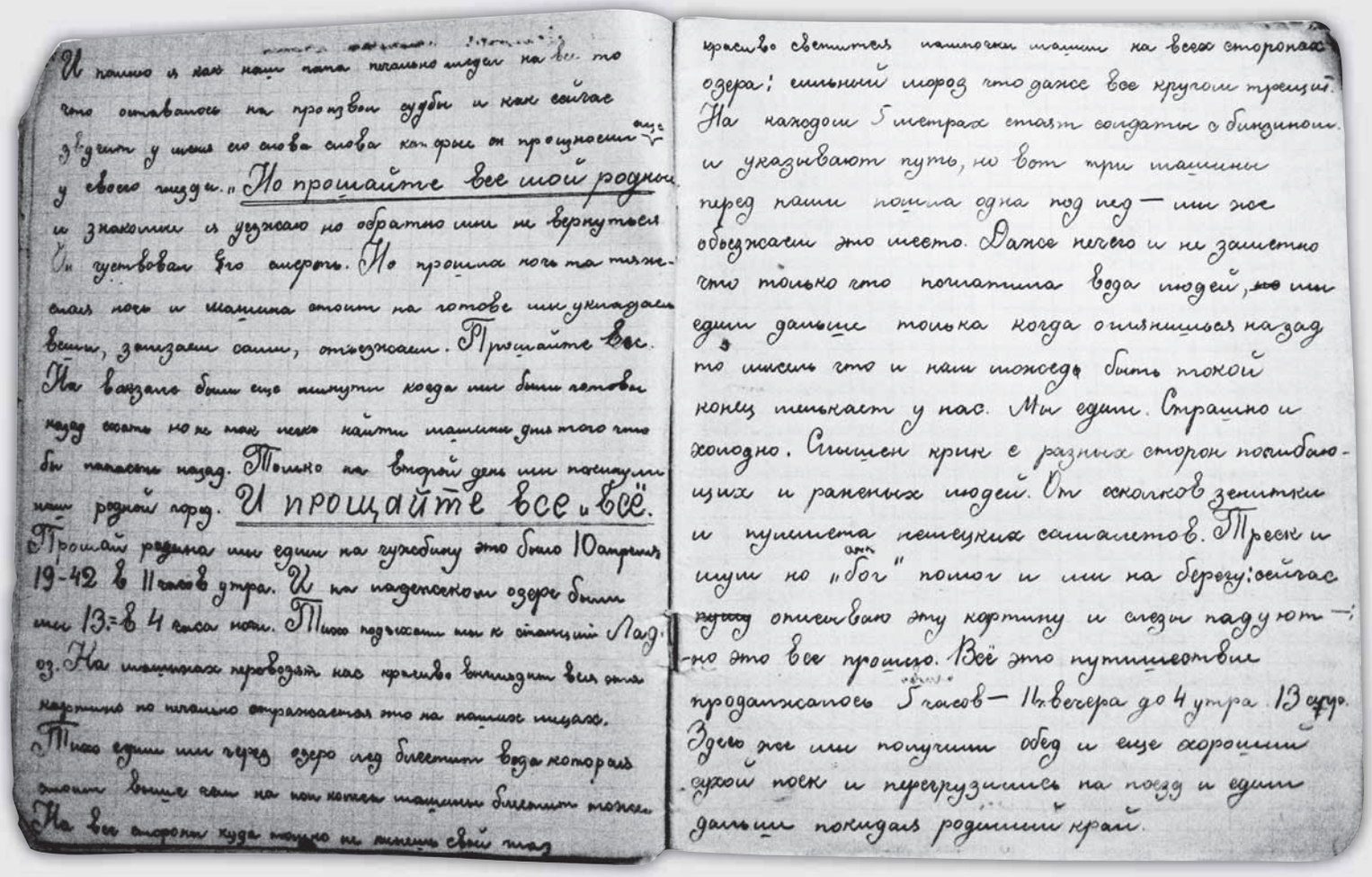
НАЧАЛО МОЕГО ПИСЬМА.

Это было начало весны но все же еще стоял мороз на дворе. И травка еще не зеленеет. Все кругом черно и голо. Печально выглядить весь город. И плачит все кругом и плачим мы покидая наш любимый и печальный край нашу Родину. Не кто иной как немыслимый голод заставил нас покинуть наш родимый край и ехать на чужбини. Тяжело описать мне этот день когда скидая мой последний взор падает он на эту грязную темную улицу моего города. Как печально смотрят опустевшие дома наших колонистов которых уже вывезли месяц тому назад. Но время летить и час отправки примчится не спросясь. Но вот он настал тот печальный час который обозначает отезд из дома родного. Тот час когда мы остались без крова, и крыши. Покинуть родину это очень тяжело тому кто не привык к скитанием. В тот день когда нам нужно было выезжать были мы все как больные.

Все города Которые мы проехали.

Ленинград. Вологда. Ярославль. Саратов. Горький. ~~Ростов~~ Сталинград. Тихорецк. Армавир. Лабинская. Моставя. Бенок. Перюмов. — Лабинская. Армавир. Кавказкая. Тихорецкая. Ростов н/Дону. Мелитополь. Лихтенам. Орлово. Мюнстенберг. — Терпение. Федоровка. Веселое. Серогозы. Перво-Майск. Каховка. ~~400 км~~ Днепр от Мн. 175 км. гор. Борисово. (лав). Ново-Павловка. Георгиевка. Владимировка. Иревка. Сафоново. Лазовая. от Дн. 400 км. Тут мы стояли целый месяц. —

Софиевка. Мигия (Румыния.) Перво-Майск. Гришка. Соболевка. Гамварон (Рум.) Винница стороне осталась. Мирово. едим тереръ на Каменецк Падольск. Уман. Михеевка. Легево. Бар. Бух река. Ново Улица там где мы сменяли нашу лошадь. Дунаевцы. Смотришь. скоро будем на месте. Чемеривцы наш район. Гусятино. Полская граница стоим один месяц.



(289) Seiten des Tagebuches von Elisabeth Weide. Die Aufzeichnungen enthalten Ereignisse vom Frühling 1942 bis zum 8. Oktober 1945.

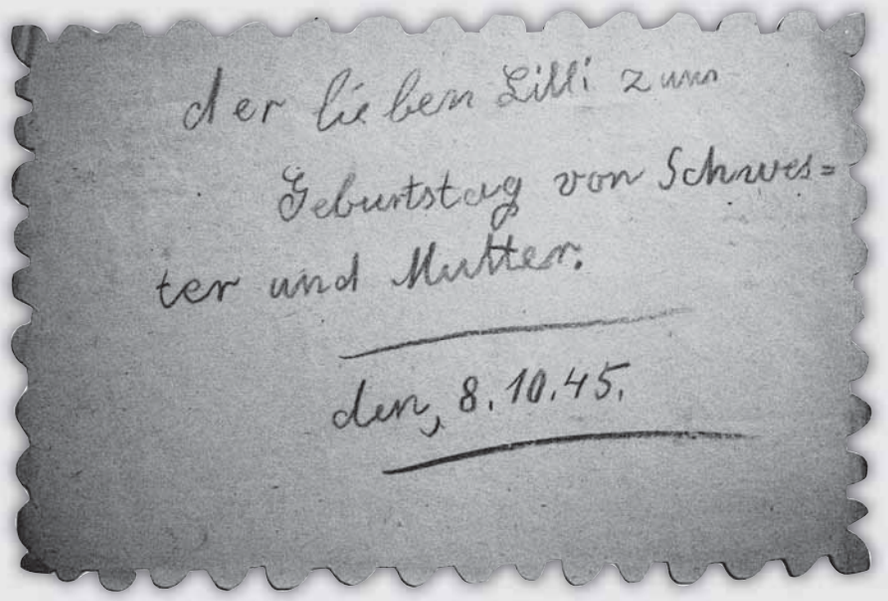
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Elisabeth Weide wurde zu landwirtschaftlichen Arbeiten eingesetzt im Gebiet von Polen und Deutschland. Sie wurde im Mai 1945 von den Engländern befreit und im Dezember 1945 in die Heimat zurückgebracht.

Страницы дневника Елизаветы Вейде. Записи охватывают события с весны 1942 г. до 8 октября 1945 г.

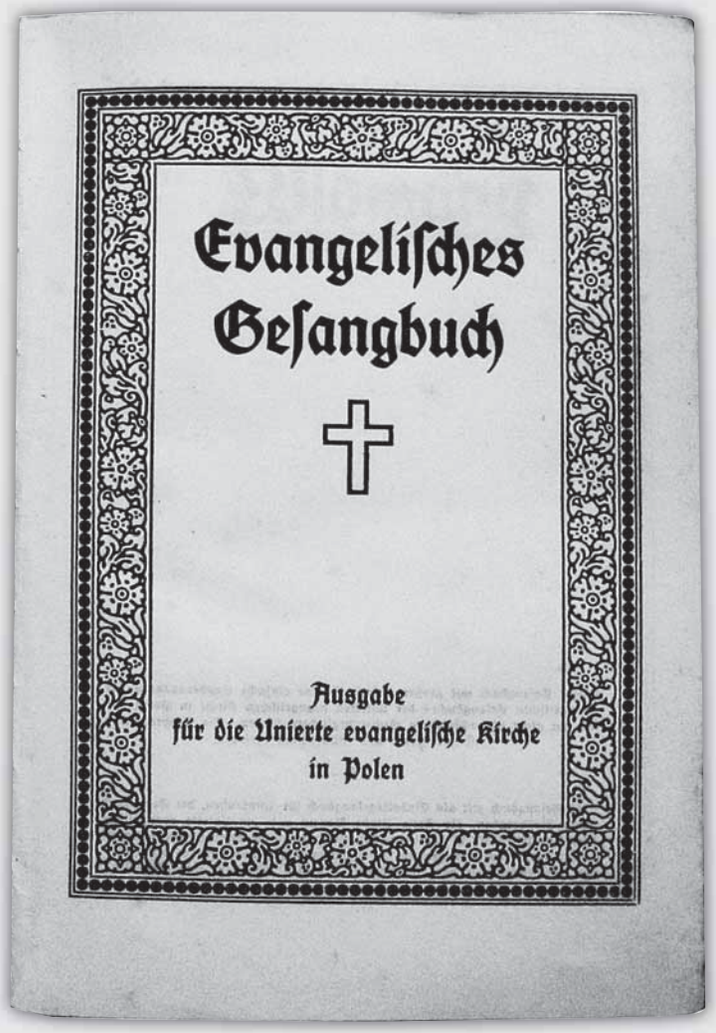
Из семейного архива Е. Г. Швыревой

Елизавету Вейде использовали на сельскохозяйственных работах на территории Польши и Германии. Освобождена в мае 1945 г. англичанами, репатриирована в декабре 1945 г.



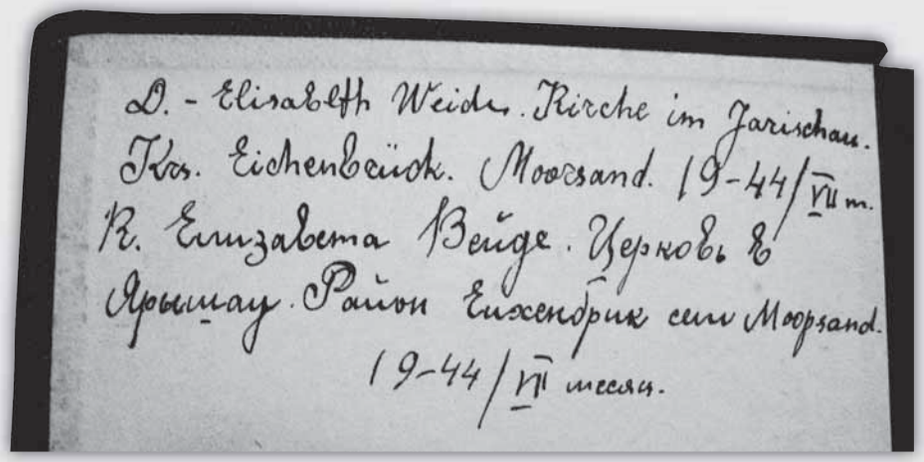
***(290)* Glückwunschkarte** für Elisabeth Weide zum Geburtstag ihrer Mutter Nina. Deutschland. 8. Oktober 1945.
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Поздравительная открытка, подаренная Елизавете Вейде на день рождения ее матерью и сестрой Ниной. Германия. 8 октября 1945 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой



***(291)* Gebetsbuch**, das Elisabeth Weide während ihres Aufenthaltes im Lager von Moorsand (polnisches Territorium) geschenkt worden war. 1944.
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Молитвенник, подаренный Елизавете Вейде во время нахождения в лагере в Моорзанде (территория Польши). 1944 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой



***(292)* Aufschrift auf der Umschlagseit**e des Gebetsbuches in Deutsch und Russisch. „Elisabeth Weide. Kirche in Jaryschau. Bezirk Eichenbrück, Moorsand. 1944, Juli".
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Надпись на обороте обложки молитвенника на немецком и русском языках.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой
«Елизавета Вейде. Церковь в Ярышау. Район Эйхенбрик село Моорзанд. 1944/ VII месяц».

(293) **Ehrenurkunde, der Lastenfahrerin Elisabeth Weide** ausgestellt für ihre Hochleistungen im sozialistischen Wettbewerb. Turgoscher Mechanisierte Waldwirtschaft, 29. April 1948.
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Почетная грамота, выданная грузчице Елизавете Вейде за высокие показатели в социалистическом соревновании. Тургошский мехлесхоз, 29 апреля 1948 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой

(294) **Elisabeth Weide** (rechts, stehend) mit Freundinnen bei der Holzarbeit im Dorf Waskowo (Turgoscher Mechanisierte Waldwirtschaft) der Region Leningrad. 8. August 1948.
Aus dem Familienarchiv von E. G. Schwyrewa

Елизавета Вейде (стоит справа) с подругами на лесоповале в поселке Васьково (Тургошский мехлесхоз) Ленинградской области. 8 августа 1948 г.
Из семейного архива Е. Г. Швыревой

***(295)* Brüder Andrei und Nikolai Graule mit ihrem Freund Alexander in Jakutien.** Pokrowskoje, Jakutien, 20. Mai 1944.
Leihgabe von S. A. Schmidt

Aufschrift auf der Rückseite: „Deutsche Verbannte aus Neu-Saratowka. Sascha Gorodyski, Andrei Eduardowitsch und Nikolai Eduardowitsch Graule. Foto vom 20. Mai 1944".

Братья Андрей и Николай Грауле с другом Александром в Якутии. Село Покровское, Якутия, 20 мая 1944 г.
Предоставил С. А. Шмидт

Надпись на обороте: «На память Саше от Александра. с. Покровское. Якутия. Ссылка немцев с. Новосаратовка. Саша Городиский, Андрей Эдуардович и Николай Эдуардович Грауле. Фото 20-гоя мая 1944 г.»

***(296)* Alexander Roo (links) mit seinem Kameraden. Jakutsk, 1946.**
Aus dem Familienarchiv der Familie Reich

Aufschrift auf der Rückseite: „Dem Bruder zur ewigen Erinnerung von Bruder Sascha aus dem fernen Jakutien. Roo Alexander Ad., geb. 1927 Mjugenen David. Iw., geb. 1924, Jakutische Autonome SSR, Pokrowsk, 21. August 1946" und die Unterschrift Alexander Roos.

Александр Роо (слева) с товарищем. Якутск, 1946 г.
Из семейного архива Рейх

Надпись на обороте: «На вечную память брату от брата Саши из далекой Якутии. Роо Ал-др Ад. 1927 г. рожд. Мюгенен Давид. Ив. 1924 г. рождения. ЯАССР, Покровск. 21.VIII.1946 г.» и подпись Александра Роо.

Свидетельство № 513
(БЕССРОЧНОЕ)
(Хранить наравне с военным билетом)
Об освобождении от воинской обязанности

Выдано настоящее свидетельство Канским ОГВК
(каким РВК и какой области) Красноярского края
военнообязанному 1910 года рождения
рядов. Фогельгезангу
(фамилия, имя, отчество)
Герману Егоровичу
солдат состава запаса
2 категории ВУС № 133
уроженцу Ленинградской
(области, города)
обл. Ново-Сарепровск
(района, села)
колонии

ЛИНИЯ ГИБА

в том, что он по освидетельствованию
9 июня 1955 года
комиссией при Канском
(указать при каком РВК
ОГВК
или воинской части)
признан негодным к несению воинской обязанности с исключением с учета по
гр. « 1 » ст. « 63б » расписания
болезней приказа Военного Министра
Союза ССР 1951 г. № 130
и снят с воинского учета.
Подлежит переосвидетельствованию
через
М. П.
Районный военный комиссар
июня 1955

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В СУХОПУТНЫХ ВОЙСКАХ, ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ И ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛАХ, ПОГРАНИЧНЫХ И ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД
не служил

ЦТ ВМ 628—59

***(297)* Bescheinigung der Freilassung aus der Militärpflicht von Hermann Egorowitsch Vogelgesang. Kansk. 1955.**
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

Свидетельство об освобождении от воинской обязанности Германа Егоровича Фогельгезанга. Канск, 1955 г.
Из семейного архива О. А Ермаковой

11/

Спецкомендатура МВД № 47 Канской р-на Красноярской (края) области ..... республики

немка (категория учета)

2

АНКЕТА

Для подшивки

1. Фамилия, имя, отчество пол муж. / жен.	Фогельгезанг Шарлота Христьяновна жен.
2. Менял ли за время нахождения на спецпоселении фамилию, имя и отчество и если да, то когда, в связи с чем, прежняя фамилия, имя и отчество.	не меняла
3. Год и место рождения	1913, Н-сдатовская колония Всеволожский р-он Ленинградская область
4. Национальность и родной язык	немка немецкий
5. Гражданство	СССР
6. Партийность	беспартийная
7. Образование: общее / специальное	4 класса
8. Специальность, профессия	гидикмахд
9. Место работы, занимаемая должность или род занятий	на иждивении мужа
10. Семейное положение	замужняя
11. Состав семьи, проживающей совместно с выселенцем (перечислить степень родства, фамилии, имена, отче-[illegible]), и кто из них [illegible]поселения	Муж: Фогельгезанг Герман Егорович 1910 на учете состоит.

Подпись выселенца Фоген

***(298)* Formular zur Spezialverschickung von Charlotte Christianowna Vogelgesang (geb. 1913)** aus Neu-Saratowka. Spezialkommandantur Nr. 47 des Bezirks von Kansk in der Region Krasnojarsk. Beginn der 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

Анкета спецпоселенки Шарлоты Христиановны Фогельгезанг (1913 г. р.) из Новосаратовки. Спецкомендатура № 47 Канского района Красноярского края. Начало 1950-х годов.
Из семейного архива О. А. Ермаковой

Спецкомендатура МВД № 47 Канского р-на
Красноярского (края) области республики

2/

Немка
(категория учета)

АНКЕТА

Для подшивки

1. Фамилия, имя, отчество пол муж. / жен.	Лейтер Эрна Яковлевна жен.
2. Менял ли за время нахождения на спецпоселении фамилию, имя и отчество и если да, то когда, в связи с чем, прежняя фамилия, имя и отчество.	Не меняла
3. Год и место рождения	1923 г. Ленинградская обл. Всеволожский р-н. ст. Сарамовская
4. Национальность и родной язык	Немка - Немецкий
5. Гражданство	СССР
6. Партийность	Б/партийная
7. Образование: общее / специальное	6 классов Не имеет)
8. Специальность, профессия	Не имеет
9. Место работы, занимаемая должность или род занятий	Орс Текстильного Комбината столовая - официантка
10. Семейное положение	Не замужняя
11. Состав семьи, проживающей совместно с выселенцем (перечислить степень родства, фамилии, имена, отчества и год рождения), и кто из них ...юселения	Не имеет)

Подпись выселенца

***(299)* Formular zur Spezialverschickung von Erna Jakowlewna Letter (geb. 1923)** aus Neu-Saratowka. Spezialkommandantur Nr. 47 des Bezirks von Kansk in der Region Krasnojarsk. Beginn der 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

Анкета спецпоселенки Леттер Эрны Яковлевны (1923 г. р.) из Новосаратовки. Спецкомендатура № 47 Канского района Красноярского края. Начало 1950-х годов.
Из семейного архива О. А Ермаковой

2

Спецкомендатура МВД № 47 Канского р-на

Красноярского (края) области республики

немец,
(категория учета)

АНКЕТА

Для подшивки

1. Фамилия, имя, отчество пол муж. / жен.	Фогельгезанг Герман Егорович мужской.
2. Менял ли за время нахождения на спецпоселении фамилию, имя и отчество и если да, то когда, в связи с чем, прежняя фамилия, имя и отчество.	нет.
3. Год и место рождения	1910г г. Ленинград. Ленинградской обл.
4. Национальность и родной язык	немец, - немецкий
5. Гражданство	С'С'С'Р
6. Партийность	б/п
7. Образование: общее / специальное	3кл.
8. Специальность, профессия	электросварщик
9. Место работы, занимаемая должность или род занятий	ЦЭС - электросварщик
10. Семейное положение	женат.
11. Состав семьи, проживающей совместно с выселенцем (перечислить степень родства, фамилии, имена, отчество и кто из них ...оселения	жена - Фогельгезанг Шарлотта Христьяновна - 1913г. на учете отд. поселения - состоит.

Подпись выселенца

(300) Formular zur Spezialverschickung von Hermann Jegorowitsch Vogelgesang (geb. 1910)
aus Neu-Saratowka. Spezialkommandantur Nr. 47 des Bezirks von Kansk in der Region Krasnojarsk. Beginn der 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von O. A. Ermakowa

Анкета спецпоселенца Германа Егоровича Фогельгезанга (1910 г. р.)
из Новосаратовки. Спецкомендатура № 47 Канского района Красноярского края. Начало 1950-х годов.
Из семейного архива О. А Ермаковой

***(301)* Gruppe junger Leute beim Gebäude Kraslag.** Untere Poima, Unteringascher Bezirk, Gebiet von Krasnojarsk, Ende der 1950er Jahre.

Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa

Ganz links Adolf Andreewitsch Pal, ehemals Siedler von Neu-Saratowka. Kraslag war eines der größten Arbeitslager in der Forstindustrie, gebildet im Jahre 1938. Seine Verwaltung befand sich in Kansk, anschließend im Dorf Untere Poima. Im Januar 1942 wurden im Lager Abteilungen von Arbeitsarmeedeutschen aufgestellt.

Группа молодых людей у здания Краслага. Пос. Нижняя Пойма Нижнеингашского района Красноярского края, конец 1950-х годов.

Из семейного архива Е. А. Кузнецовой

Крайний слева – Паль Адольф Андреевич, в прошлом житель Новосаратовки. Краслаг – крупнейший лагерь в лесной промышленности, образован в 1938 г., управление находилось в Канске, затем в пос. Нижняя Пойма. В январе 1942 г. в лагере организованы отряды немцев-трудармейцев.

***(302)* Christopher Christophorowitsch Jung,** ehemaliger Bewohner der deutschen Kolonie Graschdanka, mit seinen Enkeln Viktor und Wolodja. Surgut, 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Христофор Христофорович Юнг, бывший житель немецкой колонии Гражданка, с внуками Виктором и Володей. Сургут, 1950-е годы.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

***(303)* Familie Jung in Sibirien.** Surgut, Sommer 1965.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Woitjuk

Die Familie wurde aus dem belagerten Leningrad (Kolonie Graschdanka) im März 1942 deportiert. In der zweiten Reihe in der Mitte Emilia Christophorowna Jung, rechts Alexander Christophorowitsch Jung. In der dritten Reihe der zweite von links ihr Sohn Nikolai.

Семья Юнг в Сибири. Сургут, лето 1965 г.
Из семейного архива Э. А. Войтюк

Семья депортирована из блокадного Ленинграда (колония Гражданка) в марте 1942 г. Во втором ряду в центре – Эмилия Христофоровна Юнг, справа – Александр Христофорович Юнг. В третьем ряду второй слева – их сын Николай.

***(304)* Theresa Pahl mit ihrem Enkelkind Elena.** Kansk, Arbeiterstadt, 1961.
Aus dem Familienarchiv von E. A. Kusnezowa

Theresa Andreewna Pahl wurde mit ihren Söhnen Andrej und Adolf sowie ihrer Tochter Alma im März 1942 aus Neu-Saratowka in die Region von Krasnojarsk deportiert. Die Arbeitersiedlung des Forstbetriebes war ein Ort dichter Ansiedlung von deutschen Spezialverschickten.

Тереза Паль с внучкой Еленой. Канск, рабочий городок, 1961 г.
Из семейного архива Е. А. Кузнецовой

Тереза Андреевна Паль с сыновьями Андреем и Адольфом и дочерью Альмой была депортирована из Новосаратовки в марте 1942 г. в Красноярский край. Рабочий поселок лесозавода – место компактного проживания немцев-спецпоселенцев.

***(305)* K. F. Lefler in einer Konservenfabrik in Pärnu (Pernau).** Anfang der 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. G. Brenner und E. N. Skorodumowa

Katharina Fjodorowna Lefler (1900–1979), Bewohnerin der Kolonie Strelna, befand sich im besetzten Gebiet. Im Jahre 1942 wurde sie nach Deutschland gebracht, 1945 wieder zurückgeführt in die UdSSR, bis 1947 war sie in einem Lager in der Ukraine interniert, bis 1953 war ihr die Rückkehr nach Leningrad verboten, sie lebte in Estland.

Е. Ф. Лефлер на консервном заводе в Пярну. Начало 1950-х годов.
Из семейного архива А. Г. Бреннер – Э. Н. Скородумовой

Лефлер Екатерина Федоровна (1900–1979), жительница Стрельнинской колонии, была в оккупации, в 1942 г. вывезена в Германию, в 1945 г. репатриирована в СССР, до 1947 г. находилась в лагере на Украине, до 1953 г. ей было запрещено возвращаться в Ленинград, проживала в Эстонии.

12/ DIE DEUTSCHEN KOLONIEN NACH DEM KRIEG: DIE FOLGEN DER VERGANGENHEIT, NEUE HOFFNUNGEN

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ: СЛЕДЫ ПРОШЛОГО, НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Die deutschen Kolchosen hörten bald nach der Deportation der Deutschen auf zu bestehen. Ihre Landstücke und Besitztümer wurden nach dem Krieg an andere Wirtschaften übergeben. In den freigewordenen Häusern siedelten sich Russen aus den benachbarten Gebieten an, aus Wologda, Jaroslawl, Kirow. Trotz der für die Deutschen und Finnen bestehenden Rückkehrverbote in das Gebiet von Leningrad konnten einige Siedlerfamilien in ihre Ansiedlungen zurückkehren. Die erhaltenen Kolonien wurden umbenannt. In der heutigen Zeit ist ein Teil der Gebiete der ehemaligen Kolonien in das Stadtgebiet eingemeindet worden und mit neuen Wohnvierteln bebaut. Einer aktiven Zerstörung ausgesetzt sind die Inseln deutscher Kolonisation in den Gebieten der Region Leningrad vor den Stadtgrenzen. An die Vergangenheit erinnern noch aufgelassene und verfallende Friedhöfe von Kolonisten.

Die Hoffnung auf ein Wiedererstehen der deutschen Ansiedlungen bei Petersburg ist verbunden mit der Gründung von Neudorf in der Nähe von Strelna. Das Projekt wurde im Jahre 1996 begonnen und ist wegen fehlender Förderung zu Beginn der 2000er Jahre unvollendet geblieben.

Немецкие колхозы прекратили существование вскоре после депортации немцев, их земли и фонды после войны были переданы в другие хозяйства. В освободившиеся дома стали заселять русских людей из соседних областей – Вологодской, Ярославской, Кировской. Несмотря на действовавшие запреты на возвращение немцев и финнов в Ленинградскую область, некоторые семьи колонистов смогли вернуться в свои поселения. Сохранившиеся колонии были переименованы. В настоящее время часть территорий бывших колоний вошла в черту города и застроена новыми микрорайонами. Активному разрушению подвергаются островки немецких поселений на областных землях. О прошлом напоминают заброшенные и разоренные кладбища колонистов.

Надежда на возрождение немецких поселений под Петербургом связана с основанием поселения Нойдорф близ Стрельны. Проект начался в 1996 г., остался незавершенным из-за прекращения финансирования в начале 2000-х годов.

***(306)* Ehemalige Kolonie Graschdanka, Ansicht der Seite der ungeraden Hausnummern.** Ganz außen rechts das Haus Nr. 3. 1940er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von N. J. Vogelgesang

Бывшая колония Гражданка, вид нечетной стороны. Крайний справа – дом № 3. 1940-е годы.
Из семейного архива Н. Я. Фогельгезанга

***(307)* Ehemaliges Haus von Nikolai Jakowlewitsch Vogelgesang in der Kolonie Graschdanka, Nr. 3.**
Mitte der 1960er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von N J. Vogelgesang

Бывший дом Николая Яковлевича Фогельгезанга в колонии Гражданка, № 3. Середина 1960-х годов.
Из семейного архива Н. Я. Фогельгезанга

***(311)* An dieser Stelle verläuft heute der Graschdanskii Prospekt.** Das Haus links ist das Haus Nr. 12 in der Kolonie Graschdanka. Ende der 1940er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von N. J. Vogelsang

На этом месте сейчас проходит Гражданский проспект.
Дом слева – дом № 12 в колонии Гражданка. Конец 1940-х годов.
Из семейного архива Н. Я. Фогельгезанга

***(308)* Haus der Familie A. P. Amann in der Kolonie Graschdanka, Nr. 24 (links)**.
Mitte der 1960er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von A. P. Amann

Дом семьи А. П. Амана в колонии Гражданка, № 24 (слева).
Середина 1960-х годов.
Из семейного архива А. П. Амана

***(309)* Albert Petrowitsch Amann** neben dem deutschen Friedhof in Graschdanka. September 2007.
Foto von S. E. Gleserow

Bewohner der Kolonie Graschdanka. Vor seiner Deportation im März 1942 arbeitete er in Leningrad in der Fabrik Engels. Er wurde mit seiner Familie in die Region von Tjumen verschickt, bis 1946 arbeitete er in der Stadt Jumas im Gebiet von Hantymansisk. Kehrte 1956 nach Leningrad zurück und erhielt durch ein Gerichtsverfahren sein Geburtshaus zurück.

Альберт Петрович Аман возле бывшего немецкого кладбища на Гражданке. Сентябрь 2007 г.
Фото С. Е. Глезерова

Житель колонии Гражданка, до депортации в марте 1942 г. работал в Ленинграде на заводе Энгельса. С семьей выселен в Тюменскую область, до 1946 г. работал в деревне Юмас Ханты-Мансийского округа. В Ленинград вернулся в 1956 г., по суду вернул родной дом.

***(310)* Häuser in der ehemaligen Kolonie von Neu-Saratowka. 1968.**
Aus dem Familenarchiv von E. E. Mühtel

Дома в бывшей Новосаратовской колонии. 1968 г.
Из семейного архива Э. Э. Мютель

***(312)* Edith Emilewna Mühtel (geb. Pfeifer)**, einstige Bewohnerin der Kolonie Owzyno und Neu-Saratowka.

Sie wurde im Jahre 1919 in der Familie von Emilie Pfeifer geboren, einer Lehrerin der Grundschule in der Kolonie von Owzyno (arbeitete dort von 1918–1924). Im Juni 1925 wurde der Vater zum Pastor geweiht, die Familie verbrachte ein Jahr in Neu-Saratowka. Im Jahre 1925 zogen sie ins Wolgagebiet, lebten ein Jahr in Mühlberg und in Norka. Im Jahre 1941 wurden sie nach Sibirien deportiert. 1956 kehrte Edith mit ihrem Gatten nach Leningrad zurück. Die ersten Jahre dort verbrachten sie in der Ansiedlung „Krasnaja Swesda" in der Nähe von Owzyno.

Эдит Эмильевна Мютель (ур. Пфайфер), в прошлом жительница колоний Овцыно и Новосаратовка

Родилась в 1919 г. в семье Эмиля Пфайфер, учителя начальной школы в колонии Овцыно (работал в 1918–1924 гг.). В июне 1925 г. отец был рукоположен в пастора, год семья прожила в Новосаратовке. В 1925 г. переехали в Поволжье, жили в Мюльберге и Норке, в 1941 г. депортированы в Сибирь. В 1956 г. Эдит с супругом вернулась в Ленинград, первые годы жили в поселке «Красная Звезда» близ колонии Овцыно.

***(313)* Jugendliche auf einer Straße von Neu-Saratowka. 1950er Jahre.**
Aus dem Familienarchiv von T. M. Frolowa

Rechts Tamara Michailowna Iwanowa (geehelichte Frolowa), gebürtig aus Neu-Saratowka, Deutsche mütterlicherseits. Die Eltern starben vor dem Krieg. Nach der Deportation der deutschen Verwandten blieb sie mit ihrer Schwester in Neu-Saratowka bis ins Jahr 1960.

Молодежь на улице Новосаратовки. 1950-е годы.
Из семейного архива Т. М. Фроловой

Справа Тамара Михайловна Иванова (в замужестве Фролова), уроженка Новосаратовки, по матери немка. Родители умерли до войны. После депортации немецких родственников оставалась с сестрой в Новосаратовке до 1960 г.

***(314)* Tamara Iwanowa (rechts) mit einer Freundin beim ehemaligen Haus der Walliser (?).** Neu-Saratowka, 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von T. M. Frolowa

Тамара Иванова (справа) с подругой у бывшего дома Валлизеров (?).
Новосаратовка, 1950-е годы.
Из семейного архива Т. М. Фроловой

***(315)* Erhaltene Häuser von Siedlern in Neu-Saratowka. August 2011.**
Foto von I. W. Tscherkasjanowa
Das Haus, das mit Ziegelstein verkleidet ist, wurde im März 2014 für eine neue Bebauung abgetragen.

Сохранившиеся дома колонистов в Новосаратовке. Август 2011 г.
Фото И. В. Черказьяновой
Дом, обложенный кирпичом, снесен в марте 2014 г. под новую застройку.

***(316)* Verlassenes Haus in der ehemaligen deutschen Kolonie Owzyno.**
16. September 2013.
Foto von P. N. Tarasenko

Заброшенный дом в бывшей немецкой колонии Овцыно. 16 сентября 2013 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(317)* Typisches Haus in Owzyno**, heute verlassen. Dorf Swerdlow, Owzynska Str. 87. 17. April 2014.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Типичный дом в Овцыно, в настоящее время заброшен. Поселок им. Свердлова, Овцынская улица, 87. 17 апреля 2014 г.
Фото И. В. Черказьяновой

***(318)* Die einstige Kolonie von Owzyno.** Wohnhaus für zwei Familien. In der einen Hälfte lebte die Familie der Nachfahren Becker aus der Kolonie Srednaja Rogatka. Dorf Swerdlowa, Owzyno Str. 78.
Foto von P. N. Tarasenko

Die Familie Becker verließ im September 1941 Srednaja Rogatka und siedelte sich in Leningrad bei Verwandten an, im März 1942 wurde sie in die Region von Wologda evakuiert, kehrte nach dem Krieg nach Petersburg zurück und ließ sich in Owzyno nieder.

Бывшая колония Овцыно. Жилой дом на два хозяина. В одной половине проживает семья потомков Беккер из Среднерогатской колонии. Поселок им. Свердлова, Овцынская улица, 78.
Фото П. Н. Тарасенко

Семья Беккер в сентябре 1941 г. покинула Среднюю Рогатку и переселилась в Ленинграде к родственникам, в марте 1942 г. эвакуирована в Вологодскую область, вернулась в Ленинградскую область после войны, поселилась в Овцыно.

***(319)* Michail Andreewitsch Becker**, Kolchosearbeiter der Max Hölz-Kolchose. Dorf Owzyno, 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von W. M. Zelowowa

Michail Andreewitsch war bis zum Krieg Vizevorstand der Thälmann-Kolchose. Im ersten Belagerungswinter war er beim Bau der Trasse über den Ladogasee tätig. Einberufen in die Arbeitsarmee in die Region von Wologda.

Беккер Михаил Андреевич, колхозник колхоза им. Макса Гельца. Пос. Овцыно, 1950-е годы.
Из семейного архива В. М. Целововой

Михаил Андреевич до войны – заместитель председателя колхоза им. Тельмана, в первую блокадную зиму был на строительстве дороги через Ладогу. Мобилизован в трудармию из Вологодской области.

***(320)* Darja Fjodorowna Becker (geb. Meng, 1909–1985),** erfolgreiche Kolchosearbeiterin in der Max Hölz-Kolchose, Dorf Owzyno, 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von W. M. Zelowowa.

Беккер (ур. Менг) Дарья Федоровна (1909–1985), передовая колхозница колхоза им. Макса Гельца. Пос. Овцыно, 1950-е годы.
Из семейного архива В. М. Целововой

***(321)* Valentina und Wladimir Becker**, Kinder von Michail und Darja Becker. Owzyno, 1950er Jahre.
Aus dem Familienarchiv von W. M. Zelowowa

Walentina Michailowna (geehelichte Zelowowa) arbeitete als Bibliothekarin in der Siedlung, sie nahm teil am Internationalen Jugendfestival in Moskau im Jahre 1957.

Валентина и Владимир Беккер – дети Михаила и Дарьи Беккер. Овцыно, 1950-е годы. *Из семейного архива В. М. Целововой*

Валентина Михайловна (в замужестве Целовова) работала библиотекарем в поселке, участница Всемирного фестиваля молодежи в Москве в 1957 г.

***(322)* Haus von Kemper in der ehemaligen Kolonie Friedenthal nach dem Brand.**
Stadt Puschkin, Moskauer Chaussee 16.
Zeitgenössisches Foto

Дом Кемпера в бывшей колонии Фриденталь после пожара. г. Пушкин, Московское шоссе, 16.
Современное фото

***(323)* Zeitgenössische Bebauung an der Stelle der ehemaligen Kolonie Srednaja Rogatka.** Pulkower Chaussee 3, August 2011.
Foto von P. N. Tarasenko

Современная застройка на месте бывшей Среднерогатской колонии.
Пулковское шоссе. 3 августа 2011 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(324)* Brunnen aus der Kolonie Srednaja Rogatka bei den Gittern der Kasaner Kirche.** Im Jahre 1935 in die Stadt verlegt. 14. Oktober 2013.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Einer der vier Granitbrunnen an der Straße nach Zarskoje Selo (Zarskoselskaja Doroga), erbaut im Jahre 1809 nach Plänen des Architekten J.-F. Thoma de Tomon. Ein Element des Wassersystems von Pulkowo, das die Brunnen von Pulkowo bis nach Srednaja Rogatka mit Wasser versorgte.

Фонтан из Среднерогатской колонии у решетки Казанского собора. Перенесен в город в 1935 г. 14 октября 2013 г.
Фото И. В. Черказьяновой

Один из четырех гранитных фонтанов на Царскосельской дороге, построенных по проекту архитектора Ж.-Ф. Тома де Томона в 1809 г. Элемент пулковского водовода, снабжавшего водой фонтаны от Пулково до Средней Рогатки.

***(325)* Erhaltenes Haus der Kolonie Kronstadt. Winter 2011.**
Foto von S. B. Gorbatenko

Сохранившийся дом Кронштадтской колонии. Зима 2011 г.
Фото С. Б. Горбатенко

***(326)* Alexandra Nikolaevna Tichomirowa (geb. Nagelman)**, links, im Hintergrund des Hauses, das früher ihrer Mutter Anna Nikolajewna Ludwig gehörte. Kolonie Strelna, 1957.
Aus dem Familienarchiv von A. N. Tichomirowa

Тихомирова (ур. Нагельман) Александра Николаевна (слева) на фон дома, ранее принадлежавшего ее матери Людвиг Анне Николаевне. Стрельнинская колония, 1957 г.
Из семейного архива А. Н. Тихомировой

***(327)* Erhaltenes Haus der Familie Ludwig** in der Niederen Kolonie Strelna. Mai 2010.
Foto von P. N. Tarasenko

Сохранившийся дом семьи Людвиг в Стрельнинской Нижней колонии. Май 2010 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(328)* Eine der erhaltenen Bänke**, die entlang der Straße zur Kolonie Oranienbaum standen. April 2014.
Foto von L. N. Puseikina

Одна из сохранившихся скамеек, стоявших вдоль дороги к Ораниенбаумской колонии. Апрель 2014 г.
Фото Л. Н. Пузейкиной

***(329)* Ehemaliger lutherischer Friedhof der Kolonie Strelna**, heute allgemeiner Friedhof des Dorfes Gorbunki in der Region von Leningrad. Grabplatten von verwahrlosten Gräbern von Deutschen werden für die Wegpflasterung verwendet. 2010.
Foto von P. N. Tarasenko

Бывшее лютеранское кладбище Стрельнинской колонии, ныне действующее общегражданское кладбище поселка Горбунки Ленинградской обл. Надгробные плиты с заброшенных могил немцев используются на дорожках. 2010 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(330)* Grabplatte vom zerstörten Grab von Margarita Gerlemann (geb. Vogelgesang) (10.06.1851 – 17.09.1899).** Ehemaliger lutherischer Friedhof der Kolonie Neu-Saratowka, heute allgemeiner Friedhof des Dorfes Neu-Saratowka, Region Leningrad. 17. April 2014.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Надгробная плита с утраченной могилы Маргариты Герлеман (ур. Фогельгезанг) (10.06.1851–17.09.1899). Бывшее лютеранское, ныне действующее общегражданское кладбище в поселке Новосаратовка Ленинградской обл. 17 апреля 2014 г.
Фото И. В. Черказьяновой

***(331)* Tatjana Alexandrowna Maximowa** neben in der Erde entdeckten Grabsteinresten des deutschen Friedhofs der Kolonie Graschdanka. Eine der Inschriften war Adam Bitsch gewidmet (1855–1921). Sankt Petersburg, 29. April 1997.
Leihgabe von S. E. Gleserow

Татьяна Александровна Максимова возле обнаруженных в земле надгробных камней с немецкого кладбища колонии Гражданка. Одна из эпитафий была посвящена Адаму Бичу (1855–1921). Санкт-Петербург, 29 апреля 1997 г.
Предоставил С. Е. Глезеров

***(332)* Informationsstand zu Ehren der Gründung der Siedlung Neudorf bei der Einfahrt in das Dorf. Mai 2010.**

Foto von P. N. Tarasenko

Die Ansiedlung wurde am 5. November 1996 gegründet und errichtet aus den Mitteln der Russischen Föderation, der Bundesrepublik Deutschland und des Landes Baden-Württemberg.

Информационный стенд в честь основания поселения Нойдорф у въезда в поселок. Май 2010 г.

Фото П. Н. Тарасенко

Поселок заложен 5 ноября 1996 г., выстроен на средства Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и земли Баден-Вюртемберг.

***(333)* Straße in Neudorf. Juli 2010.**
Foto von P. N. Tarasenko

Улица в поселке Нойдорф. Июль 2010 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(334)* Eines der Sommerhäuser des Dorfes, erbaut für eine deutsche Familie.**
Neudorf, Mai 2010.
Foto von P. N. Tarasenko

Один из коттеджей поселка, построенный для немецкой семьи.
Нойдорф, май 2010 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(335)* Bewohner von Neudorf. Juli 2010.**

Foto von P. N. Tarasenko

In der ersten Reihe (von links nach rechts): Arthur Kuhlmann, Anastasia Tschagina, Anna Elisarowa, Daniil Kuhlmann, Anatolii Elisarow; in der zweiten Reihe: Valentina Becker, Stanislaw Gankewitsch, Viktor Becker, Lew Berg, Tatjana Berg, Olga Frei, Katharina Berg, Ljubow Rau.

Жители Нойдорфа. Июль 2010 г.

Фото П. Н. Тарасенко

В первом ряду (слева направо): Артур Кульман, Анастасия Чагина, Анна Елизарова, Даниил Кульман, Анатолий Елизаров; во втором ряду: Валентина Беккер, Станислав Ганкевич, Виктор Беккер, Лев Берг, Татьяна Берг, Ольга Фрай, Екатерина Берг, Любовь Рау.

***(336)* Kinder des Dorfes Neudorf. Juli 2010.**

Foto von P. N. Tarasenko

Von links nach rechts: Evelina Schwalowa, Anastasia Tschagina, Arthur Kuhlmann, Anatolii Elisarow, Anna Elisarowa, Daniil Kuhlmann, Maxim Weiß, Eduard Frei, Egor Wingert, Nikita Babitschew.

Дети поселка Нойдорф. Июль 2010 г.

Фото П. Н. Тарасенко

Слева направо: Эвелина Швалова, Анастасия Чагина, Артур Кульман, Анатолий Елизаров, Анна Елизарова, Даниил Кульман, Максим Вайс, Эдуард Фрай, Егор Вингерт, Никита Бабичев.

***(337)* Familie Berg**. Von links nach rechts: Lew Arturowitsch, Tochter Katharina, Schwager Albert, Ehefrau Tatjana. Neudorf, Juli 2010.
Foto von P. N. Tarasenko

Семья Берг. Слева направо: Лев Артурович, дочь Екатерина, зять Альберт, жена Татьяна. Нойдорф, июль 2010 г.
Фото П. Н. Тарасенко

***(338)* Im Hause der Ageews.** Neudorf, 2005. Der zweite links Lew Berg, Vorsitzender des Dorfgemeinderates, im Zentrum Pastor Zirold aus der Petrikirche.
Leihgabe von L. A. Berg

В доме Агеевых. Нойдорф, 2005 г. Слева второй Лев Берг, председатель общественного совета поселка, в центре – пастор из Петрикирхе Цирольд.
Предоставил Л. А. Берг

***(339)* Bewohner von Neudorf an einem Freiwilligensamstag (Subbotnik) im April. 2005.**
Leihgabe von L. A. Berg

Жители Нойдорфа на апрельском субботнике. 2005 г.
Предоставил Л. А. Берг

***(340)* Auftritt des Ensembles „Der Folklorewagen“** aus Petrosawodsk zur Feier des Oktoberfestes in Neudorf. 2012.
Aus dem Archiv des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums

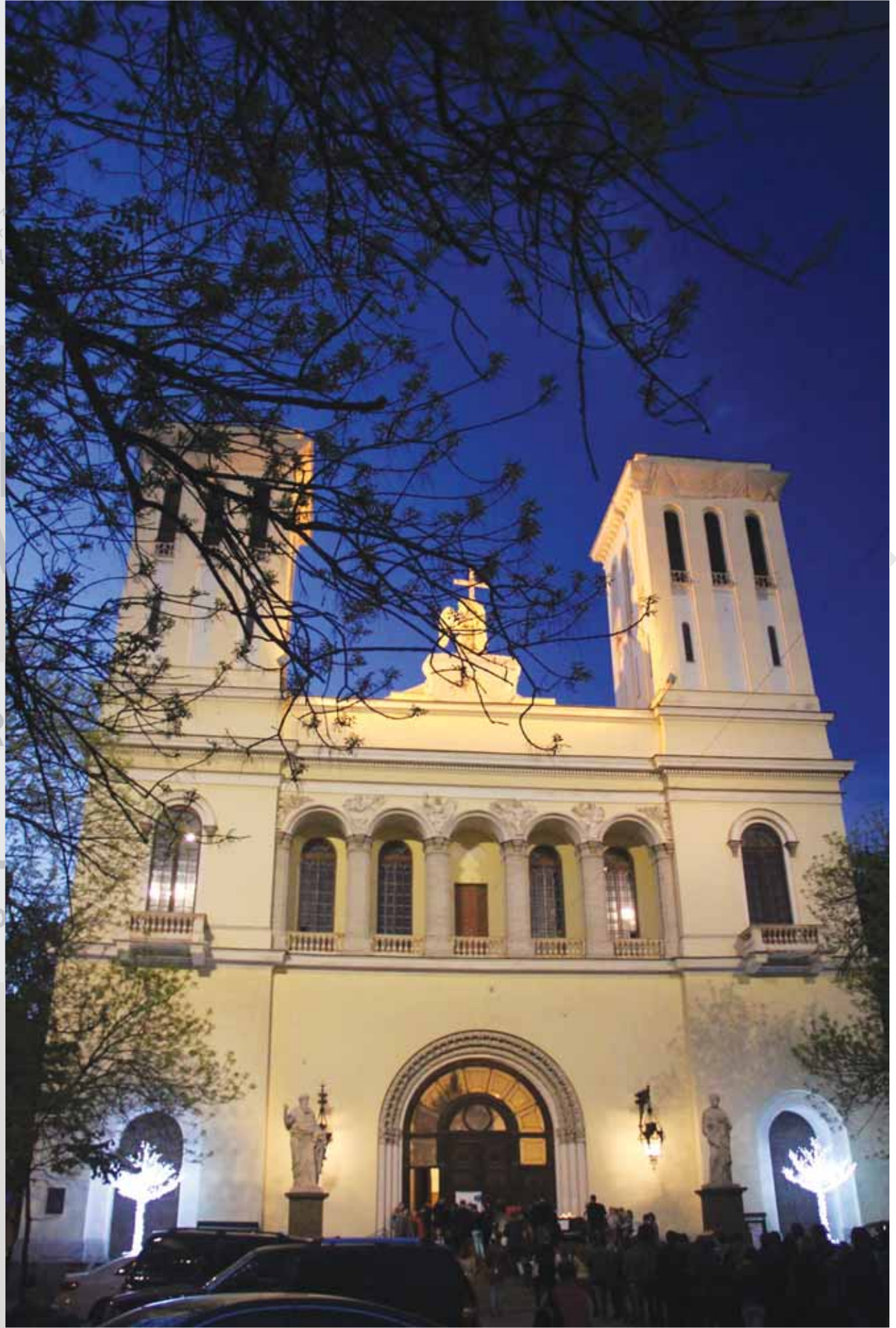
Выступление ансамбля «Фольклорная тележка» из Петрозаводска на праздновании Октоберфеста в Нойдорфе. 2012 г.
Из архива РНЦВ

13/ IN DER GEGENWART: BEWAHRUNG DES KULTURERBES DER KOLONISTEN

СОВРЕМЕННОСТЬ: СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОЛОНИСТОВ

Das Unterrichts- und Kulturzentrum für Russendeutsche ist eine Stiftung zur Unterstützung und Förderung der russisch-deutschen Beziehungen „Deutsch-Russisches Begegnungszentrum“, gegründet im Jahre 1993. Es wirkt seit zwanzig Jahren und leitet die Arbeiten zur Bewahrung des kulturellen Erbes, der Sprache und Geschichte der Deutschen von Sankt Petersburg und der Nordwest-Region Russlands. Die Programme des Zentrums erfreuen sich großer Beliebtheit unter allen Altersgruppen der Nachfahren der deutschstämmigen Stadtbewohner, der Siedler und der Umgesiedelten aus anderen Regionen des postsowjetischen Raumes. Unter dem Vorsitz der Stiftung wirken die Deutsche Gesellschaft von Sankt Petersburg und die Gesellschaft der deutschen Kultur.

Культурно-образовательный центр для российских немцев – Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч», созданный в 1993 г., на протяжении 20 лет возглавляет работу по сохранению культурного наследия, языка, истории немцев Санкт-Петербурга и Северо-западного региона России. Программы центра пользуются популярностью среди потомков городских немцев и колонистов, переселенцев из других регионов постсоветского пространства всех возрастов. Под патронажем Фонда ведут свою деятельность Немецкое общество Санкт-Петербурга и Общество немецкой культуры.



***(341)* Die Petrikirche in der Nacht der Museen. 17. Mai 2014.** *Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums*
An der deutschen lutherischen Kirche der Heiligen Peter und Paul Petrikirche am Newski-Prospekt arbeitet seit 1993 das Deutsch-Russisches Begegnungszentrum. In der Nacht der Museen des Jahres 2014 wurden 9300 Besucher gezählt, die dort an verschiedenen Programmen teilgenommen haben.

Петрикирхе в Ночь музеев. 17 мая 2014 г.
Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ
При немецкой лютеранской церкви св. Петра и Павла (Петрикирхе) на Невском проспекте с 1993 г. работает Русско-немецкий центр встреч. В Ночь музеев 2014 года было принято 9300 посетителей, принявших участие в различных программах.

***(342)* Tag der Muttersprache des Jahres 2014**. Präsentation des Buches von L. N. Puseikina „Deutsche des Gouvernements von Petersburg. Geschichte, Sprache, Lieder". Autorin des Buches (zweite von links) mit Teilnehmern des Ensembles des deutschen Liedes „Lorelei".
Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums.

День родного языка 2014 года. Презентация книги Л. Н. Пузейкиной «Немцы Петербургской губернии. История, язык, песни». Автор книги (вторая слева) с участниками ансамбля немецкой песни «Лорелея».
Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ

***(343)* Tag der Muttersprache des Jahres 2014.** Präsentation des Buches von E. E. Mühtel „An Gottes Hand".
Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums
Edith Emilewna Mühtel, Tochter des Pastors und Lehrers E. Pfeifer, der in den 1920er Jahren in den Kolonien von Neu-Saratowka und Owzyno gewirkt hat. Die Präsentation leitete Irena Bijagowa, Leiterin der Bildungs- und Kulturprogramme des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums.

День родного языка 2013 года. Презентация книги Э. Э. Мютель «An Gottes Hand».
Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ
Эдит Эмильевна Мютель, дочь пастора и учителя Э. Пфейфера, служившего в 1920-е годы в колониях Новосаратовка и Овцыно. Презентацию ведет Ирена Биягова, руководитель образовательных и культурных проектов Русско-немецкого центра встреч.

***(344)* Das Ensemble des deutschen Liedes „Lorelei“. 2010.**

Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Das Ensemble wurde im Jahre 2003 gegründet. Die Leiterin N. P. Uralskaja (links am Rande), Nachkomme der Strelnaer Kolonisten Kraubner. Im Repertoire des Ensembles stehen alte deutsche Lieder, Balladen und das volkstümliche Erbe der deutschen Kolonien von Sankt Petersburg, vertonte Gedichte und Melodien großer deutscher Komponisten und Dichter, romantische Musik aus dem Deutschland des 20. Jahrhunderts.

Ансамбль немецкой песни «Лорелея». 2010 г.

Из архива РНЦВ

Ансамбль создан в 2003 г. Руководитель Н. П. Уральская (крайняя слева), потомок стрельнинских колонистов Краубнер. В его репертуаре – старинные немецкие песни, баллады и фольклорное наследие немцев колоний Санкт-Петербурга, песни на стихи и музыку великих немецких композиторов и поэтов, романтическая музыка Германии XX в.

***(345)* Ausstellung „Die Deutschen der Strelnaer Kolonie bei Sankt Petersburg (200 Jahre seit der Gründung)“ im Konstantinschloss.**

Strelna. 27. Oktober 2010.

Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Die Wanderbildungsausstellung, die dem zweihundertjährigen Bestehen der Strelnaer Kolonie gewidmet ist, erweist sich als ein Bestandteil des komplexen Programmes bezüglich der Erforschung der deutschen Kolonien bei Petersburg. In der gegenwärtigen Zeit wird sie im Kirchensaal der Petrikirche exponiert.

Выставка «Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается)» в Константиновском дворце.

Стрельна. 27 октября 2010 г.

Фото И. В. Черказьяновой

Передвижная образовательная выставка, посвященная 200-летию Стрельнинской колонии, является составной частью комплексной программы по исследованию немецких колоний под Петербургом. В настоящее время экспонируется в церковном зале Петрикирхе.

(346) Grusswort von W. W. Snamenow,
dem Ehrenprasidenten des Nationalpark-Museumskomplexes „Peterhof“ bei der Einweihung des Denkmals für die Gründer der Strelnaer Kolonie und ihre ersten Ansiedler. 25. September 2010.
Foto von I. W. Tscherkasjanowa

Das Denkmal wurde auf dem Zivilfriedhof im Dorf Gorbunki des Bezirks Lomonosow, dem ehemaligen lutherischen Friedhof der Kolonisten von Strelna aufgestellt. Die feierliche Veranstaltung wurde von der Direktorin des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums Arina Alexandrowna Nemkowa (auf dem Foto rechts) geleitet.

Выступление В. В. Знаменова, почетного президента музея-заповедника «Петергоф» на открытии памятника основателям и первым переселенцам Стрельнинской колонии. 25 сентября 2010 г.
Фото И. В. Черказьяновой

Памятник установлен на гражданском кладбище в деревне Горбунки Ломоносовского района, бывшем лютеранском кладбище стрельнинских колонистов. Торжественное мероприятие вела директор Русско-немецкого центра встреч Арина Александровна Немкова (на фото справа).

***(347)* Abend der Personen mit gleichem Familiennamen, Name „Pahl“. 28. Oktober 2006.**
Foto von I. P. Preis. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Die Treffen der Gleichnamigen werden seit dem Jahre 2006 vom Mitarbeiter des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums Iwan Petrowitsch Preis durchgeführt. Sie helfen, verwandtschaftliche Verbindungen zwischen den Trägern eines gleichen Familiennamens herauszufinden.

Вечер однофамильцев Паль. 28 октября 2006 г.
Фото И. П. Прайса. Из архива РНЦВ

Встречи однофамильцев проводит с 2006 г. сотрудник РНЦВ Иван Петрович Прайс. Они помогают выявить родственные связи носителей одной фамилии.

***(348)* Präsentation des Buches „Leningrader Deutsche: Schicksale der Kriegsgenerationen“ im Museum für Politische Geschichte. 27. März 2012.**

Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Während der Vorstellung des Buches fand ein Runder Tisch statt, bezüglich der Probleme der Deportation der deutschen Bevölkerung aus dem belagerten Leningrad und den Vorstädten. An der Diskussion nahmen teil: Dr. hist. W. I. Musajew (Institut für Geschichte der Russischen Akademie der Wissenschaften Sankt Petersburg), A. J. Rasumow (Leiter des Zentrums „Zurückgegebene Namen“ in der Russischen Nationalbibliothek), N. I. Simonowa, Leiterin der Bibliothek‚Inge‘ im Dorf Strelna, Autor des Buches I. W. Tscherkasjanowa. Das Buch wurde mit dem Georg-Dehio-Kulturpreis ausgezeichnet, der vom Deutschen Kulturforum für Osteuropa vergeben wird.

Презентация книги «Ленинградские немцы: судьбы военных поколений» в Музее политической истории. 27 марта 2012 г.

Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ

Во время представления книги состоялся круглый стол по проблемам депортации немецкого населения из блокадного Ленинграда и пригородов. В дискуссии приняли участие: доктор исторических наук В.И. Мусаев (Санкт-Петербургский Институт истории РАН), А.Я. Разумов (руководитель Центра «Возвращенные имена» в РНБ), Н.И. Симонова, заведующая библиотекой им. Инге в поселке Стрельна, автор книги И.В. Черказьянова. Книга удостоена почетной премии по культуре им. Георга Дехио, учрежденной Немецким Культурным форумом Восточной Европы.

***(349)* Überreichung des Internationalen Georg-Dehio-Kulturpreises im Jahre 2013.**
Berlin. 7. Oktober 2013.
Foto von W. G. Tscherkasjanow

Von links nach rechts: Vertreterin des Beauftragten der Bundesregierung für Kultur und Medien, Frau Sabine Derer; Dr. Prof. Eva Chojecka, Universität Kattowitz (Polen); Dr. Irina Tscherkasjanowa (Russland); Dr. Harald Roth, Direktor des Kulturforums.

Вручение международной премии по культуре им. Георга Дехио 2013 года.
Берлин. 17 октября 2013 г.
Фото В. Г. Черказьянова

Слева направо: представитель Уполномоченного Федерального правительства по делам культуры и СМИ г-жа Сабина Дерер, доктор, профессор университета в Катовице Ева Хоецка (Польша), доктор исторических наук Ирина Черказьянова (Россия), доктор Гаральд Рот, директор Культурного форума.

***(350)* Ausstellung „Deportation der Leningrader Deutschen: vorher und nachher“** in der Petrikirche, Nacht der Museen. 18. Mai 2014.
Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Выставка «Депортация ленинградских немцев: до и после» в Петрикирхе во время Ночи музеев. 18 мая 2014 г.
Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ

***(351)* Nachkommen der Petersburger Kolonisten am Tag des Gedenkens der Deutschen Russlands** auf dem Gedenkfriedhof von Lewaschowo. 28. August 2013. *Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums*

Gedenkzeichen „Den Deutschen Russlands", das Kreuz für die gefallenen Russlanddeutschen wurde im Jahre 1998 enthüllt durch die Initiative der Deutschen Gesellschaft von Sankt Petersburg und des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums. Initiator des Projekts war Witold Muratow. Im Jahre 2010 wurde das Denkmal restauriert.

Потомки петербургских колонистов в День памяти немцев России на мемориальном Левашовском кладбище. 28 августа 2013 г. *Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ*

Памятный знак «Немцам России» – крест погибшим российским немцам открыт в 1998 г. по инициативе Немецкого общества Санкт-Петербурга и Русско-немецкого центра встреч. Автор проекта – Витольд Муратов. В 2010 г. памятник обновлен.

***(352)* Runder Tisch „Ethnische Unterdrückungen" im Deutschen Zentrum**. Unter der Beteiligung von Professor, Dr. der technischen Wissenschaften G. W. Parantajew. 22. April 2010. *Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums*

Круглый стол «Этнические репрессии» в Немецком центре. Выступает профессор, доктор технических наук Г. В. Парантаев. 22 апреля 2010 г. *Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ*

***(353)* Treffen der Mitglieder des Seniorenklubs der Deutschen Belagerungsopfer „Raduschie“ zusammen mit dem Jugendklub** anläßlich der 70-Jahr-Feier der völligen Befreiung Leningrads von der faschistischen Belagerung.
31. Januar 2014.
Foto von A. A. Nemkowa. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Встреча членов клуба немцев-блокадников «Радушие» с молодежным клубом по поводу 70-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 31 января 2014 г. *Фото А. А. Немковой. Из архива РНЦВ*

***(354)* Festkonzert zum 20-jährigen Bestehen des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums** im Saal der Petrikirche. Auftritt der Kindergruppe Fröbel-Klub.
Foto von P. N. Tarasenko. Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Праздничный концерт к 20-летию Русско-немецкого центра встреч в зале Петрикирхе. Выступление детской группы Фрёбель-клуба.
Фото П. Н. Тарасенко. Из архива РНЦВ

***(355)* Auftritt des Ensembles „Deutsche Sloboda“ unter der Leitung von O. P. Schneider** zu Ehren des 20-jährigen Bestehens des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums. 20. Oktober 2013.
Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Выступление ансамбля «Немецкая слобода» под руководством О. П. Шнайдер в честь 20-летия Русско-немецкого центра встреч. 20 октября 2013 г.
Из архива РНЦВ

***(356)* Oktoberfest**, Fest des Bieres im Jahr des 20-jährigen Bestehens des Russisch-Deutschen Begegnungszentrums. A. A. Nemkowa verteilt Geschenke. 20. Oktober 2013.
Aus dem Archiv des Deutsch-Russisches Begegnungszentrums

Октоберфест – праздник пива в год 20-летия Русско-немецкого центра встреч. Подарки раздает А.А. Немкова. 20 октября 2013 г.
Из архива РНЦВ

ANHANG

DIE INNERE ORDNUNG DER DEUTSCHEN KOLONIEN UM PETERSBURG BETREFFENDE DOKUMENTE AUS DER „VOLLSTÄNDIGEN SAMMLUNG DER GESETZE DES RUSSISCHEN KAISERREICHS“

22. Juli 1763 – Manifest „Über die Bewilligung für alle nach Russland einreisenden Ausländer, sich in den von ihnen gewünschten Gouvernements anzusiedeln und über die ihnen gewährten Rechte“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 16. № 11880. S. 313–316).

30. April 1764 – Allerhöchst bestätigter Bericht des Präsidenten der Vormundschaftskanzlei für Ausländer „Über die Ernennung eines Kommissars in Oranienbaum zum Empfang und Unterhalt der auf dem Seewege über Kronstadt, zwecks Ansiedlung in Russland, einreisenden Ausländer“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 16. № 12146. S. 731–732).

1. November 1765 – Allerhöchst bestätigter Bericht des Präsidenten der Vormundschaftskanzlei für Ausländer, Graf Orlow „Über die Ansiedlung von Ausländern auf Privatgrund in Ingermanland zu den Bedingungen der Miteigentümer“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 17. № 12503. S. 373–377).

23. Juli 1769 – Namentlicher Erlass „Über die am Newa-Ufer gegenüber der Rybnaja Sloboda angesiedelten Kolonisten“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 18. № 13325. S. 927).

12. März 1779 – Namentlicher Erlass, erteilt an Generalmajor Kaschkin „Über die Zahlung halbierter Abgaben anstelle der vertraglich mit ihnen vereinbarten Beträge durch die in Saratowka und an der Zarskoselsker Landstraße angesiedelten Kolonisten sowie eines Viertels durch diejenigen in Ishora; über die Erhebung von Abgaben von den Bauern in Rybnaja Sloboda in der gleichen Höhe wie in Zarskoje Selo und über die Überschreibung der Zarskoje Selo zugeschriebenen Bauern an die höfischen Dörfer“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 20. № 14854. S. 805 – 806).

17. August 1793 – Namentlicher Erlass, erteilt an den St. Petersburger Vizegouverneur „Über die Übersiedlung von 270 Kolonistenseelen aus dem Jamburger Landkreis ins Jekaterinoslawsker Gouvernement;

über die Vergrößerung des Ackerlandes für die im genannten Landkreis zurückbleibenden Kolonisten; über die Gewährung für fünf Jahre geltender Ermäßigungen an diese und über ihre Angleichung bei der Bezahlung von Abgaben an jene der Ishorsker Kolonisten nach Ablauf dieser Zeit“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 23. № 17 147. S. 454).

20. Juni 1797 – Allerhöchst bestätigter Bericht der Expedition für staatlichen Haushalt, Ausländer-Vormundschaft und dörfliche Wirtschaft „Über die Abgaben der Sanktpetersburger Kolonisten; über die Zuteilung von Land an sie, für jede Gruppe von 30 Zehnerschaften; über die landwirtschaftliche praktische Lehranstalt für die Ansiedler, über die Schaffung künstlicher Wiesen und die Nichtübersiedlung von Kolonisten in andere Gouvernements“ (VSG. 1.Sammlung. Bd. 24. № 18006. S. 666–669).

10. Oktober 1799 – Allerhöchste Resolution zum Bericht des Senats „Über die Erhebung von Landgeldern von den Srednerogatker Kolonisten, über den Wechsel von Kolonisten und ihren Kindern in die Kaufmannsschaft und den Kleinbürgerstand; über die ihnen auferlegten Abgaben; über den Anschluss der praktischen Landwirtschaftsschule und des Ziegelwerks an die Behörde des Lehen-Departements und über die Auferlegung der Gewährleistung von Land für Einzelhöfe und deren Übersiedlung an andere Orte durch das Departement des Vermessungs-Senats“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 25. № 19146. S. 807 – 809).

16. Juni 1803 – Instruktion zur inneren Ordnung und Verwaltung der Sanktpetersburger Kolonien (VSG. 1. Sammlung. Bd. 27. № 20798. S. 659 – 670).

18. Juli 1805 – Allerhöchst bestätigter Bericht des Innenministers „Über die Gleichsetzung der Sanktpetersburger Kolonien bei der Bezahlung von ausstehenden Geldern entsprechend ihres Zustands“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 28. № 21837. S. 1128 – 1132).

7. August 1809 – Allerhöchst bestätigter Bericht des Innenministers „Über die Ernennung eines Sonderinspektors für die Kolonisten des Sanktpetersburger und anderer, nördlich davon gelegenen Gouvernements“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 30. № 23 773. S. 1057)

9. Januar 1809 – Allerhöchst bestätigte Notiz des Innenministers „Über die Ansiedlung von Kolonisten auf Oranienbaumer Land“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 40. № 23440a. S. 57–58).

1.Oktober 1809 – Namentlicher, dem Senat erteilter Erlass „Über die Ansiedlung einiger Familien neu angekommener Kolonisten nahe Oranienbaum und über ihre Niederlassung auf dem Schatzmeister Kljutschinski gehörenden Land, links der Straße von Oranienbaum nach Krasnaja Gorka“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 30. № 23 885. S. 1193–1194).

12. September 1811 – Namentlicher Erlass, erteilt an den Innenminister [O.P.] Kosodawljow „Über die Umsiedlung von Kolonisten im Iswarsker Siedlungsabschnitt des Zarskoselsker Landkreises an andere bessere Orte“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 31. № 24 766. S. 836–837).

28. Mai 1819 – Namentlicher Erlass, dem Innenminister verkündet vom Minister für geistliche Angelegenheiten und Volksaufklärung Fürst Golizyn „Über die Ansiedlung von Berger Übersiedlern nahe Zarskoje Selo“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 34. № 27818. S. 210–211).

2. Febraur 1820 – Namentlicher Erlass, dem Staatsrat verkündet von dessen Vorsitzendem „Über Maßnahmen zur Einforderung von rückzahlbaren und nicht rückzahlbaren Schulden der St. Petersburger Kolonisten“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 37. № 28124. S. 38–39).

24. April 1820 – Namentlicher Erlass, dem Senat verkündet vom Leiter des Innenministeriums „Über die Bezahlung von Schulden und Grundsteuern durch die Sanktpetersburger Kolonisten“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 37. № 28252. S. 180).

23. August 1821 – Allerhöchst bestätigte Vorlage des Ministerkomitees „Über den Beitritt der Peterhofer, Oranienbaumer und Kronstädter Kolonisten evangelischer Konfession zur Oranienbaumer Gemeinde und über die jährliche Auszahlung von Summen an die evangelische Kirche von Strelna durch die Staatskasse“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 37. № 28 730. S. 807 – 808).

17. April 1821 – Allerhöchst bestätigter Bericht des Obersten Vorgesetzten der Militärsiedlungen „Über Kolonistensiedlungen in Gebieten der Militärsiedlung“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 37. № 28610. S. 693 – 694).

13. Juli 1823 – Allerhöchst bestätigte Erklärung des Staatsrates „Über die Erhöhung der Schuldzahlungen von St. Petersburger Alt-Kolonisten in die Staatskasse“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 38. № 29 541. S. 1103–1105).

20. August 1825 – Allerhöchst bestätigter Bericht des Leiters des Innenministeriums „Über die Verpflichtungen der Zarskoselsker Kolonisten-Fabrikanten“ (VSG. 1. Sammlung. Bd. 40. № 30 459. S. 430–432).

9. Juni 1827 – Senatserlass zur Umsetzung der Allerhöchst bestätigten Vorlage des Ministerkomitees „Über die Anwendung der Regel auf die St. Petersburger Kolonisten, wonach sie betreffende Gerichtssachen von den ihnen vorgesetzten Beamten auf allgemeiner Grundlage behandelt und entschieden werden“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 2. № 1162. S. 520–522).

2. Mai 1829 – Namentlicher Erlass, dem Finanzminister verkündet vom Kriegsminister „Über die Soldzahlung in Höhe von 60 Rbl. im Jahr an die Kolonisten, die als Ackersoldaten in den Kreis Nr. 2 aufgenommen wurden“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 11. № 9129. S. 466).

9. Juni 1852 – Namentlicher Erlass, dem Senat verkündet vom Ministerium für Staatseigentum „Über die Übergabe der Koloni-

sten der Alexandrinsker Kolonie in die Zuständigkeit der Peterhofer Stadtverwaltung“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 27. № 26351. S. 395).

24. Dezember 1858 – Namentlicher Erlass, dem Senat verkündet vom Vorsitzenden des Lehen-Departements „Über von den Kolonisten der Siedlungen Gorelowo, Nikolajewskoje und Alexandrowskoje erhobene Abgaben und Verpflichtungen, die aus den ehemaligen Ackersoldaten-Kreisen des Nowgoroder Gebiets an die Lehen-Verwaltung gegangen sind“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 33. № 33 951. S. 559).

4. April 1860 – Allerhöchst bestätigte Erklärung des Staatsrates, dem Senat verkündet vom Minister für Staatseigentum „Über die Übernahme der örtlichen Verwaltung der ausländischen Siedlerkolonien durch die St. Petersburger Kammer für Staatsbesitz“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 35. № 35 660. S. 370).

2. November 1863 – Allerhöchst bestätigte Vorlage des Staatskomitees für die Ordnung des Dorfwesens, dem Senat verkündet vom Justizminister „Über die Regelung des Aufkaufs des in der Nutzung der Kolonisten von Strelna, Snamenka, Oranienbaum, Alexandrianskaja, Srednaja Rogatka und Kipen im St. Petersburger Gouvernement stehenden Landes durch seine Nutzer“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 38. № 40183. S. 149 – 150).

17. Dezember 1866 – Allerhöchst bestätigte Vorlage des Staatskomitees zur Ordnung des Dorfwesens, dem Senat verkündet vom Minister für Staatseigentum „Über die Übergabe von Kolonien ausländischer Siedler in die Zuständigkeit der für bäuerliche Fragen allgemein zuständigen Einrichtungen“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 41. № 44000. S. 408).

4/16 Juni 1871 – „Allerhöchst bestätigte Regeln zur Ansiedlung von Siedler-Eigentümern (ehemalige Kolonisten) bei der Niederlassung auf staatlichem Land in den Gouvernements St. Petersburg, Nowgorod, Samara, Saratow, Woronesh, Tschernigow, Poltawa, Jekaterinoslaw, Cherson, Taurien und dem Gebiet Bessarabien“ (VSG, 2. Sammlung. Bd. 46. № 49 705. S. 813 – 819).

1.Februar 1877 – Allerhöchst bestätigte Vorlage des Staatskomitees zur Ordnung des Dorfwesens vom 28. Februar, dem Senat verkündet durch den Gehilfen des Justizministers in Vertretung des Justizministers 2Über den Aufkauf des von ihnen genutzten Landes durch die Kolonisten der Kolonie Ischora“ (VSG. 2. Sammlung. Bd. 52. № 56 910. S. 99).

22. November 1890 – Allerhöchste Anordnung, verkündet durch den Innenminister „Über die Unterordnung der protestantischen Schulen der Kreise des St. Petersburger und des Moskauer lutheranischen Konsistoriums unter das Ministerium für Volksaufklärung“ (VSG. 3. Sammlung. Bd. 10. № 7211. S. 742–743).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ ИЗ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ», РЕГУЛИРОВАВШИЕ ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ

1763 г. 22 июля – Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 16. № 11880. С. 313–316).

1764 г. 30 апреля – Высочайше утвержденный доклад президента Канцелярии опекунства иностранных «Об определении комиссара в Ораниенбаум для приема и содержания иностранцев, приезжающих водным путем чрез Кронштадт, для поселения в России» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 16. № 12146. С. 731–732).

1765 г. 1 ноября – Высочайше утвержденный доклад президента Канцелярии опекунства иностранных графа Орлова «О поселении иностранцев в Ингерманландии на частных землях, по условиям совладельцами оных» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 17. № 12503. С. 373–377).

1769 г. 23 июля – Именной указ «О колонистах, поселенных по берегу реки Невы против Рыбной слободы» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 18. № 13325. С. 927).

1779 г. 12 марта – Именной указ, данный генерал-майору Кашкину «О платеже поселившимся в Саратовке и при Царскосельской дороге колонистам подати в половину против положенной в заключенном с ними договоре, а ижорским четвертной части; о обложении рыбно-слободских крестьян по-

датью, равною с царскосельскими, и о причислении приписных к селу Царскому крестьян к дворцовым деревням». (ПСЗ. 1-е собр. Т. 20. № 14854. С. 805–806).

1793 г. 17 августа – Именной указ, данный санктпетербургскому вице-губернатору «О переселении 270 душ колонистов из Ямбургского уезда в Екатеринославскую губернию; о прибавке пашенной земли остающимся в оном уезде колонистам; о даче им льготы на пять лет, и о сравнении их, по прошествии сего времени, в платеже податей с ижорскими колонистами» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 23. № 17 147. С. 454).

1797 г. 20 июня – Высочайше утвержденный доклад Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства «О сборах с санктпетербургских колонистов; об удовольствовании их землею на каждое тягло по 30 десятин; о заведении практического для поселян, учения земледелию; о заведении искусственных лугов и о непереселении колонистов в другие губернии». (ПСЗ. 1-е собр. Т. 24. № 18006. С. 666–669).

1799 г. 10 октября – Высочайшая резолюция на докладе Сената «О сборе поземельных денег с среднерогатских колонистов; о переходе колонистов и их детей в купечество и мещанство; о обложении их податьми; о присоединении школы практического земледелия и кирпичного завода к ведомству Департамента уделов, и о возложении на Межевой Сената департамент удовольствования однодворцев землями и переселении их в другие места». (ПСЗ. 1-е собр. Т. 25. № 19146. С. 807–809).

1803 г. 16 июня – Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санктпетербургских колониях (ПСЗ. 1-е собр. Т. 27. № 20798. С. 659–670).

1805 г. 18 июля – Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об уравнении Санктпетербургских колоний в платеже должных денег, соразмерно их состоянию» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 28. № 21837. С. 1128–1132).

1809 г. 7 августа – Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об определении особого инспектора над колонистами Санктпетербургской и других губерний, к северу лежащих» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 30. № 23 773. С. 1057)

1809 г. 9 января – Высочайше утвержденная записка министра внутренних дел «О поселении колонистов на землях ораниенбаумских» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 40. № 23440а. С. 57–58).

1809 г. 1 октября – Именной указ, данный Сенату «О поселении близ Ораниенбаума несколько семей из вновь прибывших колонистов, и о водворении их на земле, принадлежавшей казначею Ключинскому, лежащей по левую сторону дороги от Ораниенбаума к Красной горке» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 30. № 23 885. С. 1193–1194).

1811 г. 12 сентября – Именной указ, данный министру внутренних дел [О. П.] Козодавлеву «О переселении колонистов Царскосельского уезда, в Изварском обрезе поселенных, на другие удобнейшие места» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 31. № 24 766. С. 836–837).

1819 г. 28 мая – Именной указ, объявленный министру внутренних дел министром духовных дел и народного просвещения князем Голицыным «О поселении бергских переселенцев близ Царского Села» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 34. № 27818. С. 210–211).

1820 г. 2 февраля – Именной указ, объявленный Государственному совету председателем оного «О мере взыскания возвратного и безвозвратного долга С.-Петербургских колонистов» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 37. № 28 124. С. 38–39).

1820 г. 24 апреля – Именной указ, объявленный Сенату управляющим Министерства внутренних дел «О уплате Санктпетербургскими колонистами долгов и поземельной подати» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 37. № 28252. С. 180).

1821 г. 23 августа – Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О обращении колонистов евангелического исповедания петергофских, ораниенбаумских и кронштадтских к Ораниенбаумскому приходу, и о ежегодном отпуске сумм стрельнинской евангелической церкви из Государственного казначейства» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 37. № 28 730. С. 807–808).

1821 г. 17 апреля – Высочайше утвержденный доклад Главного над военными поселениями начальника «О поселении колонистов в округах военного поселения» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 37. № 28610. С. 693–694).

1823 г. 13 июля – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об увеличении с старых С.-Петербургских колонистов платежа долговых денег в казну» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 38. № 29 541. С. 1103–1105).

1825 г. 20 августа – Высочайше утвержденный доклад управляющего Министерством внутренних дел «Об обязанностях царскосельских колонистов-фабрикантов» (ПСЗ. 1-е собр. Т. 40. № 30 459. С. 430–432).

1827 г. 9 июня – Сенатский указ, с прописанием Высочайше утвержденного положения Комитета министров «О распространении на С.-Петербургских колонистов правила, чтобы относящиеся до них дела в судебных местах рассматриеваемы и решаемы были обще в чиновниками их начальства» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 2. № 1162. С. 520–522).

1829 г. 2 мая – Именной указ, объявленный военным министром министру финансов «О платеже оброка колонистам, водворенным в округе № 2 пахотных солдат по 60 руб. в год» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 11. № 9129. С. 466).

1852 г. 9 июня – Именной указ, объявленный Сенату министром государственных имуществ «О передаче колонистов

Александринской колонии в ведение Петергофского городского начальства» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 27. № 26351. С. 395).

1858 г. 24 декабря – Именной указ, объявленный Сенату председателем Департамента уделов «О податях и повинностях, взимаемых с колонистских селений: Горелово, Николаевское и Александровское, поступивших в удельное управление из бывших округов пахотных солдат Новгородской губернии» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 33. № 33 951. С. 559).

1860 г. 4 апреля – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату министром государственных имуществ «О возложении на С.-Петербургскую палату государственных имуществ местного управления колониями иностранных поселенцев С.-Петербургской губернии» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 35. № 35 660. С. 370).

1863 г. 2 ноября – Высочайше утвержденное положение Государственного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату министром юстиции «О порядке выкупа колонистами Стрельнинской, Знаменской, Ораниенбаумской, Александринской, Среднерогатской и Кипенской колоний С.-Петербурской губернии земель, состоящих в их пользовании» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 38. № 40183. С. 149–150).

1866 г. 17 декабря – Высочайше утвержденное положение Государственного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату министром государственных имуществ «О передаче колоний иностранных поселенцев в ведение общих по крестьянским делам учреждений» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 41. № 44000. С. 408).

1871 г. 4/16 июня – Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и области Бессарабской» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 46. № 49 705. С. 813–819).

1877 г. 1 февраля – Высочайше утвержденное положение Государственного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату за министра юстиции товарищем министра юстиции 28 февраля «О выкупе колонистами Ижорской колонии земли, состоящей в их пользовании» (ПСЗ. 2-е собр. Т. 52. № 56 910. С. 99).

1890 г. 22 ноября – Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел «О подчинении протестантских школ в округах С.-Петербургской и Московской лютеранских консисторий Министерству народного просвещения» (ПСЗ. 3-е собр. Т. 10. № 7211. С. 742–743).

QUELLEN- UND LITERATURVERZEICHNIS

ARCHIVE, BIBLIOTHEKS- UND MUSEUMSBESTÄNDE

1. *Russisches Historisches Staatsarchiv (RGIA)*
Bestand 383 (Das erste Departement von MGI). Bestndvrz. 29. Akt. 372, 629, 1138, 1153, 1154, 1155, 1169, 1171, 1177, 1180, 1181, 1182, 1191, 1192, 1194, 1195, 1198, 1201; Bestandverz. 31. Akt. 1140.
Bestand 485 (Pläne und Zeichnungen des Ministeriums des Kaiserhofs). Bestndvrz. 3. Akt. 547.
Bestand 821 (Departement für geistige Angelegenheiten der ausländischen Religionsausübung bei Ministerium für Innere Angelegenheiten) Bestndvrz. 133. Akt. 966.

2. *Historisches Zentralarchiv der Stadt Petersburg (ZGIA SPb)*
Bestand 191 (Adelsmarschall im Kreis Petrograd) Bestndvrz. 1. Akt. 1809.
Bestand 256 (Bauabteilung der Gouvernemensvervaltung) Bestndvrz. 3, Akt. 193; Bestndvrz. 18. Akt. 57, 177; Bestndvrz. 29. Akt. 73, 318.
Bestand 1205 (Vervaltung des Teilkreises Petrogradski). Bestndvrz.17, Akt. 4415.

3. Bundesarchiv (Koblenz, Deutschland)
Fotos №№ 137-005972; 137-005974; 137-024558; 137-005975.

4. *Russische Nationalbibliothek (RNB)*

5. *Bibliothek der Russischen Akademie der Wissenschaften*

6. *Russisches Ethnographisches Museum*
Inventarnummern 142-9, Abbildungen 4397-1; 4397-2.

7. *Staatliches Geschichts- und Heimatkundemuseum von Omsk (OSGHM)*
OMK-12387.

8. *Fotoarchiv* des *Russisch-Deutschen Begegnungszentrums an der Petrikirche Sankt-Petersburg (DRBZ)*

LITERATURVERZEICHNIS

Aisfeld A. Repatriazija na čužbinu … (repatriazija sovetskich nemcev 1946–1947 gg.) // Z archiviv VUČK-GPU-NKVD-KGB: Nauč.-dok. žurnal. № 2 (29). – Kiev, 2007. – S. 99–119.

Alfavitnyi spisok selenij, po uezdam i stanam Sankt-Peterburgskoi gubernii, sostavlennyi pri gubernskom statističeskom komitete. – St. Peterburg, 1856.

Atlas der evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. – St. Petersburg, 1855.

Atlas goroda Zarskogo Sela, s planami goroda i imperatorskich sadov i parkov / Sost. polkovnik N. Zypov. – St. Peterburg, 1858.

Bachmutskaja E. V. Nemeckie kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii. 1760-e – 1870-e gg. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. – St. Peterburg, 2003.

Bachmutskaja E. V. Nemeckie kolonisty v Rossii, in: Nemcy v Rossii / Otv. red. G. I. Smagina. – St. Peterburg, 2004. – S. 238–253.

Bachmutskaja E. V., Šrader T. A. Sankt-Peterburgskije kolonii, in: Nemcy Rossii: Enziklopedija. – Bd. 3: „P – Ja". – Moskva, 2006. – S. 382–391.

Bericht über die evangelische Anstalt Bethesda in Strelna bei St. Petersburg für das Jahr … [1909–1910]. – St. Petersburg, [1910–1911].

Byt i kultura rossijskich nemcev v musejach Sankt Peterburga: Svodnyi katalog / Otv. red. A. S. Mylnikov, T. A. Šrader. – St. Peterburg, 2003.

Čerkaz'janova I. V. Deportazija nemcev iz Leningrada i Leningradskoj oblasti // „Vyselit' s treskom". Očevidzy i issledovateli o tragedii rossijskich nemcev: Sb. nauč. statej i vospominanij / Pod red. A. A. Germana i O. Ju. Silant'jevoi. – Moskva, 2011. – S. 215–241.

Čerkaz'janova I. V. Leningradskie nemcy: sud'ba vojennych pokolenij. 1941–1955. – St. Peterburg, 2011.

Čerkaz'janova I. V. Nemeckaja kolonija v Strel'ne: obrazy prošlogo i nastojaščego // Konstantinovskije čtenija – 2010 (k 510-letiju Strel'ny): Sb. materialov nauč. konf. 27 okt. 2010 g. – St. Peterburg; Strel'na, 2010. – S. 112– 129.

Čerkaz'janova I. V. Strel'ninskaja nemeckaja kolonija pod Sankt-Peterburgom (200-letiju osnovanija posvjaščaetsja): Katalog obrazovatel'noj vystavki. – St. Peterburg, 2010.

Das hundertjährige Jubiläum der Kolonien Neusaratoffka, Srednerogatka und Ischora bei St. Petersburg. 1766–1866. – [St. Petersburg, 1869].

Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion / Ausarb. und hrsg. von der Sammlung Georg Leibbrandt. T. 1: Umgebung von Petersburg-Berlin, 1941.

Die evangelische Sommerkapelle und Kinderheim in Pargala während des Sommers … [1882 **–** 1894]. – [St. Petersburg, 1883–1895].

Dmitrijev S. V. Materialy partarchiva Instituta marksizma-leninizma pri Leningradskom obkome KPSS o nemcach (1920-e gody) // Nemcy Sibiri: istorija i kul'tura: Materialy Vseros. nauč.-prakt. konf. – Omsk, 1993. S. 62–68.

Dynina E. V. Žili Šeffery i Berči … Kolonistskij posjolok na 11-j verste // Istorija Peterburga. – 2007. – № 1 (35). – S. 28–37.

Fedoruk N. S. Nemeckije kolonii Novgorodskoj gubernii v 19 – pervoj polovine 20 v. // Nauč.-inform. bjul. „Rossijskie nemcy". – Moskva, 2011. – № 4 (68). – S. 11–15.

Geirot A. Opisanie Petergofa. – St. Peterburg, 1868.

Georgi I. I. Opisanie rossijsko-imperatorskogo stoličnogo goroda Sanktpeterburga i dostopamjatnostej v okrestnostjach onago. – St. Peterburg, 1794.

Gernet A. Nemeckaja kolonija Strelna pod S.-Peterburgom. 1810–1910. – St. Peterburg, 1910.

Gleserov S. E. Neisvestnaja Graždanka. Ljudi i sud'by. – St. Peterburg, 2008.

Gorbatenko S. B. Architektura Strelny. – St. Peterburg, 2008.

Gorbatenko S. B. Petergofskaja doroga. Istoriko-architekturnyi putevoditel'. – St. Peterburg, 2013.

Gorbatenko S. B. Problema reabilitazii kulturnogo landšafta „bol'šogo" Peterburga. Nemeckie kolonii v Strelne // Sozial'noe učastie pri rasrabotke i realisazii regional'nych programm rasvitija (teoretičeskie i praktičeskie podchody): Materialy Vseros. nauč.-prakt. konf. – Moskva, 2000. – S. 44–45.

Igoškina P. Kak my polučaem vysokie urožai ovoščej. Opyt raboty kolchosa "Rote Fane" Krasnosel'skogo rajona Leningradskoj oblasti. – Leningrad, 1940.

Is rajonov oblasti soobščaut … Svobodnye ot okkupazii rajony Leningradskoj oblasti v gody vojny Velikoi Otečestvennoi vojny. 1941–1945: Sb. dokumentov / Otv. red. A. R. Dseniskevič; otv. sost. N. Ju. Čerepenina. – St. Peterburg, 2007.

Istoria Vtoroj Mirovoj vojny. 1939–1945 gg. Bd. 4. – Moskva, 1975.

Ivanova N. I. Nemcy v Sankt-Peterburge i okrestnostjach (materialy issledovanija). – St. Peterburg, 1999.

Ivanova N. I. Nemeckie kolonii // Nemcy Sankt-Peterburgsoj gubernii 18–20 vv. – St. Peterburg, 2008. – S. 134–148.

Knjazeva E. E. Materialy RGIA po istorii sel'skich prichodov na territorii Peterburgskoj gubernii v svjasi s pereseleniem nemcev // Materialy meždunar. nauč. konf., Anapa, 26–30 sent. 1997 g. / Red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1998. – S. 63–72.

Knjazeva E. E., Solov'jova G. F. Ljuteranskie zerkvi i prichody v Rossii 18–20 vv. // Istoričeskij spravočnik. Č. 1. – St. Peterburg, 2001.

Koch E. Die deutschen Kolonien Nordrusslands. Eine siedlungswirtschaftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung: Inaugural-Dissertation. – Gera, [1932].

Kolchos-millioner. Kolchos imeni Telmana Sluzkogo rajona Leningradskoj oblasti. – Leningrad, 1939.

Kolchosnoe stroitel'stvo v Leningradskoi oblasti: Sb. statei. – [Leningrad]: Priboi, 1930.

Kolpino v starych otkrytkach / Sost. L. D. Burim. – St. Peterburg, 2012.

Kolpino. Selenie Ižorskich admiraltejskich zavodov. – St. Peterburg, 1854.

Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. – St. Petersburg, 1867.

Köppen P. Ob inorodčeskom, preimuščestvenno nemeckom naselenii Sankt-Peterburgskoj gubernii // Žurnal MVD. – 1850. – Č. 2. – S. 181–209.

Lebedeva E. Arbeitsethik und Wirtschaftsverhalten der russischen, deutschen und finnischen Bauern in der St. Petersburger Region // Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches in multiethnischen Regionen am Schwarzen Meer und an der Wolga / Hrsg.: V. Herdt, D. Neutatz. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. – S. 41–64.

Lebedeva E. V. Etnosocial'nye processy v nemeckoj i finskoj derevne Severo-Zapada v 18–19 vv. Sravnitel'nyi analiz // Rossijkie nemcy v inonacional'nom okruženii: problemy adaptacii, vzaimovlijanija, tolerantnosti: Materialy meždunar. nauč. konf., Saratov, 14–19 sent. 2004 g. / Nauč red. A. A. German. – Moskva, 2005. – S. 157–173.

Lebedeva E. V. Faktor Peterburga v ekonomičeskoj, social'noj i duchovnoj žizni podstoličnych nemeckich kolonij // Ključevye problemy rossijskich nemcev: Materialy X meždunar. nauč. konf., Moskva, 18–21 nojab. 2003 g. / Pod red. A. A. Germana. – Moskva, 2004. – S. 357–371.

Lebedeva E. V. K voprosu ob ekonomičeskom pasvitii nemeckich kolonij Sankt-Peterburgskoj gubernii (vtoraja polovina 18–19 vv.) // Rossijskie nemcy. Istoriografija i istočnikovedenie: Materialy meždunar. nauč. konf., Anapa, 4–9 sent. 1996 g. / Red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1997. – S. 158–173.

Lebedeva E. V. Obrasovanije nemeckich kolonij v Sankt-Peterburgskoj gubernii (vtoraja polovona 18 – načalo 19 v.) // Nemcy v Rossii: Peterburgskie nemcy: Sb. naučnych statej / Otv. red. G. I. Smagina. – St. Peterburg, 1999. – S. 233–245.

Lebedeva E. V. Obščina nemeckich kolonistov i rossijskoe gosudarstvo v 18–19 vv.: evoljucija vzaimootoshenij (na primere kolonij Severo-Zapada) // Rossijskoe gosudarstvo, obščestvo i etničeskie nemcy: osnovnye etapy i charakter vzaimootnošenij (18–21 vv.): Materialy meždunar. nauč. konf., Moskva, 1–3 nojab. 2006. / Pod red. A. A. Germana. – Moskva, 2007. – S. 59–71.

Lebedeva E. V. Organizacija prijoma i rasselenija nemeckich kolonistov v Sankt-Peterburgskoj gubernii v period pravlenija imperatora Aleksandra I // Migracionnyje processy sredi rossijskich nemcev: istoričeskij aspect: Materialy meždunar. nauč. konf., Anapa, 26–30 sent. 1997 g. / Red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1998. – S. 73–89.

Lebedeva E. V. Pravitel'stvennaja politika v sfere upravlenija inostrannymi poselenijami v Rossii. 1760-e – 1870-e gg. (na primiere nemeckich kolonij Sankt-Peterburgskoj gubernii) // Nemcy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanije / Otv. red. G. I. Smagina. – St. Peterburg, 2005. – S. 117–128.

Leningradskaja oblast' na Vsesojuznoi vystavke. – Leningrad, 1939.

Levašovskoje memorial'noje kladbišče / Sost., tekst A. Ja. Rasumova. – St. Peterburg, 2012.

Ljust A. Pervoje krest'janskoje sel'skochozajstvennoje obščestvo v Novgorodskoj gubernii // Vestnik Novgorodskogo zemstva. – 1901. – № 13. – S. 31–36.

Ljuteranskoe kladbišče Strel'ninskoj nemeckoj kolonii: putevoditel' / Sost. I. A. Archipčenko. – St. Peterburg, 2010.

Lomagin N. A. Neizvestnaja blokada. Kn. 1 – 2. – St. Peterburg; Moskva, 2002.

Materialy o gorodach pridvornogo vedomstva. Gorod Pavlovsk i myza Strel'no. – St. Peterburg, 1882.

Michlek V. Sluzki rayon Leningradskoj oblasti. – Leningrad, 1939.

Najdič L. E. Byt i obraz žizni nemeckich kolonistov pod Peterburgom // Nemcy v Rossii. Ljudi i sud'by / Otv. red. L. V. Slavgorodskaja. – St. Peterburg, 1998.

Neizvestnaja blokada. Leningrad. 1941–1945: Fotoal'bom / Sost. V. Nikitin. – St. Peterburg, 2009.

Nemeckaja kolonija v Novosaratovke pod Sankt-Peterburgom. Stranicy istorii 19–20 vekov. 2 izd., pererab. i dop. / Sost. S. A. Šmidt. – St. Peterburg, 2013.

Nemeckaja kolonija v Strel'ne pod Sankt-Peterburgom. Stranicy istorii 19–20 vekov / Sost. *M. W. Lewizkaja*.– St. Peterburg, 2010.

Obzor razvitija zemsko-medizinskich učreždenij v Sankt-Peterburgskoj gubernii s 1865 po 1880 g. – St. Peterburg, 1882.

Ostroumova-Lebedeva A. P. Pejzaži Pavlovska v derevjannych gravjurach. – Petrograd, 1923.

Pamjatnaja knižka Sankt-Peterburgskoj gubernii na … [1868, 1898, 1905 r.]. – SPb., [1868, 1898, 1905].

Pargolovo / Sost. P. N. – St. Peterburg, 1867.

Pauly Th. Description ethnographique des peuples de la Russie. – St. Petersburg, 1862.

Pavil'on „Leningrad i Severo-Vostok RSFSR": Putevoditel' / VSChV. – Moskva, 1939.

Pavlovsk. Očerk istorii i opisanije. 1777–1877. – St. Peterburg, 1877.

Peterburgskije dačnyje mestnosti v otnošenii ich zdorovosti. – St. Peterburg, 1881.

Početnaja kniga Vsesojuznoj sel'skochozaistvennoi vystavki. RSFSR. T. 15: Leningradskaja oblast. – Moskva, 1940.

Poljakov E. Vsevoložskij rajon Leningradskoj oblasti. – Leningrad, 1939.

Polnoje sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1 – 3-e sobr. – St. Peterburg, [1830–1916].

Putevoditel' po Petergofu, jego okrestnostjam, sadam i parkam na 1888 god / Pod red. P. P. Aleksejeva. – St. Peterburg, 1888.

Sankt-Peterburgskaja gubernija / Avtor-sostavitel' E. N. Kulagina. – St. Peterburg, 2011.

Sankt-Peterburgskoe kupečestvo i torgovo-promyšlennye predprijatija goroda k 200-letnemu jubileju stolizy. Illustrirovannyi al'manach. / Sost. A. S Šustov. – St. Peterburg, 1903.

Schrader T. Deutsche Bauerkolonien des Gouvernements Petersburg in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. – S. 133–146.

Sementkovski R. I. E. F. Kankrin, jego žisn i gosudarstvennaja dejatel'nost'. Biografičeskij očerk. – St. Peterburg, 1893.

Semjonova G. V. Nemeckaja manufaktura-kolonija Fridental' v Zarskom Sele, in: Rossija–Germanija: prostranstvo obščenija: Materialy 10 Zarskosel'skoj nauč. konf., 2004 g. – St. Peterburg, 2004. – S. 379–390.

Semjonova G. V. Zarskoje Selo: znakomoje i neznakomoje. – Moskva, 2009.

Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg, dargestellt in Gemälden mit Beschreibung von Dr. J. G. Gruber und Ch. H. Geissler. – Leipzig, 1805.

Sizenov E. P., Efimov G. A., Ivolga R. S. Podvigu tvojemu, Kolpino. – St. Peterburg, 2010.

Škarovskij M. V., Čerepenina N. Ju. Istorija Evangeličeko-Ljuteranskoj Zerkvi na Severo-Sapade Rossii (1917–1945). – St. Peterburg, 2004.

Smirnova T. M. Nazional'nost' – piterskie. nacional'nye men'šinstva Peterburga i Leningradskoj oblasti v 20 veke. – St. Peterburg, 2002.

Spisok fabrično-savodskich zavedenij Sankt-Peterburga (k planu 1914 g.). – St. Peterburg, 1914.

Spsiki naseljonnych mest Rossijskoj imperii. Sankt-Peterburgskaja gubernija: po svedenijam 1862 goda. / Red. I. Vil'son. – St. Peterburg, 1864.

Šrader T. A. Archivnyje i pečatnyje istočniki o nemcach Petrograda-Leningrada s 1917 do serediny 1930-ch godov // Rossijskije nemcy. Istoriografija i istočnikovedenije: Materialy meždunar. nauč. konf., Anapa, 4–9 sent. 1996 g. / Red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1997. – S. 165–171.

Šrader T. A. Etnokul'turnye processy v srede nemeckich kolonistov Peterburgskoj gubernii / Leningradskoj oblasti. 19–20 vv. // Etnokonfessional'naja karta Leningradskoj oblasti i sopredel'nych territorij – 2: Tretji Šegrenovskije čtenija: Sb. statei / Sost. i nauč. red. S. B. Koreneva, O. M. Fišman. – St. Peterburg, 2009. – S. 155–172.

Šrader T. A. Iz istorii nemeckich kul'turnych organisazij Petrograda-Leningrada posle 1917 g. // Nemcy v Rossii. Peterburgskie nemcy / Otv. red. G. I. Smagina. – St. Peterburg,1999. S. 443–451.

Šrader T. A. Nemcy Petrograda / Leningrada i Petrogradskoj / Leningradskoj gubernii **v** pervye gody sovetskoj vlasti // Rossijskie nemcy. Istoriografija i istočnikovedenije: Materialy meždunar. nauč. konf., Anapa, 4–9 sent. 1996 g. / Red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1997. – S. 339–405.

Šrader T. A. Poselenija nemeckich krest'jan-kolonistov v Peterburgskoj gubernii v 19 i v pervyje dva desjatiletija 20 veka // Nemcy v Rossii. Ljudi i sud'by / Otv. red. L. V. Slavgorodskaja. – St. Peterburg, 1998. – S. 81–100.

Šrader T. A. Pravovaja i kul'turnaja adaptazija nemeckich kolonistov v Peterburgskoj gubernii v poreformennoje vremja // Peterburg i gubernija: istoriko-etnografičeskie issledovanija / Sost., otv. red. N. V. Juchneva. – Leningrad, 1989. – S. 132–139.

Šrader T. A. Rezul'taty agrarnoj politiki zarskogo pravitel'stva v Peterburgskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny // Migrazionnye prozessy sredi rossijskich nemcev: istoričeskij aspekt: Materialy meždunar. nauč. konf., Anapa, 26–30 sent. 1997 g. / Red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1998. – S. 196–204.

Šrader T. A. Škol'noje obrazovanie v nemeckich kolonijach Leningradskoj gubernii v 1920-e gody // Nemcy i razvitie obrazovania v Rossii / Otv. red. G. I. Smagina. – St. Peterburg, 1998. – S. 260–267.

Šrader T. A. Sozial'no-ekonomičeskoje položenije nemeckich kolonistov Peterburgskoj gubernii (Leningradskoj oblasti) v 1920 – 1930-e gody // Nemcy Rossii v kontekste otečestvennoj istorii: obščie problemy i regional'nye osobennosti: Materialy meždunar. nauč. konf., Moskva, 17–20 sent. 1998g. / Nauč. red. I. R. Pleve, A. A. German. – Moskva, 1999. – S. 156–173.

Šrader T. A.. „Nemeckoje zasilje" i bor'ba s nim v Petrograde i gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny // Nemcy v Sankt-Peterburge (18–20 veka): Biografičeskij aspect. Vyp. 5 / Pod red. T. A. Šrader. – St. Peterburg, 2009. – S. 240–247.

Statističeskij sbornik po Sankt-Peterburgskoj gubernii. 1895 god. Vyp. 1: Sel'skoje chosajstvo i krest'jansije promysly v 1894–1895 sel'skochosajstvennom godu. – St. Peterburg, 1896.

Sysoewa N. M. Nemeckaja kolonija Ovzyno: prošloje i nastojaščeje // Nemcy v Sankt-Peterburge (18–20 veka): Biografičeskij aspect. Vyp. 3 / Otv. red. T. A. Šrader. – St. Peterburg, 2005. – S. 289–308.

Terechin S. O. Poselenija nemcev v Rossii. Architekturnyi fenomen. – Saratov, 1999.

Vasiljev L. Oranienbaumski rajon Leningradskoj oblasti. – Leningrad, 1939.

Veresov K. Ordena Lenina kolchos imeni Obkoma MOPR Krasnosel'skogo rajona Leningradskoj oblasti. – Leningrad, 1940.

Ves' Peterburg. Adresnaja i spravočnaja kniga na 1902 god. – St. Peterburg, 1902.

Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda: obščie itogi: Sb. dokumentov i materialov. – Moskva, 2007.

Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda: osnovnye itogi. – Moskva, 1992.

ELEKTRONISCHE QUELLEN

http://ligovo-spb.ru
http://oldsp.ru
http://territa.ru
http://visz.nlr.ru
http://vvv.memorial.krsk.ru
http://vvv.tsarselo.ru

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ, БИБЛИОТЕЧНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ ФОНДЫ

1. Российский государственный исторический архив
Ф. 383 (Первый департамент МГИ). Оп. 29. Д. 372, 629, 1138, 1153, 1154, 1155, 1169, 1171, 1177, 1180, 1181, 1182, 1191, 1192, 1194, 1195, 1198, 1201; Оп. 31. Д. 1140.
Ф. 485 (Планы и чертежи Министерства императорского двора). Оп. 3. Д. 547.
Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 133. Д. 966.

2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Ф. 192 (Петроградский уездный предводитель дворянства). Оп. 1. Д. 1809.
Ф. 256 (Строительное отделение Петроградского губернского правления). Оп. 3. Д. 193; Оп. 18. Д. 57, 177; Оп. 29. Д. 73, 318.
Ф. 1205 (Управление Петроградского удельного округа). Оп. 17. Д. 4415.

3. Бундесархив (Кобленц, Германия)
Фото №№ 137-005972; 137-005974; 137-024558; 137-005975.

4. Российская национальная библиотека

5. Библиотека Российской академии наук

6. Российский этнографический музей
Инв. № 142-9, ил.; 4397-1; 4397-2.

7. Омский государственный историко-краеведческий музей.
ОМК-12387.

8. Фотоархив Русско-немецкого центра встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга

13/

ЛИТЕРАТУРА

Айсфельд А. Репатриация на чужбину… (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: Науч.-док. журнал. – № 2 (29). – Киев, 2007. – С. 99–119.

Алфавитный список селений, по уездам и станам Санкт-Петербургской губернии, составленный при губернском статистическом комитете. – СПб., 1856.

Атлас города Царского Села, с планами города и императорских садов и парков / Сост. полковник Н. Цылов. – СПб., 1858.

Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2003.

Бахмутская Е. В. Немецкие колонисты в России // Немцы в России / Отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 2004. – С. 238–253.

Бахмутская Е. В., Шрадер Т. А. Санкт-Петербургские колонии // Немцы России: Энциклопедия. – Т. 3: «П–Я». – М., 2006. – С. 382–391.

Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга: Сводный каталог / Отв. ред. А. С. Мыльников, Т. А. Шрадер. – СПб., 2003.

Васильев Л. Ораниенбаумский район Ленинградской области. – Л., 1939.

Вересов К. Ордена Ленина колхоз имени Обкома МОПР Красносельского района Ленинградской области. – Л., 1940.

Весь Петербург. Адресная и справочная книга на 1902 год. – СПб., 1902.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: Сб. документов и материалов. – М., 2007.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. – М., 1992.

Гейрот А. Описание Петергофа. – СПб., 1868.

Георги И. И. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. – СПб., 1794.

Гернет А. Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1910. – СПб., 1910.

Глезеров С. Е. Неизвестная Гражданка. Люди и судьбы. – СПб., 2008.

Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. – СПб., 2008.

Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. – СПб., 2013.

Горбатенко С. Б. Проблема реабилитации культурного ландшафта «большого» Петербурга. Немецкие колонии в Стрельне // Социальное участие при разработке и реализации региональных программ развития (теоретические и практические подходы): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2000. – С. 44–55.

Дмитриев С. В. Материалы партархива Института марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме КПСС о немцах (1920-е годы) // Немцы Сибири: история и культура: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993. – С. 62–68.

Дынина Е. В. Жили Шефферы и Берчи… Колонистский поселок на 11-й версте // История Петербурга. – 2007. – № 1 (35). – С. 28–37.

Иванова Н. И. Немецкие колонии // Немцы Санкт-Петербургской губернии XVIII–XX вв. – СПб., 2008. – С. 134–148.

Иванова Н. И. Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях (материалы исследования). – СПб., 1999.

Игошкина П. Как мы получаем высокий урожай овощей. Опыт работы колхоза «Роте Фане» Красносельского района Ленинградской области. – Л., 1940.

Из районов области сообщают… Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы войны Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. документов / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – СПб., 2007.

История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 4. – М., 1975.

Князева Е. Е. Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев // Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1998. – С. 63–72.

Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв.: Исторический справочник. Ч. 1. – СПб., 2001.

Колпино в старых открытках / Сост. Л. Д. Бурим. – СПб., 2012.

Колпино. Селение Ижорских адмиралтейских заводов. – СПб., 1854.

Колхоз-миллионер. Колхоз имени Тельмана Слуцкого района Ленинградской области. – Л., 1939.

Колхозное строительство в Ленинградской области: Сб. статей. – [Л.]: Прибой, 1930.

Лебедева Е. В. К вопросу об экономическом развитии немецких колоний Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII–XIX вв.) // Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1997. – С. 158–173.

Лебедева Е. В. Организация приема и расселения немецких колонистов в Санкт-Петербургской губернии в период правления императора Александра I // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1998. – С. 73–89.

Лебедева Е. В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. науч. статей / Отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 1999. – С. 233–245.

Лебедева Е. В. Община немецких колонистов и российское государство в XVIII–XIX вв.: эволюция взаимоотношений (на примере колоний Северо-Запада) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI междунар. науч. конф., Москва, 1–3 нояб. 2006 г. / Под ред. А. А. Германа. – М., 2007. – С. 59–71.

Лебедева Е. В. Правительственная политика в сфере управления иностранными поселениями в России. 1760-е – 1870-е гг. (на примере немецких колоний Санкт-Петербургской губернии) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование / Отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 2005. – С. 117–128.

Лебедева Е. В. Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X междунар. науч. конф., Москва, 18–21 нояб. 2003 г. / Под ред. А. А. Германа. – М., 2004. – С. 357–371.

Лебедева Е. В. Этносоциальные процессы в немецкой и финской деревне Северо-Запада в XVIII–XIX вв.: сравнительный анализ // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф., Саратов, 14–19 сент. 2004 г. / Науч. ред. А. А. Герман. – М., 2005. – С. 157–173.

Левашовское мемориальное кладбище / Сост., текст А. Я. Разумова. – СПб., 2012.

Ленинградская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. – Л., 1939.

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1–2. – СПб.; М., 2002.

Люст А. Первое крестьянское сельскохозяйственное общество в Новгородской губернии // Вестник Новгородского земства. – 1901. – № 13. – С. 31–36.

Лютеранское кладбище Стрельнинской немецкой колонии: путеводитель / Сост. И. А. Архипченко. – СПб., 2010.

Материалы о городах придворного ведомства. Город Павловск и мыза Стрельно. – СПб., 1882.

Материалы о городах придворного ведомства. Город Петергоф. – СПб., 1882.

Михлек В. Слуцкий район Ленинградской области. – Л., 1939.

Кеппен П. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал МВД. – 1850, ч. 2. – С. 181–209.

Найдич Л. Э. Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России. Люди и судьбы / Отв. ред. Л. В. Славгородская. – СПб., 1998. – С. 101–107.

Неизвестная блокада. Ленинград. 1941–1945: Фотоальбом / Сост. В. Никитин. – СПб., 2009.

Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков / Сост. М. В. Левицкая. – СПб., 2010.

Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков. 2 изд., перераб. и доп. / Сост. С. А. Шмидт. – СПб., 2013.

Обзор развития земско-медицинских учреждений в Санкт-Петербургской губернии с 1865 по 1880 г. – СПб., 1882.

Остроумова-Лебедева А. П. Пейзажи Павловка в деревянных гравюрах. – Пг., 1923.

Павильон «Ленинград и Северо-Восток РСФСР»: Путеводитель / ВСХВ. – М., 1939.

Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877. – СПб., 1877.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на … [1868, 1898, 1905 г.]. – СПб., [1868, 1898, 1905].

Парголово / Сост. П. Н. – СПб., 1867.

Петербургские дачные местности в отношении их здоровости. – СПб., 1881.

Полное собрание законов Российской империи. 1–3-е собр. – СПб., [1830–1916].

Поляков Е. Всеволожский район Ленинградской области. – Л., 1939.

Почетная книга Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. РСФСР. Т. 15: Ленинградская область. – М., 1940.

Путеводитель по Петергофу, его окрестностям, садам и паркам на 1888 год / Под ред. П. П. Алексеева. – СПб., 1888.

Санкт-Петербургская губерния / Автор-сост. Е. Н. Кулагина. – СПб., 2011.

Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летнему юбилею столицы. Иллюстрированный альманах / Сост. А. С. Шустов. – СПб., 1903.

Семенова Г.В. Немецкая мануфактура-колония Фриденталь в Царском Селе // Россия – Германия: пространство общения: Материалы X Царскосельской науч. конф., 2004 г. – СПб., 2004. – С. 379–390.

Семенова Г. Царское Село: знакомое и незнакомое. – М., 2009.

Сементковский Р. И. Е. Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. – СПб., 1893.

Сизенов Е. П., Ефимов Г. А., Иволга Р. С. Подвигу твоему, Колпино. – СПб., 2010.

Смирнова Т. М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. – СПб., 2002.

Списки населенных мест Российской империи. Санкт-Петербургская губерния: по сведениям 1862 года / Ред. И. Вильсон. – СПб., 1864.

Список фабрично-заводских заведений Санкт-Петербурга (к плану 1914 г.). – СПб., 1914.

Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1895 год. Вып. 1: Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1894–1895 сельскохозяйственном году. – СПб., 1896.

Сысоева Н. М. Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект. Вып. 3 / Отв. ред. Т. А. Шрадер. – СПб., 2005. – С. 289–308.

Терехин С. О. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. – Саратов, 1999.

Федорук Н. С. Немецкие колонии Новгородской губернии в XIX – первой половине XX в. // Науч.-информ. бюл. «Российские немцы». – М., 2011. – № 4 (68). – С. 11–15.

Черказьянова И. В. Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. науч. статей и воспоминаний / Под ред. А. А. Германа и О. Ю. Силантьевой. – М., 2011. – С. 215–241.

Черказьянова И. В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений. 1941–1955 гг. – СПб., 2011.

Черказьянова И. В. Немецкая колония в Стрельне: образы прошлого и настоящего // Константиновские чтения – 2010 (к 510-летию Стрельны): Сб. материалов науч. конф. 27 окт. 2010 г. – СПб.; Стрельна, 2010. – С. 112–129.

Черказьянова И. В. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается): Каталог образовательной выставки. – СПб., 2010.

Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). – СПб., 2004.

Шрадер Т. А. Архивные и печатные источники о немцах Петрограда-Ленинграда с 1917 до середины 1930-х годов // Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1997. – С. 165–171.

Шрадер Т. А. Из истории немецких культурных организаций Петрограда-Ленинграда после 1917 г. // Немцы в России. Петербургские немцы / Отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб.,1999. – С. 443–451.

Шрадер Т. А. «Немецкое засилье» и борьба с ним в Петрограде и губернии в годы Первой мировой войны // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. Вып. 5 / Под ред. Т. А. Шрадер. – СПб., 2009. – С. 240–247.

Шрадер Т. А. Немцы Петрограда / Ленинграда и Петроградской / Ленинградской губернии в первые годы советской власти // Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф., Анапа, 4–9 сент. 1996 г. / Ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1997. – С. 339–405.

Шрадер Т. А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX и в первые два десятилетия XX века // Немцы в России. Люди и судьбы / Отв. ред. Л. В. Славгородская. – СПб., 1998. – С. 81–100.

Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования / Сост., отв. ред. Н. В. Юхнева. – Л., 1989. – С. 132–139.

Шрадер Т. А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 26–30 сент. 1997 г. / Ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1998. – С. 196–204.

Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е годы // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф.. Москва, 17–20 сент. 1998 г. / Науч. ред. И. Р. Плеве, А. А. Герман. – М., 1999. – С. 156–173.

Шрадер Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-е годы // Немцы и развитие образования в России / Отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 1998. – С. 260–267.

Шрадер Т. А. Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии / Ленинградской области. XIX–XX вв. // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий – 2: Третьи Шёгреновские чтения: Сб. статей / Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. – СПб., 2009. – С. 155–172.

Atlas der evangelisch-lutherischen Gemeinen in Russland. – St.-Petersburg, 1855.

Bericht über die Evangelische Anstalt Bethesda in Strelna bei St. Petersburg für das Jahr … [1909–1910]. – St. Petersburg, [1910–1911].

Das hundertjährige Jubiläum der Kolonien Nuesaratoffka, Srednerogatka und Ishora bei St. Petersburg. 1766–1866. – [СПб., 1869].

Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion / Ausgearb. und hrsg. von der Sammlung Georg Leibbrandt. T. 1: Ungebung von Petersburg. – Berlin, 1941.

Die evangelische Sommerkapelle und Kinderheim in Pargala während des Sommers … [1882–1894]. – [СПб., 1883–1895].

Koch E. Die deutschen Kolonien Nordrußlands. Eine siedlungswirtschftsgeographische und kulturhistorische Untersuchung: Inaugural-Dissertation. – Gera, [1932].

Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte der St. Petersburger Gouvernement. – St. Petersburg, 1867.

Lebedeva E. Arbeitsethik und Wirtschaftsverhalten der russen, deutschen und finnischen Bauern in der St. Petersburger Rigion // Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches in multiethnischen Regionen am Schwarzen Meer und an der Wolga / Hrsg.: V. Herdt, D. Neutatz. – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. – S. 41–64.

Pauly Th. Description ethnographique des peuples de la Russie. – SPb., 1862.

Schrader T. Die deutschen Bauerkolonien des Gouvernements Petersburg in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. – S. 133–146.

Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg, dargestellt in Gemählden mit Beschreibung von Dr. J. G. Gruber und Ch. H. Geissler. – Leipzig, 1805.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

http://ligovo-spb.ru
http://oldsp.ru
http://territa.ru
http://visz.nlr.ru
http://www.memorial.krsk.ru
http://www.tsarselo.ru

ABKÜRZUNGSVERZEICHNIS

ВАК	– Besserungsarbeitskolonie
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
BMB	– Bau- und Montagebetrieb
СМУ	– строительно-монтажное управление
BRAW	– Bibliothek der Russischen Akademie der Wissenschaften
БАН	– Библиотека Российской академии наук
DRBZ	– Russisch-Deutsches Begegnungszentrum
РНЦВ	– Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга
GKO (SKV)	– Staatskomitee für Verteidigung
ГКО	– Государственный комитет обороны
GmbH	– Gesellschaft mit beschränkter Haftung
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
GSLA	– Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung
ВСХВ	– Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
IRH	– Internationale Rote Hilfe
МОПР	– Международная организация помощи борцам революции
KW	– Kraftwerk
ГЭС	– гидроэлектростанция
MTS	– Maschinen- und Traktoren-Station
МТС	– машинно-тракторная станция
NKWD	– Volkskommissariat für Innere Angelegenheiten
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел

OSGHM – Staatliches Geschichts- und Heimatkundemuseum von Omsk
ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей

PFL – Prüfungsfiltrationslagern
ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь

PFP – Prüfungsfiltrationspunk
ПФП – проверочно-фильтрационный пункт

REM – Russisches Ethnographisches Museum
РЭМ – Российский этнографический музей

RGADA – Russisches Staatsarchiv für alte Dokumente
РГАДА – Российский государственный архив древних актов

RGIA – Russisches Historisches Staatsarchiv
РГИА – Российский государственный исторический архив

RNB – Russische Nationalbibliothek
РНБ – Российская национальная библиотека

SD – Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS
СД – Служба безопасности рейхсфюрера СС

SÜKW – staatliches Überlandkraftwerk
ГРЭС – государственная районная электростанция

VSG – Vollständige Sammlung der Gesetze des Russischen Kaiserreichs ()
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ZGAfKFTD SPb – Zentrales Staatsarchiv für Kino-, Foto- und Tondokumente der Stadt Sankt Petersburg
ЦГАКФФД СПб – Центральный государственный архив кинофонофотодокументов Санкт-Петербурга

ZGIA SPb – Historisches Zentralarchiv der Stadt Petersburg
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	– Библиотека Российской академии наук
BRAW	– Bibliothek der Russischen Akademie der Wissenschaften
ВСХВ	– Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
GSLA	– Gesamtsowjetischen Landwirtschaftsausstellung
ГКО	– Государственный комитет обороны
GKO (SKV)	– Staatskomitee für Verteidigung
ГРЭС	– государственная районная электростанция
SÜKW	– staatliches Überlandkraftwerk
ГЭС	– гидроэлектростанция
KW	– Kraftwerk
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
BAK	– Besserungsarbeitskolonie
МОПР	– Международная организация помощи борцам революции
IRH	– Internationale Rote Hilfe
МТС	– машинно-тракторная станция
MTS	– Maschinen- und Traktoren-Station
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
NKWD	– Volkskommissariat für Innere Angelegenheiten
ОГИК музей	– Омский государственный историко-краеведческий музей
OSGHM	– Staatliches Geschichts- und Heimatkundemuseum von Omsk
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
GmbH	– Gesellschaft mit beschränkter Haftung ()
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
VSG	– Vollständige Sammlung der Gesetze des Russischen Kaiserreichs ()
ПФЛ	– проверочно-фильтрационный лагерь
PFL	– Prüfungsfiltrationslagern
ПФП	– проверочно-фильтрационный пункт
PFP	– Prüfungsfiltrationspunk

РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
RGADA	– Russisches Staatsarchiv für alte Dokumente
РГИА	– Российский государственный исторический архив
RGIA	– Russisches Historisches Staatsarchiv
РНБ	– Российская национальная библиотека
RNB	– Russische Nationalbibliothek
РНЦВ	– Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга
DRBZ	– Russisch-Deutsches Begegnungszentrum
РЭМ	– Российский этнографический музей
REM	– Russisches Ethnographisches Museum
СД	– Служба безопасности рейхсфюрера СС
SD	– Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS
СМУ	– строительно-монтажное управление
BMB	– Bau- und Montagebetrieb
ЦГАКФФД СПб	– Центральный государственный архив кинофонофотодокументов Санкт-Петербурга
ZGAfKFTD SPb	– Zentrales Staatsarchiv für Kino-, Foto- und Tondokumente der Stadt Sankt Petersburg
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ZGIA SPb	– Historisches Zentralarchiv der Stadt Petersburg

DANK FÜR DIE ERTEILUNG VON AUSKÜNFTEN UND FÜR DIE HILFE BEI DER SAMMLUNG VON MATERIALIEN

Amann Albert Petrowitsch – Familie Amann (St. Petersburg)
Archiptschenko Irina Alexandrowna – Familie Eidemüller (St. Petersburg)
Arsenjewa Elena Jakowlewna – Familie Pletzer (St. Petersburg)
Bauer Walentina Jakowlewna (†) – Familie Bauer (St. Petersburg)
Beimler Taissia Wassiljewna – Familie Beimler (St. Petersburg)
Bitsch Irina Olegowna – Familie Bitsch (St. Petersburg)
Brenner Alexandra Georgiewna – Familie Brenner (St. Petersburg)
Bühler Ewgeni Jakowlewitsch – Familien Bühler und Fink (St. Petersburg)
Butorina Olga Witaljewna – Familie Kraubner (Moskau)
Ermakowa Olga Anatoljewna – Familie Vogelsang (Krasnojarsk)
Frolowa Tamara Michajlowna – Familie Breiner (St. Petersburg)
Gleserow Sergei Ewgenjewitsch (St. Petersburg)
Gorbatenko Sergei Borisowitsch (St. Petersburg)
Gudkowa Lidia Andreewna – Familie Kuhn (Liepaja (Libau), Lettland)
Ippolitowa Galina Alexeewna (St. Petersburg)
Jakusch Sergei – Familie Stroh (Krasnojarsk)
Knjasewa Elena Ewgenjewna (St. Petersburg)
Kulagina Elena Nikolaewna (St. Petersburg)
Kusnezowa Elena Adolfowna – Familien Pahl und Kern (Feodossija)
Lewizkaja Marina Wladimirowna (†) – Familie Gerlemann (St. Petersburg)
Meier Rudolf Rudolfowitsch – Familie Meier (Kansk)
Moosmann Elisabeth Martinowna – Familie Fleischmann (Leipzig, Deutschland)
Nikolajewa Elena Alexandrowna – Familie Turnherr (Samara)
Pusejkina Larisa Nikolaewna (St. Petersburg)
Ritter Tatiana Gennadiewna – Familien Ritter und Walliser (St. Petersburg)
Schäfer Viktor Fjodorowitsch (†)– Familien Eidemüller und Schäfer (St. Petersburg)

Schirjajewa Galina Iossifowna – Familie Bühler (Kansk)
Schmidt Sergei Alexandrowitsch – Familie Schmidt (St. Petersburg)
Senkewitsch Swetlana Igorewna (St. Petersburg)
Skorodumowa Emma Nikolaewna – Familien Brenner und Lefler (St. Petersburg)
Sysoewa Natalia Michailowna (Санкт-Петербург)
Tarasenko Pjotr Nikolajewitsch (St. Petersburg)
Tichomirowa Anna Jakowlewna – Familie Nagelmann (St. Petersburg)
Uralskaja Natalja Petrowna – Familie Kraubner (St. Petersburg)
Wall Maria Ernestowna (Koblenz, Deutschland)
Woitjuk Emilia Alexandrowna – Familie Jung (St. Petersburg)
Zelowowa Walentina Michailowna – Familie Becker (Siedlung „Swerdlowa" im Leningrader Gebiet)

БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ И ПОМОЩЬ В СБОРЕ МАТЕРИАЛОВ

Аман Альберт Петрович, потомок семьи Аман (Санкт-Петербург)
Арсеньева Елена Яковлевна, потомок семьи Плетцер (Санкт-Петербург)
Архипченко Ирина Александровна, потом семьи Эйдемиллер (Санкт-Петербург)
Баймлер Таисия Васильевна, потомок семьи Баймлер (Санкт-Петербург)
Бауэр Валентина Яковлевна, потомок семьи Бауэр (Санкт-Петербург)
Биллер Евгений Яковлевич, потомок семьи Биллер и Финк (Санкт-Петербург)
Бич Ирина Олеговна, потомок семьи Бич (Санкт-Петербург)
Бреннер Александра Георгиевна, потомок семьи Бреннер (Санкт-Петербург)
Буторина Ольга Витальевна, потомок семьи Краубнер (Москва)
Валл Мария Эрнестовна (Кобленц, Германия)
Войтюк Эмилия Александровна, потомок семьи Юнг (Санкт-Петербург)
Глезеров Сергей Евгеньевич (Санкт-Петербург)
Горбатенко Сергей Борисович (Санкт-Петербург)
Гудкова Лидия Андреевна, потомок семьи Кун (Лиепая, Латвия)
Ермакова Ольга Анатольевна, потомок семьи Фогельгезанг (Красноярск)
Зенкевич Светлана Игоревна (Санкт-Петербург)
Ипполитова Галина Алексеевна (Санкт-Петербург)
Князева Елена Евгеньевна (Санкт-Петербург)
Кузнецова Елена Адольфовна, потом семьи Паль и Керн (Феодосия)
Кулагина Елена Николаевна (Санкт-Петербург)
Левицкая Марина Владимировна, потом семьи Герлеман (Санкт-Петербург)
Мейер Рудольф Рудольфович, потомок семьи Мейер (Канск)
Моосман Елизавета Мартыновна, потомок семьи Флейшман (Лейпциг, Германия)
Николаева Елена Александровна, потомок семьи Турнгер (Самара)
Пузейкина Лариса Николаевна (Санкт-Петербург)
Риттер Татьяна Геннадьевна, потомок семьи Риттер и Вализер (Санкт-Петербург)
Скородумова Эмма Николаевна, потомок семьи Бреннер и Лефлер (Санкт-Петербург)
Сысоева Наталья Михайловна (Санкт-Петербург)
Тарасенко Петр Николаевич (Санкт-Петербург)
Тихомирова Анна Яковлевна, потомок семьи Нагельман (Санкт-Петербург)
Уральская Наталья Петровна, потомок семьи Краубнер (Санкт-Петербург)
Фролова Тамара Михайловна, потомок семьи Брейнер (Санкт-Петербург)
Ширяева Галина Иосифовна, потом семьи Биллер (Канск)
Целовова Валентина Михайловна, потомок семьи Беккер (пос. им. Свердлова Ленинградская обл.)
Шефер Виктор Федорович, потомок семьи Эйдемиллер и Шефер (Санкт-Петербург)
Шмидт Сергей Александрович, потомок семьи Шмидт (Санкт-Петербург)
Якуш Сергей, потомок семьи Штро (Красноярск)

NOTIZEN

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Populärwissenschaftliche Ausgabe
Научно-популярное издание

DEUTSCHE SIEDLER UM ST. PETERSBURG: HISTORISCHE KULTURLANDSCHAFT

Ausstellungskatalog

НЕМЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ ПОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Каталог выставки

Zusammenstellung und Redaktion:
Dr. I. W. Tscherkasjanowa

Редактор-составитель
И. В. Черказьянова

Redaktionsschluss 25.09.2014
Подписано в печать 25.09.2014